

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Въходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — Jessamine Cottage,
New Hampton, Middlesex.

ЛИСТЪ 193.

1 ЯНВАРЯ 1865.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—1865—Дѣло Н. Г. Чернышевскаго—Письма къ противнику (Письмо второе). Смѣсь: Гониміе въ пользу иностранной церкви.

1865.

Въ виду тяжелыхъ событій послѣднихъ двухъ лѣтъ, намъ приходилось не одинъ разъ высказывать наши убѣжденія, мы считаемъ, вступая въ новый годъ, излишнимъ повторять нашъ символъ вѣры и нашъ протестъ.

Мы продолжаемъ нашъ путь, а не вступаемъ въ другой.

Колоколъ остается чѣмъ онъ былъ—*органомъ социальнаго развитія въ Россіи*. Онъ будетъ, какъ прежде, противъ всего что мѣшаетъ этому развитію и за всё что ему способствуетъ.

Мѣшаетъ ему—военно-кацелярское управленіе, сословныя права, господствующее духовенство, невѣжество образованныхъ, сбивчивыя понятія, идолопоклонство передъ государствомъ, которому жертвуютъ всѣмъ—благостояніемъ лицъ и массъ, умомъ и сердцемъ. Все это вмѣстѣ не сломить тѣхъ началъ, глубоко заключенныхъ въ бытъ народномъ, на которыхъ основано наше упованіе. Не сломили же ихъ ни татары, ни нѣмцы, ни Москва, ни Петербургъ—сколько ни задерживали развитія, сколько ни искажали его, марая народъ пенужной кровью и незаслуженной грязью.

Противъ этихъ тѣмныхъ силъ, опертыхъ на невѣденіи однихъ и на корысти другихъ, мы будемъ бороться, какъ прежде, и еще больше чѣмъ прежде зовемъ на помощь.

Пора сосредоточить мысль и силы, уяснить цѣли и сосчитать средства.

Пропаганда явнымъ образомъ распадается на двое. Съ одной стороны слово, совѣтъ, анализъ, обличеніе, теорія; съ другой—образованіе круговъ, устройство путей, внутреннихъ и вѣшнихъ сношеній. На первое мы посвящаемъ всю нашу дѣятельность, всю нашу преданность. Второе не можетъ дѣлаться за границей. Это дѣло, котораго мы ждемъ въ ближайшемъ будущемъ.

А. ГЕРЦЕНЪ,

П. ОГАРЕВЪ.

ДѢЛО Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО(1).

Титулярный совѣтникъ Чернышевскій, занимавшійся литературою, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала “Современникъ”. Журналъ этотъ своимъ направленіемъ обратилъ на себя вниманіе правительства. Въ немъ развивались по преимуществу матеріалистическія и социалистическія идеи, стремящіяся къ отрицанію религіи, нравственности и закона, такъ что правительство признало нужнымъ прекратить на нѣкоторое время изданіе сего журнала и одновременно съ симъ открылись обстоятельства, которыя указали правительству въ Чернышевскомъ одного изъ зловредныхъ дѣятелей въ отношеніи къ государству. Обстоятельства сіи состояли въ слѣдующемъ:

Управляющій III отд. соб. е. и. в. канцеляріи получилъ безымянное письмо, въ коемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, “этого коновода юношей, хитраго социалиста”; онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличатъ; его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого вреднаго человѣка; всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя, что его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральныя отделились отъ него. “Если не удалите Чернышевскаго, пишетъ авторъ письма, быть бѣдѣ, будетъ кровь; эти шайки бѣшеныхъ демагоговъ отчаянныя головы, эта ‘молодая Россія’ высказала въ своемъ прозекѣ всѣ звѣрскія наклонности; можетъ быть перебьютъ ихъ, но сколько невинной крови прольется за нихъ. Въ Воронежѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ—вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ социалистовъ, вездѣ они разжигаютъ молодежь. Чернышевскаго отправьте куда хотите, но поскорѣ отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго, ради общаго спокойствія”(2).

Въ концѣ Іюня 1862 года получено было въ III отдѣленіи уведомленіе, что изъ Лондона ѣдетъ Вѣтошкинъ, знакомый съ Герценомъ и Бакунинымъ и везетъ съ собою запрещенныя изданія Герцена, Огарева и др. и вмѣстѣ съ тѣмъ и корреспонденціи отъ пропагандистовъ. При арестованіи Вѣтошкина, между прочими письмами, оказалось у него письмо изгнан-

(1) Официальный документъ.

(2) “Во доносамъ въ безымянныхъ пасквиляхъ и подметныхъ письмахъ не производить слѣдствія” (ст. 52, кнѣга II закон. уголовныхъ, Т. XV Свода закон. изд. 1857 года).

ника и пропагандиста Герцена къ Серпо-Соловьевичу, въ коемъ онъ убѣждаетъ распространять пропаганду въ Россіи и въ концѣ письма приписка: “Мы здѣсь или въ Женевѣ намѣрены съ Чернышевскимъ издавать Современникъ”(3). По поводу письма сего Чернышевскій 7 Іюля 1862 г. былъ арестованъ и у него былъ сдѣланъ обыскъ, при коемъ найдены слѣдующія, относящіяся къ дѣлу бумаги: 1) Анонимная записка съ увѣдомленіемъ, что дѣло о манифестаціи въ Думѣ(4), по высочайшему повелѣнію, остановлено безъ разсмотрѣнія и безъпокойствъ по этому дѣлу никого не будутъ. 2) Переписка Чернышевскаго съ Андриевскимъ, коему онъ предлагаетъ быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами, для разъясненія причины прекращенія публичныхъ лекцій. 3) Письмо, по почерку Бартюкова(?), въ которомъ замѣчательны слова: “Москва запита теперь Тверскими происшествіями, говорятъ революція будетъ”. 4) Письмо Герцена безъ подписи, а потому неизвѣстно кому адресованное, со многими выскобленными словами, гдѣ онъ опровергаетъ совѣтъ Чернышевскаго не увлекать юношество въ литературный союзъ, ибо изъ этого ничего не выйдетъ и предлагаетъ въ темныхъ выраженіяхъ проектъ организаціи какого-то общества или союза, избравъ центрами дѣятельности ярмарки Нижегородскую, которую ибудь изъ Днѣпровскихъ и Ирбитскій или иной Урало-сибирскій трактъ. 5) Анонимное письмо къ Чернышевскому, желающему испровергнуть существующій порядокъ, учредить демократію и за тѣмъ угрожаетъ ему самому гибелью. 6) Алфавитный ключъ на четырехъ картонныхъ бумажкахъ и наконецъ двѣ тетради, писанныя съ сокращеніями словъ, слоговъ и буквъ. Тетради эти заключаютъ въ себѣ дневникъ Чернышевскаго, относящійся еще къ тому періоду времени когда онъ еще не состоялъ въ брачномъ союзѣ, а былъ еще женихомъ. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли, къ дѣлу относящіяся: “Меня каждый день могутъ взять, какая будетъ тутъ моя роль. У меня ничего не найдутъ, но враги у меня сильные, что могу и другое дѣлать, сначала я буду молчать и молчать, наконецъ когда ко мнѣ будутъ приставать долго—это мнѣ надоѣстъ и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко и тогда едва-ли уже выйдемъ изъ крѣпости. Видите—я не могу жениться, не въ правѣ связать чей бы то ни было судьбы съ моею”. Чернышевскій, содержась въ крѣпости, 5 Октября 1862 года написалъ женѣ-своей письмо, въ коемъ говорилъ между прочимъ: “Паша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи, пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ и будутъ вспоминать о нихъ съ благодарностію, когда уже не будетъ всѣхъ кто жилъ съ нами”. Объясняя женѣ своей, что онъ намѣренъ составлять ‘Энциклопедію знанія и жизни’, онъ пишетъ: “Со времени Аристотеля не было дѣлано еще никѣмъ того, что я хочу дѣлать и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіи вѣковъ, какъ былъ Аристотель”.

(3) Я никогда не находился въ перепискѣ съ Чернышевскимъ. Я не могъ писать, что мы намѣрены издавать “Современникъ” съ нимъ, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго свидѣнія—хочетъ онъ или нѣтъ издавать “Современникъ” внѣ Россіи. Тутъ явная перестановка словъ для того, чтобы предложенію дать видъ соглашенія и оконченаго дѣла. Даже сепатъ остановился передъ этой продѣлкой. Запрещеніе “Современника” было объявлено въ газетахъ, мы тотчасъ предложили громко и открыто надателямъ “Современника” печатать его на нашъ счетъ за границей (‘Колок.’ л. 139, 1862). На наше предложеніе никогда не было ни малѣйшаго отзыва. Какъ-же я могъ писать объ этомъ положительно и къ тому же въ Россію? Ужъ не служу-ли послѣ этого и я въ тайной полиціи?—А. Герценъ.

(4) На лекціи профессора Костомарова въ Мартѣ 1862 года.

Между тѣмъ во время производства изысканія по дѣлу Чернышевскаго, Всеволодъ Костомаровъ, судившійся въ Москвѣ за печтаніе запрещенныхъ сочиненій, по высочайшему повелѣнію разжалованъ въ рядовые на Кавказъ. При превожденіи его къ мѣсту назначенія, съ жандармскимъ офицеромъ Чулковымъ, дорогою въ Тулѣ заболѣлъ, а 5 Марта 1863 года написалъ письмо нѣкому Соколову въ Петербургъ. Письмо это Чулковъ представилъ начальнику III отдѣленія. Письмо это заключаетъ подробный рассказъ Костомарова, какимъ образомъ онъ вовлеченъ былъ въ преступленіе, за которое судился, Чернышевскимъ; какимъ образомъ Чернышевскій съ Михайловымъ сочинили воззваніе “Къ барскимъ крестьянамъ”, а полковникъ Шелгуновъ воззваніе “Къ солдатамъ” и дали ему для напечатанія черезъ студента Сороку, съ конемъ онъ прѣзжалъ въ Петербургъ изъ Москвы. Отрывая подробно личность Чернышевскаго, какъ агитатора, который совратилъ съ пути истиннаго нѣскольکو юношей, онъ такъ характеризуетъ его, сравнивая его съ Самсономъ, онъ говоритъ: “что израильянинъ бытъ такъ непрактиченъ, что разнатовъ столбы зданія, итемятися въ самую средину его и повалилъ обломки на себя. Нашъ Самсонъ т. е. Чернышевскій разсуждаетъ иначе, онъ полагаетъ: чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ разваливать его, а самъ посижу пока въ сторонѣ; коли разваливать—хорошо, я займусь тогда постройкою новаго, а не разваливать—надорвутся, такъ мнѣ-то что? Я-то всячески цѣль останусь”. Далѣе Костомаровъ пишетъ другу своему, что напрасно онъ будетъ укорять его, что не открылъ въ свое время всего, что въ его рукахъ были средства усадить Чернышевскаго на свое мѣсто, что въ его рукахъ была возможность сдѣлать то, чтобы тебѣ септенціи за составленіе воззванія “къ барскимъ крестьянамъ” относились не къ нему, а къ Чернышевскому, тогда онъ долженъ былъ молчать, по теперь, когда уже совершилось, говорить въ немъ горькая боль оскорбленнаго сердца. Выгораживая Чернышевскаго и Шелгунова изъ этого дѣла, онъ предалъ себя, онъ виновать въ этомъ передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго ученіемъ Чернышевскаго, приносятъ такіе горькіе, отравленные плоды. Затѣмъ Костомаровъ описываетъ какъ Михайловъ привезъ и рекомендовалъ его Чернышевскому, какъ они втроемъ въ кабинетѣ читали сочиненіе Чернышевскаго—“воззваніе къ барскимъ крестьянамъ” и какъ онъ не соглашался напечатать его, если Чернышевскій не смягчитъ выраженій этого воззванія, взывающаго къ рѣзкѣ. Чернышевскій не соглашался сначала на это, но потомъ измѣнилъ нѣсколько. Потомъ идетъ описаніе какъ Шелгуновъ сочинилъ “воззваніе къ солдатамъ”, ходилъ въ казармы читать это воззваніе и уговаривать солдатъ—какъ Чернышевскій диктовалъ ему, Костомарову, воззваніе “къ раскольникамъ”, которое онъ впоследствии уничтожилъ(5).

По распоряженію III отд. Костомаровъ былъ возвращенъ изъ Тулы въ Петербургъ и при немъ найдены письма Михайлова и записка карандашомъ(!) слѣдующаго содержанія:

(5) Всеволодъ Костомаровъ—былъ уже прежде извѣстенъ доносомъ: умысленно разжаловать въ солдаты агента тайной полиціи и послать его съ жандармскимъ офицеромъ съ тѣмъ, чтобы они сочинили клевету на человека, котораго иначе обвинить было не въ чемъ, а обвинить хотѣлось—какъ это хитро! На какомъ законѣ основываясь, правительство начало слѣдствіе подлого и? И подлогъ этотъ скривленъ высочайшимъ рѣшеніемъ! Чтоже—государь участвуетъ въ подлогѣ? Или онъ жалкая игрушка въ рукахъ злодѣевъ?

“В. Р. Въмѣсто ‘срочно-обязанныхъ’ (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня) — наберите вездѣ ‘временно-обязанныхъ’, какъ это называется въ Положеніяхъ. Вашъ Чер.”. Костомаровъ объяснилъ, что записку эту напечатавъ Чернышевскій бывши у него въ Москвѣ, но не заставши его дома, когда уже дано было ему для напечатанія ‘воззваніе къ барскимъ крестьянамъ’. По по предъявленію этой записки Чернышевскому, онъ не призналъ ее своею. По сличеніи почерка руки Чернышевскаго съ его запискою, секретари сената пашли, что хотя въ общемъ характерѣ *письма сходства* съ почеркомъ Чернышевскаго, но многія буквы, а именно 12 изъ 25-ти составляющихъ записку имѣютъ сходство. Присутствие же сената пашло, что и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки и въ общемъ характерѣ почерка ея есть совершенное сходство съ почеркомъ руки Чернышевскаго(6). Въ сочиненіи ‘воззванія къ барскимъ крестьянамъ’ Костомаровъ обвиняетъ Чернышевскаго, экземпляръ котораго переписанный всизвѣстно кѣмъ(!), находится въ дѣлѣ Костомарова. Воззваніе это, будучи написано языкомъ простонароднымъ, заключаетъ въ себѣ превратныя толкованія Положенія 19-го Февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ. Въ немъ говорится, что государь обманулъ крестьянъ и что на основаніи Положенія они будутъ еще въ большей кабалѣ, чѣмъ были доселѣ и окончательно раззорятся; затѣмъ объясняетъ крестьянамъ въ чемъ именно состоитъ воля, приводится въ примѣръ Франція, Англія, гдѣ нѣтъ будто ни подушныхъ, ни рекрутства, ни паспортовъ, гдѣ всѣмъ управляетъ народъ и гдѣ цари находятся подъ властью народа, который выбираетъ и смѣняетъ царей, если они не нравятся ему. Въ заключеніи авторъ прокламаціи приглашаетъ “барскихъ крестьянъ” сговориться добывать себѣ волю въ тайнѣ, подговаривать къ тому же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и солдатъ, а когда все будетъ готово, онъ обѣщаетъ дать сигналъ къ общему возстанію. Въ этомъ воззваніи вездѣ упоминаются “срочно-обязанные”, каковую ошибку, какъ выше упомянуто, просилъ Костомарова Чернышевскій поправить при напечатаніи. Кромѣ сего жандармскій офицеръ довелъ Потапову, что во время остановки его съ Костомаровымъ, по случаю болѣзни его, прежде приѣзда въ Тулу, въ Москвѣ его посѣтилъ мѣщанинъ Яковлевъ, желавшій проститься съ нимъ. Изъ разговоровъ ихъ онъ замѣтилъ, что Яковлеву хорошо извѣстны всѣ отношенія Костомарова къ Чернышевскому, о чемъ онъ предложилъ Яковлеву подтвердить письменно, на что послѣдній согласился.

Показаніе Яковлева состоитъ въ слѣдующемъ: лѣтомъ 1861 года онъ былъ переписчикомъ бумагъ и сочиненій у Костомарова. Занимаясь у него, онъ очень часто видѣлъ у него, приѣхавшаго изъ Петербурга, какого-то знаменитаго писателя Н. Г. Чернышевскаго. Однажды, когда онъ занимался перепискою бумагъ, по случаю лѣтняго времени въ садовой бесѣдкѣ Костомарова, онъ слышалъ между ними, ходившими въ саду подъ руку другъ съ другомъ, слѣдующіе разговоры: “Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля вышла”. Называя статью эту своею, Чернышевскій просилъ Костомарова скорѣе напечатать ее. Не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго и не понимая точнаго смысла ихъ, онъ тогда оставилъ это безъ вниманія. Но нынѣ узнавъ, что

Костомаровъ осужденъ за какія-то противозаконныя дѣйствія и желая оградить себя отъ всякой отвѣтственности, онъ долгомъ считаетъ довести до свѣденія правительства слышанный имъ разговоръ. На предложенные Костомарову высочайше-утвержденною слѣдственною комиссіею вопросы, онъ подтвердилъ все изложенное имъ въ письмѣ къ Соколову. Потаповъ препроводилъ въ комиссію — полученную имъ черезъ московскаго губернскаго прокурора докладную записку, содержащуюся въ смирительномъ домѣ мѣщанина Яковлева и переписку конторы московскаго смирительнаго и рабочаго домовъ. Изъ бумагъ этихъ видно, что Яковлевъ отправился въ Петербургъ для допесенія объ отношеніяхъ Костомарова къ Чернышевскому, по на Тверской станціи Николаевской желѣзной дороги за буйство и пьянство былъ взятъ въ полицію и препровожденъ къ московскому оберъ-полицмейстеру, а отъ него въ домъ градскаго общества, которое отправило его за вышеозначенныя проступки въ смирительный домъ на 4 мѣсяца. По вытребованіи Яковлева и студента Сороки въ Петербургъ, они, на данные имъ вопросы отвѣчали: Сорока, что хотя онъ и приѣзжалъ съ Костомаровымъ въ Петербургъ и хотя знакомъ былъ съ Михайловымъ, но “воззванія къ барскимъ крестьянамъ” Костомарову не передавалъ, а передалъ ему запечатанное письмо отъ Михайлова; съ Чернышевскимъ же лично знакомъ не былъ. Показаніе же Сорока подтвердилъ и на очныхъ ставкахъ съ Костомаровымъ, не смотря на улики послѣдняго. Яковлевъ же подтвердилъ прежнее свое показаніе и по предъявленіи ему Чернышевскаго подтвердилъ, что онъ есть то самое лицо, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ.

Редакторъ журнала “Современникъ” Некрасовъ представилъ генералъ-маіору Потапову, полученное имъ по почтѣ письмо изъ Москвы, въ коемъ пишущіе объясняютъ, что они находятся арестованными въ смирительномъ домѣ. На страстной недѣлѣ къ нимъ явился какой-то мѣщанинъ Яковлевъ и объяснилъ, что онъ также содержится за политическое преступленіе и обратился къ нимъ за совѣтомъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ по весьма важному дѣлу, но на Тверской станціи выпилъ и забуянилъ и за это управленіе Николаевской желѣзной дороги передало его въ руки полиціи, которая посадила его въ рабочій домъ. На вопросъ по какому дѣлу онъ ѣздитъ къ Потапову, Яковлевъ отвѣтилъ: “Я былъ знакомъ съ Костомаровымъ, на дняхъ получилъ записку безъ подписи, въ коей меня приглашаютъ въ гостиницу Венеція No. 18. Явившись туда, я былъ изумленъ, встрѣтивъ Костомарова въ солдатской шинели и съ жандармскимъ офицеромъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: ‘вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу. Мать моя научитъ тебя что дѣлать и если ты послѣдуешь ея наставленіямъ, то будешь хорошо награжденъ’.

— А Костомаровъ не говорилъ вамъ что именно придется дѣлать?—Спросили они.

— Говорилъ, что долженъ дать въ III-мъ отдѣлѣ показаніе, будто бы слышалъ какъ Чернышевскій въ разговорѣ съ Костомаровымъ сказалъ слѣдующую фразу: ‘Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!’. Я не знаю что значатъ эти слова и зачѣмъ Костомарову нужно, чтобы я далъ такое показаніе. Скажите, если я дамъ такое показаніе, можетъ-ли Потаповъ что нибудь сдѣлать для меня? Можетъ-ли освободить изъ рабочаго дома?

(6) Видно у дряхлыхъ сенаторовъ глаза поговорчивѣе чѣмъ у секретарей!

— Ну это вряд-ли. Мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ будетъ скорѣе васъ преслѣдовать, потому что по закону ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію.

— Я уже подалъ Потапову отсюда прошеніе — сказалъ Яковлевъ — меня скоро потребуютъ въ Петербургъ, самъ не знаю что дѣлать.

— Мы сказали ему на это, что лучше сказать правду.

Мы не вѣримъ Яковлеву, зная, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что судился вмѣстѣ съ нами въ сенатѣ и приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и къ ссылкѣ въ солдаты на Кавказъ. 4 Марта 1863 г. мы удивились увидѣвъ Яковлева на дворѣ съ жандармами : намъ сказали, что его отправляютъ въ Петербургъ. Вспомнивъ разговоръ нашъ съ нимъ, мы невольно пришли къ предположенію, что Чернышевскій дѣйствительно обвинялся въ какомъ либо преступленіи политическомъ, что Костомаровъ и его семейство съ помощью Яковлева хотятъ подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвиненію суда.

Все это заставило пишущихъ обратиться съ просьбою къ Некрасову, который представилъ письмо это куда слѣдуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго приговора суда. Все это они готовы, въ случаѣ надобности, подтвердить передъ судомъ присягою. Подписали : *Гольцъ-Миллеръ, Ильенко-Петровский, Новиковъ, Сулинъ, Яценко.*

Коммиссія положила вслѣдствіе такого поступка Яковлева и безправственнаго его поведенія, не ожидая окончанія 4-хъ мѣсячнаго срока заключенія его въ рабочемъ домѣ, на которое онъ приговоренъ своимъ обществомъ, отправить его на жительство въ Архангельскую губернію, на что испрошено высочайшее повелѣніе, которое и послѣдовало.

Чернышевскій же во взведенныхъ на него Костомаровымъ обвиненіяхъ не сознался, подтвердивъ его заpirationствомъ и на очной ставкѣ съ Костомаровымъ.

Литераторъ Михайловъ, судившійся въ сенатѣ за распространеніе привезеннаго имъ изъ Лондона возмутительнаго воззванія “къ молодому поколѣнію” и сосланный на каторгу. во время производства надъ нимъ въ сенатѣ слѣдствія, между прочимъ показалъ : что онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ воззванія и “къ барскимъ крестьянамъ” и “къ солдатамъ”, изъ коихъ послѣднее переписывалъ и поправлялъ, но не открылъ никого изъ своихъ сообщниковъ. Правительствующій сенатъ испрашивалъ высочайшее повелѣніе, слѣдуетъ ли Михайлова судить отдѣльно за то преступленіе, за которое онъ былъ преданъ суду 1-го отдѣл. 5-го департ. сената, т. е. за распространеніе воззванія “къ молодому поколѣнію” или совокупно съ падающимъ на него обвиненіемъ въ отношеніи сочиненія воззванія “къ барскимъ крестьянамъ и къ солдатамъ”. Государь императоръ высоч. повелѣтъ соизволилъ : судить Михайлова за распространеніе прокламации “къ молодому поколѣнію” отдѣльно отъ другихъ падающихъ на него обвиненій(7).

По поступленіи дѣла о Чернышевскомъ въ правительствующій сенатъ, оберъ-прокуроръ, по порученію управляющаго министерствомъ юстиціи, предложилъ на совокупное разсмотрѣніе съ дѣломъ о Чернышевскомъ, полученное въ III отд. письмо Чернышевскаго къ Алексію Николаевичу (вѣроятно Плещееву). Письмо это слѣдующаго содержанія :

(7) Какимъ же образомъ Михайловъ, приговоренный къ каторгѣ 14 Декабря 1861 года, могъ, въ дѣлѣ Чернышевскаго, арестованнаго 7 Іюля 1862 года, показывать сенату по вопросамъ, которые въ 1861 г. не были подняты ?

“Добрый другъ Алексій Николаевичъ ! Можетъ быть вы справедливо упрекаете меня за слишкомъ большую довѣренность, оказанную людямъ едва мнѣ знакомымъ. Я самъ очень хорошо знаю, что не смотря на всѣ принятые мною предосторожности, рискую очень многимъ; но кто виноватъ? Вы знаете, что времени терять нельзя — теперь или никогда! Тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ, слабостію ничѣмъ неоправдываемою, ошибкою никогда неспиранимою. Вы вотъ уже около года водите насъ своимъ станкомъ и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ чтобы дѣло наше было выиграно. Въ то время какъ вы откладывали со дня на день, намъ подвернулись подъ руки люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустенькіе, но все таки энергичные и болѣе года занимавшіеся тайнымъ печатаніемъ, стало быть вести свое дѣло умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ не успѣха, самая большая доля отвѣтственности падетъ на нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе вы все таки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ повредить намъ, потому что я уже не отъ одного васъ слышу, что Сулинъ (или какъ тамъ его) хвастается знакомствомъ со мною, рассказываетъ будто я отдалъ ему для напечатанія свое сочиненіе. Старайтесь затушить эти слухи; это будетъ вамъ тѣмъ болѣе легко, что, какъ я слышалъ, ни Сулинъ, ни Сорока не пользуются въ Москвѣ репутаціей людей положительныхъ и дѣльных. Что касается Костомарова, то на него можно положиться, хотя конечно и съ нимъ черезчуръ откровенничать не слѣдуетъ, не испытавъ предварительно его на дѣлѣ. Впрочемъ онъ мнѣ кажется человѣкомъ дѣльнымъ и полезнымъ и во всякомъ случаѣ весьма благодарю васъ за знакомство съ нимъ. Я ничего не пишу вамъ теперь о литературныхъ дѣлахъ, хотя накопилось довольно много новостей для васъ не безынтересныхъ. По обыкновенію спѣшу или лучше сказать спѣшитъ Костомаровъ, съ которымъ я отправляю это письмо. Вы все по прежнему продолжаете сомнѣваться въ добромъ исходѣ нашего дѣла, такъ негодится! Больше энергіи, больше вѣры въ успѣхъ, дремать грѣшно въ такое удобное время, когда все проснулось. Оттого у васъ ничего не выходитъ. Нѣтъ, мы не теряемъ времени въ безплодномъ раздумьи. Посмотрите какихъ чудесъ надѣлалъ Л. съ своими офицерами или 23 въ Паншювкѣ. Ваша работа легче, а подвигается медленнѣе. Отчего? Энергіи мало! мало силы, мало воли! Совсѣмъ некогда. Жму вашу руку. Вашъ Ч.

“Скоро буду писать черезъ К—ва”.

Письмо сіе предъявлено было Чернышевскому въ присутствіи сената и, по содержанію онаго, онъ былъ допрошенъ. По Чернышевскій въ данныхъ отвѣтахъ объяснилъ, что письмо сіе писано не имъ, о содержаніи онаго отозвался невѣденіемъ. Вслѣдствіе заключенія сената, дѣлаемо было секретарями сената сличеніе почерка руки Чернышевскаго съ почеркомъ, коимъ писано сіе письмо и секретари единогласно признали, что какъ это письмо, такъ и бумаги въ дѣлѣ падающіяся, писаны однимъ почеркомъ(8). Присутствіе 1-го отд. 5-го департамента, сличивъ съ своей стороны почеркъ Чернышевскаго съ письмомъ симъ, признало вышеозначенное заключеніе секретарей правильнымъ и посему опредѣлило заключеніе сіе утвердить во всей силѣ

(8) Какъ же это гг. секретари — разъ такъ, а разъ иначе ?

Рядовой Костомаровъ, бывъ вытребованъ въ присутствіе сената, подтвердилъ прежнія объясненія свои, касательно сношеній своихъ съ Чернышевскимъ, о письмѣ семъ объяснилъ, что оно дано было ему Чернышевскимъ, для передачи Плещееву, но онъ его гдѣ-то *затерялъ*, а послѣ нашелъ его за подкладкой своего сакъ-воля, но какъ оно было изломано и разорвано (письмо это дѣйствительно получено въ сенатѣ разорвано и со слѣдами *подчистки*)(9), то отдать его Плещееву было совѣстно.(!)

Подсудимый Чернышевскій во всѣхъ вышеизложенныхъ, взведенныхъ на него обвиненіяхъ, ни на допросахъ въ слѣдственной комиссіи, ни на передопросахъ въ правительствующемъ сенатѣ, ни на очной ставкѣ съ Костомаровымъ—не сознался, не отвергая впрочемъ знакомства своего ни съ Костомаровымъ, ни съ Михайловымъ. На очной ставкѣ съ Костомаровымъ въ слѣдственной комиссіи онъ сказалъ: “Я поспѣю, умру, но не перемѣню своего показанія”. Знакомство свое съ Костомаровымъ онъ объяснялъ тѣмъ, что покровительствовалъ ему, какъ молодому, начинающему литератору. Чернышевскій домогался передъ правительствующимъ сенатомъ, чтобы сличеніе почерка руки, коимъ писано было письмо къ Алексѣю Николаевичу, дозволено было ему произвести самому съ почеркомъ Костомарова и чтобы ему дали лупу, увеличивающую въ 10 или 12 разъ. По правительствующій сенатъ, имѣя въ виду, что при сличеніи соблюдены были всѣ требуемые закономъ обряды и формы, въ домогательствахъ его отказалъ(10).

Коллежскій регистраторъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ былъ вызванъ въ сенатъ, и, утверждая оному знакомство и литературныя отношенія свои съ Чернышевскимъ, ни въ какомъ противозаконномъ участіи съ нимъ не сознался, равно какъ и въ полученіи отъ него письма, посланнаго черезъ Костомарова(11), подъ заглавіемъ: “Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ!”

Изъ свѣдѣній о происхожденіи Чернышевскаго видно, что онъ сынъ священника, воспитывался первоначально въ семинаріи, а потомъ въ университетѣ, служилъ преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, былъ учителемъ гимназій въ Саратовѣ, потомъ причисленъ къ С.-петербургскому губернскому правленію и въ 1859 году вышелъ въ отставку. Отъ роду ему 35 лѣтъ, женатъ и имѣетъ двоихъ дѣтей.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ находить: что на подсудимаго Чернышевскаго возводятся три слѣдующія обвиненія:

1) Противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ—стремящимся пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія и участіе съ Герценомъ въ сихъ преступныхъ его замыслахъ. Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла видно, что основаніемъ къ тому служить только приписка Герцена въ письмѣ къ Серно-Соловьевичу, о намѣреніи его издавать съ Чернышевскимъ журналъ “здѣсь”, т. е. въ Лондонѣ или Женевѣ и письмо найденное у Чернышевскаго, неизвѣстно кому адресованное (по словамъ его) и

(9) Кто же это дѣлалъ подчистки? Неужели подчистки въ этомъ случаѣ служатъ противъ Чернышевскаго, а не доказываютъ обманчивый доносъ Костомарова? Хороша логика!

(10) Т. XV свода закон. ст. 286: “Судъ первой степени обязанъ доставить подсудимому всѣ средства къ оправданію”. — А сенатъ видно не обязанъ! Ст. 144: “Обвиняемый во все время производства слѣдствія имѣетъ неотъемлемое право представить все, что можетъ служить къ его оправданію”.

(11) Да вѣдь даже и Костомаровъ не говорилъ, что онъ отдалъ письмо Плещееву!

которое получено имъ по городской почтѣ, написанное Герценомъ или Огаревымъ, въ коемъ возражаютъ противъ убѣжденія Чернышевскаго не вовлекать юношества въ литературный союзъ. Чернышевскій съ своей стороны не сознался ни въ какихъ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ, объяснивъ, что дѣйствительно Михайлову, отправлявшемуся въ Лондонъ, онъ поручалъ сказать Герцену, чтобы онъ не вовлекалъ молодежь въ его противозаконныя планы. При такихъ основаніяхъ нѣтъ повода признавать Чернышевскаго виновнымъ въ участіи съ Герценомъ въ его стремленіяхъ пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, а посему, согласно 304 ст. 2 кн. тома XV св. зак. Уголов., обвиненіе сіе слѣдуетъ признать недоказаннымъ(12).

2) Сочиненіе возмутительнаго воззванія “къ барскимъ крестьянамъ”, переданное Костомарову для напечатанія, съ цѣлью распространенія. Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла оказывается, что подтвержденіемъ оному служить: а) Показаніе разжалованнаго изъ корнетовъ въ рядовые Всеволода Костомарова, подробно и обстоятельно объясниваго весь ходъ переговоровъ его съ Чернышевскимъ о печатаніи воззванія “къ барскимъ крестьянамъ”; б) Записка, найденная у Костомарова и оставленная у него Чернышевскимъ, въ которой послѣдній проситъ исправить ошибку его въ рукописи и напечатать вмѣсто “срочно-обязанные”—“временно-обязанные крестьяне”, какъ это значится въ Положеніяхъ 19 Февраля, что подтверждается рукописью въ дѣлѣ находящеюся, въ коей дѣйствительно написано “срочно-обязанные” и признанное присутствіемъ правит. сената совершенное сходство сей записки съ почеркомъ Чернышевскаго, какъ въ отдѣльных буквахъ, такъ и въ общемъ характерѣ; в) Показаніе мѣщанина Яковлева переписчика бумагъ у Костомарова съ Чернышевскимъ, который просилъ его скорѣе напечатать воззваніе къ барскимъ крестьянамъ; г) Показаніе бывшаго подъ судомъ правит. сената политическаго преступника Михайлова о томъ, что онъ имѣлъ у себя въ рукахъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ и передалъ его Костомарову. Такимъ образомъ показаніе это совпадаетъ съ показаніемъ Костомарова, объясниваго объ участіи Михайлова въ напечатаніи воззванія къ барскимъ крестьянамъ. Но Михайловъ, пойманный и уличенный государственный преступникъ, не будучи въ состояніи самъ избавиться отъ заслуженнаго имъ наказанія, скрываетъ своихъ сообщниковъ(13).

Къ опроверженію вышеизложенныхъ уликъ представлено токмо литераторомъ Некрасовымъ письмо, содержащихъ въ смирительномъ домѣ за политическія преступленія 5-ти лицъ, доказывающихъ будто бы Яковлевъ былъ подкупленъ Костомаровымъ къ ложному противъ Чернышевскаго показанію, имѣющее само по себѣ видъ стремленія осужденныхъ къ легчайшему наказанію спасти своего сообщника, еще не осужденнаго судомъ уголовнымъ, представляетъ и ту несообразность, что извѣтъ на Яковлева не представленъ начальству смирительнаго дома, которое по горячимъ слѣдамъ имѣло бы возможность раскрыть истину, а сообщено владѣльцу журнала, въ которомъ Чернышевскій развивалъ свои зловредныя идеи(14). Самъ Чернышевскій противъ уликъ сихъ

(12) Между тѣмъ Чернышевскій былъ арестованъ по поводу сношеній, признанныхъ недоказанными; а ст. 102 книга II, Т. XV говоритъ: “Если противъ кого либо будетъ обвиненіе, неподтвержденное ясными уликами, но не совсѣмъ уважительное, то, не приступая къ вѣзтю, полиція обязана... стараться удостовѣриться, есть-ли достаточная причина подвергнуть его уголовному слѣдствію”.

(13) Ст. 216, книга II, Т. XV: “не допускаются къ свидѣтельству подъ присягою—люди подкупленные въ свидѣтельству”. Едва-ли есть сомнѣніе, что Костомаровъ и Яковлевъ относятся въ этому роду свидѣтелей; развѣ они были допущены, потому что изъ дѣла не видно, чтобы они были приведены къ присягѣ—а по ст. 229 это необходимое условіе для допроса свидѣтелей. Что же касается до Михайлова, онъ едва-ли могъ дѣлать показанія, приведенныя въ дѣлѣ.

(14) “Если общія ссылки состоятъ изъ трехъ лицъ и по учиненію допроса двое изъ нихъ обвиняютъ одного въ живомъ показаніи, то подлежитъ рѣшить дѣло по показанію двухъ, а свидѣтельство одного оставить” (ст. 331 кн. II, Т. XV). Куда-же сенатъ дѣлалъ Гольцъ-Миллера, Сулина и другихъ?

никакого опровержения не представлял. Из сихъ уликъ вытекаетъ полное нравственное убѣжденіе, что воззваніе “къ барскимъ крестьянамъ” сочинилъ Чернышевскій и принималъ мѣры къ распространенію черезъ напечатаніе оного и

3) Приготовление къ возмущенію. Вещественнымъ доказательствомъ сего преступленія противъ Чернышевскаго служитъ находящееся въ дѣлѣ собственноручное (Т. XV св. закон. Уголов. кн. 2, ст. 326(15) и Т. X ч. 2, ст. 354) письмо Чернышевскаго къ нѣкому Алексѣю Николаевичу. Такимъ образомъ это письмо обращаетъ нравственное убѣжденіе виновности Чернышевскаго въ юридическое. Тому доказательствомъ (ст. 308 Т. XV)(16) служитъ то письмо, въ которомъ онъ, укоряя друга своего въ медленности приобрѣтенія орудія къ тайному печатанію и распространенію возмутительнаго воззванія, пишетъ, что они воспользовались случаемъ, когда имъ подвернулись люди, занимающиеся тайнымъ печатаніемъ — напечатать свой манифестъ. Несомнѣнно, что здѣсь идетъ рѣчь о Костомаровѣ, Силинѣ и Сорокѣ и о воззваніи “къ барскимъ крестьянамъ”, которое они взяли напечатать. Изъ этого письма явствуетъ, что ему были извѣстны другіе злоумышленники, возмущавшіе общественное спокойствіе распространеніемъ своихъ воззваній (А. и 23 въ Панцовкѣ). Изложенныя обстоятельства не допускаютъ сомнѣваться въ существованіи злоумышленія къ ниспроверженію правительства и въ принятіи Чернышевскимъ дѣятельнаго въ томъ участія съ приготовленіями къ возмущенію. Такимъ образомъ дѣйствія Чернышевскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія преступленія, предусмотрѣннаго въ Сводѣ Зак. Уголов. кн. I Т. XV о государст. преступл. ст. 283, т. е. участія въ злоумышленіи противъ правительства. Но принимая во вниманіе что таковыя злоумышленія Чернышевскаго открыты правительствомъ заблаговременно, при началѣ оныхъ, и ни смятенія — ни какихъ либо другихъ вредныхъ отъ того послѣдствій не произошло, Чернышевскій на точномъ основаніи 284 ст.(17) долженъ быть подвергнутъ наказанію по 3-ей или 4-ой степени (21 ст.). Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію степени предѣла надлежащаго Чернышевскому наказанія, сенатъ нашелъ, что Чернышевскій, будучи литераторомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала “Современникъ”, своею литературною дѣятельностью имѣлъ большое вліяніе на молодыхъ людей, въ коихъ развивалъ матеріалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и социалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его и указывая въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средство къ осуществленію вышеупомянутыхъ идей, былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему признаетъ справедливымъ подвергнуть Чернышевскаго строжайшему изъ наказаній 284 ст. поименованныхъ, т. е. ко 3-ей степени въ мѣрѣ близкой къ высшей, по упорному его заперательству, не смотря на несомнѣнные доказательства противъ него въ дѣлѣ имѣющіяся. Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи законовъ правит. сенатъ положилъ: отставнаго титулярнаго совѣтника, П. Г. Чернышевскаго, 35 лѣтъ, за злоумышленія къ ниспроверженію существующаго порядка, за принятіе мѣръ къ возмущенію и за сочиненіе возмутительнаго воззванія “къ барскимъ крестьянамъ” и передачу оного для напечатанія въ видахъ распространенія — *лишить правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибирь навсегда*(18).

(15) А ст. 324 признаетъ совершеннымъ доказательствомъ письменные документы только признаніе тѣмъ, противъ кого были представлены.

(16) Странная ссылка на статью, которая признаетъ за совершенное доказательство совокупность только такихъ несовершенныхъ доказательствъ, которыя исключаютъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго. Здѣсь же нѣтъ нѣльзя вѣрить ни врознь, ни совокупно.

(17) Еслибъ даже обвиненіе было и справедливо, то никакъ нельзя было приговорить Чернышевскаго къ наказанію по ст. 284, а развѣ по ст. 285, которая приговариваетъ къ каторгѣ отъ 8 до 10 лѣтъ, и слѣд. “благодѣльному монарху” можно было убавить ссылку на 4 года.

(18) И такъ слѣдствіе и судъ надъ Чернышевскимъ произведены въ противность здравому смыслу, честной правдѣ и всѣмъ, приведеннымъ нами въ примѣчаніяхъ, статьямъ Уголовныхъ Законовъ! Ай да Сенатъ!

Рѣшеніе это на основаніи 617 ст. 2 кн. Т. XV Свод. Зак. представить на высоч. е. и. в. усмотрѣніе и ожидать утвержденія. Затѣмъ правит. сенатъ опредѣлилъ: его же Чернышевскаго, по обвиненію въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ, въ участіи въ его преступныхъ замыслахъ, *признать недоказаннымъ*.

Приказали: по точному и немедленному исполненію выс. повелѣнія, послѣдовавшаго на мнѣніе государствен. совѣта по дѣлу о бывшемъ титул. совѣт. Чернышевскомъ, осужденномъ за государственныя преступленія и заключеніе нрав. сената по предмету обвиненія его же Чернышевскаго въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ и участіи въ его преступныхъ замыслахъ, г. с.-петербургскому генер.-губернатору предписать указомъ съ препровожденіемъ копій съ аттестата Чернышевскаго.

ПИСЬМА КЪ ПРОТИВНИКУ.

•письмо второе.

Вы строго насъ судите. “Ваша пропаганда, говорите вы, подѣйствовала на цѣлое поколѣніе какъ гибельная, *противуестественная привычка*, привитая къ молодому организму еще не успѣвшему сложиться и окрѣпнуть. Вы иссушили въ немъ мозгъ, ослабили нервную систему и сдѣлали его неспособнымъ къ сосредоточенію, выдержкѣ и энергической дѣятельности... Причина всему этому злу — *отсутствіе почвы*, заставляющее васъ продолжать безъ вѣры какую то *революціонную чесотку*, по старой памяти”.

Что у насъ есть *почва* и даже отчасти общая съ вами, я вамъ сказалъ. Мы на нашей почвѣ — очень реальной, стоимъ очень реально; почва обыкновенно бываетъ подъ ногами; у васъ есть другая надъ головой; вы богаче насъ, но можете по этому земные предметы вамъ представляются обратными.

Что касается до “чесотки”, объ ней поговоримъ послѣ, а теперь позвольте васъ спросить — да въ самомъ-ли дѣлѣ у новаго поколѣнія иссушенъ мозгъ и ослаблена нервная система, въ самомъ-ли дѣлѣ оно не способно къ *выдержкѣ и энергіи*? Я ставлю сильный вопросительный знакъ.

Какъ бы намъ старикамъ не пришлось себя винить въ противуестественныхъ привычкахъ, вмѣсто молодаго поколѣнія? И вы и мы по положенію, по необходимости были рефлектерами, резонерами, теоретиками, книжниками, *тайнобрачными* супругами нашихъ идей. Все это было умѣстно, необходимо послѣ перелома русской жизни въ 1825 году; надобно было сойти по глубже въ себя, добраться до какого нибудь свѣта, все это такъ — по *энергіи*, по *дѣломъ*, по *мужествомъ* мы мало отличились. Вы скажете, что когда нѣтъ войны, нѣтъ и случая показать свою военную отвагу — безъ сомнѣнія, но нечего-же и бросать камни въ юношей, рвущихся на бой, за то, что они пошли слишкомъ задорно и главное — не дочитали своихъ учебниковъ. Исторія и географія вещи хорошія, но за ихъ незнаніе нельзя предавать цѣлое поколѣніе проклятію и раздравши сертку наши, съ злобой радостью видѣть когда его посылаютъ на каторгу. Въ 1812 году мальчишки шли на войну и никто не бранилъ ихъ за то, что они не кончили курса, брали георгіевскіе кресты.

Невѣжество — тамъ гдѣ оно не роковая необходимость, а слѣдствіе лѣтъ и небрежности — я конечно ненавижу не меньше вашего; но во-первыхъ я желалъ бы знать что вы разумѣете подъ невѣжествомъ? — Изученіе филологии, *классическое* образованіе составляли прежде все образованіе; теперь больше другихъ специалистовъ; теперь больше занимаются естественными науками. А во-вторыхъ есть въ исторіи народовъ полосы, въ которыя пульсъ усиливается и мѣшаетъ обыкновенному строю, въ которомъ все кругомъ колеблется, измѣняется, другія потребности овладеваютъ умами, чѣмъ во времена застоя, и увлекаютъ ихъ.

Россія, явнымъ образомъ, въ этомъ положеніи съ Крымской войной. Спокойно кабинетно заниматься врядь было — ли возможно не только молодежи, но и сѣдымъ головамъ.

Намъ учиться былъ страшный досугъ. Мы кромѣ книги ни за что и не брались, мы удалялись отъ дѣла, оно было или такъ черно или такъ невозможно, что не было выбора; люди какъ Чаадаевъ, какъ Хомяковъ исходили болтовней, ѣздили изъ гостинной въ гостинную спорить о богословскихъ предметахъ и славянскихъ древностяхъ. Мы все были отважны и смѣлы только въ области мысли. Въ практическихъ сферахъ, въ столкновеніяхъ съ властью являлась большей частью несостоятельность, пнаткость, уступчивость. Хомякову было за сорокъ лѣтъ, когда ему Закревскій велѣлъ обрѣчься, и онъ обрѣлся. Бывши подъ сѣдствомъ въ 1834 году, я скрывалъ свои мнѣнія, мои товарищи тоже. Не знаю что скажутъ другіе бывшіе по крѣпостямъ и призываемые въ Шотландію, но мнѣ кажется, что послѣ Декабристовъ до Петрашевцевъ все ѣли. Самая революционная натура николаевского времени, *Блинскій*, и онъ былъ сведенъ на эстетическую критику, на Гегелеву философію и дальшіе намеки.

Все печально сидѣло по щелямъ, читало книги, писало и, по большей части украдкой, показывало потомъ статьи. Вдругъ, когда всего меньше ждали, въ Петровскомъ тюремномъ кораблѣ открылась течь. Обезумѣвшій шкиперъ первый растерялся и умеръ. Среди мрачной и мертвой тишины, вѣсть о его смерти сверкнула молніей и все зашевелилось, подняло голову, подняло голосъ, все были готовы ринуться, исполненные надеждъ, ожиданій... Куда?... Этого еще никто не зналъ, а только спрашивали: когда же? что же?... да скоро ли?

Минуты великія, въ которыя начинается пробужденіе цѣлой страны, на вершинахъ всехъ слоевъ занимается заря.. и все чувствуютъ, что начинается другое время, новый день...

И вы могли думать, что молодежь, что шестнадцати, семнадцатилѣтніе юноши останутся спокойно и благонаравно доучиваться, съ гѣмъ вѣтвеннымъ безучастіемъ къ жизни и отчаяннымъ усердіемъ, съ которымъ мы сидѣли на университетскихъ лавкахъ? И это не смотря даже на то, что у нихъ не было больше профессоровъ какъ Грановскій и со всехъ сторонъ врывался въ аудиторію говоръ объ общественныхъ дѣлахъ? Какой же вы плохой знатокъ человѣческаго сердца!

Что собственно васъ сконфузило и испугало? Что студенты стали дѣлать сходки, посылать депутатовъ къ начальству, говорить рѣчи? Отчего же студентамъ не дѣлать сходки? За чѣмъ молчаніе монастыря, передней или фрунта? Больныхъ въ комнатѣ не было, а была горячая молодежь, которой разрѣшили немного по громче говорить. За чѣмъ вы и ваши друзья принесли на эти веселіе праздники угрюмую фигуру недовольныхъ учителей, монаховъ на пирушкѣ? За чѣмъ вы видѣли въ этомъ естественномъ взрывѣ молодыхъ силъ, одинъ безпорядокъ и нарушение строя (и какого строя!)? За чѣмъ въ языкѣ, который обращался къ молодежи, былъ слышенъ клерикальный и начальнический тонъ? Одно мягкое братское слово могло сдѣлать больше впечатлѣнія, чѣмъ томы черствыхъ проповѣдей. Вы оскорбили молодежь безучастіемъ и порицаніемъ въ минуты дорогія для нея. Чему же удивляться, что и та часть ея, которая слушала васъ прежде, отстранилась и ускользнула отъ васъ?

Новые дѣятели, выступившіе на сцену, мало по малу оставленную старыми актерами, испугавшимися что пьеса, которую они весь вѣкъ представляли, начинаетъ превращаться въ бѣсъ, двинули молодежь въ иномъ направленіи и если они меньше учили ее по книгѣ, то учили больше примѣромъ. Оттого молодое поколѣніе стало складываться съ большимъ мужествомъ, съ большей выдержкой и съ большей готовностію на бой—вамъ это можетъ не нравиться, но все же это совершенно противоположно той *энерваціи*, о которой вы говорите.

Хотите примѣры, я вамъ напому три-четыре случая,

извѣстные всей Россіи; мало ихъ, я готовъ привести двадцать. Боюсь одного, что они не подѣйствуютъ на васъ; для того чтобъ вы оцѣнили подвигъ преданности, любви, вамъ надо чтобъ онъ былъ въ Чети Минеяхъ, или по крайней мѣрѣ въ Болгаріи или Сербіи, а это все примѣры свѣтскіе, петербургскіе и иногородные.

Передъ какимъ нибудь римскимъ центуріономъ, смѣло читавшимъ “запрещенныя” молитвы, не боясь ни своего легіонера, ни дикихъ звѣрей, религиозные люди умиляются тысячу восемьсотъ лѣтъ; а когда гардемаринъ *Трувеллеръ* прямо и открыто говоритъ: Да, я давалъ эти листы, эти книги солдатамъ, потому что въ нихъ заключается правда; или, когда *Сливинскій* на вопросъ кто писалъ письмо, служившее единственнымъ доказательствомъ противъ него, говоритъ что писалъ письмо онъ и подписываетъ его, зная что онъ подписываетъ свой приговоръ; когда *Муравскій*, больной, безъ всякихъ средствъ, встаетъ передъ судьями и говоритъ имъ все что накопило въ его душѣ,—тогда почитатели центуріона называютъ это мальчишничествомъ, дерзостью, западной демонстраціей.

Что — *энервированный* Михайловъ просилъ пощады? Обручевъ валялся въ ногахъ царя? Чернышевскій отрекся отъ своихъ убѣжденій? Нѣтъ, они ушли на каторгу съ святою нераскаянностью. И у Мартынова нервы не особенно были слабы, когда обиженный враждебнымъ отношеніемъ всей Европы къ Россіи, онъ предалъ самъ себя земскому царю.

Я ни въ тридцатыхъ, ни въ сороковыхъ годахъ не помню ничего подобнаго.

Двѣнадцатаго Апрѣля 1861 года русская земля облилась русской кровью. Пятдесятъ крестьянскихъ труповъ легло на мѣстѣ, восемьдесятъ тяжело раненыхъ умирали безъ всякой помощи по избамъ. Фанатикъ, который ихъ велъ, простой крестьянинъ, какъ Мартыновъ, вѣровавшій въ земскаго царя и золотую волю, былъ разстрѣлянъ Апраксинымъ. Съ казни Антона Петрова началась та кровавая полоса новаго царствованія, которая съ тѣхъ поръ не перемежаясь, продолжается и растетъ, но не одна она. Съ этой же казни начался мужественный, неслыханный въ Россіи протестъ, не въ тихомолку, не на ухо, а всенародно, въ церкви — на амвонѣ. Казанскіе студенты служили павихиду по убитымъ, казанскій профессоръ произнесъ надгробное слово. Слабодушнымъ этого поступка называть нельзя.

Публицистъ, не имѣющій возможности при капризной ценсурѣ нашей сказать свое слово о крестьянскомъ вопросѣ, печатаетъ свою брошюру въ Германіи, подписываетъ ее говоря въ предисловіи, что настала пора открытыхъ поступковъ... Публицистъ этотъ третій годъ уже ждетъ къ казематѣ приговора на каторжную работу.

Гдѣ же доказательства той нравственной распушенности, той неспособности къ энергическому дѣлу, въ которой вы обвиняете молодое поколѣніе? Изъ за чего вы такъ осерчали противъ него? Неужели только изъ за того, что оно мало и дурно училось? У насъ съ поконъ вѣка учились мало и скверно, и неужели молодежь, шедшая въ юнкера и выходившая изъ кадетскихъ корпусовъ, училась больше? Отчего же вы обѣщаній не кручинились?

Правительство гонитъ молодое поколѣніе потому, что оно его боится, оно увѣрено, что пожаръ былъ отъ “Молодой Россіи” и что еще двѣ-три прокламаціи, и въ Петербургѣ насталъ бы ’93 годъ. Правительство до “Молодой Россіи” и послѣ “Молодой Россіи” вовсе не похоже другъ на друга—она дѣйствительно произвела переворотъ. Министры прогресса и директоры либерализма, гуманная полиція и столоначальники освобожденія—все исчезло какъ прахъ отъ ужаса и словъ “Молодой Россіи”. Правительство стремилось возвратиться въ николаевскую смиренную гавань... По счастью къ ней плыть было тоже страшно и оно остановилось, какъ

пароходъ безъ угля и парусовъ, со всѣми неудобствами качки, но безъ движенія впередъ. Страхъ наведенный небольшою кучкой энергической молодежи былъ такъ великъ, что черезъ годъ Катковъ поздравлялъ правительство и всю Россію съ тѣмъ, что она миновала страшную революцію. Гоненія правительства стало быть объяснены—у страха глаза велики.

Вы совсѣмъ въ другомъ положеніи. Вы увѣрены, что всякая революціонная попытка въ Россіи невозможна, что “русскій народъ не пойдетъ противъ своего царя, что дворянство безъ него безсильно и что надобно быть поврежденнымъ чтобы предположить, что нѣсколько студентовъ не кончившихъ курсъ, сдѣлаютъ въ Россіи переворотъ прокламаціями à la Babœuf”.—Прекрасно, ну такъ и оставьте это безсиліе и не дѣлайте изъ него силу. Люди на столько въ самомъ дѣлѣ становятся сильны, на сколько сами вѣрятъ и вѣрятъ ихъ окружающіе.

— “Да, но они ошибаются, ихъ надобно поставить на путь истинный”—но вѣдь ошибаются и тѣ, которые столы вертятъ и которымъ Юмъ ходитъ по головѣ, что же вы не направите паяльную трубку вашу на нихъ?

Если васъ испугалъ самый фактъ ‘подпольной литературы’, то это только доказываетъ нашу великую дѣвственностъ въ этихъ дѣлахъ. Въ какой же странѣ, гдѣ существовала цензура и правительственный произволъ, когда въ ней возбуждалось умственное движеніе и желаніе воли, не было тайныхъ типографій, тайнаго распространенія рукописей? Это такой-же естественный фактъ, какъ печатаніе за границей, какъ эмиграція. Все христіанство распространилось подпольной литературой, въ родѣ нашей раскольнической.

Нѣтъ, тутъ что-то другое, все это не объясняетъ священнаго гнѣва вашего. Ужъ не особенно-ли сердитъ васъ *то ученіе*, которое легло въ основу новаго направленія?

Не гоните-ли вы въ молодомъ поколѣніи *материализмъ*, такъ какъ гоните въ полякахъ *католицизмъ*?

Въ раздраженіи вашемъ, въ томъ что вы меня обвинили, что я гибельно подѣйствовалъ на цѣлое поколѣніе, нѣтъ-ли у васъ особаго чувства *dépit*, отъ котораго надобно чрезвычайно остерегаться и въ которомъ невольно лежитъ сознаніе, что ваша пропаганда не смотря ни на тяжелья бѣдѣ, ни на нелегкіе дни, не имѣла никакого успѣха въ молодомъ поколѣніи, не соблазнила бы его безъ патріотическихъ комфортаживовъ. Еслибъ я выражался съ той паталогической откровенностію, съ которой вы выражаетесь, я сказалъ бы что васъ приводитъ въ гнѣвъ то, что наша революціонная чешотка взяла верхъ надъ богословскими паршами свѣтскихъ пастырей нашихъ, идущихъ по стопамъ богоотцевъ своихъ Магницкихъ, Руничевъ и пр.

Безпощаднымъ порицаніемъ молодого поколѣнія, вы оканчиваете схоластическую контроверзу, а правительство находитъ въ немъ оправданіе своимъ гоненіямъ. Вы сердитесь діатрибами, а правительство каторгой, казнью. Неужели вамъ можетъ правиться этотъ неровный бой? Воля ваша, а это дурной методъ вести учено-богословскіе споры.

П—ръ.

СМѢСЬ.

ГОНЕНІЕ ВЪ ПОЛЪЗУ ИНОСТРАННОЙ ЦЕРКВИ.

Дѣтъ уже съ двадцать какъ въ Новороссійскомъ краѣ началось между колонистами движеніе противъ лютеранскихъ пасторовъ, вызванное, какъ говорятъ поднявшіе это движеніе, мертвенностію лютеранскихъ догматовъ, а особенно безпечностію пасторовъ о своихъ паствахъ. Пасторы пріѣзжаютъ обыкновенно изъ Остзейскаго края, ставятся изъ студентовъ дерптскаго университета, ведутъ себя гордо, по-чиновнически, всегда стоятъ на сторонѣ полиціи, съ простымъ народомъ не

знаются, а простой народъ ищетъ себѣ духовной пищи. Движеніе началось съ того, что колонисты стали рѣже ходить въ кирку, слушать заученныя проповѣди и чаще собираться по домамъ для богомоленія и для бесѣдъ. Пасторы, вмѣсто всякихъ братскихъ увѣщаній, стали обращаться къ помощи властей предержавныхъ. Чтобы окончательно прервать связи съ пасторами, нужно было выйти изъ подъ ихъ власти, а выходъ былъ одинъ—надо было принять какое нибудь другое исповѣданіе, усвоить себѣ какое нибудь названіе. На выручку подоспѣлъ баптистскій миссіонеръ. Онъ сошелся съ недовольными, вошелъ въ ихъ собранія; они открыли ему свои души,—и разумѣется окрестились. Это было въ колоніи Новый Данцигъ, въ 30 верстахъ отъ Николаева. Окрестились первые хозяева: Карлъ Эдинггеръ, бывшій шульцъ, Мартинъ Энгель, бывшій бурмистръ, Францъ Леновскій, бывшій образцовымъ хозяиномъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ и другіе.

Пробствъ Эмилъ Киберъ обратился съ жалобою по начальству—колоніальный смотритель Чернявскій пріѣхалъ на увѣщаніе. Онъ запретилъ колонистамъ собираться на богомоленіе въ колоніи, они стали уходить въ степь; въ колоніи, одному колонисту Генриху Гедике было поручено духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ разгонять ихъ даже *дружкомъ* (дубиною). Такъ шло съ Мая до Августа прошлаго года. По настоятельнымъ требованіямъ пасторовъ 9 Августа прибылъ въ колонію адъютантъ Коцебу (лютеранинъ) Остенъ Сакенъ (лютеранинъ) и произнесъ имъ слово въ слово такую рѣчь, по нѣмецки: “Я сюда пріѣхалъ сказать вамъ именемъ губернатора, что секта эта не будетъ въ Россіи ни существовать, ни допускаться. Если вы передъ вашимъ пасторомъ отъ этой секты не отречетесь, васъ вышлютъ за границу”. Къ этому онъ прибавилъ: “А шульцу вашему приказываю я, что если кто станетъ эту секту распространять и обратитъ кого къ своему невѣрію, то вы его съ перекрещеннымъ вмѣстѣ арестуйте и вышлите въ Одессу”. Затѣмъ послѣдовалъ четырехнедѣльный арестъ баптистовъ—одну недѣлю въ хатахъ *въ цѣпяхъ*, 3 недѣли въ общественномъ магазинѣ. Предписаніе расковать пришло впрочемъ довольно скоро, но за нимъ послѣдовало другое о высылкѣ ихъ въ Херсонъ. На *трехъ* подводахъ, окруженные *восемью* сторожами, отправилось шесть хозяевъ, безъ семей, въ разгаръ полевыхъ работъ. Послѣ двухъ недѣль жизни въ Херсонѣ, безъ всякихъ допросовъ ихъ позвали въ полицію и послали въ Одессу *пѣшкомъ* по этапу, не смотря на то, что 5 р. за этапную подводку были взяты полиціей и 3 р. за билеты. Въ Одессѣ прожили они въ полиціи недѣлю, затѣмъ отправили ихъ въ Попечительный комитетъ о колонистахъ и тамъ они получили предложеніе избираться за границу—или пароходомъ на свой счетъ, или по этапу на Кубей (въ Бессарабіи). При этомъ объявленіи попечитель колонистовъ генералъ Гаммъ даже и не показался—оно было сдѣлано простымъ писаремъ. Затѣмъ просидѣли они еще недѣлю въ ожиданіи парохода и уѣзжали въ Турцію, не имѣя возможности ни распорядиться своими хозяйствами, ни проститься съ семействами, ни даже извѣстить ихъ о своей участи.

— Какимъ манеромъ у насъ терпимы всякіе менониты, методисты, кальвинисты, а изгоняются—неизвѣстно почему—баптисты, которые и крестятъ-то по восточному, *погруженіемъ*, а не *обливаніемъ* и не *окропленіемъ*, и за это должны быть сиподу милѣе другихъ?—Ужъ не собирается-ли русское правительство, въ угоду остзейцамъ и собственному происхожденію, признать лютеранскую церковь за государственную—а свое православіе объявить расколомъ?

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — Jessamine Cottage, New Hampton, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ В-льной
Русской Типографіи — Jessamine Cottage,
New Hampton, Middlesex.

ЛИСТЪ 194.

1 ФЕВРАЛЯ 1865.

У Триюнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и Польское возстаніе (Изъ Москвы).—Письма къ противнику (Письмо третье).

СМѢСЬ: Реформы и проекты реформъ, казни и ссылки, В. К. Михайлъ Николаевичъ, Катковъ и Шедо-Феротти—П. Ж. Прудонъ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ И ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ (Изъ Москвы).

Въ исторіи каждаго народа есть вопросы фаталистическіе, ихъ ни обойти, ни отклонить, ни перескочить невозможно. Возникая, они несутъ съ собою свое рѣшеніе — одно, неизмѣнное. Воля человѣческая передъ ними безсильна и должна либо смиренно покориться имъ, какъ покоряется она всякому міровому закону, либо разбиться въдребезги.

Къ такимъ вопросамъ, въ нашей русской жизни, принадлежатъ освобожденіе крестьянъ и польское возстаніе, потрясающее Россію уже не въ первый разъ и не даромъ до самыхъ ее основаній. Коалиція противъ насъ почти всей Европы во время Крымской войны была намъ менѣе чувствительна, чѣмъ нынѣшнее усмиреніе безоружнаго и угнетеннаго народа. Гибель трехсоттысячной арміи, разрушеніе военной гавани, уничтоженіе нашего лучшаго флота и унижительный миръ мы перенесли не упывая. Напротивъ, послѣ несчастій, русскій народъ почувалъ въ себѣ небывалыя силы; онъ ободрился, поумнѣлъ и радостно глядѣлъ въ будущее. Не то ли же чувство испытывали русскіе послѣ пожара Москвы въ 1812 году? А наши драки съ Польшою, обыкновенно кончающіяся торжествомъ русскаго оружія, наводятъ на насъ всегда тоску, уныніе и какое то нравственное разслабленіе, дѣлающія намъ побѣду не въ побѣду. Отчего это? Не оттого ли, что, побѣждая, мы видимъ, что ничего не приобретаемъ, ни чести, ни славы, ни разума, а теряемъ многое — и силу, и честь, и славу и не мало разума? Не оттого ли, что, вѣрнѣе, мы съ Польшою не воюемъ, а казимъ ее всякій разъ, когда она думаетъ шевелиться? Быть же свидѣтелями, или участниками казни, тяжело и унижительно. Что же должно происходить въ душѣ русскаго воина сознающаго всю беззаконность терзанія Польши?...

Но какъ ни мрачна, какъ ни жестока для насъ революція Варшавская по ея обратному и развращающему влиянію на насъ самихъ — что же она такое, въ сравненіи съ тою побѣдой, которая въ то же время постигла насъ изъ Петербурга? Возстаніе укрошено, задавлено, его уже нѣтъ, а гнилая эмансипація, сварганенная государственными совѣтомъ безъ спроса народа и ему нѣзла, еще продолжаетъ разѣдять наши члены и не предвидится конца ей. Бѣдная Россія, тяжела на тебѣ рука твоихъ правителей!...

Крѣпостное право — зло не новое въ мірѣ; но у насъ оно явилось съ новыми, невиданными, и нѣтъ не бывшими признаками, съ особенно лживымъ и нечестнымъ характеромъ.

Годъ VIII.

Въ Европѣ оно возникло послѣдствіе завоеванія, его начало кроется въ темной варварской эпохѣ, извиняемое младенчествомъ народовъ; у насъ же оно было признано и окончательно узаконено въ то самое время, когда Россія стала выходить изъ своей средневѣковой тьмы и крѣпостное право сдѣлалось главною привилегіею образованности и образованнаго класса. Западное человечество, принявъ рабство кровью, вмѣстѣ съ жизнію своею освобождается отъ него естественнымъ процессомъ той же жизни — развитіемъ, опытомъ, наукой. Мы же усвоили его себѣ мозгомъ, мы сознательно развратили свою совѣсть, чтобы дать ему мѣсто у себя. Прививъ къ себѣ насильственно неспродное нашему мирному организму, мы исказили и утратили самостоятельное развитіе, а чужая историческая наука намъ помочь не можетъ. Прилагаемая къ явленіямъ нашей жизни, она всегда производила дѣйствія совершенно противоположныя къ основной задачѣ, вмѣсто свободы несла намъ большее рабство, укрѣпляла деспотизмъ, усиливала централизацію, служила не обществу, а государству и образовала наконецъ не человѣка, а палача. Вотъ почему нашъ народъ всегда враждебно смотрѣлъ на заморское просвѣщеніе, чуждался его, прятался отъ него: не изъ его среды оно исходило, не въ его пользу проповѣдывалось и вездѣ старалось подавить истинные, народные элементы свободы.

Многие у насъ и до сихъ поръ думаютъ, что при свѣтѣ западной науки мы разглядѣли Россію. Это могло бы быть, еслибъ мы съ самаго начала стали въ правильное, критическое отношеніе къ западной цивилизаціи и не подорвали наши связи съ народною почвой. Чужая наука объяснила намъ, что дѣлалось въ Парижѣ, Лондонѣ, въ Америкѣ, но не знала того, что въ то же самое время совершалось на Волгѣ, на Ока, на Уралѣ. Обогащаемые чужимъ опытомъ, мы перестали заботиться о приобретении собственнаго опыта надъ явленіями нашей исторіи, не считали это нужнымъ, презирали свою скромную, не блестящую, не драматичную жизнь; самая лучшая, самая человѣчнѣйшая сторона ея намъ казалась неразвитостью, дикимъ состояніемъ и мы очень благонамѣренно принимались исправлять и тиранизировать ее съ вышнихъ точекъ зрѣнія. Когда жизнь не поддавалась не покорялась нашимъ отвлеченнымъ теоріямъ, оттаивала себя, какъ могла, прикидываясь глупостью, непонятливостью, откупаясь деньгами отъ настойчивости тупыхъ преобразователей, имъ и въ голову не приходило обвинять себя: не они ли были просвѣщенными среди невѣждъ, свѣтомъ среди тьмы? Самый естественный, самый законный протестъ жизни, они не могли и не умѣли объяснить

себѣ иначе, какъ заговоромъ, бунтомъ и кончали, обыкновенно, тѣмъ, что прибѣгали къ правительственной власти. Многие ли изъ ученыхъ нашихъ поняли свободу науки и науку свободы, многие ли остались чисты отъ насилія чиповъ и знаковъ полицейскаго отличія? Такъ дѣйствовали лучшие люди, остальные же смотрѣли на науку прямо, какъ на орудіе власти и утѣшенія.

Послѣ долгихъ и грустныхъ опытовъ, стали нѣкоторые догадываться, что просвѣщеніе наше идетъ дорогой ложной, что всякая отвлеченность не только бесплодна, но убійственна, что надо искать въ самомъ народѣ, какъ бы ни былъ онъ грубъ и невѣжественъ, внутреннихъ, своихъ задатковъ развитія—и они принялись за лѣтописи, сказанья, обычаи и вѣрованья народныя, стали въ нихъ вматриваться, мало по малу открывали въ нихъ толкъ и смыслъ, полюбили ихъ и, какъ должно было ожидать, увлеклись въ другую крайность. Оторванные уже отъ народа и заслоняемые отъ него двумя вѣками глубокой вражды, они могли изучать его только въ прошедшемъ, въ его старинѣ и не замѣчали, что онъ ушелъ впередъ, что онъ уже не тамъ, гдѣ впервые они съ нимъ разстались и давно проросъ тѣ формы, память о которыхъ сохранилась въ запыленныхъ архивахъ и въ пропѣтыхъ уже пѣсняхъ. Живой народъ имъ не давался: они все таки оставались господами, стало быть—врагами его и, какъ ни ругались они въ простаго мужика, чутье народное ихъ всегда открывало и народъ уходилъ отъ нихъ, не удовлетворивъ ихъ любознательности. Куда уходилъ онъ, не въ церковь ли? Пѣтъ, тамъ были тѣ же власти, бары, чины, генералы, благословляемые такими же генералами-архіереями, шпіоны свѣтскіе исповѣдовались передъ шпіонами духовными и кварталный стоялъ у входа, впуская только публику во святѣлище. Наша православная матушка, восточная и католическая, проклиная латинскую церковь за безбожный союзъ ея съ государствомъ, не могла, конечно, впасть въ тотъ же самый грѣхъ супружества—и торжественной наглости брака благоразумно предпочла болѣе скромную *связь*.

Народа тамъ не было, онъ невиненъ и чистъ!...

Не нашедъ его ни въ Успенскомъ, ни въ Исакиевскомъ соборахъ, славянофилы смутились очень и тѣмъ болѣе, что за порогомъ казенной церкви, имъ предстали два пути для поисковъ: одинъ въ расколъ, другой въ глубочайшей христіанской древности, въ смутныхъ источникахъ православія, —отвлеченность славянофильская выбрала путь послѣдній. Какими однако ни были они теоретиками, они должны были понять, что египетскіе скиты тѣсноты для цѣлаго русскаго народа, что египетское столпничество слишкомъ сродственно съ Иудеей и факирствомъ, что Византія давно вышенталась; въ Іерусалимъ идти они боялись, чтобъ не повстрѣчаться дорогой съ послѣднимъ нашимъ полонникомъ—Митрофаномъ бельведерскимъ, или чтобъ не предупредить болѣе опаснаго—Николая, давно подбиравшагося къ іерусалимскимъ ключамъ. Оставался расколъ неизслѣдованнымъ. Сильно говорилъ онъ за себя, это чувствовали всѣ и давно: онъ былъ вполне народнымъ и чисто-русскимъ явленіемъ, въ пещъ сидѣли самые коренные русопеты, сокъ народа; всю землю рускую отъ Камчатки до Карпатскихъ горъ покрылъ расколъ своимъ ючевымъ шатромъ. Но какъ туда идти, какъ признать двуперстное сложеніе, когда извѣстно, что оно должно быть трехперстное, и какъ отвергать законность Никонскаго исправленія несправимыхъ книгъ? — Такъ разсуждали славянофилы, забывая или не понимая, что расколъ былъ протестомъ не столько противъ церкви, сколько противъ государства, не столько противъ насилующей, сколько противъ насилуемого; что представителемъ народа былъ не одинъ и не только попъ Аввакумъ, но и вольный казакъ Стенька Разинъ и что въ такомъ случаѣ двуперстное сложеніе и тому подобныя вещи, были не болѣе, какъ масонскими знаками, не имѣвшими глубокаго религіознаго значенія, знаками не

установившимися, безпрестанно измѣняющимися и что народъ былъ выше всего этого и выше славянофиловъ, серьезно стоявшихъ за различіе между сугубыми и трегубыми аллилуйя. Но надо быть справедливымъ и объяснить, что не вѣра окончательно остановила славянофиловъ: къ вѣрѣ пришли они случайно, думая въ ней найти народъ; а слѣдовательно не найдя его въ православіи, и сами могли бы выйти оттуда, какъ и пришли. Но они поняли, что слѣдовать по стопамъ Стеньки, если незначило непременно терять царство небесное —то непременно терять царство нѣмецкое, въ которомъ они были дворянами и помѣщиками, а потому сочли долгомъ своимъ отказаться отъ народа. Славянофильскій либерализмъ оказался мыльнымъ пузыремъ и лопнулъ въ воздухъ, какъ только пахнуло на него вольнымъ казачествомъ русской жизни; славянофилы имѣли когда то слишкомъ отречься отъ чиновничества, но не смогли отречься отъ дворянства, а потому и снова должны были сдѣлаться чиновниками, стать съ нѣмцами, за нѣмецкую государственную науку и за Петербургъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, исторія цивилизаціи въ нашемъ отечествѣ. Неуровновѣсность, она совершила кругъ, не коснувшись народа и возвратилась туда же, откуда вышла. Но жизнь, между тѣмъ не дремала, она шла своими, невѣдомыми намъ, путями и застигла насъ своимъ роковымъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ.

Откуда взялся онъ и такъ неожиданно, что до самаго дня манифеста о прекращеніи крѣпостнаго состоянія, большинство помѣщиковъ не хотѣло ему вѣрить, одни умирали, пораженные имъ какъ громомъ, другіе мѣшались и впадали въ дѣтство, а уцѣлѣвшіе ничего въ немъ не поняли? Этотъ неизслѣдимый для насъ вопросъ я оставляю въ сторонѣ и припомню читателю только ту благодатную грозу, когда Севастопольскія молніи стали разсѣкать мракъ, царствовавшій надъ нашей землей, припомню, какъ всѣ мы до единого невольно содрогались при видѣ той пропасти, къ которой привела насъ отвратительная и развратная исторія послѣднихъ лѣтъ, припомню, что тогда мы поняли и ясно разглядѣли чего нужно было Россіи, чѣмъ она страдала, но уже помочь ей не сумѣли.

Ложь надобѣла Россіи, ложь во всѣхъ видахъ—правительственная, церковная, сословная. Узаконенное беззаконіе на престолѣ, безсмысліе и невѣжество въ министерствахъ, рабскіе перкви, неправда и взяточничество всюду, насиліе, дикій, необузданный произволъ властей, крайняя тѣснота жизни. При этомъ безсиліе государства, безсиліе закона внутри земли, безсиліе противъ внѣшнего врага. Правды захотѣлось Россіи послѣ крымскаго пораженія, послѣ этого позора на весь міръ, раскрывшаго глаза всѣмъ. А такъ какъ ключъ къ русской правдѣ ничто другое, какъ освобожденіе крестьянъ, такъ какъ все наше зло упрямилось на первую злобу крѣпостнаго состоянія, на немъ изъ него выросло, то его и нужно было искоренить прежде всего.

И вотъ эмансипація совершается!...

А правда? Дайте намъ ее, мы, такъ и быть, обойдемся безъ эмансипаціи и будемъ свободны и живы, а то, что творятъ наши власти, не освободить насъ и не выведетъ Россію изъ ея бѣдственнаго положенія. Ей нужно перерожденіе, пересозданіе всего ея устройства, ея внутренняго быта, испорченнаго крѣпостною неволею, а не простая перепись десятинъ съ Петра на Ивана, перепись случайная, не основанная ни на какомъ нравственномъ или историческомъ началѣ, такая же безотчетная и деспотическая, какъ вся наша предшествовавшая исторія.

Намъ на это благодушно отвѣчаютъ: вдругъ всего не исправишь.

Кто этого не знаетъ? Но и первое дѣло не должно противорѣчить общей мысли. Вы же вашими новыми постановленіями не только не двигаетесь впередъ, но дѣлаете невозможнымъ всякое здоровое развитіе, останавливаете

всякую дальнейшую реформу и насильно толкает Россію на революціонную дорогу.

Я обращаю слова мои не къ правительству, до котораго мнѣ нѣтъ дѣла, но къ тѣмъ помѣщикамъ-эмансипаторамъ, которые воображаютъ, что совершили великій подвигъ и поставили Россію на путь прочнаго и мирнаго прогресса.

Въ каждой самой жестокой и деспотической мѣрѣ можетъ заключаться доля добра, великую пользу нерѣдко приписать законамъ, которыми истощается терпѣніе; но это не есть оправданіе для закона. Если эмансипація облегчила нѣсколько участь крестьянъ, то это вовсе не избавляетъ ее отъ упрека въ цѣлѣности. Напротивъ, прямо ставить ее подъ упрекъ: зачѣмъ не сдѣлала она всего добра, какое могла бы сдѣлать, зачѣмъ не хотѣла его?

Четыре года прошли не даромъ; то, что вначалѣ было для многихъ темно и загадочно, стало теперь ясно для всѣхъ, ваши полу-мѣры принесли уже плодъ.

Ненароудное, блудное дворянское сословіе вы убили. Но убили то вы его глупо, безъ мысли, печально и уже готовы по немъ плакать и тосковать. Вы думали слегка отодвинуть его въ сторону, немножко побезпокоить, немножко укротить, а гнилушка развалилась совсѣмъ и призажала долго жить. Простой шутки оно не выдержало и, признайтесь, очень разстроило ваши планы своею неожиданной смертію.

Наши дворяне, никогда ничего не дѣлавшіе, не работавшіе, не трудившіеся, жили крѣпостнымъ трудомъ. Они ихъ кормили, поили, одѣвали, обували, давали имъ нѣкоторую внѣшнюю независимость, позволяя гулять за границей; безъ него имъ придется очень плохо. Они обѣщаютъ совсѣмъ, поглубже еще, ихъ косметическое просвѣщеніе выдохнется оковчательно. Капиталовъ свободныхъ у нихъ слишкомъ недостаточно, чтобы устроить хозяйства свои на новыхъ началахъ, выкупныхъ суммъ не хватаетъ имъ для уплаты старыхъ долговъ, да и отношенія ихъ къ крестьянамъ вовсе не таковы, чтобы были удобны какія либо хозяйственныя преобразованія. Эмансипація не только не смягчила, но усилила сословную вражду, а потому объ улучшеніяхъ агрономическимъ не можетъ быть и мысли, у всѣхъ забота лишь о томъ, какъ бы свести концы съ концами, какъ бы ограничить расходы свои еще и еще, сперва хоть на книжкахъ, дойдетъ и до болѣе существеннаго. Имѣнья заускаются, падаютъ въ цѣнѣ. Есть люди павные, думающие, что это переходное состояніе, но что потомъ будетъ гораздо лучше. Когда же потомъ и отчего?

Но бѣдность не порокъ и раззореніе не главный ударъ, нанесенный дворянскому сословию. Гораздо убійственнѣе для него утрата его прежняго политическаго значенія, которое возстановить уже нельзя ничѣмъ. Хотя это значеніе было только номинальное, маскарадное, а не дѣйствительное, но, покуда длился маскарадъ, наряженный князь всѣмъ признавался княземъ, могъ пѣтушиться и приказывать, его слушались. Маскарадъ кончился и дворянство, не считающееся болѣе опорой престола, — что же стало въ новой Россіи? Членъ, не цужій для царя, мѣшающій для народа. Положеніе цѣловое, въ которомъ оно долго держаться не можетъ и то съ условіемъ, быть тише воды и ниже травы, не шумѣть, не бунтовать, не прекословить, исполнять все, не имѣть своей воли, своей мысли, своей правственности, умереть за живо.

Любители покойнаго дворянства ему приписываютъ первую мысль объ освобожденіи крестьянъ. Слишкомъ много чести. Не принадлежитъ она ни ему, ни царю; это мысль всемирная, столько же русская, сколько французская, англійская и т. д. Я знаю, что были нѣкоторые образованные помѣщики, очень — очень немногіе, которые довольно безкорыстно радовались приближавшейся эмансипаціи; они надѣялись жить новою, болѣе полной жизнью, болѣе нравственной, они мечтали,

помирившись съ народомъ, сродниться съ нимъ всѣми интересами и, оставаясь все-таки помѣщиками, помочь ему идти къ просвѣщенію и наукѣ; они хитро рассчитывали, что, утрачивая въ государствѣ смыслъ опоры престола, они приобретутъ въ народѣ значеніе просвѣтителей. Но эти то лучшіе представители дворянства и должны согласиться, что жестоко ошиблись въ своемъ расчетѣ: вмѣсто просвѣщенія и сближенія съ народомъ, ихъ просятъ теперь поменьше учить и даже учиться, и держать себя отъ народа подальше; да и самъ народъ вовсе не ищетъ ихъ дружбы, онъ ею не очень то дорожитъ и за полученную долю своей свободы благодарить не ихъ.

Такимъ образомъ дворянство стоитъ теперь совершенно одно, предоставленное собственному своему безсилію, безъ почвы и безъ дѣла: дверь въ народъ ему заперта, просвѣщеніе его, какое бы оно ни было, объявлено не нужнымъ. Не угодно ли за границу, или въ царскіе холопы?

Россійскіе князья, бояре, всеводы! Съ васъ спали дворянскую мантию, но утѣштесь, вашъ трупъ въ лохмотьяхъ можетъ еще нѣкоторое время служить царю въ должностн *народнаго пугала*. Не забудьте, что императоръ и народъ, послѣ многихъ вѣковъ, въ первый разъ становятся лицомъ къ лицу и если народъ оказываетъ ему довѣріе и называетъ его батюшкой-царемъ, то батюшка-царь не такъ довѣрчивъ. Ему желательно напередъ узнать въ точности, каковъ этотъ простой народъ, мало ему извѣстный; такъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, смиренъ и послушенъ, какъ про него идетъ молва; а покуда это еще загадка — вы, помѣщики, можете быть не совсѣмъ бесполезны: есть на кого слагать всѣ вины и недоразумѣнья, могущія встрѣтиться впереди, есть кѣмъ пугать въ случаѣ надобности. Много говорить и разсуждать съ народомъ вамъ не позволять, но раздражать его, сѣчь народъ — сколько угодно, сколько онъ еще вытерпитъ.

Пропоемъ боярамъ “со святыми упокой”, но безъ всякой надежды на ихъ воскресеніе.

А крестьяне, довольны ли они своимъ новымъ положеніемъ? Довольны, не совсѣмъ. Они падѣлись на свободу и землю, а получили — выкупъ!

Идея выкупа земли, принятая государственнымъ совѣтомъ въ основаніе освобожденія, цѣлѣная вездѣ, — у насъ, въ Россіи, цѣлѣность жестокая, безсовѣстная, не имѣющая ни малѣйшаго историческаго оправданія. Выкупъ предполагаетъ бывшую когда то войну и плѣнъ, или признаніе, что крестьянинъ никогда не имѣлъ поземельной собственности: безсмыслица и то и другое. Если же онъ всегда былъ свободенъ какъ всякій русскій передъ русскимъ и владѣлъ землею, его топоромъ впервые разчищенной и его сохою вспаханной, то для чего же ему еще выкупать свою землю и волю? Подобной неправды не можетъ народъ признать и сколько ни старались запутать его здравый смыслъ, онъ не поглубже и видитъ ясно. Ложь, возвращающаяся всегда на голову изобрѣтателей ея, отуманила только учителей: правительство и помѣщики сами себя одурачили и не могутъ уже понять простыхъ самыхъ истинъ, что не крестьяне у нихъ, но они въ долгу у крестьянъ, а потому и должны будутъ, не нынче, такъ завтра, волей или неволей съ ними расплатиться, ибо въ исторіи всѣ долги всегда уплачиваются: для того то она и исторія, а не басня, правда, а не выдумка, справедливость, а не деспотизмъ.

У насъ обыкновенно возражаютъ на то давностію владѣнія дворянскаго, покупкою и т. д. Не есть ли это извращеніе всѣхъ понятій? Законы давности суть законы гражданскаго порядка, а эмансипація есть вопросъ политическій. Спрашивается не о томъ, принадлежитъ ли земля князю Сергію, или крестьянину Сидору, по тому, или другому сословию. Тутъ давность неправильнаго владѣнія и приобрѣтенія только увеличиваетъ его незаконность. Если дворяне думаютъ имѣть право на вознагражденіе отъ всего государства за отходящія

отъ нихъ земли, то не заблагоразсудятъ ли и они заплатить достойную цену за крестьянскую волю, которая никогда не могла быть у крестьянъ отнята.

Что же такое выкупъ? Ничто другое, какъ *окончательное узаконение* когда то совершеннаго грабежа: помѣщики, получая съ крестьянъ плату за крестьянскую же землю и волю, думаютъ съ ними вполнѣ расквитаться, а государство присутствуетъ какъ свидѣтель—освященія насилия.

Но этимъ зло не ограничивается и идетъ дальше.

Крестьянинъ промышленный, фабричный говоритъ своему барину: мнѣ земля не нужна, отпусти меня на волю безъ земли и не бери выкупа. А баринъ отвѣчаетъ: мнѣ дѣла нѣтъ до того, нужна тебѣ земля, или нѣтъ, а ты ее выкунай и подавай денежки.

Земля необходима крестьянину-хлѣбопашцу самарскому, симбирскому, саратовскому, пензенскому, тамбовскому и т. д.; но у него то ее и отняли: богатые помѣщики вашихъ хлѣбородныхъ губерній нашли способъ подарить крестьянамъ своимъ четверть надѣла и такимъ образомъ лишить ихъ закономъ положеннаго числа десятинъ; это значитъ раззорить ихъ вконецъ.

А какъ заставляете вы крестьянъ своихъ выкупать у васъ треть надѣла?

Такъ это то вы называете эмансипаціей, такъ это та правда, которой жаждала Россія, такую то подлой плутней вы хотите начать великое преобразование великаго народа?...

Была одна короткая минута, когда благомыслящіе люди начинали видѣть ловушку, въ которую поймало ихъ правительство. Они смекали, что все идетъ не такъ и не туда, куда бы слѣдовало, были и заявленія неудовольствія, не большія, но... во въ это время вспыхнула Польская революція!

Наши Аѳанаси Ивановичи и Пульхерія Ивановны, уже раздраженные путаницей эмансипаціи, полу-раззоренные, сидящіе безъ соленій и моченій и не предвидящіе никакого утѣшенія впереди, окончательно потеряли голову. Не жданный ими Варшавскій взрывъ ихъ ошеломилъ совсѣмъ; имъ показалось, что все гибнетъ, все летитъ къ чорту. Имъ почудилось, что рядомъ съ русскимъ уже готово стать сильное, враждебное намъ государство польское, угрожающее поглотить собою всю западную и юго-западную Русь — богъ вѣсть что еще. Испуганному воображенію ихъ представились польскіе магнаты, распоряжающіеся Россіей, какъ завоеваннымъ краемъ, іезуиты, насилующіе православныхъ въ проклятое латинство, пытки, костры, словомъ, что вѣра и отечество въ опасности и притомъ отъ ляховъ, которымъ есть что на насъ выместить. А потому Аѳанаси Ивановичи, не щадя для царя своихъ животновъ, а для вѣры своей совѣсти, какъ истые патріоты, забывая свое домашнее горе, рѣшили смирить Польшу *во что бы то ни стало*, всѣми мѣрами, всѣми истязаніями и если ничто не возметъ, такъ, просто, конечнымъ истребленіемъ неугомонной, небагодарной и ненавистной націи. Эмансипаціонное движеніе въ Россіи приостановилось, страхъ внѣшней опасности, распаляемый подкупными и легковѣрными журналами, затормозилъ всякую внутреннюю жизнь, животный патріотизмъ, ослѣпивъ людей до невидѣнія собственной ихъ дряниности, затянулъ все: царь-эмансипаторъ сталъ царемъ освободителемъ, его палачъ—архистратигомъ Михаиломъ.

Послѣдуюмъ здѣсь порядку историческому, оставимъ на время вопросъ эмансипаціонный и, не увлекаясь любовью къ своему до обожанія полиціи, взгянемъ хладнокровно на польское возстаніе, теперь уже для насъ не страшное и прошлое. Мы опять возвратимся къ освобожденію крестьянъ также точно, какъ и сама Россія должна будетъ къ нему вернуться. Не отдѣлаются, не отвертятся отъ него ни царь, ни наши государственники, ни сама Пульхерія Ивановна: чему быть, тому не миновать.

Когда бѣшуетъ море, оно выбрасываетъ изъ себя камни, песокъ, раковины, обломки кораблей; но ни песокъ, ни камни,

ни корабельныя доски не составляютъ моря и не могутъ быть причиною бури. Наши помѣщики слышали, что въ Польшѣ водятся іезуиты и феодалы, что на днѣ польскаго моря погребены остатки цѣлаго государства, нѣкогда сильнаго и когда поднявшійся ураганъ сталъ выбрасывать на русскій берегъ все, что исгнѣвая, скрывалось еще въ нѣдрахъ Польши, имъ показалось что эта то дрянь и произвела весь гвалтъ, она то и есть первая причина возстанія. Гдѣ же было понять старосвѣтскимъ чудакамъ, что въ наше время революція невозможны ни во имя аристократизма, ни во имя папы, ни во имя отжившихъ государственныхъ формъ, а только во имя разрушенія всего этого, ради новыхъ построекъ, не имѣющихъ ничего общаго съ прошлымъ.

За старымъ хламомъ на землѣ становится тѣсно. Тѣсно отъ дворцовъ, увеселительныхъ замковъ, мон-плезировъ, генеральскихъ дачъ, аристократическихъ парковъ и затей всякаго рода. Тѣсно отъ громадныхъ церквей и соборовъ, сооружаемыхъ безъ нужды, безъ вѣры и безъ красоты; тѣсно отъ поповъ, военныхъ и статскихъ, отъ армій монаховъ и монахинь; отъ цѣлыхъ городовъ казармъ, отъ плацъ-парадовъ; отъ министерствъ, палатъ, сенатовъ, синодовъ, комиссій, коллегій, отъ расплодившагося чиновнаго племени, отъ грудъ бумагъ входящихъ и исходящихъ, отъ размножившихся государственныхъ формъ и искусственныхъ поднорокъ, безъ которыхъ онѣ давно бы рухнули для счастья народа; тѣсно отъ государственности, подавляющей жизнь на всякомъ мѣстѣ, во всякую минуту дня и ночи; тѣсно, наконецъ, отъ всѣхъ цивилизацій, накопившихся со временъ потопа и лежащихъ на челоуѣствѣ непроницаемыми геологическими пластами, цивилизацій живыхъ, никогда не имѣвшихъ въ себѣ ни столько силы, ни столько правды, чтобы сдѣлаться достояніемъ общимъ, не нуждаясь ни въ привилегіяхъ, ни въ кастахъ, ни въ чинахъ, ни въ орденахъ, ни въ іерархіяхъ.

Если иные русскіе думаютъ еще найти въ степяхъ нашихъ довольно простору и мѣста для земли и государства, для новой жизни и для старой вѣры, для крестьянской воли и для помѣщичьего быта, для царя и для свободы; то Польша не такъ счастлива: въ ней для стараго нѣтъ мѣста, по крайней мѣрѣ, она его не находитъ. Настрадавшись отъ старины не только отъ своей польской, но и русской, и саксонской, и австрійской, и прусской, и римской и французской, она за то болѣе многихъ другихъ странъ способна и готова къ обновленію своей жизни въ новомъ, *земскомъ* элементѣ, что и доказала она правительственнымъ манифестомъ отъ 22 Января 1863 г., возвѣстившимъ прекращеніе крѣпостнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упраздненіе классовъ, привилегій, чиповъ и утвердившимъ свободу вѣроисповѣданія.

Можетъ быть, что я ошибаюсь, можетъ быть, что вся эта польская свобода есть только пустой звукъ. Допустимъ, что наша сосѣдка, въ отношеніи къ Россіи, все та же старая, сварливая, безпрокая Польша, аристократка и папистка, безумно мечтающая о границахъ '72 года и т. д., допустимъ все это и еще столько же, если можно. Но о чемъ бы ни мечтаала она, вооружаясь противъ Петербурга, *не это главное дѣло, въ настоящую, безконечно важную для насъ минуту*. Вы могли бы понять и сами, что чѣмъ неразумнѣе, чѣмъ несбыточнѣе были бы польскія притязанія, тѣмъ менѣе онѣ были бы для насъ опасны; съ вашей точки зрѣнія вы должны бы были жалѣть о томъ, что Польша была слишкомъ умѣренна и не предъявила своихъ правъ на Москву, на Сибирь, (на которую права ея несомнѣнны). Но, кромѣ того, вы могли бы видѣть изъ исторіи, что до сихъ поръ польскія мечты никогда не имѣли силы переступить черезъ границы поэтического міра, тогда какъ та же исторія доказываетъ вамъ на каждомъ шагѣ, что петербургскія фантазіи всѣ, до послѣдней пасторально-эмансипаціонной, рождающіяся на свѣтѣ нелѣпыми, тѣмъ не менѣе доходятъ до самой осязательной и огвратительно реальной прозы. Еслибъ вы желали правды и ее одну имѣли

въ виду. то вамъ не зачѣмъ было бы такъ пристально вглядываться въ причины, побудившія Польшу къ возстанію. Оставляя въ сторонѣ все то, что могло бы оправдать его вполнѣ, вы должны бы были знать и помнить слѣдующія неоспоримыя истины:

1. Для своей свободы Россія не можетъ выжидать зрѣлости польскаго народа. Такое выжиданіе значило бы жертвовать Россіей для Польши.

2. Свободная Россія не можетъ держать Польшу въ порабощеніи, *какова бы Польша ни была.*

3. Рабство польское есть вѣрнѣйшій признакъ рабства русскаго.

4. Становясь за правительство противъ Польши, вы становитесь за ваше собственное невольничество.

5. Варшава для Россіи безопаснѣе Петербурга, была, есть и будетъ.

Если ваши государственные люди поняли ту аксіому, что существованіе Польши не совмѣстимо съ бытіемъ русскаго государства, то будьте увѣрены, они раскусили и другую дополняющую аксіому, что бытіе русскаго государства не совмѣстимо и съ русской національностью. А когда думаютъ еще надѣяться, такъ развѣ въ той сладкой надеждѣ, что безъ поляковъ, сами русскіе никогда не покусятся бунтовать противъ императорскаго произвола. Къ тому же и мѣры приняты надлежащія на случай вашего неповиновенія. Посмотрите вокругъ себя, на какія силы опираясь, могли бы вы, не говорю бунтовать, но требовать, протестовать, что можетъ же когда нибудь понадобится? За васъ въ цѣломъ свѣтѣ пѣтъ никого; всѣми покинутые, всѣми заброшенные, вы осуждены на гибель, если не убѣдитесь, что прежде чѣмъ казнить поляковъ, или кого бы то ни было, намъ надобно казнить вашего всероссійскаго врага — врага страшнѣйшаго всѣхъ другихъ, не потому что онъ былъ злѣе всѣхъ, а потому что онъ всѣхъ безчеловѣчнѣе, онъ — *абстрактъ, бюрократія, государство.*

В—ъ.

(Конецъ въ слѣд. листѣ).

ПИСЬМА КЪ ПРОТИВНИКУ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Съ тою же несправедливостью, но съ гораздо большей жестокостью отзываясь вы объ молодыхъ офицерахъ, писавшихъ къ намъ изъ Польши. Офицеровъ всегда строже наказываютъ военные суды, но мы съ вами статскіе.

Чудеса надѣлало петровское воспитаніе, оно лишило насъ всякаго смысла свободы и независимости. Нашей освобожденности едва хватало на пять лѣтъ, слѣдовавшие за смертью Николая. Стоило наткнуться на двѣ на три прокламаціи, на митрикулы и на разсуждающихъ офицеровъ, чтобъ съ испугомъ бѣжать назадъ подъ кровъ квартальныхъ вышекъ и правительственной опеки. Мы торонимся завѣить какъ Сенъ Жюсть “статую свободы и права человѣка”, забывая, что у насъ ея нѣтъ, а вмѣсто правъ человѣка — покаяніе только уничтоженіе крѣпостнаго права.

Говорятъ, что Англія любитъ свободу, но не любитъ равенства; что Франція любитъ равенство, но не любитъ свободы. Россія ихъ опередила: она равно не имѣетъ ни пристрастія къ равенству, ни *емкости* къ свободѣ. Это такъ и ведегъ отъ Аракчеевскаго императорства — къ императорству Пугачевскому.

Первое мы знаемъ хорошо. Сухая, безпощадная, фруитовая выправка, вѣчное молчаніе, безсмысленное повиновеніе, механический порядокъ — идеалъ великаго курфюрста въ колоссальныхъ размѣрахъ и въ колоссальномъ развитіи. Въ мѣщанскомъ мизерѣ нѣмецкой жизни фельдфебельству негдѣ было расправить члены; на рускомъ черноземѣ, благодаря помѣщичьему закалу, оно быстро развилось до заколачиванія

въ гробъ и до музыки въ шпорахъ. Вся педагогія Петра и его послѣдниковъ состояла въ варіаціяхъ на эту музыку, т. е. въ переложеніи на русскіе нравы нѣмецкой казарменной дисциплины. Составились общіе катихизисы, философскія сентенціи въ родѣ знаменитаго совѣта: “Ты мнѣ изъ десяти рекрутъ выправь одного солдата, да чтобъ былъ *солдатъ*”, т. е. денять остальныхъ забей, убей, изородуй, но чтобъ у дѣсятаго была музыка въ шпорахъ. Самое удивительное во всемъ этомъ то, что любовь къ этой музыкѣ просочилась во всѣ слои нѣтаческаго общества, мужскаго и женскаго.

Васъ сердитъ, что молодые офицеры обратились ко мнѣ — “какъ къ своему *directeur de conscience*”. Васъ сердитъ, что они готовы были скорѣе перейти въ ряды освобождающихъ поляковъ, чѣмъ стрѣлять въ нихъ. Вы упрекаете меня, что я “не догадался объяснить имъ все злодѣйство человѣка *носящаго русскій мундиръ, изъ рукъ русскаго правительства получающаго жалованье и власть надъ солдатами, который замышляетъ во время войны пристать къ врагамъ*”.

И такъ мундиръ дѣлаетъ изъ человѣка спадасина безъ воли и нравственности! А подкупъ жалованьемъ низводитъ спадасина на степенъ наемнаго убійцы. Ваши доводы мнѣ напомнили того вольтеровскаго солдата, который, на вопросъ путника “изъ за чего война?” отвѣчаетъ: “Это до меня не касается. Мое ремесло состоитъ въ томъ, чтобъ убивать, быть убитымъ и этимъ жить, объ остальномъ знаетъ начальство”.

По этой теоріи мундира и жалованья, какъ критериума нравственности, ни одинъ народъ никогда не вышелъ бы изъ зависимости вооруженной шайки. Возмущеніемъ противъ безправственныхъ приказовъ, отказомъ исполнять ихъ, начались всѣ освобожденія въ мірѣ. Офицеры нигдѣ не считали себя *на содержаніи* у государя; они вѣдѣ знали что жалованье *выдаетъ* правительство, а платитъ народъ; вездѣ знали, что есть предѣлъ, далѣе котораго повиновеніе не идетъ. Неужели генералы, полковники и офицеры, которые годы цѣлые засѣдали на смерть цѣлыхъ деревни, для водворенія пенужныхъ поенихъ поселеній, поступили доблестнѣе подполковника Красовскаго, скачавшаго своимъ солдатамъ: “не стрѣляйте, братны, въ своихъ родныхъ, не бейте крестьянъ”, и пошелъ за то на каторгу?

Вы упомянули слово *война*. *Польской войны* вовсе не было, а было *польское возстаніе*, что совершенно мѣняетъ дѣло. Сверхъ того офицеры писали къ намъ гораздо до возстанія. Они писали къ намъ осенью 1861 года, спрашивая что имъ дѣлать, если Польша возстанетъ, а ихъ пошлютъ усмирять? Мы совѣтовали имъ идти въ отставку и ни въ какомъ случаѣ не драться противъ людей ищущихъ независимости своей родины.

Почти черезъ годъ получили мы другое письмо (оба писала отъ имени товарищей А. Потебня) Офицеры извѣщали насъ что отвѣта нашего не получали, (вѣроятно благодаря родственной прусской почтѣ), что ихъ пропаганда идетъ быстро и что они рѣшились въ случаѣ возстанія идти съ поляками, но что имъ бы очень хотѣлось узнать мое мнѣніе. Вы смѣтаетесь надъ этимъ и называете меня ихъ *directeur de conscience*. Отчего же это смѣшно? Не отъ того-ли, что у меня нѣтъ *директорскаго мундира* и я не получаю *жалованья*, ну хоть изъ синаго, за мою духовную работу? Что-же смѣшнаго, что къ человѣку, который *тридцать лѣтъ* проповѣдывалъ одно и тоже, обратились за совѣтомъ молодые люди, разбуженные можегъ его словами, въ минуту мучительнаго противурѣчія *человѣческаго долга съ долгомъ служебнымъ*?

Не успѣли мы обдумать отвѣтъ, какъ страшная вѣсть напochла на насъ съ какимъ звѣремъ офицеры имѣютъ дѣло. Юня 16-го 1862 были разстрѣляны Аригольдтъ, Сливницкій и Ростковскій — за пропаганду между солдатами, “за дерзкій рѣчи” и “прекратныя толкованія”.

Рубльонъ былъ переидень. Испугавное журнальничьи

алармистами и николаевскими генералами, правительство дерзнуло казнить без крайности, без опасности; казнь Аптона Петрова указала дорогу. Приучение непривыкшаго общества и народа къ судебнымъ убійствамъ, къ крови—фактъ чудовищной безправственности. Мы думали, что по крайней мѣрѣ кнутомъ, клеймомъ, рваньемъ позорей, плетями, палками, розгами, фуктелями, шомполами, шпипрутевами и пр.—русскій народъ откупился отъ висѣлицъ, эшафотовъ и смерти свинцомъ, не тутъ то было. Дверь палачу была открыта черезъ кордегардію. Ужасъ передъ смертной казнью исчезъ, нервы укрѣпились. Можно было предвидѣть и того безумнаго генералъ-губернатора, который разстрѣлялъ въ Нижнемъ, разбойника по подозрѣнію и ту развратную журналистку, которая рукоплескала казнямъ и дальше подталкивала разсирѣвѣвшее правительство. Вы, какъ богословъ, очень хорошо знаете, что есть заповѣдныя свѣтыи, которыя твердо и несокрушимо держатся пока никто не касается до нихъ—и падаютъ какъ только допускаются исключенія. Въ Россіи человѣкъ ничего не стоилъ, или стоилъ по справочнымъ цѣпамъ столько то за душу и за рекрутскія квитанціи, по жизни человѣческая была почему то свята, послѣдовательно или нѣтъ—все равно. Въ совѣсти правительства и въ совѣсти народа было отвращеніе отъ смертной казни. У насъ казнили въ послѣднее время только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и то большіе для царскаго удовольствія, чѣмъ по внутреннему чувству справедливости. Уничтоженіемъ смертной казни мы хвастались передъ другими народами.

Вдругъ три жертвы, три молодые жертвы, безпощадно разстрѣляныя, не уваженныя даже царской скръпкой приговора... И во всей литературѣ не нашелся ни одинъ органъ, ни одинъ публицистъ, ни одинъ поэтъ, во всемъ обществѣ не осмѣлился ни государственный человѣкъ, ни женщина, ни іерархъ церкви поднять голосъ и указать весь ужасъ этого почина кривы; не нашелся ни одинъ человѣкъ, ни одинъ членъ царской фамиліи, который бросился бы передъ царемъ и остановилъ его руку, пока она не обогрѣлась русской кровью... Одна молодежь “энергированная нашей пропагандой”, одни несчастные офицеры, считающіе насъ за своихъ “directeurs de conscience”, помянули казенныхъ торжественной панихидой, да нашъ дальній Колоколъ печально провозвѣстѣ имъ вѣчную память—и успокоенье съ нашими свѣтыми.

Смерть Арнольда и его товарищей произвела то, что всегда производятъ мученичества—удвоенную энергію, удвоенную ненависть; казнь не запугала никого, офицерскій кружокъ крѣпче сплотился около Потебни. Для меня совершенно понятно, что никакой мундиръ, даже гусарскій или шитый, никакое жалованье даже съ прибавленіемъ столовыхъ и подъемныхъ, не могли заглушить совѣсти офицеровъ въ виду этой начинавшейся оргіи казней, крови и бѣшеннаго патріотизма. Не дождавшись нашего отвѣта, они прислали въ Лондонъ Потебню.

Личности болѣе симпатичной въ великой простотѣ, въ великой преданности, въ безусловной чистотѣ и безкорыстности своей, въ трагическомъ пониманіи своей судьбы—я рѣдко встрѣчалъ. Въ статьѣ Огарева “Надгробное слово” (Кол. 1 Мая '63 г.) нѣтъ тѣни увеличенія. Потебня принадлежалъ къ числу тѣхъ воплощеній вѣковой боли цѣлаго народа, которыми онъ изрѣдка отбываетъ страданія, скорби и угрызенія совѣсти. Онъ плохо вѣрилъ въ успѣхъ, но шелъ, шелъ потому, что онъ не могъ примириться съ мыслью, что русское войско, что русскіе офицеры безъ протеста, холодно и безпощадно пойдутъ бить людей, съ которыми два года жили въ близости, за то, что они хотятъ быть вольными. Смерть трехъ товарищей его, разстрѣлянныхъ въ Люблинѣ, бродила въ его крови, и онъ погибъ, потому что хотѣлъ погибнуть, и потому что твердо вѣровалъ, что смерть его искупаетъ повинное другіхъ. “Я ѣду, писалъ онъ, отпра-

вляясь въ Польшу, а въ ушахъ у меня раздаются: мы на смерть идущіе вамъ кланяемся!”

Мы предвидѣли гибель ихъ и всѣми силами старались задержать возстаніе. Правительство напротивъ, утомленное quasi-законностью, торопилось скорѣе покончить “польское затрудненіе”.

Офицеры сдѣлали послѣдній торжественный шагъ, послѣдній протестъ, они написали адрессъ...

Вмѣсто того, чтобъ приходить въ дисциплинарное негодование и официальный ужасъ отъ офицерской продерзости, подумайте объ ней. Освободитесь на минуту отъ петербургской раздражительности передъ словомъ сказаннымъ “не по начальству”, передъ дѣломъ написаннымъ не по формѣ, передъ всякимъ свободнымъ актомъ человѣка, и скажите что преступнаго въ томъ, что накупивъ междоусобицы, офицеры доводятъ до брата государя, до намѣстника края о томъ что у нихъ на душѣ и просятъ ихъ спасти отъ измѣны себѣ—или долгу? “Мы въ невыносимомъ положеніи въ Польшѣ, пишутъ они, мы не хотимъ быть измѣнниками русскому народу, но не хотимъ быть и палачами!” Во время Севастопольской осады подобныя сомнѣнія не возникали и подобныя вопросы не ставились. Еслибъ Константинъ Николаевичъ въ свою очередь подумалъ объ этомъ (по несчастію имъ всегда недосугъ думать) то можетъ быть вмѣсто того, чтобъ поручать Минквицу составленіе контръ-адресса, надъ которымъ смѣялся весь міръ, онъ довелъ бы его до государя, и сколько бѣдствій, крови было бы спасено... Но какъ допустить такую дерзость, не только офицерамъ, но и генералъ-ан-шефамъ! Отчего же идущій на смерть по службѣ не имѣетъ права осужденнаго на казнь сказать свое послѣднее слово, выразить свое желаніе? Еслибъ въ '49 году Паскевичи и Ридигеры довели до Зимняго дворца настроеніе русскихъ войскъ и офицеровъ въ Венгрію, мы не видали бы преступнаго, отвратительнаго зрѣлища—русской арміи, бьющей дружески расположенный къ намъ народъ въ пользу своего злѣйшаго врага.

Петербургское правительство всегда, во всемъ шло на проломъ, ломало все что попадалось подъ ноги, лишь бы дорога была посыпана пескомъ и главное была бы вытянута примолвицею по шнурѣ. Оно ни разу не останавливалось ни передъ чѣмъ и топтало безъ зазрѣнія совѣсти все дорогое и святое человѣку. Человѣческій оборотъ дѣла, если и приходилъ изрѣдка ему въ голову, то всегда поздно. Во всемъ, вездѣ, сначала дикая сила, ломанье и когда дѣло въ половину погнѣло на корню, тогда принимаются залечивать. Сперва столкнуть цѣлое населеніе въ море, чтобъ отъ него отдѣлаться, а потомъ догадываются, по иностраннымъ газетамъ, что меньше нельзя сдѣлать какъ дать имъ корабли.

Человѣческіе пути дальше и сложнѣе, пути насилія коротки и казисты. Для того, чтобъ ихъ употреблять, надобно имѣть отсутствіе сердца, очень ограниченный умъ и совѣсть не ограниченную власть, надобно имѣть исполнителей, которые никогда не спрашиваютъ—такъ ли это и почему такъ? Имѣть все это, при счастливыхъ обстоятельствахъ, бездарностью и ограниченностью можно надѣлать чудеса нечеловѣческихъ и богъ знаетъ что загубить: “Петрополь вызвать изъ блатъ”, Зимній дворецъ изъ пепла, сдѣлать изъ деревень—военныя поселенія, изъ военныхъ поселеній—деревни...

... На канувъ польскаго возстанія представлялись два средства для того, чтобъ его остановить: депортація нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ подтасованнымъ наборомъ и освобожденіе крестьянъ, какъ оно сдѣлалось черезъ годъ послѣ рѣзни и террора.

Я не встрѣчалъ ни одного человѣка съ здравымъ смысломъ, котораго бы вѣсть о наборѣ не ошеломила. Князь Орловъ поскакалъ въ Варшаву уговаривать Великаго князя; говорятъ, что вел. князь самъ былъ въ раздумьи, телеграфировалъ государю. Но дѣло было zu petersburgish... наборъ не отменили. Всѣ усилія, просьбы, доводы, которыми многіе

старались остановить, задержать возстаніе — исчезли как прахъ передъ наборомъ.

“Вы видите, говорилъ намъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ Сигизмундъ Падлевскій въ Лондонѣ, можно ли медлить и въ нашей ли волѣ остановить возстаніе? Если эта варварская трагія на людей сбудется, мы можемъ всё погибнемъ, но возстаніе будетъ навѣрное”. И онъ поѣхалъ съ Потебней въ Польшу.

Знаменитая брава была въ Варшавѣ 15 Января, 21-го Января вспыхнуло возстаніе, а мѣсяца черезъ три не было уже ни Потебни, ни Падлевскаго — кровь лилась рѣкой и на мрачномъ горизонтѣ Россіи подымались два тусклыхъ пятна вѣнателя и его ритора, именами которыхъ будетъ помѣчена эпоха начавшаяся съ конца 1862...

Напрасно хотѣть покрыть это темное время — однимъ патріотическимъ взрывомъ и возбужденнымъ чувствомъ національнаго достоинства. Одна непонятная спутанность понятій и наглость языка можетъ ставить годъ *казней* наряду съ годомъ *побѣдъ*, годъ великой и малой полиціи съ великимъ 1812 годомъ. Что кастратскій задоръ западныхъ потъ могъ взбѣсить всю Россію, и она показала готовность отпора — это нонанс, что по сей вѣрной оказіи многимъ захотѣлось наконецъ сбросить нравственное иго Европы*, въ которомъ насъ держали всякіе фамулысы Гнейста и подмастерья нѣмецкихъ гелертеровъ — также понятно. Но взгляните въ результатъ всей агитаціи. Когда вчерашніе почитатели Англии, громко презиравшие все русское, премудро сдѣлавшіе “шагъ черезъ половину манежа”, раздули вмѣстѣ съ откровенными кликушами и бѣсиующимися о Россіи, патріотическія искры въ длинное пламя, которому не доставало одного — сжигаемаго матеріала, т. е. непріятеля, слѣдовало бы успокоиться на сознаніи и заявленіи своей силы. Не тутъ то было. Все это возбужденіе, вся готовность сразиться съ Европой — перешла въ полицію. Прокофьи Лапуновы и Минины Сухорукіе — почувствовали себя квартальными и частными приставами; доносчики, сыщики — Фигиерами и Сеславинами; Муравьевъ — княземъ Пожарскимъ. Не имѣя ни отечества для спасенія, ни міра для покоренія — всё бросились на полицейское усмиреніе Польши, на полицейское водвореніе русскаго элемента, на полицейскую пропаганду православія, на чиновничью демократизацію края... Такой источникъ патріотизма слишкомъ сдаетъ напимъ Петербургомъ, и мы не видимъ въ немъ русскаго народнаго чувства. Русскій народъ положилъ бы въ котокъ свой черствый, черный хлѣбъ и пошелъ бы на войну за Русь, но онъ отроду не считалъ Польшу Русскою — что ему до нея за дѣло! Онъ слишкомъ занятъ заботою дня, своимъ поземельнымъ и выкупнымъ дѣломъ, чтобъ заниматься Польшею.

Да еслибъ и въ самомъ дѣлѣ народъ, которому грозили войной изъ за Польши, котораго увѣряли, что въ каждомъ пожарѣ участвуетъ полякъ, заразился бы полицейской чумой образованныхъ сословій, мы и съ нимъ не взяли бы круговой поруки противъ нашей совѣсти, какъ не беремъ ее съ вами. Мы не рабы любви нашей къ родинѣ, какъ не рабы ни въ чемъ. Такого языческаго, азіатскаго поглощенія своей воли и своего разума племенемъ, народомъ не только нѣтъ больше въ *новомъ мірѣ*, но никогда не было въ мірѣ христіанскомъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, который основался и развился, “не на свободѣ”, а “на логической необходимости”.

Подъ какою бы логической или стихійной необходимостью мы ни были, мы не отречемся отъ нашего нравственнаго самоопредѣленія — отъ святой, самодержавной независимости нашей, мы никогда не поставимъ критеріумъ нашей совѣсти въ чемъ бы то ни было внѣ ея. Оттого то намъ родственно понятенъ голосъ юношей, остановившихся въ раздумьи передъ кровопролитіемъ и спросившихъ себя: “Долженъ ли въ самомъ дѣлѣ быть слѣпымъ орудіемъ прави-

* о чемъ мы проповѣдовали (не говоря уже о славянофилахъ) — пятнадцать цѣлыхъ лѣтъ.

тельства?” Оттого то они для насъ недосыгаемо выше тучи “охотниковъ”, пошедшихъ на помощь правительству расправившему Польшу — и перемѣнившихъ военный мундиръ на полинейскій.

И въ то время когда эти несчастные додѣлываютъ свое дѣло мести и ненависти, когда они не могутъ унять и послѣ побѣды и рвутся какъ тотъ гвардейскій офицеръ, который бросился къ Павлу, чтобъ дать еще пинька умирающему, въ то время кровь Потебни и его товарищей кладетъ основу забвенію прошедшаго и будущему союзу для новой жизни обоихъ народовъ. Русскіе юноши смертью въ польскихъ рядахъ засвидѣтельствовали не разнь свою съ народомъ русскимъ, а единство славянскаго міра, понимающаго всё отрасли одного дерева.

Нельзя прилагать уголовный сводъ и полицейскій уставъ, военный артикулъ и кабальное право мундира и жалованья къ такимъ трагическимъ событіямъ; тутъ ни лица, ни дѣла не подходятъ подъ мѣрку судебной инстанціи, не исключая самаго правительствующаго сената со всеми департаментами своими.

Вы хорошо знакомы съ религіознымъ воззрѣніемъ на наши мірскія дѣла. Вспомните, что дѣлали монахи (когда они были истинной) на окровавленныхъ поляхъ дикихъ битвъ. Они не упрекали раненыхъ, не отравляли послѣднія минуты умирающихъ, они безъ различія стороны молились о тѣхъ и другихъ и утѣшали послѣднихъ будущіею, какъ они ее понимали... У религіи не одна сторона *нетерпимости и гоненій*. За чѣмъ же вы берете только ее?

II—ръ.

С М Ъ С Ъ

1865 годъ обѣщаетъ быть годомъ огромныхъ реформъ; но что всего страннѣе, что весь приступъ къ этимъ реформамъ нисколько не обѣщаетъ отъ нихъ прямого хорошаго результата. Хорошо въ нихъ только то, что онѣ вводятъ въ колею переворота и, что слѣдственно, Россія остается какъ она была — отнынѣ невозможно. Не говоря уже о крестьянской реформѣ, которая поставила всѣхъ въ иное положеніе, не удовлетворивъ никого; теперь является судебная реформа (о которой мы особо поговоримъ въ слѣдующій разъ). Она даетъ гласный судъ въ проектѣ; но что дѣлается теперь — это невообразимо! Или правительство, до введенія гласнаго суда, торопится надѣлать вволю беззаконій, или оно думаетъ гласный судъ свести на шутку, на которую съ удовольствіемъ взглянуть, какъ на серіезъ, только иностранцы. Дѣло Чернышевскаго, на пр., такого рода, что будь гласный судъ съ присяжными, то онъ слѣдователей и судей по этому дѣлу приговорилъ бы къ каторгѣ. А тутъ правительство ссылаетъ на каторгу человека, на котораго оно само черезъ особыхъ агентовъ наглаго провѣрности, по слѣдствію недоказаннаго, за который судъ присудилъ къ наказанію, не по закону. За тѣмъ послѣдовалъ арестъ дѣвушки, которая бросила цѣпты на лобное мѣсто... Когда государю докладывали объ этихъ цѣптахъ, говорятъ, онъ съ гнѣвомъ сказалъ, что: “эту дѣвчонку слѣдовало бы послать въ монастырь — къ кому сочувствіе?... мерзавецъ, которому я уменьшилъ 7 лѣтъ каторги, а онъ за это не хотѣлъ поблагодарить, причастившись святыхъ таинъ”.!!

Далѣе *милкія* наказанія за политическія преступленія: *Баллода* приговоренъ государственнымъ совѣтомъ къ 15 лѣтней каторгѣ, хотя по закону — если бы даже вина была доказана — по ст. 285 Улож. о наказ., онъ бы могъ быть приговоренъ только на 10, и “благодарному” можно было бы смягчить и меньше чѣмъ на семь. Изъ остальныхъ по этому дѣлу (*Писаревъ, Ольшевскій, Печаткинъ, Ткачевъ, Жуковский*) всего замѣчательнѣе рѣшеніе о Писаревѣ, ибо изъ самаго текста мнѣнія госуд. совѣта ясно, что вина его не доказана: “Канд. С.-петерб. университет. Д. Писарева лишивъ въ которыхъ, по ст. 54 Улож. о нак., правъ и преимуществъ,

заклучить въ крѣпость на 2 года и 8 мѣсяцев*, по предмету же покушенія распространить составленное имъ возмутительное сочиненіе, оставить его въ сильномъ подозрѣніи”.

Далѣе, идутъ наши за политическія преступленія въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ, разстрѣліемъ и повѣшаніемъ, на пр. въ Вильнѣ повѣшенъ лекарь *Юліанъ Мицкевичъ* и др., словомъ идетъ пачество, которое не существуетъ ни въ законѣ, ни въ правахъ. Такія же казни и не за политическія преступленія; такъ на пр. разстрѣліе въ Кіевѣ (27 Октября) мѣщанина *Бондаренко* и арестанта гражданского вѣдомства *Моклева* за драку съ часовыми и угрозы офицеру въ тюремномъ замкѣ. Идутъ ссылки какими то особымъ административнымъ порядкомъ, на пр. въ Оренбургской губерніи, по рѣшенію какого то военнаго суда, *предписанному* или *утвержденному* генералъ-губернаторомъ Безакомъ — сосланъ въ Сибирь крестьянинъ бузулукскаго уѣзда Князевъ по подозрѣнію въ поджогѣ. У Безака такихъ случаевъ не одинъ, а много. Замѣчательно, что самъ государь рѣдко подписываетъ важные случаи; кромѣ казни разстрѣліемъ 5 цыганъ разбойниковъ въ Кишеневѣ, мы не встрѣили. Ему подносятъ только военныя наказанія — офицеръ ранилъ кого на дуэли, или казенныя деньги промоталъ — это все высочайше подтверждено, а объ пачество часто высочайшихъ рукъ мараить не годится — это могутъ справлять всякіе Муравьевы, Анненковы, Берги, Безаки и т. д. — Могутъ то они, конечно, (а ужъ особенно архистратигъ Михаилъ съ пламенной вистлией, знающій что въ русскомъ раю мѣсто только для казнокрадовъ); но какъ это все согласить съ проектами гласнаго и праваго, такъ сказать независимаго суда? Вѣдь московское дворянство (какъ сообщаетъ *“Times”* отъ 25 Января) совершенно право, пославъ государю адресъ съ требованіемъ двухъ представительныхъ палатъ; безъ власти общественной, безъ законодательнаго представительнаго собранія, положиться на всѣ эти реформы, или проекты реформъ — нѣтъ никакой возможности; иначе все это сведется на юридическія представленія, въ которыхъ какъ захотятъ такъ и ввучатъ пѣмечко-татарской административный порядокъ. Мы, правду сказать, не вѣримъ и въ свѣше давшую конституцію, а только въ конституцію, опредѣленную земскимъ соборомъ; также не видимъ откуда Россія возьметъ камеру лордовъ и, если государь и дастъ конституцію (чему мы также не вѣримъ), то не вѣримъ чтобы она кого нибудь удовлетворила — по положеніе дѣлъ то было бы расчищено, всѣмъ бы яснѣе стало откуда, куда и какъ идти впередъ.

Дворянство же, какъ видно изъ русскихъ газетъ и по замѣчаніямъ на московскихъ выборахъ, до сихъ поръ на только не уяснило себѣ задачи, что мало принимаетъ участія въ выборахъ по земскимъ учрежденіямъ. Мы и не думаемъ, чтобы земскія учрежденія равнялись какому нибудь законодательному собранію, но мы думаемъ, что это обширное поле для сближенія сословій и уясненія единой общественной задачи, поставленной на своемъ естественномъ основаніи мѣстныхъ различій, изъ которыхъ разовьется необходимость общаго союза для единой цѣли общественной свободы и самоуправленія. Дворянство уступаетъ это поле другому, не столько литературно-мудреному, но болѣе практическому и болѣе безсловесно сжившемуся съ массами — разночинству. Да нравствуютъ грядые во имя новыхъ потребностей!

Изъ всѣхъ нашихъ реформъ-зародышей, еще самая первая, крестьянская реформа должна найти себѣ рѣшеніе на своихъ действительныхъ началахъ, самимъ народомъ признанныхъ и высказанныхъ. Теперь она еще нигдѣ не можетъ достигнуть своего настоящаго значенія... не только въ Россіи, но даже и въ Грузіи. Грузинскіе бояры производятъ рѣчи, въ которыхъ обинадеживаютъ дворянство, что освобожденіе крестьянъ для него выгодно, совершенно совпадая съ мнѣніемъ *“Моск. Вѣд.”*.

* Ст. 54 не говоритъ къ какому преступленію относится; куда же, еслибъ дѣло и было доказано, относится ст. 286 осуждающая на заключеніе въ крѣпость отъ 1-го до 2-хъ лѣтъ.

что вольнонаемный трудъ выгоднѣе крѣпостнаго... Какъ будто въ этомъ все и дѣло! — А между тѣмъ правительство затрогиваетъ въ Грузіи другой вопросъ. Великій князь Михаилъ приказалъ: 1) Изгнать грузинскій языкъ изъ закавказскихъ областей и 2) уничтожить стипендіи въ русскихъ университетахъ, гдѣ на счетъ кавказскаго комитета воспитывалось до 150 студентовъ. Что это и онъ, а la Катковъ, боится сенератизма? Хоть бы кто нибудь ихъ увѣрилъ, что еслибъ Грузины захотѣли возстать, они не въ силахъ для продержаться! За чѣмъ же притѣсненіемъ возбуждать ихъ къ возстанію? Или можетъ весело будетъ топить ихъ, изгоняя, какъ Черкесовъ въ Крыму? Впрочемъ Михаилъ Николаевичъ говоритъ всѣмъ и каждому изъ просителей, что онъ беретъ такое то его дѣло на свою отвѣтственность и въ случаѣ неправаго рѣшенія отвѣчаетъ “передъ Богомъ и своимъ августѣйшимъ и всемилостивѣйшимъ братомъ”. — Изъ многихъ другихъ забавностей, мы сегодня имѣемъ мѣсто помѣстить только одну: Катковъ гонимъ и ему дѣлаютъ какія то административныя угрозы; Шедо-Феротти защищаетъ его, называя *доносчикомъ* и умоляетъ не реабилитировать его гоненіями. Это все когда въ ходу (по видимому очень оригинальный) проектъ объ уничтоженіи цензуры!

П. Ж. ПРУДОНЪ.

Прудонъ умеръ 19 Января въ Пасси. Ему было едва 56 лѣтъ.

Быстро сходятъ со сцены мощные бойцы борьбы — не оконченной, но приостановившейся за туманомъ, въ которомъ трудно стало узнавать своихъ и чужихъ, борьбы ослабнувшей отъ неопредѣленныхъ цѣлей и неяснаго пониманія исхода.

Прудонъ принадлежалъ къ сильнѣйшимъ двигателямъ общественнаго самосознанія, именно въ то время, въ которое по Франціи пробѣгала социальная дрожь и она, чтобы выйти изъ старыхъ путъ, пробовала все — фапанстеры и проповѣди Сен-Симонистовъ, июльскія баррикады и американскія Пикари. Прудонъ не разрѣшилъ великихъ вопросовъ, не снялъ страшныхъ сомнѣній, онъ не основалъ школы, но оставилъ диалектическій тарант. Можетъ онъ и думалъ, что умѣетъ лечить, но сила его была не въ леченіи, а въ разсѣченіи труповъ. Прудонъ не создавалъ, онъ ломалъ, онъ восвалъ, а главное онъ *двигалъ*, онъ все *двигалъ*. все покачивалъ. все затрогивалъ, отбрасывал условныя уваженія, освещенныя павыкомъ понятія и принятой бразъ критики перемонялъ. Подобно вспоминать внутреннюю рибость романской мысли — дерзкой сваружи, волнуемой на поверхности, быстро несущейся въ извѣстномъ словѣ и упорно хранящей въ глубинѣ своей заветныя начала, запечатлѣнная вѣковой тиной — туда то проникалъ Прудонъ и не смотря на крикъ негодованія и скрежетъ зубовъ, своей крѣпкой, плебейской, крестьянской рукой толкалъ эти мнимые влады въ общій потокъ. Это была своего рода *ликвидация* — нравственно недвижимыхъ имуществъ.

Когда нибудь мы поговоримъ о его подвигѣ, теперь намъ хотѣлось бросить и нашу горсть земли на гробъ учителя.

... Serrez les rangs, serrez les rangs! Да, старое меньшинство *юныхъ стариковъ* таетъ не по днямъ, а по часамъ во Франціи. Не долго послѣднимъ ветеранамъ простоять на часахъ... урюмо смотреть они вдаль дороги, не идетъ ли *слѣпа*. Много идетъ... все мимо, все чужое, все мелкое, все безъ помазанія. Иногда кажется вотъ закиваетъ мысль, вотъ является энергія, завязывается узелъ, выступаютъ новыя силы.

... Сестра Анна, сестра Анна, что, идутъ ли! — Пылитъ дорога, раздаются топотъ, это они, это *наши*... Путь — это идетъ какое то стадо...

Тяжелая перемишка для всей Европы!

и — рь.

Montpellier, 20 января 1865.

— А огчего императрица такъ кручинится, что Константина Николаевича назначили председателемъ государства. Совѣла!

Отпечатано въ Вольномъ Русской Типографіи — Jessamine Cottage, New Hampton, Middlesex.

ОБЪЯВЛЕНИЯ Г. ТРЮБНЕРА И К.

КНИГОПРОДАВЦЕВЪ, PATERNOSTER ROW, LONDON, E. C.

SUPPLEMENT TO THE BELL. № 194.

(1 FEBRUARY 1865).

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, (l'Etoile Polaire). За 1855, 1856, 1857, 1858, 1859 и 1861. Цѣна одной книжки ... 8s. 0
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, кн. VII. За 1862, Выпускъ I-й. (Съ портретомъ Якушкина)... 3s. 0
Тоже Выпускъ II-ой ... 5s. 0
КОЛОКОЛЪ, (La Cloche, Journal hebdomadaire). На 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864 и 1865. Каждый листъ. ... 0 6
ОБЩЕЕ ВѢЩЕ, (Vetché). (Прибавочные листы къ Колоколу) отдѣльно ... 0 3
КРЕЩЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, (La propriété baptisée) Искандера. Третье изданіе ... 2s. 0
ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ, (Les récits interrompus), Искандера (съ портретомъ автора)... 5s. 0
ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ, (Lettres sur la France & l'Italie), Искандера (1847-1852) съ портретомъ автора ... 8s. 0
СЪ ТОГО БЕРЕГА, (De l'autre Rive). Искандера... 6s. 0
ТЮРЬМА И ССЫЛКА, (Prison et Exile) Искандера (съ портретомъ автора) ... 5s. 0
СТАРЫЙ МІРЪ И РОССІЯ, (La Russie et le vieux Monde). Письма А. Герцена къ В. Липтову, (переводъ съ французскаго.) ... 2s. 0
РУССКІЙ НАРОДЪ И СОЦІАЛИЗМЪ, (Le Peuple Russe et le Socialisme) Письмо къ П. Мишле, Искандера, (Переводъ съ французскаго) ... 2s. 0
LE PEUPLE RUSSE et le Socialisme. Lettre à M. Michelet, par Iscander. 2e édition ... 1s. 0
DU DEVELOPEMENT des Idées Révolutionnaires en Russie, par Iscander ... 2s. 6
LA CONSPIRATION RUSSE de 1825, suivie d'une Lettre sur l'Emancipation des Paychans en Russie, par Iscander... 1s. 0
ФРАНЦІЯ ИЛИ АНГЛІЯ? (La France ou l'Angleterre?) Переводъ съ французскаго, Искандера ... 1s. 6
LA FRANCE OU L'ANGLETERRE? Variations Russes sur le thème de l'attentat du 14 Janvier 1858, par Iscander ... 1s. 0
FRANCE OR ENGLAND? (Переводъ съ французскаго) ... 0 6
КТО ВИНОВАТЪ? (A qui la faute?) Романъ въ двухъ частяхъ. Искандера. Лондонское изданіе ... 6s. 0
БЫЛОЕ И ДУМЫ, Искандера, Часть I (1812—1838). (Les Mémoires d'ISCANDER, I-re partie.) Предисловіе, Глава I: Моя нянюшка и La Grande Armée, Пожаръ Москвы, Мой отецъ у Наполеона, Генералъ Яковлевскій, Путешествіе съ французскими пѣвцами, Патриотизмъ К. Кало, Общее управленіе имѣніемъ, Раздѣлъ, Сенаторъ. Глава II: Разговоръ нянюшки и бесѣда генераловъ, Ложное положеніе, Русскіе запиклопедисты, Скука, Дѣвчѣ и передня, Два пѣвца, Ученіе и чтеніе, Катехизисъ и Евангеліе. Глава III: Смерть Александра I и 14 Декабря, Нравственное пробужденіе, Террористъ Бушо, Корчевская кузина. Глава IV: Никъ и Воробьевы горы. Глава V: Подробности домашняго житія, Люди XVIII вѣка въ Россіи, День у насъ въ домѣ, Гости и habitués, Зопенбергъ, Камердинеръ и пр. Глава VI: Кремлевская экспедиція, Московскій Университетъ, Химикъ, Мы, Маловская исторія, Солера, Филаретъ, Сунгуровское дѣло, В. Насекъ, Генералъ Лисовскій, Н. А. Полевой. Глава VII: Конецъ курса, Швалеровскій періодъ, Молодая юность и артистическая жизнь, С. Симонизмъ и Н. Полевой, Прибавленіе, А. Ножеяевъ. Глава VIII: Пророчество, Арестъ Огарева, Пожаръ, Московскій либералъ, М. О. Орловъ, кладбище. Глава IX: Арестъ, Добросовѣстный, Канцелярія пречистенскаго частнаго дома, Патриархальный судъ. Глава X: Подъ Каланчей, Лисабонскій кварталный, Зажигатели. Глава XI: Крутицкія казармы, Жандармскія повѣствованія, Офицеры. Глава XII: Слѣдствіе, Голицынъ веп., Голицынъ jun., Генералъ Стааль, Сентенція, Соколовскій. Глава XIII: Ссылка, Городничій, Волга, Пермь. Глава XIV: Вятка, Канцелярія и столовая его превосходительства, К. Я. Тюфяевъ. Глава XV: Чиновники, Сибирскіе генералъ-губернаторы, Сивный полицмейстеръ, Ручный судья, Жареный исправникъ, Равноапостольный татаринъ, Мальчикъ женскаго пола, Картофельный терроръ и пр. Глава XVI: Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ. Глава XVII: Наслѣдникъ въ Вяткѣ, Паденіе Тюфяева, Переводъ во Владиміръ, Исправникъ на слѣдствіи. Глава XVIII: Начало владимірской жизни ... 8s. 0
БЫЛОЕ И ДУМЫ, Томъ II, Часть III и IV (1839—1847). Глава XIX: Книжница и Книжна. Глава XX: Сирота. Глава XXI: Разлука. Глава XXII: Въ Москвѣ безъ меня. Глава XXIII: Третье Марта и Девятое Мая 1838 года. Глава XXIV: 13 Іюня 1839 года.

Глава XXV: Диссонансъ, Новый кругъ, Отчаянный гегелизмъ, В. Бѣлинскій, М. Бакуминъ и пр., Ссора съ Бѣлинскимъ и миръ, Новогородскіе споры съ дамой, Кругъ Станкевича. Глава XXVI: Предостереженія, Герольдія, Канцелярія министра, III отдѣленіе, Исторія будочника, Генералъ Дуббельтъ, Графъ Бенкендорфъ, Ольга Александровна Жеребцова, Вторая ссылка. Глава XXVII: Губернское правленіе, Я у себя подъ надзоромъ, Духоборцы и Павелъ, Отецеская власть помѣщиковъ и помѣщицъ, Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія, Калибальское слѣдствіе. Отставка. Глава XXVIII: Grübeleу, Москва послѣ ссылки, Покровское, Смерть Матвѣя, Іерей Іоаннъ. Глава XXIX: Наши, Московской кругъ, Застольная бесѣда, Западники. Глава XXX: Не наши, Славянофилы и панславизмъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, К. Аксаковъ, П. Я. Чаадаевъ. Глава XXXI: Кончина моего отца, Наслѣдство, Дѣлежъ, Два племянника. Глава XXXII: Последняя побѣда въ Соколово, Теоретическій разрывъ, ватавутое положеніе, Dahin! Dahin! Глава XXXIII: Частный приставъ въ должности камердинера, Оберъ-полицмейстеръ Кокошкинъ, "Безпорядокъ въ порядкѣ", Еще разъ Дуббельтъ, Паспортъ. Цѣна ... 8s. 0
БЫЛОЕ И ДУМЫ, Томъ III... 6s. 0
ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ, (1855—1860) Соціальныя и политическія статьи Искандера и Н. Огарева. Часть I. Искандера (Pour Cinq Ans "Articles politiques et sociaux d'Iscander et Ogareff") Часть I: Введеніе, Письмо къ императору Александру II, Еще вариация на старую тему, Революція въ Россіи, Письмо къ императору Александру II, Черезъ три года и черезъ три года съ половинкой, Письмо къ императрицѣ Маріи Александровнѣ, Америка и Сибирь, Россія и Польша, Читѣтъ Русской дамѣ, Война и миръ, Русскіе пѣвцы и пѣмцы Русскіе, 1860 годъ ... 1s. 0
ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ, (1855—1860) Часть II, Н. Огарева: Предисловіе, Русскіе вопросы (1856), Письмо къ автору "Возраженія на статью Колокола" помѣщеннаго въ 18 листѣ, Отвѣтъ на письмо мало-россійскаго помѣщика (57 & 58 л. Колокола), Предварительныя соображенія финансовою комиссіи, Редакціонныхъ комиссій и труды комиссіи для устройства земскихъ банковъ, По поводу правилъ Муравьева-вѣдателя, По поводу проекта положенія о присяжныхъ повѣренныхъ, Преобразование чиновничества, Письма къ соотечественнику, На новый годъ 1861 ... 9s. 0
СТИХОТВОРЕНІЯ Н. ОГАРЕВА, (Poésies d'Ogareff). (Съ портретомъ автора) 432 стр. ... 10s. 6
РАЗБОРЪ Нового Крѣпостнаго Права, Н. Огарева, ... 1s. 6
14 ДЕКАБРЯ 1825 и ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ, (Le 14 Decembre et l'Empereur Nicolas). Издано Редакціей Поларной Звѣзды, по поводу книги барона Корса ... 7s. 6
ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ. (Recueil historique de l'imprimerie Russe à Londres). Книжка первая, съ приложеніемъ портрета Павла I, публикованная въ Лондонѣ въ 1799 ... 4s. 0
ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, кн. II. (Recueil historique de l'imprimerie Russe à Londres vol. II.) ... 7s. 6
ДУМЫ К. РЫЛѢВА, (Poésies de Ryleieff). Съ предисловіемъ Н. Огарева ... 2s. 6
ЗАПИСКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ, (Mémoires de la princesse Daschkoff). (Переводъ съ англійскаго) 505 стр. ... 12s. 0
ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, (Mémoires de l'Impératrice Catherine II). (Переводъ съ французскаго.) 277 стр. ... 8s. 0
РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ—отдѣлъ первый Стихотворенія, Часть первая, съ предисловіемъ Н. Огарева.—Стихотворенія Пушкина и А.—Стихотворенія въ разныхъ родахъ: Христосъ воскресъ; Ода на свободу; Книжка; В. Л. Пушкину; Посланіе къ Чаадаеву; Посланіе къ М. Орлову; Деревня; По прочтеніи Байронова Каина; Сказка; Въ Сибирь; Сѣятель; На выздоровленіе Лукулла; Мѣшанинъ; Моя Родословная; Мѣрская власть; На наводненіе; Пестелю; Десятая заповѣдь; Къ Олениной; Къ Х...; Лидникъ; Нѣтъ! я не дорожу... Стихотворенія Эротическія: Гаврилада; Царь Никита; Вечерняя прогулка; Первая ночь брака (посланіе къ другу) Эпиграммы: Про себя; Къ портрету П. Я. Чаадаева; Аракчееву; Ему-же; На воцареніе Александра; Канкрину Подражаніе французскому; Фонарь; Воронцову; Ему-же; Екатерина; Павлу I.; Александровская колона; Императору Николаю; Ему-же; Къ бюсту Николая; Голицыну; Встарь Голицынъ мудрость вѣспѣлъ; В. С. На Исторію Карамзина:

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — Jessamine Cottage,
New Hampton, Middlesex.

ЛИСТЪ 195.

1 МАРТА 1865.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Адрессъ московскаго дворянства—Прививка конституціонной оспы—Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и Польское возстаніе (Окончаніе).

Смѣсь: Царское попощеніе и оскверненіе труповъ—Намѣренія цензуры и пр.

АДРЕССЪ МОСКОВСКАГО ДВОРЯНСТВА.

Принятый большинствомъ 270 голосовъ противъ 36.

Всемилоствѣйшій Государь,

Московское дворянство, въ настоящемъ собраніи своемъ, не можетъ не высказать В. и. в. чувствъ глубокой преданности и благодарности за Ваши мудрыя начинанія, всегда клонящіяся къ благу нашего отечества. Мы готовы, Государь, содѣйствовать Вамъ словомъ и дѣломъ на трудномъ, но великомъ пути, Вами избранномъ. Мы убѣждены, Государь, что Вы не остановитесь на этомъ пути и что Вы пойдете впередъ, опираясь на Ваше вѣрное дворянство, на весь русскій народъ. Въ дружномъ единствѣ и цѣльности—сила нашего отечества. Собравъ Вашу разъединенную доселѣ Россію въ одно цѣлое, сплотивъ ее твердо и замѣнивъ права ея отдѣльныхъ частей одними общими правами, Вы искорените на вѣки возможность мятежа и междоусобій. Призванному Вами, Государь, къ новой жизни Земству, при полномъ его развитіи, суждено на вѣки упрочить славу и крѣпость Россіи.

Довершите же, Государь, основанное Вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли Русской, для обсуждения нуждъ, общихъ всему государству. Повелите Вашему вѣрному дворянству, съ этою же цѣлью, избрать изъ среды себя лучшихъ людей. Дворянство всегда было твердою опорою русскаго престола.

Не считаясь на государственной службѣ, не пользуясь сопряженными съ нею наградами, безвозмездно исполняя свой долгъ для пользы отечества и порядка, эти люди по самымъ условіямъ своего государственнаго положенія, будутъ призваны охранять драгоценныя для народа и необходимыя для истиннаго благоустройства, правственныя и политическія начала, на которыхъ зиждется государственный строй. Этимъ путемъ, Государь, Вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Вы восстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, Вы достигнете точнаго исполненія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны. Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего престола, вѣншіе и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла ни откуда проникнуть.

Всемилоствѣйшій Государь, моск. дворянство высказалось передъ Вами, повинаясь священному долгу вѣрнопокорныхъ, не имѣя ничего иного въ виду, кромѣ государственной пользы.

Мы высказались, Государь, въ полной увѣренности, что слова наши соотвѣтствуютъ державной мысли и духу Вашихъ великихъ преобразованій.—(Вѣсть, 14 Января 1865, N. 4).

Годъ VII.

ПРИВИВКА КОНСТИТУЦИОННОЙ ОСПЫ.

Она какъ роза жила одинъ день, утромъ распустилась и увяла къ вечеру! Magna Charta и Coup d'état, гордые Норманы жмудскаго происхожденія и Бисмарки петербургскаго, Нотабли и 18-е Брюмера—все это поднялось и исчезло ровно въ столько времени сколько нужно писарю настрочить листъ отъ заголовка до министерской подписи и вагону допираться отъ Петербурга до Москвы.

Царь земщины отдѣлался на первый случай удачливѣе—безземельнаго царя.

Мы вовсе не противъ попытки звенигородскихъ, можайскихъ и всякихъ другихъ лордовъ бархатной книги и сенатской геральдиі. Вреда они сдѣлать не могутъ, олигархическая конституція была возможна, да и то на нѣсколько дней при воцареніи Анны Іоанновны, а конечно не теперь. Если же всякому народу, развивающемуся на западный манеръ, надо пройти дворянской конституціей, хорошо что мы такъ скоро отдѣлались отъ нея. Остается побережись нѣсколько дней, какъ послѣ коровьей оспы, да и въ путь по своимъ дѣламъ.

Типъ нашей цивилизаціи вообще—прививная оспа. Мы продѣлываемъ по немпогу и въ тѣсно очерченной сферѣ воспаленія—тѣ великія лихорадки исторіи, тѣ страшныя болѣзни ея роста, отъ которыхъ государства обливались кровью, дѣлались уродами, дробились, остаивались, умирали. У насъ послѣ петровской прививки шла собственно не исторія, а какой-то особенный курсъ ея *въ лицахъ*; форсированнымъ маршемъ догоняя Западъ, мы продѣлывали маневры цивилизацій и революцій.

... Потѣшныя войска, образцовые полки, учебные батальоны, учрежденія вводимыя “въ видѣ опыта”, опыты вводимые “въ видѣ учрежденій”, также натуральны петербургскому управленію, какъ быстрое усвоеніе себѣ наукъ и идей, возрѣвній и системъ, Вольтеровъ и Гегелей, Гёте и Байроновъ, натурально нашему все-ѣдному обществу. Все это какъ-то и *въ самомъ дѣлѣ* и не *въ самомъ дѣлѣ*, все это “еще не служба, а службишка, служба молъ еще впереди”. Мы отъ всего сердца и отъ всего помышленія вѣримъ этому.

Да, это не служба, а ученіе и долею прескверное и прети-желое, такъ что поневолѣ вспоминаешь, думая о дидактической имперіи нашей, извѣстные стихи солдатской пѣсни:

Намъ ученье ничего,
Впрочемъ очень тяжело.

Съ самаго начала петербургской эпохи правительство видя, что съ такой огромной массой, какъ Русь, не съорудуешь, начало отдѣлять отъ живаго великана небольшою кусокъ филейнаго мяса, и его приняло за государство дѣятельное, учебное, экспериментальное, за образцовую ферму и военно-гражданскій экзерциргаузъ. Эта вырѣзанная среда, это 'очищенное' государство было неразрывно связано съ правительствомъ, долею находилось у него на содержаніи, долею содержало себя по его милости. Остальное народонаселеніе, т. е. весь народъ, безъ филейнаго куска, былъ отдавъ ему на прокормленіе, отопленіе, одежду и обувь въ награду за хорошее учение и послушаніе. Правительство вѣрное своему цивилизирующему призванію стоитъ во главѣ школы и лабораторіи и съ утра до ночи дѣлаетъ штатскіе и военные опыты и главное учить — учить всему, безпрестанно учить, прививаетъ все, безпрестанно прививаетъ — шведскіе законы, нѣмецкіе кафтанъ, бранденбургскій артикулъ, голштинскія пукли, французскія министерства, прусскія каски. Имперія всероссійская начинается собственно съ парикмахерскаго урока гдѣ носить волосы и гдѣ не носить, съ высочайше утвержденной выкройки спинокъ и тайи и оканчивается замѣчаніемъ министра Панина, говорившаго, что онъ *молодыхъ* сенаторовъ не любитъ пускать за границу, зная, что юнѣйшему отроку изъ нихъ все же было за пятьдесятъ лѣтъ. Ничего не оставлено произволу самобытности, даже преданію. Старого и малаго ровно посылали въ ассамблеи и въ церкви, заставляли плясать и танцевать, одѣваться по-нѣмецки и говорить по-французски. Если курсъ не всегда оканчивался, то конечно не отъ недостатка ученыхъ пособій. Кто виноватъ, что въ главной школѣ на пр. — въ арміи, половина рекрутъ умирала, не кончивъ пространнаго курса военного столбняка и метанья ружьемъ. Были неудачные опыты и въ другихъ сферахъ. Правительство, не ограничиваясь одними государственно-патологическими и государственно-хирургическими опытами надъ людьми, хотѣло распространить свое воспитаніе на растительный и минеральный міръ, но тутъ оно встрѣтило неожиданную оппозицію. Какъ ни старался на пр. графъ Аракчеевъ, чтобы на всѣхъ полосахъ у поселенцевъ рожь была одной вышины, цѣль не была достигнута. Геологія оказалась еще упорнѣе, и не смотря на высочайшую волю Николая, самъ Мурчисонъ не могъ найти каменнаго угля въ той части, въ которой государю было угодно, чтобы онъ былъ.*

Составъ педагогической конференціи, окружавшей главнаго педагога имперіи, былъ чрезвычайно разнообразенъ и состоялъ разумѣется большей частью изъ нѣмцевъ, но также и изъ своихъ. Тутъ были и дѣти лютеранскихъ пасторовъ, и дѣти русскихъ поповъ, были и Канарины изъ евреевъ, и Бироны изъ конюшни и Клейнмихели совсѣмъ изъ ничего. Космополитическій характеръ этихъ учителей особенно хорошо выразился въ канцлерѣ Несельродѣ, родившемся въ Лисабонскомъ порту, на англійскомъ кораблѣ, отъ нѣмецкихъ

* Когда Мурчисонъ возвратился изъ своего путешествія по Россіи въ Петербургъ, Николай пригласилъ его на вечеръ и подойдя къ нему, спросилъ: "Нашли ли вы каменный уголь? — Нѣтъ, государь. — И не надѣетесь найти?" — Въ той части, въ которой я былъ, не надѣюсь. — Николай взмѣнился въ лицѣ и сказалъ: "Вы первый рѣшили мнѣ это сказать", отошелъ. Но спохватившись, снова адресовался къ геологу. "Мнѣ уголь нуженъ, гдѣ же я его возьму?" — "В. в. будете его покупать въ Ньюкестлѣ и другихъ англійскихъ портахъ". За тѣмъ Николай уже не адресовался больше къ нему.

родителей, находившихся въ петербургской службѣ — такъ что ученый министръ иностранныхъ дѣлъ былъ своею личностію до нѣкоторой степени краткимъ руководствомъ къ географіи. Участвовали конечно и столбовые русскіе дворяне въ общемъ государственномъ поученіи, но ихъ глубокое незнаніе дѣлало ихъ мало способными къ самобытной педагогикѣ, они больше играли роль крѣпостныхъ бурмистровъ при нѣмцѣ управляющемъ, т. е. били не на животь, а на смерть, кого Иванъ Ивановичъ, или Карлъ Ивановичъ прикажетъ. За то на болѣе скромномъ поприщѣ — передней, конюшни и гумна каждый изъ нихъ самъ становился Петромъ I, отцомъ просвѣтителемъ. Сколько свѣжихъ и здоровыхъ людей, поколѣній легло въ могилу, было искалѣчено прежде чѣмъ приватное дворянство дворни обучилось артистически подавать шубу, эстетически священнодѣйствовать съ тарелкой въ рукѣ и не хуже Вателя готовить артишоки à la Barigoule! Сколько деревень, селъ, волостей было въ конецъ разорено на заведеніе "въ видѣ опыта" невозможнаго хозяйства и ненужныхъ фабрикъ!

Словомъ, такого поучающаго государства міръ не производилъ, исторія не помнитъ. Цѣлыя существованія людскія проходили въ трудѣ и потѣ на пользу воспитанія ближняго; и эти ближніе, происходя въ чины, снова занимались ученіемъ другихъ и сами были поучаемы до гробовой доски. "Сладкаго шюда" науки, о которомъ говоритъ пословица никто не вкушалъ. Семидесяти-пяти-лѣтній лакей моего отца — Яковъ Игнаѣвичъ Бакай, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить, въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ съ утра до ночи училъ, т. е. таскалъ за волосы и билъ двухъ мальчиковъ, взятыхъ во дворъ и одну ньюфаундлендскую собаку, жившую на дворѣ — не смотря на то, что воспитаніе мальчиковъ и собаки, ему вовсе не было поручено; это все въ силу Петровскаго толчка. В. в. Михаилъ Павловичъ съ нѣжнаго возраста восьми лѣтъ *училъ* солдатъ. Разъ сбился съ дороги, вздумалъ въ самомъ дѣлѣ взять крѣпость, положилъ свое войско подъ подорванными стѣнами Брѣстова, махнулъ рукой, отказался отъ пустыхъ лавровъ и пошелъ опять учить и выправлять солдатъ, и училъ и выправлялъ до дня своей кончины.

Здѣсь кстати замѣтить всю вѣрность взгляда цесаревича Константина, что война портитъ армію. Война вообще мѣшаетъ *ученью*. Послѣдствія 1812 года были плачевны въ смыслѣ педагогическомъ. Весь современный безпорядокъ идетъ отсюда. Пожаръ Москвы былъ страшною прорухой въ дисциплинарномъ порядкѣ: сожги ее Наполеонъ — было бы очень хорошо, сожги ее Растопчинъ по формѣ, по высочайшему приказу — все было бы въ порядкѣ вещей. Но правительство не приняло на себя отвѣтственности, а французовъ, кромѣ Шишкова, никто въ пожарѣ серьезно не обвинялъ. Укрѣпилась пагубная мысль — что жители сами сожгли свои дома и что это геройскій подвигъ... какъ будто городъ не казенное добро и не государственное имущество? Результатъ самовольнаго поджога и ряда побѣдъ былъ тотъ, что лучшіе ученики захотѣли учиться по своимъ книжкамъ, а не по казеннымъ, имъ казалось, что они не маленькіе, если дѣлаютъ такіа огромныя дѣла.

Петровская традиція въ нихъ осталась и имъ тоже хотѣлось дѣлать опыты и учить, но не для приращенія казеннаго интереса, а собственнаго своего. Глаза ихъ были тоже обращены на Западъ, но уже они не останавливались на однихъ формахъ, фасадахъ, покровахъ, а изучали внутреннее устрой-

ство жилья, быстро усвоивали себѣ сущность западнаго воззрѣнія. Эта усвояемость несомнѣнно свидѣтельствуетъ о ширѣ пониманія и ловкости соображенія, но не надобно забывать, что въ этомъ усвоеніи и состоялъ *весь* ихъ подвигъ. Труднѣйшая часть всякой теоріи—ея приложеніе, ея фактическое, а не діалектическое развитіе, ея практическое примѣненіе. Ея прикладная, т. е. жизненная сторона вопроса — она была въ ихъ возможности. При первомъ опытѣ непокорныхъ учениковъ выйти на свѣтъ и волю, ученое правительство раздавило ихъ, т. е. перевѣшало, посадило на сибѣ и руду, заперло ихъ въ петропавловскій карцеръ. На первое время все казалось ладнымъ, такъ что незабвенный больше изъ роскоши и шалости забрилъ нѣсколькимъ московскимъ студентамъ лобъ и послалъ другихъ въ ссылку. Но въ сущности правительство раздавило только *людей*, мысли остались, взошли внутрь и бродили... Николай Павловичъ подозрѣвалъ это и держалъ тридцать лѣтъ кого то за горло, чгобъ тотъ не сказалъ *чего-то*, и только что Мандтъ доложилъ ему, что онъ высочайше скончался, какъ *кто-то* закричалъ во все горло и на всю Россію: “Теперь баста!”

Сотней головъ мы продѣлывали въ тридцатилѣтнемъ загонѣ, вѣковыя драмы западнаго развитія, жили ими, страстно принимали ихъ къ сердцу, страдали ихъ прошедшими страданіями — надѣялись ихъ надеждами... отдавались имъ беззавѣтно, откровенно и быстро изнашивали ихъ знамена самой стрелительностью и преувеличеніемъ. Догнавши старшихъ, мы вмѣстѣ съ ними хоронили одну фазу ихъ развитія за другой и не оставаясь на могилѣ, торопились на встрѣчу наслѣднику. Мы пережили въ темную, глухую ночь—рядомъ сповидѣній, всю западную эпопею. Пасхаль говоритъ, что царь спящій полсутокъ и видящій во свѣ что онъ пастухъ, и такой же сонливый пастухъ также видящій во свѣ что онъ царь — равны. Къ нашему меньшинству это совершенно идетъ, тѣмъ больше, что сны наши не были простые. Мы дремали—слыша сквозь сонъ какой-то стонъ разлитой въ воздухъ, дремали — придавленные свинцовой гирей, и при томъ сны были такъ ярки, такъ ясны, что ихъ можно назвать временнымъ переселеніемъ душъ. Такъ какъ древніе ходили въ преисподнюю, такъ мы отступали въ прошедшее, становились на время предками и жили на пр. всю революцію отъ ослѣпительнаго утра ея въ 1789—до “закладки”, которую судьба положила въ ней, какъ самъ себя называлъ Наполеонъ... Кто изъ насъ не слышалъ громовыхъ рѣчей Мирабо и Дантона, — кто не былъ якобинцемъ, террористомъ, другомъ и врагомъ Робеспьера, даже солдатомъ республики у Гоша, у Марсо?... Даже сумеречныя времена и неясныя фигуры временъ реставраціи и Людвигъ Филиппа отражались въ насъ со всѣми своими вопросами и гнѣвами. Мы обижались, что *иностранцы* посадили Бурбоновъ на тронъ и плакали съ Беранже о утраченномъ знамени, забывалъ, что побѣдители мы и что наше знамя было твердо и высоко въ рукахъ какаго то Преображенскаго троглодита...

... Всѣ эти сны—сны революціи, сны философіи, сны поэзіи—были долею на яву и въ этомъ-то ихъ важность. Прививная оспа все же дѣйствительная оспа, не смотря на то что она слаба, снята съ другого организма и не заставляетъ сильно страдать. Еслибъ этого не было, она не предохраняла бы отъ натуральной, она не имѣла бы смысла.

Прошедши въ луватизмъ по стремнинамъ и утесамъ, намъ

возвращаться не нужно, дорогу мы все же сдѣлали. Мы такъ же пережили Руссо и Робеспьера какъ французы, Шелинга и Гегеля какъ нѣмцы. Но все выжитое нами, все пріобрѣтенное было въ сферѣ мысли и сознанія, въ практическій міръ новыхъ оспонриввателей не пускали, генералъ штабъ-докторъ въ ботфортахъ стоялъ у дверей.

Отъ этого мы въ прикладномъ мірѣ сильно отстали, тамъ намъ слѣдуетъ протверживать “зады”, читать по складамъ, да и то азбуку. Дивиться нечему; мы, рѣзко и смѣло критиковавшіе нѣмецкую философію, французскую республику, англійскую конституцію, не смѣли явно усомниться ни въ святости крѣпостнаго права, ни въ пользѣ тѣлесныхъ наказаній.

Лиха бѣда была отчалить. Какъ только правительство нанесло ударъ рабству, съ дня на день можно было ждать рядъ конституціонныхъ попытокъ. Вмѣсто Земскаго Собора, Земской Думы, потребовали Думу боярскую, явилась попытка жмудскихъ нормановъ и татарскихъ бароновъ, сто лѣтъ тому назадъ избавленныхъ Петромъ Оеодоровичемъ отъ тѣлесныхъ наказаній и выросшихъ теперь до требованій временъ крестовыхъ походовъ—ограничить бѣлой, дворянской костью царскій произволъ. Бѣды нѣтъ, успѣхъ невозможенъ, а за починъ имъ спасибо. Оспа снятая съ торизма оказалась очень кроткой и доброкачественной, (*benigna* какъ выражались старинные врачи), отъ нея едва останется рябина на нѣжномъ плечикѣ московскаго дворянства, вотъ и все. Словомъ, вреда никакого, а путь указанъ, слово произнесено, печать молчанія сломана—не въ главномъ заведеніи, въ которомъ все подпечатываютъ—а всевародно, въ дворянскомъ собраніи.

Вотъ существенное, *субстанція*, какъ выражался въ Іеговѣ почившій Спивоца, остальное “атрибуты, акциденціи”.

Ну и надобно признаться что касается до этихъ акциденцій и атрибутовъ... это своего рода саро d’ореге... Тутъ комизмъ такъ перемѣщаясь съ отвратительнымъ, Офросимовъ съ Катковымъ, молодое желаніе свободы съ старыми заступниками крѣпостнаго права, что человекъ равно чувствуетъ невозможность смѣха и плача, гуловаго осужденія и откровеннаго сочувствія.

Для насъ фарса съ рѣчью, подсунутой Офросимову (какъ ее рассказываетъ *Independance*)—неоцѣненна. Революція, начинающаяся съ фальша, съ лубочной арлекинады, должна была окончиться въ чернильницѣ Валуевскаго писаря, или въ примѣненіи Черкасскихъ розогъ къ шалунамъ, обманувшимъ безграмотнаго старика.

Хорошъ также и à propos... мы долго думали, что за муха укусила англійскій клубъ и лордовъ его... Отчего вдругъ Безобразову стало ужъ такъ маркотно жить безъ ограниченія царской власти, а Орлову-Давыдову—такъ не вмочь терпѣть *l'arbitraire*? — Мы все искали Чацкаго, который произвелъ всю эту кутерьму. И вышло, что этотъ Чацкій—Константинъ Николаевичъ—*l'imprénetrable*, ничего не дѣлающій послѣ пріѣзда въ Петербургъ, какъ ничего не дѣлалъ въ Варшавѣ. Видите, испугались, что его назначеніе остановитъ палачей въ Литвѣ и въ “Моск. Вѣдом.”, что не всю Польшу вывѣшаютъ и ушлютъ въ Сибирь, что не весь Катковъ будетъ печататься. Неукротимые бароны и мирзы, дѣти степной воли и англійскаго клуба, этого не могли вывести. Они то встрѣпенулись и кликнули ключъ по всѣмъ уѣздамъ московскимъ: Постоимъ де братцы за Иверскую божію мать, не дадимъ въ обиду нашихъ. Пойдемъ за свободу дѣйствій Муравьева и за вольное катковское слово!

Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не дойдете и не дойдете вы даже съ двумя фореиторами и однимъ гайдукомъ.

И—рѣ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

(Окончаніе).

Всякое государство, на какихъ бы началахъ оно ни было основано, есть нечто иное, какъ *всегдашнее, непрекращающееся, повсемѣстное военное положеніе*, гдѣ централизація есть первый, непремѣнный законъ, а подавленіе свободы, стало быть, первая и единственная цѣль. Конституція есть только ослабленная государственность, постоянно и естественно клонящаяся къ государственности полной—и если не всегда достигаетъ ея, то единственно благодаря неуспѣшной, тревожной, болѣзненной бдительности народа, поглощающей лучшія его силы и мѣшающей такимъ образомъ развиваться его дѣятельности и его способностямъ для болѣе благородныхъ и высокихъ цѣлей. Народъ, въ конституціонномъ государствѣ, есть полиція, содержащая высшую власть подъ своимъ надзоромъ.

Такъ называемое у насъ *военное положеніе* — усиленная, или безцеремонная государственность, вызываемая особенно острою и ожесточенностью минутной войны. Вѣчность же и повсемѣстность его доказываютъ ясно всегдашнее присутствіе вѣчной, нескончаемой, какъ нескончаемо само государство, борьбы между правительствомъ и народомъ, борьбы меленной, но безошадной и на смерть.

Теперь спрашивается: можетъ ли правительство желать какого нибудь успѣха врагу своему—народу и можетъ ли народъ довѣрить, въ чемъ бы то ни было—правительству?

И развѣ мы не видимъ эту истину постоянно на опытъ? Желаетъ ли общество провести желѣзную дорогу, устроить свое пароходство, завести свою промышленность, ему надо напередъ побѣдить запрещающее или конкурирующее правительство; желаетъ ли оно устроить музей, библіотеку, школу, типографію, университетъ, оно должно сперва побѣдить запрещающее правительство; желаетъ ли оно учредить сельскій банкъ, общество работниковъ, оно должно воевать. Чтобы учиться, чтобы учить, надо драться или надуть. Есть ли въ цѣлой Россіи хоть одно полезное для общества заведеніе, которое бы правительство создало, не бывъ къ тому вынуждено, или подкуплено? Есть ли хоть одно, задуманное и исполненное самимъ обществомъ, которое бы правительство не испортило съ прямымъ намѣреніемъ чтобы оно приносило обществу какъ можно менѣе пользы, хотя бы это была больница или богадѣльня?

По самой задачѣ своей государство есть школа разврата, гдѣ обманъ, плутовство, воровство, вѣроломство, насильничество, нечѣстество получаютъ самыя богатѣйшія призы, а наказываются изъ вѣхъ пороковъ только одинъ—человѣчность, и гдѣ иначе и быть не можетъ: еслибы правитель государства объявилъ себя за общественную правду, онъ этимъ самымъ и только этимъ прекратилъ бы существованіе государства.

Для кого же и кѣмъ оно держится? Не для одного же паря и не имъ однимъ. Держится оно классами, сословіями, чинами, привилегіями, монополіями. Для чего? для классовъ, сословій, чиновъ, монополій, т. е. для неравенства, эксплуатаціи, насилія, воровства, грабежа, войны. Стало быть, государство есть *война для войны*.

Скажутъ ли, что государство, или внутренняя война пужа народу для всегнѣшней готовности къ внѣшней оборонѣ? Но не все ли равно сказать: надо ослабить себя, чтобы быть сильнымъ? Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди и прежде нежели говорить о томъ, какъ должна стоять Россія въ отношеніи къ другимъ народамъ, я имѣю право спросить, какою лучше ей быть для самой себя и внутри себя: прежде всего она должна жить для себя, а потомъ уже для чужацевъ.

Въ землѣ нашей никогда не было строго опредѣленныхъ,

рѣзко очерченныхъ классовъ и сословій. Наше кунечество, мѣщанство и низшее духовенство стояли и стоятъ слишкомъ близко къ народу, чтобы считать ихъ особыми сословіями. Они не имѣютъ отдѣльной корпоративной и политической силы, не преслѣдуютъ враждебныхъ другъ другу цѣлей, образованіе ихъ почти одинаковое. Единственное существенное различіе въ русскомъ мірѣ явилось случайно, поздно и насильственно черезъ *крѣпостное право* между дворянами и крестьянствомъ. Но теперь, когда крѣпостное право уничтожено—не существуетъ болѣе сословій и, стало быть, нѣтъ внутренней причины для государства, *не для чего ему быть*, ибо прекращается внутренняя борьба въ народонаселеніи. Нѣтъ войны, не должно быть и военного положенія. Ясно ли? Читатель можетъ быть найдеть, что я тутъ самъ себя противорѣчу, ибо самъ же я сказалъ выше, что борьба между крестьянствомъ и дворянами не только не кончилась, но усилилась, а потому и причина для государства есть, она еще живетъ. Но кто же создалъ эту причину, какъ не государство и для чего?

Задача московскаго государства: приведеніе къ одному русскому знаменателю всѣхъ племенъ, населяющихъ Русь—совершена, не нужно намъ болѣе Московскаго государства. Задача Петербурга: приведеніе всѣхъ сословій къ одному общему рабству—достигнута, не надо намъ болѣе государства Петербургскаго. Рабство насъ всѣхъ уравнило; ни купецъ, ни поповичъ не позавидуютъ болѣе дворянину, лишъ вѣщемуся прелести крѣпостнаго права. А равенство, какое бы оно ни было, въ чемъ бы ни выразилось, есть первое условіе единства, мира и согласія. Покуда у насъ длилась вражда, покуда мы были заняты душегубствомъ, по всѣмъ угламъ стояли кварталныя; когда же вражды болѣе нѣтъ, то не должно быть и зловѣщихъ признаковъ, напоминающихъ ее и всегда готовыхъ снова возбудить ее, чтобы потомъ доказать намъ свою необходимость.

Нѣтъ, говорятъ наши государственники, задача русскаго государства потому еще не кончена, что Россія далеко не окрѣпла въ своихъ частяхъ. Мы думали, надѣялись, что она прочна, но увы, это была только мечта; послѣднія происшествія на нашемъ западѣ доказали намъ совсѣмъ противное: все смотритъ врозь, каждый уголокъ, каждый ничтожнѣйшій народецъ требуетъ своей самостоятельности. Уже вѣрный Катковъ доносилъ не ложно, что Малороссія держится на волоскѣ, Литва тоже, Бѣлорусія тоже, что сепаратизмъ развратилъ все и всѣхъ, гибнетъ тысячекратный трудъ народа русскаго, трудъ, которому онъ принесъ въ жертву всѣ свои силы, положилъ всю свою душу и что одинъ развѣ казни, казни и казни могутъ привести человѣчество къ разуму и возвратить эту утраченную нравственность.

Если вы думаете, что тысячекратными усилиями Россія выработала себѣ Петербургъ и Петербургское государство, то не мудрено, что понявъ это, она дѣйствительно, съ тоски и отчаянія, особенно при помощи казней, разлетится на клочки... *но только для того чтобы снова найтись въ русской землѣ!*

Не государство, а Землю выработали мы себѣ нашей исторіей, землю, которую у насъ никто не отвоюетъ и которая можетъ быть дружною, когда Петербургъ перестанетъ насъ ссорить между собою и не будетъ мѣшать свободному разговору племенъ, составляющихъ весь русскій народъ. Землю выработалъ себѣ русскій пахарь, а не государство, до котораго ему никогда не было дѣла и которое никогда въ немъ не признавало человѣка и теперь не признаетъ. А такъ какъ погѣбъ уничтоженіе крѣпостнаго права въ Россіи никого болѣе и нѣтъ на всемъ ея широкомъ пространствѣ, какъ пахари и пахарей, то отъ кого же и бѣжать имъ врозь?

Пройдите Россію отъ Камчатки до устьевъ Дуная вы вездѣ услышите почти одинъ языкъ, узнаете почти одни и тѣ же

обычай и вѣрованія, а главное—вездѣ пайдете одно и тоже міросозерпаніе, одно и тоже понятіе о человѣческой правдѣ. Вотъ залогъ нашего согласія, сильнѣе всякаго другого и если вы опасаетесь, что свобода не сможетъ сохранить мирнаго единства Русской земли, то неужели вы воображаете, что до сихъ поръ оно держалось по приказанію капитана исправника?

Посмотримъ теперь полезно ли для Россіи петербургское государство въ ея отношеніяхъ къ Польшѣ?

Поляки сами говорятъ намъ, что враждуютъ не съ русскимъ народомъ, а только съ его правительствомъ. Такого сознанія было бы довольно, еслибъ вы полякамъ вѣрили; но вы утверждаете, что имѣете основаніе имъ не вѣрить. Какія же это основанія?

Полонизація, кричите вы, или систематическое, насильственное ополченіе нашихъ западныхъ и юго-западныхъ провинцій. Вотъ грѣхъ, который не можемъ мы простить полякамъ и который не отпустится имъ ни въ семь, ни въ будущемъ вѣкѣ.

Кого же, однако, успѣли они ополчить—народъ? Нѣтъ и это вы знаете сами: вы же уже три года, какъ въ каждомъ номерѣ вашихъ газетъ и журналовъ все хвастаете, что какъ въ Литвѣ, такъ и въ Малороссіи самъ народъ, *безъ приказанія начальства*, ловить, вяжетъ шайки польскихъ возмутителей и передаетъ ихъ русскимъ властямъ, что онъ такъ ревностно исполняетъ это дѣло, что правительству не рѣдко приходится удерживать патріотическое усердіе крестьянъ, несправедливыхъ, по вашимъ же словамъ, своихъ пановъ и польскихъ чиновниковъ.

Конечно, говорите вы, не всѣ ополчены, но многіе. иныя даже перешли въ латинство. Кто же? — “Вѣстникъ” подсказываетъ: дѣвица Юлія Барнакъ.

Послѣ этого, какъ не сознаться, что опасность отъ латинства для Россіи очень велика!...

Да еслибъ и въ правду іезуитская пропаганда пустила глубокіе корни въ западномъ краю, то спрашивается: давило ли и знало ли объ этомъ правительство? Если не знало, то зачѣмъ же оно и правительство, а если знало, да мирволило, такъ его и судить надо за то, что не прекратило зла въ самомъ началѣ.

“Русскій Вѣстникъ” видитъ полонизацію особенно въ томъ, что польскіе костелы въ Литвѣ гораздо великолѣпнѣе православныхъ церквей.

Что же дѣлать! И Кѣльвскій соборъ великолѣпнѣе Успенскаго. Еслибъ нашъ знаменитый публицистъ былъ болѣе знакомъ съ Великорусскими губерціями, то онъ зналъ бы, что великолѣпіе, или лучше сказать, богатые сельскіе православные храмы находятся только въ имѣніяхъ богатыхъ помѣщиковъ, или въ селеніяхъ раскольниковъ, тамъ, гдѣ нѣтъ и души православною, понимаете ли? Въ деревняхъ же православныхъ наши церкви не многими отличаются отъ овиновъ и архитектурный ихъ стиль тотъ же, литовскій.

“Вѣстникъ” жалуется на худое обращеніе пановъ съ православными священниками. Очень этому вѣрю; но какъ бы худо ни обращались они съ попами, навѣрное не много хуже того, какъ обходятся съ ними наши великорусскіе господа и навѣрное лучше, нежели православный владыка, митрополитъ московскій, Филаретъ! При томъ же не должно забывать, что характеръ обращенія весьма зависитъ отъ нравственнаго достоинства лица, къ которому оно относится. Такъ, на пр., Англія не знала какъ и чѣмъ угостить Гарибальди, а Гейнау оборвала усы. Не такъ ли и нашъ мужичекъ, повстрѣчавшись съ своимъ братомъ крестьяниномъ, говоритъ ему: здорово, кумъ, а встрѣтившись съ попомъ — отплеивается? Если хотите знать, что такое православный попъ, спросите у священника Бѣлюстина. Бѣлюстинъ чловѣкъ почтенный, за то его поны чуть было не съѣли. А про кого говорится: глаза завидушіе, руки загребушія? а чье это отродье, съ которыми никто знаться не хочетъ до десятаго поколѣнія? а кто

это исповѣдуетъ богу, а доносить полиціи? а кто расторгаетъ браки за политическія преступленія? а кто сильнѣйшій приверженецъ всякихъ тѣлесныхъ наказаній? а кто невѣжда круглый и закоренѣлый врагъ науки, но большой другъ мотарыча и очиненной? а кто избранный и любимый предметъ вѣхъ непристойныхъ народныхъ сказокъ и прибаутокъ? а кто стоитъ одинъ, въ сторонѣ отъ всѣхъ людей, съ кѣмъ никто не водится, никто не друженъ, никто не бесѣдуетъ, кто ходитъ мраченъ и унылъ, какъ преступникъ? — Все нашъ русскій, православный попъ, толоковный лобъ!

Если паны любятъ своихъ ксендзовъ, которые ничѣмъ не лучше нашихъ, такъ это дѣло вкуса, за который мы спорить съ ними не станемъ, а тѣмъ менѣе воевать.

Вы обвиняете поляковъ за то, что въ Литвѣ и отчасти въ Малой-Россіи дворянство и чиновничество до сихъ поръ было польское. Пранда ваша и это есть зло, которое надо исправить. Но русскіе публицисты должны знать, что мѣста и должности въ русской имперіи раздаются самымъ правительствомъ, что чиновники опредѣляются на службу указомъ высочайшимъ. Еслибъ Катковъ могъ самъ себѣ назначить мѣсто, онъ навѣрное выбралъ бы русскій престолъ и былъ бы правъ.

Послушайте, какъ разсуждаетъ о полонизаціи защитникъ петербургскаго государства, славянофилъ и статсъ-секретарь Гильфердингъ. Онъ говоритъ, (статія въ “Инвалидѣ”), что во время Николая русское правительство бывало строго только къ отдѣльнымъ польскимъ личностямъ въ Литвѣ, но къ польскому элементу вообще, какъ къ тамошнему дворянству, оно не только было снисходительно и милостиво, но старалось всячески усилить его вліяніе, исходя изъ той мысли, что дворянство, какое бы оно ни было, есть опора престола. Гильфердингъ приводитъ этотъ фактъ какъ едва ли не *единственный примѣръ* въ лѣтописяхъ міра, гдѣ побѣдители отдаются въ кабалу побѣжденнымъ.

Кто же полонизировалъ Литву, поляки или Незабвенный? И возможно ли, чтобы народъ, закованный на своей собственной землѣ, въ самомъ сердцѣ Польши, давилъ своего побѣдителя въ его домѣ? Воля ваша, въ такой *мудреной игрѣ* долженъ скрываться фокусникъ, отводящій глаза всѣмъ, общій предатель, котораго и надлежало бы поймать и наказать прежде всѣхъ, какъ первый поводъ къ раздору, безъ котораго не было бы, можетъ быть, и причины для ссоры между нами. Онъ всѣхъ насъ мутитъ систематически, литовцевъ онъ давилъ поляками, поляковъ — русскими, русскихъ — немцами — и царствовалъ на славу всѣмъ.

А скажите-ка, почему, обвиняя поляковъ за то, что они были дворянами и чиновниками среди чужаго имъ населенія — вы не обвиняете за одинаковое преступленіе остзейскихъ бароновъ? Такое явное пристрастіе не есть ли и явное доказательство, что злоба ваша совсѣмъ не противъ *иноземнаго* дворянства, а только противъ дворянства польскаго? Еслибъ вы враждовали съ аристократіею и помѣщичествомъ вообще, то должны были бы и начать не съ пановъ, да и не съ бароновъ, а съ бояръ, съ князей: не могли бы нѣмцы сидѣть на Финляндіи и поляки на литовцахъ, еслибъ вы сами не сидѣли на вашихъ братьяхъ — русскихъ.

Но разстроенныя умственные способности ваши этого понять не могутъ. Очищая Литву отъ притѣснителей ляховъ, вы на мѣсто ихъ сажаете русскихъ откупщиковъ и генераловъ и думаете ими русить западный край! Или вамъ кажется, что еще не довольно тамъ безпорядка и всякой мерзости, которой такъ полна Россія, по выраженію Хомякова, и вы братски желаете подѣлиться ею съ вашими сосѣдами, или мало тамъ взятокъ и насилія, или не довольно угнетенъ народъ, еще не вконецъ раззоренъ и ограбленъ польскими магнатами и вы надѣетесь, что русскіе дворяне и чиновники одни развѣ съумѣютъ выжать послѣдній сокъ изъ него, какъ знатоки дѣла?

Читая васъ, невольно подумаешь, что слово *русить* означаетъ драгъ, сѣчь, грабить, только не польскою, а русскою рукою. Или объясните намъ, какая можетъ быть разница между русскимъ и польскимъ кварталнымъ? Неужели вы, литераторы, публицисты, профессора, до сихъ поръ еще не поняли, что чинъ выше всякой національности, что онъ сглаживаетъ и уравниваетъ всѣ народныя особенности и недостатки, абстрагируя и потенцируя брѣнную человѣческую личность? Неужели вы еще не знаете великаго таинства государственнаго помазанія, въ силу котораго и еврей и магометанинъ, дослужившійся до полковника, можетъ не только учить своихъ русскихъ подчиненныхъ христіанскимъ обязанностямъ, но и управлять ихъ религіозною совѣстью? Да гдѣ вы живете, на какой планетѣ? Идеаль чиновника—не помнящій родства. Или вы полагаете, что только русскій способенъ дойти до такого незлобія сердца?

Кто не слышалъ гласа “Дня”, вопіющаго въ москворѣцкой пустынь? Нѣтъ, восклицаетъ “День”, во всемъ русскомъ царствѣ ни единого честнаго чиновника, котораго можно было бы послать въ ополяченную Литву, а ихъ тамъ требуется много. Покайтесь, будьте же честны, добродѣтельны, абстрактны, оставьте свой кровъ, свою родину, своихъ братій, идите въ чужія земли, въ чужія племена, раззоряйте, разбѣдайте ихъ національность проклятую, ихъ обычаи, проповѣдуйте имъ гезамт-фатерландъ, русите ихъ хорошенько, помогайте вашему мудрому и заботливому правительству въ его благомъ и патріотическомъ начинаніи! и т. д.

Если нѣтъ честныхъ чиновниковъ, такъ нечего, я думаю, и посылать ихъ. А для того чтобы они были, такъ надо и крестить ихъ, отче святыи, не водою, а *землею*, чтобы купель была не невская и не москворѣцкая, а земская и воспріемникомъ чтобы былъ не царь, а народъ. Избранные народомъ останутся въ народѣ и не пойдутъ къ чужимъ.

Не мудрено впрочемъ, что пустынножитель и государственныи предтеча—Аксаковъ не понимаетъ, что посылкою въ западный край чиновниковъ и поповъ русскихъ, мы окончательно поссоримъ его съ Великой Россіей и подорвемъ послѣднія его великорусскія симпатіи. Не мудрено, что не понимаетъ онъ и того, что самыми лучшими проводниками полонизма, въ свѣршѣшемъ его смыслѣ, служили жепы чиновниковъ и поповъ русскихъ посылаемыхъ въ Малороссію, Литву и т. д. Наши чиновницы, матушки попадьи и дочки ихъ, всегда гнушающіяся всѣмъ простонароднымъ, не учились ни литовскому, ни малороссійскому языку, а польскому. И чиновница и попадьа хотѣли быть паннами, принимали маперы, ужимки, образъ жизни, моды польскихъ дворянокъ, самъ поцъ становился паномъ-попомъ. Ихъ отношенія къ народу простому не будутъ любовнѣе оттого, что останутся онѣ теперь однѣ госпожами. Напротивъ, онѣ прямо займутъ упраздненныя мѣста своихъ польскихъ предшественницъ и будутъ царить безъ соперницъ, во весь просторъ, во всю ширину своего кринолина. А поцъ по самой должности своей не будетъ довольствоваться проповѣдью благодати, его эпиграхилъ получить высшее, государственное значеніе.

Непостижимо! Почему не хотите вы позволить самимъ литовцамъ позаботиться о своей душѣ и о своемъ тѣлѣ и имѣть своихъ чиновниковъ? Полонизироваться сами они, конечно, не стануть, а будутъ литвиться.

Или вамъ это не нравится, или вы думаете, что литвиться значить измѣнять Россіи и становиться къ ней во враждебныя отношенія? Совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ. Это значить только быть не угнетенными, свободными въ своей совѣсти и обходиться безъ Петербурга. Или вы, славянофилы, увѣровали, что Петербургъ просвѣщаетъ и спасаетъ русскую землю?—Если да, то довѣсть “Дневи” злоба его!

Вы требуете отъ общества любви къ закону, нравственности. Да развѣ вы не знаете, что общество можетъ быть тогда только нравственно, когда оно составляетъ *живую часть народа*? По

для этого надо, чтобы самый народъ существовалъ, чтобы онъ былъ, да не въ вашемъ воображеніи и не въ смутной, цестрой толпѣ, а въ стройномъ Земскомъ Соборѣ. Гласъ народа—гласъ божій, но избави насъ боже думать, что толпа—народъ. Вы вѣрите въ правду крестьянскую и я въ нее вѣрую, но она можетъ сказаться *вся* только на всерусскомъ вѣчѣ; виѣ вѣча крестьяне такіе же бездѣльники, какъ и всѣ люди, стоящіе отдѣльно, хотя бы и въ кучкахъ. Нѣтъ еще Россіи, нѣтъ русскаго народа, мы не знаемъ его воли, пока она подчинена другой волѣ. Потому то мы и не вѣримъ никакимъ вашимъ адрессамъ, хотя бы они были собраны со всѣхъ концовъ Россіи. Повѣримъ имъ, когда они будутъ изъ ея центра, который, по вашему, Петербургъ, а по нашему—Вѣче Земское. Оно одно можетъ рѣшить, въ какія отношенія должна стать Великая Россія къ Малой Россіи, къ Литвѣ, Волини, Бѣлороссіи, Польшѣ и т. .

Славянофилы! Все что я вамъ говорю, вы знали когда-то сами, но забыли, и это должно служить для васъ доказательствомъ вашего глубокаго паденія...

Наше правительство, не любя чистыхъ національностей, всегда старалось мѣшать и тасовать ихъ, елико возможно. Разрозненные племена бывають кротче и видно правительственный желудокъ удобнѣе перевариваетъ смѣшанную кровь, въ ней меньше остроты. Когда, въ одинъ февральскій день, намъ всѣмъ почему-то показалось, что сытый паразитъ готовъ свалиться съ насъ, храбрые ляхи тотчасъ подняли голову, подняло было голову и русское дворянство, но увидя за спиной страшную гримасу, опустило ее снова. Дѣло въ томъ, что всѣ мы ошиблись. Вампиръ не думалъ покидать свою добычу, онъ только принялъ болѣе удобное положеніе и съ изнуренныхъ крестьянъ налегъ на болѣе полный мяса дворянскія, не выпуская однако изъ лапъ своихъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Дворянская кровь, не обновляясь крестьянской, мало была питательна. Вампиръ скоро почувствовать голодъ и, съ желудочной тоски, началъ кушать университеты, воскресныя школы, жарить и подпекать гостинныя дворы и изподтишка поддразнивать Польшу. На его счастье Польша взбунтовалась—тутъ явилась пожива для всего: и для патріотическаго мускула, и для государственной мозговой системы, и для литературнаго пера, и для полицейскаго дуоденума, все стало при дѣлѣ—реставрировано государство хоть куда.

Разумѣйте языцы, яко съ нами богъ, а главное покоряйтесь!

Мы и покорились и Польшу покорили... И хорошо сдѣлали! Смотрите, намъ за это даютъ земскія учрежденія, великолѣпныя, пре либеральныя, отнюдь не стѣсняющія губернаторовъ. А въ Варшавѣ будетъ университетъ, конечно, хорошій. А если хорошій, то не согласится ли онъ принимать къ себѣ русскихъ студентовъ, исключаемыхъ за бѣдностью изъ нашихъ университетовъ? Одинъ московскій, за прошлый, '64 годъ отказалъ въ просвѣщеніи двумъстамъ бѣднякамъ. Съ какою радостью проклятые ляхи дали бы имъ книги, которыя вырвало изъ рукъ ихъ наше благодатное правительство!...

Вы не сомнѣваетесь, что такъ поступили бы поляки съ русскими молодыми людьми, изгоняемыми правительствомъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній; но, конечно, объяснили бы это великодушіе какою нибудь польскою цѣлью. А развѣ оставлять юношество безъ образованія, можно объяснить себѣ безъ петербургской цѣли?

Такого факта не было, скажете вы, а былъ фактъ другой: не вооружилась ли Польша противъ насъ именно въ ту великую минуту, когда Россія сдѣлала рѣшительный шагъ къ просвѣщенію, устраняя крѣпостное право.

Знаемъ, слышали какими проклятьями разразились вы тогда на поляковъ за то, что помѣшали они вамъ читать радостную и усладительную вѣсть манифеста. О, когда бы, точно помѣшали!...

Безумцы! кричали вы,—они не знают что дѣлаютъ, не понимаютъ того, что наше счастье, поспѣвъ насъ, отзовется у нихъ самихъ, что сами они будутъ пользоваться нашимъ добромъ и нашимъ просвѣщеніемъ. Безмозгая нація! Но если не желаетъ она блага самой себѣ, то не сташемъ же и мы шадить ее, не позволимъ ей становиться намъ преградой на пути къ прогрессу, не потеримъ такого унижения. Она и всегда была коварною противъ насъ, но слишкомъ стало велико ея преступленіе, мы ее проучимъ!... “И не забудется ей этого никогда!” прибавилъ стономъ нѣмецъ-славянофилъ, Гильфердингъ.

Все это было очень краснорѣчиво и благонамѣренно, но согласитесь, что еслибы царь въ своемъ манифестѣ даровалъ свободу крестьянамъ *безъ земли*, то революція русская могла бы предупредить польскую революцію и сдѣлать ее себѣ служебной, своею частью. Не было бы тогда и помину ни о Польскомъ королевствѣ, ни о политическихъ границахъ, ни о иезуитской пропагандѣ.

Согласитесь, съ другой стороны, и съ тѣмъ, что еслибы царь созвалъ не помѣщичью комиссію и не государственній совѣтъ для рѣшенія крестьянскаго вопроса, а Соборъ всей земли и русской и польской, то и тогда невозможно было бы возстаніе и былъ бы миръ въ Россіи.

А такъ какъ эмансипація, обнародованная манифестомъ 19-го Февраля, не отличалась ни храбростью, ни честностью, то и не могла она возбудить къ себѣ уваженія ни въ комъ, кромѣ въ васъ, помѣщикахъ и чиновникахъ, притѣснителяхъ русскаго народа.

И такъ, польское дѣло есть, какъ вы можете уже видѣть, только эпизодъ въ нашей большой драмѣ крестьянской. Эпизодъ очень грустный, мрачный, но не безполезный для насъ: онъ ярко, во всемъ свѣтѣ представилъ намъ всю доскональную подлость нашего дворянскаго сословія, донедшую до обоготворенія полиціи и палачей, радующагося доносамъ и пыткамъ, потѣшающагося надъ страшною участію беззащитныхъ женщинъ, оставленныхъ безъ мужей и братьевъ, перебитыхъ и перевѣшанныхъ за геройство, подлость, послѣ которой ему подняться уже нѣтъ возможности. Польша своею кровью смыла съ насъ долой и навсегда этотъ гнилой и проклятый классъ. За это одно *да здравствуетъ Польша во всяки, другъ свободы и русскаго народа, великое ей русское спасибо!!!...*

Теперь, господа, когда миръ водворяется на нашемъ западѣ и ваши вѣрноподданническія заслуги, достигнувъ своей цѣли, получаютъ различныя награжденія, вернемся и мы домой и посмотримъ что-то у насъ творится, въ Россіи?

Мракъ и хаосъ. Страшная путаница и неурядица во всемъ, все не на мѣстѣ, все исковеркано, нѣтъ ни одного здороваго мѣста, все болитъ, ничто не процвѣтаетъ, не на чѣмъ отдохнуть ни глазу, ни уму. Не говорю уже, что всѣ высшія, нравственныя силы народа раздавлены, поражены, но и матеріальное благосостояніе его въ самомъ жалкомъ и безпомощномъ положеніи. Фабрики закрываются, заводы ломаются, промышленность всякая стоитъ. Сбыту нѣтъ, внутренней торговли нѣтъ, внѣшней какъ будто бы не бывало, денегъ нѣтъ, кредита нѣтъ.

Долго можетъ государство плестись, хромая на всѣ ноги; въ такомъ положеніи его не очень другіе уважаютъ, не очень боятся—но видя, что хорошо или худо, оно тащится, а подчасъ ворчитъ и куражится, его еще не рѣшаются презирать совсѣмъ, подозрѣвая въ немъ тайныя силы и перѣдко естественную его хромоту принимаютъ за дипломатическую уловку.

Какъ бы ни было худо правительство государства самодержавнаго, оно можетъ и будетъ имѣть кредитъ до тѣхъ поръ, пока оно умѣетъ усыплять народъ. Это умѣнье и есть его сила, этому-то умѣнью и дѣлаютъ почетъ, выражающійся въ кредитъ всякаго рода. Незабвенный, хотя очень безцеремонно,

тычками и пиньками, но успѣвалъ укладывать насъ спать, при немъ въ Россіи была одна воля, ей вѣрили. Александръ II, хотя печально и невольно, да разбудилъ насъ, явились въ Россіи двѣ воли. Но куда онъ не примирился, или куда одна изъ нихъ не покорила себѣ другую окончательно, никто не знаетъ кому вѣрить: царю ли разбудившему, царю ли разбужденному? Кредитъ Россіи будетъ падать до тѣхъ поръ пока это неизвѣстное не перейдетъ въ извѣстное.

Подъ словомъ кредитъ я разумѣю здѣсь не только денежное довѣріе, но довѣріе къ труду, къ закону, къ началу, которое принимаетъ народъ въ основу своей жизни.

Россія находится теперь въ состояніи переходномъ, передъ ней, въ послѣдній разъ, поставленъ вопросъ о *землѣ* и *государствѣ* и поставленъ такъ, что отъ него отвергнется болѣе нельзя, онъ требуетъ настойчиво отвѣта категорическаго и положительнаго. Мы не можемъ сказать навѣрно, каковъ онъ будетъ, но можемъ предвидѣть, что если одолѣетъ петербургское государство, то Россія снова погрузится въ страшнѣйшій мракъ, нѣмецкій деспотизмъ будетъ давить насъ нагльбе, чѣмъ когда либо, исчезнетъ и тѣнь свободы, изгонится всякое просвѣщеніе, тяжелыя цѣпи закуютъ мысль и волю; а такъ какъ власть не можетъ держаться безъ привилегій, классовъ и іерархій, то сословная вражда можетъ быть доведена до сильнѣйшаго, крайняго напряженія послѣдней рѣшительной схватки; сепаратическія движенія уже заявившія себя съ разныхъ сторонъ, по еще одерживаемая надеждою на мирное разрѣшеніе въ общей русской связи, дадутъ тогда полный просторъ своимъ требованіямъ и растерзаютъ Россію на куски безобразныя, неестественныя, враждебныя другъ другу.

Побѣдитъ ли земля, тогда Россія можетъ остаться свободною и мирною.

Сдѣлки же между землей и государствомъ не можетъ быть никакой: искусственности конституціонной мы не понимаемъ и не поймемъ никогда; конституціонный порядокъ представляется русскому уму чудовищной аномаліей, чѣмъ-то не живымъ, мертвымъ. Это все равно что машиною считать, машиною думать, машиною, а не желудкомъ переваривать пищу. Не указывайте намъ на чужіе примѣры, они только сбиваютъ съ толку, никого не убѣждая. У всякаго народа своя исторія, свое пониманье, свои достоинства и недостатки, свое представленіе о правдѣ и неправдѣ, свой взглядъ на жизнь и смерть. Если мы хвойному дереву не можемъ дать кленовыя листья, то какъ навяжемъ мы русскому народу англійскія привычки?

Но чтобы ни случилось въ нашемъ будущемъ, какъ бы ни опредѣлилась судьба наша впереди, всякій чувствуетъ и видитъ, что въ настоящую минуту у насъ совершается великій переворотъ и куда онъ длится, куда никто не можетъ предугадать его исхода, до тѣхъ поръ всякая жизнь будетъ стоять: невозможна дѣятельность, невозможны сложныя предпріятія, невозможенъ трудъ продолжительный, нельзя строить на колеблющейся почвѣ.

Я могъ бы здѣсь кончить. Доказавъ, что государственное устройство, или военное положеніе, губительно для Россіи, я имѣлъ бы уже право не отвѣчать на вопросъ, какой образъ, какую форму должна она принять въ отношеніи къ другимъ государствамъ? Но желая исполнить обѣщанное читателю, скажу мою мысль въ нѣсколькихъ словахъ.

Знаю, что императоръ русландскій живетъ не безъ друзей-товарищей въ Европѣ и что эти-то друзья съ отчаянной злобой встрѣтятъ русскую землю, не удивлюсь, если объявятъ противъ нея крестовый походъ. Но пусть потѣшаются: Русская земля не государство, она *неуязвима ни съ которой стороны.*

Мы всегда так мало заботились о государствѣ, что до сихъ поръ у насъ нѣтъ центра, куда бы сходилась жизнь нап. Петербургъ — центръ искусственный, бюрократическій, для насъ самихъ вредный. Непрiятель овладѣвъ имъ, произвелъ бы общій, гомерическій хохотъ во всемъ народѣ, что наши нѣмцы попались. Было время когда мы думали, что Москва есть сердце Россiи, но пожаръ ся въ двѣнадцатомъ году доказалъ намъ нашу ошибку: ея пламя не убило насъ, а только согрѣло нашу кровь и возбудило жизненные силы народа. Мы будемъ ближе къ истинѣ, если скажемъ, что Москва была органомъ русскаго сна и грѣзъ: въ ней мы заснули и чудилось намъ во снѣ, что царь сзываетъ насъ на Соборы, что великій колоколъ уже загудѣлъ и чудно отвѣчаютъ ему вѣчевые колокола со всѣхъ городовъ и концовъ Россiи, намъ было сладко и мы не чувствовали вовсе, какъ перетаскивали насъ въ Петербургъ и затопили въ бюрократическомъ болотѣ. Истинный центръ нашъ вездѣ и нигдѣ, онъ въ каждомъ селѣ, въ каждой деревушкѣ; гдѣ есть русскій народъ, гдѣ уцѣлѣлъ русскій бытъ, сохранилось русское міросозерцанье, тамъ и онъ, тамъ вся Россiя. Ловите же ее по степямъ, лѣсамъ и рѣкамъ нашимъ, пройдите съ арміями вражескими всю Россію вдоль и поперекъ, вы не найдете въ ней смертельнаго мѣста, огонь будетъ идти передъ вами, вслѣдъ же за вами, по вашимъ пятамъ жизнь какъ волна будетъ смыкаться снова и затопитъ въ себѣ врага, какъ это уже разъ и случилось. Кто свалилъ Наполеона—русская земля, или русское государство? Французы, пожалуй, называютъ ее морозомъ и голодомъ, но мы знаемъ, что у насъ тепло и хлѣба вдоволь.

Теперь насъ побѣдить можно потому, что есть у насъ сложное, неподвижное, особо живущее правительство, которое можетъ быть побѣждено даже и тогда, когда народъ торжествуетъ, какъ это было въ крымскую войну. Когда же не будетъ виѣ-народнаго государства, то не найдется у насъ и слабаго мѣстечка и мы не только станемъ безопасны отовсюду, но наша крѣпость можетъ послужить великой опорой для свободы всего міра. Какъ бы ни были многочисленны петербургскія арміи, ихъ побить можно, какъ бы ни были укрѣплены наши границы мѣдью и желѣзомъ, ихъ можно разгромить. Но силу Русской Земли сокрушить нельзя. Неправъ былъ императоръ Николай, когда говорилъ: “Мы ихъ закидаемъ шапками”. Такъ смѣло можетъ выражаться только *Земля, т. е. социальное единство, социальное дружелюбие, сила которая въ политическомъ раздробленіи, въ полнотѣ мѣстной и областной жизни.*

Австрія политически едина, за то каждая минута грозитъ ей распаденіемъ. Россiя социальна одна, оттого и безиримѣрная въ исторiи тиранніи, подорвавшая изъ ней жизнь, до сихъ поръ не могла расколоть ее. Но не лучше ли ей быть свободной и живой во многихъ самостоятельныхъ частяхъ, чѣмъ связанной и мертвой лежать въ одномъ государственномъ гробу? Живые сговариваются, сталкиваются, сживутся, въ этомъ ихъ общій интересъ и взаимныя выгоды, а мертвецу суждено гнить и тѣмъ скорѣе чѣмъ долѣе будутъ держать и терпѣть его между живыми. Но мы надѣемся, что наши Фараоны забальзамировать Россію не сумѣютъ и не смогутъ, а она сможетъ затопить ихъ въ народномъ морѣ и твердо достигнуть обѣтованной Земли!

В—ъ.*

* Помѣщая эту замѣчательную по своей энергiи статью, мы обязались сказать, что не во всемъ раздѣляемъ мнѣнія почтеннаго автора.—Вад. Кол.

СМѢСЬ.

— *Царское поп роззити.*— Не смотря на головомойню московскому дворянству и на рекламу своему царствованію, Александръ Николаевичъ втихомолку примѣриваетъ конституціонныя формы. По несчастію болваномъ конституціи онъ избралъ катковскаго Муравьева. Вотъ двѣ замѣчательныя ограниченности царской власти, два *поп роззити*’а восточнаго Папы. Графовъ Потоцкаго и Тишкенича потребовали за чѣмъ то въ Литву. Одинъ болѣнъ, у другого жена умираетъ. Оба они лично знакомы съ государемъ—по охотѣ, а вдвое того вѣрно по неволѣ... оба доказали свою преданность и благонамѣренность и медвѣдями, и собаками, и плошками и балами. Оба попросили они короткую отсрочку. Конституціонный императоръ смиренно отвѣчаетъ: “Не могу, я далъ слово не мѣшаться въ распоряженія Муравьева”.

Но еще это поляки. А вотъ что, говорятъ, случилось съ русскимъ, да еще больше, съ русскимъ генераломъ и при томъ изъ нѣмцевъ. Графъ фон. дер. Остенъ-Сакенъ получилъ отъ своего управляющаго донесеніе, что Муравьевъ обложилъ его нѣмцы тѣмъ калымомъ, которымъ онъ раззоряетъ поляковъ. Остенъ Сакенъ пишетъ управляющему, чтобы онъ не вносилъ денегъ и протестуетъ. Муравьевъ посылаетъ экзекуцію, велитъ арестовать управляющаго и взыскиваетъ деньги. Графъ пишетъ къ государю, говоритъ, что его больше денегъ оскорбляетъ то, что съ нимъ поступаютъ какъ съ инсургентомъ и проситъ чтобы ему возвратили деньги. Конституціонный монархъ отвѣчаетъ: “Не могу, я далъ слово не мѣшать Муравьеву”...

А тотъ чѣмъ занять, что государъ боится помѣшать?— *Оскверненіемъ труповъ.* Мѣсяца два-три тому назадъ, въ одномъ уѣздномъ городѣ Виленской губерніи, былъ разстрѣлянъ молодой человекъ*, его мать, больная старушка, очень уважаемая въ городѣ, упросила офицера дозволить трупъ сына похоронить на кладбищѣ. Это дошло недѣли черезъ двѣ до Муравьева. Онъ отправилъ полицейскихъ съ командою открыть трупъ и бросить на мѣсто казни.—Всѣ вкусы гiенны сохранились подъ этими генераль-адъютантскими эполетами.

— *Измѣненіе цензуры и пр.* Намъ пишутъ изъ Петербурга: “Новый уставъ о книгопечатаніи прошелъ черезъ государ. совѣтъ и вышелъ изъ него не только не хуже, чего бы слѣдовало ожидать, но даже лучше. Лучше въ томъ между прочимъ, что министръ внут. дѣлъ не имѣетъ права запретить журналъ послѣ третьяго предостереженія. Право это предоставлено сенату. Лучше и въ томъ, что отстранены кой-какія нелѣпыя распоряженія первоначальнаго проекта, а именно *залоги* даже отъ тѣхъ газетъ, которыя пожелали бы выходить, *оставаясь подъ цензурою.*”

Издатель “Вѣсти” и факторъ типографіи отданы подъ судъ за безценсурное напечатаніе адреса. Эта мѣра противурѣчитъ провизуарнымъ правиламъ на счетъ прессы, по которымъ за подобный проступокъ издатель платитъ въ первый разъ 50, во второй 100, въ третій 200 и т. д. руб. сер. Валзуевъ и всѣ товарищи его считаютъ какъ-то унижительнымъ подчиняться даже собственнымъ своимъ постановленіямъ”.

— *Письма отъ 8—9—получены, а также статья къ “Дятеламъ”.*

* Мы читали сами этотъ фактъ въ письмѣ къ нашему знакомому.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — Jessamine Cottage,
New Hampton, Middlesex.

ЛИСТЪ 196.

1 Апрель 1865.

У Триюбера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Къ одному изъ многихъ (письмо третье). Смѣсь: Поправки и дополненія—запросы славянкамъ—Изъ Полтавы—Литературныя вѣсти ' Моск.

Вѣдомостей''—Крестьяне и духовенство на выборахъ—И. Самаринъ и Н. Бекетевъ—Изъ Москвы—Изъ Гruzіи—Предложеніе Н. М. Смирнова и др.

КЪ ОДНОМУ ИЗЪ МНОГИХЪ

(ПИСЬМО ТРЕТЬЕ).

Накопецъ я опять рѣшаюсь писать къ вамъ. Пять мѣсяцевъ тому назадъ я остановился на недоконченной мысли. Миѣ казалось, что обстоятельства слагаются такъ, что она выдвинется исиѣ, подтвердится осязательнѣе.

Позвольте вамъ напомнить заключение моего послѣдняго письма. Я говорилъ вамъ, что у насъ разночинцы "не представляютъ ни особаго сословія адвокатуры, ни личнаго богатства. Они представляютъ или то меньшинство дворянства, которое отказалось отъ своего сословія, или то разночинство, которое вовсе не пошло въ чиновничество, или находится въ немъ съ отвращеніемъ. Они не могутъ иначе выдвинуться впередъ, какъ не по теоріи, а по жизни, соединившись въ свои артели и опираясь не на города, а на народъ, который имъ представляетъ основаніе своего элемента земства, всюду живучаго и неискоренимаго". (Колок. 15 Октября 1864).

Большая часть нашихъ городовъ—насилъственная случайность. Это не центры послѣдовательно выращенныя развитіемъ мѣстной общественной жизни; это административные центры, навязанные народонаселенію правительствомъ ради своихъ цѣлей управления, которое до сихъ поръ совмѣщало законодательство, администрацію и судъ въ одно общее бюрократическое давленіе. Города представляютъ для петербургскаго владычества нѣчто въ родѣ вѣхъ, чтобы на огромномъ пространствѣ не сбѣгся съ пути давленія. Отъ этого города учреждались по указу—или тамъ, гдѣ историческій городъ оказывался немѣшающимъ правительственной цѣли, или историческій городъ упразднялся (признавался заштатнымъ) и какое нибудь село возводилось въ городское достоинство; крестьянство обращалось въ мѣщанство и, кромѣ немногихъ счастливыхъ, скорѣе разорялось чѣмъ богатѣло. Конечно, разночинству легче пайти общественное основаніе въ реальномъ земствѣ, чѣмъ въ этомъ мнимомъ гражданствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите въ наши газеты, прислушайтесь къ говору—и вы увидите, что наше разночинство вездѣ довольно охотно приступаетъ къ земскимъ учрежденіямъ. Подумайте, чтобы я земскія учрежденія начиналъ ставить выше ихъ значенія; я не отступилъ отъ моего мнѣнія о нихъ—не отступилъ не по упрямству, а потому что не встрѣтилъ

достаточной причины взглянуть на нихъ иначе. Чѣмъ больше вы всмотритесь въ нихъ, тѣмъ больше убѣдитесь, что они сами по себѣ, плохонькой переводъ французскихъ conseils d'arrondissement; но ихъ постановка въ Россіи даетъ имъ иное значеніе. Они представляютъ у насъ возможность—а въ настоящую минуту единую возможность—для встрѣчи разночинства съ народомъ, для ихъ сближенія, для ихъ союза въ общую потребность, въ общую дѣятельность. Тщеславное и мнимо-образованное помѣщичество и своекорыстное чиновничество, словомъ большинство дворянства, развившагося въ прихотищеваніи передъ правительствомъ и насиліи надъ народомъ, большинство дворянства, какъ и слѣдовало ожидать, не поняло этого и угрюмо старается отстраняться. Почему этого слѣдовало ожидать—миѣ кажется очень понятнымъ: большинство дворянства не можетъ припятъ участія въ общей потребности, у него потребность своя, отдѣльная: помѣщичеству нужно дешевыхъ работниковъ и сословнаго кредита, чиновничеству нужно сохраненія своихъ преимуществъ, своего владычества; потребности разночинства и народа имъ совершенно противоположны. По этому то я и причисляю къ разночинству меньшинство дворянства и чиновничества, то есть то меньшинство, которое, въ пользу общихъ интересовъ, въ глубинѣ своего убѣжденія, отрелось отъ своей наследственной отдѣльности, а если, по нуждѣ, состоитъ на службѣ царской, то все-же внутренне стремится на замѣну бюрократіи народнымъ представительствомъ. Къ потребности народного представительства остальное большинство разночинства, т. е. среднее купечество, мѣщанство, не попавшее въ рясы духовенство и меньшинство дѣйствительнаго духовенства—примкнетъ съ перваго слова и передастъ эту потребность въ народную массу гораздо легче чѣмъ люди сословія вышедшаго у народа изъ вѣры. Этотъ общій союзъ разночинства и народа слишкомъ естественъ, чтобы не состояться. По этому то такъ важно ввести въ земскія учрежденія людей, работавшихъ въ своемъ пониманіи надъ вопросомъ народного представительства и самоуправления. Тѣмъ важнѣе, что земскія учрежденія ставятъ вопросъ, не разрѣшая его, то есть возбуждая въ массахъ стремленіе къ его иному, лучшему, дѣйствительному разрѣшенію. Тѣмъ важнѣе, что поставить его вслухъ на сію минуту больше неидѣтъ какъ въ дѣятельности земскихъ учреждений. Тѣмъ важнѣе, что людямъ,

работавшимъ надъ вопросомъ самоуправленія—какъ я уже сказалъ—встрѣтиться съ народными массами *больше людей* какъ на сходкахъ земскихъ учрежденій. Тутъ важило, что тутъ спервоначала—вопросъ самоуправленія ставится какъ *мѣстная* потребность, т. е. какъ потребность самая доступная для народнаго пониманія, самая живая, самая реальная, самая въ смыслъ дѣйствительной жизни входящая потребность.

Посмотрите какъ ошибаются два нестолковавшіяся начала: реформирующее правительство и обще-конституціонная попытка московскаго дворянства.

Реформирующее правительство ищетъ своихъ образцовъ въ французскихъ постановленіяхъ и подражаетъ имъ даже до мелочей*. Вслѣдствіе этихъ подражателствъ не мудрено, что правительство ищетъ создать какую то буржуазно и сословную адвокатуру, также какъ не мудрено и то, что оно будетъ не противъ октроированной конституціи, имѣя передъ глазами лишь что подобное въ современной французской имперіи, или даже въ Австріи и родственной Пруссіи. Оно только не догадывается, что ни казенная буржуазія, ни казенная адвокатура не создаются, что если сословія не выросли исторически, то живая общественность будетъ искать не поддержки указомъ изобрѣтенныхъ чиновъ, а выраженія собственныхъ потребностей людьми ни къ какому указному сословію не принадлежащими. Какъ въ земскихъ учрежденіяхъ, такъ и во всемъ остальномъ, реформирующее правительство, въ силу обстоятельствъ, натолкнется на другой элементъ, которому нуженъ свой исходъ и который однимъ подражаніемъ французскому образцу не удовлетворится. Разночинство не перейдетъ въ повосозданная сословія, а октроированная конституція будетъ переходной минутой къ земскому собору.

Конституціонная попытка московскаго дворянства, которую я вовсе не считаю безполезною, оборачивается на многомъ, по первымъ на неясности своего требованія и на невозможности, чтобы это требованіе нашло гдѣ нибудь поддержку. Ене подольскій уѣздъ могъ бы найти эголосокъ въ разночинствѣ, и черезъ него и въ народѣ; его проектъ могъ бы перейти, если не въ общее требованіе, то по крайней мѣрѣ въ общій говоръ, изъ котораго выросло бы требованіе общаго собора; но большинство московскаго дворянства указало на какую-то олигархическую цѣль, которую разночинство и народъ могутъ по справедливости встрѣтить враждебно; имъ еще далеко не доказано, чтобы дворянство московское, или иное, представляло какое нибудь высшее образованіе; они до сихъ поръ могли видѣть въ дворянствѣ только наглое помѣщичество и конечно не станутъ помогать ему къ достиженію исключительной законодательной власти въ Россіи. Отказавшись же отъ подольскаго проекта, или рѣшившись на противуположный союзъ проекта общаго народнаго представительства съ проектомъ исключительнаго дворянскаго представительства и связавши ихъ въ одинъ вѣроподобническій адресъ, московское дворянство произвело на свѣтъ нѣчто смутное, гдѣ нѣтъ возможности добраться до опредѣленной мысли. На этомъ основаніи строить московское дворянство требуемую имъ конституцію—этого въ адресѣ не видать, этого надо доискиваться въ рѣчахъ засѣданія; а тутъ наткнешься на олигархическій принципъ, который, конечно, не найдетъ поддержки въ русскомъ народѣ и ограничится симпатіями Скарятина съ Катковымъ.

* На пр. министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ пошлину на журналы (timbre), подражаніе, котораго пошлость бросилась въ глаза даже государ-
ственному совѣту.

По оба реформирующія начала не догадались, что въ сущности въ Россіи никакая реформа не установится, не прошедши черезъ предложеніе и постановленіе Земскаго собора: они не догадались, что отдѣльное сословіе жаждущее *октроированной* конституціи какою бы то ни было (по крайней мѣрѣ московскій адресъ не выразилъ какой конституціи домогается дворянство) и правительство, желающее дать конституцію какою бы то ни было (изъ отвѣтовъ правительства тоже не видать, что оно разумѣетъ подъ конституціей) оба реформирующія начала не догадались, что они вовсе не такъ далеки другъ отъ друга и легко могутъ уступить другъ другу гдѣ стороны владычества которыя для ихъ самохраненія и самолюбія нужны и отъ которыхъ пострадаетъ разночинство и народъ, т. е. все то что опредѣлило бы реформу—не октроированную сверху подъ одно на всю имперію съ оставленіемъ преимуществъ правительству—но постановленную на безсословномъ Земскомъ соборѣ всѣми мѣстностями по взаимномъ соглашеніи.

Если правительство раззорило дворянство отчужденіемъ отъ него состоянія, то вовсе не думая, что оно раззоритъ его; правительство полагало, что богатство высшаго сословія состоитъ въ землевладѣніи и никакъ не воображало, что отчужденіе рабовладѣнія поколеблетъ дворянское достоинство. Тутъ дворянство можетъ пенять развѣ на самого себя, а никакъ не на правительство. Правительство дѣлало для дворянства все что могло, конечно, не для польскаго, а для русскаго и въ особенности для тифлискаго, гдѣ освобожденіе крестьянъ — для крестьянъ обдѣлано хуже чѣмъ гдѣ либо.

У правительства съ дворянствомъ вообще много сходнаго. Лица, принадлежащія къ правительству—принадлежатъ къ дворянству. Чѣмъ выше поставленъ чиновникъ, тѣмъ несомнѣннѣе онъ принадлежитъ къ дворянству и вносить въ свою служебную дѣятельность помѣшечьи интересы. Помѣщикъ, не только поступая на службу, но даже и выходя изъ службы, примыкаетъ въ своей жизни гораздо болѣе къ правительственнымъ интересамъ, чѣмъ къ общественнымъ и все что не составляетъ помѣщичества или чиновничества, онъ считаетъ или себя подвластнымъ или врагомъ. У государя нѣтъ друзей или приближенныхъ не изъ дворянства. Меньшинство, которое въ молодости горячо принималось за народные интересы, достигая высшихъ чиновъ, примыкаетъ къ правительственнымъ интересамъ и употребляетъ свой либерализмъ для показа—на удивленіе робкихъ, но ужь конечно не на продолженіе своихъ прежнихъ убѣжденій. Правительственному и дворянскому міру сойтись было очень не трудно.

Возьмите въ примѣръ хотя “средство устроить въ Россіи поземельный кредитъ”*. Еслибъ правительство было сколько нибудь враждебно расположено къ дворянству, или дѣйствительно дружелюбно расположено къ народу, оно предоставило бы общинамъ займы, гарантированные круговой порукою, по усмотрѣнію общины для ихъ хозяйственныхъ дѣлей, не мѣшая имъ входить въ свободныя сношенія и договоры съ компаніями поземельнаго кредита, между тѣмъ какъ въ уставѣ предполагаемаго общества поземельнаго кредита (которое, вѣроятно, утверждено или вскорѣ будетъ утверждено правительствомъ) цѣль общества обозначена слѣдующимъ образомъ: “1) содѣйствие развитію земледѣльческаго богатства страны чрезъ доставленіе помѣщикамъ и земледѣльцамъ капиталовъ,

* Прибавленіе къ “Московскимъ Вѣдомостямъ”.

необходимых или для улучшения их земель...; 2) содействие развитию путей сообщения чрез доставление губерниям и общинам сумм, которые им разрешено занимать на этот предмет и пр."... Из этого очевидно, что помещики будут въ возможности занимать под залог своих земель, когда угодно, никого не спрашивая; а общины будут занимать или съ дозволения или — еще вѣроятнѣе — по приказанію правительства. Первые, между прочимъ, могутъ имѣть цѣлью улучшение своихъ земель и хозяйствъ; а для общинъ займы обратятся въ налогъ. Такимъ образомъ разомъ будетъ достигнуто: устройство путей сообщенія на крестьянскій счетъ и удешевленіе налогомъ обремененныхъ работниковъ въ пользу помещиковъ; а поземельный кредитъ останется помещичьимъ и правительственнымъ, а нисколько не народнымъ. Гдѣ же тутъ правда правительства и дворянства? Это скорѣе дружба

Замѣьте, что сословный кредитъ и дешевые работники идутъ рука объ руку. При сословномъ кредитѣ цѣль хозяина употребить свой заемъ какъ можно выгоднѣе, хотя бы съ ущербомъ для другого; слѣдственно тѣмъ дешевле работники тѣмъ лучше. Безсословный кредитъ идетъ рука объ руку съ дешевымъ работникомъ; онъ даетъ средство производить для своего барыша, тому, который иначе пошелъ бы работать на другого изъ за скуднаго прокорма. Общинный кредитъ не можетъ не сдѣлаться одною изъ формъ безсословнаго кредита, основаннаго на общинномъ доходѣ и круговой поруки. При этомъ кредитѣ, цѣль общины — не доставка дешевыхъ работниковъ на сторону — а употребленіе займа на развитіе своего достоянія; слѣдственно, тѣмъ выгоднѣй будетъ употребленъ кредитъ, тѣмъ дорожже станеть работникъ на сторону, между тѣмъ какъ общая производительность отъ этого можетъ только развиться, а не пострадать. Даже общее образованіе должно развиться, становясь потребностью, условіемъ жизни народныхъ массъ. Если бы правительство дѣйствительно было дружелюбно расположено къ народу, оно покровительствовало бы безсословному кредиту и свободѣ общиннаго кредита, а не покровительствовало бы чисто сословному кредиту, прикрывающему себя словами, потому что въ сущности чувствуется, что учрежденіе чисто сословнаго кредита теперь было бы все совсѣмъ честно. Впрочемъ достигнетъ-ли правительство и дворянство до удешевленія труда, полагая въ этомъ, съ 'Моск. Вѣдомостями', совершеннѣе и свободу народную — это еще вопросъ... Пожалуй обстоятельства сложатся такъ, что кромѣ перехода изъ рукъ въ руки залоговъ поземельнаго кредита ничего не достигнется; а между тѣмъ, не только временно обязательное, но и казенное крестьянство будетъ заявлять свою потребность въ свободномъ, т. е. не начальствомъ наложенномъ поземельномъ кредитѣ.

У правительства съ дворянствомъ оказалась также симпатія къ единству имперіи. Это, очень естественно: общее самоуправленіе, общее безсословное представительство не мыслимо безъ областного самоуправления и областного представительства; свободная Россія можетъ быть только союзная Россія, что не мѣшаетъ ей цѣлости, а мѣшаетъ только удручительному давленію центра. Противъ такой Россіи самая Польша никогда не возстала бы, а сочла бы ее своей ближайшей, естественной опорой. По единая, т. е. управляемая имперія, будь она управляема самодержавно изъ Петербурга, или посредствомъ дворянской конституціи, единая имперія найдетъ главныя симпатіи во дворцѣ и въ англійскомъ клубѣ. По

этому дворецъ и англійскій клубъ аплодируютъ всѣмъ ненужнымъ варварствамъ, совершающимся въ западныхъ областяхъ, англійскій клубъ, даже не замѣчая, что онъ аплодируетъ въ пользу подрыва олигархическаго принципа, который самодержавіе подрываетъ тоже не хотя, въ сущности думая заботиться о собственномъ самохраненіи.

Но я вамъ сказалъ, что считаю конституционную попытку московскаго дворянства не бесполезною, и постараюсь вамъ доказать это. Во-первыхъ, вслухъ, какъ бы смутно ни было, но заявлена потребность политической реформы, и на это заявленіе вслухъ, какъ бы смутно ни было, но послѣдовать правительственный отвѣтъ — первое заявленіе вслухъ, за которымъ послѣдовало не обвиненіе въ преступленіи, а признаніе гласности запроса политической реформы, слѣдственно признаніе его возможности, его права существованія. Это, конечно не шагъ назадъ.

Во-вторыхъ, положенія обозначились рѣзче. Дворянству хочется законодательной власти въ государствѣ; оно даже готово унормировать о народномъ представительствѣ, лишь бы при этомъ поставить себя отдѣльнымъ и первенствующимъ сословіемъ, признавая за собой всякаго рода достоинства, что, конечно, могло бы найти успѣхъ и поддержку только въ томъ случаѣ еслибы эти достоинства были напередъ признаны остальными массами — разночинствомъ и народомъ.

Правительству своей законодательной власти уступить не хочется или хочется уступить когда вздумается и на сколько вздумается. Оно довольствуется своими реформами и находитъ ихъ прекрасными; но тутъ также еще спрашивается на сколько эти реформы удовлетворятъ тѣхъ кою онѣ касаются. Изъ этого правительственнаго самодовольствія, разночинство и народъ могутъ только понять, что въ сущности полагаться на дѣйствительное построеніе народной свободы правительствомъ — нельзя, но помнить надо твердо, что само правительство не надѣется обойтись безъ уступокъ и политической реформы. А понять, что не смотря на свое самодовольство, правительство не имѣетъ самоуверенности — это, конечно, не есть шагъ назадъ.

Въ третьихъ, положеніе обозначается тѣмъ, что правительство и дворянство расходятся, еще отъ этого нисколько не сближаясь съ другими сословіями, напротивъ того, скорѣе отдаляясь отъ другихъ сословій, ибо при этой размолвкѣ оказалось съ каждой стороны огромное себялюбіе, но особой любви къ народу и его свободѣ не оказалось.

Впрочемъ, я не думаю, чтобы попытка московскаго дворянства прошла безъ повторенія въ другихъ дворянскихъ собраніяхъ (что уже доказывается адресомъ и депутаціей московскаго дворянства) и я надѣюсь, что опытъ заставить избѣгнуть въ рѣчахъ того духа сословности, который необходимо влечетъ за собой враждебное расположеніе массъ къ самому движенію. Я надѣюсь также, что опытъ заставить избѣгнуть неопредѣленности въ адресахъ. Говорить будто дворянство не имѣетъ права говорить въ адресѣ о земскомъ соборѣ, что будто оно имѣетъ право говорить только о себѣ, о своемъ сословіи. Съ этимъ я совершенно не могу согласиться. Въ такомъ случаѣ и московское дворянство не имѣло бы права мимоходомъ упоминать о земствѣ и разсуждать о проэктѣ подольскаго уѣзда. Я думаю, что тамъ гдѣ дворянство прямо поведетъ рѣчь о земскомъ соборѣ, тамъ оно примирится съ земствомъ, само пойдетъ на слитіе съ земствомъ; а это главное,

потому, что на удачу передъ правительствомъ и безъ того рѣсчитывать нечего. Можно требовать земскаго собора, на которомъ была бы постановлена конституція, или по русски: "учрежденіе областей и ихъ мѣстнаго и общаго самоуправленія"; а октроированныхъ конституцій у насъ достаточно прошло передъ глазами, не принося никакого дѣйствительнаго обезпеченія пародамъ и не внося въ людскія отношенія никакой человѣческой правды.

Правительство, вслѣдствіе своей пессамоуверенности, вѣроятно, прибѣгнетъ къ вызову довольно забавныхъ противу-конституціонныхъ адресовъ со всѣхъ концовъ имперіи, прежде чѣмъ дастъ какую нибудь дрянненькую конституцію, которая никого не удовлетворитъ. Оно пока еще слишкомъ самодовольно смотритъ на свои реформы, начиная хотя бы съ судебной. Оно не замѣчаетъ, что весьма легко составить кодексъ а priori, не соображаясь ни съ какимъ даннымъ народонаселеніемъ; не меньше того легко перевести иностранный кодексъ и считать этотъ трудъ дѣломъ науки. Но чтобъ учрежденія вышли изъ живаго народнаго пониманія и слѣдственно совершенно соотвѣтствовали потребностямъ народной жизни и народному здоровому смыслу—этого нельзя сдѣлать безъ участія народнаго представительства. Какъ бы важенъ шагъ къ предполагаемой гласности суда и какъ ни страшно реформирующее правительство подготавливается къ нему усиленными злодѣйствами своего военно-уголовнаго судопроизводства, тѣмъ не менѣе сомнительно, чтобъ судебная реформа установилась, не возбуждая въ народѣ потребность общаго участія въ составленіи своеобразнаго русскаго судопроизводства.

Но пора мнѣ кончить и отложить до слѣдующаго раза усиленный разборъ нашей судебной реформы. Не смотря на все горькое, совершающееся въ Россіи и не смотря на всѣ недостатки, ошибки и неудачи разныхъ попытокъ къ лучшему, дайте мнѣ заключить это письмо выраженіемъ моей полной вѣры въ близкое, по времени, соединеніе разночинства съ пародомъ, дайте вспомнить старинное дорогое слово, въ которое я теперь вѣрю больше чѣмъ когда нибудь: *е pur se tuevra!*

Н. Огаревъ.

P. S. Не могу не сказать вамъ еще нѣсколько словъ о совершающихся и предлагаемыхъ реформахъ.

Я упомянулъ вамъ мимоходомъ объ освобожденіи крестьянъ въ Грузіи. Со временемъ я еще представлю вамъ болѣе подробный отчетъ о "законоположеніяхъ о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Тифлисской губерніи", законоположеніяхъ, напечатанныхъ *texte en regard* по русски и по грузински. Теперь сообщу вамъ только нѣкоторыя особенности и замѣчанія. Грузинскій переводъ русскаго текста до того плохъ, что ни одинъ грузинъ не въ состояніи понять его. Одинъ ученый знатокъ грузинскаго языка докладывалъ Буткову, что переводъ плохъ и что нужно перевести съизнова. Бутковъ отвѣчалъ или велѣлъ отвѣчать, что "дѣло не терпитъ отлагательства и что тамъ (въ Тифлисской губерніи!) найдутся хорошіе толкователи". Какая удивительная поспѣшность у правительства, которое вообще реформу крестьянскаго быта основывало на принципѣ *постепенности*, а для Грузіи преимущественно. Въ высочайшемъ указѣ правительственнаго сенату (13 Окт. 1864 г.) сказано: "признавъ необходимымъ дѣйствовать *постепенно* къ освобожденію и тамъ (въ Закавказскомъ краѣ) крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Мы

въ тоже время поручили главному за Кавказомъ начальнику приступить къ надлежющимъ по этому предмету соображеніямъ. Къ осуществленію сихъ указаній Пашихъ приступлено *сначала въ Тифлисской губерніи*".

Стало, дѣло было уже не такъ къ спѣху, чтобъ не удѣлить лишняго дня два на хорошій переводъ, если постепенность состояла въ освобожденіи крестьянъ сперва въ одной губерніи, а въ остальныхъ со временемъ!

"За симъ", сказано въ указѣ, "предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, находящихся въ крѣпостномъ состояніи и объ отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ въ Тифлисской губерніи были подробно обсуждены въ особомъ на мѣстѣ комитетѣ, при участіи приглашенныхъ въ оный для совѣщаній помѣщиковъ изъ каждаго уѣзда".

И не смотря на то, что проекты законоположеній были "предварительно рассмотрѣны Его Императорскимъ Высочествомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ" и не смотря на совѣщанія приглашенныхъ только помѣщиковъ—"крестьяне недовольны богъ знаетъ какъ, а дворяне и того хуже".

Изъ предполагаемыхъ реформъ, я всего болѣе обращаю ваше вниманіе на толки въ правительственныхъ сферахъ о продажѣ казенныхъ крестьянамъ ихъ земель, въ особенности лѣсовъ. Мало того что императорство, окончательно, не только ограбило почти на пол-Россію у народа его же землю для отдачи помѣщикамъ, да еще и самый пародъ отдало имъ въ рабство, теперь, когда правительство, отмѣнивъ крѣпостное состояніе, продало крестьянамъ *будто бы помѣщичью* землю, исказило этой продажей основанія крестьянской общины вмѣсто способствованія ея развитію, теперь оно намѣрено—казеннымъ, т. е. у помѣщиковъ въ рабствѣ небывалымъ крестьянамъ продать *будто бы казенную* землю. Да что же такое наконецъ казна? Гдѣ ея право на свою частную, личную собственность? Поземельная собственность—собственность народная, а казна—это контора куда поступаютъ подати и выдаются правительству для расходованія на общественныя нужды. Торговать народной собственностью казна вообще не имѣетъ права, а продать ее самому же народу—это похоже на то, какъ еслибъ кто съ васъ снялъ сапоги и потомъ вамъ же ихъ и продалъ, да еще по какой цѣнѣ вздумалось. Что же касается до продажи крестьянскихъ общинамъ, преимущественно передъ другими землями, лѣсовъ, будто бы казенныхъ, то у правительства есть намѣреніе, послѣ этой продажи, взять лѣсъ опять въ казенное управленіе, будто бы для сбереженія лѣсовъ, которые крестьяне воровски истребляютъ. Не говоря уже о томъ, что это было бы ни съ того ни съ сего создать новый огромный налогъ—и только, ничего въ сущности не измѣняя,—пора же наконецъ правительству понять, что если крестьяне воруютъ и истребляютъ лѣса, то это просто отъ того, что при казенномъ управленіи они не иначе могутъ пользоваться лѣсомъ какъ за взятки, и чѣмъ больше взятка, тѣмъ больше можно взять лѣсу и тѣмъ легче добиться до сдѣлки съ казеннымъ управленіемъ, которое ведетъ дѣло такъ, что это истребленіе лѣсовъ, прикрываемое пожарами и иными средствами, узнается только по прошествіи такого времени, когда управленіе всѣ концы припрятало и никакой формальный контроль или розыскъ для него не опасенъ. Что же переимѣнится, если на крестьянъ наложить новый налогъ годовыхъ взносовъ за будто бы покупку лѣса, а лѣсъ останется въ казенномъ управленіи? Не знаю какъ октроированная конституція, по учрежденіе русскаго народа, постановленное Земскимъ Соборомъ, навѣрное такой продѣлки не допуститъ.

СМѢСЬ.

— *Поправки и дополненія.*—Памъ пишутъ, что русскій генералъ съ нѣмецкой фамиліей, съ котораго Муравьевъ назначилъ польскую справу, не *Остенъ-Сакенъ*, а *Корфъ* и что не графъ *Потоцкій*, а гр. *Браницкій* проситъ отсрочки у самодержца ограниченаго Муравьевымъ. Хотя замѣна именъ и не измѣняетъ фактовъ, но спѣшимъ сдѣлать эту поправку.

Передъ нами одно письмо изъ Литвы и одно изъ Москвы.

Въ первомъ подробно разсказана исторія неистовства надъ труномъ отрока, о которомъ мы говорили въ прошломъ листѣ. Дѣло выходитъ, что эту гнусность выкинулъ не Муравьевъ-рѣге, а Муравьевъ-филс. Что за счастье этому человѣку, онъ можетъ спокойно закрыть послѣдній глазъ и утонуть въ собственной водѣ, имѣя такого достойнаго сына и наследника: “18 Января с. г. въ м. Ужвенты, Ковенской губерніи, Павельскаго уѣзда, за участіе въ борьбѣ Польши за независимость, разстрѣляли ученика Павельской гимназіи, (стало быть мальчика, а не молодого человѣка) *Тавтовича*. Несчастная мать убитаго вымолила у павельскаго военнаго начальника полковника Тинькова позволеніе похоронить тѣло въ семейномъ склепѣ. Узнавъ объ этомъ ковенскій губернаторъ, сынъ вѣшателя, предписалъ жандармамъ арестовать участвовавшихъ въ вырытіи тѣла, разбить семейный склепъ Тавтовичей, вынуть изъ него трунъ мальчика и зарыть опять на мѣстѣ казни. Полковникъ же Тиньковъ за мягкосердіе немедленно былъ смѣненъ”.

Это второе изданіе Муравьева должно быть великолѣпно. О его прежнихъ дѣлахъ намъ случалось не разъ слышать и говорить. Но вотъ новая черта, сообщаемая тѣмъ же письмомъ. Муравьевъ jun., прищипывая усердіе своихъ чиновниковъ, нѣсколько разъ повторялъ имъ: “Я покажу вамъ, что я не мой ополячившійся отецъ!” Онъ вообще находилъ, что отецъ старъ и недовольно энергично дѣйствуетъ, что онъ сталъ мягокъ. Вотъ каковы нынѣ сыновья! Это все послѣ “Отецъ и дѣтей” пошли такіе опрокинутые Брты.

“Онъ ли (Муравьевъ-рѣге), соболѣзнуетъ письмомъ, не принималъ мѣры для обрусѣнія Литвы? не лѣзь-ли, какъ говорится, изъ кожи, чтобы доказать свою преданность государю самымъ звѣрскимъ и бѣшеннымъ управленіемъ этою несчастною страпою? не замѣнялъ-ли приговоры военносудныхъ комиссій, приговаривавшихъ тѣхъ, кои не принимали слишкомъ дѣятельнаго участія въ польскомъ возстаніи къ нѣсколькимъ годамъ ссылки на житіе въ великорусскія губерніи на смертную казнь? не ссылали-ли 16-лѣтнихъ помѣщичьихъ дочерей, однихъ, въ сопровожденіи пьяныхъ жандармовъ за нѣсколько тысячъ верстъ, потому только, что отцы или братья ихъ принадлежали къ возстанію? не запрещали-ли, вопреки закону, слѣдовать за ссыльными женами ихъ? не назначали-ли мужа въ одно, а жену въ другое мѣсто, точно также матерей и дочерей? не жегъ-ли селъ и городовъ, не ранили-ли съ землею помѣщичьихъ дворовъ за то, что черезъ ихъ имѣнія проходили инсургенты, хотя помѣщики жили спокойно на его глазахъ въ Вильнѣ? не выселяли-ли цѣлыхъ деревень или десятковъ семействъ за то, что изъ этихъ деревень кто то пошелъ въ возстаніе? не позволяли-ли усерднымъ русскимъ патріотамъ плевать въ лице ведомыхъ на смерть католическихъ священниковъ, съ приговоркою: “вотъ тебѣ снятіе сакры”? не приказывали-ли въ день исполненія смертныхъ приговоровъ

пасть поляками, дѣлать вечеромъ балы и заставлятъ танцовать ихъ родственницъ? и пр. и пр. И за всѣ эти великіе подвиги быть названнымъ и кѣмъ же? своимъ собственнымъ сыномъ —ополячившимся. Страшно и больно! Не даромъ объ сынѣ идетъ традиція, что будучи мальчикомъ въ гостяхъ у гродненскаго предводителя, помнится у ни Снятополка Четвертискаго, онъ повѣсилъ козу, принадлежавшую дѣтямъ предводителя.

“*Муравьевъ-вѣшатель*, продолжаетъ письмо, запретилъ въ Литвѣ славить въ полѣ кресты съ распятіемъ, подѣ штрафомъ 50 руб. съ того на чьей землѣ католическій крестъ будетъ поставленъ и 25 руб. съ того кто ставилъ. Велѣлъ отвести по одному алтарю въ католическихъ костелахъ для православноу поповъ, вслѣдствіе чего католическіе священники, по каноническимъ законамъ, не могутъ служить въ этихъ костелахъ обѣденъ. Велѣлъ выискивать въ видѣ подати за крещенія и вѣчанія католиковъ по католическому обряду отъ 10—25 руб. сер.; крестьяне же, кои крестили бы своихъ дѣтей или вѣчались у поповъ, ничего не платятъ. Католическіе костелы (нѣкоторые) въ Вильнѣ и въ Литвѣ превращаются въ православныя церкви; на пр. древній Францискаскій въ Вильнѣ. Францисканы первые проповѣдывали католическую вѣру въ Литвѣ. Запретилъ въ Вильнѣ на улицахъ говорить по польски, не взирая на то, что многіе старики вовсе не знаютъ русскаго языка. Штрафъ за это, т. е. за польскій разговоръ полагается на первый разъ 10 руб. сер. Недавно извѣстный виленьскій книгопродавецъ Іосифъ Завадскій, старикъ никогда не говорившій по русски, за то, что на спросъ о какой-то книгѣ, отвѣчалъ по польски, былъ подверженъ штрафу 75 руб. сер. Запретилъ въ Литвѣ говорить при встрѣчѣ: *Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!* Издревле крестьяне въ Польшѣ и Литвѣ, а дворяне, при встрѣчѣ съ собою здоровались, говорили эти слова, или по латыни: *Laudetur Jesus Christus*, т. е. Да славится имя Іисуса Христа!

“*Литовскій Вѣстникъ*” (*Kuryer Wileński*) издаваемый по польски, послѣ по польски и русски, какъ равно и Мѣсяцословы, велѣлъ издавать по русски. На нынѣшній годъ Мѣсяцословъ гласитъ, что Великій князь литовскій Ольгердъ былъ православный, а также и сынъ его король польскій Владиславъ Ягелло, и что онъ назывался не Владиславомъ, а Яковомъ Андреевичемъ. А мы вѣдь думали до сихъ поръ, что царь Владиславъ Ягелло при вступленіи на польскій престолъ изъ язычниковъ былъ окрещенъ краковскимъ Архіепископомъ Бодзиптоу (ужь гоже не православнымъ-ли?) въ Краковѣ по римско-католическому обряду и наименованъ Владиславомъ. Еще годикъ-два и мы подѣ отеческимъ правительствомъ. Михаила Николаевича Муравьева усомнимся показать сами въ томъ, что мы поляки и католики. Можетъ быть насъ крестили православные поны переодѣтые въ католическіе ксендзовъ. Да и самъ папа Шій IX не православный-ли въ самомъ дѣлѣ, тайнымъ образомъ по крайней мѣрѣ, Святой отецъ?”

— Письмо изъ Москвы состоитъ изъ подробностей *конституціонной анитаціи*, къ которымъ прибавлены выписки изъ “Вѣсти”. Подробности не всѣ удобны для печати. Скажемъ одно, искренно жаль, что первыя свободныя слова, произнесенныя публично, и долею навѣрное людьми горячо желающими добра — не найдутъ, по ихъ *mesallanc’амъ* сочувствія; они подыались какъ блуждающіе огни изъ топкого болота и должны были исчезнуть какъ они. Судите сами.

Вот что пишетъ "Вѣсть" въ 4 N.: "*Изъ Москвы 9 Января.* Вы уже знаете, что г. Рустовцевъ (какой?) сдѣлалъ въ дворянскомъ собраніи предложеніе о выраженіи сочувствія гг. Каткову и Леонтьеву за ихъ полезную дѣятельность и желанія, чтобъ они продолжали эту дѣятельность. Многие находили, что дворянскому собранію не время заниматься этими вопросами. Однакоже, по уѣзднымъ столамъ стали подписывать письмо на имя К. и Л. Но дальнѣйшая подпись была остановлена письмомъ самихъ гг. К. и Л., которые просили не давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу.

9 Января, г. Безобразовъ сказалъ нѣсколько словъ о важныхъ заслугахъ г. Каткова. Онъ упомянулъ, что этотъ человѣкъ раздавалъ змѣю, которая распространяла ядъ въ нашемъ молодомъ поколѣніи и разбилъ презрѣнный "Колоколъ". Другая его заслуга состоитъ въ ратованіи за ту мысль, которою мы всѣ пренебрегаемъ—мысль о единствѣ Россіи".

За тѣмъ вотъ отрывокъ изъ очень неуклюжей, тяжелой рѣчи графа Орлова Давыдова. Говоря о финансовомъ расстройствѣ Россіи, ораторствующій графъ вдругъ, ни къ чему, ни къ городу прибавляетъ:

"Я вижу въ настоящее время не одно матеріальное расстройство; я вижу еще попытки съ разныхъ сторонъ потрясти всѣ нравственные основы и колебать наши вѣрованія и всѣ тѣ нравственные понятія, въ которыхъ мы были воспитаны. Съ какою цѣлю переводятъ на нашъ языкъ и печатаютъ книги въ родѣ Бэля (!!!), отвергающаго всякое участіе предѣвнѣ въ человѣческихъ дѣлахъ? Я спрашиваю, съ какою цѣлю распускаютъ между крестьянами дешерыя книжки, и ими знакомятъ крестьянъ съ именемъ Бунзена (!), который первый подалъ мысль о сочиненіи новой Библии и новаго Евангелія, приспособленнаго къ настоящимъ понятіямъ? Развѣ нельзя было сослаться, по случаю *благотворительныхъ женскихъ*, ни на кого изъ *отцовъ* церкви? А если пужно современное имя, развѣ нельзя было вспомнить о Гизо въ Парижѣ, о Навилѣ въ Женевѣ, о Чальмерсѣ въ Англии? Какъ же возможно было въ самой Москвѣ не вспомнить объ одномъ еще ясномъ и еще горящемъ свѣтилѣ, о томъ пастырѣ, который имѣетъ самыя обширныя понятія во всѣхъ религіозныхъ дѣлахъ, и который привлекаетъ тысячи слушателей въ Успенскій соборъ?" (*громкое одобреніе*).

Грязно кровавое пятно, которое на себя взяло московское помѣщичество непрощеннымъ заявленіемъ своей нѣжності къ палачеству, поддерживаемому Муравьевской веревкой и чернилами "Московскихъ Вѣдомостей"—оно не смоешь. Пятно это какъ и слѣдуетъ поидеть въ родовое наследство столбовымъ олигархамъ московской губерніи. Безъ всякаго вызова, безъ всякой пужды, безъ общественной опасности, въ то время когда весь свѣтъ съ изумленіемъ, съ отвращеніемъ смотритъ на безпримѣрное въ нашъ вѣкъ звѣрство смертныхъ казней продолжающихся послѣ побѣды—люди, помогающіе свободы и человѣческихъ правъ, жмутъ руку Маратамъ паризма, куртизанамъ палачей. Они начинаютъ свой лепетъ о представительныхъ правахъ съ того, что задобриваютъ похвалами и гостинцами панегиристовъ Муравьева и кончаютъ крикомъ папской энциклики квинзигитики*.

Неужели эти господа въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что поддерживая кровавое гоненіе цѣлаго народа, рабство мысли и науки, они достигнутъ до монополя свободы, такъ какъ по-тврствуя всему скверному что прежде дѣлало правительство—они достигли до монополя рабства?

* Отчего корреспондентъ нашъ не прислалъ рѣчи Голохвастова, сдается что ова дѣлѣе прочихъ? Нельзя ли ее достать?

Никогда!*

Еще слово. Теперь мы вполне вѣримъ, что "Колоколъ" сила". Безобразовъ поставилъ поправленіе его въ первую заслугу г. Каткова, а спасеніе единства Россіи во вторую. "Пордь" еще прежде, въ какомъ-то опытѣ надгробной рѣчи г. Каткова, сказалъ, что Россія до конца дней не должна забывать, что издатель "Московскихъ Вѣдомостей" стеръ насъ съ лица земли.

Но мы должны крѣпко огорчить друзей г. Каткова—*Vos morts et vos mourants se portent assez bien.*

Презираемый Безобразовымъ, разбитый *Колоколъ* звонитъ, *зоветъ живыхъ* какъ прежде, будетъ звать и это еще вопросъ для насъ не вовсе ясно рѣшенный что долѣе останется нашъ ли звонъ, или пынѣшнее направленіе "Москов. Вѣдомостей"?

— *Запросы Сановникамъ.*— Въ списокъ лицъ, которымъ воспрещено въѣздъ въ Россію, находится *принцъ Наполеонъ*, т. е. ни болѣе и ни менѣе какъ императоръ Наполеонъ III. Списки этотъ есть въ Таурогенѣ, въ Вержболовѣ и пр. и пр., онъ печатный. Противъ имени принца отмѣчено: "*утиливо отклонить*"... Что касается до учтивости, то нашъ самодержецъ пломбы и таможенъ Войтъ, за себѣ постоитъ, а все какъ то не побратски—самому кагаться по Франціи до самыхъ анексий, а Наполеона Войтовъ учтиво отклонять отъ самой границы.

Рядомъ съ этимъ нескромнымъ вопросомъ павертывается другой.— Не скажетъ ли намъ г. Ждановъ, производившій слѣдствіе по Симбирскому пожару—много-ли открыто нигилистовъ, много-ли поляковъ, а главное не скажетъ-ли чего нибудь на счетъ несчастія, постигнувшаго канцелярію подполковника Бендерскаго, сдѣлавшуюся жертвою хищной стихіи. точно также какъ и канцелярія его предшественника, поглоченная той же ненасытной стихіей?

— *Изъ Полтавы.* Черезъ Полтаву проводили много партій арестантовъ изъ Польши въ Сибирь; ихъ содержали не только какъ обыкновенно содержать у насъ арестантовъ, но еще морили голодомъ, такъ что они просили у прохожихъ куса хлѣба. Александръ Криштофъ, бывшій студентъ кіевскаго университета, въ Апрѣлѣ прошлаго года, проходя мимо острога былъ пораженъ раздражающимъ крикомъ: "подайте ради Христа кусокъ хлѣба". Чтобы помочь дѣлу, онъ счелъ за лучшее довести объ этомъ обстоятельстве высшему начальству, считая дурное содержаніе арестантовъ злоупотребленіемъ тюремнаго и этапнаго начальства; съ этою цѣлю подалъ онъ записку жанлармскому полковнику, который ее передалъ губернатору, слава о которомъ велика на Руси, Александру Павловичу Волкову. Волковъ велѣлъ къ себѣ тотчасъ призвать Криштофа, спросилъ, конечно, какъ онъ смѣетъ мѣшаться въ дѣйствія правительства и, когда тотъ объяснилъ мотивъ своего доклада, отвѣтилъ ему: а вы откуда знаете виды правительства, можетъ быть оно желаетъ, чтобъ именно такъ содержали

+ Какъ до костей мы прогнили отъ рабства, какъ для насъ чуждо всякое независимое дѣйствіе, какимъ конституціоннымъ сифилисомъ помѣщичьяго, фельдфебельскаго и недельскаго деспотизма заражена вся наша кровь, это поразительно! Рядомъ съ негѣпностью Давыдова-Орлова, требующаго отчета почему переводчики Бэля не переводятъ Навила, и почему не говорятъ о Филаретѣ, когда хотятъ говорить о Бунцелѣ—посмотрите эту синодальную, квартальную злобу, съ которой накинута Катковъ на какого-то русскаго купца, построившаго на свой счетъ иновѣрческую церковь?—Мы не скажемъ какъ Платонъ "возстаи Петръ!" Нѣтъ, пусть лежитъ на мѣстѣ. Много сдѣлалъ онъ намъ вреда, онъ окончательно сломилъ уваженіе къ личной волѣ.

польских арестантов. Послѣ этого Кристофъ съ жандармомъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ, какъ человѣкъ подозрительный, находится подъ надзоромъ полиціи.

Жалко очень, что поздно доходитъ до васъ это извѣстіе, но лучше поздно, чѣмъ никогда.

— *Либеральничанье Московскихъ Вѣдомостей.* Отгравая всѣми средствами русскаго крестьянина отъ дѣла самоуправленія, даже въ той скудной мѣрѣ, въ которой уступаетъ ему правительство, органъ нео-крѣпостниковъ и истребленія Польши, вдругъ помѣстилъ въ 87 Но. слѣдующую *либеральную фразу*: “Изъ помѣщенныхъ ниже, въ нашей ‘Последней Почтѣ’, сообщеній *Сѣверной. Почты* о составѣ уѣздныхъ собраній Самарской губерніи, видно, что *большинство въ этихъ собраніяхъ состоитъ изъ крестьянъ*. Собраніе, состоящее на половину изъ людей неполноправныхъ и неграмотныхъ, не можетъ быть мѣстомъ для *серіозныхъ обсужденій* и вообще *есть дѣло крайне неудобное*. Когда крестьянскому большинству въ уѣздныхъ собраніяхъ Самарской губерніи ввѣрены такіа дѣла, какъ раскладка земскихъ повинностей, какъ народное просвѣщеніе, продовольствіе, призрѣніе, здравіе, и когда все уѣздное хозяйство поставлено въ зависимость отъ ихъ приговоровъ, то не оказывается ли самою настоятельною необходимостью возвысить юридическое положеніе этихъ людей? Не заключается ли *серіозная опасность* въ томъ, что эти люди, которыхъ приговорамъ подчинены всѣ жители уѣзда, въ свою очередь трепещутъ каждаго станового пристава или исправника, имѣющаго право подвергать ихъ, или по крайней мѣрѣ ихъ отцовъ и сыновей, тѣлесному наказанію”.

За сямъ разглагольствованіе о сближеніи сословій:

“Чтобы дѣйствительное сближеніе было возможно, необходимо, чтобы гражданскія права крестьянъ были хоть сколько нибудь возвышены, чтобы законъ трактовалъ ихъ какъ взрослыхъ людей, а не какъ дѣтей, на которыхъ нужна розга”.

Догонорившись до уничтоженія розогъ, Батковъ испугался, и чтобы успокоить умы, прибавилъ: “Мы не говоримъ о совершенной отмінѣ исправительнаго тѣлеснаго наказанія, но при оказавшейся необходимости озаботиться сближеніемъ сословій, не слѣдуетъ ли признать, что исправительное тѣлесное наказаніе должно бы потерять характеръ сословнаго признака, и распространяться лишь на порочныхъ, безпорядочныхъ и грубыхъ людей, съ которыми, какъ съ штрафными солдатами, безъ тѣлеснаго наказанія нѣтъ возможности совладать?”

Въ томъ же Но. ‘Москов. Вѣдом.’ Чрезвычайныя путевыя происшествія какихъ то почтенныхъ помѣщиковъ, ѣздившихъ на Земскіе выборы въ Бузулукъ. Помѣщики эти, безъ предварительныхъ собраній, безъ объясненія съ избирателями, прѣхали (какъ вѣроятно и всѣ другіе) *за нѣсколько часовъ* до выборовъ въ снѣгомъ хранимый городъ Бузулукъ. Вотъ картина избирательнаго собранія:

“Въ грехъ низенькихъ, наполненныхъ табачнымъ дымомъ комнатахъ, изъ которыхъ одна была немного побольше, толнилось 73 человѣка и бирателей изъ дворянъ, купцовъ, духовенства и крестьянъ. Съ перваго взгляда было замѣтно въ этомъ собраніи рѣзкое раздѣленіе сословій. Крестьяне вѣсѣ съ купцами держались особнякомъ въ той комнатѣ, которая была побольше; большинство изъ нихъ сидѣло чинно на поставленныхъ среди комнаты лавкахъ, поглаживая бо-

роды, съ любопытствомъ и какъ бы съ недоумѣніемъ оглядываясь кругомъ и изрѣдка перешептываясь другъ съ другомъ. Первые двѣ комнаты занимало дворянство; здѣсь было не-равненно оживленнѣе, всѣ ходили взадъ и впередъ, раздаваясь говоръ неумолкаемый, но трудно было разобрать что именно говорилось, такъ какъ говорили почти всѣ въ одно время. Духовенство держалось между третьєю и второю комнатами, внивно желая, но какъ будто не рѣшаясь перейти къ дворянству”.

Крестьяне вообще представлены оторванными, непонимающими, не то “что дворянство искушавшееся въ выборныхъ дѣлахъ”. И вѣроятно въ доказательство ихъ тупоумія приводится слѣдующее замѣчаніе, когда стали въ торопяхъ баллотировать 36 гласныхъ изъ людей никому неизвѣстныхъ:

“Отъ крестьянъ было сдѣлано два-три замѣчанія, нѣкоторые изъ нихъ говорили намъ: ‘жалъ, что дѣю такъ повели, приходится намъ класть шары, а изъ *вашихъ* *молодцовъ* мы почти что ничего не знаемъ; говорили намъ кое про кого *производитель*, да все таки не знаемъ, и вы нашихъ тоже не знаете. Нужно было бы прежде сойтись да познакомиться, другъ бы дружку немного узнали и справки бы навести можно было”.

Интересно знать, что же умнѣе было сказано въ первыхъ двухъ комнатахъ, въ которыхъ было оживленнѣе?

— *Крестьяне и Духовенство на выборахъ* Выписываемъ слѣдующее изъ *Инвалида*. И это ужъ не для того ли, чтобы доказать глупость и тупость русскаго крестьянина?

“Въ *Костромскихъ Губ. Вѣдомостяхъ* рассказываютъ, что на одномъ избирательномъ съѣздѣ вышелъ споръ, кого назначить гласнымъ. Предлагали было помѣщиковъ, но крестьяне не хотѣли ихъ баллотировать, говоря, что такъ какъ имъ дано право выборовъ, то они найдутъ кого выбрать и изъ своей среды. Наконецъ гласныхъ выбрали; запла рѣчь о жалованьи, избиратели отказали на-чисто. ‘Еще не знаемъ, говорятъ они, за что мы будемъ ихъ награждать, посмотримъ, каково будутъ служить, будутъ ли стоить награды’. На другомъ съѣздѣ, въ той же губерніи, избиратели не знали, что дѣлать имъ съ своими шарами и слушались безпрелословно совѣта, куда класть, на-право или на-лѣво. Въ одной волости положили давать гласнымъ по 75 коп. въ день во время уѣздныхъ собраній и по 1 руб. 50 коп., если кому придется ѣхать въ губернскіе гласные. Сообщая этотъ фактъ, *Костромскія Вѣдомости* прибавляютъ, что имъ неизвѣстно, составленъ ли о томъ приговоръ, или, какъ бываетъ нерѣдко, молчаніе крестьянъ было принято знакомъ ихъ согласія.

“Случаи забаллотирования помѣщиковъ крестьянами въ Костромской губерніи, кажется, были довольно часты. Такъ, нерехтскій помѣщикъ, г. Васковъ, рассказываетъ въ газетѣ *День*, что крестьянскій съѣздъ забаллотировалъ его. Другой подобный случай приводятъ *Костромскія Вѣдомости*, не называя лица. Съѣздъ, на которомъ произошелъ этотъ случай, выбралъ сначала въ гласные посредника своего участка. Пономъ волостной старшина предложилъ баллотировать извѣстнаго участа помѣщика, пользующагося уваженіемъ (чьимъ, дворянъ или крестьянъ, неизвѣстно), крестьяне забаллотировали его, говоря, что имъ довольно одного представителя не изъ ихъ сословія, что остальныхъ они хотятъ имѣть своихъ.

“Въ *Самарскихъ Губ. Вѣдомостяхъ* пишутъ, что выборы по поводу земства въ Бугульминскомъ уѣздѣ, были довольно оживлены, и отсутствующихъ избирателей почти не было.

Во время выборов гласных съ 7-го на 10-е Декабря, избиратели имѣли постоянныя совѣщанія между собою, а крупные землевладѣльцы составили нѣчто въ родѣ митинговъ, на которыхъ обсуждались общественные интересы. Духовенство потерпѣло рѣшительное поражение: никто изъ священниковъ не былъ выбранъ въ гласные. Нѣкоторые объясняютъ этотъ фактъ нежеланіемъ помѣщиковъ, сблизиться съ духовенствомъ, но по слухамъ, священники хотѣли просить, чтобы выборы ихъ происходили вмѣстѣ съ крестьянами, при чемъ они, конечно, имѣли бы болѣе шансовъ быть выбранными въ гласные".

— Двое молодыхъ людей, *И. Самаринъ*, вольный слушатель петербургскаго университета (22 лѣтъ), *Н. Бекеневъ*, гимназистъ, (19 лѣтъ), были подвергнуты государственнымъ совѣтомъ чрезвычайно опасному милосердію государя, и вышли изъ него радостными создателями. Виновы эти юноши, такъ жестоко пораженные монаршимъ милосердіемъ, "въ покушении на принятіе участія въ бывшемъ въ западныхъ губерніяхъ мятежѣ" и за это покушение, за это намѣреніе участвовать, государственный совѣтъ счелъ ихъ достойными "лишить всѣхъ правъ сословія и казнить смертью". Но взявъ въ разсмотрѣніе, что молодые люди равно ничего не сдѣлали, кромѣ самовольной прогулки, государственный совѣтъ принялся изыскивать средства смягчить ихъ участь; ближайшее облегченіе было бы казнить ихъ смертью, не лишая правъ сословія, но вѣроятно и это казалось совѣту слишкомъ строгимъ. Перебравши кунно съ извѣстнымъ экспертомъ всякаго милосердія и смягченія—съ вилеискимъ Муравьевымъ, онъ дошелъ до слѣдующей думы въ своемъ мнѣніи:

"Приступая къ избранію для подсудимыхъ одного изъ сихъ наказаній, государственный совѣтъ не могъ не замѣтить, что хотя высочайше утвержденнымъ 22 Марта 1860 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта и воспрещено отдавать за преступленія въ военную службу, но дѣйствіе сего общаго закона, за силою ст. 70 основ. госуд. зак. не должно распространяться на постоянное дѣло, какъ принадлежащее къ числу тѣхъ, для коихъ именно изданъ законъ спеціальнѣйшій, изображенный въ высочайше утвержденныхъ 11 Мая 1863 года правилахъ. Признавая посему, что къ винѣ Самарина и Бекенева должны быть примѣнены этотъ послѣдній законъ, и имѣя въ виду, что сіи подсудимые, по выраженнымъ ими чувствамъ покаянія, и молодости лѣтъ, подають надежду на исправленіе, въ особенности при строгомъ за ними надзорѣ ближайшаго начальства, государственный совѣтъ нашелъ болѣе удобнымъ отдать ихъ въ солдаты. Но всѣмъ сямъ соображеніямъ, государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ: участь Самарина и Бекенева повергнуть монаршему милосердію".

Какъ штука ни проста, но князь Павелъ Павловичъ ее выдумалъ не безъ *grato valis*: "Хотя мнѣ наказаній много, но мы выберемъ то, которое государь воспретилъ 22 Марта 1860 и разрѣшилъ 11 Мая 1863 года. Надобно же ему напомнить, что нельзя мѣнять законы какъ лампасы и вынушки, а вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо воспользоваться, чтобы дать огласку высочайшей шаткости, чтобы впредь государь былъ осмотрительнѣе". Еслибъ это было безъ намѣренія, на что же совѣту было выводить на справку отъѣзду и отъѣзду отъѣзды?

А молодые люди пошли въ солдаты. за "намѣреніе участвовать".

Тутъ все хорошо и царское милосердіе и юридическій смыслъ совѣта. А ргоровъ къ совѣту.

Бутковъ пошелъ подъ телеграммы... Помнится до мороваго пожара была мода ставить старичковъ на юбилей, ставили Вяземскаго и Сухозапета, Ковалевскаго и Греча, Миллера и

Шульца; послѣ пожаровъ юбилей замѣнились телеграфическими думами отъ всѣхъ подчиненныхъ всѣмъ начальникамъ, отъ купцовъ—великимъ князьямъ, отъ всѣхъ любящихъ казни—Муравьеву и пр. и пр. Отыскивая новыхъ субъектовъ, сыщики великихъ подвыговъ добрались и до нашего *gen'tal Routkoff*. Его благодарятъ за юридическую реформу, его и Павла Павловича Гагарина, разные помѣщики, сдѣлавшіеся amateurs законоуложенія и обѣдающіе въ честь реформы, что во всякомъ случаѣ не такъ свирѣпо какъ обѣдать въ честь казней. Кто слѣдующій?

— *Изъ Москвы*. "Дворянство озлоблено, особенно за послѣдній рескриптъ. Аферосимовъ едва ли останется губернаторомъ, Брейцъ вызванъ въ Петербургъ, есть слухъ, что московскимъ губернаторомъ будетъ Анненковъ; кievскія убійства, грабежи въ Москвѣ—просто невѣроятно! Думу нашу бьютъ все по щекамъ, бьетъ Валуевъ, бьетъ Рейтернъ, бьетъ Адлербергъ. Послѣдняя плюха была отъ Адлерберга за то, что Дума не имѣла доходовъ для покрытія расхода, не хотѣла давать въ театръ. Каткову дворянство за послѣдніи статьи хочеть подарить серебряную чернильницу, которую заказали Сазикову, а ежели онъ будетъ принужденъ оставить редакцію, то составить подписку, чтобы собрать 100,000 р. въ награду. Есть охотники подписавшіе по 1000 и по 2000 р. с. На дняхъ во всѣхъ заведеніяхъ подвыдомственныхъ Петру Ольденбургскому прочитанъ приказъ учителямъ, чтобы они посторонились разговоровъ съ учениками и ученицами не имѣли; второе, чтобы для чтенія книгъ имъ не давали, чтобы учителя сотрудничали въ журналахъ не были, или будутъ исключены; чтобы директоры учителей по аттестатамъ не опредѣляли, а собирали бы о нихъ посторонніи свѣденія секретно. У Аксакова въ Январѣ хотѣлъ московскій ценсурный комитетъ запечатать типографію, онъ подвергнутъ штрафу. Митрополитъ московскій наказалъ монаха Савву, который застѣлъ ученика Донскаго училища, сдѣлавъ его назначаемъ у Пверской часовни, мѣсто даетъ доходу 3000 р. с.

Просимъ въ ближайшемъ номерѣ напечатать, что пакетъ No. 25, полученъ".

— *Изъ Грузии* Баронъ Николай, при открытіи въ Тифлисѣ заведеній комиссіи судебной реформы для Закавказскаго края, началъ свое предсѣдательство этой комиссіи рѣчью, въ которой сказалъ: "Господа, грузинскій народъ не имѣетъ и мысли *требовать* какихъ бы то ни было *политическихъ реформъ*, да и не нуждается въ нихъ... Судъ присяжныхъ есть установленіе чисто политическое,(!) для пользованія *благами* котораго грузинскій народъ еще не созрѣлъ".(!)

Изъ этой рѣчи ясно только то, что благородный баронъ, ни по нравственному чувству, ни по пониманію вещей, самъ не созрѣлъ ни до какого участія въ общественномъ дѣлѣ.

— "Правда ли, что П. М. Смирновъ прочелъ при рукоплесканіяхъ въ Москов. Двор. Собраніи предложеніе о томъ, чтобы въ прошеніи государю было выражено желаніе дворянства установить на прочныхъ началахъ *вотчинную полицію въ лицѣ помѣщика* и распространить патронатство и патримональное право не только на временно-обязанныхъ, но и на крестьянъ-собственниковъ и на казенныхъ?"

— "Правда ли, что въ проектѣ адреса государю было прибавлено тамъ гдѣ говорится объ избраніи лучшихъ людей отъ дворянства, которые бы не получая жалованья, окружали престолъ и пр. изъ *столбового дворянства и изъ рода въ родъ насльдственно* и что эти слова были вычеркнуты за четверть часа до торжественнаго чтенія?"

Что же удивительнаго послѣ этого, что эти столбовики хотѣли поднести гостинецъ Каткову и взять его къ себѣ въ нахлѣбники!

Отпечатано въ Вольномъ Русской Типографіи — Jessamine Cottage, New Hampton, Middlesex.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ.
Цѣна 50 сантимовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 40, Rue L'Evêque.

ЛИСТЪ 197.

25 Маѣ 1865.

У Георга (Georg), Corraiterie; въ Лондонѣ
у Трибнера & Co. 60. Paternoster Row.
Prix : 50 centimes.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Письмо къ императору Александру II.—Комчипа кн. Е. Оболенскаго и Бобринскаго—Пушкина—Кровь и Кровь—Письма къ путешественникам
(Письмо первое)—Письмо къ Издателю. Смѣсь: Михаилы и Михаилы Николаевичи—Народная Лѣтопись—Нашимъ читателямъ

ПИСЬМО КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Государь,

Судьба немолжно, странно коснулась Васъ. Грозно напомнила она Вамъ, что не смотря на помазаніе, ни Вы, ни ваша семья, не освобождены отъ общаго закона—Вы подвинулись. Она два раза отбѣтила семейство ваше, разъ остріемъ кѣсы и разъ ея тупой стороной — смертью Вашего сына, и странными слухами на счетъ его брата.

Къ безчисленному числу польскихъ семей, повергнутыхъ въ глубокое горе, потерявшихъ сыновей своихъ, прибавилась еще семья въ траурѣ — это ваша семья, Государь. Она счастливейше ихъ, ея горе не будетъ оскорблено. Между нами, противниками вашей власти, не найдется ни одного бездушнаго негодая, который проводилъ бы гробъ вашего сына обидой, который хотѣлъ бы сорвать трауръ съ матери или сестры, отнять тѣло у родителей и могилу у слезъ... всего того что дѣлали и дѣлаютъ ваши Муравьевы въ Польшѣ.

Въ жизни людской есть минуты грозно торжественныя, въ нихъ человѣкъ пробуждается отъ ежедневной суеты, становится во весь ростъ, страшаетъ пыль — и обновляется. Вѣрующій—молитвой, не вѣрующій—мыслью. Минуты эти рѣдки и невозвратимы. Горе, кто ихъ пропускаетъ разсѣянно и безслѣдно! Вы въ такой минутѣ, Государь—ловите ее. Остановитесь подъ всею тяжестью удара, съ вашей свѣжей раной на груди и подумайте, только безъ сената и синода, безъ министровъ и штаба, подумайте о прошедшемъ — о томъ гдѣ Вы и куда идете.

Если и смерть сына не можетъ Васъ разбудить, исторгнуть изъ дребезжащей и призрачной среды, въ которую Васъ поставило ваше рожденіе, то что же Васъ разбудитъ? Развѣ одно лишеніе престола, т. е. пустота и печальный досугъ, всегда сопровождающіе вдовство этого рода. Но такое позднее пробужденіе будетъ можетъ хорошо для Васъ, но бесполезно для другихъ. А эти другіе, когда рѣчь идетъ о Васъ—*весь народъ русский*. Вотъ это-то и нудитъ меня неотступно опять писать къ Вамъ.

Первое письмо мое не прошло даромъ. Невольный крикъ радости, вырвавшійся изъ дали добровольной ссылки, подбѣствовалъ на Васъ. Вы на минуту забыли что я по рангу не имѣю права говорить съ Вами.

Годъ VIII.

Языкъ свободнаго человѣка былъ для Васъ новъ, Вы въ его рѣзкихъ словахъ поняли искренность и любовь къ Россіи — Вы тогда еще не ссылали утопій на каторгу, не привязывали къ позорному столбу человѣческой мысли. Это былъ медовой мѣсяцъ вашего воцаренія, онъ заключился величайшимъ актомъ всей династіи вашей—*освобожденіемъ крестьянъ*.

Побѣдившій Галилеянина, Вы не умѣли воспользоваться вашей побѣдой. Вы не умѣли удержаться на той высотѣ, на которую Васъ ставилъ манифестъ 19 Февраля. Вашу шаткость замѣтили, Вы были дурно окружены, Васъ увлекли... и Вы сошли съ вашего пьедестала при свѣтѣ какого то горячаго рынка, опираясь на тайную полицію и явно подкупленную журналистику. Вы испугались, повѣривши нелѣпой клеветѣ, и не догадались, что это клевета — даже и тогда, когда всѣ ваши инквизиціи и инквизиторы, работая до поту лица цѣлый годъ, съ той ширью средствъ, съ той безотвѣтственностью, которыми располагаетъ русская полиція, не нашли ни одного виновнаго.

Васъ испугали нѣсколько печатныхъ листовъ, въ коихъ раскованное слово, послѣ тридцатилѣтняго молчанія, перешло ценсурную мѣру. Васъ испугалъ крикъ вашими-же министрами подкупленныхъ журналовъ и голосъ тѣхъ-же совѣтниковъ, которыхъ корыстные совѣты Вы отвергли въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и Вы начали бой съ молодымъ поколѣніемъ, бой грубой власти, штыковъ, тюремъ—противъ восторженныхъ идей и вдохновенныхъ словъ. Вашъ предшественникъ воевалъ въ Польшѣ съ дѣтьми, Вы воюете въ Россіи съ юпошами и отроками, повѣрившими Вамъ и вашимъ органамъ, что для Россіи настала новая эпоха.

Съ потухающимъ заревомъ, этого несчастнаго пожара — и Вы блѣднѣете, черты ваши теряются, Вы отступаете на второй планъ, и вмѣсто Васъ выставляется знакомая намъ система отпора и угнетѣнья, безправья лицъ, беззаконности судныхъ комиссій—система вашего отца съ прибавленіемъ риторикъ и крови.

Русской крови во-первыхъ.

Какой несчастный, черный день былъ для Россіи и какой черный грѣхъ Вы приняли на душу, когда подъ вліяніемъ паническаго страха и клеветы вашихъ клеветовъ, Вы разрѣшили себѣ *кровь* — и еще хуже — облекли вашихъ генераловъ правомъ ее лить, какъ будто Вы не знали кто они.

Неужели Вы спокойно спали, когда падали, сраженные пулями, то Антонъ Петровъ, то Аригольдтъ, Сливинскій и др. Неужели Вы не ошпынѣли отъ ужаса когда въ Нижнемъ расстрѣливали по подозрѣнію, а въ Киевѣ — за драку и грубые отвѣты. Вы не могли привыкнуть къ убійству и не могли шутя тушить жизни какъ карнавальныя свѣчки — между Вами и Петромъ полтора года лѣтъ.

Прошедшее нѣмо, самодержавіе не простирается на него. Убитыхъ Вы не воротите. Искушите вину вашу передъ живыми и стоя у гроба вашего сына, отрекитесь отъ кровавой расправы. Возвратите намъ нашу гордость, что при всей неразвѣжности нашего законодательства, въ немъ не было смертной казни и палачъ показывался на помостѣ, пугая цѣлыя поколѣнія своимъ *незаконнымъ* появленіемъ, разъ или два въ столѣтіе.

... Подумайте какъ измѣнилось ваше положеніе съ тѣхъ поръ какъ Вы сѣли на престолъ. Тогда вамъ стоило свободно идти, вести, Вы освобождали крестьянъ, отъ Васъ всѣ ждали добра, чего-то хорошаго — тогда Вы хорошили прошедшее... Теперь мрачно около Васъ, дѣла застряли, денегъ нѣтъ, избивается цѣлый край, юности идутъ на каторгу, учителя народа идутъ на каторгу, на гласисахъ крѣпостей вѣшаютъ, расстрѣливаютъ, и Вы хорошите ваше *будущее*.

Да, Государь, теперь настала минута, въ которую Вамъ надо рѣшиться который изъ вашихъ путей Вамъ продолжать... Надгробный памятникъ вашего сына становится на дорогѣ указательнымъ знакомъ и грознымъ напослѣдованіемъ.

Рѣшитесь, не дожидаясь второго удара — можетъ тогда будетъ поздно, можетъ онъ будетъ слишкомъ силенъ.

Вы видите ясно, и едва можете скрыть, что старая машина, ржавая и скрипучая, устроенная Петромъ на вѣнецкій ладъ и прилаженная нѣмцами на русскій — негодна больше. Вы видите, что нельзя больше управлять народомъ въ семьдесятъ милліоновъ какъ дивизіей. Фронтъ не стоитъ больше «мирно». Есть люди говорящіе, думающіе, недовольные, догадавшіеся въ Крыму, что команда плоха. Есть люди знающіе, что подъ Альмой, подъ Инкерманомъ, на Черной — пала не Россія, а петербургскій regimentъ. Вы знаете кто не пережилъ Евпаторіи и кто пережилъ самый Севастополь, утеръ слезу и порохъ и пошелъ впередъ. Вы все это прожили и пережили, и думаете, что замѣною откупа — акцизомъ и земскаго Собора — земскими учрежденіями, Вы удовлетворили Россію?

Если Вы это думаете, то это оттого, что Вы не знаете ни о чемъ страдаетъ Россія, ни чего она хочетъ. И какъ же Вамъ знать? Печать не свободна, да и вы мало читаете. Видите Вы однихъ слугъ, зависящихъ отъ васъ, агукщихъ передъ Вами! Свободныхъ людей, поднимающихъ голоса, Вы казните. Былъ человѣкъ, убѣжденный, что Вы хотите добра Россіи, молодой, чистый и благородный, онъ пробился до Васъ. Вы велѣли Орлову его поцеловать въ 1859 году, а въ '63 бросили его въ казематъ, гдѣ онъ теперь въ ожиданіи сентенціи — это Серіо-Соловьевичъ. Былъ крестьянинъ, вѣровавшій въ Васъ, видѣвшій въ Васъ своего «земскаго царя», восторженный фанатикъ; онъ откровенно, горячо написалъ Вамъ письмо, въ которомъ говорилъ о нуждахъ народныхъ. Написалъ его изъ Лондона и самъ передалъ себя въ ваши руки, Вы его послали въ рудники. Вы съ безпривѣрной свирѣпостью осудили единственнаго замѣчательнаго публи-

циста явившагося въ ваше время. А знаете-ли что писалъ Чернышевскій? Въ чемъ состояло его воззрѣніе? Въ чемъ опасность, преступность? Можете-ли Вы на этотъ вопросъ отвѣчать самому себѣ? Изъ цѣлѣнѣйшей сенатской записки Вы ничего не могли понять.

Ясно, что пужны голоса громче и сильнѣе, чтобъ перекричать трубы и литавры Васъ окружающія, чтобъ слова перешли за кавалергардовъ, за «опричникъ», какъ недавно было сказано... Для чего же Вы отдалаете истину, для чего Вы обманываете себя, что Вы — помимо народнаго совѣта и вольной рѣчи — вывезете садящуюся на мель петровскую барку въ широкое русло?

Дѣлайте что хотите, расстрѣливайте или давайте кресты, посылайте на каторгу или на кормленіе, склоняйтесь на сторону Муравьева и его русскихъ заплечныхъ мастеровъ или на сторону нѣмцевъ и ихъ балтійскихъ цивилизаторовъ — самовластия въ его николаевской дѣвственности и чистотѣ Вы не сохраните и не восстановите.

Вы сильнѣе вашихъ предшественниковъ, но Вы сильнѣе ихъ — *освобожденіемъ*. Союзъ вашъ съ народомъ не долженъ Вамъ отводить глаза. Въ вѣнцахъ изъ колосьевъ и сельскихъ цвѣтовъ, который Вамъ подносятъ старосты и войты есть опасныя терніи и семена вредныхъ растений для власти. Вы стали ближе не во имя консервативной идеи, а во имя *революціоннаго начала*, во имя демократическаго интеллигентнаго дворянства и признанія аграрнаго начала въ поземельномъ надѣлѣ. Вѣтшавшая Петровская порфира упрочена подкладкой Пугачевского кафтана.

Взгляните ясно и просто съ Монблана, на которой васъ поставила судьба, разгоня стаи галокъ и воронъ, и чѣющихъ право вѣзда ко двору, и Вы увидите что лавированіемъ между казеннымъ прогрессомъ и полицейской реакціей, Вы далеко не уйдете и сведете себя на одинъ бесплодный огоръ, и притомъ на отпоръ неоткровенный и лишенный единства.

Не лучше-ли же, не доблестнѣе-ли порѣшить общія дѣла общими силами, и созвать со всѣхъ концовъ Россіи, со всѣхъ слоевъ ея — выборныхъ людей. Среди ихъ Вы услышите строгія сужденія и свободныя рѣчи, но будете безопаснѣе чѣмъ былъ вашъ дѣдъ, окруженный рвами, стѣнами и лейб-гвардейскими эскадронами въ подобострастной нѣмотѣ Михайловскаго дворца.

Судьба, касаясь холодной рукой смерти до вашей семьи, остановила Васъ — воспользуйтесь этимъ. Вы собирались идти дальше тѣмъ страшнымъ путемъ, которымъ Вы идете съ половины 1862 года. Возвратитесь съ похороны вашего сына на прежнюю дорогу. Нигдѣ не бываетъ раскаяніе легче и очищеніе полнѣе какъ у близкаго намъ гроба. Оно Вамъ необходимо для того, чтобъ приготовиться къ великому Земскому дѣлу.

... Но прежде всего остановите руку палача, возвратите сосланныхъ и прогоните незаконныхъ судей, которымъ поручалась царская месть и неправое ионеніе.

Не для невинныхъ жертвъ вашихъ, не для пострадавшихъ мучениковъ нужно всепрощеніе. Оно нужно для Васъ. Вамъ нельзя человѣчески идти дальше безъ амнистіи отъ нихъ.

Государь, заслужите ее!

Искандеръ.

Женева, Boissière, 2 Мая 1865.

ЖИЗНЬ Е. ОБОЛЕНСКИЙ И БОБРИЩЕВЪ-ПУШКИНЪ скончались въ последнее время. Убыло еще два героя изъ святой фаланги Декабристовъ.

КРОВЬ И КРОВЬ!

1. *Продолженіе казней въ Полтавѣ.* Въ Мѣискомъ уѣздѣ повѣшенъ шляхтичъ *Телесфордъ Холмсъ*. Казни эти послѣ совершеннаго одолѣнія — имѣютъ характеръ невыносимой гнусности и безпредѣльнаго злѣчества.

2. *Казнь за драку.* Въ Августѣ мѣсяцѣ 1863 содержавшійся за бродяжество при кievскихъ арестантскихъ ротахъ *гражданская вѣдомства*, арестантъ Николай Неномнящій (онъ же Израиль Цыровъ), при побѣдѣ арестантовъ бросился, безъ всякаго повода, на караульныхъ офицеровъ и сорвалъ на нихъ плечевые погоны мундирной одежды.

Во время производства слѣдствія, арестантъ Николай Неномнящій представлялъ себя умопомѣшаннымъ, почему былъ переданъ въ судебное медицинское отдѣленіе кievскаго военнаго госпиталя, которымъ, послѣ продолжительнаго испытанія, продолжавшагося съ 28-го Августа 1863 по 20-е Іюля 1864 г., признанъ здоровымъ, а явленія умопомѣшательства найдены притворными.

Въ полевомъ военномъ судѣ, которому онъ былъ преданъ по *искроженію на то высочайшаго повелѣнія*, арестантъ Николай Неномнящій не давалъ отвѣтовъ на предлагаемые ему вопросы, а только носилъ бранными словами председателя и членовъ полевого военного суда.

Согласно приговору военного суда; утвержденному, генералъ-лейтенантомъ Семякинымъ, арестантъ Николай Неномнящій, 1-го Марта, въ 8 часовъ утра, *казненъ смертію* — разстрѣляніемъ, предъ строемъ войскъ кievскаго гарнизона, на эспланадѣ кievо-печерской цитадели. (*Рус. Инвалидъ*).

3. *Почему военный судъ?* Повгородскій корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* пишетъ:

“Мы были свидѣтелями публичнаго военного полевого суда, открытаго по высочайшему повелѣнію, надъ извѣстными преступниками, умертвившими вдову Лейхтенфельдъ. Полевой судъ производился въ уѣздномъ судѣ въ весьма тѣсной и неудобной залѣ присутствія. Новая форма судопроизводства привлекла въ уѣздный судъ много зрителей; давка была страшная. Въ самое присутствіе, гдѣ происходилъ судъ, полиціею *допускались не всѣ, а только въ мундирахъ*.

“Засѣданіе полевого суда началось въ 10 час. утра. Чтеніе высочайшаго повелѣнія о преданіи преступниковъ военному полевому суду, чтеніе самаго дѣла и допросъ подсудимыхъ (*о защитѣ ихъ адвокатами не упоминается*) продолжались до часу, послѣ чего председатель суда объявилъ, что собраніе закрывается до 5 часовъ. Судъ приговорилъ къ разстрѣлянію всѣхъ четверыхъ преступниковъ”. Казнепы были двое, вотъ какъ краснорѣчиво описываетъ эту казнь корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (*Приб. къ 83 N*):

“Мы только что вернулись съ ужаснаго зрѣлища: разстрѣливали 2 убійцъ вдовы Лейхтенфельдъ. Мѣсто казни было выбрано за городомъ, въ сторонѣ отъ московской шоссеиной дороги. По приказанію начальника *С.-Петербургскаго* военного округа приведены были штрафованные солдаты всѣхъ родовъ войскъ, стоящихъ въ Новгородѣ, для присутствія при казни, и кромѣ того команда пѣхотнаго полка со знаменемъ, а для самой операціи разстрѣливанія, стрѣлки. Не смотря на

дурную, холодную и дождливую погоду, народу собралось много съ восьми часовъ утра, а около 11 часовъ плачевная труба и барабанный бой возвестили о приближеніи осужденныхъ. Высокій эшафотъ былъ окруженъ сильнымъ коноводомъ; четверо убійцъ сидѣли попарно спинами и были привязаны къ вертикальнымъ желѣзнымъ стойкамъ, укрѣпленнымъ къ стѣнѣ эшафота; на груди у каждаго преступника была прибитая доска съ надписію: “убійца”. Шестіе, наконецъ, остановилось. Палачъ отвязалъ каждаго убійцу отъ сидѣнія и бережно спустилъ со ступенекъ эшафота на землю, гдѣ священникъ встрѣтилъ убійцъ съ крестомъ. Мужество и наглость Ефимова и Аксенихина окончательно пропали: они дрожали до невозможности стоять на ногахъ. Послѣ краткой исповѣди, четверо убійцъ, окруженные штыками, въ сопровожденіи священника и палача, были проведены по фронту стоящихъ войскъ и поставлены передъ столбами. Здѣсь прочитана была имъ конфирмація, по которой Ефимовъ и Аксенихинъ подвергались смертной казни, Лидепъ же и Котовъ ссылки въ рудники, первый на 20, а второй на 12 лѣтъ. Убійцы выслушали спокойно приговоръ; Аксенихинъ, не переставая креститься, твердилъ: “прости Господи мои согрѣшенія”. Приговоренные къ казни распрощались со своими двумя товарищами, кинувшись имъ въ ноги, послѣ чего палачъ снялъ съ нихъ арестантскія шинели, завязалъ имъ глаза платкомъ, надѣлъ казенныя узкія рубашки, которыя съ трудомъ на нихъ влезли, съ длинными до земли рукавами, завязалъ назадъ руки и повелъ къ столбамъ. Головы несчастныхъ были совершенно закрыты колпаками, наглухо пришитыми къ рубашкѣ, такъ что югда надѣли на нихъ рубахи, лицъ ихъ не было видно. Къ столбамъ палачъ привязалъ убійцъ такимъ образомъ: веревка обхватывала ноги на узелѣ, колѣни грудь и переносѣ. Ефимовъ, иѣсколько еще свободный, не переставалъ кланяться и прощаться. Аксенихинъ еще до разстрѣливанія, кажется, кончался отъ страха, потому что ни малѣйшаго дрожанія не было замѣтно въ немъ, между тѣмъ какъ Ефимовъ замѣтно дрожалъ. Когда все было готово, подошли стрѣлки и взмахъ платка рѣшилъ участь убійцъ; звѣлыя пули взвизгнули и со стукомъ влетѣли въ тѣло несчастныхъ; они упали на земь, но судорожныя движенія заставили стрѣлковъ повторить выстрѣлы, которые и докончили ихъ... Войска, а прежде всѣхъ арестанты изъ городской тюрьмы, прошли строемъ мимо разстрѣлянныхъ, чѣмъ и завершилась грустная картина сегодняшняго утра”.

ПИСЬМА КЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вы меня забросали вопросами—и что дѣлается, и что дѣлать и что читать? Какіе люди, какія книги, что внутри, что снаружи, куда идуть, куда идемъ, гдѣ мы, что мы и правда-ли то то, и правда-ли это то? О каждомъ вопросѣ можно продумать годъ, написать томъ, пожалуй два... дайте же срокъ, дайте привести въ порядокъ ваши вопросы и собственныя мысли, а главное дайте прежде всего васъ поздравить... не съ тѣмъ что вы пріѣхали, а съ тѣмъ, что ны уѣзжали, съ тѣмъ что васъ сначала 1863 года вовсе не было ни въ Россіи, ни въ Европѣ. Вы чище насъ всѣми событиями, которыхъ вы не видали, вы моложе насъ всѣмъ временемъ, котораго васъ не было на лицѣ, вы крѣпче насъ всѣмъ здоровымъ, могучимъ, суровымъ воздухомъ, которымъ дышали по

ту сторону океана... въ то время какъ мы задыхались и исходили стыдомъ.

Кстати я очень радъ, что вы полюбили Соединенные Штаты, что вамъ понравилась ихъ дебѣлая, рѣзкая красота въ противоположность сѣдымъ и повиснувшимъ прелестямъ Европы. Американская война надѣлала страшную кутерьму и окончательно спутала тошя идеяки, которыми пробаивались государственные мозги глубокомысленныхъ политиковъ...

Неправда-ли, какъ демократіи и республики, управляемая "чернью", безтолковы, безпомощны и только годны для маленькихъ кантоновъ и большихъ диссертаций, какъ федеральность слаба? Да и что же можно сдѣлать безъ постоянныхъ войскъ, состоящихъ въ должности саранчи въ мирное время, безъ крѣпкой централизаціи, администраціи и главной полиціи? Все это хорошо въ книгахъ, все это утопіи, "остроумныя мечты"! Какой урокъ, какой ударъ! Гдѣ та монархія, имперія, королевство, гдѣ тотъ священный или проклятый союзъ помазаныхъ и непомазанныхъ царей, который устоялъ бы противъ такого распада и такого междоусобія, который выдержалъ бы такую войну, на такомъ протяженіи—годъ, два, три, четыре? Тутъ все непонятно человѣку "старого материка"*, потому что все ново, все въ первый разъ. Непонятно не только дипломатамъ, финансистамъ, стратегамъ, рутинерамъ, дѣльцамъ, эмпирикамъ нашего "Западно-восточнаго дивана" (à la Goethe, сочиненнаго на нѣмецкомъ языкѣ), но также непонятно чисто западнымъ диванамъ на Сеиъ и Темѣ. Сегодня войско побито, завтра оно же идетъ впередъ... сегодня не вѣрятъ послѣднему выпуску бумажныхъ денегъ, завтра ихъ выпускаютъ втрое больше и дѣло поправлено. "Отечество въ опасности", пол-тѣла отщепилось и возстало, успѣхи не рѣшительны, потери страшны, и выѣсто понурой головы, какъ въ Австріи послѣ двухъ итальянскихъ сраженій, и выѣсто потерянной головы, какъ во Франціи послѣ Ватерло—транзатлантическій кондоръ не только дерзко смотритъ въ глаза старому міру, но еще вызываетъ его помѣриться въ открытую войну, выѣсто контрабандной и воровской.

Иногда такъ и кажется, что этотъ старый міръ на новыхъ квартирахъ и есть именно *тотъ свѣтъ*, въ которомъ сохранилось все энергическое и живучее, умершее *въ этомъ*—Кромвель и 1789 годъ, пуритане и энциклопедисты, Гошъ и Марсо, суровыя личности конвента и суровые послѣдователи Бальвина. Новыя основы гражданственности въ старомъ мірѣ оселись въ трясинахъ вѣками накопившагося невѣжества и были занесены пылью и пескомъ всевозможныхъ развалинъ и обломковъ. Въ Америкѣ не было ни песку, ни рухнувшихъ памятниковъ, въ ней не было лаццароніевскаго осадѣа, низвергнутаго на дно для того, чтобъ верхніе слои прозрачнѣе отстоялись. Американское общество *не безъ души*, но за то мышцы у него покрѣпче, это очень оскорбляетъ слабопервыхъ дѣтей европейской цивилизаціи...

Вы все это видите, осязаете и жалѣете, что васъ не было ни здѣсь, ни въ Россіи. Илиоте, пожалуйте! Счастье тѣмъ сыновьямъ Ноя, которыхъ не было дома когда безобразно пьяный отецъ буянилъ и полунагой валялся на полу. Оттого что васъ не было на лицо, вамъ легче связать конецъ 1862 г. съ началомъ 1865, чѣмъ намъ; онъ немного обсохъ отъ крови и грязи, и вы не знаете какъ онъ былъ мокръ, и какъ онъ былъ грязенъ.

* Цолагаю что вы не забыли, что и нашихъ "предковъ" дѣлать на "обезьянъ" старому континенту и обезьянъ поваго континенту".

Мы испытали на себѣ эти два года и теперь выходимъ изъ нихъ словно изъ больницы или дома умалишенныхъ, шупая не обрита ли голова. Мы жили въ чаду, въ горячкѣ, въ раздорѣ съ собой, мы измѣнили разуму слѣдя сердцу, и измѣнили сердцу слѣдя разуму. Битые тяжестью каждаго дня, горечью каждаго дня, оскорбляемые событіями, оскорбляемые людьми, оставленные на одни свои силы, на свой неподдержанный протестъ, отрѣзанные отъ края, мы подвизывали парусъ за парусомъ, ожидая когда у пьянаго Ноя затрещитъ голова, а можетъ и совѣсть, но хмѣль былъ силенъ и продолжителенъ. Едва теперь прогрезываются у насъ. *Звѣри становятся какъ то смиреннѣе*, они извиняютъ совершившееся, ищутъ причинъ и объясненій; годъ тому назадъ они хвастались страшными, воинующими дѣлами и едва теперь пречная мысль всплываетъ надъ печальнымъ полемъ, на которомъ не обсохла еще кровь послѣ совершившейся исторической уготовины.

Да, это было страшное испытаніе, лишь бы оно не прошло даромъ.

Смирениѣ должны мы идти впередъ. Намъ предстоитъ трудъ, о которомъ мы не думали, намъ слѣдуетъ перевоспитать весь нравственный бытъ нашъ. Послѣдніе два года страшно обличили сколько дикаго, звѣрскаго, узяго, тупо-жестокато дремало въ нашей душѣ, сколько каждый изъ насъ кварталный, помѣщикъ и палачъ. Всѣ прошлыя злодѣйства Петербурга и Зимняго Дворца общество покрыло съ роскошью. Апотеоза Муравьева была амнистіей Бирону и Аракчееву; рукоплесканія, съ которыми встрѣчали дикія, позорныя, отвратительныя мѣры, запрещавшія полянамъ говорить по польски, запрещавшія женщинамъ носить трауръ, рукоплескали съ тѣмъ вмѣстѣ избіенію стрѣльцевъ, гоненію кафтаноу и бородѣ; оправданъ Петръ I, оправданъ Николай. Не въ нихъ лежало начало этого наглого вмѣшательства сллы въ послѣднія свѣты личности, не въ нихъ, а *въ насъ*. Москва и провинціи рукоплескали чему то родному, знакомому; они сочувствовали тому что дѣялось въ Литвѣ и Польшѣ, потому что въ душѣ лучшихъ остались элементы помѣщика и холопа, потому что у каждаго изъ нихъ была своя Литва въ деревнѣ и свои мятежники въ передней.

Ни слова о правительствѣ, ни слова о статскихъ и военныхъ генералахъ. Правительство никакого мнѣнія не имѣетъ—развѣ Адлербергъ и К-нія за него; правительствено съ Муравьевымъ и съ Суворовымъ, съ братьями Милютиными и съ собственнымъ братомъ Константиномъ. Генералы имѣютъ мнѣнія генеральскія, присвоенныя ихъ рангу. Все это одѣто въ мундиръ и вѣрно своей ризѣ и своей ливреѣ. Пора перестать дивиться, что штыкъ колеблется, жандармъ доносить, а правительствено вѣшаетъ и по надобности въ Сибирь заючаетъ. Въ послѣднихъ событіяхъ важно то, что кровавая гидра поднявшая голову была безъ краснаго и безъ шитаго воротника, это была гидра партикулярная, гидра англійскаго клуба и дворянскихъ сходокъ, гидра литературы и салоновъ, гидра журналистики, профессорскихъ конференцій, гидра всей псевдо-образованной Россіи. Вотъ отчего она намъ такъ ненавистна, вотъ отчего она такъ пятнаетъ насъ.

Никто послѣ Горчаковскихъ нотъ и отвѣтовъ на нихъ не вѣрилъ ни въ какой 1812 годъ. По чѣмъ безопаснѣе становится наше положеніе, чѣмъ больше ослабѣвалъ противникъ, тѣмъ наглѣе становились мы, тѣмъ свирѣпѣе патріотствовали...

Грубое, отвратительное чувство, чисто помѣщичье, чисто чиновническое “*дать себя знать*” непокорнымъ, наказать, унижить ихъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ послужиться — вотъ что являлось во всемъ цинизмѣ на капибальскихъ банкетахъ, на изгнаніяхъ изъ англійскаго клуба порицателей Муравьева. Если не верёвкой и не пулей, если не жертвою ни шкурой, ни деньгами — то кувалдами и телеграфами, то оскорбленіемъ несчастнаго народа и съвершословіемъ принять участіе въ его казни...

... А тутъ добрые люди воображаютъ, что мы должны *со чувствовать* конституціонному прорѣзыванію зубовъ у этихъ московскихъ шакаловъ, которые съ самаго перваго слова, безъ малѣйшей нужды привѣщали себя Муравьеву и висѣльщикѣ, *вотируя* свою чернильницу благодарности *Московск. Вѣдомостямъ*. “И на насъ каплю крови, и на насъ камокъ грязи, дайте и намъ потянуть кончикъ веревки, хоть послѣ казни!” Пожалуй, палачъ можетъ имъ дать кончикъ веревки, такъ какъ кучера даютъ баричамъ возжу пристяжной; но пусть же они не освобождаютъ отечества, не дѣлаются ни Гемденами, ни Лафайетами, а остаются родовымъ потомствомъ Поздрева, дѣтьми Собакича и внучатами Фамусова.

И сколько при всей лжи, при всемъ рабствѣ, коварствѣ — сколько глупости въ людяхъ кичащихся дворянской грамотой, на ней строящихъ свои законодательныя приказы и становящихся за уничтоженіе польской аристократіи! Чему радуются наши помѣшники, что правительство такъ поступаетъ съ литовскимъ дворянствомъ?

Мы можемъ смотрѣть, какъ на необходимую мѣру на польское освобожденіе крестьянъ съ землей. Вспомните что писали мы съ конемъ вѣка, что писалъ полякамъ Балуинъ, вырвавшись изъ Сибири. Но что же правится въ раззореніи и оскорбленіи польскаго дворянства — таковомужь россійскому? Неужели они не понимаютъ, что стоитъ имъ еще побаловаться конституционными кубарями, да попасть не ловко въ царскую погу, съ ними сдѣлаютъ точно тоже, и прогнать ихъ съвозъ строй такихъ же мѣръ и такихъ же Муравьевыхъ. За свѣжымъ Канковымъ, который воспоетъ ихъ гибель, какъ дославную побѣду, дѣло не станетъ. Вѣроятно мы и тогда не будемъ на ихъ сторонѣ, *да они то сами зачѣмъ не на своей сторонѣ?* Они то что за Японцы, что точутъ ножи на свой собственный живогъ? Вѣдь ужъ имъ объ этомъ докладывалъ ихъ собственный дворовый листокъ...

‘ По — но большая разница между польской аристокраціей и нашимъ барствомъ, между эхиднымъ литовскимъ паномъ и *кроткимъ* стеннымъ помѣщикомъ нашимъ”... Можетъ до васъ въ Америкѣ не дошло новое открытіе, что наше русское, столбовое дворянство *ужасъ какое демократическое*, что крѣпостное право у насъ было впрочемъ затмѣненъ братскихъ отношеній, недоразумѣніемъ между старшимъ и младшимъ, что въ сущности помѣшники и крестьяне ижно любили другъ друга, господа были отцы-матери своимъ мужичковъ, ѣли въ тѣ же дни какъ и они постное, парились по субботамъ въ банѣ и ходили по воскресеньямъ въ ту же церковь къ обѣднѣ. Словомъ, еслибъ наши крупномѣстные и мелкопомѣстные демократы не заѣдали мужиковъ и дворовыхъ до смерти, не морили-бы ихъ на барщинѣ и оброкѣ, не дрались-бы безпрестанно въ передней, не насиловали женщинъ и не обирали-бы мужиновъ, то ихъ самихъ по правамъ и обычаямъ, особенно же по отношенію къ высшему начальству можно-бы было

привять за самыхъ радикальныхъ смердовъ въ мірѣ, или (такъ какъ они ходятъ по нѣмецки) за ихъ собственныхъ лакеевъ...

Часть нашихъ журналовъ — этимъ путемъ приравненія къ передней и избѣ поднимала русское дворянство для того, чтобъ оправдывать дикія мѣры правительства и обвинять польское шляхетство, во многомъ не правое, но котораго кровь въ это время лилась всеми жилами, котораго сыновья падали на полѣ битвы или шли на висѣлицу, жены — въ Сибирь, старики въ изгнаніе, казна — на содержаніе тайной полиціи краждебнаго повелителя и на преміи за доносы.

Институтъ, который для своего сохраненія долженъ прикидываться не самимъ собой и класъ свое знамя въ карманъ — не прочесть. Его собственные защитники спасаютъ его такъ, какъ спасали помѣщиковъ во время Пугачевщины, накинувъ на барскіе плеча мужицкій бараній тулупъ... Плакать объ немъ не стануть. Прошедшее нашего барства сѣро и темно... и эта темнота его счастье. Въ немъ одинъ свѣтлый день — 14 Декабря 1825 года, въ немъ одна свѣтлая полоса — та, которая идетъ къ этому дню, та, которая идетъ изъ него. Если дворянство и сдѣлало что нибудь, то сдѣлало исключительно для правительства, для государства, для царя; для народа ничего, для защиты правъ, для обороны личности, совѣсти — ничего. *Какъ сословіе*, оно не можетъ пережить вѣрную подругу свою — крѣпостное право; ему приходится лачахнуть въ безплодныхъ усиліяхъ, овладѣть движеніемъ (если нельзя остановить его), или откровенно снять съ себя, очень не красивый дворянскій мундиръ, отблѣпнуть очень тупую дворянскую шпажку и выйти изъ залы благороднаго собранія — простымъ смертнымъ на чистый воздухъ.

Замѣчаніе графа Ростопчина становится пророчествомъ. La roture, единственная гавань, въ которую можно прыгнуть съ тонущаго дворянскаго судна. Пришлось изъ кобелящихся пергаментовъ переписываться въ ревизскія сказки. Рекрутщина уже занесла свою лапу на молодое поколѣніе — и ловить его за бархатный воротникъ.

Дождевыя капли, притянутыя на время солнцемъ, должны снова упасть на землю, сверкнувши въ радугѣ и поносившись туманомъ по воздуху. Россія царство крестьянское, сельское. Вѣе уходившее по дѣлу и по бездѣлю изъ села — воротится къ нему. Взятые во дворъ и попавшіеся въ рекруты, отданные въ науку и бродившіе по міру — воротятся дрожжами и солью въ нѣсколько прѣсную сельскую “опару” и внесутъ въ нее движеніе, котораго ей не доставало. Долгое введеніе наше въ исторію, долгій и тяжелый искусь, которымъ мы проходили наше нѣмецкое плѣненіе, окончатся — вмѣстѣ съ монополей привилегированныхъ сословій. А что мы идемъ къ *безсословности*, въ этомъ трудно сомнѣваться.

Безсословная, демократическая Америка и идущая къ безсословности крестьянская Русь, остаются для меня по прежнему странами *ближайшаго будущаго*. Исторія, вопреки агрономамъ, заводитъ трехпольное хозяйство и пока Европа истощенная своими богатыми урожаями, лежитъ подъ паромъ — она пахнетъ и боронитъ два другіе поля.

На первый взглядъ кажется страннымъ отчего именно этотъ народъ колонистовъ съ угловатыми нравами, съ какой-то цивилизованной грубостью, съ непріятной свободой и всякими эксцентричностями и другой — едва пробуждающійся отъ рабства, избитый и покорный, отчего именно они призваны

къ дѣятельному совершенію своихъ гудебъ, именно теперь. Для того, чтобъ понять это — необходимо ярко отдѣлать ядро отъ скорлупы. Последняя война показала не только мощь Америки, но и ея слабыя стороны. Линкольнъ въ одной изъ послѣднихъ рѣчей своихъ, выразилъ своимъ мистическимъ языкомъ печальное сознаніе, “что войной провидѣніе наказало обѣ стороны, что обѣ согрѣшили передъ Богомъ”. Недостатки Россіи не только бросаются всѣмъ въ глаза, но въ нихъ признаются всѣ: правительство и литература, заголовки реформъ и дворянскія собранія. Сознаніе своихъ недостатковъ—великое дѣло, его высказываютъ или въ минуты отчаянія и смерти, или въ пачатѣ новой жизни, по крайней мѣрѣ жизни обновленной. Оттого, что наше современное состояніе такъ скверно и мы это знаемъ, оттого-то мы и идемъ впередъ. Самодовольство, гордое *suffisance* не двигается. Англія знаетъ, что она первая страна въ мірѣ, Франція — что она великій народъ, чего же имъ еще? Америка и Россія страны недогрѣныя внутри и перегрѣныя снаружы, обѣ съ здоровой кровью и набожными сынами, съ юными мышцами и старческими привычками. Въ послѣдніе годы Америка открыла, что у нея бездна чернаго бѣлья, а Россія, что у нея вовсе нѣтъ чистаго. Стирка сдѣлалась необходимостью.

Послѣ нея онѣ пойдутъ впередъ, но пойдутъ онѣ разпо. Америка, съ лавровымъ вѣнкомъ и фригійской шапкой, торжественно выходитъ изъ гигантскаго боя. Россія, съ опущеннымъ покровомъ, смиренно и печально пройдетъ не триумфальными воротами, а скромной калоткой, которую отворяютъ беременной женщиной, осужденной, виновной, но въ которой хотятъ спасти “плодъ чрева ея”!

Кто онъ? чей онъ? — Объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ письмѣ.

Женева, 15 Мая 1865.

И—ръ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ*.

Милостивый государь,

Я служилъ при полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ учителемъ исторіи. Въ началѣ прошлаго 1862 года, я заболѣлъ воспаленіемъ въ легкихъ, которое потомъ перешло въ чахотку, и вслѣдствіе этого подалъ въ Май мѣсяцѣ въ отставку, приложивъ къ прошенію медицинское свидѣтельство о болѣзни, выданное мнѣ полтавскою врачебною управою. Въ концѣ Іюня состоялся приказъ о моемъ увольненіи отъ службы, и я, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, сталъ собираться къ выѣзду изъ Полтавы въ Новороссію думая отправиться отсюда, какъ мнѣ совѣтовали врачи, на зиму въ Египетъ. Но вдругъ, 15 Августа, меня, совершенно неожиданно, потребовалъ къ себѣ черезъ полицію полтавскій вице-губернаторъ Веселкинъ, исправлявшій тогда должность гражданскаго губернатора, и объявилъ, что высшее правительство предписало ему отправить меня немедленно на жительство въ Астрахань подъ строжайшій надзоръ тамошней полиціи. На вопросъ мой о причинахъ такого вѣзаконнаго распоряженія, вице-губернаторъ отвѣчалъ, что ему самому ничего неизвѣстно, и что въ этомъ дѣлѣ онъ только слѣпой исполнитель приказаній свыше. Тогда я объявилъ, что здоровье не позволяетъ мнѣ ѣхать въ Астрахань. Веселкинъ назначилъ комиссію для освидѣтельствованія моей болѣзни; но составившіе ее члены врачебной управы: операторъ Казимовскій и акушеръ Величко, позабывъ вѣроятно, о выданномъ мнѣ недавно ими же самими свидѣтельствѣ въ томъ, что у меня чахотка въ періодъ размягченія туберкулъ, нанесли теперь, что я страдаю только легкимъ груднымъ катарромъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть препятствіемъ для моей поѣздки. Послѣ такого отзыва почтенныхъ, но забывчивыхъ гг. членовъ врачебной управы (что, впрочемъ, не удивительно: они люди пожилые, а къ старости, какъ извѣстно, всѣ душевныя спо-

собности слабѣютъ и спяны стигаются), мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ покориться силѣ и — ѣхать; и 18 Августа меня повезли въ Астрахань—чиновникъ и служитель, командированные для этой оказіи отъ полтавской городской полиціи. Передъ самымъ отѣдомъ я написалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ письмо (денежи, неизвѣстно почему, не припала полтавская телеграфная станція), которое, вмѣстѣ съ медицинскимъ свидѣтельствомъ, выданнымъ мнѣ тогда-же пользовавшимъ меня врачами, гг. Цитовичемъ, Синадскимъ, Бородинымъ, Бобровскимъ и Зеленскимъ, было черезъ два дня отправлено по адресу моею женою, въ чемъ у меня есть росписка полтавской губернской почтовой конторы. Вотъ копія этого письма:

“Ваше высокопревосходительство милостивый государь, Петръ Александровичъ, 15 Августа настоящаго года, полтавскій вице-губернаторъ, теперь исправляющій должность начальника губерніи, объявилъ мнѣ, что по распоряженію высшаго правительства онъ долженъ немедленно отправить меня на жительство въ Астрахань подъ надзоръ тамошней полиціи. Этому распоряженію не предшествовали ни слѣдствіе, ни судъ. Мнѣ даже не объявлено, въ чемъ меня обвиняютъ.

“Какъ ни краснорѣчиво говорить этотъ фактъ объ отсутствіи въ нашей администраціи даже тѣни уваженія къ личности и къ закону, но мнѣ все еще хочется вѣрить, что въ Россіи законъ что нибудь да значить, а потому я и требую отъ вашего высокопревосходительства, чтобы со мной было поступлено по закону. Нарядите слѣдствіе, и если я окажусь преступникомъ, то пусть судъ приговариваетъ меня къ ссылкѣ хоть на каторжную работу; если же нѣтъ, пусть отвѣчаютъ передъ закономъ тѣ, чьими доносами руководилось высшее правительство, произнося надо мною свой азіатскій приговоръ.

“Къ этому я присоединю, что азіатскій приговоръ произнесенъ надъ человекомъ, больнымъ чахоткою. Хотя здѣшняя врачебная управа, производя по распоряженію вице-губернатора освидѣтельствованіе, нашла, что у меня только легкій катарръ, немогущій служить препятствіемъ моей невольной поѣздкѣ въ Астрахань, но изъ прилагаемаго свидѣтельства пользовавшихъ меня врачей и изъ свидѣтельства, утвержденного тою же врачебною управою и представленнаго его императорскому высочеству, главному начальнику военноучебныхъ заведеній, для увольненія моего отъ службы и выдачи мнѣ годоваго оклада жалованья, вы увидите, что болѣзнь моя совершенно иного свойства. Что руководило врачебною управою при быстрой перемѣнѣ своего прежняго мнѣнія, угодиливость или невѣжество, объ этомъ предоставляю судить вамъ самимъ.

“Въ заключеніе письма я еще разъ повторю вашему высокопревосходительству свое требованіе: поступите со мной по закону, если хотите, чтобы въ Россіи вѣрили, что есть законъ. Полтава, 1862 года, Августа 18 дня”.

Приложенное къ этому письму медицинское свидѣтельство пяти пользовавшихъ меня врачей оканчивалось слѣдующимъ заключеніемъ:

“... На основаніи вѣхъ этихъ данныхъ мы съ достовѣрностію можемъ заключить, что существуютъ туберкулы, особенно въ верхушкѣ праваго легкаго, съ уплотненіемъ ткани самыхъ легкихъ, вслѣдствіе отложения бугорчатой массы и воспаленія легочной пленки. Больной нуждается въ покоѣ и строгомъ соблюденіи правильнаго образа жизни. Спасенія своего отъ гибельныхъ послѣдствій дальнѣйшаго развитія болѣзненнаго процесса пациентъ ожидаетъ отъ переселенія по нашему же совѣту въ одну изъ мѣстностей, прославившихся своимъ благотворнымъ вліяніемъ на людей, одержимыхъ подобнаго рода недугами, напр. въ Каиръ, на островъ Мадеру, и т. п. 1862 года, Августа 17 дня”.

31-го Августа, я пріѣхалъ въ Астрахань, измученный двухнедѣльнымъ утомительнымъ путешествіемъ на почтовыхъ по отвратительнѣйшей дорогѣ (послѣднія двѣ трети пути, до

* Письмо это получено нами мѣсяца два тому назадъ.

тысячи верстъ, можно бы было сѣлать на пароходѣ; но везшій меня чиповникъ отказался отъ этого на огрѣзъ, ссылаясь на данное ему повелѣніемъ губернатора предписаніе) ежедневною лихорадкою и провахараніемъ. Здѣсь я слишкомъ два съ половиною мѣсяца прождалъ понапрасну какого нибудь распоряженія на мой счетъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ; а между тѣмъ здоровье мое со дня на день становилось все хуже и хуже. Убѣдившись, наконецъ, что на министра рассчитывать нечего, я обратился тогда къ государю, прося его:

1) о назначеніи слѣдствія какъ надо мною, для опредѣленія, въ чемъ состоитъ преступленіе, за которое я сосланъ, такъ и надъ членами высшаго правительства его импер. величества позволившими себѣ сѣлать относительно меня распоряженіе, прямо нарушающее нынѣ дѣйствующіе въ Россіи законы, властію его императорскаго величества утвержденные; и

2) о возвращеніи мнѣ, впредь до назначенія слѣдствія, права свободнаго избранія мѣста жительства какъ въ Россіи, такъ и за границею.

Къ этой просьбѣ, сданной 2 Ноября прошлаго года въ астраханскую губернскую почтовую контору въ конпертѣ, адресованномъ въ собственныя руки его императорскаго величества, было приложено медицинское свидѣтельство, выданное мнѣ главнымъ лекаремъ и ординаторами астраханскаго военнаго госпиталя, гг. Топорковымъ, Никольскимъ и Федоровскимъ, которое оканчивалось слѣдующимъ заключеніемъ объ отношеніи астраханскаго климата къ моей болѣзни:

“... Такъ какъ болѣзнь, которою одержимъ г. Щелканъ, имѣетъ всегда худыя послѣдствія, то, по нашему мнѣнію, для предупрежденія дальнѣйшаго развитія болѣзненнаго процесса, необходимо пребываніе больного не въ Астрахани — мѣстности гибельной по своимъ быстрымъ и рѣзкимъ атмосферическимъ переменамъ не только для тѣхъ, которые одержимы легочной чахоткой, но даже и для тѣхъ, которые имѣютъ хотя малое къ ней расположеніе, а въ одной изъ мѣстностей, прославившихся своимъ благотворнымъ вліяніемъ на людей страдающихъ подобными болѣзнями, напр. въ Каирѣ. Астрахань. 1-го Ноября 1862 года.”

На этотъ разъ моя просьба не осталась безъ отвѣта. Въ началѣ Февраля 1863 года, губернаторъ получилъ изъ Петербурга предписаніе перевести меня изъ Астрахани — въ удѣльный городъ астраханской губернии Енотаевскъ, находящійся въ одинаковыхъ съ Астраханью климатическихъ условіяхъ, но совершенно лишенный всякихъ, не говоря удобствъ, а средствъ для жизни, и не имѣющій даже аптеки, такъ что я долженъ былъ выписывать лекарства за 150 верстъ изъ губернскаго города. 17 Февраля меня отправили съ жандармомъ на мое новое мѣсто жительства.

Послѣ такого отвѣта мнѣ приходилось заботиться уже не о слѣдствіи, а о спасеніи жизни. Дня за три, или за четыре до выѣзда въ Енотаевскъ, я подалъ губернатору прошеніе о назначеніи официалнаго освидѣтельствованія состоянія моего здоровья въ мѣстной врачебной управѣ и, если ея заключеніе будетъ согласно съ мнѣніемъ пользовавшихся меня врачей, о представленіи кому слѣдуетъ, на основаніи существующихъ по этому предмету законоположеній, объ увольненіи меня въ Каиръ для леченія. Врачебная управа вполне подтвердила свидѣтельство докторовъ астраханскаго военнаго госпиталя, и представленіе нашего въ Петербургъ. Три мѣсяца молчалъ министр внутреннихъ дѣлъ; наконецъ, во второй половинѣ Мая, была получена отъ него бумага, разрѣшавшая мнѣ ѣхать въ Каиръ, но съ тѣмъ, чтобы астраханское губернское начальство отправило меня до границы самымъ кратчайшимъ путемъ; чтобы каирскій вице-консулъ имѣлъ за мною неослабный тщательный надзоръ во все время моего пребыванія въ Египтѣ, и чтобы пограничныя русскія власти немедленно отослали меня назадъ въ Астрахань по моемъ возвращеніи въ Россію.

Въ концѣ Мая я выѣхалъ изъ Астрахани, и 4 Іюня былъ уже въ Одессѣ.

Но мои приключенія еще не окончились. Въ Одессѣ я сильно заболѣлъ, и въ продолженіе довольно значительнаго времени не въ состояніи былъ даже вставать съ постели. Докторъ, къ которому я обратился, нашелъ, что мнѣ необходимо сперва отдохнуть и собраться съ силами, а потомъ уже продолжать путешествіе. Когда объ этомъ было сообщено Вауеву, то онъ тотчасъ же далъ предписаніе одесскому градоначальнику “отправить меня немедленно обратно въ Астрахань, въ дальнѣйшее распоряженіе начальника астраханской губернии, если я не выѣду за границу безъ малѣйшаго отлагательства.”

Видя такую заботливость министра, я посовѣшилъ отправиться въ Египетъ.

Почти послѣдъ за моею ссылкой въ Астрахань, были опубликованы высочайше утвержденныя основныя начала новаго судоустройства и судопроизводства, и въ русскихъ журналахъ стали довольно часто появляться по ихъ поводу критическія статьи. Читая эти статьи, мнѣ всякій разъ невольно приходило въ голову: изъ-за чего вы, господа, хлопочете? Положимъ, что ваши замѣчанія не останутся гласомъ вопіющаго въ пустынь, положимъ, что правительство послѣдуетъ вашимъ указаніямъ; что жъ изъ этого? Вѣдь законы у насъ издаются только для того, чтобы никто не могъ сказать, что въ Россіи нѣтъ законовъ. Украшая собою, въ видѣ толстыхъ книжекъ, полки шкафовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, они писколько не стѣсняютъ русскаго правительства, и разныя Вауевы хозяйничаютъ и будутъ хозяйничать въ нашей матушкѣ Россіи, какъ имъ вздумается..... до поры, до времени, разумѣется.

Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ я предполагаю скоро вернуться въ Россію; тѣмъ не менѣе прошу васъ, милостивый государь, напечатать это письмо въ *Колоколъ* съ моею подписью.

Викторъ Щелканъ.

Александръ въ Египтѣ, 1864, 17/23 Сентября.

СМѢСЬ.

— *Михаилъ и Михаилы Николаевичи. Муравьевъ удаленъ въ графы.* Иностранныя газеты говорятъ, что за воровство. Мы не вѣримъ. Жена цезаря выше подозрѣнія. Дѣлая его графомъ, рука дрогнула у государя и онъ не прибавилъ ожидаемаго слова “виленскій”. Эта насмѣшка надъ несчастіемъ показалась неумѣстной въ Ниццѣ (рескриптъ подписанъ тамъ). Ждемъ съ нетерпѣніемъ возведенія Каткова въ графское достоинство и назначеніе какого нибудь литературнаго Бауфмана редакторомъ “Вѣдомостей”.

Но что намъ дѣлать съ третьимъ *спасителемъ* отечества, съ *третьимъ Михаиломъ*, онъ по рожденію князь, да еще великій. Недавно кавказскій Михаилъ отвратилъ страшную бѣду, висѣвшую надъ головою Россіи, онъ открылъ двухъ-трехъ гимназистовъ, составившихъ тайное общество “Молодой Грузіи и Молодой Арменіи”, и за тѣмъ были арестованы въ Петербургѣ какіе то грузинскіе студенты. Чтѣ было бы съ нами, еслибъ не его бдительность!

— *Народная Лѣтопись*—запрещена за то, что не напечатала вѣсти о смерти наслѣдника, почти въ тотъ же день, какъ объявленъ тошій указъ о *цензурѣ не-цензурѣ*. Истатъ и иностранныя газеты говорятъ о какой-то *конституціи не-конституціи*, въ силу которой *теперешній сенатъ* составить ле поуеад представительной камеры. Начать новую болыниу съ того, чтобы въ нее перевести старыхъ гангренозныхъ больныхъ, это чыслъ до того недѣланъ, что мы начинаемъ ей вѣрить.

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Мы перевезли станокъ нашъ въ Швейцарію, Колоколъ съ 25 Мая будетъ выходить въ Женевѣ. Переездъ нашъ не вноситъ никакой внутренней перемѣны въ наше изданіе. Тверже чѣмъ когда нибудь стоимъ мы на нашей почвѣ. Опредѣлять ее и выказывать свое *profession de foi* по поводу географическаго передвиженія, мы считаемъ лишнимъ. Основы нашего воззрѣнія вамъ извѣстны со времени основанія первой вольной русской типографіи въ Лондонѣ. Вы ихъ знали и прежде, но всего больше знаете ихъ изъ Колокола. Восемь лѣтъ звонилъ онъ одно и тоже; *службы*, къ которымъ онъ звалъ, мѣнялись—но *религія*, *духъ* оставались тѣже.

Теперь на череду ударить къ Собору, къ земскому бессловному собору. До чьего нибудь слуха звонъ нашъ дойдетъ и разбудитъ мысль о немъ. Еслибъ мы думали, что онъ безплоденъ, мы сложили бы руки.

Многое изъ нашихъ горячихъ, заповѣдныхъ желаній приняло плоть и осуществилось—если уродливо и не вполне, то все же осуществилось.

Десять лѣтъ тому назадъ крѣпостное право стояло твердо, ревниво охраняемой основой имперіи. Народъ рускій блилъ отъ Авачи до Одессы, по сулѣ и безъ суда, въ казармахъ и переднихъ, въ частныхъ домахъ и на гумнахъ. Малѣйшій ропотъ, слово негодованія, двухпёрстый крестъ наказывались строже воровства и грабежа... и мы говорили наслѣднику Николаю, когда онъ садился на его мѣсто: “Уничтожьте крѣпостное право, дайте землю крестьянину, освободите слово отъ цензуры и спину русскаго челоука отъ палки, отворите двери суда, дайте волю совѣсти”.

... Мы говорили и повторяли эти слова на разные лады, цѣлые годы. И все затрунутое нами покачнулось.

Рухнулось крѣпостное право и едва цѣпляется за землю.

Тѣлесныя наказанія уничтожены для виновныхъ по суду, можно думать что скоро перестанутъ бить и сбѣчь невинныхъ.

Запертыя двери суда раскрываются и юридическая реформа, какова бы она ни была, прямое сознаніе со стороны правительства въ негодности прежней расправы.

Надтреснула цензура—и ее оставляютъ скорѣе допускаемымъ зломъ, чѣмъ защищаемой необходимостью.

За двухпёрстый крестъ не наказываютъ какъ за душегубство и старообрядцы сравнены правительствомъ съ публичными женщинами—ихъ не дозволяютъ, но терпятъ.

Мы не хотимъ сказать, чтобъ нашъ звонъ вызвалъ эти *почины*, но они совершились *не безъ него*, онъ ихъ предварилъ, онъ къ нимъ звалъ, онъ первый ихъ громко высказалъ и безирестанно повторилъ. Какая доля его возшла въ живую ткань событій, какъ она измѣнилась въ ней, какъ она ее измѣнила—кто уловитъ это, прослѣдитъ, кто измѣритъ и къ чему? Общій потокъ исторіи снимаетъ въ себѣ, увлекаетъ въ свой стержень всѣ капли брызги, дожди, ручьи—какъ живое тѣло свои клетчатки и ячейки и арчія своихъ солдатъ—тѣмъ не меньше нельзя у рядоваго отнять сознаніе, что и онъ былъ участникомъ въ Бородинскомъ бою или Севастопольской защитѣ, такъ какъ нельзя малѣйшей клетчаткѣ отказать въ признаніи ее живой частью слона.

Реформы, осуществленныя правительствомъ, не удовлетворительны, всѣ онѣ не додѣланы, неокровенны, косы, узки, всѣ онѣ носятъ характеръ временной сдѣлки, чего-то

покальствъ, на скорую руку, *faute de mieux*. Дѣйствительная важность ихъ въ *починѣ* и невольномъ отрицаніи существующаго порядка дѣлъ. Но вѣдь говорило и дѣйствовало во всемъ этомъ одно правительство, а мы глупомъ слушали и принимали, не имѣли даже права отказываться. Что время пришло и намъ сказать свое слово, до такой степени очевидно—что само правительство постоянно приостанавливается и слушаетъ (какъ извѣстный московскій полицмейстеръ) *молчаніе*... а если кто вздумаетъ сказать слово не по шерсти ему, того оно гажаетъ въ казематы или посылаетъ на каторгу. Такая двойная пелѣность должна окончиться и голосъ народный получить права гражданства. Потому-то *Земскій Соборъ* и составляетъ первую, ближайшую, насущную, неотлагаемую потребность Россіи.

Всѣмъ съ тѣмъ растетъ необходимость разъясненія социальныхъ и экономическихъ, гражданскихъ и юридическихъ вопросовъ, тѣснящихся и выплывающихъ впередъ въ современномъ движеніи русской мысли, русской жизни.

Соборъ не долженъ насъ застать врасплохъ.

Хотѣлось бы и намъ, по мѣрѣ силъ, участвовать въ этомъ разъясненіи вопросовъ, и оставаясь при прежней критикѣ казенныхъ построекъ и при прежнемъ обличеніи казенныхъ строителей, выдвинуть на первый планъ начала возможнаго чиноположенія. Это заставляетъ насъ расширить планъ нашего изданія.

Мы не будемъ болѣе исключать ни чисто теоретическихъ статей, ни историческихъ монографій, лишь бы онѣ имѣли прямое соотношеніе къ нашему русскому социальному и гражданскому развитію. Будетъ такихъ статей много, будутъ онѣ слишкомъ велики для *Колокола*, мы снова примемся за *Полярную Звѣзду*. Посылайте же намъ статьи которыя вы можете печатать въ Россіи при вышедшей свободѣ книгопечатанія *съ цензурой**.

И такъ какъ мы ужъ обратились къ вамъ за статьями, скажемъ въ заключеніе еще объ одной потребности нашей. При всѣхъ нашихъ успѣхахъ, при всѣхъ общихъ статьяхъ, мы не сдѣлаемъ *Колокола* живымъ, русскимъ органомъ *безъ корреспонденціи изъ края*. Въ послѣдніе два года ихъ было очень мало. Мы *заявляемъ вамъ это*. Просить корреспонденцій намъ не приходится, дѣло заграничной гласности столько же ваше сколько наше—ваша совѣсть должна сама рѣшить что надобно дѣлать. Серьезныхъ затрудненій въ доставленіи къ намъ писемъ нѣтъ.

Слѣдующій 198 листъ *Колокола* выйдетъ 15 Іюня.

Цѣна листу *пятидесять сантимовъ*. Книгопродавцы внѣ Россіи не имѣютъ ни малѣйшаго права *подымать цѣну*.

Въ Женевѣ “Колоколъ” продается у г. Георга, *Corraterie*; въ Лондонѣ у N. Trübner et Co., 60, Paternoster Row; въ Парижѣ A. L. Herold, Librairie, 67, Rue Richelieu; Брюсселѣ C. Muquardt, F. Claassen; Вѣвѣ Richard Lesser, Librairie, 15, Rue du Lac; Лозаннѣ Martigner et Chavannes; Лейпцигѣ F. A. Brockhaus; Берлинѣ Ferd. Schneider, 11, Victoria Strasse, Schneider et Co., 19, Unter den Linden, B. Behr, 27, Unter den Linden; Гамбургѣ Perthes Besser et Mauke, Hoffmann et Campe; Любекѣ Fr. Asschenfeldt; Штетинѣ Von der Nahmer; Флоренціи Eugène Vieusseux; Афинахъ K. Wilberg; Каирѣ W. Hammerschmidt; Константинополѣ F. Schimpff et Comp., Köhler et Weiss.

* Труды такого рода требуютъ много времени, много книгъ, работать безъ возмездія не всѣ могутъ. Мы приглашаемъ желающихъ платы за статьи, помещенныя въ “Колоколъ” или въ “Полярной Звѣздѣ”, писать намъ объ этомъ.

Отпечатанъ въ Вольной Русской Типогр. афи, 40, Pré L'Eveque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 198.

15 Іюня 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Подписывается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré L'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corrairie, Genève; у Н. Трюбера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки*. Прилагаемъ почтовой гаришь:

Въ Германію	7с.
— Австрію	10с.
— Англію	10с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Нѣмцію	25с.
— Швейцарію	2с.

Paraît à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corrairie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	7с.
L'Autriche	10с.
Angleterre	10с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	2с.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Русскія реформы (I. Предисловіе)—Освобожденіе крестьянъ въ Грузин—Смѣлыя увѣщанія крестьянъ и тридцать раненыхъ

въ Харьковской губерніи. Смѣсь: Письмо изъ Москвы—"Коповорѣцъ и идолопоклонникъ"—Свой наказанный принцъ—Розги въ Остзейскихъ провинціяхъ...

РУССКІЯ РЕФОРМЫ.

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно существуетъ мысль, что Россія не можетъ оставаться въ томъ положеніи, въ которое ее привело самодержавное единовластіе, сначала въ видѣ русскаго царства, исцѣпшаго средствъ собрать въ одно тѣло однородные члены, разбѣтанные по безпредѣльнымъ лѣсамъ и степямъ; потомъ въ видѣ нѣмецкаго императорства, исцѣпшаго это собранное упрочить за собою положеніемъ на него чуждыхъ формъ, но только формъ, въ уродливомъ приложеніи лишенныхъ всякаго внутреннего смысла. Мысль, что Россія не можетъ оставаться въ этомъ положеніи, бродила гораздо раньше общества 14 Декабря. Правительство уже преслѣдовало ее въ Радищевѣ и Павликовѣ. Александръ I, въ дни мечтательной юности, самъ грезилъ о реформахъ; но изъ міра великихъ политическихъ стремленій, гдѣ онъ игралъ въ проэку съ Сперанскимъ и Чарторижскимъ, послѣдственная страсть увлекла его въ міръ берлинскаго фельдфебельства, внесенный Аракчеевымъ въ русское село, ради упроченія казеннаго порядка и императорскаго самовластія. 14-е Декабря совершенно опредѣленно заглохла мысль о невозможности продолжать это положеніе вещей, и потомъ снова тяжелая рука Николая, не смотря на ложный девизъ народности, заговала Россію въ прежнія иностранныя фельдфебельскія формы и на 30 лѣтъ задержала реформу. Съ его смертію являлся въ самомъ правительствѣ сознаніе, что это положеніе вещей несостоятельно и реформа неизбежна. Иногда самъ Николай чувствовалъ эту несостоятельность и умеръ тяжело наказанный ею; но во время своего царствованія, привычка къ дикому самовластію и узкость пониманія, не допустили его ни до какой реформы, а только до введенія разныхъ бюрократическихъ формализмовъ, въ родѣ министерства государственныхъ имуществъ, которые онъ принималъ за улучшенія. Александръ II началъ свое царствованіе подъ ударомъ несостоятельности положенія

вещей, окончившагося крымскимъ пораженіемъ—и неизбежность реформы явилась его неотступной спутницей.

Но откуда берутся реформы? Гдѣ искали ихъ основаній общество 14-го Декабря? Откуда черпаетъ ихъ правительство? Составляютъ-ли онѣ оригинальные результаты русскаго саморазвитія? Заимствуются-ли онѣ по прежнему изъ чужеземныхъ формъ!...

Мы сказали, что у насъ чуждыя формы являлись лишенными всякаго внутреннего смысла. Дѣйствительно, начиная съ Петра I, правительство вводитъ постановленія, не имѣющія никакой положительной связи съ русской жизнью, точно также мало истекающія изъ потребности какъ изъ обычая. Такимъ образомъ является коллегіальный, секретный, канцелярскій, писарскій форма судопроизводства, которая, при всей внѣшней постановкѣ суда, всего менѣе удовлетворяетъ правосудію и наконецъ самимъ правительствомъ всенародно признается несостоятельною, что доказывается нынѣшней судебной реформой. То же и въ администраціи, которая при всемъ своемъ канцелярскомъ, писарскомъ, бюрократическомъ, по табели о рангахъ расположенномъ формализмѣ, доходитъ до развитія внутренней системы грабежа и наконецъ самимъ правительствомъ признается несостоятельною, что доказывается земскими учрежденіями, пробующими жить въ основаніе управленія (по крайней мѣрѣ въ некоторой доли его) безсоставное выборное начало. Несостоятельность, отрицательная сторона вопроса—поняты даже для самого правительства, но откуда оно возьметъ новыя положенія на замѣну? Возьметъ-ли оно ихъ изъ народнаго обычая или изъ европейскихъ готовыхъ узаконеній?

Сколько ни было *внѣшнее* императорское приложеніе европейской цивилизаціи къ русскому міру со временъ петровскаго перелома, все-же оно не могло не войти въ русскую жизнь одною изъ ея составительныхъ силъ и направленіе нашего развитія должно было сдѣлаться выводомъ (résultante) изъ составительныхъ силъ: туземнаго обычая и привзятыхъ понятій. Не смотря на то, что правительство никогда не шло

* въ 197 л. мы забыли сказать, что цѣна 50 севт. за листъ не включаетъ пересылку.

дальше водворенія иностранной формы, не искало въ университетахъ и школахъ ничего больше какъ средства похвастаться что и у насъ дескать есть просвѣщеніе, не смотря на то, что оно существенно усвоивало только всѣ предательскіе способы, которыми европейскія правительства обманывали народы, какъ то системы полицейскаго шпионства, замѣны правъ буквою закона и т. п., не смотря на все это въ русское общество проникала наука, проникали понятія народныхъ политическихъ правъ, революціонныхъ началъ. Правительство естественно испугалось этого вліянія сущности европейскаго развитія, начало его преслѣдовать и выставять знамя мнимой народности, окончательно воздвигнутое при Николаѣ.

Между тѣмъ общество, на время утратившее въ подражаніяхъ пониманіе дѣйствительныхъ народныхъ элементовъ, но далеко неудовлетворенное ни иностраннымъ формализмомъ, ни своимъ правительствомъ, ринулось страстно къ изученію европейскихъ революціонныхъ началъ и пошло на проповѣданіе ихъ у себя дома. Такимъ образомъ большая часть стремлений 14 Декабря шла на перенесеніе въ Россію европейскихъ либеральныхъ учрежденій*. Общество пришло къ адуляціи европейскаго либерализма. Правительство, выставя знамя мнимой народности, но въ сущности продолжая только переводъ европейскаго формализма — не могло угодить ни меньшинству, стоявшему на колѣняхъ передъ европейскимъ либерализмомъ, ни народу, который ненавидѣлъ введенный правительствомъ европейскій формализмъ и не могъ приять его за свою народность. Положеніе было совершенно хаотическое и могло держаться только до перваго маіѣйскаго вѣшняго толчка.

Въ продолженіи всего хаоса, мы имѣли въ меньшинствѣ явленіе совершенно необходимое—это попытку выйти изъ хаоса, отрѣчься отъ всѣхъ вѣдѣнныхъ погрѣзаній и отыскать реальныя основы общественной жизни. Попытка естественно перебралась въ крайнюю противоположность и потому пришла къ односторонности, не замѣтила необходимости составнаго направленія и слѣдственно дошла до нецѣлостности, но тѣмъ не менѣе внесла свое путь опредѣляющее вліяніе. Эта попытка извѣстна подъ именемъ славянофильства. Я не хочу ставить его значенія выше чѣмъ слѣдуетъ, но ужь конечно не хочу ставить его ниже чѣмъ слѣдуетъ. Воздадимъ искренно каждому по заслугамъ!

Славянофильство ушло въ офиціальную религію, придавая ей значеніе абсолютной истины, которую надо поддерживать не только словомъ, но и силой, и забыло, что по мимо всякаго европеизма, больше трети русскаго населенія пуждается въ свободѣ вѣроисповѣданія, а меньшинство пуждается въ свободѣ мнѣнія вообще; въ современной формѣ русской общины, русскаго міра, русскаго выборнаго начала—оно готово видѣть окончательную форму, абсолютную истину общественнаго устройства. Это его крайности, къ которымъ

* Мы исключаемъ изъ этого круга не телегу русскую правду; впрочемъ мы ее не знаемъ. Одно его раздѣленіе на области показываетъ его огромное пониманіе Россіи и тѣмъ печальнѣй становится пенахождение, а можетъ и утрата его русской правды.

его естественно привела необходимость спора противъ европейскихъ формъ. Но тѣмъ не менѣе славянофильство уяснило значеніе общины, право человека на землю, его социальное отношеніе къ землевладѣнію, самобытность общиннаго самоуправления, и заслуга славянофиловъ при освобожденіи крестьянъ составить имъ великій памятникъ въ русской лѣтописи и въ исторіи человечества.

Одновременно съ развитіемъ славянофильства въ Россіи, развивались въ Европѣ социальныя теоріи и потребность рабочаго сословія выйти изъ своего положенія нищеты, не лишаящей его личной свободы но буквѣ закона, но на дѣлѣ замыкающей его въ крѣпостное состояніе. Эти стремленія въ Европѣ не могли не отозваться у насъ и обратитъ дѣло меньшинства къ ихъ изученію и искаванію возможностей ихъ приложенія въ русской средѣ. Но социальныя теоріи въ Европѣ не достигли никакого опредѣленнаго результата. Ихъ огромная заслуга до сихъ поръ сводится на уясненіе недостаточности и ложности европейскаго общественнаго склада, не только тамъ гдѣ господствуютъ феодальныя и иныя монархическіе деспотизмы, но и тамъ гдѣ либеральный формализмъ господствуетъ въ общественномъ мірѣ и даже въ наукѣ, принося положительный вредъ и въ жизни народовъ и въ разумности пониманія.

Безъ всякаго сомнѣнія это пониженіе величія европейскаго общественнаго склада въ сознаніи замѣчательныхъ европейскихъ умовъ, при ихъ немогутъ достигнуть выхода къ общественному переобразованію, немогутъ основанной на отсутствіи элементовъ способныхъ къ переобразованію, безъ всякаго сомнѣнія пониженіе этого величія должно повести русскіе умы на разработку своихъ народныхъ общественныхъ основаній и ихъ отношенія, ихъ прилагаемости къ дальнѣйшему развитію общественности, составляющей искомое европейской науки. Русскіе умы въ наше время, естественно должны быть наведены на разработку составнаго направленія изъ общественныхъ основаній народной жизни и понятій выработанныхъ европейскою наукой. Къ сожалѣнію до этой разработки у насъ еще не дошли и на дѣлѣ остается хаосъ: европейскій конституціонный консерватизмъ совпадающій съ доктринерствующимъ либерализмомъ; славянофильское крайнее отверженіе понятій, выработанныхъ европейскою наукой; европейскій социализмъ, котораго связь съ будущностью русскихъ общественныхъ основаній не указана, и правительственное подражаніе европейскому формализму, навязанному на мнимую народность.

Правительство всего меньше пришло къ разработкѣ составнаго направленія нашихъ дѣйствительныхъ народныхъ основаній и понятій, вырабатывающихся изъ европейской науки. Заслуга современнаго правительства—это высказанное сознаніе несостоятельности порядка вещей, законченнаго николаевскимъ царствованіемъ. Правительство, хотя тутъ и стало повысить дворянства, которое просто испугалось утраты своихъ доходовъ, державшихся на крѣпостномъ правѣ, но все-же оно не уяснило искомаго составнаго направленія; оно ограничи-

лось немогую разрушить общественныя основанія русскаго міра, но все же поставило крестьянское освобожденіе въ долго-временное колебаніе и натянутую враждебность къ либераль-вическому сословію и къ собственному владычеству котораго метода не измѣнилась; а въ остальныхъ реформахъ оно принялось переводить европейскіе формализмы на русскій языкъ, уже по мимо основаній народной общественности и по мимо понятій, вырабатывающихся европейской наукой Европы и ея критикой собственного склада.

Такимъ образомъ у насъ является судебная реформа, переведенная съ французскаго кодекса и цензурный уставъ, наиболѣе заимствованный изъ наполеонскаго закона 1810 г.

Въ слѣдующемъ листѣ *Колокола*, мы прежде всего обратимся къ разбору цензурнаго устава, какъ истеричному отлагательства; потомъ перейдемъ къ разбору судебной реформы и заключимъ обзоръ совокупности всѣхъ правительственныхъ преобразованій. Какъ ни трудна наша задача, но мы выполнимъ её съ искренней добросовѣстностью.

(Продолженіе впрѣдь).

Н. Огаревъ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ГРУЗИИ*.

Новыя “законоположенія”, обуславливающія на нѣкоторое время социальное устройство грузинскаго народа, имѣютъ только одно неоспоримое достоинство, они доказываютъ, что старое зданіе общественнаго и государственнаго устройства разшаталось въ своихъ основаніяхъ отъ напора развитія народнаго самосознанія, и что безъ починковъ и столбовъ все это зданіе готово рухнуть отъ перваго дуновенія времени. Каковы бы то ни были починки и подставки, онѣ важны уже въ томъ отношеніи, что ихъ появленіе на божій свѣтъ свидѣтельствуетъ о шаткости зданія, чего не думаютъ скрывать даже самые реставраторы, истинно чувствующие, что “потребность реформы ощутительна” и что она неизбежна. Возбужденіе правительствомъ вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи, имѣло независимо отъ своего положительнаго характера, характеръ чисто разрушительный въ отношеніи ко всему, что до тѣхъ поръ считалось хоть и тяжелою и невыносимою, а все таки вѣковѣчною святыней; оно дало жизнь и движеніе самостоятельности всѣмъ живымъ или не совершенно забытымъ инстинктамъ какъ цѣлаго народа вообще, такъ и лучшихъ членовъ его въ особенности. Хотя характеръ практическаго разрѣшенія этого вопроса слишкомъ ничтоженъ, а главное самое разрѣшеніе не далеко ушло отъ прежней мѣрвечины, но все таки, благодаря толчку данному правительствомъ, неудобства общественаго склада перестали считаться неприкосновенными и изъ области несправимыхъ золъ перенеслись въ область чисто временныхъ, устраненіе которыхъ зависитъ отъ доброй воли и умѣнья самаго общества и никого болѣе. Вотъ въ чемъ состоитъ важнѣйшая заслуга *измѣненія* быта помѣщичьихъ крестьянъ, и это обстоятельство, давшее такой сильный толчекъ дремавшей до тѣхъ поръ общественной самостоятельности, необходимо должно поситъ въ себѣ зачатки будущаго развитія общества и нормальнаго устройства общественнаго склада.

Но независимо отъ этихъ зачатковъ будущаго благоденствія народа, крестьянскій вопросъ, своею практическою стороною,

* “Законоположенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ тифлисской губерніи”, (на русскомъ и грузинскомъ языкахъ). С.-Петербургъ. 1864 г. Въ Гл. импер. Академіи наукъ.

касается слишкомъ близко цѣлаго народа. для того чтобы позволено было ограничиться только одною абстракціей; подъ тяжестью новыхъ “законоположеній” раздавлены будутъ цѣлыя массы народонаселеній, благоденствіе, достояніе и даже самая жизнь которыхъ зависятъ отъ того или иного разрѣшенія вопросовъ второ-степенной, третье-степенной, а иногда и десяти-степенной важности. Принося громадную *косвенную* пользу будущности, новое устройство крестьянскаго быта разоряетъ и забиваетъ настоящее, чего оно могло-бы избѣжать, если-бы правительство въ самомъ дѣлѣ имѣло въ виду благоденствіе и пользу народа, а не доведенную до абсурдности идею собственнаго самохраненія. Людямъ интересующимся современнымъ положеніемъ и ходомъ народнаго развитія позволительно замѣтить въ крѣпостномъ вопросѣ отдаленную выгоду officialнаго и всеобщаго осужденія безсмысленнаго и безчеловѣчнаго устройства общества, но главное вниманіе ихъ должно быть обращено на интересы волнующіе современное общество, на справедливость или удобство того или другого разрѣшенія общественныхъ вопросовъ и вообще на современное положеніе народа. Мы избрали именно такую руководящую нить въ бѣгломъ очеркѣ крестьянскаго вопроса въ Грузіи, разрѣшеніе котораго есть ничто иное, какъ тысячекратное и во всей вѣроятности далеко не послѣднее повтореніе “coup de tête” русскаго правительства.

Со времени Турецкой войны 1853—1856 г. вопросъ объ освобожденіи крестьянъ взволновалъ въ Грузіи всѣ элементы ея общества и съ самаго дебюта своего принялъ независимо отъ своего социальнаго характера, характеръ политическаго баланса. Постановка этого вопроса не могла не взбудоражить политическихъ инстинктовъ грузинскаго народа и такъ, какъ крестьянскій вопросъ, не смотря ни на энергическое вмѣшательство русскихъ баталіоновъ, ни на царско-самодержавное “*pas de réveries*”, росъ въ Грузіи не по днямъ а по часамъ, то политическая жизнь Грузіи развилась въ какіе нибудь десять лѣтъ съ невообразимою силою, мало по малу связывая свою судьбу, съ тою или иною развязкою крестьянскаго вопроса. Къ какому исходу приведетъ напряженіе политической жизни Грузіи, чѣмъ разрѣшится это драматическитуманное положеніе, судить конечно не намъ; но такъ какъ конецъ этой драмы будетъ, по всей вѣроятности, изобиловать трагическими сценами, въ родѣ изгнанія черкесовъ или истребленія и ссылки поляковъ, то для того чтобы получше понять развязку, необходимо будетъ взглянуть на теперешнее положеніе дѣйствующихъ лицъ, а если возможно, то и на ихъ прошедшія отношенія.

Мы не можемъ разсматривать вопроса о судьбѣ Грузіи въ случаѣ, еслибы петербургскій дворъ не разсудилъ за полезное для него присоединить Грузію къ Россійской имперіи, на томъ простомъ основаніи, что вопросы о томъ, что было бы “если-бы”, да “кабы”, чрезвычайно смахиваютъ на философствованіе Кифа Мокиевича объ яйцѣ слона. Къ этой-же категоріи слѣдуетъ отнести вопросъ о степени истощенія силъ Грузіи ко времени присоединенія ея къ Россіи, а по этому мы пройдемъ его молчаніемъ; тоже самое сдѣлаемъ мы даже съ самымъ *способомъ* присоединенія, хоть этимъ мы ни мало не думаемъ произвести отпущенія грѣховъ петербургскаго правительства. Чтобы поскорѣе добраться интересующаго насъ вопроса, мы остановимся на “совершившемся фактѣ” и выйдемъ въ немъ нашу исходную точку.

Когда въ 1801 году Грузія очутилась во власти русских *вспомогательныхъ* войскъ, когда въ 1810 и 1811 г. новые отряды покорили въ два приѣма Имеретію, когда съ 1824 г. они заняли Гурію, а подъ конецъ и Мингрелію, въ тифлискихъ и петербургскихъ “правительственныхъ сферахъ” необходимо долженъ былъ возникнуть вопросъ, какъ-бы привязать грузинскій народъ къ російской имперіи, если не для того чтобы пожать Грузію и избавить ее отъ новыхъ кровопролитій, то по крайней мѣрѣ въ интересахъ самаго петербургскаго двора. Этотъ вопросъ дѣйствительно возникъ и какъ слѣдовало ожидать, былъ разрѣшенъ въ слѣдующемъ смыслѣ: поддержать, а въ случаѣ надобности, создать въ Грузіи дворянство, привязать его къ русскому правительству интересами собственности, чинами, наградами и жалованьемъ, и только... если не вспомнить русскихъ штыковъ и картечей. О томъ-же, что позади этого дворянства существуетъ и будетъ существовать народъ, петербургское правительство вспомнило только за тѣмъ чтобы сдѣлать изъ этого народа нѣчто въ родѣ жалованья вѣроподданному дворянству. На этомъ то и основывалось разрѣшеніе вопроса о привязаніи Грузіи къ Россіи. Не смотря на то, что остроуміе этого разрѣшенія сильно понестерлось тысячекратнымъ повтореніемъ его во всѣхъ депотическихъ и конституціонныхъ государствахъ, тѣмъ не менѣе оно исполнѣ заслуживаетъ маленькой оговорки.

Русское правительство переведши слово *тавади*, словомъ *князь*, а слово *азнаური*, словомъ *дворянинъ*, и узаконивши за этими титулами извѣстнаго рода привилегіи, совершило одно изъ отвратительнѣйшихъ преступленій, когда нибудь совершенныхъ имъ: существованіе *азнауравъ*, совершенно непонятное въ древней Грузіи, въ Грузіи XIX-го столѣтія, становится не только анахронизмомъ, но и законо-организованнымъ грабежемъ въ современной Грузіи, въ Грузіи подъ русскимъ правительствомъ. Это сословіе, или правильнѣе сказать этотъ разрядъ людей, обязанъ былъ защищать народъ, отъ иностранныхъ враговъ, въ которыхъ у Грузіи не было недостатка, по этому-то народъ съ охотой *содержалъ* *азнауравъ*, какъ свое охранное войско, этимъ содержаніемъ ограничивался всѣ повинности народа, мало этого, эти повинности платились только въ случаѣ войны, въ случаяхъ-же продолжительнаго мира (впрочемъ довольно рѣдкихъ), народъ платилъ только царю, да и то въ формѣ *уощеній*, *азнауры*-же занимались земледѣіемъ или въ свою пользу — такъ какъ исходя изъ народа* они владѣли землею на равнѣ съ крестьянами, и ни же въ случаяхъ постоевъ войскъ далеко отъ жилищъ *азнауравъ*, въ пользу *тавадовъ*, живя во все время продолженія работъ на счетъ этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ объясняется существованіе въ Грузіи цѣлой аравы *азнауравъ*; они получали содержаніе отъ народа, потому что приносили пользу народу, значитъ тутъ расчетъ чистый.

Мы далеки отъ мысли смотрѣть на древнюю Грузію, какъ на образцовое устройство общественныхъ отношеній, и если мы выставили здѣсь нѣкоторыя подробности отношеній грузинскаго народа къ войску, то вовсе не затѣмъ, чтобы требовать возвращенія къ этому устройству; оно отжило свой вѣкъ, потому, что Грузія не имѣетъ надобности вести непрерывныя войны съ своими сосѣдями, да кромѣ того грузинскій народъ платитъ русскому правительству за охраненіе внѣш-

няго внутренняго мира столько-же сколько платилъ въ старину *азнаурамъ*, а можетъ и побольше. Теперь обязанность *азнауравъ* — охраненіе народа отъ внѣшнихъ враговъ, исполняется русскимъ правительствомъ и войскомъ, стало быть тутъ дѣло довольно чисто, по крайней мѣрѣ въ экономическомъ отношеніи; но на ряду съ правительственными подагями, народъ обязанъ платить подати дворянству. зачѣмъ? ради какихъ услугъ?

Наши противники говорятъ намъ, что: занявъ Грузію, русское правительство очутилось лицомъ къ лицу съ сильнымъ войскомъ, существованіе котораго на ряду съ русскимъ правительствомъ было не мыслимо, стало быть оказалась необходимость распустить это войско; но для того чтобы не сдѣлать изъ чиновъ грузинскаго войска *гверильсовъ* или *разбойниковъ*, необходимо было надѣлать ихъ чѣмъ нибудь, такъ сказать зажать имъ ротъ, правительство создало изъ этого войска дворянство.

Такъ, но намъ вѣроятно позволено будетъ высказать одно маленькое замѣчаніе: въ такомъ случаѣ, зачѣмъ-же узаконить изъ рода въ родъ порядокъ, внушенный минутною необходимостью? Ужаснувшись мысли увидѣть *гверильсовъ* изъ *азнауравъ*, русское правительство забыло отыскать иной исходъ, на примѣръ пожизненные пенсіи или надѣлу землею, чего было-бы совершенно достаточно; вмѣсто этихъ совершенно благоразумныхъ мѣръ, оно установило такой порядокъ нещей, при которомъ *гверильсами* дѣлается весь народъ, все крестьянство, разумно ли это? подобное разсѣченіе гордіева узла можетъ-ли назваться его развязкой?

Посмотримъ теперь какіе результаты произвела эта мѣра сперва въ отношеніи къ самому дворянству: узаконеніе за дворянствомъ права жить на счетъ крестьянства ни какимъ образомъ не могло распространиться “*de facto*” на большинство импровизированныхъ дворянъ, по той простой причинѣ, что ихъ было слишкомъ много, относительно къ числу крестьянъ, и такъ какъ это баснословное распространеніе числа дармоедовъ-паразитовъ переходило всѣ мѣры и границы, такъ что народъ рѣшительно не въ состояніи былъ кормить такое множество праздної сволочи, то значительнѣйшая часть *азнауравъ* очутилась въ совершеннѣйшей зависимости правительства и принуждена была искать кусокъ хлѣба, въ военной или гражданской службѣ. Тутъ-то и началась погоня дворянства за счастьемъ: понявъ свою роль, *азнауры*, вмѣсто того чтобы принятыя за обработку земли въ качествѣ простыхъ земледѣльцевъ, (что запрещалось имъ честию дворянскаго титула) устремились толпою въ солдаты, юнкера, писари, чиновники, заняли кусками земли, принадлежавшей крестьянамъ, и такъ какъ по правительственной инструкціи суды и начальство, должны были рѣшать споры между дворянами и крестьянами непремѣнно въ пользу первыхъ, то благодаря этимъ и подобнымъ попеченіямъ правительства, *азнауры* въ самомъ дѣлѣ сдѣлались *дворянами* не только по буквѣ законовъ, но и на фактѣ. Таковы были *первыя* результаты новаго порядка вещей въ отношеніи къ дворянству. Ниже мы увидимъ, что эти результаты не могли бытъ вѣчными, что они были преходящи и что съ теченіемъ времени, даже если предположить чудовищную неслѣпость, вѣчное терпѣніе народа, развитіе самаго дворянства грозило нанести ударъ этимъ результатамъ, ибо даже въ настоящее время громадное большинство грузинскаго дворянства, стоитъ

* *Азнаурство* жаловалось царямъ, въ особенно замѣчательные подвиги храбрости или удачества.

на рубежѣ отвратительнѣйшаго пролетаріата, пролетаріата не труда, а бездѣйствія и шпіонства.

Но если это нехлѣбное устройство должно было привести когда нибудь къ неутѣнительнымъ результатамъ для правительства и дворянства, необходимость и неизбѣжность этихъ вѣчныхъ результатовъ зависѣли главнымъ образомъ отъ зародышей безсмыслицы и разложенія, нагроможденныхъ въ неправильной общественной организаціи, а не отъ дурнаго поведенія дворянства или несоблюденія въ свѣтѣ основаній законовъ новаго устройства. То что дѣлается теперь въ Грузіи доказываетъ это мнѣніе, какъ нельзя лучше: въ самомъ дѣлѣ, какъ правительство такъ и дворянство съ своей стороны держались не только духа, но и самой буквы закопопоженій установившихъ русскій порядокъ вещей въ Грузіи; все что противурѣчило хотъ на капельку духу русскихъ установленій въ Грузіи, потребовалось немилосердно разстрѣляніемъ и истребленіемъ, каторгами и ссылкой, а съ другой стороны, все что благоприятствовало русскому духу, награждалось истинно по царски. Дворянство, понимая хорошо свое положеніе и цѣня всѣ щедроты правительства, стояло за него горю, выдавалъ всѣхъ тѣхъ, у кого приходила въ голову несчастная мысль бытъ недовольнымъ русскимъ владычествомъ или тѣмъ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ, которое введено было русскими и держалось на русскихъ штыкахъ. Измѣны не было ни съ той ни съ другой стороны, напротивъ того, дворянство въпрямую на русское правительство не иначе, какъ со слезами умиленія и признательности, выражая въ своемъ взглядѣ столько собачьей преданности и готовности лечь когтями за правительство, что это послѣднее не могло не погладить по головѣ такого покорнаго сынишку. Казалось все это должно было устоять противъ напора вѣковыхъ волненій, до такой степени прочны были узы, связывавшіе русское правительство съ грузинскимъ дворянствомъ, но увы!

Все житейское, земное,
Разлетается какъ дымъ!

И дѣйствительно, оказалось что народу не въ могуту кормить да понтъ такое множество дворянства, не приносящаго ему никакой пользы, никакихъ услугъ, а напротивъ того высасывающаго всѣ его соки, пьетъ трудовой потъ; оказалось, что этотъ народъ и не думаетъ быть “аглицомъ ведомымъ на закланіе”, что онъ тоже мечтаетъ о себѣ и о своемъ благополучіи. Лакействующее дворянство, вмѣстѣ съ дворянствующимъ лакействомъ всевозможныхъ канцелярій и правленій, воскликнуло въ одинъ голосъ, точно по вдохновенію госпожи Простаковой: “ахъ мерзавецъ, ему тоже хочется жить, точно онъ благородный!” Русское правительство согласилось съ этимъ рѣшеніемъ и послѣ приличнаго чиста разстрѣляній, въшаній и ссылки, огложило это въ догдѣй архивный ящикъ, точно рѣшенное или “поп авеи”. Но дѣло двигалось своимъ чередомъ: неудача имеретинскаго возстанія 18-2 г., не остановила грузинскаго 1824, еще менѣе остановила она крестьянское движеніе 1855—1862 г. Правительство, инстинктивно догадываясь, что “потребность реформы ощутительна”, принялось производить ее *сверху*, чтобы задержать ея развитіе *снизу*.

Мы сдѣлали-бы непростительный промахъ, еслибы приписали причины крестьянскаго движенія въ Грузіи единственно несправедливости русскаго правительства при узаконеніи дворянскихъ преимуществъ за азнаурами. Нѣтъ сомнѣнія, что

эта мѣра подлила масла въ огонь, но не въ ней лежитъ корень бѣды и не на уничтоженіе ся одной устремлены силы крестьянства: корень зла не только грузинскій но и всемірный. Въ Грузіи въ настоящее время кипитъ таже самая борьба, которая поглощаетъ всѣ силы Россіи, Европы, можно сказать смѣлю, цѣлаго міра: это борьба трудящихся противъ привилегій рода и капитала, то есть, говоря проще, *соціальная* борьба трудящейся нищеты противъ дармоедаствующаго богатства.

Въ Грузіи, какъ и во всѣхъ европейскихъ государствахъ, наряду съ массами трудящихся въ потѣ лицъ, стоятъ люди освобожденные отъ труда слѣпымъ случаемъ рожденія отъ именитыхъ или богатыхъ родителей, неравенство или несправедливость распределенія общественнаго и частнаго достоянія и зависящаго отъ него счастья также сильно въ Грузіи какъ и въ прочихъ государствахъ. Трудящіеся люди не только находится въ личной экономической и политической зависимости отъ людей освобожденных отъ труда, но, что невыносимѣе всего, онъ находится въ какомъ-то дошлости униженіи въ состояніи паріевъ; *трудиться* считается правомъ не на почеть или достоинство, а просто на униженіе и помѣннее презрѣніе. Власть, уваженіе и почтеніе соразмѣряются не съ трудомъ, талантомъ или заслугами, а съ родомъ, титуломъ, богатствомъ и мѣрою собственности. Никакой трудъ, какъ бы онъ ни превышалъ обыкновенныя человѣческія силы не въ состояніи вывести обыкновеннаго смертнаго изъ среды въ которую онъ попалъ по рожденію, въ ней онъ долженъ вращаться, жить и умереть.

... Безъ всякаго слѣда
И безъ урока для дѣтей.

И когда на ряду съ этимъ безвыходно-тягостнымъ положеніемъ поставить положеніе людей, всея заслуга и достоинство которыхъ состоятъ въ выдержаніи труда родиться отъ *благородныхъ* или богатыхъ родителей, вся жизнь которыхъ ничто иное какъ пѣль наслажденій и удачь, такъ тутъ по неполнѣ рождается цѣлая вереница вопросовъ, въ родѣ Гейневскихъ:

Отъ чего подъ ношей крестной
Весь въ крови кланится народъ,
Отъ чего всегда безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

А извѣстно, что малѣйшее углубленіе на эту тему наводитъ каждаго здравомыслящаго человѣка на мысль о необходимости измѣненія порядка вещей установленнаго грабителями и узурпаторами, держащими на законахъ изданныхъ тѣми кто заинтересованъ въ сохраненіи пограбленныхъ и захваченныхъ привилегій и богатствъ...

Мы не станемъ распространяться о неудобствахъ всего *порядка вещей*, потому что для того чтобы познакомиться съ ними подробнѣе, читателю стоитъ только оглянуться кругомъ себя; вся эта чехарда насими переиначенныхъ съ узаконенною неурядицею совершается сплошь и рядомъ не въ мракѣ, а на бѣломъ свѣтѣ, и наши читатели конечно не почувствуютъ недостатка какъ въ мелкихъ деталяхъ такъ и въ апофеозѣ житейской жизни. Затѣмъ вернемся къ нашему предмету.

Тяжесть такого положенія вынудила народъ начать современный крестовый походъ противъ нехлѣбной общественной организаціи. Этимъ мы не хотимъ сказать, что грузинскій народъ такъ вотъ и проглотилъ всѣ основанія соціальной науки и возсталъ съ голосу французскихъ или иныхъ демагоговъ; нѣтъ, пишушему эти строки, болѣе чѣмъ кому нибудь другому, извѣстно что грузинскій народъ, какъ и всякій

другой, не вполне уяснилъ себѣ всѣхъ подробностей неурядицы и не вполне знакомъ со средствами противъ нея. Но есть одна сторона прекрасно уясненная народомъ: это то, что влечить такую жизнь, которою онъ жилъ до сихъ поръ, положительно невыносимо, что тяжесть ея переходитъ всѣ границы терпѣнія и что лучше погибнуть чѣмъ впасть въ этомъ болотѣ, высасывающемъ по маленьку всѣ силы и всю кровь.

Когда народъ дошелъ до этого убѣжденія, случилось вотъ что:

Дѣло было въ 1855 году, осенью. Извѣстно, что въ это время у насъ велась тяжелая война съ Европой и Турціей и что турецкій отрядъ подъ начальствомъ Омеръ-паши высадился недалеко Редутъ-Кале въ Мингреліи. Эмисары Омеръ-паши распустили въ народъ слухъ, что “крѣпостное право будетъ уничтожено союзниками” и въ нѣсколько дней вся Мингрелія отдалась Омеръ-пашѣ, а грузинскія милиціонныя войска, такъ хорошо дравшіяся противъ турокъ въ 1853 году, измѣнили русскимъ и оставили на Ингурѣ отрядъ русскихъ войскъ. Гурія и Имеретія готовы были послѣдовать примѣру Мингреліи, но войска князя Бебутова заняли эти страны, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ война закончилась парижскимъ трактатомъ. Этотъ случай хорошо извѣстенъ русскому правительству, ибо въ благодарственной грамотѣ Александра II къ жителямъ кутаискской губерніи, выданной въ Январѣ 1857, съ умысломъ пропущено было слово “Мингрелія”.

Еще до знаменитыхъ “рескриптовъ”, первые списки которыхъ появились въ концѣ 1857 года, грузинскіе крестьяне принялись не за манифестаціи, а просто на просто за вооруженное обнаруживаніе недовольства крѣпостнымъ правомъ. Мингрельское возстаніе лѣтомъ 1857 года дало правительству поводъ согнать съ княжества княгиню Дадіани и замѣнить ее “временнымъ правленіемъ Мингреліи”. Прочія же возстанія крестьянъ въ Гуріи, Имеретіи и Грузіи были разогнаны то солдатами, то дворянскою милиціею, организовавшеюся нарочно для этого. Крестьяне же ни мало не скрывали, что единственная причина ихъ возстаній есть крѣпостное право, и единственная цѣль—его уничтоженіе. Когда же въ началѣ 1858 года разнеслась вѣсть объ освобожденіи, эта новость подлила масло въ огонь и довела крестьянское движеніе до чудовищныхъ размѣровъ.

Спрашивается, какую сторону должно было принять русское правительство къ виду этого народнаго движенія? Завербоваться-ли въ ряды дворянъ, устроившихъ цѣлыя отряды для усмиренія крестьянъ, или же напротивъ того принять сторону крестьянства и усмирять дворянъ? Польза правительства состояла въ послѣднемъ средствѣ, но такъ какъ русское правительство, по божіей милости, нельзя подозрѣвать въ хорошихъ и полезныхъ начинаніяхъ, то очевидно было что оно станетъ за дворянство противъ крестьянства. Оно дѣйствительно выбрало этотъ выходъ, но какъ оно выдѣлило его—позвольте намъ остановиться на этомъ.

Прежде всего пошли въ ходъ экзекуціи противъ крестьянства, извѣстныя подъ названіемъ “усмиреній волненій умовъ”, но эта мѣра направлена была противъ крестьянъ, а “волненіе умовъ” существовало въ дворянствѣ, слѣдовательно надо было укротить и его. Тутъ то правительство дѣйствовало кротче: оно выдумало такую штучку: мы освобождемъ крестьянъ въ Россіи, говорило оно, потому что тамъ это необходимо; но здѣсь время освобожденія крестьянъ еще не настало, “это дѣло вѣковъ”. Дворянство успокоилось на время...

“Манифестомъ въ 19 день Февраля 1861 года нами изданнымъ и Положеніями къ тому же день нами утвержденными, мы освободили помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости и даровали имъ права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, опредѣливъ въ подробности ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ, ихъ повинности и устройство ихъ общественнаго управленія.

“Принявъ во вниманіе, что за симъ крѣпостное состояніе остается въ одномъ только Закавказскомъ краѣ и признавъ необходимымъ дѣйствовать постепенно къ освобожденію и тамъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мы въ то же время поручили главному за Кавказомъ начальству приступить къ подлежащимъ по этому предмету соображеніямъ”.

Такъ говорится въ “высочайшемъ указѣ”, предшествующемъ новымъ законоположеніямъ о крестьянствѣ. Это, господа, августѣйшая ложь: манифестъ 19 Февраля появился въ Мартѣ 1861. Въ Сентябрѣ того же года, стало быть черезъ семь мѣсяцевъ послѣ изданія манифеста, императоръ ѣздилъ въ Кутаисъ и держалъ тамошнему и тифлисскому дворянству рѣчь о томъ, что никакихъ измѣненій въ существующемъ въ Грузіи порядкѣ онъ не сдѣлаетъ и сдѣлать не намѣренъ, время дескать еще не настало. Вслѣдствіе этой то рѣчи и пошла въ ходъ въ цѣлой Грузіи знаменитая народная пѣсня “Мегона”, съ такимъ напѣвомъ: “я могу вообразить себѣ много чего, но никогда не вообразилъ бы, что царь умѣетъ лгать”.

Нельзя сказать, чтобы эта рѣчь Александра II, такъ таки осталась одними словами: факты наиболѣе краснорѣчивые, а именно экзекуціи противъ волновавшихся крестьянъ, какъ нельзя лучше доказывали, что правительство въ самомъ дѣлѣ думало отложить въ долгій ящикъ дѣло освобожденія грузинскихъ крестьянъ; но такъ какъ съ одной стороны крестьянскія волненія усиливались съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, принимая совершенно не миролюбивый и не спокойный характеръ, и такъ какъ съ другой стороны русское правительство не слишкомъ то старается о сохраненіи въ святости своихъ обѣщаній, то реформа крестьянскаго быта перешла въ канцелярскій міръ. Тутъ снова является одно обстоятельство, достойное обратить на себя вниманіе нашихъ читателей: цѣлый 1862 годъ прошелъ безъ всякаго предпріятія со стороны правительства, хотя и въ постоянныхъ волненіяхъ крестьянъ; когда же въ 1863 году польское возстаніе грозило Россіи европейскою войною, русское правительство съ ужасомъ вспомнило мингрельскую *измѣну* и въ торопяхъ отправило въ Тифлисъ депешу за депешей, постановило на скорую руку крестьянскій вопросъ въ Грузіи и забылъ совершенно свою страсть къ постепенности, вынудило кавказское начальство подать ходъ какой нибудь проэктъ освобожденія. Оно думало загнать глотку крестьянамъ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи перспективою будущаго освобожденія, не задѣвая въ то же время интересовъ дворянства этихъ областей. Въ понятіи правительства жизненный вопросъ уже былъ разрѣшенъ въ обоюдную пользу—дворяне, думало оно, сохранять вѣрность свою къ намъ, ибо ихъ интересы не затронуты въ прямомъ значеніи, а крестьянство станетъ за насъ же, освободителей крестьянъ тифлисской губерніи, будущихъ освободителей и кутаисскихъ. Въ переводѣ на языкъ сравненій, это положеніе въ умѣ правительства походило на разрѣшеніе доселѣ неразрѣшенной задачи “овцы должны сохраниться въ цѣлости, что бы мало не принуждаетъ волковъ оставаться на тощихъ”. Эта

штучка достойна была бы поощрительных аплодисментов, еслибы русское правительство, думая пасть обоим сторонам, не кончало, совершенным одурачением себя самого и никого больше: крестьянство, недовольное бесполезною и тягостною провозкою освобождения, как и самими основаниями его, начало открыто высказывать свои симпатии в пользу "освободителей врагов России", т. е. Европы; с другой стороны дворянство, не хотевшее и слышать о какой бы то ни было перемене в существенном строе крепостного быта, было поражено поведением правительства в отношении к тифлисскому дворянству, и тоже открыто высказалось против правительства или же его грузинских агентов. Остались довольными только несколько людей, в роду г. Дм. Кипиани увидевших в крестьянской реформе средство повышения и награды за удачные проекты или за "благоразумные софты". Ну да про этих господ не стоит и говорить.

(Окончание впереди).

Рю Цели

СЕМЬ УБИТЫХ КРЕСТЬЯНЪ И ТРИДЦАТЬ РАНЕННЫХЪ

ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.*

(Назв. письма къ Издателямъ).

Деревня Водолаги, принадлежащая по семейному раздѣлу Авиусѣ Ивановичѣ Шеферъ, урожденной дѣвицѣ Савичѣ, выстроенная по обѣимъ сторонамъ одной небольшой рѣчки. Вся земля, бывшая во владѣніи крестьянъ до 19 Февраля 1861, была уставной грамотой утверждена за крестьянами. Земля эта была въ 3 хъ разныхъ кускахъ, (въ трехъ рукахъ). Одинъ кусокъ земли находился около самыхъ крестьянскихъ усадебъ, прилегая непосредственно къ обѣимъ сторонамъ деревни. Два другіе куска были дѣйствительно въ чересполосности съ помѣщичьими землями. Посредникъ Власовскій по требованію помѣщика сдѣлалъ обязательное разверстаніе угодій въ ущербъ крестьянамъ, отрѣзавъ съ одной стороны деревни всю землю прилегающую къ крестьянскимъ усадбамъ во владѣніе помѣщичьей. Земля эта, отрѣзанная отъ крестьянъ, была съ искони-вѣковъ отлично уважена крестьянами такъ, что часть ея была употребляема подъ конопляники. Въ замѣнъ этой земли крестьянамъ была отведена худшая земля, никогда не бывшая прежде уваженою, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ крестьянскихъ усадебъ. Крестьяне, хотя и не зная по своей безграмотности положенія, но имѣя здравый смыслъ, не могли конечно понять, чтобы посредникъ съ помѣщикомъ имѣли право отнять у нихъ конопляники и стѣснить ихъ такъ, что имъ нельзя вынестись бурицы, не подвергаясь штрафу за поправу помѣщичьей земли. Крестьяне тогда-же, (1863 г.) заявили посреднику свое несогласіе на подобное разверстаніе, которое со временемъ можетъ сдѣлать ихъ оброчными помѣщику за неизбежную поправу полей, но посредникъ равно какъ и мужъ владѣлицы, Александръ Александр. Шеферъ (профессоръ кievскаго Университета!) не возопили въ положеніе крестьянъ.

Крестьяне, заявивши свое несогласіе объ уступкѣ своей отлично удобренной земли, осенью того-же года засѣяли свою прежнюю землю подъ озимь. Довѣренный и родственникъ профессора Шефера, не только молча смотрѣлъ на это, но даже самъ весною 1864 года, засѣялъ яровымъ хлѣбомъ землю, которая должна по разверстанію отойти крестьянамъ. Про-

* Мы упоминали вкратцѣ объ этой гнусной исторіи въ 190 и 192 л. (1864), и чрезвычайно благодарны корреспонденту за сообщеніе подробностей. Это письмо останется въ исторіи русскаго дворянства и профессорства.

фессоръ Шеферъ, узнавъ объ этомъ, пріѣхалъ въ Іюль мѣсяцѣ 1864 года изъ Кіева въ деревню, велѣлъ скосить свои поля, засѣянные яровымъ хлѣбомъ и отошедшія по разверстанію (незаконному) крестьянамъ, а отъ крестьянъ требовалъ землю прилегающую къ ихъ усадбамъ. Крестьяне, видя что ихъ дѣло не оканчивается, отправились съ жалобой на мировой сѣздъ. Члены мирового сѣзда разругали крестьянъ за ихъ упорство, а членъ отъ правительства Яковъ Петровичъ Ляментъ *собственноручно избилъ* одного крестьянина. Мировой-же сѣздъ подъ предсѣдательствомъ Вельямина Андреевича Савича рѣшилъ за упорство, могущее повести къ бунту, наказать крестьянъ розгами. Исправникъ Алферовъ, исполнилъ это порученіе преисправно. Въ его присутствіи сѣкли крестьянъ *очень сильно*. Не смотря на то крестьяне все таки объявили своему помѣщику, что они землю своей не уступятъ, а будутъ жаловаться губернатору. Профессоръ Шеферъ донесъ это по начальству, т. е. предводителю, а предводитель требовалъ отъ губернатора Сиверса войска для усмиренія бунтующихъ крестьянъ. Губернаторъ немедленно разрѣшилъ инвалидную команду въ полное распоряженіе исправника Алферова. Между тѣмъ крестьяне, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ (кажется даже по собственному отказу) смѣнили бывшего старосту и выбрали себѣ новаго (это незаконное дѣйствіе крестьянъ, порядочный посредникъ легко могъ-бы покончить неутвержденіемъ вновь избраннаго старосты). Инвалидную команду, не доходя 1 1/2 версты до Водолагъ въ имѣніи Николая Николаевича Савича, напоили до пьяна *даровою водкою*. Исправникъ Алферовъ прибылъ наконецъ съ своей командой въ Водолаги, гдѣ были собраны не только Водолагскіе крестьяне, но тоже крестьяне изъ сосѣднихъ деревень для того, чтобы послѣдніе видѣли, какъ наказываютъ бунтовщиковъ. Алферовъ сперва набросился на вновь избраннаго старосту, сорвалъ съ него значекъ старосты, разругалъ его и хотѣлъ высѣчь. Всѣ прочіе крестьяне крикнули въ одинъ голосъ, что староста не виноватъ, что они его выбрали, а следовательно, если кто виноватъ, то виноваты они сами, что лучше пускай сѣкутъ ихъ всѣхъ, а что они его не дадутъ сѣчь. Послѣ чего крестьяне взяли старосту въ свой кружокъ. Алферовъ требовалъ выдачи его, крестьяне не выдавали; тогда Алферовъ велѣлъ солдатамъ бить крестьянъ прикладами и взять насильно старосту для расправы тутъ же розгами. Совершенно пьяные солдаты безъ всякой пощады начали бить крестьянъ по головамъ такъ, что уложили человекъ 10 на землю съ окровавленными головами. Крестьяне, видя своихъ товарищей лежащихъ въ крови полу-мертвыми, крикнули къ защитѣ и *нѣсколько* изъ нихъ побѣждали дѣйствительно за дубинками. Бѣдный испугавшійся исправникъ велѣлъ стрѣлять. Команда состоящая изъ 50 солдатъ сдѣлала залпъ. *4 убито на повалѣ, двое умерло на другой день переранено около 30*. Нѣсколько изъ раненыхъ сдѣлалось на вѣки калѣками. Послѣ этой стрѣльбы конечно всѣ крестьяне, кромѣ тяжело раненыхъ, разбѣжались. Остался только одинъ крестьянинъ, по имени Сичъ, у трупы своего отца. Онъ плакалъ и цаловалъ своего мертвого отца. Но наконецъ не вытерпѣвъ началъ сильно ругать бывшихъ тамъ дворянъ и солдатъ. Одинъ пьяный солдатъ спросилъ исправника—не прикажете-ли приколотъ этого негодяя, и не получивъ никакого отвѣта, счелъ знакъ молчанія за знакъ согласія, бросился со штыкомъ на крестьянина. Крестьянинъ (23 лѣтъ) обратился въ бѣгство, солдатъ побѣждалъ за нимъ. Къ несчастію крестьянинъ этотъ, отбѣжавъ недалеко, упалъ со всего размаху,

зацѣпившись за какой-то сучокъ такъ, что не могъ скоро встать. Пьяный солдатъ догнавъ его всади́лъ ему въ бокъ штыкъ, такъ, что несчастный, приколотый *крестьянинъ умеръ на другое утро. При этой бои́нѣ, присутствовали слѣдующіе дворяне сумскаго уѣзда: исправникъ Алферовъ, посредникъ Власовскій, профессоръ и докторъ медицины Шеферъ, Александръ Степановичъ Владыславлевичъ и Владимиръ Никифоровичъ Савицъ. Замѣчательно, что докторъ медицины Шеферъ не подалъ ни одному крестьянину медицинской помощи, а пріѣхавши домой прислалъ своего фельдшера.* Кромѣ Шефера при этомъ пристрѣливаніи и прикалываніи крестьянъ другого доктора не было. Объ этомъ такъ называемомъ бунтѣ дано было знать губернатору. До прибытія губернатора 4 трупа пристрѣленныхъ крестьянъ по распоряженію Алферова не были выданы родственникамъ и оставались непогребенными 4 дня, т. е. до пріѣзда губернатора, не смотря на лѣтніе жары. Къ чему трофеи своей побѣды Алферовъ такъ долго сохранялъ и лишалъ родственниковъ удовольствія схоронить прежде своихъ родныхъ, и рѣшительно не понимаю. Въ послѣ сраженій даже всегда выдаютъ убитыхъ непріятелю! Губернатора встрѣтили крестьяне на колѣнахъ съ хлѣбомъ и солью, такъ что даже губернаторъ (Сиверсъ), вскрикнувъ “да это ангелы а не люди!” На исправника-же губернаторъ очень сердился и при всѣхъ бранилъ его, обвиняя при томъ его смѣшныя. *Но мѣстные дворяне просили такъ усердно за исправника, обвиняя въ бунтѣ крестьянъ, что въ глазахъ губернатора остались виновными крестьяне, а не исправникъ.* Исправника оставилъ губернаторъ на мѣстѣ, 4-хъ крестьянъ, какъ подстрѣкателей къ бунту велѣлъ посадить въ острогъ и эти несчастные до сихъ поръ сидятъ въ острогѣ. Неужели министръ, прочитавъ эти строки, не пошлетъ какого нибудь порядочнаго человека изъ Петербурга, для производства слѣдствія по этому дѣлу!?

— О чемъ хотите пари, любезный корреспондентъ, что не пошлетъ министръ никакого чиновника ни порядочнаго, ни не порядочнаго? Въ самомъ дѣлѣ, до того ли правительству, чѣмъ и чѣмъ оно бѣдное не знаетъ, вотъ примѣръ:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Подъ этимъ заглавіемъ “Ирбитскій Ярморчныя листы” печатаетъ 15 Февраля 1865 года, слѣдующее:

“Съ утвержденія пермскаго комитета о губерньскомъ конно-заводствѣ въ городѣ Ирбитѣ, учреждается въ нынѣшній годъ случайный пунктъ изъ трехъ жеребцовъ пермской земской конюшни, для случки съ ними кобылъ частныхъ владѣльцевъ, за умѣренную плату. Жеребцы выступили изъ Перми, 4 Февраля и прибудутъ сюда въ концѣ этого-же мѣсяца. Попечителемъ здѣшняго случайнаго пункта, назначенъ городской голова А. А. Дробининъ”.

СМѢСЬ.

— *Московская пыль* — (торговля дѣтьми—Лечение отъ удара по челоу кварталнаго — Разбойники въ штатѣ полиціи). — (Изъ письма къ намъ).

— Въ Московскомъ воспитательномъ домѣ даютъ дѣтей на воспитаніе старымъ женщинамъ ходящимъ по міру. Имъ раздаются тѣ дѣти, при доставленіи которыхъ ничего не прилагаютъ въ пользу чиновниковъ завѣдывающихъ этимъ отдѣленіемъ, а тѣ дѣти, при которыхъ прилагается благодарность, отдаются по деревнямъ. На улицахъ часто встрѣчаются старухи лѣтъ въ 60 и больше, съ грудными дѣтьми, которыхъ онѣ кормятъ жеванымъ хлѣбомъ, большей частью это все питомцы воспитательнаго дома.

— 11/23 Апрѣля, лаборантъ московскаго университета, коллежскій совѣтъ, Н. Данквартъ, проходя Леонтьевскимъ переулкомъ, упалъ пораженный ударомъ и былъ взятъ въ Тверскую часть въ 9 ч. вечера. Тамъ онъ пробылъ всю ночь безъ медицинской помощи, только дежурный кварталный считая его пьянымъ, сунулъ ему въ ротъ селедку. Впрочемъ у Данкварта, отправленнаго на другой день въ полицейскую больницу, гдѣ онъ и умеръ, не нашлось ни золотыхъ часовъ съ цѣпочкой, ни денегъ ни даже обручальнаго кольца, за то кусокъ селедки остался во рту.

— *Моск. Вѣдом.* извѣстили о благополучномъ открытіи усердіемъ и преданностью разныхъ кварталныхъ какихъ-то разбойниковъ намѣревавшихся ограбить домъ. Полиція схватила преступниковъ въ то время какъ они хотѣли взойти въ домъ. Все это хорошо, но за чѣмъ *Моск. Вѣдомости* по чувству понягной скромности скрыли, что двое разбойниковъ были солдаты, а третій *городовой изъ Роюжской части?*

— Въ Москвѣ есть цѣлая часть, гдѣ нѣтъ мытищенской воды, именно: въ Якиманской, Питницкой, Серпуховской. Туда въ фонтаны проведена москворецкая вода (большая польза живущимъ около этой рѣки). Округъ отказывается провести мытищенскую воду за недостаткомъ воды въ резервуарѣ, а въ то же время даетъ дозволеніе проводить воду въ бани и берегъ за это деньги, и во всѣхъ баняхъ гдѣ проведена мытищенская вода, кромѣ дозволеннаго крана, есть еще секретные краны, такъ что гдѣ дозволено брать 1000 ведеръ въ день, тамъ берутъ 4000. По этому жители Москвы и должны пить вредную рѣчную воду, а это начальству водопровода даетъ 10,000 руб. сер.

— *Иконоборецъ и идолопоклонникъ.*— Въ “Кіевлянинѣ” помѣщенъ циркуляръ волынскаго губернатора о томъ, чтобы во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ имѣлись *приличные* (еще бы другія!) иконы, *читимыя* православной церковью. Благочестивый губернаторъ рекомендуетъ сверхъ того имѣть кромѣ иконъ *приличныхъ*—иконы *благомысленныя*, сооруженныя и содержимыя чиновниками. “Иконы же и кресты римско-католическаго характера” изгоняются, точно въ 1794 году, во времена Еберта и Анахарсиса Клоца.

— *Свой наказанный Принцъ.* Какъ благотѣльно дѣйствуютъ благе примѣры и какъ дѣйствительно правительственная Россія не отстаетъ отъ своего французскаго идеала, показываетъ слѣдующій приказъ, помѣщенный въ “Инваидѣ” 31 Маи: “Е. и. в., князь Евгенийъ Макс. Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій, числящійся въ полкахъ л. г. Преображенскомъ, Уланскомъ и Стрѣльковомъ баталіонѣ, исключается изъ списковъ *этихъ частей*”. Sehr energisch! Да гдѣ же онъ произносилъ рѣчь?... За немѣніемъ рѣчи велѣно было, говорить, принять декларацію въ любви — за опасныи Манифестъ.

— *РОЗГИ въ Остзейскихъ провинціяхъ*—процвѣтаютъ, послѣднія состоявшіяся цѣны очень сходны, 2 коп. сер. за ударъ. Въ “Эстляндскихъ Вѣдомостяхъ” пишутъ, что “до общаго измѣненія судебной части остаются въ силѣ наказанія 60 ударовъ розгами, арестъ до 7 дней и штрафъ до 12 руб.” Это право предоставлено судьямъ земской полиціи, а общинной дано право на 30 ударовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда возможна замѣна наказанія штрафомъ, 10 ударовъ розогъ должны равняться 20 коп. штрафа. Какое варварство и какой цинизмъ! Кто лучше, нѣмцы или правительство?

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ.
Получается въ Волной Русской Типографіи,
40, Pré L'Evêque и въ главныхъ депо — у
Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у П.
Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row,
Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ
пересылки. Прилагаемъ почтовой тари-
въ:

Въ Германію	7с.
— Австрію	10с.
— Англію	10с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	2с.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 199.

1 Іюля 1865.

Parait à Genève tous les quinze jours.
Le dépôt principal est chez H. GEORG, à
Genève, Corraterie, No. 10. A Londres,
chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster
Row. Le prix de chaque No. est de 50 cen-
times, le port de la poste non compris. Tarif
postal:

Allemagne	7с.
L'Autriche	10с.
Angleterre	10с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	2с.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Письма къ путешественнику (Письмо второе)—Освобожденіи крестьянъ въ Грузіи (Окончаніе). Слѣсъ : Н. Серно-Соловьевичъ и пр.—Что
городъ то городъ—Гр. Строгомова, строгій прусскій гвн.-адъютантъ, услужливый король и влюбленный принцъ—Народная Лэтонія—Государственная тайна.

ПИСЬМА КЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.
Письмо второе.

Сѣверо-Американскіе штаты и Россія—два полюса той
соціально гражданской антиноміи, къ которой примыкаетъ
западное развитіе, со всѣми своими перестройками и пере-
воротами. Они оба за границей старой арены, представляютъ
два противоположныя, но неоконченныя рѣшенія и потому
скорѣе дополняющія другъ друга, чѣмъ исключаютъ. Полная
жизни и развитія, противоположность — безъ замкнутости,
безъ законченности, безъ фізіологической розни, не вызовъ
на вражду и бой, не условіе на безучастную поторопность,
а на трудъ для снятія чѣмъ нибудь болѣе широкимъ
формальнаго противурѣчія, хотя бы взаимнымъ пониманіемъ
и признаціемъ.

Самую рѣзкую и типическую противоположность въ Европѣ
представляютъ два народа, наиболѣе связанныя другъ съ
другомъ былымъ и настоящимъ, географіей и торговлей,
интересами и образованіемъ. Противуположное возрѣвіе
Англіи и Франціи, отвердѣвшее въ своей исключительной
непереходимости, перешло въ видовой habitus, въ особен-
ность сложившуюся, окостенѣвшую, и отъ которой отдѣлаться
очень трудно. Тутъ дошли до дна, задачи разрѣшены, шаткаго
мало, сомнительнаго мало, обѣ стороны стоятъ слишкомъ близ-
ко и слишкомъ довольны собой, чтобы уступить что нибудь.
Сѣверная Америка и Россія не рѣшили задачи, а разрѣшаютъ
ее на разныхъ основаніяхъ, ни та ни другая не достигли до
беззапелляціонныхъ рѣшеній. Постановленіе задачи взято
ими изъ тѣхъ же источниковъ, изъ той же западной школы,
но матеріалъ для разрѣшенія явился подъ руками совсѣмъ
другой. Школа для нихъ не обязательна, послѣдственныхъ
долговъ на нихъ нѣтъ. Съ прошедшимъ ихъ не связываетъ ни
родовая честь, ни дворянскій point d'honneur, они могутъ
отказаться отъ него не безслава отцовскаго имени, его никто
не знаетъ. У нихъ нѣтъ маіоратовъ полученныхъ на рядѣ
условій—въ Америкѣ все благопріобрѣтенное, въ Россіи одни
засѣянные поля. Тамъ гдѣ Европа останавливается, споты-
кается, оттуда идутъ новые народы; то что въ Европѣ считается
невозможнымъ, нелѣпнымъ, гибельнымъ, тамъ очью совер-
шается и вотъ почему для меня гораздо интереснѣе все что
творится въ Америкѣ и въ Россіи, чѣмъ все что дѣлается въ
Европѣ, отъ Стокгольма до Лисабона.

Можно-ли въ самомъ дѣлѣ страстно принять къ сердцу
вопросы теперь находящіеся въ западной работѣ, разрѣша-
емые кровью и превіями, арміями и камерами? Гольштейнъ
и Данія, Пруссія и Австрія, Наполеонъ и Наполеонъ; тутъ
Тьеръ защищаетъ папу, тамъ Викторъ Эмануилъ возвращается
какъ библейскій сынъ къ Римскому отцу и отецъ не прика-
зываетъ даже убить лучшаго барана для него; "Польша,
Польша! идемъ за Польшу!" и вдругъ Польша забыта,
предана на пропятіе, даже безъ замѣны Варавой. Все это
носитъ тотъ характеръ случайности или виѣшней необходи-
мости, который бываетъ въ ежедневныхъ встрѣчахъ, нельзя
же чтобы чего нибудь да не случилось—сегодня одно, завтра
другое, а можетъ и третье. Научное движеніе, чужое окружа-
ющему, какъ быстрая рѣка, несется своей дорогой, орошая
берега, обогащая ихъ и не останавливаясь на нихъ.

Была минута въ началѣ нынѣшняго года, сердце
дрогнуло, но и она прошла и затерлась въ общей тинѣ—
церковь и государство показали другъ другу свои старые
зубы. Помните Байроновское преставленіе свѣта*. Среди
общей гибели и мрака тихо поднимаются два исхудалыхъ
умирающихъ старика, послѣднія живыя существа гибнущаго
міра и два заклятыхъ врага. Они узнали другъ друга,
ихъ черты искаженыя наступающей смертью, исказились
злостью, они задержали кончину и вперили другъ въ друга
стеклянный взглядъ, въ которомъ агонія смѣшалась съ ненави-
стью. Мы видѣли эти двѣ головы и видѣли этотъ взглядъ;
церковь и государство приподняли голову надъ старческимъ
бредомъ энциклики и поняли еще яснѣе не только какъ они
другъ друга ненавидятъ, но и какъ они другъ другу необ-
ходимы. Убѣдившись въ этомъ, счастливыѣ байроновскихъ
героевъ, они остались живы, и, побранившись, успокоились.

Америка и Россія натолкнулись на вопросы, поставленные
въ родѣ сфинксовъ на всѣхъ выходахъ и бастіонахъ старой
западной фортеціи, и они ихъ обойти не могутъ и не
хотятъ. Сецессія и федерализація, индивидуализмъ и кому-
низмъ, обезпеченіе земель и обезпеченіе правами, товари-
щество работниковъ и сельская община, круговая порука и
личная независимость, раздѣлъ заработка и общинное владѣніе
землей. Все это въ Европѣ сдано въ архивъ, за неимѣніемъ

* The Darknesa.

средствъ къ разрѣшенію и все это на первомъ планѣ въ Америкѣ и Россіи. Президентъ громко говорящій: “не-вы для насъ, для государства, а мы, правительство, а государство для васъ” и мужикъ повторяющій съ неизблемою вѣрой: “что земля его, что онъ не можетъ быть безъ земляного надѣла”, ставятъ цѣлую программу будущаго.

Къ ея-то осуществленію Америка и Россія идутъ противуположными путями.

Америка родилась изъ готовой головы и въ полномъ вооруженіи. Новая колонія, она глубоко пустила старые англосаксонскіе корни въ непочатую почву. *Новая принципа* она съ собой не принесла, но принесла крѣпко закаленный и очищенный старый, это былъ выселокъ меньшинства, наибольшее развитое въ извѣстномъ смыслѣ и притомъ меньшинства недовольныхъ старыми порядками. Протестантизмъ, пуританизмъ имѣли въ себѣ сильно-революціонную заправку, они *протестовали* противъ одной части европейскихъ традицій и ее не взяли съ собой за океанъ, они *очистились* отъ нея. Религіозная экзальтація нисколько не мѣшаетъ революціонной, школа Руссо и вся суровая часть горы съ Робеспьеромъ и Сен-Жюстомъ слишкомъ *рѣзко* доказали это. Привезенная колонистами цивилизація, явилась въ Америкѣ при совершенно новыхъ условіяхъ развитія и въ совершенно новой средѣ. Непочатая природа, дремучіе лѣса и степи, не перерѣзанныя дорогами, дикость почти необитаемаго края, исчезающія племена другой формаціи—встрѣтились лицомъ къ лицу съ послѣднимъ результатомъ образованія съ наукой, съ развитой гражданственностью. Иди американцы на сѣверѣ со всѣмъ вѣковымъ баластомъ, во всѣхъ рыцарскихъ доспѣхахъ, какъ испанцы на югѣ—они не далеко бы ушли. Сѣверные колонисты, переходя въ новую среду, оставляли свою рыбью оболочку за собой, какъ головастики; отдѣлвшись отъ нея, имъ было легче работать и легче принять въ кровь и плоть гражданское ученіе, озарявшее вершины философской Европы. Они начали свою самобытную жизнь съ провозглашенія *правъ человека*.

Россія тоже колонія, но колонія иныхъ вѣковъ и иныхъ условій, стекая въ незапамятные времена съ востока, славянское племя ничего не могло принести съ собой кромѣ себя. Россія, обживая почву, вросая въ нее, изъ нея выросла и росла, инстинктивно распространяясь въ далеко разбросанное и далеко вѣтвившееся сельское государство. Всю европейскую исторію она оставалась въ сторонѣ, въ тѣни. Объ ея медленномъ, задержанномъ и потомъ переломленномъ развитіи говорили у насъ и говорятъ много, но мало обращаютъ вниманія на то, *что ей не было слѣда развиваться быстрее и въ другое время*. Тутъ не фатализмъ, а историческая физиологія. Сначала Русь тихо осѣдала, обживалась, потомъ обособилась отъ чужаго, собралась, стянула свои части, и стала складываться въ земство. Смутное государство было нелѣпо, оно какъ то сбивалось на допотопныя формы зоологическаго творчества, на тѣхъ неповоротливыхъ животныхъ, которые въ самыхъ формахъ своихъ, колоссальныхъ и неуклюжихъ, носили доказательство незрѣлости. Нелѣпое царствіе не выдержало и превратилось въ нелѣпую имперію, въ военную тиранію съ западными формами и приемами, и безъ западнаго содержанія и смысла. Вся жизнь искусственно вызванная и поднятая, притекла на верхъ. Внизу былъ застой и продолженіе до-государственного быта. На верху дѣлались всевоз-

можные опыты переложеній и сочетаній всѣхъ европейскихъ государственныхъ учреждений, непротѣвурѣчающихъ самодержавію. Ничего не пришло въ самомъ дѣлѣ, а все приняло уродливый, безобразный очертаніе. Западное устройство явнымъ образомъ не соотвѣтствовало “анатическому, забитому, неспособному” народу русскому; онъ чувствовалъ себя въ немъ какъ въ чужомъ кафтанѣ и въ этомъ одно изъ *величайшихъ достоинствъ его*. Посмотрите на примѣръ, какъ Франція дома въ централизациі, въ военницѣ, въ полиціи, какъ она во всемъ любитъ *rouvoir fort*, во всемъ ищетъ опеку, вчера были камеры, сегодня имперія, завтра будетъ республика, это ничего не измѣнитъ. Гражданскій сельскій сторожъ также жандармъ и также комиссаръ полиціи *сop amogé*—теперь, какъ Косидьеровскій монтаньяръ въ 1848 и муниципаль при Людвигѣ Филиппѣ. Франція нашла учрежденія и государственныя формы ей соотвѣтствующія. Но Франція, еще по старой привычкѣ наружно недовольна и выдумываетъ перемѣны въ родѣ нашихъ русскихъ перемѣнъ мундировъ, выпушекъ, петличекъ. Англія и этой привычки не имѣетъ, она была бы готова свинтить покрѣпче всѣ государственныя гапки, чтобъ во вѣки вѣковъ жить какъ теперь.

Даже протестъ “неприглашенныхъ” на пиръ, нищихъ труда, скитальцевъ работы, бездомныхъ бродягъ полей и городовъ, въ своихъ стремленіяхъ вѣренъ началамъ соотвѣтствующимъ характеру двухъ народностей, упокоившихся въ своихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Тихо, тяжело осматриваясь—выступаетъ изъ тѣсныхъ береговъ своей жизни англійскій пролетарій, онъ идетъ путемъ законности, скрѣпляя каждый шагъ и не выходя изъ нормъ англосаксонскаго быта. Утопіи французскаго работника постоянно склоняются къ казенной организаціи работъ, къ казарменному коммунизму, къ 18 Брюмера или 2 Декабря социализма. И то и другое составляетъ особую прочность старыхъ государствъ. Путемъ строгой и робкой законности также трудно уйти далеко, какъ увлечь перспективой галернаго устройства работъ. Дальній ревъ голода и стонъ бѣдности, хотя и приближается и мукаетъ, но при такихъ обстоятельствахъ “вирующее” государство можетъ спокойно допировать. Стоить больше непріятель для перваго, чѣмъ опасенъ. “Красный призракъ” долго не превратится въ *красную дѣйствительность*.

Мы ничего не бережемъ изъ существующаго, у насъ консерватизмъ дальше и выше деревни не идетъ. Село хранить быть свой, чужа въ немъ зародышъ будущаго... За селомъ никто ни къ чему не привязанъ, и всякій, если не понимаетъ, то чувствуетъ, что все остальное временной балаганъ, который снаружи окрасили подъ старое, прочное зданіе. Когда Мишле въ своей легендѣ о Костюшкѣ, говорилъ, “что у насъ, русскихъ, нѣтъ слѣда нравственныхъ понятій, что *истинное и справедливое* для насъ не имѣетъ смысла”, я спросилъ его о *какой истинѣ* и о *какой справедливости* идетъ рѣчь, напоминая, что истинное и справедливое старой Европы—ложь и несправедливость для новой. За тѣмъ я замѣтилъ ему, что это не все, что нравственность русскаго народа вовсе не сложилась, не вышла изъ тѣснаго круга обычая, патриархальности и хранимыхъ преданій; что царскій судъ и царская расправа, что переведенныя съ нѣмецкаго и французскаго понятія обязанностей для него не обязательны, просто оттого, что онъ не его да и не общечеловѣческія. Что нравственность русскаго народа можетъ только сложиться на

тѣхъ основаніяхъ, которыя составляютъ его религіозно-общественную особность, и которыя для этого должны быть приняты за первоначальный фактъ, отъ котораго идуть, но на который не возвращаются не дойдя до предѣла.

Эта особность заключается въ вѣрованіи русскаго человека, что русская земля принадлежитъ русскому народу, что русскій человекъ не можетъ быть въ Россіи безъ поземельнаго надѣла. Это основное, натуральное, прирожденное признание права на землю ставитъ народъ русскій на совершенно другую погу, чѣмъ та, на которой стоятъ всѣ народы Запада. Положимъ, что тутъ есть своя односторонность, но односторонность-то именно и выражаетъ характеръ и потому самобытное развитіе только и будетъ съ нимъ. Право на землю предполагаетъ иную нравственность, другія общественныя отношенія, не развившіяся, но и не замѣнимыя чужими, идущими изъ гражданскаго устройства отрицающаго всякое право на землю, кромѣ купли и наслѣдства. Въ основу нашему законодательству непременно лягутъ элементы нашего бытоваго, непосредственнаго социализма. Общинное начало на пр., круговая порука пойдутъ у насъ впередъ передъ самодержавіемъ собственности во всей его западной неумолимости*. Задача нашего законодательства будетъ состоять въ соглашеніи правъ личной независимости съ сохраненіемъ общиннаго устройства.

Шаткость моральныхъ понятій навязанныхъ намъ извнѣ, доказываетъ ясно, что это не наши понятія. Мы имъ покорились пойманные въ капканъ, обманутые, и нарушаемъ ихъ безъ угрызенія совѣсти. Заставить какого нибудь самоѣда или лопаря дѣлать на трескучемъ морозѣ муміи изъ всѣхъ умершихъ звѣрей—можно, особенно увѣривъ его, что этого требуетъ вѣчная нравственность и спасеніе души. Но отвернитесь отъ него, дайте страху пройти и лопарь съ покойной совѣстью, безраскаянно оставитъ мерзнуть моржей и тюленей и ни солнечный зной, ни разливъ Нила, ни миазмы труповъ ему не напомнятъ грѣха. Англичанинъ смиряется передъ неаппетитомъ одной части своихъ законовъ, потому что онъ въ другой видитъ защиту своихъ правъ и главное своей собственности, которая у него такой же догматъ irréductible, какъ наше право на землю. Французъ считаетъ законъ обязательнымъ (всѣ будничные дни, кромѣ праздниковъ, т. е. дней революціонныхъ), повинуются имъ изъ point d'honneur'a, изъ религіи дисциплины, изъ уваженія къ будто бы имъ установленнымъ властямъ. Оттого тотъ и другой чувствуютъ себя внутренне оскорбленными судебнымъ приговоромъ, а русскій чувствуетъ одинъ матеріальный вредъ наказанія—также мало думая, что онъ нравственно уничтоженъ имъ какъ человекъ сломившій себѣ ногу или схватившій горячку.

Французскій и англійскій радикалъ считаетъ свои законы усовершенствованными, но въ тоже время очень совершенными. Вотъ отчего революціонные люди въ Европѣ съ бѣшенствомъ нападаютъ на людей осмѣливающихъ касаться не до частныхъ недостатковъ, а до религіозныхъ, юридическихъ или экономическихъ основаній. У насъ святость этихъ святынь

* Никогда русскій умъ безъ повиза не пойметъ, что справедливо человека больше наказывать за краденый платокъ, чѣмъ за побой женщины; никогда не пойметъ, что можно быть честнымъ отцомъ и вести въ судъ дѣвочку или мальчишку, дочь или сына лѣтъ однадцати, двѣнадцати за кражу нѣсколькихъ копѣекъ—а въ Англіи это дѣлается всякій день, и всѣ находятъ, что это въ порядкѣ вещей.

подозрительна. Человекъ привыкнутаго съ малыхъ лѣтъ къ тому, что мужикъ есть собственность, не удивишь сказавъ ему, что собственность есть кража.

Все это не ново и было высказываемо много разъ нами и не нами, но въ общее сознаніе не перешло. Большимъ не меньше дѣтей нужно протверживать зады. Забывая ихъ, мы теряемъ ключъ къ пониманію того что дѣлается и случайно блуждаемъ, прикидывая то футъ, то метръ къ явленіямъ, къ которымъ прилагается другая мѣра. Безъ своей единицы, глядя на сумбуръ реформъ, прогрессовъ, регрессовъ, казней, учреждений, приговоровъ, проектовъ, патріотическаго неистовства, конституціонныхъ слабостей — можно придти въ отчаяніе, сойти съ ума.

Россіи мы съ пути не собьемъ нашимъ непониманьемъ; ее ни татары, ни нѣмцы, ни самъ Петръ Алексѣевичъ не своротили съ дороги. Она уперлась на петербургскомъ трактѣ какъ лошадь съ норовомъ, стягай сколько душѣ угодно. Но намъ то стыдно теперь не понимать, когда европейскіе дальніе горизонты сливаются съ нашими близкими и европейская выстрадавшая наука ярко освѣщаетъ наши поля и наши проселки.

Сырой матеріалъ нашего быта оставался въ тѣни за дворянской грамотой, за массаи войскъ, за императорской порфирой, за либеральными идеями. Мы его не знали, и онъ въ самомъ дѣлѣ былъ непонятенъ, для разрѣшенія его формулы не доставало какого-то элемента, не доставало опредѣленія чего-то неизвѣстнаго. Его намъ указали социальныя теории. Мы представляемъ частный случай новаго экономического устройства, новой гражданственности, одно изъ ихъ приложеній.

Такъ какъ Сѣверная Америка начала съ послѣдняго слова революціонной философіи, съ алгебры правъ человека, такъ мы начнемъ съ приложенія социальныхъ ученій къ бытовой практикѣ нашей.

Исторія развитія мысли человѣческой и сознанія дошла спускаясь съ вершинъ государственныхъ сферъ, конституціонныхъ хартій, правительственныхъ формъ, до вопросовъ о насущномъ хлѣбѣ и хозяйствѣ, о работѣ и выработанномъ, о голодѣ и капиталѣ, о грамотѣ и правѣ... Вопросы мало разрѣшились, но поставлены они ясно наукой и ихъ то свѣтъ падая на наши низменные поля, говоритъ будто съ Кольцовымъ :

Что ты спишь мужичекъ.

Вѣдь весна на дворѣ.

Наше дѣло на череду. Наши десять заповѣдей, нашъ гражданскій катехизисъ—въ социализмъ.

—“Да неужели социализмъ, этотъ незрѣлый плодъ тридцатыхъ годовъ, выкинутый самой Франціей, еще существуетъ?”

Еслибъ онъ и въ самомъ дѣлѣ умеръ и былъ схороненъ въ Европѣ, то и тогда это мало бы имѣло вліянія на насъ. Наслѣдство свое онъ передалъ намъ при жизни — но сверхъ того я сильно сомнѣваюсь въ его смерти. Онъ, какъ евангельская дѣвица, не умеръ, а спитъ.

Женева, 25 Мая 1865.

И—ръ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ГРУЗИИ*.

(Окончаніе).

Измѣнилось-ли съ этихъ поръ взаимное положеніе русскаго правительства, грузинскаго народа и грузинскихъ такъ называемыхъ партій? Ни на капелку, если не считать того обстоятельства, что для правительства миновалась опасность вѣшной войны, и что грузинскій народъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникается идеею о своей національной независимости. Мы ни мало не ошибемся если скажемъ, что въ настоящее время у русскаго правительства въ Грузіи рѣшительно нѣтъ друзей и благопріятелей, кромѣ небольшого числа клевретовъ великокняжескаго двора и крупныхъ чиновниковъ; и извѣстно, что эта часть публики не слишкомъ-то постоянна въ своихъ мнѣніяхъ; рожденная въ подлости и воспитанная на подкупѣ, она вѣчно останется подлою въ отношеніи къ народу и правительству и подкупною въ пользу всѣхъ тѣхъ, кому будетъ благопріятствовать судьба. Если къ людямъ этой категоріи прибавить небольшое число крупныхъ землевладѣльцевъ, въ интересахъ которыхъ составлены новыя “законоположенія”, то мы будемъ имѣть почти что полный списокъ друзей русскаго правительства. Все остальное, все то что живетъ и мыслитъ, ударяются въ націонализмъ, о которомъ здѣсь необходимо бы сказать пару словъ.

Мы не станемъ углубляться въ довольно интересный для русскаго правительства, какъ и для насъ самихъ, какъ наконецъ и для Грузіи, вопросъ о развитіи національныхъ стремленій въ Грузіи; наше положеніе служить лучшею отговоркою отъ этого уясненія, отъ котораго одинъ шагъ до инсинуація. Но чего мы не можемъ не высказать въ этомъ мѣстѣ—это нашу скорбь объ усилѣхъ этихъ стремленій; мы не хотимъ знать сильно-ли развитъ націонализмъ въ грузинскомъ народѣ, мы высказываемъ только, что развитіе этой идеи кажется намъ способнымъ нанести довольно и даже весьма сильныя удары матеріальному и умственному развитію грузинскаго народа. Не говоря уже о томъ, что излишнее преувеличеніе національныхъ стремленій можетъ завести Грузію въ ту бойню, гдѣ недавно содрали кожу съ Польши и гдѣ высосали всю кровь Чернесовъ, намъ кажется не подверженнымъ никакому сомнѣнію, что даже въ случаѣ удачи, на примѣръ въ случаѣ повторенія мингрельской исторіи и пріобрѣтенія покровительства Франціи-ли или Англіи (что для насъ рѣшительно одно и тоже) Грузія положительно проиграетъ на довольно долгое время всѣ свои шапсы на удачное разрѣшеніе волнующаго ее вопроса о правильномъ и разумномъ общественномъ устройствѣ. Даже еслибы европейскія государства, въ случаѣ удачи, возвысили Грузію на степень ихъ собственныхъ и притомъ внутреннихъ провинцій, и тогда Грузія осталась бы съ носомъ и выиграла бы только въ политическомъ устройствѣ. Но допустить этого предположенія положительно невозможно: тысячи примѣровъ убѣждаютъ насъ, что европейскія государства принялись бы тотъ часъ же цивилизовать Грузію на манеръ Алжиріи или же эксплуатировать ее на манеръ Индо-Китая. Это было бы въ случаѣ счастливаго исхода національныхъ стремленій—куда же ведетъ несчастный исходъ и сколько шансовъ за и противъ послѣдняго—извѣстно всякому... Наше мнѣніе о превос-

* “Законоположенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ тифлисской губерніи”, (на русскомъ и грузинскомъ языкахъ). С.-Петербургъ. 1864 г. Въ Тип. импер. Академіи наукъ.

ходствъ русскаго владычества надъ европейскимъ можетъ показаться грузинскимъ читателямъ *Колокола* не столько еретическимъ сколько пелѣнымъ. Чтобы вывести ихъ изъ недоразумѣнія, мы скажемъ нѣсколько словъ въ подтвержденіе основательности нашего заключенія.

Мы религіозно убѣждены, что единственная форма общественнаго и государственнаго устройства, могущая принести дѣйствительную пользу Грузіи есть общипное распределеніе поземельной и всякой другой собственности и общипная же организація какъ народнаго труда такъ и государственнаго управленія. Эти учрежденія потомъ, именно принесутъ пользу Грузіи, что онѣ болѣе чѣмъ какія нибудь другія, мало того, единственно онѣ, способствуютъ по возможности полнѣйшему развитію народнаго благосостоянія, чѣмъ въ свою очередь способствуютъ развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ и способностей народа. Во всемъ этомъ мы не сомнѣваемся ни на капелку, стало бытъ глубоко увѣренные въ громадную пользу подобнаго государственнаго устройства, мы должны стараться о возможно скорѣйшемъ примѣненіи его къ Грузіи, и размышлять о томъ, при какихъ обстоятельствахъ скорѣе достигнемъ нашъ идеалъ, при европейскомъ-ли покровительствѣ или при русскомъ владычествѣ?

Идеалъ лучшаго государственнаго и общественнаго устройства, по нашему мнѣнію, скорѣе всего и раньше всѣхъ достигнемъ для Россіи, потому, что основной принципъ этого устройства, общипность, сохранился въ русскомъ народѣ въ возможной полнотѣ. Не то чтобы русская община принималась нами за идеалъ, но она въ тысячу разъ ближе къ нашему понятію объ общественномъ устройствѣ, чѣмъ всевозможныя принципы индивидуализма, царящіе въ западной Европѣ. Тутъ опять таки надобно оговориться: мы не думаемъ, чтобы западная Европа, такъ таки заколебавъ въ своей жизни и что она неспособна къ лучшему устройству безъ поваго элемента, славянскаго или какого-бы то ни было иного; въ этомъ отношеніи, да извинять намъ многоуважаемые издатели “Колокола”, мы не вполне раздѣляемъ ихъ отчаянія при видѣ современной европейской безурядицы; въ противность имъ, мы увѣрены, что Европа все таки возьметъ свое и доберется таки до идеала, теоретически хоти не вполне, выработаннаго ея мыслителями. Но работа Европы чрезвычайно трудна, а главное, ей суждено маяться еще долго, тогда, какъ Россія, по нашему убѣжденію, какъ и по мнѣнію гг. издателей “Колокола”, если не вполне освобождена отъ трудности работы, то за то ей эта работа дастся несравненно легче и приведетъ къ желанной цѣли гораздо раньше, чѣмъ современное европейское движеніе. По этимъ соображеніямъ мы находимъ, что связавъ свою судьбу, съ судьбою даже современной Россіи, Грузія скорѣе доберется до возможно лучшаго устройства своего положенія, чѣмъ находясь въ союзѣ или подъ покровительствомъ (мы не говоримъ уже о владычествѣ), какой бы то ни было европейской націи, не говоря уже о Турціи или о Персіи, о которыхъ не думаетъ ни одинъ здравомыслящій человекъ въ Грузіи.

Другое дѣло если бы основной принципъ русскаго народнаго устройства, общипна, существовалъ въ грузинскомъ народѣ; тогда усовершенствованіе политической организаціи, хотя-бы даже на европейскій манеръ, не только не затормозило-бы развитія грузинской народной жизни, но напротивъ, того, содѣйствовало-бы ей какъ нельзя лучше. При совер-

пенномъ-же отсутствіи общинныхъ принциповъ, европейская "свобода" способна только развить въ чудовишныхъ размѣрахъ буржуазныя наклонности известной части народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ создать пролетаріатъ, чего не можетъ случиться подъ русскимъ владычествомъ, если только грузины захотятъ хоть на капельку подумать о самихъ себѣ и воспользоваться примѣрами русскихъ поселеній.

Вотъ почему мы думаемъ, что національныя стремленія Грузинъ не худо было бы отложить въ сторону, и въ ожиданіи преобразованія самой Россіи, заняться познаниемъ грузинскаго народа съ основными принципами, какъ русскаго общиннаго землевладѣнія, такъ и всего вообще социальнаго устройства.

Если отъ этого обзора взаимнаго положенія Грузинъ и Россіи, перенестись къ поведенію русскаго правительства въ отношеніи къ грузинскому народу, то тутъ поневолѣ вспомнятся слѣдующія слова "Колокола": "если-бы правительство поняло эту живую струну и живую связь, оно осталось-бы въ главѣ движенія; но оно не пойметъ, потому, что оно бездарно". И дѣйствительно, правительство рѣшительно не поняло ни своего положенія, ни своихъ интересовъ; увлеченное однимъ желаніемъ, согнуть крестьянство въ бараний рогъ, или-же, въ случаѣ невозможности, обдуть его хорошенько, оно постаралось облагодѣтельствовать дворянство, которое ни за какія блага не хотѣло и слышать, не только объ освобожденіи крестьянъ, но даже объ измѣненіи ихъ положенія. Движеніе дворянства и его непріязненныя манифестаціи, на ряду съ первыми манифестаціями крестьянства носившими до 1861 г. характеръ наиболее благопріятный для русскаго правительства, представляли правительству удобный поводъ разрыва съ дворянствомъ и союзъ съ крестьянствомъ. Но правительство видѣло въ крестьянскомъ движеніи слѣды "лондонской (отнынѣ женевской) агитаціи", а въ крестьянскихъ выборахъ никого иного, какъ буйныхъ дисциплиновъ Мацини или Искандера; въ душѣмъ-же дворянствѣ оно видѣло только либерализмъ взятый изъ "Будущности": пусть молъ дворянство дуетъ денекъ другой—известное дѣло мылые бранятся—только тѣшатся, пройдетъ туча и мы снова обвинимся всенародно, на радость и веселіе нашихъ друзей, на смерть и скрежетъ зубовъ нашихъ враговъ.

Такъ резонировало наше правительство, такую дорогу оно и выбрало. Чтожъ, въ добрый путь! А на счетъ того, на чье веселіе вы возобновили и запечатали крестьянской кровью нашъ союзъ съ дворянствомъ, не по глѣвъ вамъ будь сказано, позвольте намъ сомнѣваться, мы думаемъ, что если бы у вашихъ друзей было хоть на капельку пропитательности, они первые должны были бы сокрушиться и скрежетать зубами о вашемъ заблужденіи... Въ чемъ-же состоялъ союзъ съ дворянствомъ?

А въ томъ, что русское правительство дало намъ полнѣйшее право хоть и не *возможность*, повторить слова "Колокола": "*Народъ царемъ обманутъ*".

Какъ-же онъ обманутъ, мы увидимъ сейчасъ.

Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что новыя "законоположенія", начинающіяся веледѣйственнымъ объявленіемъ, что "крѣпостное право на крестьянъ... отменяется навсегда", направлены ни къ чему иному, какъ къ вѣковѣчному узаконенію и закрѣпленію настоящаго "*statu quo*", во всѣхъ его существеннѣйшихъ основаніяхъ.

Такъ, какъ положительно невозможно было сохранить дальше самое *крѣпостное право*, то правительство, слѣдуя совѣту знаменитаго въ исторіи русскаго мракобѣсія магистра Н. Безобразова, закончило крестьянский вопросъ въ Грузинъ переименованіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ крестьянъ поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, чего оно не осмѣлилось сдѣлать даже въ Россіи. Этимъ закончилась реформа.

Что-же касается до земли, которая *нужна народу*, (она отдана или остается во владѣніи помѣщика, *не обявляя* даже согласиться на выкупъ, потому, что статья 9-ая "дополнительныхъ положеній", составляющая квинтесенцію новыхъ "законоположеній", гласитъ слѣдующее: "пріобрѣтеніе крестьянами въ собственность предоставленнаго въ постоянное ихъ пользованіе земельного надѣла, какъ въ полномъ его составѣ, какъ то: усадебной остьдлости, садовъ и полевыхъ земель и другихъ угодій, такъ и въ отдѣльности каждой изъ сѣ частей надѣла, допускается не иначе, какъ *съ согласіемъ помѣщика*". (Курсивъ въ подлинникѣ) слѣдующее за этою статьею постановленіе не много видоизмѣняетъ положеніе: "когда изъ помѣщичьяго селенія будетъ образованъ, установленнымъ для сего порядкомъ посадъ или мѣстечко, то крестьяне, какъ отдѣльными дымками, такъ и цѣлымъ обществомъ могутъ, и безъ согласія помѣщика, выкупить, на основаніи положеній 19 Февраля 1861 года о выкупѣ, свою усадебную остьдлость, съ сохраненіемъ права на выгонъ, согласно правилу, постановленному относительно выгоновъ и мѣстъ для настьбы, въ примѣчаніи къ ст. 12; настоящихъ дополнительныхъ правилъ", (ст. 10). Эта статья положительно лучшая между цѣлою ордой статей и уложеній, направленныхъ противъ крестьянства; но не слѣдуетъ забывать и того, что въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о выкупѣ только усадебной *остьдлости*, а не пахатной или сѣнокосной земли или садовъ. Что же касается до земли, то статья 6 ая "мѣстныхъ положеній", способна вывести изъ заблужденія отчаяннѣйшаго оптимиста: "если-бы, за оставленіемъ въ пользованіи крестьянъ, пахатныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ, (не забудьте, *за установленную плату или повинность*), осталось у помѣщика менѣе половины общаго количества пахатныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ, принадлежащихъ ему въ томъ селеніи, гдѣ водворены крестьяне, то помѣщикъ имѣетъ право удержать въ своемъ непосредственномъ распоряженіи *половину* общей совокупности таковыхъ земель, то есть, пахатныхъ и сѣнокосныхъ". Что же остается дѣлать крестьянину? выкупить пахатную землю онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ, а хлѣбъ вѣдь нуженъ, да кромѣ того, надобно отбывать повинности правительству. Но печительное правительство узаконило, что крестьяне *имѣютъ право* входить въ соглашеніе съ помѣщиками о наймѣ пахатной земли. По чему-же, оставивъ вопросъ о жизни или смерти крестьянъ на "добровольное соглашеніе" дворянства съ крестьянствомъ, правительство не хочетъ отдать на то-же соглашеніе количество или цѣнность повинностей за наемъ земли? а потому, что ниже слѣдующія узаконенія гораздо выгоднѣе для дворянства, чѣмъ даже "добровольное соглашеніе". Изъ этого разсужденія вышли слѣдующія статьи, достойныя занимать почтеннѣйшее мѣсто въ законодательствѣ Дракона:

Статья 148 "мѣстныхъ положеній: за полевую пахатную землю, крестьяне взносятъ повинность подъ названіемъ *шала*,

которая опредѣляется *въ одну четвертую часть*, съ урожая *всѣхъ земныхъ произведеній*". И дальше, статья 149: "за землю подъ сѣнокосами, крестьяне вносятъ повинность *въ одну третью часть* съ укоса".

До сихъ поръ, то есть, до такъ называемаго уничтоженія крѣпостнаго права, всѣ повинности крестьянъ въ отношеніи къ помѣщикамъ, ограничивались: 1) платежемъ деньгами, одного или двухъ рублей, смотря по мѣстности; 2) данью однимъ *сапане* вина, столько же хлѣба, по самой большой мѣрѣ; въ большинствѣ же случаевъ вносилось или то, или другое, и скотомъ, обыкновенно свиньею и десяткомъ куръ; и 3) барщиной — двумя, рѣдко тремя днями на недѣлѣ. Новое крѣпостное право, уничтожаетъ только дань скотомъ, въ замѣнъ того, оно опредѣляетъ въ пользу помѣщиковъ: 1) четверть земныхъ произведеній и треть покоса, что несравненно выгоднѣе для помѣщиковъ; 2) подать въ 3 рубля, на каждую полдесятину, отведенную подъ усадьбу; 3) не причисляется къ повинностямъ за крестьянскій надѣлъ: а) плата или вообще повинности за топливо и лѣсные матеріалы въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ на основаніи ст. 32 и 33 сего "положенія", крестьяне будутъ получать топливо и лѣсные матеріалы отъ помѣщика; б) плата и вообще всякія повинности съ мельницъ, принадлежащихъ крестьянамъ, а также съ рыбныхъ ловель и другихъ оброчныхъ статей и пр. и пр... (ст. 138 мѣс. пол.); 4) подать виномъ, увеличенная по крайней мѣрѣ вдвое или втрое противъ прежняго количества: "за виноградные сады крестьяне вносятъ виномъ повинность подъ названіемъ *кулухи*, которая опредѣляется *въ одну четвертую часть* съ урожая", (ст. 146 мѣс. пол.). Да еще ко всему этому слѣдуетъ добавить 147 статью: "повинность за фруктовые и тутовые сады или фруктовые и тутовые деревья въ виноградныхъ садахъ, равно за орѣховыя деревья посреди крестьянскихъ пашень и сѣнокосовъ, опредѣляется по взаимному соглашенію помѣщика съ крестьяниномъ; если соглашенія не послѣдуетъ, то мировымъ посредникомъ".

Вотъ вамъ и поземельное устройство новаго крѣпостнаго права. Стало быть, въ этомъ отношеніи правительство если и улучшило чей нибудь бытъ, то никакъ не крестьянъ, а скорѣе дворянъ...

Кромѣ земли, народу нуженъ лѣсъ для построекъ и для топлива: статьи 30 и 31 "мѣстныхъ положеній", провозглашаютъ: *ст. 30.* Помѣщики не обязаны отпускать крестьянамъ лѣсъ для построекъ; *ст. 31.* Помѣщики не обязаны такъ же отпускать крестьянамъ топливо, безвозмездно.

А если вы думаете, что только одни дворяне имѣютъ всѣ права, такъ мы выпишемъ вамъ одно изъ главнѣйшихъ правъ крестьянства; вотъ оно: *5-ой параграфъ статьи 32-ой*: "(Отъ приѣма топлива, въ установленномъ мировымъ посредникомъ и губернскимъ присутствіемъ размѣръ и за установленную ими плату или повинность, крестьяне имѣютъ право... отказаться!!!" честное слово, все это отпечатано *en toutes lettres*. Плата за помѣщику наемъшкой, крестьянство должно было бы вырѣзать изъ дворянства какой нибудь чудовищный гербъ съ надписью "*mon droit*".

Что же еще нужно народу! Изъ четырехъ *началъ* древности — земли, огня, воды и воздуха, первые два отданы дворянству: посмотримъ теперь что стало съ двумя остальными: "отъ помѣщика зависитъ, взамѣнъ общаго, отвести крестьянамъ особый водопой, по добровольному соглашенію

съ ними, или, буде соглашенія не послѣдуетъ, съ разрѣшенія мирового посредника, установленнымъ на то порядкомъ", (ст. 15 мѣс. пол.). "Особый водопой, взамѣнъ общаго, отводится крестьянамъ съ водою годною для употребленія, достаточно изобильною и, *по возможности* (это "по возможности" прелестно!) не далѣе того разстоянія отъ селенія, въ какомъ находился прежній", (ст. 16).

Остался въ *общемъ пользованіи* только одинъ воздухъ, но помѣщикамъ предоставляется право пересѣлять крестьянъ на новыя усадьбы. Вотъ это узаконеніе: "помѣщику предоставляется право требовать обязательнаго для крестьянъ перенесенія усадьбы, безъ согласія на то крестьянъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если крестьянское усадьбное строеніе находится ближе 50 саж., а овины, кузницы или другія, огнемъ дѣйствующія заведенія ближе 100 саж. отъ существующихъ помѣщичьихъ строеній (какихъ же это? ужъ не хлѣбовъ-ли на примѣръ), которыя возведены до обнародованія сего положенія; 2) если вѣтъ черты селенія или поселка, посреди господскихъ земель, находится отдѣльная крестьянская усадьба, къ которой не приурочено надѣла полевыми угодіями; 3) если, для разграниченія помѣщичьихъ полевыхъ угодій съ крестьянскими, встрѣтится необходимость въ перенесеніи нѣсколькихъ или всѣхъ усадьб селенія, (56-ая ст. мѣс. пол.).

И всѣ эти законоположенія отпечатаны, какъ нельзя яснѣе; типографскія чернила выдержали такъ и не покраснѣли, выводя на божій свѣтъ эти узаконенія грабежей и разбоевъ, подлоговъ и преступленій! а еще есть скептики не вѣрующіе въ чудеса!...

Въ новомъ устройствѣ крѣпостнаго права не знаешь чему и удивляться, дерзости ли правительства, до такой степени презирающаго здравый смыслъ народа, или ужъ не проходимою тупости его столповъ, или же и тому и другому разомъ?... Однакожъ вернемся къ "законоположеніямъ". Мы не станемъ разбирать подробно новыхъ "положеній" о грузинскихъ крестьянахъ, ни даже указывать въ чемъ они огличаются отъ "положеній" 19 Февраля 1861 г., эта задача далеко превзошла бы размѣры нашей статейки, а главное, она была бы довольно бесполезною для читателей "Колокола"; мы ограничимся только указаніемъ главнѣйшихъ чертъ новаго устройства крѣпостнаго права въ Грузіи.

Отнявъ землю у крестьянства и укрѣпивъ ее за дворянствомъ, правительство должно было по крайней мѣрѣ узаконить хоть что нибудь о выкупѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать крестьянамъ денежными ссудами, эта обязанность правительства выполнена имъ слѣдующимъ образомъ: прежде всего выкупъ земли вообще и всѣ условія его предоставляются, на чье бы вы думали разрѣшеніе? "*добровольнаго соглашенія*" помѣщиковъ съ крестьянами! Понимаете-ли вы это? крестьянинъ безъ земли, безъ куска хлѣба, безъ возможности найти какую бы то ни было работу, долженъ будетъ конечно согласиться на всѣ возможныя и невозможныя условія, предлагаемыя ему помѣщикомъ, чтобы только вывернуться отъ подачи четвертою и даже третьею частью всѣхъ произведеній его хозяйства; и такое положеніе называется у насъ "*добровольнымъ соглашеніемъ*!" это гораздо хуже чѣмъ пресловутая система "*laissez faire, laissez passer*", такъ какъ здѣсь правительство стоитъ за помѣщиковъ. Да здравствуетъ разумъ! за тѣмъ правительство вступаетъ въ дѣло и назначаетъ ссуды, сколько бы вы думали? Поговоримъ сперва о размѣрахъ надѣла:

“Устанавливается особый размѣръ *кореннаго полевого участка*, который составляет половину того количества земли, которое для каждаго рода сихъ полей признается 7-ю статьею за высшій размѣръ *подымнаго полевого надѣла*”, (ст. 35 “мѣст. по 1.”).

7-ая же статья опредѣляетъ : “высшій размѣръ *подымнаго полевого участка* устанавливается : для *поливныхъ* полей *десяти дневное паханье** на каждый дымъ; для *неполивныхъ* полей *двадцати-дневное паханье* на каждый дымъ. *Примѣчаніе* : *поливнымъ и не поливнымъ* поля опредѣляются по тому, какия изъ нихъ имѣютъ постоянное орошеніе посредствомъ напускной воды и какия не имѣютъ”. То есть размѣръ *кореннаго полевого надѣла* опредѣляется въ поливныхъ поляхъ 2½ дес., а въ неполивныхъ 5 дес.

Каковы-бы ни были цѣны выкупа, (а несомнѣнно, что при подобныхъ условіяхъ онѣ будутъ высоки), правительство *обобщаетъ* крестьянамъ въ ссуды : въ болышей части тифлисской губерніи “размѣръ выкупной ссуды на дымъ не можетъ превышать 350 р. с.”; въ погорныхъ же частяхъ горійскаго уѣзда и въ горскомъ округѣ, (гдѣ поливныя земли несравненно дороже) “размѣръ выкупной ссуды не можетъ превышать 250 руб. сер., на каждый дымъ”. Да позвольте спросить, что же это вы выкупите этими деньгами? лапти что-ли имѣть въ Грузіи изъ вашихъ ассигнацій. И когда это грузинскій крестьянинъ въ состояніи будетъ заплатить вамъ эти деньги?—и въ какіе сроки? Вы что то объ этомъ не говорите ничего, кромѣ : “выкупные платежи вносятся въ сроки установленныя по соглашенію намѣстника кавказскаго съ министромъ финансовъ”. Вотъ вамъ и выкупъ!

А если добровольнаго согласія не состоялось? спросать читателей.—Тогда пусть крестьяне перебираются на *особый воздухъ*. Выше мы видѣли въ какихъ условіяхъ онъ *можетъ* перенести свою усадьбу; на счетъ полевыхъ-же угодій крестьянинъ имѣетъ право или сохранить въ неприкосновенности теперешнее свое положеніе, съ платежомъ четвертой части своего дохода и прочихъ повинностей, да и то въ случаѣ согласія помѣщика, или входить въ соглашенія по выкупу, опять таки по доброй волѣ помѣщика, или же убраться куда ему вздумается, конечно если онъ вымолвитъ себѣ на то позволеніе помѣщика и паспортъ начальства,—какое-же позволеніе? А вотъ извольте видѣть : “Въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ со времени утвержденія сихъ правилъ, каждый крестьянинъ обязывается держать въ своемъ пользованіи, за установленныя въ пользу помѣщика повинности, отведенныя ему *усадебныя и полевые участки*, въ полномъ ихъ составѣ и можетъ отказаться отъ нихъ только съ согласія помѣщика”, (ст. 12 “правилъ о поземельномъ устройствѣ”). Тутъ ужъ слѣдуетъ нынѣ тостъ за здоровье свободы.

Спрашивается, гдѣ-же тутъ уничтоженіе крѣпостнаго состоянія? На словахъ то вы много чего можете поболтать, но въдѣ вашимъ словамъ наврядъ ли кто повѣритъ, а на дѣлѣ, гдѣ-же ваше *улучшеніе* крестьянскаго быта? Стоитъ только поразмыслить *канельку* надъ вашими “законоположеніями”, чтобы превознести до небесъ старое крѣпостное право, до такой степени ваши положенія улучшаютъ состояніе народа. Скажите на милость, есть-ли не только здравый, но и какой бы то ни было смыслъ въ вашей, такъ называемой реформѣ, когда помѣщикъ вводится во владѣніе всѣми землями кре-

* “Мѣстная поземельная мѣра—однодневное паханье, во всѣхъ расчетахъ по настоящему положенію, принимается въ полъ десятины казенный мѣръ, именно 1200 кв. саж.”, “примѣчаніе положеній”.

стьянства, когда крестьяне прикрѣпляются къ землѣ похуже прежняго (см. выше), наконецъ когда помѣщикъ можетъ отрѣзать безнаказанно половину крестьянской земли (см. тоже), когда крестьянинъ лишается земли, воды, топлива и чуть-ли даже не воздуха? Въ чемъ же состоитъ ваша реформа?

Въ уничтоженіи права помѣщиковъ пороть своихъ крестьянъ, замѣнять нѣкоторые.

Погодите, статья 14 “правилъ объ устройствѣ сельскихъ обществъ”, гласитъ слѣдующее : “помѣщику предоставляется, на основаніяхъ, опредѣленныхъ въ “общемъ положеніи” (ст. 149, 161 и 163), вотчинная полиція и попечительство въ отношеніи крестьянъ, водворенныхъ на его землѣ”. Это называется уничтоженіемъ крѣпостнаго права.

Послѣ этого короткаго обзора, чтеніе слѣдующей статьи “положеній” можно предпринять, какъ сильнѣйшее смѣховозбудительное средство противъ меланхоліи : “крѣпостное право на крестьянъ тифлисской губерніи, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ или водворенныхъ, на правахъ хизановъ, на землѣ другаго владѣльца или вѣдомства (казеннаго либо церковнаго) или живущихъ въ городахъ и мѣстечкахъ, отменяется навсегда”.

Сколько хохоту вызвали бы эти строки, если бы они не вызвали г. бѣгъ съ тѣмъ лучшую кровь народа!

Мы указали бѣгло на главнѣйшія черты новыхъ “законоположеній”, про остальное, не стоитъ и говорить, потому, что всѣ детали прекрасно соотвѣтствуютъ съ общимъ духомъ реформы. Но въ заключеніе мы не можемъ пройти молчаніемъ одной ошибки русскаго правительства.

Выше мы замѣтили, въ какихъ обстоятельствахъ принялось правительство за крестьянскую реформу въ Грузіи. Что правительство серьезно убѣждено въ возможности взволновать и возмутить народъ ни съ того ни съ сего, по указу какого нибудь агитаціоннаго комитета, это видно изъ знаменитыхъ воть князя Горчакова по польскому вопросу—стало быть въ этомъ отношеніи мы вовсе не клеветаемъ на русское правительство и не вводимъ на него неосновательныхъ подозрѣній. И такъ, будучи увѣрено въ лондонскомъ зачаткѣ крестьянскаго движенія, правительство выкинуло съ народомъ такую же штуку, какою оно очаровало петербургскихъ либераловъ въ родѣ г. Громеки et consortes. Но къ счастью, въ народѣ нѣтъ такой платонической любви къ реформамъ по внѣшности; мужицкая необтеганная натура лезетъ впередъ, и заглядываетъ съ немытымъ рыломъ внутрь, нѣтъ ли молъ тамъ чего нибудь гадкаго. Вы, съ вашими велерѣчивыми заклинаніями обольстите какихъ нибудь либеральствующихъ публицистовъ “Голоса” или “Отечественныхъ Записокъ”, а народу нужна земля, нужно обезпеченіе въ возможности жить трудомъ, нужна свобода труда и гарантія личной свободы и семейственной неприкосновенности отъ административнаго и всякаго иного произвола, нуженъ выборный судъ, да мало-ли чего ему нужно, и чего вы ему не дали, чего вы не хотите, и даже не способны дать?

Если-же вы не думали надуть народъ, и сдѣлали все это въ полной увѣренности встрѣтить недовольство народа, будучи готовымъ отразить это недовольство штыками и картечью, такъ зачѣмъ же было устривать всю эту комедію мнимаго освобожденія? Или вамъ ужъ слишкомъ хочется пропагандировать въ народѣ лондонскія доктрины свободы?

Чтожъ, господа, богъ вамъ на помощь!

Рю Нггн.

E. St. Germain, 10 Іюня 1865 г.

СМБСБ.

— П. СЕРНО СОЛОВЬЕВИЧЪ, П. ВЪТОШНИКОВЪ, И. ВЛАДИМІРОВЪ. осуждены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и поселенію въ Сибирь. Публичное объявленіе приговоровъ было—Серно-Соловьевичу 2/14 Іюня, Вѣтошникову 3/15, Владимірову 4/16. Къ чему эта постепенность, къ чему это продолженіе удовольствія во время траура?

Мы возвратимся къ приговору въ слѣдующемъ листѣ.

— *Что городъ то норовъ.* Въ газетѣ *Кавказъ* пишутъ, что 21 Апрѣля [3 Мая] исполненъ былъ въ Тифлисскомъ уѣздѣ обрядъ повѣшанія трехъ преступниковъ. “Его императорск. высочеству не угодно было, чтобы въ дни общей горести и скорби, испытываемыхъ всѣми по случаю кончины Цесаревича, лишены были жизни даже люди подвергшіеся за свои злодѣянія карѣ закона. Въ этомъ случаѣ свѣтлая и невинная душа скончавшагося Цесаревича предстательствовала предъ земнымъ правосудіемъ о помилованіи трехъ человѣкъ, ссужденныхъ на смерть. Помилованные преступники были главными руководителями шайки разбойниковъ въ 25 человѣкъ, производившихъ грабежи съ 1859 по 1862 годъ въ окрестностяхъ Мангиса и въ Ахалкалакскомъ участкѣ, причѣмъ совершенно ими нѣсколько убійствъ”.

Рядомъ съ этою новостью мы читаемъ въ русскихъ газетахъ что въ мѣстечкѣ Соколовѣ 11 Мая были повѣшены ксендъ *Бржоско* и *Вильчинскій*. Отчего же свѣтлая и невинная душа Цесаревича не предстательствовала и объ этихъ осужденныхъ? Неужели для царскаго дома, и послѣ смерти, разбойники ближе къ душѣ, чѣмъ повстанцы?

— *Графиня Строгонова, строгій прусскій генералъ-адъютантъ, услужливый король и влюбленный принцъ*—не нужно быть Поль де Кокомъ, чтобы изъ этихъ слуховъ создать романъ—мы передаемъ сырой матеріалъ его изъ *Кельнской Газеты*. “Вотъ что пишутъ въ *National Zeitung* о причинѣ исключенія принца Евгенія Лейхтенбергскаго изъ гвардіи: Молодой человѣкъ имѣлъ здѣсь съ начала зимы любовную связь (*unterhielt seit Beginn des Winters hier eine Liebschaft*) съ французскою актрисой *Namens Летиссье*. Не за долго до отъѣзда в. княгини Марии (графини Строгоновой) въ Апрѣль мѣсяцъ во Флоренцію, молодой человѣкъ, за котораго мать заплатила всѣ долги, обѣщалъ ей отъ Летиссье отстать (*von der Letissier zu lassen*)”—но родительскій подкупъ не удался и молодой человѣкъ “слова не сдержалъ, за то и былъ, подъ какимъ то военнымъ предлогомъ, содержимъ подъ домашнимъ арестомъ. Мать вѣроятно его здѣсь (въ Сиб.) оставила, уѣзжая сама, въ увѣренности, что надзоръ за нимъ будетъ строже” Арестъ за любовь, арестъ по фальшивой причинѣ, за это слѣдуетъ отдать подъ судъ начальниковъ нѣжнаго герцога. “Indess два дня послѣ смерти наслѣдника, когда весь свѣтъ здѣсь былъ занятъ этимъ событіемъ”—это не такъ то глупо, разумеется тогда и слѣдуетъ бѣжать, когда сторожа другимъ заняты—“принцъ обманулъ чиновниковъ желѣзной дороги и уѣхалъ за границу, въ сопровожденіи актриссы”. *Et vogue la galère*—на души легче, пусть молодые люди пожуримъ. Но на бѣду у насъ какъ у Ноздрева—и по эту сторону границы Россія и по ту Россія и также полиція. “На одной прусской станціи (Магдебургъ, думаю я, т. е. не я, а нѣмецъ ‘*Nation. газетъ*’) принцъ былъ приглашенъ королевскимъ адъютантомъ выйти на минуту изъ вагона”—герцогъ опростоволосился и забылъ, что на минуту выходятъ люди изъ вагона по собственному желанію, а не по высочайшему королевскому

приглашенію*.—“Герцогъ только что изъ вагона—свистокъ”, и полетѣла моя *Летиссье* одна въ Парижъ. Каковы шалуны! “Одна—jedoch mit der ihr anvertrauten Reiscassen—впрочемъ съ ея порученной дорожной кассой”. Вотъ хорошо бы ее отпустить безъ гроша!—“Принца привезли сюда (въ Берлинъ), разнѣвая мать хотѣла его предать всей строгости военнаго закона”. Какой же законъ въ военномъ артикулѣ запрещаетъ любить хорошенькихъ дѣвушекъ и какое наказаніе положено за это? Одинъ человѣкъ компетентный и есть въ Россіи который можетъ обсудить это дѣло—графъ Амурскій. Говорятъ, что казусъ этого хотятъ поручить ему и Буткову. Почему выборъ палъ на Буткова, этого мы не знаемъ.

Для васъ, герцогъ, въ этомъ случаѣ лежитъ великій урокъ. Вы, поставленные такъ близко къ трону, и вы не избѣгли скрещенныхъ лапъ союзнаго деспотизма! Подумайте о томъ, что случилось съ вами, и вамъ не захочется снова проситься ни въ стрѣлки, ни въ преображенцы, ни въ егеря. Вамъ, наслѣднику громкаго имени, не захочется называться какимъ то княземъ Романовскимъ, и вы закаетесь ѣздить назадъ по прусскимъ желѣзнымъ дорогамъ, пока наступятъ другія времена для Россіи.

— *О Народной Лѣтописи* (Поправка). Намъ пишутъ изъ Петербурга: “Въ 197 л. Колокола вы говорите, что *Народная Лѣтопись* была запрещена за то, что не извѣстила о смерти наслѣдника. Не знаю сколько эта кончина способствовала къ припятію валуевской мѣры, но могу васъ увѣрить, что на первомъ планѣ были другія причины. Московскій ораторъ, Голохвастовъ, хвалилъ въ Моск. Общ. Сельскаго Хозяйства фермерство. *Лѣтопись* возражала, и упомянула что-то о лицемѣріи англійскаго побора въ пользу бѣдныхъ. Голохвастовъ показалъ эту статью предсѣдателю Моск. Ценсурнаго комитета Щербинину. Щербининъ вѣдалъ тогда въ Петербургъ и въ свою очередь показалъ Валзуеву, которому до этого не было никакого дѣла. Валзуевъ теперь въ припадкѣ сильнѣйшаго консерватизма, съ нѣкоторыми признаками крѣпостничества, распустилъ цензора и велѣлъ приостановить умный и дѣльный журналъ до 1 Сентября”.

Говорятъ, что Валзуевъ надобѣ, и хотятъ его отнять отъ министерства. Помилуйте, да какого же имъ еще надобно министра? *Московскія Вѣдомости* отстоятъ, *Народную Лѣтопись* запретилъ, и дѣлаетъ все возможное, чтобы сохранить послѣдніе памятники крѣпостнаго права.

— *Государственная тайна*. Послѣ возвращенія государя въ Петербургъ была въ глубокой тайнѣ принята одна рѣшительная мѣра. Въ тиши были созваны полицейскія власти, въ тиши были имъ вручены пакеты, пакеты дозволялось вскрыть отойдя столько то верстъ отъ генералъ-губернаторскаго дома и то если не будетъ пущена сигнальная ракета, въ послѣднемъ случаѣ тотъ часъ побросать пакеты въ Неву. Ракеты не было пущено, всѣ общественные слуги, называемые частными приставами, открыли пакеты и сообщили тайну квартальнымъ надзирателямъ и ихъ помощникамъ, обязавъ ихъ передать ее по секрету всѣмъ городовымъ. Въ чемъ состоитъ тайна, никто не знаетъ, но съ тѣхъ поръ курящихъ сигары на улицахъ не беспокоятъ.

— *Посланіе къ Поповцамъ*, Апрѣля 1865 г., для помѣщенія въ Колоколъ, получено и будетъ напечатано въ слѣд. листѣ.

— Полное Собраніе КОЛОКОЛА, ОБЩАГО ВѢЩА и ПОДЪ СУДЪ, отъ 1857—1865, перепл., 75 франковъ.

— Желающіе получать Колоколъ прямо изъ Типографіи, могутъ вмѣсто денегъ прилагать почтовые марки.

* Русский народный смыслъ именно съ этой точки арбія и поналъ совершенную независимость людей отъ царской власти, какъ доказываетъ всѣмъ извѣстная пословица.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l' Evêque, Geneve.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 200.

15 Іюля 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré L'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію ...	15с.
— Австрію ...	15с.
— Англію ...	15с.
— Бельгію ...	5с.
— Францію ...	5с.
— Италію ...	3с.
— Неаполь и Сицилію ...	20с.
— Грецію (черезъ Марсель) ...	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель) ...	10с.
— Швецію ...	25с.
— Швейцарію ...	5с.

Paraît à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne ...	15с.
L'Autriche ...	15с.
Angleterre ...	15с.
Belgique ...	5с.
France ...	5с.
Italie ...	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille) ...	20с.
Grèce (voie de Marseille) ...	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille) ...	10с.
Suède ...	25с.
Suisse ...	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Дѣло Серпо-Соловьевича—Протестъ В. Касаткина—Два письма Я. Домбровскаго—По поводу письма Искандера къ государю—

Письма къ путешественнику (Письмо третье). Смѣсь: Все еще горитъ Россія. Прибавленіе—Послание къ Поповцамъ.

ДѢЛО СЕРПО-СОЛОВЬЕВИЧА*.

Одинъ изъ благороднѣйшихъ, чистѣйшихъ людей въ Россіи, Н. А. Серпо-Соловьевичъ, отправленъ на вѣчное поселеніе. “Умное правительство, сказалъ одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта, старалось бы имѣть за себя такихъ людей”, — да!... *умное!*

Мы умоляемъ друзей нашихъ прислать намъ in extenso сенатскую записку этого дѣла. Приговоръ колоссальностью нецѣпности, отсутствіемъ единства и какой-то небрежной расстрепанностью, (времени не было порядкомъ написать!) далеко оставляетъ за собой прежнія юридическія маски, которыми прикрывались царскія местн. Около *трехъ мѣтъ* держали людей въ казематахъ, изрѣдка доходили мрачныя слухи о важности дѣла... Сенатское стадо приговаривало ихъ къ каторгѣ, потомъ само увидѣло, что перебрело всѣ границы и побрело назадъ. Въ чемъ же дѣло? Да въ томъ, что его *нѣтъ*. Отнимите у приговора маскарадныя слова, подъяческія выраженія, полицейскіе микроскопы, и останется тошій процессъ первой инстанціи. Серпо-Соловьевичъ былъ знакомъ съ лондонскими пропагандистами, читалъ ихъ изданія, давалъ ихъ читать другимъ и встрѣтился съ *юридической рѣдкостью первой величины* (кто тутъ удержится, чтобы не знакомиться?) съ *неосужденнымъ государственнымъ преступникомъ* Кельсиевымъ, который представленъ вдали какимъ-то Тамерланомъ, потрясающимъ имперію всероссійскую... Далѣе все тайна: когда Кельсievъ возведенъ въ новое званіе не объяснено, въ чемъ состояли его неосужденныя преступленія до поѣздки его въ Россію не сказано. Равно умолчано отчего Кельсievъ преступникъ если онъ не осужденъ, и зачѣмъ онъ не осужденъ если онъ преступникъ, какъ будто не судятъ отсутствующихъ. Все это страшная белиберда, но “неосужденный государственный преступникъ” останется скромной лентой, внесенной въ XIX-мъ столѣтіи русскимъ судопроизводствомъ въ сравнительное законовѣденіе.

* Приговоръ. “Правительствующій сенатъ, рассмотрѣвъ дѣло о разныхъ лицахъ обвиняемыхъ въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ лондонскими изгнанными, между прочимъ, опредѣливъ: 1) Отставнаго надворнаго совѣтника Николая Серпо-Соловьевича, 29 лѣтъ, за участіе въ злоумышленіи съ лондонскими пропагандистами противъ русскаго правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за дачу у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику Кельсievу съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ, и за дерзостное иориданіе дѣйствій правительства и самаго образа правленія, на основаніи 283, 284, 285 и 286 ст. ч. 1, т. XV, св. зак. уголов., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпости на 12 лѣтъ, а за тѣмъ поселить въ Сибирь навсегда. 2) Отставнаго коллежскаго секретаря Павла Ветошниковъ, 33 лѣтъ, и 3) почетнаго гражданина Николая Владимірова, 26 лѣтъ, за пособничество пропагандистамъ

Вина Вѣтошникова, Владимірова и другихъ менѣе наказанныхъ, само собою разумѣется еще ничтожнѣе. Тутъ приговоръ отличается удивительной казуистикой. Серпо-Соловьевичъ наказывается за распространеніе *заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія* (и запятой даже нѣтъ), а Вѣтошниковъ и Владиміровъ только за *распространеніе преступныхъ сочиненій* (безъ содержанія?). Далѣе одна глупость за другой—Лялинъ наказанъ за *подозрѣніе* въ перепискѣ съ Бакуиннымъ. Англійскаго подданнаго А. Бени, за *недоведеніе* до свѣденія правительства о прибытіи Кельсievа въ *Петербургъ*—выдержать въ тюрьмѣ, а за недоведеніе до свѣденія правительства о прибытіи Кельсievа въ *Россію*—оставить въ сильномъ подозрѣніи и за тѣмъ выслать за границу. По какому трактату англійскіе подданные обязаны дѣлать такія любезности русской полиціи, мы не знаемъ и обращаемъ на это вниманіе Foreign office'a. Дѣвицу Марію Челищеву, за имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій и изображеній, велѣно выдержать *подъ арестомъ* десять дней. Въ пущіе дни бѣшенства нашего незабвеннаго Саула, не было ничего болѣе гнуснаго. Недоносъ—уголовное преступленіе!

Вотъ и все—остальное канцелярская фіоритура, арматура, гарнитура, hors d'oeuvre и неловкое извиненіе самодержавной, но нечистой совѣсти въ свирѣпости преслѣдованій и звѣрствъ приговоровъ.

въ сношеніяхъ съ ихъ соумышленниками и за пособничество въ распространеніи преступныхъ ихъ сочиненій, на осн. 129, 133, 165, 284 и 285 ст. того же тома, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ, на восемь лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибирь навсегда; но принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, ходатайствовать предъ его императорскимъ величествомъ о снятіи имъ сего наказанія тѣмъ, чтобы, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе навсегда. 4) Отставнаго штабъ-капитана Николая Петровскаго, за недонесеніе о пребываніи въ Москвѣ неосужденнаго государственнаго преступника Кельсievа, подъ именемъ турецкаго подданнаго Яни, съ знаніемъ о преступныхъ его замыслахъ, на осн. 138 ст. улож. о нак., признать подлежащимъ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ. 5) Купца Ивана Шебаева, за недонесеніе о предложеніи, сдѣланномъ ему Кельсievымъ напечатать въ Лондонѣ старовѣрческія книги ихъ, коихъ нельзя напечатать въ Россіи, и сверхъ сего, за имѣніе у себя сочиненія противуправительственнаго содержанія, на осн. 137, 225, 286 и 1365 ст. 1 ч. XV т., признать подлежащимъ аресту на три мѣсяца; но принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, Петровскаго и Шебаева, ходатайствовать предъ государемъ императоромъ объ отпущеніи сего наказанія и вмѣненіи имъ въ таковое содержаніе ихъ въ крѣпости во время производства настоящаго дѣла, съ отдачею Шебаева подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ. 6) Отставнаго коллежскаго регистратора Памена Лялина, за имѣніе у себя разныхъ воззваній и сочиненій противуправительственнаго содержанія, на осн. 285 ст. тѣхъ же законовъ, признать подлежащимъ аресту на два съ половиною мѣсяца и потомъ отдать подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года; но принимая во вниманіе продолжительное содержаніе его въ крѣпости во время первоначальнаго производства дѣла, вмѣнить

Судьба Серно-Соловьевича и его товарищей смягчена. Приговоръ *преднамеренно* напечатанъ вслѣдъ за похоро-нами Наслѣдника, съ которыми онъ также мало имѣетъ общаго, какъ приговоръ вольнопрактикующаго врача *Ганценбаха*, *востроумно* прибавленный въ газетахъ къ приговору Серно-Соловьевича (чья это выдумка? интересно бы знать). Огорченного государя хотѣли оставить въ подозрѣніи, что онъ смягчилъ участь приговоренныхъ, по е. в. заговѣлся на трехъ разбойникахъ, которыхъ великій князь заставилъ разыграть ролю повѣшенныхъ и на нѣсколькихъ тысячахъ *казенныхъ* денегъ, посланныхъ погорѣлымъ. Въ смягченіи участи Серно-Соловьевича и подсудимыхъ, *онъ не участвовалъ*. Ихъ отстоялъ одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта, пораженный благородствомъ, откровенностью, силой отвѣтовъ Серно-Соловьевича; онъ перебралъ дѣло и удивленный инвизиторскимъ и съ тѣмъ выстѣ тупо полицейскимъ характеромъ его — отстоялъ, сколько могъ, Серно-Соловьевича, вопреки разной вѣтоши и, говорятъ, разныхъ нѣмецкихъ нахлѣбниковъ, въ родѣ Петра Ольденбургскаго.

Если у высочайшей мести нѣтъ больше изобрѣтательныхъ оберъ-секретарей, которые умѣли бы тотчасъ *вдумать* въ дѣло — комплотъ, поджѣгъ, покушеніе, клятву на книжкѣ и пр. — то ужъ лучше отказаться отъ тиранскихъ преслѣдованій, или по-николаевски давить людей втихомолку, а кто хватится о задавленномъ, того втрое: “много молъ будешь знать, скоро состаришься”.

Что отвѣты Серно-Соловьевича поразили порядочнаго человѣка, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Серно-Соловьевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ избранныхъ на великомъ примѣрѣ сосудовъ, тѣхъ впередъ помазанныхъ на мученичество лицъ, которыя спокойно идутъ своей дорогой и ясно смотрятъ въ глаза бѣснующимся судьямъ — передъ этими людьми власть срѣзывается и потому неохотно поднимается на нихъ руку. Ихъ нельзя, по поучительному примѣру Тиверія, осквернить въ тюрьмѣ, чтобъ сдѣлать достойными казни. Таковъ былъ Грановскій и Николай обошелъ его. Милосердый Александръ II, цаловавшій Серно-Соловьевича губами князя Орлоа, не такъ разборчивъ.

II—РЬ.

ему содержаніе это въ наказаніе и отдать его подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года, на что испросить высочайшее соизволеніе; по предмету же злоумышленнаго распространенія возмутительныхъ воззваній и сочиненій, посредствомъ передачи оныхъ для чтенія другимъ лицамъ, и въ противозаконной перепискѣ съ изгнанникомъ Бакунинымъ, оставить въ силѣмъ подозрѣніи. 7, 8 и 9) преданныхъ по высочайшему повелѣнію суду правительствующаго сената, находящихся за границею Александра Серно-Соловьевича, литератора Касаткина и Василія Кельсѣева, за ослушаніе противуправительства, состоящее въ переездѣ ихъ въ Россію, не смотря на дѣлаемые имъ вызовы, на основ. 368 ст. том. XV, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать ихъ изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства, съ тѣмъ: 1) чтобы съ иждивеніемъ сихъ лицъ было поступлено на точномъ основаніи 2 ч. той же 368 ст. улож., и 2) что это опредѣленіе не освобождаетъ сихъ лицъ отъ сужденія на законномъ основаніи, въ случаѣ возвращенія ихъ въ Россію, или выдачи правительству, по обвиненіямъ, упадающимъ на нихъ по настоящему дѣлу. 10) Великобританскаго подданнаго Артура Бени, за недоведеніе до свѣденія правительства о прибытіи въ Петербургъ русскаго подданнаго Василія Кельсѣева по паспорту турецкаго подданнаго Василія Яни, на основаніи 137 ст. улож. зап., выдержать въ тюрьмѣ три мѣсяца, а по обвиненію въ недоведеніи до свѣденія правительства о прибытіи означеннаго Василія Кельсѣева въ Россію съ знаніемъ, что Василій Кельсѣевъ неосужденный государственный преступникъ, оставить въ силѣмъ подозрѣніи, и затѣмъ, руководствуясь 62 ст. улож., выслать за границу, воспретивъ навсегда вѣздъ въ Россію, подъ опасеніемъ поступленія съ нимъ по 354 ст. улож. 11) почетнаго гражданина Михаила Журавлева и 12) чиновника X класса Павла Аркадьева, за имѣніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію верховной власти, а Аркадьева и за недонесеніе о злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго воззванія “Земская Дума”, на основаніи 138 и 285 ст. 1 ч. т. XV, выдержать подъ арестомъ: Журавлева десять дней, а Аркадьева три мѣсяца, отдавъ послѣ сего обочѣ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ; и 13) дочь майора, дѣвицу Марію Челищеву, за имѣніе у себя воспрещенныхъ закономъ сочиненій и изображеній, по силѣ 279 ст. улож. о. нап., выдержать подъ арестомъ десять дней и отдать подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ. Рѣшеніе сіе, на основ. 452 и 617 ст. кд. 2

ПРОТЕСТЪ В. КАСАТКИНА.

Пройдетъ еще вѣроятно довольно времени, пока настоящая а не поддѣльная судебная реформа коснется и русскихъ политическихъ процессовъ. Прогрессивное и благодушное правительство все еще предпочитаетъ въ такихъ случаяхъ держаться старыхъ порядковъ временъ *слова и дѣла*. Великіе и малые инвизиторы темнаго царства не даромъ не любятъ свѣта и гласности. Оттого и процессъ Н. А. Серно-Соловьевича, и судъ надъ всѣми привлеченными къ этому дѣлу и наконецъ самое осужденіе — представляютъ такой чудовищный образецъ азіатскаго правосудія, что настоящее правительство русское ничѣмъ инымъ не могло засвидѣтельствовать яснѣе всю свою кривду, всю свою безнравственность и всю ипирь того дикаго произвола, который еще царятъ надъ русскимъ народомъ. Время раскроетъ всѣ подробности этого дѣла. Мы съ своей стороны не забудемъ тѣхъ деталей, которыя бросаютъ яркія полосы свѣта на эту новую картину, издѣлія петербургскихъ мастеровъ и художниковъ нашей не только слѣпой, но глухой и тупоумной юстиціи. Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ, по доносу какого-то русскаго шпіона, Серно-Соловьевичъ былъ брошенъ въ крѣпость, десятки другихъ лицъ попали также кто въ крѣпость, кто въ III-е отдѣленіе, кто отрѣшенъ отъ должностей безъ всякаго слѣдствія и суда, — и всѣ вмѣстѣ очутились подъ тѣмъ рядомъ бытокъ, который достается вудѣлю всякому русскому, обвиненному въ государственномъ преступленіи.

Но что значать эти три года для идущаго важною и медлительною поступью русскаго правосудія? Что за бѣда если въ т. XV, св. зак. уголов., представить на высочайшее его императорскаго величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

“Государственный совѣтъ, въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, по рассмотрѣніи опредѣленія правительствующаго сената, 5-го департамента, о разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ лондонскими изгнанниками, соглашаясь вообще съ заключеніемъ сената по этому дѣлу, признавъ однако же возможнымъ, во вниманіе къ просьбѣ матери Серно-Соловьевича и особымъ обстоятельствамъ этого дѣла, всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи участи этого подсудимаго.

“Вслѣдствіе сего государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

“1) Участъ отставныхъ: надворнаго совѣтника Николая Серно-Соловьевича и коллежскаго секретаря Павла Ветошника повергнуть монаршему милосердію, съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ его императорскому величеству высочайше повелѣть: подсудимыхъ (ихъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, не ссылая въ каторжную работу, поселить въ Сибирь навсегда.

“2) Отставнаго титулярнаго совѣтника Александра Серно-Соловьевича, чиновника 14-го класса Василія Кельсѣева и литератора Виктора Касаткина, лишить, согласно съ заключеніемъ правительствующаго сената, всѣхъ правъ состоянія, считать изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства.

“и 3) По прочимъ частямъ дѣла утвердить также заключеніе правительствующаго сената”.

“На подлинномъ собственною его императорс. величества рукою написано: “*Быть по сему*”.

Въ С. Петербургѣ 30 Марта 1865.

Въ “Вѣдомостяхъ С.-Петербургской городской полиціи” напечатано: Назначено публичное объявленіе, на Мытинской площади, 1-го квартала Рождественской части, отставнымъ: надворному совѣтнику Николаю Серно-Соловьевичу 29 лѣтъ, коллежскому секретарю Павлу Ветошникову 33 лѣтъ, почетному гражданину Николаю Владимірову 26 лѣтъ, высочайше утвержденного мнѣнія государственнаго совѣта, которымъ опредѣлено: Серно-Соловьевича, за участіе въ злоумышленіи съ лондонскими пропагандистами противъ русскаго правительства, за распространеніе въ границахъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за предоставленіе у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику Кельсѣеву, съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ и за дерзостное порицаніе дѣйствій правительства и самаго образа правленія; Ветошникова и Владимірова, обвиняемыхъ въ пособничествѣ пропагандистамъ, въ сношеніяхъ съ нѣ соумышленниками и въ пособничествѣ въ распространеніи преступныхъ ихъ сочиненій, лишить всѣхъ правъ состоянія и поселить въ Сибирь навсегда, и вольнопрактикующаго врача Ивана Ивасова Ганценбаха, за пособничество въ составленіи фальшивыхъ документовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ мѣста Сибиря не столь отдаленныя.

Публичное объявленіе означенныхъ приговоровъ послѣдуетъ: Серно-Соловьевичу 2 числа, Ветошникову 3 числа, Владимірову 4 числа и Ганценбаху 5 числа іюня, въ 8 часовъ утра.

это время кто нибудь изъ обвиненныхъ сойдетъ съ ума, кто нибудь умретъ въ казематѣ, кто нибудь, въ слѣдствіе трехъ годичнаго содержанія въ веселенькихъ чулапахъ Алексѣевского равелина, разрушитъ всѣ свои силы? Что пужды, что нине, понавъ ни съ того ни съ сего подѣ судѣ, очутятся не только сами, но и близкіе имъ безъ куска хлѣба и à la meunière перваго пьянаго-квартирнаго или вѣжливаго архангела въ голубомъ мундирѣ. Что все это и тысяча другихъ бѣдствій, когда, по мнѣнію Ш-го отдѣленія, дѣло идетъ о незыблемости петербургскихъ порядковъ и даже цѣлости государственнаго строя Россіи.

Прошли эти три года—и что же выработываютъ всѣ слѣдственные коммисіи, всѣ пытки и допросы, всѣ эти наказанія прежде суда и весь этотъ сонмъ бдящихъ и спящихъ возлѣ фальшивыхъ вѣсовъ русской Оемиды?

Рядъ бессмысленно формулированныхъ обвиненій, въ числѣ которыхъ сношенія съ неосужденнымъ государственнымъ преступникомъ и то, что никто не хотѣлъ быть подлымъ донощикомъ,—стоятъ на первомъ планѣ, за тѣмъ не выдерживающій даже грамматической критики подборъ словъ съ темными ссылками на статьи уложенія и въ заключеніе прихотливая фантазія приговоровъ.

Мнѣ нечего останавливаться на каждомъ изъ нихъ отдѣльно; я всего болѣе въ правѣ остановиться на моемъ собственномъ.

Вотъ какъ было дѣло по отношенію ко мнѣ. Въ началѣ Іюня 1862 года, больной, я уѣхалъ за границу съ тѣмъ, чтобы, запасясь силами, вернуться домой черезъ три, четыре мѣсяца и принятися вновь за прерванное на время изданіе. Въ Іюлѣ, въ Киссингенѣ, я прочелъ въ “Колоколѣ” мое имя въ спискѣ лицъ, которыхъ велѣно было при возвращеніи въ Россію взять на границѣ. Я еще не придавалъ тогда этому особеннаго значенія и не зналъ чему приписать эту мѣру. Вслѣдъ за тѣмъ до меня дошелъ слухъ объ арестахъ Вѣтошника съ какими-то письмами, Серно-Соловьевича и другихъ лицъ. Потомъ я получилъ извѣстіе, что въ сношеніяхъ Кельсера съ Россіей шла рѣчь и обо мнѣ. Бѣлый терроръ того времени въ Россіи заставилъ меня не спѣшить возвращеніемъ и выждать болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, которыя бы могли разъяснить въ чемъ и за что меня обвиняютъ. Здоровье мое не поправлялось; я перебрался въ Лозанну и, не получая никакихъ вѣстей изъ Россіи, остался въ Швейцаріи. Первые полгода, въ которые дѣло Серно-Соловьевича не только не было рѣшено, но и не предвидѣлось когда оно кончится, слухи о новыхъ и новыхъ арестахъ, издавна сложившееся убѣжденіе, что положиться на русское правосудіе чуть не безуміе,—все это само собой должно было принудить меня ждать лучшаго будущаго.

Въ послѣдствіи до меня дошелъ слухъ о слѣдующемъ фактѣ: священникъ русской часовни въ Женевѣ, г. Петровъ, получилъ бумагу изъ Ш-го отдѣленія, которая приглашала меня явиться въ Россію на слѣдствіе. Я вѣрилъ и не вѣрилъ слуху о такомъ приглашеніи: вѣрилъ потому, что Ш-е отдѣленіе никогда и ничѣмъ не затруднялось, не вѣрилъ потому, что никакимъ образомъ не могъ понять какъ служитель алтаря можетъ исправлять обязанность жандарма и почему бумага изъ Ш-го отдѣленія идетъ черезъ его руки, не вѣрилъ еще болѣе и потому, что приглашенія этого г. Петровъ мнѣ не присылалъ и не объявлялъ. Пускаться въ развѣдки я не имѣлъ возможности, да и не считалъ нужнымъ: мало-ли кого обвиняли по слухамъ и рѣдко-ли бывало что такіа обвиненія оказывались вздоромъ?

Время шло; ворота крѣпости не растворялись ни для Серно-Соловьевича, ни для его товарищей по заключенію. Слышно было, что всѣ старанія раздуть дѣло, по извѣстному способу Липранди, въ цѣлую гору, не удавались, что нѣтъ никакихъ, ни юридическихъ, ни фактическихъ основаній для обвиненій; стало можно было думать, что все дѣло кончится ничѣмъ, что содержащіеся подѣ замкомъ понатятся своимъ заключеніемъ

—и только. Я не получалъ никакого официальнаго приглашенія воротиться въ Россію; читая постоянно русскія газеты я не встрѣтилъ ни въ одной изъ нихъ ничего подобнаго.

И вотъ 30 Марта царское *быть по сему* однимъ почеркомъ пера лишаетъ меня “за ослушаніе противъ правительства, состоящее въ неявкѣ въ Россію, не смотря на дѣлаемые мнѣ вызовы”, всѣхъ правъ состоянія и изгоняетъ навсегда изъ Россіи. Гдѣ же и когда были эти вызовы? Когда были они объявлены мнѣ, какой отзывъ былъ съ моей стороны? Имѣя теперь болѣе основаній вѣрить въ духовно-жандармскую миссію г. Петрова, я спрашиваю: отчего же г. Петровъ не исполнилъ въ 1-й разъ и не повторилъ потомъ этой миссіи? Долженъ же онъ знать инструкціи своего отдѣленія и своей части. Гдѣ же эти вызовы въ русскихъ газетахъ, начиная хоть съ катковскихъ *Вѣдомостей* и оканчивая *Nordomъ*. И въ чемъ ослушаніе, когда по закону, въ силу выданнаго мнѣ паспорта, я имѣлъ право пребыть за границей цѣлыхъ пять лѣтъ. А такъ какъ не было ни вызова, ни ослушанія, гдѣ же смыслъ моего осужденія?

Но это еще не все. Сенатъ счелъ нужнымъ прибавить еще 2 пункта 1) что имѣніе мое конфискуется и 2) что въ случаѣ моего возвращенія въ Россію или *выдачи* правительству, надо мной, “по упадающимъ на меня обвиненіямъ” (какимъ и въ чемъ?) все таки виситъ мечъ русскаго правосудія.

Почтенные *patres conscripti* могли бы обойтись и безъ этого ненужнаго прибавленія. Такъ какъ принадлежавшее мнѣ имѣніе не могло бы никакъ поправить крайне разстроенныхъ финансовъ Россіи, то я и распорядился имъ еще заблаговременно. Что же касается до моего добровольнаго возвращенія или до случая выдачи меня въ Россію, то ни первое ни второе не мыслимо. Мнѣ вовсе незачѣмъ ѣздить въ Пруссію или Австрію, на которыя русскіе сенаторы не безъ основанія смотрятъ какъ на своихъ жандармовъ. А возвращусь я добровольно на родину только тогда, когда на Руси станутъ невозможны ни подобные процессы, ни подобныя осужденія.

Женева, 26 Іюня 1865.

Викторъ Касаткинъ.

ДВА ПИСЬМА ЯРОСЛАВА ДОМБРОВСКАГО.

Мы получили эти два письма бывшаго члена Центрального Комитета, Я. Домбровскаго, для помѣщенія въ *Колоколъ*, отъ одного изъ его товарищей. Слѣшимъ передать ихъ нашимъ читателямъ.

1.

къ нижегородскому военному губернатору ген. А. А. Одицову.

М. Г. Выѣздъ жены моей изъ г. Ардатовъ подастъ вѣроятно поводъ къ слѣдствію. Что такое слѣдствіе—мнѣ по опыту очень и очень хорошо извѣстно. Я испыталъ, что слѣдственные коммисіи никогда ничего не открываютъ, а часто изъ своекорыстныхъ видовъ запутываютъ невинныхъ, и потому, желая отклонить подозрѣнія и непріятности отъ кого бы то ни было, считаю необходимымъ изложить вамъ обстоятельства этого побѣга; впрочемъ я выразился не вѣрно: это не былъ побѣгъ, а были похиженія; ибо не только тѣтки жены моей, но она сама даже не знала о моихъ намѣреніяхъ до послѣдней минуты. Я не старался предупредить ее, опасаясь огласки, которая могла совершенно разстроить мой планъ, въ сущности весьма не сложный.

Окончивъ дѣла, задерживавшія меня въ Россіи, я отправился въ Ардатовъ, обезпеченный отъ мѣстныхъ властей всѣми нужными документами. Время прибытія въ Ардатовъ было хорошо разсчитано: это былъ торговый день и я могъ выжидать, не обращая на себя вниманія, пока жена моя не выйдетъ изъ дому. Счастіе, какъ всегда, и здѣсь мнѣ благопріятствовало. Мнѣ удалось увидѣть жену, отдать ей незамѣтнымъ образомъ записку, извѣщавшую ее обо всемъ, а также нанять лошадей въ окрестностяхъ города. Въ 10 часовъ вечера мы были уже

въ пути, а черезъ двое сутокъ въ Петербургъ, гдѣ еще прежде все было приготовлено мною къ нашему отъѣзду за границу.

Согласитесь, все это такъ просто, что тутъ не было никакой нужды въ сообщникахъ, по крайней мѣрѣ въ Ардатовъ; прошедшее же мое можетъ служить доказательствомъ, что я вообще не охотникъ запутывать другихъ въ мои дѣла, безъ крайней необходимости.

При этомъ случаѣ, позвольте мнѣ, м. г., выразить надежду, что хотя приключеніе это вамъ неприятно какъ начальнику края, но вы, какъ человѣкъ, утѣшитесь мыслью, что эта маленькая для васъ неприятность будетъ источникомъ счастья для людей много уже страдавшихъ.

я. д.

II

къ г. каткову.

М. Г. Въ одномъ изъ номеровъ *Московск. Вѣдомостей* вы, извѣщая о моемъ бѣгствѣ, выразили надежду, что я буду немедленно пойманъ, ибо не найду убѣжища въ Россіи. Такое вѣзваніе своего отечества въ публицистѣ, признаюсь вамъ, поразило меня удивленіемъ. Я тогда же хотѣлъ написать вамъ, что надежды ваши неосновательны, но меня удержало желаніе фактически доказать все ничтожество правительства, которому вы удивляетесь, по крайней мѣрѣ публично. Благодаря моему воспитанію, я хотя и иностранецъ, знаю Россію лучше васъ. Я такъ мало опасался всевозможныхъ вашихъ полицій: тайныхъ, явныхъ и литературныхъ, что отдавая полную справедливость вашимъ полицейскимъ способностямъ — былъ однако долго вашимъ сосѣдомъ и видѣлъ васъ очень часто. Черезъ недѣлю послѣ моего побѣга я могъ отправиться за границу, но мнѣ нужно было остаться въ Россіи и я остался. Потомъ обстоятельства заставили меня поблуждать нѣсколько важнѣйшихъ русскихъ городовъ и въ путешествіяхъ этихъ я не встрѣтилъ нигдѣ ни малѣйшаго препятствія. Наконецъ, устроивъ все что было нужно, я пожелалъ отправиться съ женой моей за границу; но хотя жена моя была въ рукахъ вашихъ сотрудниковъ по части просвѣщенія Россіи, исполненіе моего намѣренія не встрѣтило никакихъ затрудненій. Словомъ, въ продолженіи моего шестимѣсячнаго пребыванія въ Россіи, я жилъ такъ какъ мнѣ хотѣлось и на дѣлѣ доказывалъ русскимъ патріотамъ, что въ Россіи при нѣкоторой энергіи можно дѣлать что угодно.

Только желаніе показать всѣмъ какъ вообще не состоятельны ваши приговоры, заставляегъ меня писать къ человѣку, старавшемуся разжечь международную вражду, опозорившему свое имя ликованіемъ надъ убійствомъ и разбоемъ и запятнавшему себя ложью и клеветой. Но рѣшившись на шагъ столь для меня неприятный, не могу не выразить здѣсь презрѣнія, которое внушаютъ всѣмъ честнымъ людямъ жалкія усилія ваши и вамъ подобныхъ, къ поддержанію невѣжества и насилія. Правда, удастся вамъ на нѣкоторое время разбудить звѣрскіе инстинкты и фанатизмъ русскихъ, но ложь и обманъ долго торжествовать не могутъ. Толпы изгнанниковъ нашихъ разнесли въ самые глухіе уголки Россіи истинныя понятія о нашихъ усиліяхъ и о нашемъ народѣ. Появленіе ихъ повсемѣстно было краснорѣчивѣйшимъ протестомъ противу лжи, разсѣваемой официальными и наемными клеветниками и пробудило человѣческія чувства въ душахъ русскихъ.

Симпатія эта послужитъ основаніемъ возрожденія русскаго народа и да будетъ она укоромъ для вашей совѣсти, если только ее окончателъно не потушило пожатіе царской руки.

Примите, м. г., отъ меня эту новую для васъ реталию. Сохраните и ее вѣстѣ съ другими для потомковъ вашихъ: они найдутъ въ ней болѣе правды, чѣмъ въ другихъ и легко отличать, что она послана не послѣ торжественнаго обѣда.

я. д.

Штокгольмъ 16 Іюня 1865.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ИСКАНДЕРА КЪ ГОСУДАРЮ.

(письмо къ Н. Н.)

Давно собираюсь отвѣчать вамъ, любезный другъ, но спорная рѣчь принимаетъ такіе размѣры, что я рѣшаюсь говорить съ вами печатно.

Я считаю, что лучшимъ средствомъ поставить нашъ споръ на надлежащій путь—это начать съ того, что уклониться отъ всякаго спора и свести разговоръ на факты и основанія, цѣли и задачи, силы и движенія. Приступлю прямо къ дѣлу.

Поконный императоръ отошелъ въ вѣчность и оставилъ правительство раззореннымъ и не знающимъ что ему дѣлать, но все же пропикнутымъ бюрократическими преданіями; онъ оставилъ дворянство, т. е. большинство дворянства, также раззореннымъ и также не знающимъ что дѣлать и пропикнутымъ смѣсью перепутанныхъ преданій—бюрократическихъ, феодальныхъ, конституціонныхъ, либеральныхъ, даже революціонныхъ, но во всякомъ случаѣ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ и сверхъ того помѣщичьихъ; онъ оставилъ меньшинство—не сложившимся и блуждающимъ въ смѣси революціонныхъ преданій и социальныхъ теорій; онъ оставилъ массу народа—равнодушною къ какому бы то ни было политическому вопросу, и въ этомъ отношеніи создавшей себѣ изъ привычки къ царской власти правило вѣры, лишь бы сохранилъ свое настоящее экономическое преданіе, принявшее силу факта и убѣжденія, лишь бы сохранилъ въ законѣ и на дѣлѣ свое крестьянское, сельское, общинное землевладѣніе, свое право каждой взрослой пары, каждого тѣла на пожизненное пользование поземельнымъ участкомъ.

Я преднамѣренно не запутываю обстоятельства подробностями или отгѣнками, которыхъ нашлось бы не мало, какъ напр. отгѣнокъ изъ меньшинства славянофильствующій, отгѣнокъ славянофильствующій изъ большинства, отгѣнокъ либерально-бюрократствующій, отгѣнокъ либерально-дворянствующій, отгѣнокъ старообрядствующій городского населенія, отгѣнокъ городского населенія просто торгующій, богатѣющій или бѣдствующій, но къ сельскому экономическому преданію не принадлежащій, не враждебный ему, но скорѣе равнодушный. Я хочу взять положеніе страны въ самомъ общемъ ея видѣ и едва ли можно, минуя подробности, иначе распредѣлить ея силы.

Этихъ общихъ отдѣловъ, очерченныхъ не по мелкимъ отгѣнкамъ мнѣній, а по своему положенію въ государствѣ, нельзя не принять каждого за дѣйствующую силу (которой именно содержаніе и степень слѣдуетъ опредѣлить)—въ этомъ вы едва ли станете спорить. Я по крайней мѣрѣ не возьму на себя дерзости вычеркнуть которую либо, увѣрить себя, что которая либо изъ нихъ не существуетъ, притвориться, что я не признаю ея за фактъ. Нѣтъ, онѣ для меня всѣ на лицо—и не сложившееся меньшинство, и разлагающееся правительство, и разложившееся дворянство и просто стоящее на одномъ понятіи крестьянство. Всѣ эти существующіе отдѣлы—фактъ; они представляютъ силы относительно другъ друга и не опредѣливъ себѣ ихъ и ихъ отношенія—мы не только не уяснимъ нашего спора, но не уяснимъ ничего.

Отношеніе городского и сельскаго населенія составляетъ вопросъ, къ которому мы также должны придти; но прибежемъ его къ концу, чтобы не запутывать и безъ того сложной задачи.

И такъ—къ дѣлу:

Правительство, съ новымъ царствованіемъ, явилось какъ существующая сила, хотя ослабленная внѣшними врагами и своимъ внутреннимъ систематическимъ ограбленіемъ государства и самаго себя, но все же какъ сила, которую отвергать было бы съ нашей стороны самонадувательство, сила, которая уже и потому сама себя не могла не считать за силу, что все вокругъ ее признавало. Но только у этой силы не было

никакой цѣли, никакой опредѣленной задачи. Сознавая себя силой — правительство не могло не дѣйствовать. Но какъ дѣйствовать? Куда двинется сила безъ опредѣленной цѣли?

Она, естественно, двинется по готовому наклону, по упоря- щенному руслу.

Этого захватывающаго русла для правительства не могло представлять ни меньшинство, тогда еще меньше сложившееся чѣмъ теперь, ни большинство дворянства, которое хуже правительства являлось какъ сила безъ опредѣленной цѣли.

Силой русла, неминуемо увлекающаго съ собой или рас- пускающаго въ себѣ всѣ остальные силы — являлся только поземельный вопросъ, съ которымъ было связано освобожденіе крѣпостнаго населенія. Земля была то, чего народъ изъ своего владѣнія никогда и ни за какихъ иныхъ благъ не выпу- стить. Правительство, собравъ въ себѣ преданія бюрократи- ческихъ понятій о *воле*, думало дѣйствовать только рѣди уничтоженія крѣпостнаго права, вращаясь около общихъ мѣстъ напр.—что поддерживать крѣпостное состояніе стано- вится позорно, что уже давно пора его снять, что въ Европѣ его уже давно не существуетъ и т. п. — и не почувствовало какъ оно увлеклось въ социальное русло, въ чисто социальныя поземельный вопросъ и постановило его законной точкой отправленія невольно разрастающихся преобразованій, или лучше сказать точкой отправленія естественно грядущей, появляющейся реформы всего.

По такъ какъ (также по бюрократическимъ преданіямъ) безъ особенно большаго смысла, правительство страшно боится словъ “соціализмъ и революція”, мало понимая ихъ значенія, то оно одновременно вовлеклось въ социальное русло и схватилось за свои бюрократическія общія мѣста — посте- пенность, противудѣйствіе собственнымъ реформамъ, введеніе реформъ не вытекающихъ изъ кореннаго основанія и потре- бующихъ скорѣ новыхъ перереформъ. Такимъ образомъ оно является силой дѣйствующей въ движеніи основнаго социаль- наго направленія и вмѣстѣ съ тѣмъ тормозящей его. Къ прямому перевороту оно не идетъ и пускаетъ русское развитіе по кривой линіи. По этому за одно съ правительствомъ идти невозможно и его реформы долею невольно, долею сознательно вызовутъ противурѣчія, послужатъ случаями, при которыхъ эти противурѣчія поведутъ развитіе далѣе и хотя переворотъ пойдетъ по кривой линіи, но все же не дастъ шагу назадъ.

Опредѣлить теперь математически ходъ и время этой кривой линіи, конечно, невозможно. Для этого надо напередъ посмотрѣть крѣпко ли станутъ собираться противоборствующія силы, т. е. силы тянущія движеніе по прямому и направленію. Одно ясно, что чѣмъ больше будетъ сдѣлано общественныхъ усилій сложиться въ оппозицію, тѣмъ слабѣе станутъ прави- тельственные тормазы, тѣмъ прямѣе будетъ направленіе со- ціальнаго развитія и тѣмъ скорѣ правительственная сила распустиется въ социальномъ потокѣ.

Надѣюсь, что вы не принадлежите къ числу болшихъ запугать правительство словомъ социализмъ, а къ числу жаждущихъ дать обществу ясное пониманіе этого слова. Правительство, разъ попавшись въ общественное русло, котораго начало — народное поземельное дѣло, никогда не перестанетъ реформировать, какихъ бы словъ ни пугалось; оно не перестанетъ реформировать потому, что оно не можетъ остановиться. Точка отправленія будетъ всегда мѣтись на болѣе широкое и иное развитіе, чѣмъ правительственныя реформы; довершить развитіе точки отправленія правительство не въ состояніи, а перестать вводить свои маленькія, окольные реформы было бы для него все тоже что вовсе ничего не дѣлать — и этого оно всего больше испугается: ему покажется лучше лже-дѣятельность чѣмъ ничего. Народъ останется при своей точкѣ отправленія и будетъ вступать въ истиннаго развитіе по мѣрѣ исчезновенія преградъ. Это обычное дви-

женіе массъ. Яркое пониманіе принципа и его развитія становится дѣломъ отдѣльныхъ личностей, дѣломъ меньшин- ства; между тѣмъ какъ массы такъ привыкли къ своимъ мѣстнымъ и обычнымъ потребностямъ, что никогда не про- пустятъ случая завладѣть шагомъ въ пользу ихъ. Имъ нечего думать сообразить ли такой новый шагъ въ развитіи — съ ихъ социальной точкой отправленія; онъ только съ естественное послѣдствіе.

Далѣе, какъ бы ни было меньшинство еще не сложив- шимся, все же оно представляетъ силу, способную къ росту, лишь бы оно не уклонялось отъ своей работы — разъяснять въ пониманіи народный социальный принципъ и его условия. Если мы на европейскомъ Западѣ вскрѣщаемся съ социальными теоріями, которыя разрастаются въ книгѣ и не вырастаютъ въ жизни, то мы не можемъ не обратить вниманія на то, что онѣ и не находятъ себѣ корня въ жизни, положительнаго общаго принципа, и являются какъ отрицаніе, какъ противу- рѣчіе существующему злу, а не такъ развитіе положительно- существующаго начала. Россія, напротивъ того, даетъ социализму положительное начало, самый общій принципъ — замѣною *de facto* (на двѣ трети противленія) личнаго на- слѣдственнаго права на недвижимую собственность — правомъ *пользованія* изъ общественной собственности, принципъ, который необходимо войдетъ въ свое, себѣ *свойственное* юридическое развитіе и въ свои политическія формы.

Разрабатывать этотъ вопросъ становится задачей меньшин- ства, — будь оно составлено изъ молодаго или юнѣйшаго или какого бы то ни было поволенія. Если оно еще не сложилось, то оно сложится около своей задачи и сложится не сословно, потому что изъ положенія сословно-ти передъ закономъ, самая задача вычесть его движеніе въ безсословно общественное русло, — совершенно обратно европейскому результату, гдѣ безсословность передъ закономъ приводитъ къ сословности *de facto*. — Чѣмъ скорѣ наше меньшинство пойметъ свою задачу развитія нашего положительно существующаго позе- мельнаго права личнаго пользованія изъ общественной соб- ственности, тѣмъ скорѣ оно дойдетъ до давно искомаго слитія съ народомъ (до сихъ поръ искомаго въ площадныхъ встрѣ- чаяхъ и выраженіяхъ, т. е. тамъ, гдѣ серьезнаго сближенія найти нельзя, за отсутствіемъ всякой дѣйствительной причины доверія и всякой разумной цѣли). Чѣмъ скорѣ, чѣмъ трудо- любивѣе наше меньшинство пойметъ эту задачу, тѣмъ скорѣ оно сложится въ дѣйствительную силу, несколько не доволь- ствуясь принимать себя за значительную силу едва при по- чинѣ задачи, прежде чѣмъ въ самомъ дѣлѣ успѣло сложиться. Но не сложиться въ дѣйствительную силу не развитію задачи поземельнаго права пользованія, оно не можетъ, потому что, изъ существующихъ данныхъ, для него не можетъ разрабо- таться инаго исхода какъ сдѣлаться живымъ словомъ нецело- лебимаго народнаго основанія.

Съ одной стороны всѣ личности, по обстоятельствамъ вы- званныя къ дѣятельности въ самомъ крестьянствѣ, потому всѣ личности изъ сословій, которыя искали средствъ жизни въ казенныхъ должностяхъ и которыя могутъ найти ихъ въ общественныхъ должностяхъ, примкнуть невольно къ ищущимъ правды, и составлять меньшинство, разрабатывающее коренную задачу.

Съ другой стороны, большинство дворянства изъ опыта увидало, что его богатство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сословіе пред- ставляющее силу, было основано на крѣпостномъ правѣ, т. е. на даровомъ работникѣ, лишившись котораго оно не находить за удобную цѣну работника именно въ крестьянствѣ, обезпеченномъ правомъ поземельнаго пользованія изъ обще- ственной собственности. Переходя черезъ разныя доктрины усовершенствованія земледѣлія посредствомъ своего научнаго образованія, которое до сихъ поръ оно такъ мало приложило къ этому земледѣлію, и все же не видя исхода, большинство

дворянства опытомъ дойдетъ до сознанія, что для него всего выгоднѣе продажа своихъ земель крестьянскимъ обществамъ въ сроки, по годовымъ взносамъ съ поашеніемъ капитала, потому что это единственная возможность продажи для дворянства и покупки для крестьянскихъ обществъ, т. е. для людей, которые не имѣютъ запасныхъ денежныхъ капиталовъ, но работниковъ находятъ въ самихъ себѣ, и не будутъ затруднены наймомъ ихъ. Чѣмъ больше опытъ будетъ приводить большинство дворянства къ сознанію этой общей выгоды, тѣмъ больше будетъ изъ него переходить людей на сторону меньшинства, т. е. на сторону людей, трудящихся надъ движеніемъ, надъ развитіемъ поземельнаго права пользования изъ общественной собственности въ свойственныя этому праву юридическія и политическія формы.

Правительство признало нашу социальную точку отсчета за законную, признало, потому что она фактъ, который нельзя было не признать—за невозможностью его вычеркнуть. Споръ объ основаніи въ дѣйствительности невозможности. Правительство на прямую реформу, на дѣйствительное развитіе признаннаго имъ основанія не способно. По этому съ возрастаніемъ меньшинства постоянно будетъ прибавленіе людей въ общественныя должности, число которыхъ не можетъ не возрастать; а съ прибавленіемъ людей въ общественныя должности начнется пониженіе бюрократической фаланги. При этомъ значеніе нашихъ городовъ—быть мелкими рынками для удовлетворенія потребностей мѣстнаго чиновничества—должно свою силу уступать болѣе подвижной промышленности и отношеніе городского населенія къ сельскому социальному принципу не можетъ оставаться въ прежнемъ равновѣсіи...

Вотъ какимъ мнѣ представляется ходъ нашего развитія. Вы скажете, можетъ быть, что это столько же въ вѣроятностяхъ, сколько и плодъ моего воображенія; что обстоятельства могутъ сложиться такъ, что мы вовсе не придемъ къ предполагаемой реформѣ. Да, если изкія нибудь неожиданныя внѣшнія столкновенія совершенно исказятъ наше развитіе; но изъ нашихъ внутреннихъ народныхъ данныхъ настоящаго времени—иной ходъ вещей непредвидимъ и это развитіе не можетъ не быть.

Теперь я и возвращусь къ нашей полемикѣ.

Почему же вы думаете, что письмо Искандера къ государю отдалитъ стремленіе общества къ самобытности возбужденіемъ въ большомъ числѣ читателей новой вѣры въ царскую реформу, въ которую вѣрить нечего? Почему вы видите въ этомъ письмѣ какую то уступку *Колокола* правительству, уступку которая могла быть только тогда, еслибъ правительство было иное, или *Колоколъ* имѣлъ бы иную задачу.

Еслибъ даже въ письмѣ и была какая нибудь вѣра въ правительственныя реформы, то я не вижу какимъ образомъ она могла бы отдалить меньшинство отъ стремленія къ общественной самостоятельности и побудить его, сложа руки, ожидать всѣхъ благъ свыше. Если меньшинство понимаетъ свою задачу, то всякая правительственная реформа можетъ только указать ему средства къ достиженію общественной самостоятельности въ смыслѣ развитія своей коренной задачи и тутъ также мало дѣла до вѣры какъ и до безвѣрія въ правительственныя реформы. Еслибъ даже нашлись дѣятельные люди, но довольно близорукие, которые изъ письма вывели бы для себя побужденіе увѣрывать въ правительство,—то для дѣйствительно дѣятельныхъ людей это было бы только усиленной дѣятельностью, практическимъ участіемъ въ правительственныхъ реформахъ и слѣдственно быстрымъ переходомъ къ приобрѣтенію новыхъ средствъ основанія общественной самостоятельности. Но признайтесь, что довольно трудно найти дѣятельныхъ людей довольно близорукихъ, которые могли бы изъ письма наивно увѣрывать въ правительственныя реформы.

Если же найдутся люди, которые наивно увѣруютъ и сло-
жать руки, то это будутъ, конечно, такіе люди, которымъ

всего дороже въ жизни сложить руки, что они и сдѣлали бы во всякомъ случаѣ будь или не будь писано какое бы то ни было письмо. Но за то на ихъ участіе въ общемъ дѣлѣ также мало нужно рассчитывать какъ и на ихъ общественное вліяніе.

Что же касается до большинства читающей публики, оно могло разсердиться на письмо не только за безвѣріе, которое не хитро отыскать въ немъ, но и за какую нибудь вѣру въ правительственныя реформы. Сущность большинства въ настоящее время страхъ передъ раззореніемъ; оно готово выказать вражду правительству за всякую реформу, и поддерживать его во всякомъ подавленіи народной свободы. По этому оно разсердилось на письмо будто бы за дерзость, упрекнуло за неделикатность передъ огорченнымъ отцомъ. Были письма по поводу письма. Въ одномъ не забыта брань, но забыта подпись. Они находятъ, что письмо можетъ только раздражить и отвести государя отъ добраго дѣла (хорошо-же ихъ вѣрноподданническое понятіе о немъ!).

Въ сущности письмо сводится на слѣдующее содержаніе—сказать человѣку: “воспользуйтесь минутой торжественной ссоры—и перестаньте бесплодно и дико носѣ побѣды—казнить и мучить”. Конечно Искандеръ не могъ надѣяться тропуть государя, около котораго слишкомъ много разныхъ Муравьевыхъ въ разныхъ видахъ, выгадывающихъ свои рубли на черныхъ бархатахъ и своимъ мѣста въ управленіи на казняхъ. Но авторъ могъ надѣяться, что найдется среда, которая, прочитавъ живое слово, отвратится отъ казней.

Ну—да еслибъ невзначай Государь понялъ изъ письма, что жестокосердіе роняетъ людей въ общественномъ мнѣніи—и пересталъ бы казнить—какая же бѣда была бы тутъ для русской реформы? Не было бы замученныхъ людей; а реформа пошла бы своимъ путемъ,—правительство переводило бы съ иностраннаго маленькія преобразованія, возбуждающія противъ его воли большія, дѣйствительныя требованія; народъ держался бы при своей, закономъ признанной точкѣ отсчета права поземельнаго пользования изъ общественной собственности, и меньшинство—какого бы сословія и возраста оно ни было—складывалось бы около задачи развитія этого права въ ему свойственныя юридическія и политическія формы.

Трудъ, другъ мой, постоянный, всесторонній—письменный и практический трудъ надъ одною, коренною задачей—вотъ что намъ надо. Измѣненіе политическихъ формъ на основаніи развитія дѣйствительно социально-экономическаго начала—наша задача; но обращать все наше вниманіе на преданіе другого рода, на подражаніе формализму иностранныхъ революціонныхъ нетерпимостей точно также не приведетъ насъ ни къ какому дѣйствительному добру, какъ этотъ формализмъ не привелъ къ нему иные народы, побольше нашего подвизавшіеся на научномъ и промышленномъ поприщѣ.

Н. Огаревъ.

ПИСЬМА КЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Вотъ какой случай случился со мной нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Одинъ человѣкъ, игравшій большую роль въ своей родинѣ, и какъ революціонеръ и какъ администраторъ, спорилъ со мной о социализмѣ. Онъ, и надобно признаться, что онъ не одинъ въ этомъ случаѣ, а имѣетъ даже такихъ товарищей какъ Маццини*, убѣдившись, что движеніе 1848 года погибло отъ примѣси социализма къ чисто политическому движенію, опрокинулся на социализмъ съ тѣмъ ожесточеніемъ, съ которымъ онъ прежде гналъ реакцію. Сколько и ни ораторствовалъ, мой противникъ стучалъ кулакомъ по столу,

* Нельзя надѣяться скудости впамя и пониманія полицейско-консервативныхъ органовъ; они постоянно называютъ Маццини социалистомъ, не смотря на его брошюры, статьи и пр.

выходилъ изъ себя и говорилъ въ заключеніе такого рода вещи: "Посмотрите какіе законы я провелъ, посмотрите какъ ограждены работники, я самъ, всѣми силами поддерживаю рабочиѣмъ сходки, у насъ нѣтъ ни одного нищаго и на все на это мнѣ не было нужно никакого социализма..."

— А только почти деспотическая диктатура.

... этого, продолжалъ онъ, не слушая меня, этого проклятаго социализма, этой выдумки іезуитовъ, которой они затормозили революцію, раздѣлили нашъ станъ и сбили всѣ понятія у слабыхъ людей.

— Теперь я вижу, что въ сущности мы съ вами гораздо ближе чѣмъ я думалъ. Вамъ собственно не нравится слово *социализмъ*. Попробуемъ то что всѣ называютъ социализмомъ, называть *Клеопатрой* и дѣло пойдетъ какъ по маслу.

Уступку, которую я дѣлалъ моему "Діонисию тирану Сиракузскому", я не сдѣлаю ни для васъ, ни для кого изъ русскихъ читателей.

Въ говеніи на социализмъ поднятомъ у насъ въ подражаніе Западу, есть что то неимоверно безсмысленное и тупоумное, трусливое и невѣжественное. Европа боялась социальнаго переворота потому, что онъ былъ страшенъ для нея; встрѣтивъ суровый отпоръ, онъ шелъ путемъ отчаянія и насилія на разрушеніе узкаго, но вѣками сдѣланнаго и привычнаго государственнаго устройства... У насъ *этотъ бытъ* не привыченъ, у насъ онъ чужой; гдѣ же, въ чемъ вредъ причиненный Россіи социализмомъ, или чѣмъ можетъ онъ повредить ей? Развѣ освобожденіе крестьянъ *съ землею* не *социальный переворотъ*? Развѣ общинное владѣніе и право на землю не *социализмъ* (какъ тамъ себѣ вы голоси наши славянофильскія кликуши)? Ненависть къ социализму крѣпостника, оплакивающаго землю свою и барщину свою понята, такъ какъ понятенъ былъ страхъ откупщика, боявшагося отгнѣвы откупа; но нашихъ теоретическихъ, литературныхъ враговъ социализма нельзя понять.

Когда же для насъ будетъ ясно то что было ясно слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ для Бентама, говорившаго Александру I въ Лондонѣ "о счастіи, что Россія не мѣшаетъ ни Римское право, ни феодальный хламъ, ни католическая церковь"? Когда же у насъ перестанетъ болѣть голова съ чужаго похмѣлья?

Въ самой Европѣ преслѣдованіе социализма безумно. Какъ будто какое нибудь развитіе на череду, какое нибудь логическое послѣдствіе ряда осуществившихся посылокъ можно остановить кулакомъ и бранью, не убивая организма или не дѣлая изъ него урода. Нашли-ли главные социальные вопросы рѣшенія или нѣтъ—все равно, ошибочны ли эти рѣшенія или односторонны—все равно, они не менѣе живы и не менѣе стучатся во всѣ двери и бьются во всѣ стороны, ломая и подмывая стѣны и заборы мѣшающіе имъ.

Вообще ни ошибочныя рѣшенія, ни одностороннія, не влекутъ съ собою въ гибель вопросъ или задачу. Какіхъ чудовищностей не наглядѣлись мы въ одинъ нашъ вѣкъ, напр. въ медицинѣ—отъ ирвопролитій Бруссе, до наводненій Пристница, отъ *нигилизма* гомеопатіи, до всевозможныхъ леченій голодомъ, холодомъ, парами, молокомъ, гальванизмомъ, магнетизмомъ... тѣмъ не меньше и не смотря на мистическій эмпиризмъ, на традиционную алхимию медицинъ, въ возможности патологій и терапій никто не сомнѣвается.

Социальныя идеи не убиты и не отстранены, ихъ побѣжденный авангардъ безъ знамен и шума занялъ множество непріятельскихъ мѣстъ и не одинъ *новый* Діонисій сиракузскій дѣлалъ социализмъ, какъ Мольеревъ Журдэнъ дѣлалъ прозу не зная того. Не только С. Симонизмъ и Фурьеризмъ не прошли безслѣдно, но неопредѣленныя стремленія, нашедшія отголосокъ въ поэзіи Гюго, въ романахъ Сю, въ цѣлой литературѣ 30-хъ годовъ, женскій протестъ Ж. Санда, Индѣйская

триада Пьера Леру, полемика Прудона—все это не только разбудило людей и направило ихъ мысли въ извѣстную сторону, по все это принялось, прозябло и проросло старою почвою. Вглядитесь внимательно и вы найдете социальные отбѣнки въ тюлерійскихъ декретахъ и прусскихъ министерскихъ указахъ; слѣды проповѣдей менильмонтанской улицы остались въ оборотахъ Перейры, въ ликвидаціяхъ недвижимой собственности; добродушная голова старика Р. Оуэна просвѣчиваетъ со дна вѣхъ англійскихъ кооперативныхъ обществъ. Какимъ образомъ Гладстонъ дошелъ до порицанія безусловнаго права собственности и до государственной организаціи страховыхъ обществъ... и почему Стюартъ Миль остановился въ раздумьи передъ общиннымъ владѣніемъ, не рубя съ плеча вопроса какъ наши мошпарьевскіе подмастерья? О чемъ робко и не выступая изъ парламентскихъ формъ хлопочетъ Брунъ? Всѣ они пролагаютъ, отнекиваясь и отрещиваясь, дорогу социальному пересозданію государственнаго строя.

Въ тотъ день, когда несостоятельность юридическихъ, административныхъ и политическихъ реформъ, оказалась очевидной, когда сама французская революція погибла въ крови и въ *теоретическомъ* освобожденіи меньшинства, а реальныя умы догадались, что въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ искали разрѣшенія вопроса—*ею нѣтъ*, въ тотъ день отрицательно была поставлена вся задача социализма. Ей не доставало имени, имя явилось какъ то само собой.

Разумѣется, что социализмъ только въ антитетическомъ смыслѣ противопоставляется переворотамъ чисто политическимъ, въ сущности онъ представляетъ ихъ исходъ. Политическій переворотъ дѣлается внутри извѣстныхъ государственныхъ учрежденій, которыя идутъ впередъ какъ неоспоримыя условія государственной жизни—будь это монархія или республика, централизація или федерализмъ. Тамъ, гдѣ анализъ, критика идутъ далѣе, тамъ гдѣ вовлекаются въ споръ и борьбу, сами эти условія, т. е. гдѣ съ ними дѣлается тоже самое что реформа дѣлала съ папскою, а революція съ королевскою властью—тамъ мы переходимъ въ социализмъ. Разграниченіе между политикой и социализмомъ условное, двѣ разныя станицы одной и той же дороги.

Всѣ государственныя и политическія вопросы, всѣ фантастическія и героическія интересы по мѣрѣ совершенствованія народа стремятся перейти въ вопросы народнаго благосостоянія. Принимая существующій результатъ историческихъ развитій за неизмѣнный въ своихъ основахъ, мы ихъ не разрѣшимъ; историческій бытъ, такъ какъ онъ сильно сложился, подъ вліяніемъ совсѣмъ иныхъ идей и цѣлей, не совмѣстенъ съ общенароднымъ благосостояніемъ. Это то и хотѣлъ сказать американецъ Брейсбенъ, котораго слова я ужъ не разъ приводилъ, парижскимъ работникамъ въ 1848 году, говоря, "что въ Америкѣ республика дала все что могла, что политическое устройство основанное при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, но на старыхъ основаніяхъ, дало все что могло, но вопросовъ занимающихъ работниковъ не *разрѣшило* и не *можетъ разрѣшиться*".—тутъ ея предѣлъ, а разрѣшить необходимо.

Я такъ и жду обыкновеннаго возраженія: что за разрѣшеніе ломать зря и устраивать общество насильно, на какой то каторжный манеръ?... а социализмъ только такъ и разрѣшалъ вопросъ.

Онъ ошибался и горько пострадалъ за это. Но кто же сказалъ, что онъ только *такъ* хотѣлъ разрѣшать и только *такъ* и *могъ* ихъ разрѣшать?...

Прудонъ упрекалъ въ этомъ социализмъ, разумѣя подъ социализмомъ организацію работъ Луи Бланъа, коммунизмъ Теста, отца Кабэ, а не социализмъ вообще. Не будьте ни Анпелесовъ, ни Павловъ и тогда вы не будете класть церковь изъ за Анпелеса или Павла.

Возставая против социализма под тѣмъ предлогомъ, что онъ хочетъ зря ломать и насильственно строить, люди со всѣми своими прогрессивными стремлениями становятся на сторону закоснѣлаго консерватизма и защищаютъ падающіе институты, составляющіе главное препятствіе развитію. Развѣ не на нашихъ глазахъ въ 1848 г. республиканцы сдѣлались гонителями и дали тотъ въ прокъ пошедшій урокъ, который научилъ всѣхъ царей и всѣ власти какъ надобно подавлять противниковъ.

Противниковъ они подавили и съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ односторонность—идеи остались, вопросы остались. Выброшенные полиціей за дверь, они за всею притаились и постоянно готовы взойти во всякую щель.

По несчастію ихъ останавливаетъ не одна грубая рука насилія, ихъ останавливаетъ столько же, если не больше роковое несчастіе массъ—ихъ невѣжество и *роковое просвѣщеніе* другихъ сословій, ученыхъ нехотящихъ переучиваться, монополистовъ нехотящихъ поступиться ни одной привилегіей, и оттого могущихъ потерять всѣ, и совершенно справедливо, они отстаиваютъ свои права безъ вѣры, безъ пониманья, исключаяющее вину и отвѣтственность, дарю возмущено и перервано выстрѣлами на площади и спорами вездѣ—въ книгахъ и сходкахъ, въ камерахъ и журналахъ. Невѣденіемъ социализма въ наше время отовариваться нельзя.

И это не все, социализмъ былъ не меньше задержанъ въ развитіи внутренними причинами какъ и внѣшними. Чувство боли отъ общественной несправды было очень ясно, желаніе выйти изъ сознанаго сквернаго положенія очень справедливо, но отъ этого до леченія далеко. Социализмъ, страстно увлеченный, съ желаніемъ кары и мести, бросилъ свою перчатку старому міру прежде чѣмъ узналъ силу свою, и опредѣлилъ мысль свою. Съдой боецъ поднялъ ее—и не Голиаѳъ, а Давидъ палъ. Съ тѣхъ поръ ему было много досуга обдуматься въ горькой школѣ изгнанія и ссылки. Додумался-ли онъ до того, чтобъ не бросать перчатки не имѣя силы, не зная что будетъ послѣ битвы, кромѣ казни врага?—Не знаю.

Не воинъ, не судей долженъ онъ явиться... судъ онъ держалъ, пусть же онъ явится исполнителемъ судебъ, въ иномъ смыслѣ слова, пусть онъ “увѣнчаетъ зданіе” и завершитъ революцію. Ему слѣдуетъ столкнуть послѣднюю глыбу, мѣшающую идти впередъ своей *неподсудимостью*—въ рвущійся потокъ мысли и водрузить на ея мѣстѣ знамя разумныхъ отношеній людскихъ и дѣйствительныхъ, трезвыхъ, логическихъ законовъ общежитія. Не уничтожить и разбить долженъ онъ политическую экономію, а превратить ее изъ эмпирическаго свода разсужденій и наблюденій, несмѣющаго касаться до святыхъ твердынь существующаго—въ экономическую науку посягающую на все.

Но для этого нуженъ огромный внутренній трудъ и огромный нравственный подвигъ. Для водруженія новаго знамени надобно отбросить старое, знамя непримиримаго раздора, исключительно враждебнаго антагонизма. Военные крики его до того сбили понятіи самыхъ передовыхъ бойцевъ, что они какъ Казимодо бросаютъ камни и льютъ свинецъ на *truanderie*, пришедшую спасти “цыганку, которую они защищаютъ.”

Пойметъ-ли наконецъ звонарь, что врагъ сзади, что онъ не ее спасаетъ а помогаетъ *ему*, и броситъ ли онъ его черную фигуру съ колокольни? Это покажетъ будущее. Но во всякомъ случаѣ тѣмъ, которые стоятъ со стороны социализма, надобно яснѣе и покойнѣе высказаться, а для этого необходимо яснѣе и проще повѣсть задачу.

Лихорадочный, острый періодъ народненія для социализма прошелъ.

Страстная, вдохновенная форма, въ которой является новое ученіе, глубоко захватывающее жизнь отъ очага до площади, его церковныя ризы, его фантазія незнающая предѣловъ, его

фанатизмъ незнающій сомнѣній, его юная нетерпимость, его ревность прозелитизма—все это на мѣстѣ въ началѣ. Безъ идеаловъ, безъ поэзіи люди не оставляютъ одръ своей, чтобъ пасти за учителемъ, но за яркими цвѣтами зори настаегъ дневная работа, съ помѣхами и ошибками, съ дождемъ и ведрами, съ каменистой почвой и болотами, съ отклоненіями и уступками, съ компромиссами и діагоналями. Для этой работы нужны не кадилы и не рипиды, а простыя орудія труда и простыя формулы разума.

Фразы, отъ которыхъ билось сердце, текли слезы и кровь, всѣ эти молитвы гражданской антургии въ началѣ революціи, съ которыми массы шли на бой, сгубили ее потомъ. У всякаго позраста свой языкъ и свой смыслъ словъ. Поэмы Давида были Марсельезой Гугенотовъ. Поричать языкъ другого времени также чуждо какъ говорить имъ. Соціальныя идеи пережили свою героическую интродукцію, ни бархатный жплегъ верховнаго отца Аифантэна, ни фаланстеръ Фурье, ни государственная барщина, ни *communa* Вомогитъ, ни разрушеніе семьи, ни отрицанье собственности—ничего не сдѣлаютъ теперь, сверхъ того что они сдѣлали для вызова на сцену и постановки вопросовъ.

Поле по видимому стало бѣднѣе, но замѣчательно очистилось, много выяснилось въ томъ, гдѣ искать отвѣты и гдѣ пчѣ не можетъ быть.

Люди недовольны экономическими условиями труда, упроченнымъ неравновѣсіемъ силъ, ихъ потерей, рабствомъ работы, злупотребленіемъ накопленныхъ богатствъ—но они

не хотятъ переѣзжать въ рабочія казармы,
не хотятъ чтобъ правительство гоняло ихъ на барщину,
не хотятъ разрушать семьи и очага,
не хотятъ поступиться частной собственностью,

т. е. они хотятъ при обновленіи, при перерожденіи сохранить на сколько возможно свою привычную жизнь, соглася ее съ новыми условіями. На какихъ же разумныхъ основаніяхъ можно сдѣлать, согласить такія сложныя и противурѣчающія потребности? Въ этомъ то и задача, весь соціальный вопросъ такъ и становится, освобожденный отъ громовыхъ тучъ своихъ и молній.

Есть-ли рѣшенія?

Въ прошломъ письмѣ я взялъ на себя смѣлость, j'ai hasardé сказать, что одно изъ *дѣйствительныхъ* рѣшеній представляетъ русский народный бытъ въ его современномъ развитіи. Бѣдное село наше, съ своей скромной общинной жизнью, съ своимъ общиннымъ землевладѣніемъ, наша черная Русь и крестьянская изба, невольно вырѣзываются на сценѣ, съ которой больше и больше исчезаютъ въ туманѣ—фаланстеры, Икаріи, національныя рабочія, государственныя подряды и пр.

Возраженія, которыя я слышалъ на эту стародавнюю мысль мою, всѣ безъ исключенія, не только не переубѣдили меня, но вообще были не серьезны и походили на богословскія доказательства *текстомъ*, имѣющія вѣсь только для тѣхъ кто самъ принимаетъ текстъ за критеріумъ истины.

Женева, 1 Юня 1865.

И—Рѣ.

СМѢСЬ.

— *Всѣ еще горитъ Россія.* Пожаръ въ двадцати губерніяхъ! Все поджоги—намекаютъ *Московск. Вѣдомости*. Но кто же поджигаетъ? Неужели ни разу, нигдѣ полиція не добралась ни до одного *въ самомъ дѣлѣ* виноватаго, кромѣ какихъ то юродивыхъ, да малолѣтнихъ, отъ которыхъ путнаго слова нельзя было добиться? Какъ же не прогнать такую полицію, со всѣми ея частными и общими приставами, гражданскими, военными губернаторами и военными генералами губернаторами? Если же поджоговъ нѣтъ, или если они составляютъ незамѣтную случайность, то какъ же не прогнать всю эту журнальную сволочь алармистовъ, всѣхъ этихъ *нравственныхъ отравителей* общественаго мнѣнія?

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Ртѣ L'Evêque, Genève.

ПОСЛАНИЕ

КО ВСѢМЪ ПОПОВЦАМЪ ОБИТАЮЩИМЪ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Братья,

Мы гораздо вѣримъ нашимъ Пастырямъ и не повѣряемъ за ходомъ ихнихъ дѣлъ и глаголовъ. А они зѣдъ недобро мыслятъ сотворить съ нами, они хотять закабалить насъ въ Единовѣріе, въ казенную вѣру, подъ казенную власть. Аще не вѣрите намъ, посмотрите сами ходъ дѣла.

А. Безпоповцы пишутъ на насъ обличенія и доводятъ изъ правилъ святоотеческихъ, что если мы примемъ попа отъ ереси и помажемъ св. Миромъ, онъ тогда бываетъ простъ человѣкъ христіанинъ и не долженъ священнодѣйствовать. А мы вѣдъ сами знаете всѣхъ такъ принимали и поповъ и Епископовъ и Митрополитовъ. Наши Пастыри, а особенно Архіепископъ Антоній вникнули въ это дѣло со вниманіемъ и обрѣли въ правилѣхъ тако, якоже и доказывали намъ и начали сомнитися въ существованіи на себѣ благодати.

В. Антоній сближенъ съ единовѣрцами, а тѣи вѣдъ сами знаете, говорятъ о благодати также, якоже и безпоповцы. Антоній ихъ наслушался, да и написалъ "окружное посланіе", съ цѣлію поизвѣдать народъ, что въ немъ почуется; посылалъ было его пропечатать въ "Колоколъ", но издатели отказались печатать, тогда послѣ сами отпечатали въ Австріи и разпустили въ люди. Содержаніе Посланія весьма ясно показываетъ къ чему идетъ дѣло; въ немъ облегчаютъ вину Никоновскаго отступленія, въ немъ даже укоряютъ безпоповцевъ за то, что не соединяются съ никоновщиною, и это вотъ явный ходъ къ прелести, хотя и не тебѣ говорятъ, а ты дескать на усъ мотай.

Г. Говорять, что Кирилль въ 1863 году пріѣхалъ въ Москву не въ томъ духѣ, то его и выпроводили приверженцы Антоніевы и довели до бѣды, что и той сдался, и теперь одно мудрствуетъ.

Д. Говорять, что Антоній вхожъ къ Филарету, гдѣ процѣниваетъ насъ и продаетъ въ новоблагословенку.

Изо всего видно, что насъ хотять подвести въ кабалу запустѣнія, сперва въ Единовѣріе, а потомъ въ никоновство. Братья, вонмемъ! станемъ дружно! отвергнемъ Іуду. Ближе къ намъ безпоповцы, нежели Единовѣріе; безпоповцы доказываютъ намъ, а намъ надобе вникнуть въ ихнія свидѣтельства, со стороны дѣло виднѣе. Говорять, что безпоповцы начетчики признаютъ вѣчное бытіе священства, но только оно будетъ скрыто по предсказанію Іоанна Богослова, (Глава 12) до времени, пока Антихристу угладятъ дорогу. Ну ихъ Пастырей! За ними пожалуй затянешься въ бездну мерзости, якоже и Никониане, вѣдъ сильнаго сильнѣе и соблазнъ беретъ.

Братцы, головы сложимъ, якоже и наши праотцы, а не сдадимся въ казенную вѣру, потому то и спѣшимъ извѣститъ васъ, давайте слѣдить за Пастырями, что они мыслятъ, намъ Писаніе сице повелѣваетъ: "Аще убо вѣры ради, бѣгай Его и отрицайся: не точію аще человѣкъ бы былъ, но аще и ангелъ съ небесе сшедши, аще житія ради, не испытай", Злотоустъ, 34 бесѣда къ Евреомъ. Давайте слѣдить, и вы всѣ помогите, ради Бога, кто сколько можетъ и знаетъ, пишите, да и присылайте на первый разъ хотя по адресу "Колокола", они передадутъ намъ въ Россію. Оглядывайтесь, испытывайте, подслушивайте, соберемъ общую формулу хода нашихъ Пастырей.

Апрѣля мѣсяца, 1865 года.

* ОТЪ РЕДАКЦІИ.— Мы не считаемъ себя въ правѣ отказывать напечатаніе и разсылку при *Колоколѣ* чего либо отъ людей по своему вѣрующихъ, сколько бы мы сами ни были далѣки отъ ихъ убѣжденій, когда знаемъ, что эти статьи не могутъ быть напечатаны въ Россіи и что эти люди за свою вѣру страдаютъ. Снобода совѣсти человѣческой для насъ составляетъ догматъ; мы можемъ спорить съ вѣрованіемъ для насъ чуждымъ, если сочтемъ это нужнымъ; но отказать въ гласности *впрѣь гонимой* мы не считаемъ себя въ правѣ. Въ заключеніе просимъ приславшихъ "Посланіе" подумать, что если бы намъ было что прислано для передачи имъ, то способъ этой передачи намъ до сихъ поръ вовсе неизвѣстенъ.

Поступило въ печать и выйдетъ черезъ мѣсяцъ сочиненіе
ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ
(Обыкновенно называемыхъ Молоканами).

Просимъ приславшихъ рукопись адресоваться въ Русскую Типографію въ Женевѣ, 40, PRÉ L'EVÊQUE.
Цѣна 2фр.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ :

СБОРНИКЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СВѢДЕНІЙ О РАСКОЛЬНИКАХЪ, составленный В. Кельсевымъ,
Выпускъ I, II, III и IV.

СОВРАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА, Томъ I, Выпускъ I и II.

СТОГЛАВЪ, Соборъ бывшій въ Москвѣ при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ
Васильевичѣ (въ лѣто 7059).

РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНІЕ ВЪ ЖЕНЕВѢ
береть заказы на русскомъ и всѣхъ славянскихъ языкахъ.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 201.

1 Августа 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré L'Evêque и въ главнѣйш. депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у Н. Грюниера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRUBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Русскія реформы (II Цензурный уставъ)—Письма къ путешественнику (Письмо четвертое)—Наши будущіе адвокаты передъ

“Московскими Вѣдомостями”—Еще о Я. Домбровскомъ. Смѣсь: Старовѣры и Евреи—“Московск. Вѣдомости”—La bourse ou la vie!—Офендеръ Бейдеманъ.

РУССКІЯ РЕФОРМЫ.

II.

ЦЕНЗУРНЫЙ УСТАВЪ.

Одна изъ самыхъ странныхъ правительственныхъ реформъ — это новый цензурный уставъ. Тутъ никакъ нельзя понять чего именно хотѣло правительство относительно печати: дать ей немножко побольше воли, или еще больше стѣснить ее, по похвастаться передъ иностранцами, что оно будто даетъ ей какую-то свободу. Къ чести или не къ чести правительства, мы думаемъ, что оно само не понимало чего оно хотѣло и что сдѣлало. Если оно само не понимаетъ, что оно дѣлаетъ новое пригѣсненіе — это, пожалуй, относится еще къ его чести, потому что какъ-же винить человѣка, который дѣлаетъ зло, самъ не понимая, что онъ дѣлаетъ? А между тѣмъ нельзя-же и къ его чести отнести — непониманіе. Впрочемъ намъ до нравственнаго и умственнаго достоинства правительства дѣла нѣтъ — оно давно несостоятельно, такъ что когда ему случается сдѣлать что нибудь хорошее — это обыкновенно бываетъ противъ своей воли, по необходимости судебъ, или совершенно случайно и всегда не полно, не довершено, не опредѣленно, не откровенно. Наше дѣло собственно разобрать самый составъ новаго закона и его возможное вліяніе на общественную жизнь.

Изобрѣтеніе несчастной помѣси предварительной цензуры съ свободой печати принадлежитъ Наполеону I. Онъ начинаетъ осуществлять ее еще во времена консульства. Указомъ консуловъ, въ Январѣ 1801 года, дозволяется запрещеніе административнымъ порядкомъ даже самыхъ привилегированныхъ правительствомъ газетъ. Въ 1810 году (въ Февралѣ) императоръ вводитъ цензуру, съ дозволеніемъ главному начальнику книгопечатанія, министру полиціи и префектамъ департаментовъ остановить печатаніе всякаго изданія, чтобъ подвергнуть его цензурѣ и запрещенію если авторъ отказался бы измѣнить написанное. Ксожалѣнію это у насъ въ новомъ уставѣ повторяется въ другой формѣ (какъ мы дальше укажемъ) повторяется, не смотря на мнимую безцензурность. Въ Августѣ 1810 года Наполеонъ дѣлаетъ милость авторамъ и издателямъ, дозволяетъ просить о дарованіи имъ обезпеченія предварительной цензуры (garantie d'une censure préalable) которая, впрочемъ, не освобождала ихъ отъ полицей-

скаго преслѣдованія. При этомъ существовала въ тогдѣшнемъ Сенатѣ коммиссія о свободѣ печати; очевидно — мы тоже не отстали, — у насъ тоже Сенатъ рѣшаетъ дѣла, возникающія изъ этой свободы. Но тогдѣшній французскій сенатъ дѣйствительно вспомнилъ о свободѣ печати только при паденіи Наполеона; а Наполеонъ провозгласилъ свободу печати только во время знаменитыхъ ста дней, т. е. тогда когда онъ заискивалъ всякими уступками передъ народомъ и боялся его! Что то станетъ дѣлать нашъ правительствующій сенатъ и наше правительство!

Вообще въ помѣси предварительной цензуры съ свободой печати — свобода печати представляетъ для писателя и издателя родъ полипейской мышеловки (guet-à-pens). Ловкость, которую новый цензурный уставъ даетъ полиціи подставлять свои мышеловки, далеко превышаетъ безправственностью простое приказаніе Наполеона I — останавливать изданіе во время печатанія, чтобъ подвергнуть остановленное изданіе цензурѣ или запрещенію. У насъ мышеловка безцензурности повторяется въ другой формѣ, какъ мы выше сказали, право данное администраціи останавливать изданіе до выхода въ свѣтъ; но это право уже не ограничивается отдачею неправившагося ей сочиненія въ цензуру или только запретить его выходъ въ свѣтъ; у насъ въ новомъ уставѣ администрація имѣетъ право преслѣдовать автора и издателя *невышедшаго въ свѣтъ сочиненія* административнымъ и судебнымъ порядкомъ. Это немножко по крѣпче наполеоновскаго указа, составляетъ подкупъ подъ личность автора и издателя и поражаетъ совершеннымъ предательствомъ. Мы не знаемъ какъ иначе понять въ мнѣніи государственнаго совѣта 6 Апр. 1865 г., которое собственно и составляетъ новый цензурный уставъ, 25 статью главы II (О повременныхъ изданіяхъ). Вотъ эта статья:

“25. Повременныя изданія, изыятые отъ предварительной цензуры, представляются издателями въ цензурные комитеты въ слѣдующіе сроки:

“1) Экземпляры каждаго нумера газеты или вообще изданія, выходящаго не менѣе одного раза въ недѣлю, одновременно съ приступомъ къ окончательному печатанію того нумера.

“2) Экземпляры каждаго выпуска изданія, выходящаго въ свѣтъ рѣже одного раза въ недѣлю, не позже какъ въ два дни до павсылки оного подписчикамъ или выпуска въ продажу.

“Въ исполненіе сего издателямъ выдаются росписки, съ обяваніемъ въ нихъ времени представленія экземпляровъ. Виновыя въ непредставленіи экземпляровъ въ срокъ подвергаются денежному взысканію не выше ста рублей”.

• Léon Vingtain. De la liberté de la presse. Paris 1860.

Теперь сообразите значение этой статьи съ “правилами о главномъ управленіи по дѣламъ печати (гл. I, мѣнія госуд. совѣта)” — мы къ нимъ еще воротимся впослѣдствіи — и вы увидите, что цензурные комитеты состоятъ въ непосредственномъ завѣдываніи этого главнаго управленія, состоящаго изъ начальника управленія, назначаемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ и совѣта, состоящаго изъ находящихся въ Петербургѣ предсѣдателей цензурныхъ комитетовъ и изъ членовъ тоже назначаемаыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Очевидно, что каждый цензурный комитетъ, получая заблаговременно каждый экземпляръ повременнаго изданія успѣетъ до выхода его въ свѣтъ, извѣстить главное управленіе о неоправившейся статьѣ, а главное управленіе успѣетъ извѣстить министра внутреннихъ дѣлъ.

Далѣе, сообразите все это съ ст. 29, 30 и 32-ой той же главы мѣнія гос. совѣта :

“29. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право дѣлать повременнымъ изданіямъ предостереженіе, съ указаніемъ на статьи подавшія къ сему поводъ. Третье предостереженіе приостанавливаетъ продолженіе изданія на срокъ, который министромъ внутреннихъ дѣлъ при объявленіи предостереженія будетъ назначенъ, но не свыше 6 мѣсяцевъ. Это правило распространяется въ одинаковой силѣ и на повременныя изданія, арендуемыя у правительственныхъ или ученыхъ учреждений.

“30. Если послѣ третьяго предостереженія, мин. внутр. дѣлъ признаетъ нужнымъ, независимо отъ предварительнаго приостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить его изданіе, то онъ входитъ о семъ съ представленіемъ въ I-ой Департаментъ правительствующаго сената.

“32. Прекращенное изданіе можетъ быть возобновлено не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія министра внутр. дѣлъ”.

Мимоходомъ замѣтимъ, что ст. 29, по которой министръ можетъ запретить изданіе только на 6 мѣсяцевъ, противурѣчить статьѣ 30-ой, по которой онъ можетъ запретить его вовсе; а что ст. 30-я, по которой министръ запрещаетъ изданіе путемъ сената, противурѣчить ст. 32-ой, по которой онъ изданіе, запрещенное рѣшеніемъ сената, разрѣшаетъ самовольно, — и что сенатъ во всемъ этомъ играетъ забавно низкую роль, гдѣ онъ дѣйствуетъ какъ юридическая власть, когда правительству нужно, чтобъ онъ былъ клеветомъ министра; а когда въ сенатскомъ потворствѣ, для соблюденія юридическаго формализма, правительство не нуждается, — то министръ на сенатское рѣшеніе не обращаетъ вниманія.

Но не на это мимоходное замѣчаніе мы особенно обращаемъ вниманіе читателей; мы просимъ ихъ сообразить, что ни изъ одной изъ вышеприведенныхъ статей не видно, чтобъ министръ не имѣлъ права налагать свои предостереженія и запрещенія за статьи еще не вышедшія въ свѣтъ. Онъ точно также можетъ налагать ихъ и за статьи, поступившія заблаговременно въ цензурные комитеты, которые легко могутъ сообщить о нихъ, а на основаніи другихъ пунктовъ и общаго смысла устава, могутъ не допустить въ продажу экземпляры съ неоправившимися статьями.

По общему смыслу устава цензурные комитеты не имѣли бы нужды получать заблаговременно экземпляры, если-бы не имѣли права останавливать ихъ выходъ въ свѣтъ; а въ статьѣ 14, Гл. III, мѣнія госуд. совѣта (о типографіяхъ, литографіяхъ и пр.) это право высказано очень опредѣленно :

“14. Въ тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противузаконнаго сочиненія или повременнаго изданія, наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебнаго о семъ приговора, совѣту главнаго управленія и цензурнымъ комитетамъ предоставляется право немедленно останавливать выпускъ въ свѣтъ сего сочиненія, не иначе, впрочемъ, какъ начавъ въ тоже самое время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго”.

Кто-же мѣшаетъ главному управленію или цензурному комитету начать судебное преслѣдованіе, а министру въ тоже время сдѣлать предостереженіе по поводу статьи *новышедшей*

въ свѣтъ, но отпечатанной въ заблаговременномъ экземплярѣ; а если дѣло случилось-бы послѣ двухъ предостереженій, ктоже ему мѣшаетъ вовсе прекратить изданіе указомъ I-го Департамента правительствующаго сената ?

Этотъ общій смыслъ соединеннаго двойнаго гнета, разомъ падающаго на изданіе и на лица, т. е. издателя, сочинителя, даже типографщика — представляетъ самостоятельное изобрѣтеніе русскаго правительства, котораго оригиналъ мы не могли отыскать въ другихъ законодательствахъ (можетъ быть за неимѣніемъ документовъ) — между тѣмъ какъ оригиналы отдѣльныхъ статей отыскивается безъ большаго труда.

Главное страдающее лицо — это сочинитель статьи, или отвѣтственный редакторъ, и преслѣдованіе равно возможно относительно повременнаго изданія и относительно большаго сочиненія, разница только въ заблаговременности экземпляра посылаемаго въ цензурный комитетъ до выпуска въ свѣтъ, (смотри вышеприведенную ст. 14, Гл. III), одного въ тотъ же день (слѣдственно останавливаемаго по телеграфу), а другою за два дни (слѣдственно останавливаемаго по почтѣ).

Это намъ кажется одно изъ главныхъ предательствъ новаго цензурнаго устава, пользуясь которымъ правительство можетъ не допустить къ выходу въ свѣтъ любое произведеніе, начавшееся печататься безъ предварительной цензуры, и сверхъ того сочинителя и редактора запереть въ тюрьму административнымъ порядкомъ, (т. е. путемъ управленія министерства внутреннихъ дѣлъ и всякимъ полицейскимъ насиліемъ) и, обвинивъ уголовнымъ судомъ, т. е. оклеветавъ чуть не въ царевубійствѣ, сослать писателя и редактора на каторгу, или перевести уголовный судъ на военный судъ и разстрѣлять ихъ или повѣсить. Гдѣ же во всемъ этомъ отыскать законное препятствіе? Законъ именно такъ составленъ, что онъ не ставитъ никакой границы правительственному произволу — отъ высочайше утвержденной висѣлицы до высочайше разрѣшенной опеки квартальнаго надзирателя.

(Окончаніе впредь)

Н. Огаревъ.

ПИСЬМА КЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Прежде чѣмъ мы будемъ продолжать нашъ *аргументъ*, какъ говорятъ здѣшніе школьники, я долженъ вамъ рассказать о разговорѣ, который былъ у меня съ однимъ изъ вашихъ друзей по поводу моихъ писемъ къ вамъ. Онъ прямо изъ Москвы, и тутъ то я увидѣлъ, какъ былъ правъ, что поздравлялъ васъ съ долгимъ отсутствіемъ изъ Россіи. Разговоръ, о которомъ идетъ рѣчь, близокъ къ нашему предмету и мы имъ, какъ маленькимъ проселочнымъ объѣздомъ, незамѣтно выѣдемъ на нашу большую дорогу. “Вы престранный человекъ, говорилъ онъ, и я не могу вамъ надивигься, въ вашей мысли два потока, я думаю что вы пишете двумя разными перьями, изъ двухъ разныхъ чернильницъ. Съ одной стороны вы болѣзненно ясно понимаете все страшное положеніе наше и безпощадно клеймите его; съ другой — вы полны прежнихъ надеждъ и вѣрованій. Какъ будто ничего не было, какъ будто правительство не рѣзало Польши и общество не плескалось съ дикимъ упоеніемъ въ ея крови, какъ будто литература не превратилась, консерваторская — въ доносъ, прогрессивная — въ извошичью брань, какъ будто вы не знаете какая сонная, сытая, ко всему безучастная анатія овладѣла общест-

вомъ, которое бѣсновалось, года три-четыре тому назадъ, въ “восторгѣ въ комъ пламенномъ”, говоря о своемъ либерализмѣ, гуманизмѣ, прогрессизмѣ”...

За тѣмъ, такъ какъ это не въ первый разъ, я ужъ и ждалъ: ...“еслибъ вы только могли провести мѣсяцъ или два въ Петербургѣ или Москвѣ, какъ бы вы отрѣзвились”...

— Не думаю...

— Хорошо говорить издали, а посмотрѣлибъ что дѣлается по ближе. Люди, рвавшіеся на дѣятельность, люди, которые были готовы идти на каторгу съ Михайловымъ и Обручевымъ, стояли сложа руки, когда Чернышевскій былъ у позорнаго столба; люди, находившіе васъ отсталымъ, люди шедшіе на площадь, социалисты, демократы—теперь...

— Вольно же вамъ было пылъ поднявшуюся передъ грозой принять за самую грозу... все легкое и пустое прежде всего уносится вѣтромъ, кружится въ воздухѣ, а потомъ опять падаетъ на мостовую, въ канаву, это явленіе не новое, но ново то, что у насъ приходятъ въ отчаяніе оттого, что сухіе листья и бумажныя змѣи приняли за небесныхъ герольдовъ и архангеловъ. Мы проходимъ скверной полосой, но мы не сидимъ въ пей и нашъ ропотъ, исполненный безнадежностію, происходитъ отъ непривычки къ борьбѣ съ ея капризными приливами и отливами. Въ этомъ отношеніи есть чему поучиться намъ у западныхъ людей, особенно у англичанъ. Мы ужасно скоро бросаемся на все и ужасно скоро все бросаемъ. Ни выдержки, ни терпѣнья. Выбиваемся изъ силъ отъ всякой неудачи, непредвидѣнное препятствіе конфузитъ насъ, ошибка заставляетъ теряться, поражение опускать руки. Вѣры мало, дыханіе коротко. Оттого-ли это, что мы не находимъ все еще своего настоящего дѣла, или отчего другого—все это очень печально—тѣмъ не меньше въ настоящемъ случаѣ, въ этой невыдержкѣ лежитъ залогъ, что и бѣснующійся патріотизмъ также скоро пройдетъ, износится, какъ прошелъ галопирующий либерализмъ. Перестрадавъ весь позоръ этой печальной эпохи, мы предвидимъ ея конецъ. Неужели вы думаете, что судьбы Россіи измѣнятся отъ этой катковско-муравьевской грязи по ступицу. Лапти по пей кой-какъ пройдутъ, а если увязнутъ кой-какіе сапоги, особенно нѣмецкой работы, бѣда право не велика.

— Да вѣдь и мы съ вами ихъ носимъ...

— Я и не вижу особой необходимости ни въ васъ, ни во мнѣ; но въ этомъ случаѣ вы ошибаетесь, мы выйдемъ можетъ босыми, можетъ потонемъ, но съ чистой совѣстью, съ чистыми ногами.

— А если не потонемъ, то куда же поидемъ. Я не спору, мало ли чего можетъ быть ‘лѣтъ черезъ пятьсотъ’, но пушкинскому выраженію; но теперь то, когда все молодое состарилось за ночь, когда потухли таланты, въ университетахъ пьютъ тосты за Муравьева, когда журналы...

— Опять старая исторія. Прежде чѣмъ требовать и негодовать, слѣдовало бы опредѣлить себѣ въ чемъ состояла общественная задача европеизма въ общей экономіи русскаго развитія, не та задача, которую сами себѣ ставили люди, или которую мы за нихъ ставили, а та которая досталась имъ на часть по самому теченію жизни. Вы ихъ клянете и браните, а мнѣ кажется что они свое дѣло сдѣлали, и теперь сходятъ со сцены по минованіи надобности. И это въ тоже время какъ по другой лѣстницѣ спускается другая Россія, Россія англійскаго клуба, мертвыхъ и ревизскихъ душъ, гумна и конюшни.

— Ну эти пьесу свою сыграли до конца, а какая же пьеса была у нашихъ?

— Пьесу то вы и проглядѣли... Она преинтересная и называется “Знакомство двухъ незнакомцевъ, или новая смѣсь французскаго съ нижегородскимъ”.

— Ничего не понимаю.

— Чтожъ мнѣ съ вами дѣлать. Общественная задача западной цивилизаціи въ Россіи, состояла въ объясненіи социальныхъ началъ русскаго быта и въ усвоеніи социальныхъ идей Запада... Двадцать лѣтъ тому назадъ едва осмѣливались намекать на это Славянофилы, Гакстгаузенъ, мы, и потомъ то новое поколѣніе, на которое вы нападаете, оно то и заявило свои социальные стремленія и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленія чисто русскія, это фактъ и его изъ сознанія топоромъ не вырубить. Люди, участвовавшіе въ этомъ, могутъ цвѣсти или завянуть, писать романы или и не читать ихъ, жить долго или скоро умереть—все равно, свою службу они отправили. Очень вѣроятно, что имъ мерещилось гораздо больше, а именно, что они будутъ призваны на осуществленіе своихъ идеаловъ... это не удалось. До полного приложенія много еще пройдетъ случаевъ и ужасовъ, ужасы почти всегда пропорціональны силѣ власти, неразвитости массъ и количеству войска; а тутъ еще наткнемся на какуюнибудь глупую войну, на какуюнибудь глупую дворянскую конституцію, на какуюнибудь “счастливую случайность”, какъ выражался Александръ I, или на какуюнибудь “несчастную”... Все можетъ быть, но лишь бы продолжалось то социальное развитіе, которое прозябаетъ на нашихъ поляхъ. Наша сила тутъ, какъ Самсонова была въ волосахъ.

— Все это хорошо... да гдѣ же взять столько голландской флегмы или философскаго спокойствія?

— Хотите, я вамъ открою секретъ моей философіи: Онъ можетъ равно пригодиться для частной и для общей жизни, вся тайна заключается въ текстѣ: “Мареа, Мареа, печешеся о мнозѣ, едино-же есть на потребу”. Узнать, опредѣлить для себя это *единое* и оставить все, отца, мать и прилѣпиться къ нему; за нимъ слѣдить со всей пастойчивостію, страстью, ревностію, къ которой человѣкъ способенъ, допуская всему остальному мѣняться, измѣнять, уклоняться, совсѣмъ лопать. Человѣкъ глубокососредоточенный на одномъ, долженъ быть *легкомысленнымъ* во всемъ другомъ, иначе онъ растеряется и ни во что не принесетъ полной силы. Отчего Ротшильды богаты и богачѣютъ? Оттого, что все ихъ существованіе постоянно подчинено главной цѣли. Основной тонъ жизни Кобдена была свобода торговли, и онъ во всѣхъ событіяхъ, во всѣхъ вопросахъ смотрѣлъ прежде всего и послѣ всего на *free trade*. Передъ всякой войной и послѣ всякой войны Кобденъ обсуживалъ могущія быть отъ нихъ стѣсненія или расширенія международныхъ торговыхъ отношеній. Во Франціи революція—Кобденъ рассчитываетъ шансы трактата, во Франціи другая—Кобденъ посылаетъ проектъ. А тамъ Памъ-ли министромъ въ Лондонѣ, Персинъ-ли въ Парижѣ, ограбили-ли нѣмцы бѣлымъ днемъ Данію или нѣтъ—это не то чтобъ было все равно, но не на первомъ планѣ. Равнодушны-ли мы къ кровавымъ путямъ, по которымъ идетъ правительство наше, поддерживаемое обществомъ—это вы знаете... два года изъ нашей груди не вырвалось свѣтлаго звука, два года мы постоянно были на похоронахъ, униженные, словно и мы участвовали въ убійствѣ, и при всемъ томъ

живой о живомъ и думаетъ, и пока Россія не своротила съ главнаго тракта, пока она *туда идетъ*, какая бы скорбь ни была на душѣ, мы не впадемъ въ отчаяніе и не поступимся нашей вѣрой. Въ 1862 году я говорилъ*: “Только тотъ, кто призванный къ дѣятельности, пойметъ быть парода, не утративъ того что ему дала наука, кто затронетъ народныя стремленія и на осуществленіи ихъ оспуетъ свое участие въ общемъ земскомъ дѣлѣ, тотъ только и будетъ женихомъ грядущимъ.

“Кю же будетъ этотъ суженый?

“Императоръ-ли, который отрѣкаясь отъ Петровщины, совмѣститъ въ себѣ царя и Степъку Разина? Новый-ли Пестель? Опять-ли Емельянъ Пугачевъ, казакъ, царь и расколникъ, или крестьянинъ и пророкъ какъ Антонъ Безднѣвскій?

“Трудно сказать.

“Но кто-бъ онъ ни былъ, наше дѣло идти къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью”.

Вотъ вся тайна моей философіи. весь мой махиавелизмъ. Многіе догадываются о ней, но никто не рискуетъ прямо высказать такъ еще мало свободенъ нашъ разумъ и нашъ языкъ отъ разныхъ картонныхъ драконовъ и отставныхъ святынь. Къ тому же мы мало привыкли избирать *единое на потребу* и идти постоянно къ нему. Есть люди, которые постоянно въ жизни видятъ ея изнанку, ея шероховатую сторону, ея случайные недостатки, и изъ за нихъ теряютъ всю гармонию, всю картину свѣтлой, лицевой стороны ея. Организациі желчно-раздражительные и нетерпѣливые спеціалисты, неловкіе въ обобщеніи, затерявшіеся въ мелочахъ, они дѣлаются въ общественной жизни тѣмъ, что на языкѣ французской революціи называлось *алармистами*; они охлаждаютъ каждый порывъ, бросаютъ сомнѣнія тамъ, гдѣ вужна вѣра—они стягиваютъ въ подробности тамъ, гдѣ ихъ надобно забыть и всего больше *во лжи*, тогда когда *правы*, потому что лѣстница отъ частнаго къ общему у нихъ потеряна, потому что правда ихъ плоска и ихъ взаимное отношеніе утрачено. Если оптимизмъ большая глупость, то пессимизмъ большое несчастье, и какъ ни жалъ ихъ, но удивляться мудро тому, что комитетъ общественнаго спасенія рубилъ головы алармистамъ.

— Сила крестная съ нами — сказалъ вашъ пріятель расхохотавшись—да это вы меня просто прочтите на гильотину.

— Непремѣнно, если вы воротитесь съ вашими привычками въ 1794 годъ.

Вы, мой милый путешественникъ, я знаю, не дѣлите нетерпѣливаго и капризнаго взгляда этого, но его дѣлать многіе и это дурной признакъ. Старцы Сибири, возвратились черезъ тридцать лѣтъ каторги, съ молодыми надеждами, съ горячей вѣрой? Мы сами вынесли длинное путешествие черезъ николаевскую Саару и чего, чего не было на пути. Разбуженные 1825 годомъ, мы росли имѣя за собой страшную судьбу предшественниковъ, возлѣ страшное безучастіе среды и впереди страшное *ничего*. Грубые факты, глупые факты гнали слово, мысль съ лица земли, а умственная дѣятельность росла въ тиши, въ ту мѣру, въ которую бѣднѣла общественная жизнь. Люди спасались отъ погрома, отъ дикой силы, удаляясь въ отвлеченную науку или отыскивая между полусогнившими костями отгадку новыхъ бѣдъ и патакиваясь именно на тѣ

тайники русской жизни, о которыхъ мы говорили... Сѣдые волосы показались на нашей головѣ... перешли и мы за тридцать... за сорокъ лѣтъ. Сильнѣйшіе бойцы, съ крѣпкими мышцами гибли одинъ за однимъ, Бѣлинскій умеръ, Гоголь шелъ въ сумашедшій домъ, Петрашевскій съ друзьями шлі на каторгу—еще тише... одинъ грустный голосъ Грановскаго раздавался какъ псалтырь у похороненнаго тѣла и пророчилъ сквозь слезы жизнь будущаго вѣка и вѣру въ судьбы человечества... Молча смотрѣло новое поколѣніе, зачатое въ плачѣ и скорби, изуродованное до хилости, оскорбленное до юродства, сознававшее свое безсиліе, свое безправіе. Я жилъ тогда вдали—что было въ этой дали, вы знаете по преданіямъ. Все, все измѣнило, потерянный въ лондонскомъ туманѣ, свидѣтель голодной смерти единого свободнаго народа и мученичества эмиграціи, я проповѣдывалъ о будущности Россіи, а Николай, Медуза Николай былъ еще живъ. Теперь *есть борьба, есть работа*.

Будучи въ меньшинствѣ собирающагося войска, матеріальная сила не съ нашей стороны, за то у противной громады кромѣ ея и привычки ничего нѣтъ—ни ума, ни образованія, ни единства цѣли, ни плана. Правительство безпрестанно отталкиваетъ напоръ, кричитъ “смирно!” ловить забѣжавшихъ впередъ—это дѣло полицейское, но что-жъ оно хочетъ сказать въ этомъ *смирно*, что сдѣлать на расчищенномъ плацѣ-парадѣ?—*Какъ что? Известно что*. А въ сущности вовсе не известно, и всего меньше правительству. Оно не злѣе и не хуже прежняго, но оно больше мечется, кидается, теревитъ, оно больше боится. Развѣ этотъ страхъ—не наша побѣда? Рядомъ съ “пороньемъ горячки” оно дѣлаетъ бездну несправедливостей, глупостей, ошибокъ — къ этому пора привыкнуть. Да и кто же ждалъ отъ него ума, гуманности, справедливости? Вѣдь это все же продолженіе Николая, Павла и пр.

Вотъ когда оно по нѣмецкому совѣту и по наговору помѣщичьихъ журналистовъ подталкиваетъ всякими распоряженіями и искушеніями крестьянъ на замѣну общиннаго пользованія землей—послѣдственнымъ раздѣломъ ея въ собственность, тогда дѣйствительно морозъ деретъ по кожѣ. Мало ли что можно напортишь, имѣя въ своихъ рукахъ такую безконтрольную власть, такой приманчивой вещью какъ буржуазная собственность, покупаемая со льготами. Правительство, умѣвшее поддержать двѣсти лѣтъ крѣпостное состояніе и ввести его въ XVIII вѣкѣ тамъ, гдѣ его не было, имѣетъ слишкомъ богатые средства и слишкомъ широкую совѣсть, чтобы его не бояться. *Буржуазная оспа* теперь на череду въ Россіи, пройдетъ и она какъ *дворянски-конституционная*, но для этого не надобно дразнить болѣзнь и “высочайше” способствовать ей.

Если мы вынесемъ эти посягательства, не протестуя, мы не будемъ имѣть даже того извиненія, которое имѣли наши цивилизаторы; они или вовсе не понимали, или вѣрили въ пользу вблачиваемаго образованія, скроеннаго по иностраннымъ шаблонамъ. Тутъ мѣсто борьбы и обличенія, мѣсто эвергіи и страсти, тутъ мы должны преслѣдовать, клеймить безъ усталости и остановки. А вести войну съ частными промахами и гнусностями правительства, хотя и должно, но это не можетъ стоять на первомъ планѣ.

Тоже приходится сказать о нашемъ благородномъ обществѣ, о томъ, которое называло увлекавшихся юношей—зэжигателями, которое рукоплескало ссылкѣ Чернышевскаго, казнямъ

* “Полярная Звѣзда”, VII кн., II вып. В. В. Карзинъ.

поляковъ и посылало телеграммы Муравьеву и его литературному дрягилю... Кто же составляет основу и ядро этого общества, этой Россіи, которой Зимній дворецъ—въ двухъ английскихъ клубахъ, а крѣпости и будки во всѣхъ помѣщичьихъ домахъ? Таже прежняя матушка Россія—Россія-Недоросля и Мертвыхъ душъ, Горя отъ ума и рассказовъ Охотника. Пѣночкинъ сталъ либеральнымъ государственнымъ человѣкомъ, но все же остался Пѣночкинымъ, ПоздREVъ сталъ краснымъ патріотомъ, муравьевскимъ якобинцемъ, оставшись ПоздREVымъ... Развѣ мы этой Россіи идущей отъ Петровскихъ заводовъ, отъ разныхъ Салтычихъ и Бироновъ не знали прежде? Развѣ не пѣли мы ей на всѣ голоса *de profundis* и “со святыми упокой”? Чему же дивимся мы, что она не изящно умираетъ; она не Римскій гладиаторъ, а просто русскій помѣщикъ отдающій богу душу, дѣлающій до конца глупости и заботящійся, какъ Николай въ послѣднюю минуту, можно-ли или нѣтъ причащаться, не выбривши бороды.

Какъ сословіе, дворянство имѣетъ меньше жизненной силы, чѣмъ правительство, послѣдняя, матеріальная сила его угасла—оно обнищало.

И передъ этими то врагами наша молодежь хочетъ сложить руки—въ уныніи... Полноте, это мимолѣтныя минуты отчаянія и досады, въ которыхъ мѣшается гнѣвъ и любовь, плачь о падшихъ и чувство матеріальнаго безсилія. Онѣ должны пройти.

1 Іюля 1865

И—ръ.

НАШИ БУДУЩІЕ АДВОКАТЫ

ПЕРЕДЪ “МОСКОВСКИМИ ВѢДОМОСТЯМИ”

По поводу уголовного суда надъ убійцами мѣшавина Подшивалова, происшедшаго въ Москвѣ 29 Мая настоящаго года, *Московскія Вѣдомости* помѣстили въ *Premier Moscow*, 22 Іюня, небольшую статейку по вопросу о томъ, какова должна быть дѣятельность нашихъ будущихъ адвокатовъ. Этотъ вопросъ слишкомъ важенъ по отношенію къ нашему молодому поколѣнію, какъ извѣстно принимающему слишкомъ близко къ сердцу адвокатскую дѣятельность, и по этому мы увѣрены, что наши читатели не посѣтуютъ на насъ за краткое обсужденіе главнѣйшихъ частей этого вопроса.

Въ юридической практикѣ есть два способа судебной защиты обвиненныхъ: на основаніи справедливости, или болѣе или менѣе относительной истины, то есть говоря по проще—на основаніи чувства человѣчности, и на основаніи буквы или же духа того или другаго закона. Положимъ, на пр., что Х. укралъ фунтъ хлѣба, и укралъ онъ этотъ фунтъ потому что ему хотѣлось ѣсть, такъ какъ, за неимѣніемъ работы, вслѣдствіе изобилія рабочихъ рукъ и недостаточности работы, онъ не въ состояніи былъ кормить себя иначе какъ воровствомъ или чѣмъ нибудь не менѣе этого законопротивнымъ. Очевидно, тутъ не можетъ быть и рѣчи объ оправданіи Х., если на это дѣло сморгнуть съ точки зрѣнія законовъ: такая то статья такого то кодекса формально запрещаетъ воровство, а вотъ такая то полагаетъ за него такое то наказаніе. Коль скоро дознано будетъ, что это преступленіе совершено, судьи должны будутъ приложить къ паціенту положенное по закону наказаніе, а адвокатъ въ состояніи только приводить данныя, на основаніи законовъ для облегченія степени наказанія—или отысканіемъ двусмы-

сленности законовъ, или же какимъ нибудь подъяческимъ крючкотворствомъ. Такъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣлается въ Англіи, и само собою разумѣется, что нашъ знаменитый “провозвѣстникъ английскихъ думъ и московскихъ началъ” долженъ былъ высказать требованіе, чтобы наши адвокаты слѣдовали по этому пути.

Но какъ бы то ни было въ человѣкѣ сознаніе необходимыхъ потребностей человѣческой натуры, для него очевидно, что въ подобныхъ дѣлахъ рѣчь должна принадлежать чему нибудь иному, чѣмъ узкому понятію законности. Для человѣка, не сгнѣвшаго и не потонувшаго въ трущобѣ доктринаризма, ясно какъ день, что во всѣхъ случаяхъ столкновеній интересовъ отдѣльныхъ индивидовъ съ одной стороны и цѣлаго общества съ другой, выше закона—не только не совершеннаго, но болѣе или менѣе несправедливаго во всѣхъ существующихъ теперь государствахъ—должна стоять истина и справедливость, независимыя ни отъ какихъ законоположеній, хотя бы онѣ были составлены “по повелѣнію государя императора Николая I-го”, хотя бы наконецъ поды ними расписался весь ареопагъ замоскворѣцкихъ защитниковъ англійскаго самоуправленія и русско-татарскаго крѣпостнаго права. Громадное большинство преступленій какъ нельзя лучше подходитъ подъ общее правило, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, то есть, что преступленія совершаются подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ для развитія или для жизни индивида обстоятельствъ, и что слѣдовательно для искорененія преступленій необходимо уничтожить тяжелыя и печальныя обстоятельства, вызывающія и весьма часто принуждающія даже людей мारать себя преступленіями и рисковать своею свободою, имуществомъ и часто жизнью. Чтобы не имѣть надобности прибѣгать къ новому примѣру, возьмемъ того-же Х. Адвокатъ, имѣющій сознаніе о своей дѣятельности и сознательно идущій по своей дорогѣ къ цѣли искорененія возможности преступленій, постарался бы, въ настоящемъ случаѣ, не только оправдать Х. и избавить его отъ слѣпой свирѣпости закона, но, что всего важнѣе, способствовалъ бы, выставленіемъ основныхъ причинъ преступленія и обстоятельствъ, среди которыхъ они совершены, наступленію такого порядка вещей, при которомъ честные работники не будутъ принуждены прибѣгать къ позорнымъ поступкамъ, за недостаткомъ работы или недостаточностью рабочей платы. А для того чтобы принести эту пользу, всего удобнѣе и благотворнѣе выставленіе недостатковъ и важныхъ ошибокъ существующаго теперь порядка вещей, ежеминутно попадающихъ въ судебныя разсужденія и истекающихъ, такъ сказать, какъ изъ самой важности дѣла, такъ и изъ всѣхъ почти отдѣльныхъ частей его. Очевидно что на подобномъ поприщѣ не разъ и не два достанутся толчки и современнымъ законамъ, а стало быть и законности.

Скромная въ самомъ дѣлѣ вещь эта законность! *Московскія Вѣдомости* стоятъ теперь за нее горою, но вѣдь онѣ, или вѣрнѣе ея редакторы возставали же противъ нея, когда они признавали, что законность и справедливость не одно и то же и что между этими двумя терминами существовала громадная пропасть, называвшаяся крѣпостнымъ правомъ? Теперь эти господа уже не хотятъ понять, что кромѣ довольно двусмысленнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно несправедливаго разрѣшенія крѣпостнаго вопроса, въ нашей жизни существуютъ еще тысячи и тысячи всевозможныхъ полити-

челюстей, экономических, общественных, семейных и бог знает еще каких неправд. Они стараются теперь закрѣпить и запечатать печатью завѣтной неприкосновенности современный порядок, и придавши ему характеръ святыни, стараются вселить въ общество духъ и чувства законности въ отношеніи къ нему. Но для людей до-катковскаго періода, (извините намъ это выраженіе) крѣпостное право было тоже своего рода святыней, оно должно было (по ихнему мнѣнію, конечно) считаться законностью, почему же гг. редакторы *Московскихъ Вѣдомостей* не считаютъ за оскорбленіе святыни свой крестовой походъ противъ этого установленія? Зачѣмъ же, о! г. Катковъ, не уважили вы эту святыню, зачѣмъ нанесли вы ей удары вашего *Русскаго Вѣстника* и всей вашей честной литературной дѣятельности и почему теперь не хотите вы допустить мысли, что другіе могутъ отыскать еще кое-что несправедливое въ томъ, что вы считаете за святыню?

Ваша святыня не наша; мы видимъ въ ней столько несправедливости, кровожадно-дикаго, бессмысленно-гадкаго, что даже самое крѣпостное право считается нами только за одну частность въ этомъ сборищѣ всевозможныхъ неправдъ, несправедливостей и ошибокъ. И такъ какъ лучший способъ къ уничтоженію всего этого хаоса современной общественной неурядицы, и замѣненія справедливымъ и правильнымъ строемъ, по мнѣнію всѣхъ, состоитъ въ выясненіи главнаго характера и особенностей, какъ современнаго, такъ и возможно лучшаго общественнаго устройства, то для насъ совершенно понятно, что вы изъ кожи вылезете чтобъ завязать съ перваго слова и безъ того смиренный и робкій языкъ нашихъ будущихъ адвокатовъ.

Общественная жизнь складывается повсемѣстно такимъ образомъ, что когда нѣкоторыя отрасли общественной дѣятельности лишены свободы или возможности дѣйствія, общественныя силы пробиваютъ себѣ дорогу и работаютъ въ другихъ, доступныхъ имъ областяхъ, гдѣ только имѣется возможность дѣятельности, или гдѣ они удобнѣе и плодотворнѣе. Въ этомъ отношеніи лучшимъ сравненіемъ можетъ послужить растительная жизнь: когда какое нибудь растение лишено части своихъ вѣтвей, соки, долженствовавшіе питать эту часть, направляются въ остальную часть растенія и такимъ образомъ увеличиваютъ, даже преувеличиваютъ ея развитіе. Въ приложеніи къ интересующему насъ вопросу, это общее правило имѣетъ слѣдующее толкованіе: при отсутствіи свободы печати, при запрещеніи сходокъ и общественныхъ собраній, при цензурѣ того, что на политическомъ языкѣ называется "трибуною", адвокатура, если не совершенно поглотить, то въ значительной мѣрѣ привлечетъ къ себѣ силы нашихъ общественныхъ дѣятелей и всѣхъ тѣхъ, кто мечтаетъ о ней, и по силѣ возможности сдѣлается благотвореніемъ или замѣненіемъ свободы печати, собраній и трибуны. Мы ни мало не преувеличиваемъ значенія адвокатуры, напротивъ того, мы въ значительной долѣ уменьшаемъ ожиданія питаемыя нашимъ обществомъ, да и не отъ насъ конечно зависитъ уменьшеніе или увеличеніе ея силы. *Московскія Вѣдомости* хорошо знаютъ истину нашихъ предположеній по этому вопросу, лучшею порукою въ этомъ служить намъ самый тонъ ихъ статьи, заботливо старающейся уничтожить въ будущихъ адвокатахъ всякое желаніе вдаваться въ политическія пренія и вносить въ судъ тревоженія преполняющія наше общество.

Тутъ намъ необходимо выставить на ясный свѣтъ небольшую уловку *Московскихъ Вѣдомостей*. Горя желаніемъ выкурить изъ будущихъ адвокатовъ попытки колебать основанія государственнаго и общественнаго строя, *Московскія Вѣдомости* ухищряются провести параллель между двумя типами адвокатовъ: *серьезные* (читай англійскіе) адвокаты, говоритъ авторъ статьи, берутся, не увлекаясь риторствомъ, разсматривать вопросъ — подходитъ ли данное преступленіе подъ тотъ или другой законъ, и дѣйствительно ли данная статья имѣетъ тотъ смыслъ, который придается ей прокуроромъ; такимъ образомъ подобный адвокатъ оправдываетъ обвиненнаго "на основаніи законовъ". *Безсмысленные* же адвокаты (разумѣй французскіе. Изъ за чего это авторъ статьи клеветаетъ на нихъ?) вмѣсто этого, принимаютъ говорить риторическія фразы, стараются задѣть и затронуть гуманность судей или публики, и... понижая голосъ, авторъ добавляетъ... колебать основанія соціальнаго и государственнаго устройства. Для этого, заключаетъ авторъ, они прибѣгаютъ къ риторству и суютъ ничто иное какъ фразеры, риторы и софисты.

Во-первыхъ, это далеко несправедливо: громадное большинство французскихъ адвокатовъ защищаетъ преступниковъ или обвиненныхъ точно такими же подъяческими уловками, какъ и англійскіе "серьезные" законники; равнымъ образомъ и въ Англии, слышали мы, есть "несерьезные" адвокаты, верѣдко потрясающіе основанія законовъ. А во-вторыхъ, смѣшивать поборниковъ общественной реформы съ риториками и софистами — такая вещь, что она вполне достойна своей колыбели — *Московскихъ Вѣдомостей*. Извѣстно цѣлому міру, даже и вашимъ несчастнымъ питомцамъ, что люди, встающіе противъ защищаемаго вами общественнаго строя, фразы не говорятъ, а бьютъ васъ фактами, и представляютъ на судъ общества факты, факты и факты, въ ихъ первоначальной наготѣ, безъ всякихъ искусственныхъ покрововъ, что покровы, то есть фразы, фразы и фразы, то есть риторика, софизмы фабрикуются въ лицѣ защитниковъ современнаго порядка вещей, то есть опять таки въ вашемъ лицѣ. Хотите доказательствъ?

Какъ вамъ ни хотѣлось пожуричь г. Зорина, импровизированнаго защитника несчастныхъ жертвъ, вы его не пожурили, хотя и сердились немножко, и дали даже почувствовать ваше неудовольствіе за то, что онъ косвенно возставалъ противъ компетентности военнаго суда. Но, скажите на милость, почему же вы не упрекнули его прямо, откровенно и безъ увертокъ за фразы, за фразы самаго низкаго калибра, въ родѣ слѣдующей: "вспомните послѣдній день осужденнаго Виктора Гюго и въ особенности то мѣсто изъ *этого великаго творенія*, когда осужденному читаютъ смертный приговоръ, а онъ въ это время сосредоточиваетъ все свое вниманіе и *любуется солнечнымъ зайчикомъ*, пробившимся сквозь тюремное окно и игравшимъ на стѣнѣ его каземата". Знаете-ли что? Вотъ мы — люди добивающіеся разрушенія вашего порядка вещей, старающіеся поскорѣе дойти до этого, мы люди "несерьезные", мало того бессмысленные, стало быть софисты и риторы, не такъ-ли! Такъ извольте видѣть, такіа вещи какъ только что выписанную нами тираду, мы называемъ не цвѣтами краснорѣчія, а просто на просто чепухой, недостойной разумаго человѣка. Однакожъ г. Зоринъ, авторъ вышеприведенной выписки, человѣкъ "серьезный" (по вашему), защищалъ обвиненныхъ не политическими соображеніями или критикой современнаго порядка вещей, а только некомпетентностью военнаго суда, и то весьма робко, да еще просилъ, точно подаянія, вѣчной каторжной работы для обвиненныхъ. Изъ всего этого вы можете усмотрѣть, что риторы не мы и не наши соратники, а вы и ваши союзники.

Да впрочемъ вы прекрасно знали это и еще раньше насъ, и все таки не постыдились выкинуть эту... какъ бы это сказать, штучку, что-ли. Мы замѣтили ее не для васъ, а для читателей. По приемамъ видна добросовѣстность дѣятелей, имѣющая вліяніе на ходъ и развитіе дѣла, понятно что мы съ охотой подхватили вашу уловку, чтобы оборвать ее на первыхъ же порахъ. Мы очень хорошо знаемъ за что вы приметесь въ послѣдствіи, чтобы остановить развитіе адвокатуры. Вашъ университетскій доктринаризмъ, ваша школьная классификація адвокатовъ, ваши билетчики съ подписями: “серьезный” и “не серьезный”, все это пороки и вмѣстѣ прекрасно соотвѣтствуютъ своему цѣлому и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ почти навѣрняка разглядѣть вашъ будущій путь на этомъ не новомъ для васъ поприсѣ доносчика и надувателя общества.

Нападки *Московск. Вѣдомостей* направлены не столько противъ риторства и софизмовъ, сколько противъ тѣхъ изъ будущихъ адвокатовъ, которые будутъ стараться выставить на показъ народу печальныя и безчеловѣчныя стороны нашего общественнаго устройства и законодательства. *Московскими Вѣдомостями* хочется, чтобы политическія и социальныя тревоженія не могли пробиться за судейскія перила, чтобы все то что занимаетъ, тревожитъ и волнуетъ умы за оградой суда, не въ состояніи было добыть себѣ билета на входъ въ судейскія пренія, словомъ, чтобы адвокатъ не превратился въ политическаго оратора или журналиста. Это желаніе довольно послѣдовательно со стороны *Московскихъ Вѣдомостей*, но увы! оно неудобноисполнимо, потому что общій законъ, хоть и не вошедшій въ *Сводъ Законовъ*, но тѣмъ не менѣе не допускающій изъятій и уклоненій, говоритъ что у насъ адвокатъ сдѣлается именно тѣмъ, чѣмъ г. Катковъ не желаетъ видѣть его. Онъ останется адвокатомъ, и только адвокатомъ, только въ томъ случаѣ, когда свобода печати дозволитъ ему излагать его мысли, безъ стѣсненій, въ журналахъ и брошюрахъ, когда свобода собраній и политической трибуны въ Земскомъ соборѣ дозволитъ ему говорить о политическихъ и общественныя дѣлахъ внѣ суда и дать ему возможность принять участіе въ руководствѣ или разборѣ общегосударственныхъ дѣлъ. Сознаться-же, что все это, съ вами и съ вашимъ правительствомъ и въ особенности съ вашимъ императорскимъ домомъ чистая утопія.

Чтобы вы и ваше правительство ни дѣлали, несомнѣнно, что гласный судъ, при добросовѣстности и мало мальской способности адвокатовъ, будетъ выставять въ природной наготѣ и притомъ съ поразительною силою, не имѣя ни малѣйшей надобности прибѣгать къ краснорѣчію и риторству, составляющихъ, какъ извѣстно, покровъ умственной нищеты,—всѣ для почти всѣ стороны и частности современной неурядицы. Вѣдь судъ не то что журналъ: онъ, какъ и врачъ, или какъ встарину духовникъ, заглядываетъ во всѣ закоулки семейной и частной жизни, наиболѣе закрытые для постороннихъ, а можетъ и для близкихъ глазъ. Когда же передъ обществомъ исчезнутъ кулисы и ширмы, таившія до сихъ поръ громаднѣйшую часть семейной неурядицы, когда со всѣхъ сторонъ мало-по-малу раскроется тайна семейныхъ томленій и мученій, когда каждый день будетъ вносить въ общій итогъ по пѣскольку поразительныхъ фактовъ, всегда почти составляющихъ неотразимое и логическое послѣдствіе даннаго положенія общества, когда добросовѣстные и способные адвокаты будутъ комментировать добросовѣстно и честно эти факты, группировать ихъ и подводить подъ нихъ источникъ, такъ общество по неволѣ приметъ все это “къ свѣденію, а въ нужныхъ случаяхъ и къ руководству”.

Что дѣятельность лучшей и способнѣйшей части адвокатовъ будетъ именно такою, какъ выставляемъ мы здѣсь и какъ догадываются не безъ страха *Московскія Вѣдомости*, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: способность и талантъ въ томъ и состоятъ, чтобы обрисовывать и выставять по

возможности проще и рельефнѣе, и всегда вѣрно не только самые факты, не только выводы изъ даннаго положенія, но и причины породившія эти факты, но и послышки, путемъ которыхъ добыты эти выводы, коль скоро поминутно повторяющіеся факты будутъ сгруппированы во едино и подведены къ причинѣ вызывающей ихъ, коль скоро выставлено будетъ положеніе различныхъ частей общества, то вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ не только произнесенъ, но и принять строгій смертный приговоръ противъ современнаго положенія общества.

Стало бытъ, приверженцамъ идей *Московск. Вѣдомостей* нечего было приниматься за проповѣдываніе необходимости гласнаго суда. А по прорваніи плотины все что они въ состояніи сдѣлать лучшаго для себя — это воткнуть свои голы въ прорванное мѣсто, то есть подчиниться безусловно и безскандално общему ходу дѣла.

Да гдѣ имъ!

Рю Нели.

ЕЩЕ О Я. ДОМБРОВСКОМЪ.

Въ прошломъ листѣ мы помѣстили два письма Домбровскаго, теперь беремъ изъ *Ойчизны* (№ 53), слѣдующія подробности о его спасеніи:

“Домбровскийъ былъ до возстанія капитаномъ генеральнаго штаба и квартирмейстромъ варшавскаго гарнизона; вслѣдствіе различныхъ подозрѣній и доноса шпионовъ 13 Августа 1862 г., онъ былъ арестованъ. Слѣдственная коммиссія главнымъ образомъ обвиняла, или лучше сказать подозрѣвала его въ томъ, что онъ былъ начальникомъ города Варшавы и вмѣстѣ главнымъ организаторомъ вооруженнаго возстанія въ Польшѣ, а также что онъ съ давнихъ поръ ревностно трудился въ дѣлѣ освобожденія польскаго и русскаго народа. Присутствіе духа, логическая защита, а частію любовь и дружба прежнихъ товарищей были причиною, что слѣдственная коммиссія, неимѣя никакихъ доказательствъ, оправдала его.

“Мнѣніе военнаго суда не поправилось Бергу; онъ не утвердилъ его, перечеркнулъ протоколъ и велѣлъ остановить дѣло, предоставляя времени разъясненіе его. Грязныя и темныя стѣны десятиаго павильона варшавской цитадели были жилищемъ Домбровскаго въ продолженіи 13 мѣсяцевъ.

“Когда возстаніе стало клониться къ упадку, во время одного боя въ Литвѣ, взятъ былъ въ плѣнъ въ Ноябрь 1863 г. бывший инженерный офицеръ Миладовскій, который *подъ пыткой* сознался передъ слѣдственною коммиссіею: что Домбровскийъ, находясь въ Петербургѣ былъ главнымъ агентомъ Центрального Народнаго Комитета и основателемъ обществъ военныхъ, съ цѣлью приготовленія офицеровъ къ народной службѣ и что въ концѣ 1861 года былъ призванъ Комитетомъ въ Польшу, для организованія вооруженнаго возстанія. Вслѣдствіе этого приказанія Домбровскийъ выхлопоталъ будто бы, чтобы его послали въ западную армию для состоянія по особымъ порученіямъ при 2-мъ корпусѣ, а потомъ о назначенія квартирмейстромъ варшавскаго гарнизона; наконецъ, онъ показалъ, что Домбровскийъ сдѣланъ былъ членомъ Центрального Народнаго Комитета и пользуясь своимъ положеніемъ, довѣріемъ и уваженіемъ товарищей и соотечественниковъ, сталъ въ главѣ глубоко цутившаго корня въ войскахъ заговора, который имѣлъ цѣлью занять передъ возстаніемъ варшавскую цитадель и Модлинъ, но что это ему не удалось исполнить, вслѣдствіе неожиданнаго арестованія Аригольда, Сивичкаго, Каплинскаго, Ростовскаго и другихъ офицеровъ. Муравьевъ получивъ это признаніе, потребовалъ у Берга немъ дѣльной выдачи ему Домбровскаго для исполненія надъ нимъ смертнаго приговора. Бергъ, будучи въ дурныхъ отношеніяхъ съ Муравьевымъ, отказалъ ему въ этомъ удовольствіи и приказалъ слѣдственной коммиссіи вновь пересмотрѣть дѣло Домбровскаго и судить его полемымъ уголовнымъ судомъ. Военный судъ приговорилъ его къ смертной казни, но приговоръ былъ замѣненъ Бергомъ 15-тью годами каторжной работы въ Сибири, на лишеніе всѣхъ правъ

состоянія, орденовъ и конфискацію имущества. 18 Ноября 1864 года приговоръ былъ прочитанъ Домбровскому и въ обществѣ слышномъ ста человекъ его отправили въ Сибирь Между тѣмъ въ вилепской цитадели О. А., упавшій физически и нравственно отъ долгаго заключенія и инквизиціи, подтвердилъ показаніе Миладовскаго. Тотчасъ же Муравьевъ выслалъ *курьера въ Сибирь* за Домбровскимъ и вѣстью ему данною, приговорилъ его къ смерти. Но всѣ его усилія были напрасны. Домбровский, пользуясь сочувствіемъ сельскаго населенія, на дорогѣ успѣлъ достать женскую крестьянскую одежду и дождавшись удобной минуты, незамѣченный ни товарищами, ни стражею бѣжалъ съ Каламаниаго двора, окруженнаго русскими штыками. Бѣгство было исполнено за три дня передъ банею, которая по словамъ русскихъ газетъ, послужила будто ему къ бѣгству, безъ малѣйшей помощи постороннихъ лицъ.

“Русская молодежь, сочувствовавшая ему, спрятала его у себя и облегчила путешествіе по Россіи, которое въ видахъ общаго дѣла, онъ исполнилъ послѣ своего бѣгства. Напрасно бѣсился г. Катковъ, напрасно шпіоны, для увеличенія числа которыхъ Муравьевъ прислалъ семь своихъ, искали его; Домбровский былъ въ совершенной безопасности. Среди русскихъ молодыхъ людей, которые притихли подъ натискомъ реакціи, но остались вѣрными своимъ убѣжденіямъ. Приглашенный на годовщину памяти Декабристовъ, Домбровский участвовалъ въ многочисленномъ собраніи русскихъ праздновавшихъ память своихъ мучениковъ. Домбровский посѣтилъ въ послѣдствіи разныя мѣста, стараясь связать работу русской молодежи съ нашими усиліями—на столько на сколько могутъ быть соединены эти двѣ разныя арміи—дѣйствующія каждая согласно своимъ цѣлямъ, но имѣющія общаго врага.

“Домбровский, будучи еще въ варшавской цитадели, женился на дѣвицѣ Пелагій Ціотровской. Молодая чета не долго жила вмѣстѣ. Бергъ и Треповъ для того именно дали дозволеніе повѣнчаться въ крѣпости, чтобы потомъ принужденною разлукою нанести болѣе сильный ударъ. Черезъ двѣ недѣли г. жв Домбровскую сослали въ Ардатовъ, дрянный городишка Нижегородской губерніи, а его отправили въ Сибирь.—Домбровский не хотѣлъ оставить Россію безъ жены. Едва возвратившись изъ путешествія по Россіи въ Петербургъ, онъ собралъ всѣ нужныя свидѣнія, касающіяся Ардатова и его окрестностей, отправился въ этотъ городъ и встрѣтившись съ женою на прогулкѣ, взялъ ее съ собою въ Петербургъ; отсюда поѣхалъ въ Финляндію и благодаря сочувствію Финляндцевъ счастливо пробрался въ Штокгольмъ”.

СМѢСЬ.

СТАРОВѢРЫ и ЕВРЕИ.

Маски падаютъ одна за одной, ихъ бросаютъ впрѣдъ до новыхъ кровавыхъ сбитокъ. *Кельнская Газета* говоритъ, что съ полнымъ усмиреніемъ возстанія въ Лигвѣ, начались снова невыносимыя гоненія на старовѣровъ. Имъ это урокъ, пора имъ знать, что неблагодарность австрійскаго правительства, которой хотѣлъ удивить міръ Шварценбергъ, ничего не значить передъ петербургскою способностью неблагодарности. Горько раскаются они въ своихъ уступкахъ и лицемерной преданности. За раскольниками, урокъ Евреямъ.

— *Приказъ варшавскаго оберъ полиціймейстера.*—“Приказомъ по исполнительной полиціи минушаго 1864 года, за № 36, предписано было имѣть наблюденіе за точнымъ исполненіемъ постановленія совѣта управленія царства Польскаго отъ 19-го Іюня (1-го Іюля) 1853 года, относительно недозволенія евреямъ носить воспрещенные высочайшимъ повелѣніемъ еврейскіе уборы. Распоряженіе это по случаю *особыхъ и исключительныхъ въ минувшемъ году усиленныхъ дѣйствій полиціи*, при бывшемъ въ краѣ безпорядкѣ, лишило ее возможности слѣдить за выполненіемъ онаго, и принудило по необходимости ограничиваться одними лишь напоминаніями о выполненіи высочайшаго указа. Нынѣ, при возста-

новенномъ уже порядкѣ, въ городѣ усматривается, что болѣею частью евреями подтвержденіе это не только не выполнено, но многіе изъ нихъ допускаютъ себѣ носить *самые безобразные и неприличныя* костюмы, показываясь въ оныхъ на улицахъ и *даже въ мѣстахъ общественныхъ гуляній*; почему высшее начальство и нашлось вынужденнымъ сдѣлать подтвержденіе о точномъ выполненіи высказаннаго указа. Для исполненія сего и понужденія всѣхъ дозволившихъ себѣ евреевъ отступать отъ изданнаго и неотмѣненнаго постановленія, мною вѣстѣ съ симъ предложено варшавскимъ раввинамъ объявить подъ росписки всѣмъ евреямъ, что пазначая имъ 7-ми дневный срокъ *для приведенія своихъ головныхъ уборовъ въ надлежащій видъ*, предваряю, что если по истеченіи сего срока, т. е. съ 30 Іюня (12 Іюля), кто либо изъ нихъ еще дозволитъ себѣ носить *крымки, пейсы и неприличное для горожанина одѣяніе*, то будетъ задерживаемъ полиціею, и по распоряженію вмѣстѣ съ симъ сдѣланному, не принимая никакихъ причинъ въ оправданіе, будетъ понужденъ къ исполненію *полицейскими уже мѣрами*. Имѣя же въ виду, что многіе евреи низшаго класса по бѣдности своей не въ состояніи бы были въ столь короткій срокъ замѣнить пастоящія свои костюмы на общепринятый для горожанъ всѣхъ исповѣданій, дается имъ 7 мѣсячный срокъ, но съ тѣмъ, чтобы *головные уборы* были ими сняты въ 7 дневный срокъ, какъ выше сказано, и чтобы при донашиваніи ими стараго одѣянія, они не смѣли себѣ дозволить являться въ мѣста общественныхъ собраній въ *неприличной одеждѣ*”. (Рус. Ин.).

... Такъ и пахло сѣзжей и Николаемъ. Какая тупость, какая узкость, какое мелочничество у этого несчастнаго правительства! Враги-ли его толкаютъ въ эти ямы глупости или собственная, въ кровь и мозгъ вошедшая, фельдфебельская страсть къ регламентаціи? Цѣтъ, это циркульное, портняжническое правительство, ничего не примирить, ничего не сдѣлаетъ, никуда не поведетъ—*Pas de réveries!*

— *Московскія Вѣдомости* перепечатали изъ *Варшавскаго Дневника*, перечень лицъ—будто бы удержавшихъ, значительныя суммы общественныхъ денегъ во время возстанія въ Польшѣ. Первый листъ содержитъ только имена поляковъ, участвовавшихъ въ возстаніи. Идемъ втораго, въ немъ вѣроятно будетъ такой-же реестръ о русскихъ “задержаніяхъ, уклоненіяхъ, употребленіяхъ казенныхъ суммъ” во время возстанія. Листъ этотъ, какъ слѣдуетъ, начнется съ Муравьева, который *не хотѣлъ* отдать отчета въ *семи милліонахъ* руб. имъ взысканныхъ. Для сравнительной статистики преступленій, такого рода перечень не лишена интереса.

— *La bourse ou la vie!*—*Нордъ* не замѣчая, что—виновата или не виновата Польша, но что съ 1863 года она вѣрно утратила огромное количество людей—находитъ, что лишнихъ полтора рекрута съ тысячи въ Польшѣ слѣдуютъ за невыставленныхъ въ 1863 году рекрутъ; но что не смотря на справедливость этой мѣры, манифестъ 1/13 Іюня даетъ добавочнымъ рекрутамъ право откупаться. Разсужденіе довольно странное! Или люди для войска нужны—имѣется ли война въ виду, смертность ли какая произвела убыль въ войскѣ—и тогда берутъ людей, потому что они нужны для безопасности страны; или ничего такого нѣтъ и люди не нужны для войска—тогда не за чѣмъ ихъ и брать; а если народу говорить—подавай людей, а не хочешь то подавай денегъ—тогда это чистый грабежъ, гдѣ *власть имущій* говорить *la bourse ou la vie*. Или *Нордъ* думаетъ, что за вынужденные деньги правительство станетъ нанимать въ замѣнъ охотниковъ? Ну,—это ужъ извините—*pas de reveries!*—

— *ПРАВДА-ЛИ*, что русский офицеръ *Бейдеманъ*, принимавшій участіе въ Итальянской войнѣ и выданный австрійцами въ Россію, съ тѣхъ поръ, т. е. третій годъ содержится въ казематѣ безъ суда, слѣдствія и стало приговора?...

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 202.

17 Августа 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré L'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Гюрга, 10, Cortaterie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Cortaterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ—Русскія реформы (II Цензурный уставъ, Окончаніе)—Письма къ путешественнику (Письмо пятое). Смісь: Нарушеніе общественнаго спокойствія въ Тифлисѣ—Русскій прогрессъ—Официальное опроверженіе—“Киевлянинъ”.

РУССКІЯ РЕФОРМЫ.

II.

ЦЕНЗУРНЫЙ УСТАВЪ.

(Окончаніе).

Теперь перейдемъ къ другимъ подробностямъ.

Что значитъ реформа “главнаго управленія цензурой”—на “главное управленіе по дѣламъ печати?”

Старый уставъ: (Томъ XIV, уставъ цензурный, Сводъ законовъ, изданіе 1857 года) “Ст. 148: Главное управленіе цензуры состоитъ въ Ст.-Петербургѣ, при министерствѣ народнаго просвѣщенія”.

“Ст. 149. Главное управленіе цензуры состоитъ: по указамъ академіи наукъ и академіи художествъ, изъ товарища министра народнаго просвѣщенія, изъ стороннихъ членовъ: отъ духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія, министерства внутреннихъ дѣлъ и минист. иностранныхъ дѣлъ, опредѣляемыхъ именнымъ высочайшимъ указомъ, изъ управляющаго III-мъ отдѣленіемъ С. Е. И. В. К., изъ почетнаго Ст.-петербургскаго учебнаго округа и изъ другихъ лицъ, на которыхъ будетъ возложена сія обязанность по особому высочайшему довѣрію”.

Новый уставъ:

“1. Главное управленіе по дѣламъ печати составляютъ:

- 1) Начальникъ главнаго управленія, и
- 2) Совѣтъ главнаго управленія.

“2. При главномъ управленіи состоятъ:

- 1) Канцелярія;
- 2) Особые цензоры драматическихъ сочиненій, и
- 3) Чиновники особыхъ порученій.

“3. Начальникъ главнаго управленія назначается и увольняется, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, высочайшимъ указомъ правительствующему сенату.

“4. Совѣтъ главнаго управленія, подъ предѣлательствомъ начальника сего управленія, составляется изъ находящихся на лицѣ въ Ст.-Петербургѣ предѣлателей цензурныхъ комитетовъ и изъ членовъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ высочайшимъ указомъ правительствующему сенату, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ.

“5. Канцелярію главнаго управленія завѣдуетъ, подъ надзоромъ начальника управленія, привѣтъ дѣлъ, при которомъ состоятъ помощники.

“6. Правитель дѣлъ и его помощники, цензоры драматическихъ сочиненій и чиновники особыхъ порученій опредѣляются и увольняются приказами министра внутреннихъ дѣлъ, а канцелярскіе служители—начальникомъ главнаго управленія, отъ усмотрѣнія котораго зависить число ихъ и распредѣленіе между ними жалованья.

“7. Предметы главнаго управленія:

- 1) Наблюденіе за дѣйствіями цензурныхъ комитетовъ и отдѣльных цензоровъ, какъ по внутренней, такъ и по иностранной цензурѣ, разрѣшеніе ихъ недоразумѣній и вопросовъ и разсмотрѣніе приносимыхъ на нихъ жалобъ;
- 2) Наблюденіе за произведеніями печати, выходящими безъ разрѣшенія цензуры; обнаруженіе нарушеній въ нихъ установленныхъ правилъ; возбужденіе

Годъ IX.

судебнаго преслѣдованія, когда сего не было сдѣлано подлежащими учрежденіямъ, и дѣла о предостереженіяхъ изъятыхъ отъ предварительной цензуры поврежденнымъ издаваніямъ;

3) Дѣла объ открытіи типографій, фотографій и пр. и о надзорѣ за ними.... и за книжною торговлею.

“8. Всѣ другія административныя установленія, въ случаѣ замѣченныхъ ими нарушеній по дѣламъ печати, обращаются, для преслѣдованія виновныхъ, чрезъ свое высшее начальство, въ главное по сей части управленіе”.

Вотъ теперь и вопросъ:

Николаевское подчиненіе управленія цензурой министерству народнаго просвѣщенія—чѣмъ оно было хуже нынѣшней реформы, подчиняющей управленіе дѣлами печати—министерству внутреннихъ дѣлъ?—По своду законовъ (изд. 1857 г.) призывались разные полицейскіе депутаты, какъ помощники, или скорѣе оппоненты министерства народнаго просвѣщенія, которое, по сущности своей, не должно было содержать въ себѣ никакихъ полицейскихъ побужденій. Новый уставъ подчиняетъ дѣла печати, т. е. дѣла просвѣщенія, совершенно полицейскому управленію, т. е. министерству внутреннихъ дѣлъ. Что-же тутъ лучшаго? Тамъ было какое то притворное уваженіе къ печати, т. е. къ просвѣщенію—такъ что дѣла печати не были въ непосредственномъ завѣдываніи полицейскихъ властей, по крайней мѣрѣ по буквѣ закона; теперь же составилось притворное освобожденіе отъ цензуры, при чемъ печать совершенно отдается подъ полицейское завѣдываніе, т. е. подъ завѣдываніе министра внутреннихъ дѣлъ. Цензоры могутъ быть назначены—не академики, не профессора, а просто шпіоны. Членами никто не запрещаетъ назначать чиновниковъ IIIго отдѣленія; впрочемъ—само IIIе отдѣленіе особая роскошь, связанная съ неумѣньемъ распоряжаться, потому что министр внутреннихъ дѣлъ—самъ по себѣ есть министръ полиціи. Самый счастливый общественный исходъ—если двѣ полиціи будутъ враждовать между собою и останавливать взаимныя продѣлки; но больше вѣроятности, что одна будетъ преклоняться передъ другой. Это будетъ значить что все-же полиція—одна и что преслѣдованія министерства внутреннихъ дѣлъ противъ печати—будутъ совершенно совпадать съ преслѣдованіями IIIго отдѣленія и съ общимъ имъ обоимъ невѣжествомъ и палачествомъ. Уничтоженіе притворство законодательства, отдававшего дѣла цензуры подъ завѣдываніе академій, университетовъ и министерства народнаго просвѣщенія, русское правительство дѣлаетъ не то что при-

творство, а предательство, отдавая свободную (по имени) печать—подъ надзоръ полиціи и уголовное наказаніе. И думаю—изъ выписанныхъ нами статей—это заключеніе ясно.

Отъ чего русскому правительству пришло въ голову подчинить печать министерству внутреннихъ дѣлъ? Это не такъ хитро: французскій законъ подчиняетъ печать надзору министерства внутреннихъ дѣлъ—очевидно русское правительство сочло бы себя отсталымъ, еслибы не сдѣлало того же.

Принявъ въ основаніе это подражаніе французскому закону, новый цензурный уставъ принялъ и еще подражаніе, которое вводитъ дѣйствительное ухудшеніе въ судьбѣ русскихъ повременныхъ изданій—это *залогъ*, вносимый издателемъ, рѣшившимся на изданіе безъ предварительной цензуры. Правительство не можетъ не знать, что частные капиталы въ Россіи очень не обильны, что издателей-капиталистовъ найдется въ особенности мало и что необходимость представить залогъ (хотя бы и въ 5000 р. с., а не въ 50,000 фр., какъ во Франціи) стѣсняетъ людей, способныхъ издавать журналы. Съ чего у правительства такой страхъ передъ повременными изданіями, выходящими безъ предварительной цензуры—это непонятно; оно приняло всѣ мѣры, чтобы приравнять ихъ значеніе нулю, такъ что легко могло обойтись безъ всякаго залога. Во первыхъ, въ подражаніе французскому закону, издавать безъ предварительной цензуры—можно только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, который имѣетъ право дозволить издавать безъ цензуры, или дозволить издавать только съ предварительной цензурой.* Разумѣется, министру никто не мѣшаетъ дозволить издавать безъ цензуры только людямъ, въ которыхъ онъ увѣренъ, что они ни на волосъ не уклонятся отъ правилъ III-го отдѣленія, а остальнымъ дозволить издавать только съ предварительной цензурой. По крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ случаѣ, человекъ не рискуетъ ни подпасть подъ судъ, ни потерять свой или заемный маленькій капиталъ въ залогъ; а въ первомъ случаѣ залогъ излишенъ—Оаддей Венедиктовичъ новѣйшихъ временъ не впадетъ въ грѣхъ благороднаго направленія.

Во вторыхъ, во французскомъ законѣ нѣтъ предварительныхъ экземпляровъ, посылаемыхъ въ цензурные комитеты до появленія въ продажу (Мн. Гос. Сов. Гл. II, ст. 25) и по которымъ легко остановить это появленіе. Французскій законъ учреждаетъ залогъ, чтобы взыскивать изъ него штрафъ, потому что правительство, разъ давши разрѣшеніе на изданіе безъ предварительной цензуры, уже не требуетъ присылки заблаговременно экземпляра каждаго нумера въ цензурный комитетъ, а взыскиваетъ штрафъ по выходѣ нумера въ свѣтъ, если находитъ что не по себѣ. Но нашему же новому уставу, повременное изданіе, получившее разрѣшеніе на безцензурный выходъ, обязано заблаговременно посылать въ цензурный комитетъ экземпляръ каждаго нумера; стало, по этому заблаговременно присланному экземпляру, его выходъ въ свѣтъ можетъ быть просто запрещенъ. Мы не видимъ тутъ никакой

* Русское постановленіе: "Каждый, желающій издавать въ свѣтъ новое повременное изданіе въ видѣ газеты, журнала, или сборника, обязанъ, какъ и нынѣ, испросить на то разрѣшеніе министра внутр. дѣлъ, отъ котораго зависить дозволить выпускъ въ свѣтъ такого изданія или безъ цензуры, или подъ условіемъ предварительной цензуры". (Мн. Государ. Совѣта, глава II, статья 4). Французское постановленіе: "Никакой журналъ или періодическое изданіе, въ которомъ говорится о политическихъ предметахъ или предметахъ общественнаго хозяйства, и издаваемый въ опредѣленные дни, или лаврезомами въ неопредѣленное время, не могутъ быть составлены, или издавы безъ предварительнаго дозволенія правительства". (Декретъ о печати 17—23 Февраля 1862 г. ст. 1).

логической возможности взысканія штрафа; это просто та же цензура. А если можно просто запретить выходъ нумера въ свѣтъ, и слѣдственно нѣтъ повода взыскивать штрафъ,—то къ чему же залогъ? Все это какое то накопленіе новыхъ притѣсненій, которыхъ не было даже въ старомъ цензурномъ уставѣ.

Кромѣ этихъ основныхъ стѣсненій, заимствованныхъ изъ французскаго закона и долей увеличенныхъ*, всѣ подробности также заимствованы изъ французскаго закона. Гнъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, которому приписываютъ "мнѣніе государ. совѣта", не можетъ въ этомъ случаѣ похвастаться никакой изобрѣтательностью, но только большимъ талантомъ перетасовывать статьи французскаго законодательства такъ, что на пр. ст. французскаго закона 19, гл. III. — въ русскомъ законѣ является въ гл. II, статей 26^а и 33^а †. Мы не думаемъ, чтобы здѣсь нужно было выписывать всѣ эти административныя подробности, которыя читатель вѣроятно, уже знаетъ изъ официальной редакціи новаго цензурнаго устава. Мы только замѣтимъ, что чрезвычайно счастливо, что г. Валуеву не вздумалось, въ подражаніе французскому закону, учредить налогъ штемпеля на журналы, налогъ, который бы въ Россіи ихъ окончательно раззорилъ. Но мы теперь обратимъ вниманіе на судебное преслѣдованіе печати, тоже заимствованное изъ французскаго законодательства, съ кой-какими успеленіями. На пр. (Мн. Госуд. Сов., гл. IV, ст. 9, пунктъ 3):

"За прямое оспариваніе или порицаніе въ печатныхъ изданіяхъ началъ собственности и семейнаго союза, съ намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ основы, хотя при томъ же было возбужденіе къ совершенію преступленія, виновный подвергается денежному взысканію не выше трехъ сотъ рублей и аресту не свыше шести недѣль, или же, по усмотрѣнію суда, только одному изъ сихъ наказаній".

Мы не думаемъ, чтобы и самый французскій законъ достигалъ въ этомъ случаѣ совершенной ясности, но статья новаго цензурнаго устава уже совсѣмъ лишена смысла. Что понимаетъ министръ внутр. дѣлъ, что понимаетъ Государственный Совѣтъ, вообще что понимаетъ русское правительство (опирающееся на взяткахъ и конфискаціяхъ) подъ началомъ собственности и семейнаго союза? Что поймутъ цензурные комитеты и главное управленіе цензурой подъ этими названіями? Что такое значить: "съ намѣреніемъ *разрушить или ослабить ихъ основы, хотя бы при томъ же было возбужденіе къ совершенію преступленія*?" Это совершенно непонятно и можетъ только дать цензурнымъ властямъ право преслѣдовать всякую научную, экономическую или историческую статью, всякое разсужденіе—и препятствовать всякому проявленію мысли въ общественныхъ вопросахъ. Французская статья имѣетъ за себя по крайней мѣрѣ огражденіе свободы вѣроисповѣданія, но русской законъ поспѣшилъ уклониться отъ подражанія въ этомъ случаѣ. Вотъ французскій законъ:

* Запрещеніе послѣ трехкратнаго предостереженія министра, также заимствовано изъ французскаго закона.

† Французская статья: "Tout gérant sera tenu d'insérer en tête du journal les documents officiels... и пр.— L'insertion sera gratuite.— En cas de contravention amende de 50 à 1000 fr. En outre, le journal pourra être suspendu par voie administrative pour 15 jours au plus". — Русскія статьи: ст. 26— "Всякое повременное изданіе обязано помѣстить безотлагательно и безденежно... сообщеніе ему отъ правительства официальное опроверженіе и пр...." — Ст. 33: "За непомѣщеніе въ повременномъ изданіи" и пр.... штрафъ отъ 25 до 100 рублей — и, послѣ трехъ мѣсяцевъ непомѣщенія правительственной статьи, запрещеніе черезъ главное управленіе.

Ужъ не за право ли переводить французскій кодексъ, государь императоръ надавалъ столько орденовъ во Франціи? На пр. андреевскую ленту Канроберу? Или это за взятіе Совѣстополъ?

“Нападка на свободу въспроизводства, на принципъ собственности (защиты : въ единственномъ числѣ) и семейныя права, будетъ наказана тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 4,000 франковъ”. (Декретъ 11,—12 Августа 1848 года).

Ну! въ цифрѣ взысканія французскій законъ хотя и переицекали, но за то онъ выражаетъ *предель*, между тѣмъ, какъ у насъ преслѣдованіе по буквѣ закона всегда можно довести до наложенія высшихъ степеней уголовного наказанія.

Вообще, законъ французской республики, 11—12 Августа 1848 года, служить оригиналомъ главы IV (о судѣ въ дѣлахъ печати) мнѣнія Государ. Совѣта. Дѣйствительно, этотъ законъ, съ точки зрѣнія русскаго правительства, требуетъ только перемѣны нѣкоторыхъ названій, а дѣло остается тоже, т. е. совершенное насилие; французскій законъ караетъ тюрьмой и штрафомъ челоѣка, который бы осмѣлился сказать что нибудь противъ національнаго собранія, господства народнаго, чиновниковъ республики и пр.; русскій законъ караетъ тюрьмой и штрафомъ челоѣка, который бы осмѣлился сказать что нибудь противъ имперіи и ея чиновниковъ. Изложеніе закона такъ неопредѣленно, что судъ, обычно подчиненный правительству, можетъ подвести подъ любое наказаніе всякую статью, въ которой встрѣтится сужденіе о несправедливости закона, или о несправедливости правительственнаго чиновника.

Впрочемъ, мы думаемъ, что здѣсь не лишнее выписать эти статьи мнѣнія Государ. Совѣта и напомнить ихъ читателямъ; замѣтивъ притомъ, что во французскомъ законѣ содержаніе ихъ, только съ другими названіями правительственныхъ формъ, почти вполнѣ находится.

Мнѣніе Госуд. Совѣта, гл. IV, ст. 9 :

Пунктъ 1) “Напечатавшій оскорбительныя и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій, также дозволившій себѣ оспаривать въ печати обязательную силу законовъ и одобрять или оправдывать воспрещенныя ими дѣйствія, съ цѣлю возбудить къ нимъ неуваженіе, подвергается заключенію въ тюрьмѣ на сроки, означенныя въ статьѣ 42-й т. XV, ч. I, или аресту на время отъ 4-хъ дней до 3-хъ мѣсяцевъ, или наконецъ денежному взысканію не свыше пятисотъ рублей.

Пунктъ 2) “Учинившій въ печати воззваніе, возбуждающее вражду въ одной части населенія государства противъ другой, или въ одномъ сословіи противъ другаго, подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ или тюрьмѣ на сроки, означенныя въ статьяхъ 40—42, т. XV, ч. I, или аресту отъ 4-хъ дней до 3-хъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше пятисотъ рублей”.

Замѣтьте, что ст. 40 Т. XV Св. зак. изд. 1857 г. опредѣляетъ заключеніе въ смирительномъ домѣ, съ потерей лишь нѣкоторыхъ, особенныхъ, лично или по состоянію осужденнаго пріисвоенныхъ ему правъ и преимуществъ,—отъ одного до трехъ лѣтъ. Замѣтьте также, что, по новому цензурному уставу, если отвѣтственный редакторъ подвергается лишенію или ограниченію правъ состоянія, или же отдачѣ “подъ надзоръ полиціи”, то онъ теряетъ свое званіе.

Ст. 41 Т. XV Св. зак. опредѣляетъ заключеніе въ смирительномъ домѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, безъ потери правъ и преимуществъ; а ст. 42—заключеніе въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ.

Замѣтьте также, что, на этомъ основаніи, судъ можетъ сгубить книгу и автора, или журналъ и его издателя и отвѣтственнаго редактора, какъ скоро это правительству нужно. Всякое несогласіе съ какимъ нибудь узаконеніемъ есть уже его оспариваніе и, конечно, не можетъ имѣть цѣли возбудить къ нему уваженія. Слѣдственно, напечатать какъ бы кротко и косвенно ни было, что нибудь противъ какого нибудь закона—а законы не всѣ же хороши—вотъ и достаточная причина для осужденія. Напечатать что нибудь противъ дурнаго обра-

щенія фабрикантовъ съ работниками—и пойдешь въ смирительный домъ. Странная свобода цензуры!

“4) Виновыя въ напечатаніи и обнародованіи постановленій дворянскихъ, городскихъ и земскихъ собраній безъ разрѣшенія, въ столицахъ, генералъ-губернаторовъ, а въ прочихъ городахъ, начальника губерній, подвергаются денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей и аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или же, по усмотрѣнію суда, одному изъ сихъ наказаній.

“10) За всякое ослашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи, такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени, виновный подвергается денежному взысканію не свыше пятисотъ рублей и заключенію въ тюрьмѣ на сроки, напечатанные въ ст. 42-й т. XV, ч. I, или же, по усмотрѣнію суда, одному изъ сихъ наказаній.

“11) За всякій оскорбительный отзывъ въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи, выражающій или заключающій въ себѣ злословіе или брань, но безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства, виновный подвергается денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей и аресту въ мѣсяцъ, опредѣленной 43-ю статьею т. XV, ч. I, для первой и второй степени, или заключенію въ тюрьмѣ не свыше шести мѣсяцевъ.

“12) Навесшему оскорбленіе того или другаго рода частнымъ лицамъ или въ какомъ случаѣ не предоставляется право приводить доказательства справедливости напечатаннаго имъ.

“13) Если оскорбленіе, при которомъ указано на какое либо позорящее обстоятельство, касается служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ правительства или по выборамъ, то навесшему оное предоставляется право представлять, въ подтвержденіе справедливости своихъ показаній, имѣющіяся въ его рукахъ письменныя доказательства. Свидѣтельскія показанія, въ семъ случаѣ, не допускаются.

“14) Начавшій искъ противъ взысканія на него въ печати позорящаго обстоятельства, съ своей стороны имѣетъ право какъ опровергать всѣми способами силу представленныхъ подсудимымъ, на основаніи предидущей статьи, доказательства, такъ и выставять свидѣтелей въ подтвержденіе нравственныхъ качествъ своихъ; но подсудимому запрещается выставять свидѣтелей въ опроверженіе нравственныхъ качествъ истца.

“15) Доказавшій на основаніи статьи 13-й, справедливость позорящаго обстоятельства, освобождается отъ наказанія, полагимаго статьею 10-ю; но онъ можетъ быть подвергнутъ взысканію по статьѣ 11-й, если судъ, въ формѣ преслѣдуемаго сочиненія или въ способѣ его распространенія и другихъ обстоятельствахъ, усмотритъ явный умыселъ нанести должностному лицу или установленію оскорбленіе.

“16. Не влѣяется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей.

“17. При назначеніи наказанія за преступленія и проступки печати, судъ можетъ опредѣлить и уничтоженіе рисунка, книги и т. п. или тѣхъ мѣстъ произведенія, въ которыхъ заключается преступное обнаруженіе мыслей, а также закрытіе типографіи, литографіи или металлографіи.

“18 При назначеніи наказанія за преступленіе, обнаруженное въ повременномъ изданіи, суду предоставляется :

“1) опредѣлять запрещеніе такого повременнаго изданія на срокъ, какой онъ признаетъ пужнымъ, или совершенное его прекращеніе;

“2) опредѣляя приостановленіе или прекращеніе повременнаго изданія, запретить выѣсть съ тѣмъ и оказавшимся виновными издателю и редактору, или одному изъ нихъ, приписать на себя, въ теченіе известнаго срока, не свыше однако пяти лѣтъ, званіе издателя или редактора какова бы то ни было повременнаго изданія.

“19. Постановляя приговоръ въ отношеніи къ повременному изданію, судъ можетъ опредѣлить, чтобы въ слѣдующемъ номерѣ сего изданія, если оно не прекращено, помѣщенъ былъ и означенный приговоръ, печатаніе при этомъ примѣчаній, возраженій или приложений запрещается”.

Замѣтьте, что въ ст. 10 понятіе о частномъ лицѣ, противъ котораго публичное обвиненіе болѣе происходитъ изъ личностей, смѣшивается съ понятіемъ о должностномъ лицѣ, обществѣ, или установленіи, противъ которыхъ печатное обвиненіе наиболѣе имѣетъ источникъ въ чувствѣ права и правды. Замѣтьте, что эта статья отдѣльна отъ ст. 11, гдѣ говорится о злословіи и брани безъ указанія позорящаго обстоятельства (а что законъ разумѣтъ подъ “злословіемъ и бранію” тоже не опредѣлено). Замѣтьте, что освобожденіе отъ наказанія на основаніи ст. 15—едва возможно. Не ясно ли изъ общности

этого законодательства, что дѣло идетъ не о свободѣ печати, а о наложеніи печати молчанія на уста людей, которые бы хотѣли высказать свою мысль и правду о томъ что дѣлается.

Намъ кажется излишнимъ перепечатывать главы мнѣнія Госуд. Совѣта "О типографіяхъ, литографіяхъ, металлографіяхъ и заведеніяхъ производящихъ и продающихъ принадлежности тисненія, и о книжной торговлѣ"—то что во французскомъ кодексѣ извѣстно подъ заглавіемъ: "Brevet d'imprimeur et de libraire". Общій смыслъ ихъ тотъ, что всѣ эти заведенія, кромѣ надзора главнаго управленія печати, состоятъ подъ надзоромъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, т. е. состоятъ подъ надзоромъ полиціи и слѣдственно находятся въ порядочномъ стѣсненіи, котораго вынуждены будутъ избѣгать ловкостью или взятками. Самыя замѣчательныя въ этихъ постановленіяхъ статьи 13 и 14 (гл. III Ми. Госуд. Совѣта):

"13. Сочиненіе, напечатанное или налитографированное безъ предварительной цензуры можетъ быть выпущено въ свѣтъ, не прежде, какъ по истеченіи трехдневнаго срока съ полученія росписки въ принятіи цензурныхъ комитетомъ законнаго числа экземпляровъ. Виновные въ неисполненіи сего правила подвергаются собственнo за нарушеніе оного денежному взысканію не свыше ста рублей.

"14. Въ тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда, по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противузаконнаго сочиненія или повременнаго изданія, наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебнаго о семъ приговора, совѣту главнаго управленія и цензурныхъ комитетамъ предоставляется право немедленно останавливать выпускъ въ свѣтъ сего сочиненія, не иначе, впрочемъ, какъ начавъ въ тоже самое время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго".

Изъ этихъ двухъ статей очевидно, что цензурные комитеты имѣютъ власть остановить печатаніе всякой книги и всякаго повременнаго изданія, которымъ будто бы дано право печататься безъ цензуры, и вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовать судомъ и сочинителя, и редактора, и издателя, и типографшика, и литографшика, и книгопродавца—и преслѣдовать судомъ не только за изданное въ свѣтъ, а за неизданное сочиненіе.

Замѣчательно также, что преслѣдованіе какое-то тройное, и главное управленіе можетъ преслѣдовать помимо суда и помимо министра внутр. дѣлъ, и министр можетъ преслѣдовать по мимо суда и по мимо главнаго управленія, и судъ можетъ преслѣдовать по мимо министра и по мимо главнаго управленія,—лишь бы только какой нибудь цензурный комитетъ поспѣшилъ принести жалобу.

Составъ суда довольно любопытный (ми. Государ. Совѣта, гл. IV, ст. 5 и 6):

"5. Подлежащее преслѣдованію нарушеніе постановленій о печати (впредъ до введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го Ноября 1864 года), вѣдается въ качествѣ суда первой степени, въ особыхъ присутствіяхъ уголовной палаты, образуемыхъ для сего въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и поступають, по апелляциямъ, въ правительствующій сенатъ.

"6. Особые присутствія состояются изъ председателя уголовной палаты, двухъ товарищей председателя палаты уголовной и гражданской и членовъ, изъ застѣателей тѣхъ же палатъ, по опредѣленной между ними послѣдними очереди, съ тѣмъ, чтобы въ составѣ присутствія находились два застѣателя уголовной палаты и по одному отъ каждаго изъ департаментовъ палаты гражданской.

"7. Срокъ для возбужденія судебного преслѣдованія по нарушеніямъ постановленій о печати полагается, со дня совершенія нарушенія, годъ ой".

Кромѣ того, что гдѣ бы ни случилось нарушеніе постановленій о печати, оно все таки судится судомъ первой степени, составленнымъ изъ лицъ принадлежащихъ ко второй судебной инстанціи, только въ Петербургѣ и въ Москвѣ; но еще и преслѣдованіе можно начать въ теченіи года (или прежде выхода сочиненія въ свѣтъ).

Кончается мнѣніе Госуд. Совѣта постановленіемъ о драматическихъ представленіяхъ, которыя изъ подъ цензуры III-го

отдѣленія (ценз. уставъ, ст. 52, т. XIV Св. Зак. изд. 1857 г.) переходять подъ цензуру главнаго управленія цензуры и министра внутр. дѣлъ. Тутъ по крайней мѣрѣ утѣшительнъ явный упадокъ власти III-го отдѣленія, хотя мы и не знаемъ чѣмъ будетъ лучше власть министра внутреннихъ дѣлъ.

Утѣшительно также, что журнальныя статьи о театрахъ, которыя были обязаны черезъ III-е Отдѣленіе поступать на разсмотрѣніе министра двора (Ценз. уставъ, ст. 53, т. XIV Св. Зак. изд. 1857 г.)—теперь подлежатъ только общему цензурному уставу...или стѣсненію.

Это мнѣніе Государственнаго Совѣта утверждено императорскимъ указомъ 6-го Апрѣля 1865 г. въ видахъ "облегченія и удобства отечественной печати". Замѣчательно то что указъ сохраняетъ духовную и иностранную цензуру по прежнему, и вообще стараго цензурнаго устава положительно не уничтожаетъ, такъ что редакція указа отличается специальной темнотою.

Подписано мнѣніе Госуд. Совѣта, конечно, великимъ княземъ Константиномъ, который въ Россіи считается самымъ либеральнымъ великимъ княземъ, такъ что *Московскія Вѣдомости* не боятся, или, какъ говорятъ, поощряются правительствомъ нападать на него.

Признаемся, что мы совершенно не вѣримъ ни тому, что этотъ великій князь будто бы либеральный, ни тому что правительство поощряетъ *Московскія Вѣдомости* нападать на него.

Какъ бы то ни было, а цензурная реформа—больше стѣсненіе чѣмъ освобожденіе печати.

П. Огаревъ.

ПИСЬМА КЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Васъ еще удивляетъ, оскорбляетъ глубокое непониманье нашихъ старшихъ братій о цивилизаціи!.. Удивлялся и я, негодовалъ и я—и теперь едва покоряюсь темной силѣ. Злые духи, разъ поселившись въ человѣкѣ, да еще имѣя за себя давность—упорны; ихъ изгнаніе или заговариваніе никогда не было дѣломъ легкимъ. Цѣтъ людей подъ рукой, они бросаются, какъ вы знаете по писаніямъ, въ стадо многопытныхъ и съ ними мутятъ воду. Развѣ изобрѣгутъ какую нибудь машину для дренажа человеческого ума, а то одной логикой не много сдѣлаешь.

Человѣкъ увѣренъ, убѣжденъ, что истина, сказанная имъ, выведенная имъ, доказанная имъ убѣждаетъ и другихъ. Ему возражають—онъ отвѣчаетъ, ему приводятъ новыя сомнѣнія—онъ приводитъ новыя доводы и думаетъ, что дѣло сдѣлано. Противники соглашаются, восторгаются—и вы можете быть увѣрены, съ той несомнѣнностью, съ которой вы ждете луннаго затмѣнія, что черезъ два-три мѣсяца явятся тѣже возраженія, тѣже сомнѣнія, тѣже озлобленія, въ родѣ утокъ, въ извѣстной дѣтской игрушкѣ, которыя постоянно выходятъ изъ правой башенки и отправляются въ лѣвую, безъ всякаго конца, потому что все это однѣ и тѣже.

Годы цѣлую бьешься, бьешься о непобѣдимую мощь непониманья, думаешь: ну! сколько нибудь выигралъ... не тутъ-то было, все на одномъ мѣстѣ... Послѣ десятаго разговора, вамъ возражають точно тоже что при началѣ перваго—совершенно соглашались со всѣмъ что было говорено въ промежуткахъ.

Казалось бы оставить ихъ въ покоѣ, горбагаго лечить одна

могила—силъ нѣтъ. Человѣкъ не можетъ съ рыбьимъ хладнокровіемъ смотрѣть на другого, когда тотъ идетъ не по настоящей дорогѣ, да еще того и гляди попадетъ подъ колеса почтовой кареты, въ которой скачетъ сама исторія.

Откуда эта лѣнь ума, эта робость силлогизма, это желанье не идти дальше, набросить покрывало?... Давно-ли, кажется, западный человѣкъ, освобождаясь отъ двухъ самыхъ грубыхъ опекъ, рвался впередъ съ отвагой въ мысли и дѣла, отриная все неоправданное разумомъ, потрясая все существующее—и по дорогѣ создавая науку и ставя огромный вопросъ современности? Его-то онъ и испугался, какъ Фаустъ вызваннаго имъ духа. Смыслъ онъ былъ въ ожиданіи, въ теоретическомъ отрицаніи, въ ломаніи вѣщныхъ цѣпей—чередъ пришелъ до приложений и западный человѣкъ сталъ революціоннымъ консерваторомъ—краснымъ бѣлаго цвѣта. Порогъ-ли это, за который онъ запнулся, или его предѣлъ—покажетъ время, но до тѣхъ поръ у насъ съ нимъ цѣль языка. Выходя изъ отвлеченныхъ сферъ, мы встрѣчаемъ въ немъ закоснѣлаго врага или непонимающаго друга. Послѣдній хуже. Для меня нѣтъ ничего противнѣе, какъ непониманье съ сочувствіемъ и съ нѣкоторой любовью.

“Что вамъ нравится въ моихъ статьяхъ?”, говаривалъ я многимъ и многимъ изъ западныхъ друзей, “дайте себѣ отчетъ и вы увидите, что мы стоимъ на противоположныхъ полюсахъ. Вы—или увлекатесь дружбой ко мнѣ, или моимъ слогомъ сущность моей мысли не принята вами и скорѣе противна вамъ чѣмъ симпатична. Для меня это безконечно печально, печально за васъ и за вашихъ, и я васъ прошу не восхищайтесь моими статьями, или поймите ихъ. Въ 1848 году вы сдѣлали fiasco—за тѣмъ реакція, апатія: на землѣ имперія порядка, на небѣ воздушный шаръ социальныхъ теорій, плавающий по воздуху безъ возжей, руля и почвы куда бы спуститься. Вы все говорите, что видите прошлые ошибки, что ищете новыхъ рѣшеній, вы все жалуетесь, что старинныя стѣны и развалины вамъ не даютъ ступить шага, вы ждете въ раздумьи и не можете ума приложить что дѣлать. Являются какие-то люди, которые приносятъ вамъ вѣсть о сгравѣ, въ которой существуютъ исконны задатки и того социальнаго устройства, на поляхъ которой нѣтъ развалинъ, а есть только что поставленные острожные частоколы, нѣтъ устарѣлыхъ правъ, а есть надѣвшее безправіе, нѣтъ консервативныхъ вѣрованій, а есть силой удерживающіяся цѣпи и веревки.

“Что-же вы сдѣлали съ этими вѣстями? Исследовали-ли вы—справедливы или ложны показанія этихъ людей и въ чемъ состоитъ это естественное рѣшеніе вопроса? Нѣтъ. Вы продолжали, съ одной стороны, риторическую войну возгласовъ на старые беранжеровски-либеральныя напѣвы, которые насъ такъ и переносятъ въ блаженные времена тьеровскаго либерализма и оппозиція Гизо. Съ другой—вы все еще хотите намъ перелить въ жилы вашу старую кровь, съ вашей старой мудростью, съ которой вы дошли до втораго пришествія имперіи.

“Изъ вашей цивилизаціи намъ только и пужно то, что вы въ ней считаете варварскимъ, то чему вы запираете двери и то, что одно могло бы васъ спасти, такъ какъ спасетъ насъ. А вы вмѣсто пониманья, хотите насъ учить вашему кодексу, вашему канцелярскому и камерному порядку. Намъ ваше пониманье не нужно, намъ нужна ваша наука, скрыть ее вы не можете: она родилась у васъ, но она не ваша. Вамъ нужно

насъ знать, иначе вы можете по-римски поплатиться за старческое невниманье къ варварамъ, за аристократическое пренебреженіе новыхъ народовъ”.

Такъ какъ въ Гамлетѣ трагедія представляется въ трагедіи и на сценѣ сцена, такъ я хочу въ письмѣ къ вамъ передать другое письмо, писанное мною года три тому назадъ. Вы увидите, какъ вопросъ этотъ мало двигается. Въ 1862 г., одинъ нелѣпый лондонскій журналъ снова попалъ на Бакунина и по дорогѣ зацѣпилъ и насъ, я отвѣчалъ нѣсколькими словами съ откровенностью македонскаго солдата и съ учтивостью русскаго гарнизоннаго офицера.

Всѣмъ за тѣмъ я получилъ письмо отъ одной англичанки...

Перебирая всю мою жизнь за границей, я долженъ сознаться, не обижая многихъ и многихъ моихъ близкихъ и дорогихъ людей, полное пониманье нашего вопроса я встрѣтилъ одинъ разъ—и это не въ мужинѣ, а въ женщинѣ и притомъ въ англичанкѣ.

Письмо было отъ нея. Она испугалась тона полемики и того озлобленія, которое могло идти за предѣлы жалкаго листка. Письмо ея было такъ благородно и полно дружбы, что мнѣ пришло въ голову серьезно разъяснить вопросъ въ рядѣ писемъ къ ней. Пока я собирался, дѣла приняли другой оборотъ—насъ покрыло дымнымъ и кровавымъ туманомъ петербургской реакціи и польскаго возстанія. Неправильность ко всему русскому еще разъ оправдалась. Гдѣ тутъ было дѣлать различіе между официальной Россіей и той, о которой мы говорили! Къ тому же дворянская и литературная чернь заткнула за поясъ правительство и полицію.

Я оставилъ въ портфель письмо написанное къ ней. И съ горестью сложа руки, ждалъ чѣмъ кончится это испытаніе. Вотъ вамъ оно:

...“Мнѣ трудно отвѣчать на ваше письмо, за ваши добрыя, дружескія слова, я кромѣ сердечной благодарности не могу ничего сказать хорошаго или утѣшительнаго. Я боюсь за свою откровенность, но не могу, писавши къ вамъ, остановиться на полдорогѣ... Не сердитесь-же на лампу за то, что она освѣщаетъ. Вообще дѣла людскія хороши en gros. Исторія, какъ Альпы, красива издали... вблизи сѣрые кампи, замаранный снѣгъ, обрывы и все еще бездна дороги, и притомъ дурной, тяжелой дороги впереди...

“Позвольте мнѣ напомнить начало нашего знакомства. Вы протянули мнѣ руку, не зная меня лично и протянули ее во имя дѣла, которое я дѣлалъ, и во имя міра, о которомъ я свидѣтельствовалъ. Не знаю, какимъ вдохновеніемъ, какимъ напѣвомъ вы почувствовали живые всходы подъ папими снѣгами и отгадали, что мрачный и нѣмой міръ нашъ не отходилъ, а нарождался. Вы привѣтствовали его во мнѣ, когда я случайно попалъ на вашей дорогѣ, и я безконечно вамъ благодаренъ за это—но что сдѣлали другіе? что сдѣлала старая гвардія цивилизаціи, съ которой я сблизился на еп Ватерлоо'скомъ полѣ, что сдѣлали покрытые сѣдинами и шевронами колониовожатые рода людскаго, которые завели его въ болото и потеряли путь?

“Сначала они меня слушали съ тѣмъ молчаніемъ, съ которымъ слушаютъ, находясь не въ авангажѣ, даже безвредныхъ сумасшедшихъ. Потомъ, когда половина предсказаннаго стала осуществляться, они, какъ римскіе сепаторы въ дѣлѣ Циципона, закрыли глаза... А вы говорите: объясняйте имъ, толкуйте.

“Ненависть къ Россіи, никакъ не надобно ошибаться, не

относится исключительно къ правительству, къ дворянству или “схизматическому” духовенству, а просто на просто *гуломъ ко всему русскому*. Вы составляете исключение, можете еще два три человека, да и то если вы безъ ненависти смотрите на народъ русскій, то скажите откровенно, *любите ли вы Европу?* Ненависть къ Россіи не взаимна, совсѣмъ напротивъ, Россія сначала XVIII^{го} вѣка находила въ Европѣ свои модели, свои выкройки, свои прописи, тянулась за ней во всемъ, подражала ей и едва теперь начинаетъ сторожить уши. Съ тридцатыхъ годовъ либеральная Европа привыкла на нашей спинѣ, съ спартаической педагогической несправедливостью, наказывать гадости всѣхъ правительствъ; чѣмъ больше она теряла право критики домашнихъ дѣлъ, тѣмъ свирѣпѣе сѣкла она Россію, не замѣчая, что она хлещетъ не только по той Россіи, которая все ломитъ и все давитъ, а и по той, которую все давитъ и все ломитъ. Это зрѣлище довольно новое. Слыхали-ли вы, чтобъ за неаполитанскихъ Бурбоновъ кто нибудь сталъ позорить крестьянъ на *terra di lavoro*, горцевъ въ Калабріи, или за австрійское удушливое императорство бросать грязью въ Тироляца или Морава? Тутъ ненависть къ правительству и къ силамъ его поддерживающимъ, тамъ зоологическое, инстинктивное отвращеніе, *консервативная* ненависть старой расы встрѣчающейся съ неизвѣстнымъ *intrus*, съ новой расой, бродящей по границѣ и словно засматривающей въ глаза. А вѣдь мы смотрѣли до сихъ поръ, вовсе не такъ какъ Францъ Мооръ, спрашивая своего дряхлаго отца: “чтожъ ты, вѣчно хочешь жить что ли?” Мы смотрѣли отъ внутренней тоски, мы искали совѣта и науки. Встрѣчая въ послѣднее время надменную ненависть, и мы наконецъ начинаемъ хмуриться. Изъ этого могутъ вырасти бѣды, кровавыя столкновения, вы хотите ихъ устранять. Хотѣлъ бы и я, но гдѣ же возможность, гдѣ элементы?... Вы говорите: “продолжайте ваше апостольство, раскрывайте глаза западнымъ людямъ, не прибавляйте яду и озлобленія въ натянутое положеніе”. Простите меня, я не узнаю тутъ вашу самобытную, безбоязненную мысль: *sans peur ni reproche*! Гдѣ же ваше гордое смиреніе передъ фактической необходимостью? Васъ исполняетъ ужасомъ “собирающаяся борьба двухъ разныхъ цивилизацій”, и я смотрю на нее съ ужасомъ, но не могу же я кинуться на встрѣчу лавинѣ!...

“Вы сомнѣваетесь въ *достаточности* причинъ, вы сомнѣваетесь въ ненависти и относите ее къ недоразумѣнію, вы говорите, что это чувство новое. Я былъ бы радъ согласиться съ вами, но мнѣ кажется, что причинъ больше чѣмъ надобно, больше чѣмъ ихъ было во всѣхъ роковыхъ столкновенияхъ “двухъ цивилизацій”, міра греческаго, на пр. съ міромъ персидскимъ, міра германскаго протестантизма съ міромъ романскаго католицизма, міра романской революціи съ міромъ германскаго консерватизма...

“Мы разумомъ побѣждаемъ въ себѣ, т. е. мы — нѣсколько человекъ, перывы фیزیологическихъ антипатій, и то при малѣйшемъ поводѣ они берутъ верхъ.

“Ну, а тамъ гдѣ всякое очеловѣченіе неизвѣстно и гдѣ ненависть раздуваютъ всѣми силами — изъ видовъ, изъ риторикъ, изъ непониманія? Вы правы, это чувство ненависти не всегда существовало, но на этомъ-то я и основываю его страшную будущность, *она въ ростѣ*.

“Пока Россія являлась ученицей, антагонизму не было мѣста, философы XVIII^{го} вѣка ласкали ее, поощряли, лестили,

ей; лицемѣрный, литературный либерализмъ Екатерины II былъ *принятъ au pied de la lettre*. Хвали ее, бранили своихъ, (обратная игра той, которую я отмѣтилъ выше). При Наполеонѣ Европа съ Россіей номѣрилась, узнали что имъ другъ друга не сломить, и успокоились на дипломатіи и конгрессахъ; вопросы были спутаны, дѣло шло не о “двухъ цивилизаціяхъ”, а о завоевательномъ началѣ въ борьбѣ съ національнымъ. Поль-Европы было съ Россіей, русскіе побѣды были нѣмецкими побѣдами, русская политика была обще-европейской, ультра-консервативной, специально-нѣмецкой, но не національной, не русской. Открытый антагонизмъ между Европой и официальной Россіей начался съ 1830 года. Дерзкая, обуховая политика Николая, гоненія дома, а всего больше въ Польшѣ, вооружили общественное мнѣніе всего міра противъ Россіи. Россія казалась постояннымъ тормазомъ, задерживавшимъ всякое движеніе Европы, мѣшавшимъ всякому прогрессу.

“Но и этотъ антагонизмъ не былъ еще серьезенъ. Борьба Ормузда и Аримана рѣшена впередъ. Европа представляла все хорошее — свободу, науку, цивилизацію, гуманность; Россія матеріальную силу, безправіе, крѣпостное состояніе, самовластіе, Сибирь, рудники, кнутъ. Чисто отрицательное начало не можетъ выдерживать войну съ началомъ положительнымъ. И какъ бездарно ни была ведена крымская война, со стороны союзниковъ, но она показала не одну, а нѣсколько Ахилловыхъ пятъ Россіи. Она показала, что народъ не былъ за войну, что общество не было за войну, что литература не была за войну. Она показала общее неудовольствіе, общій ропотъ. Мрачное отчаяніе, съ которымъ защищали Севастополь, выражало только народное “не тронь меня” и свидѣтельствовало о той силѣ, которую могла бы возбудить народная борьба. Для прочной, долгой борьбы, для серьезнаго, историческаго антагонизма необходимъ *перпешеный вопросъ*, необходимо, чтобъ *правда и неправда* была съ обѣихъ сторонъ и чтобъ вопросъ былъ на живогъ и на смертъ.

“Гдѣ-же вопросъ, на которомъ “двѣ цивилизаціи” могли бы торжественно слиться, отрѣкаясь отъ всѣхъ антагонизмовъ или окончательно расшибиться другъ объ друга, въ дикомъ единоборствѣ? Вы его ставили много разъ съ такой ясностью, что мнѣ, еслибъ я не къ вамъ писалъ, пришлось бы переписать ваши слова”...

Первое письмо этимъ оканчивалось, втораго я не писалъ. Польское возстаніе, какъ я сказалъ, захватило все вниманіе и надолго смѣшало карты. Озлобленіе, ненависть къ намъ Европы удесатерились, не только дѣйствіями русскаго правительства, но и чувствомъ собственнаго безсилія, невольной измѣны, стыда.

Въ этомъ хаосѣ страстей долженъ былъ бы потухнуть послѣдній лучъ пониманія. Совсѣмъ напротивъ, именно въ это время, по какому то ясновидѣнію ненависти, заклятыя враги начали разглядывать *дѣйствительную* *почву* нашего антагонизма... а наши западные друзья не раскусивъ смысла, подхватили ихъ слова и начали бить, не отдавая себѣ никакого отчета кою они *бьютъ*.

Въ 1863 году, вышла въ Парижѣ брошюра писанная полякомъ “*La Pologne et la cause de l'Ordre*”*. Она ставила вопросъ совершенно ясно и указывая Европѣ, консерватив-

* Событіемъ ко читавшимъ этой брошюры ее *прочтеть*.

ной и либеральной, въ чемъ ей грозитъ опасность отъ Россіи и почему она должна всѣми мѣрами стараться стереть главу этой гидры. Католикъ, писавшій эту книгу, пошелъ дальше Донозо Кортеса; Донозо Кортесъ страшалъ одной покорной массой войскъ и единствомъ воли распоригающей ими. Авторъ брошюры прямо говоритъ, что Россія свѣрхъ дикой силы, неустановившейся и готовой на все, представляетъ хаотическое отрицаніе западныхъ государственныхъ формъ, что во всѣхъ проявленіяхъ, внутри бродящей силы ея, страшный ферментъ *соціализма*, незаарканенпаго и мечущагося во всѣ стороны, который ничего не пощадитъ, ни передъ чѣмъ не остановится, ни передъ духовной, ни передъ гражданской овятыпей...

Наконецъ-то, то что мы проповѣдывали столько лѣтъ, стало являться на площади въ полномъ парадѣ, въ Санъ Бенито, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, бросающими длинныя черты тѣни... Кто будетъ теперь сомнѣваться въ нашихъ словахъ? ихъ подтверждаютъ враги. *Мірѣ порядка* отлучаетъ насъ, *мірѣ испроверженія* его—протянетъ намъ руку...

Не тутъ-то было.

Они говорили объ официальной, окровавленной, казнящей Россіи. Не въ Зимнемъ же Дворцѣ, не въ казармахъ и канцеляріяхъ *тотъ страшный ферментъ*, о которомъ говорилъ авторъ брошюры... Загляните подъ казенное, красное сукно.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричатъ радикалы со всѣхъ сторонъ: знаемъ мы васъ, вы не лучше, вы всѣ коммунисты, соціалисты!

— А вы, господа, такъ и хочется вамъ отвѣтить: вы все таки вдвое ближе къ всероссійскому императорству, которое ругаете по привычкѣ, чѣмъ къ вольнымъ людямъ, ищущимъ дѣйствительной свободы и дѣйствительной правды.

Съ ними, саго тѣю, будьте увѣрены, не скоро стоворимся мы.

20 Іюля 1865.

И—ръ.

СМѢСЬ.

— Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатано: “27 и 28-го Іюня, общественное спокойствіе въ Тифлисѣ было внезапно нарушено по случаю введенія нѣкоторыхъ дополнительныхъ сборовъ въ пользу городскихъ доходовъ. Сборы эти, состоящіе въ увеличеніи прежде существовавшаго налога съ питейныхъ заведеній и въ установленіи новаго съ экипажныхъ и верховыхъ лошадей и за занятіе улицъ и площадей складомъ строительныхъ матеріаловъ, а также за глину и известъ, вывозимыхъ съ городскихъ земель, были назначены въ небольшомъ размѣрѣ, и прежде установленія ихъ были подвергнуты всестороннему обсужденію въ особой комиссіи, учрежденной намѣстникомъ кавказскимъ для взысканія способовъ къ уравниванію доходовъ города Тифлиса съ расходами. Люди неблагонамѣренныя и имѣвшіе личныя неудовольствія къ городскому головѣ, успѣли при этомъ случаѣ возбудить невѣжественную часть городского податнаго населенія противъ городскихъ властей, превратнымъ истолкованіемъ и распространеніемъ извѣстій о томъ, будто бы установленіе денежныхъ сборовъ касается не однихъ только этихъ статей, но и всякой движимой собственности, не исключая домашнихъ животныхъ и птицъ, а также предметовъ первой потребности и даже одежды. 27-го Іюня, послѣ полудня, составила толпа изъ людей разнаго званія и сословія неимѣющихъ занятій, которыхъ въ такомъ многочисленномъ и разнохарактерномъ городѣ, какъ Тифлисъ, весьма много. Толпа эта, поддержи-

ваемая сочувствіемъ ремесленниковъ и торговцевъ (амкаровъ), папала на домъ городского головы Шермазана Вартанова и сборщика податей Бажбеукъ Меликова; первый успѣлъ скрыться, а второй палъ жертвою своеволия толпы. При этомъ дома ихъ значительна раззорены, а имущество истреблено и расхищено. Для усмиренія нарушителей порядка оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ войскъ, находившихся въ Тифлисѣ. Къ вечеру того же числа, своеволие было прекращено; но на слѣдующій день волненіе возобновилось: всѣ лавки съ утра были заперты, и толпа начала снова собираться за городомъ въ предмѣстіи Авлабарѣ. Присутствіе войскъ, разставленныхъ по городу, и личныя внушенія властей вразумили толпу, которая разошлась. Затѣмъ спокойствіе въ городѣ восстановилось. Жертвами этого печальнаго событія были четверо убитыхъ и девять раненыхъ со стороны нарушителей спокойствія.

“Для открытія виновныхъ въ происшедшихъ беспорядкахъ, назначена особая слѣдственная комиссія.

“Послѣднія извѣстія отъ 14-го Іюля, полученныя по телеграфу изъ Тифлиса, подтверждаютъ, что въ городѣ совершенно спокойно и все пришло въ обычный порядокъ”.

С.-Петербургскія Вѣдомости, изъ которыхъ мы перепечатываемъ это извѣстіе, дають еще слѣдующія подробности изъ газеты *Кавказъ*:

“На объявленіе Казенной Палаты о дополнительномъ налогѣ, *въ тифлисские* торговцы и ремесленники, составляющіе корпораціи, извѣстныя подъ названіемъ *амкары*, и въ особенности виноторговцы, на коихъ прямо падалъ увеличенный налогъ, отвѣчали отказомъ, ссылаясь на существующую дороговизну съѣстныхъ припасовъ и на опасеніе еще большаго возвышенія цѣнъ на продукты, такъ какъ хлѣбныя посѣвы во многихъ мѣстахъ края истреблены саранчею, мышами и градомъ. Высшее начальство, къ которому они обратились съ просьбою отиѣнить вовсе, или, по крайней мѣрѣ, отсрочить взносъ дополнительнаго налога, не могло снизить на ихъ ходатайство, а узнавъ, что амкары предполагаютъ закрыть 28 Іюня всѣ лавки и торговыя заведенія, поручило тифлисскому старшему полицмейстеру объявить амкарскимъ старшинамъ (*устабашамъ*), что подобное дѣйствіе будетъ принято за явное ослушаніе и подвергнетъ виновныхъ преслѣдованію по всей строгости законовъ. 27 Іюня, не смотря на это, народъ, собравшійся толпами, *хотя и не вооруженными*, и озлобленный противъ нѣкоторыхъ изъ своихъ выборныхъ, не отстоявшихъ, по его мнѣнію, общихъ интересовъ, произвелъ беспорядки, разрушивъ и разграбивъ дома городского головы Шермазана Вартанова и сборщика податей Бажбеука Меликова, при чемъ сей послѣдній, хотя и встрѣтилъ нападающихъ неустрашимо и защищался мужественно, былъ избитъ камнями и дрючьями до такой степени, что вскорѣ умеръ. Такое буйство разъяренной черни вынудило начальство вызвать войска, оцѣпить ими нѣкоторыя улицы, площади и мосты и дать приказаніе, въ случаѣ крайней необходимости, употребить силу оружія какъ въ день 27 Іюня, такъ и 28 ч, въ который всѣ лавки и торговыя заведенія были закрыты и работы прекращены. Въ этотъ же день нѣкоторые правительственные лица, а также и новый городской голова Абессаломовъ, назначенный вслѣдствіе происшедшихъ беспорядковъ на эту должность, успѣли вразумить народъ и убѣдить его, что подобныя дѣйствія поведутъ его къ тяжелой отвѣстности.

ности, вслѣдствіе чего депутація, явившись къ исправляющему должность намѣстника кавказскаго, генералъ адъютанту князю Орбеліани, просили помилованія, давъ торжественное обѣщаніе не нарушать общественнаго порядка и возвратиться мирно къ своимъ занятіямъ. 29 Іюня, въ 10 ч. утра, всѣ лавки были открыты, и въ городѣ началось обычное движеніе”.

— *Русскій прогрессъ.*—Въ газетѣ *Dziennik Warszawski* помѣщено слѣдующее объявленіе: “Варшава, 25 Іюня (7 Іюля). Ректоръ главной школы извѣщаетъ, что согласно предписанію его сіятельства графа намѣстника царства польскаго, вслѣдствіе предложенія бывшаго генералъ-губернатора губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской, генерала отъ инфантеріи, графа Муравьева, молодые люди родомъ изъ помянутыхъ губерній, а равно изъ губерній Могилевской и Витебской, не иначе будутъ принимаемы въ учебныя заведенія королевства, какъ съ дозволенія мѣстныхъ губернаторовъ. А потому всѣ студенты главной школы, происходящіе изъ помянутыхъ губерній и желающіе матриккулироваться на будущій годъ, обязаны представить таковыя свидѣтельства; ибо представленныя прежде при приѣмѣ въ школу утратили свое значеніе вслѣдствіе новаго предписанія. На сыновей же военныхъ и чиновниковъ, а равно и владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній въ королевствѣ имѣющихъ постоянное жительство въ немъ не распространяется это предписаніе, хотя бы они были родомъ изъ имперіи.”

Оно понятно, что ректоръ отзывается почтительно на Муравьевскія изобрѣтенія; но что же думали Берги, Черкасскіе, Милютины и tutti quanti, когда унитанный кровью Муравьевъ возлагалъ на нихъ исполненіе своего отвратительнаго насилія? Какъ это намѣстникъ царства разсудилъ, что въ предложеніи вѣнателя все хорошо: “дозволеніе губернаторовъ, въ видѣ новаго рода тормазы и усиленія произвола, и негодность прежнихъ свидѣтельствъ, вопреки правилу, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія, и наконецъ то, что сыновья чиновниковъ и пропріетеровъ не подходятъ подъ предписаніе? Или Бергъ, чужая отставку, думалъ какъ бы Катковъ не ускорилъ ее?

— Курляндское дворянство, по собственной инициативѣ, постановило исходатайствовать у правительства отмену исключительнаго права, предоставляющаго одному только курляндскому дворянству, записанному въ мѣстныхъ матрикулахъ, на владѣніе рыцарскими имѣніями, а распространить такое право на весь сословія.

Каково великодушіе со стороны благородныхъ рыцарей Курляндіи, особенно послѣ того какъ крѣпостное состояніе-то уничтожено!!

— Городское общество Ярославля нашло, что государственныи совѣтъ, такъ долго думавшій надъ разрѣшеніемъ вопроса о куреніи на улицахъ и дозволившій это, сошкочничалъ и далъ маху, а потому оно, ярославское общество, и запрещаетъ курить на улицахъ. Въ этомъ опредѣленіи: никакому государственному совѣту и та зрѣлость соображенія, которая полагается, что курить на улицахъ можетъ быть дозволено развѣ лѣтъ черезъ триста.

— *Официальное опроверженіе.*—“Мы (извѣщаютъ насъ *Москов. Вѣдомости*) получили изъ официальнаго источника слѣдующее сообщеніе:

“Въ № 120 *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщена статья о притѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ будто бы подвергаются раскольники-безпоповцы, въ Витебской губерніи, близъ Динабурга.

“Поводомъ къ этимъ слухамъ были, вѣроятно, слѣдующія обстоятельства:

“Въ послѣдніе годы, особенно во время происходившихъ въ сѣверо-западномъ краѣ безпорядковъ, препятствовавшихъ мѣстнымъ властямъ слѣдить за дѣйствіями тамошнихъ сектаторовъ, послѣдніе сперва тайно, а потомъ явно, начали, вопреки существующимъ законоположеніямъ, строить новые молитвенные дома и исправлять старые, а также обращать крестьянскія избы въ молебни и распространять свою религіозную пропаганду между православнымъ населеніемъ...

“Изъ дознанія оказалось, что въ Динабургскомъ уѣздѣ, въ послѣднее время, самовольно возобновлены и вновь отстроены молебни въ деревняхъ Фольваркѣ, Криванахъ, Москвинѣ, Рубинишкахъ, Панцелишкахъ, Ковалевой, Кривошеевой, Застѣнкахъ, Козлишкахъ и Якубинѣ.

“Вслѣдствіе сего бывший г. г. Муравьевъ предложилъ означенныя молебни закрыть. При оказанномъ со стороны сектаторовъ упорствѣ, въ три селенія были введены военныя команды. За симъ семь молебенъ были опечатаны безъ всякаго отъ нихъ сопротивленія; изъ двухъ только выведено было нѣсколько женщинъ силою. Послѣ этого батальоны возвратились въ мѣста своего расположенія”.

— *Кіевлянинъ.*—*Москов. Вѣдомости*, перепечатываютъ изъ какого-то дикаго *Кіевлянина* слѣдующіе отрывки изъ Житомирской корреспонденціи.

“Польскія вывѣски исчезли въ Житомирѣ, но за то рядомъ съ русскими красуются неизбѣжно французскія... если только ихъ можно назвать французскими: такъ одинъ магазинъ выставилъ у себя русскими буквами *Лонцскій* и рядомъ съ нимъ *La'tsky*, что едва ли въ состояніи былъ бы прочесть французъ. На вопросъ корреспондента, что стоитъ лимонъ, еврей отвѣчалъ ему: *то цитрина*, и объявилъ, что она стоитъ *дзесенць гроши*. Въ Житомирѣ есть театръ, обращенный изъ польскаго въ русскій посредствомъ очень простаго механизма. Бывшей польской труппѣ объявили, что она должна играть по русски и русскія піесы, или *убираться* во-свояси. Она предпочла остаться и играть на русскомъ языкѣ. Можете себѣ представить, что это за языкъ! Впрочемъ, и стоны, и смѣхъ и пляски актеровъ раздаются болѣею частію въ пустынь: поляки не ходятъ, потому что играютъ не на польскомъ языкѣ, а русскіе также, потому что играютъ не на русскомъ, а на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ”.

Отвратительнѣе этой насмѣшки, со стороны палачей надъ жертвами, мы не знаемъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ

ИЗВѢСТНАЯ КНИГА ДЖ. ФЛЕТЧЕРА
(1591)

О ГОСУДАРСТВѢ РУССКОМЪ ВЛН ОБРАЗѢ ПРАВЛЕНІЯ РУССКАГО ЦАРЯ.
ИЗДАНИЕ В. ВАСАТКИНА.

Вскорѣ поступитъ въ продажу

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ
ОБЫКНОВЕННО НАЗЫВАЕМЫХЪ МОЛОКАНАМИ. Цѣна 24р.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 203.

1 СЕНТЯБРЯ 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré L'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Трюенера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Предлагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal.

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ—Письма къ путешественнику (Письмо шестое)—Болтовня съ дороги—Счастливые евреи—Мощи Дмитрія Ростовскаго.

Смѣсь: До судебной реформы—Профессоръ Шефферъ—Нигилисты фальшивые монетчики—Изъ Нижняго—Изъ Тифлиса—Неудачная прогулка—Объявленія.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Инвалидъ напечаталъ, а другія русскія газеты перепечатали статью “О пожарахъ въ сѣверозападномъ краѣ”, составленную будто бы по полицейскимъ, официальнымъ свѣдѣніямъ. Въ этой статьѣ обвиняютъ насъ въ томъ, что мы участвовали вмѣстѣ съ какимъ то польскимъ комитетомъ, о существованіи котораго мы не слыхивали, въ поджогахъ*.

Правительство-ли такъ глупо, что его этимъ обманываютъ, или оно такъ безразлично, что употребляетъ такіа средства противъ своихъ враговъ—намъ все равно. *Мы объявляемъ, что это ложь, ложь нелпная, очевидная для всѣхъ знающихъ нашу жизнь, наши мнѣнія.*

Съ какой цѣлью можемъ мы участвовать въ несчастныхъ поджогахъ? Странное *car tatio benevolentiae*.

Еслибы что нибудь подобное было напечатано въ странѣ имѣющей сверхъ шпионовъ и доносчиковъ—судъ и расправу по законамъ, мы отвѣчали бы или сдѣлали бы *Инвалиду* процессъ. Въ Россіи это невозможно.

Но внѣ Россіи возможно другое.

Мы требуемъ, отъ этихъ официальныхъ негодяевъ, доказательствъ и готовы отвѣчать не только въ печати, но передъ судомъ въ Англіи или Швейцаріи. Намъ интересно будетъ узнать кто этотъ достопочтенный банкиръ Т... и кому онъ платилъ деньги; а Европѣ еще интереснѣе будетъ ознакомиться съ тѣмъ, что за вертепъ разврата, клеветы, бездущья и подлости — русская полиція и русская официальная журналистика.

Вотъ главные мѣста статьи:

“Общественное мнѣніе въ Россіи издавна указываетъ на польскую революціонную партію, какъ на главнѣйшую виновницу поджоговъ. Обвинить всю эту партію поголовно было бы несправедливо; мы имѣемъ, напротивъ того, данныя, удостовѣряющія, что между членами этой партіи встрѣчаются

* Дней пять тому назадъ “Моск. Вѣд.” намекали, что мы и фальшивые монетчики... не участвовали-ли мы еще въ убійствѣ Брикса?... не украли-ли носовой платокъ у Каткова когда онъ являлся къ намъ съ почтеніемъ въ Футамъ и увѣрялъ насъ, “что ‘Колоколъ’ сила”, нисколько не сердясь за это?

Годъ IX.

и такіа лица, которыя открыто отказываются отъ солидарности съ поджигателями, и что поджоги входятъ въ систему дѣйствій преимущественно партіи *красныхъ*, то есть той самой грязной партіи, которая хозяйничала въ Польшѣ въ теченіе 1863 года, которая придумала жандармовъ-вѣшателей и революціонный терроръ, освящала кражу и клятвopреступленіе, и которая вселила къ себѣ отвращеніе даже въ полякахъ, столь намъ недоброжелательныхъ. Солидарность этой партіи съ партіей поджигателей дѣйствительно отвергать невозможно. Къ этому же гнусной партіи слѣдуетъ причислить и извѣстную горсть нашихъ заграничныхъ ренегатовъ, которые, будучи окончательно опозоренными въ общественномъ мнѣніи Россіи, добиваются нынѣ, во что бы то ни стало, возстановить свою незавидную извѣстность, хотя бы геростратовскими средствами.

“Отрывочныя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи вопроса о поджогахъ не могутъ быть точными уже потому, что слѣдствіе продолжаетъ еще производиться весьма дѣятельно. При всемъ томъ, они могутъ служить подтвержденіемъ справедливости молвы народной — что приписывать пожары одиѣмъ случайностямъ значило бы добровольно закрывать глаза отъ истины и что поджоги дѣло не отдѣльныхъ личностей, а цѣлой организаціи. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ еще организаціи этой вполне, хотя и случалось падагать на слѣды ея. Вотъ, между прочимъ, свѣдѣнія, которыя имѣются объ этомъ изъ-за границы и которыя добыты также путемъ слѣдствій надъ нѣсколькими политическими преступниками, задержанными въ послѣднее время.

“Въ настоящее время заграницей существуютъ двѣ шайки революціонныхъ поджигателей: 1) шайка польскихъ эмигрантовъ и 2) шайка самыхъ красныхъ русскихъ революціонеровъ (молодая Россія).

“Польская эмиграція, разсѣявшись по Европѣ, раздѣлилась на многочисленныя партіи и занимается въ настоящее время политическими спорами и распрями, составленіемъ проектовъ о различныхъ революціонныхъ предпріятіяхъ и отысканіемъ людей для приведенія проектовъ этихъ въ исполненіе. Между этими партіями существуетъ и тайная партія поджигателей, главнымъ притономъ которой служитъ Швейцарія, затѣмъ Парижъ и Лондонъ, и наконецъ Турція. Большинство лицъ, составляющихъ эту страшную партію, извѣстно. Покуда мы

не назовемъ ихъ. Въ составъ партіи въ Парижѣ входятъ многія лица, занимавшія въ послѣднее возстаніе должности революціонныхъ организацій въ Литвѣ и Царствѣ Польскомъ. Они занимаются нынѣ высылкой поджигателей въ западный край, а можетъ быть и въ Польшу. Людей для этого находятъ они въ изобиліи между эмигрантами, поселившимися въ Швейцаріи. Сильно нуждаясь въ средствахъ къ существованію, весьма многіе изъ нихъ готовы всегда на все. Парижскій комитетъ не отказывается въ средствахъ на подобныя предпріятія. Лица, отправляемые на поджоги, снабжаются особымъ, легко воспламеняющимся составомъ изъ угля, сѣры и фосфора. Въ теченіе 1863 года жидкость эта изготовлялась въ Варшавѣ, въ аптекѣ Младенца Іисуса, посланнымъ нынѣ въ каторжную работу аптекаремъ Строньскимъ, откуда и разсылалась въ нѣкоторые города. Эта самая жидкость была употреблена при пожарѣ ратуши въ Варшавѣ; съ помощію ея же была подожжена крыша казармъ около замка, но пожаръ былъ во время замѣчепъ и потушенъ. Эта же жидкость была употреблена при покушеніи на жизнь графа Берга, 8-го Сентября 1863 года, причемъ составъ ея былъ силенъ до такой степени, что она горѣла еще на слѣдующій день на каменной мостовой.

“Шайка польскихъ эмигрантовъ поджигателей, свосаясь съ тѣми изъ поляковъ, которые, будучи замѣшаны въ мятежъ, высланы на жительство внутрь имперіи, въ то же время свосится съ подобною себѣ шайкой русскихъ ренегатовъ, называющейся “агенціей Герцена” и сосредоточенною въ Тульчѣ. Эта послѣдняя шайка, развившись сильно въ Турціи, при помощи бѣжавшихъ изъ Россіи липовановъ, скопцовъ и другихъ выходцевъ, избрала поприщемъ своихъ преступныхъ дѣйствій Южную Россію.

“Обѣ эти шайки состоятъ подъ покровительствомъ лондонскаго общества ‘*Ognisko rewolucyjne*’ (революціонное пламя) дѣлами котораго заведываетъ польскій эмигрантъ; онъ же выдаетъ и денежныя пособія злоумышленникамъ. Въ Мамъ 1864 г., онъ привозилъ деньги “агентству Герцена” и жилъ нѣкоторое время въ Тульчѣ. Самое же общество революціонеровъ получаетъ деньги отъ члена своего, лондонскаго банкира Т...., сердечнаго пріятеля Мадзини.

“Ограничиваясь на первый разъ перечнемъ голыхъ фактовъ, предоставляемъ читателямъ выводить изъ нихъ свои заключенія. Свѣденія нами почерпнуты изъ официальныхъ источниковъ. Будемъ надѣяться, что обнародованіе ихъ послужитъ къ общему благу”.

Ну, господа, выходите изъ вашихъ моръ и застѣнковъ. Мы ждемъ. Полно играть въ темную, поддѣльными документами, какъ въ дѣлѣ Чернышевскаго. Являйтесь обвинителями, бывшимъ днемъ, передъ свободными судьями свободного народа — дайте посмотреть на ваши лица... Мы готовы!

30 Августа 1865
Chateau Boissière.

Александръ Герценъ.

ПИСЬМА КЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

письмо шестое.

На этотъ разъ, любезный другъ, я пишу къ вамъ не письмо, а скорѣе *post scriptum* къ двумъ прошлымъ письмамъ.

Меня какъ и какъ упрекаютъ въ недомовѣ, въ неясности, требуютъ, чтобъ я сказалъ категорически въ чемъ дѣло, отчего Россія *guter Hoffnung*, а Европа въ импассѣ...

Да вѣдь если я двадцать лѣтъ говоря одно и тоже, не дошелъ до того, чтобъ растолковать свою мысль, трудно себѣ представить чтобъ мнѣ удалось теперь. Къ тому же разсказать въ чемъ дѣло, значить ни больше ни меньше какъ изложить цѣлый курсъ социализма и разсказать историческое развитіе

отъ Ромула до нашихъ дней

Это мнѣ не подъ силу. Что касается до общихъ мѣстъ, до сентенцій и афоризмовъ, они большей частью оттого и безжизненны что общи. Въ частныхъ развитіяхъ и примѣненіяхъ живѣе передается мысль. Къ тому же я не могу забыть, что и М. П. Погодинъ писалъ когда-то историческіе афоризмы.

Я черезъ два три часа ѣду, и хочу въ отвѣтъ на полученное мною замѣчаніе только поставить нѣсколько точекъ на *г*. Предупреждаю въ одномъ, что все это ужасно старо и можетъ скорѣе служить попрекомъ за невниманіе, чѣмъ новымъ постановленіемъ вопроса.

Государства, таковы нашъ главный тезисъ, сложились какъ все сложилось въ природѣ по неопредѣленнымъ стремленіямъ, по открывавшимся возможностямъ, прилаживая и измѣняя внутреннія потребности къ виѣшнимъ обстоятельствамъ. По мѣрѣ развитія мысли, сознанія — является желаніе разумнѣе, иѣлеобразнѣе устроиться. Французская революція была колоссальной попыткой замѣнить политическій, юридическій, религіозный бытъ, такъ какъ онъ выросъ подъ разными вліяніями — разумнымъ, такъ какъ его понимали тогда. Книжный, философскій идеалъ энциклопедистовъ былъ совершенно достаточнымъ въ рукахъ меньшинства, чтобъ разрушить сѣдыя стѣны старой Бастилии..... но опрокидывая могучимъ потокомъ все церковно-политическое устройство, революція остановилась передъ экономическимъ вопросомъ, такъ какъ реформація передъ текстомъ св. Писанія. Ни реформація со своими сектами, ни революція со своими, не могутъ *шагу идти дальше*, не выходя — первая изъ христіанства, вторая не касаясь экономическаго вопроса.

Предоставить орудія работы, экономическія силы, творчество и производительность, скученіе богатствъ и распределеніе ихъ, случаю и привычному праву — несообразно съ разумомъ, съ современнымъ пониманіемъ. Бездна матеріала пропадаетъ безъ рукъ, бездна рукъ гибнетъ безъ матеріала, огромныя богатства безъ производительности, огромныя запасы безъ сбыта, избытокъ и голодъ, наконецъ большинство всѣхъ народовъ, страдающее въ нуждѣ и невѣжествѣ, именно отъ случайнаго распределенія силъ и орудій. Въ этомъ хаосѣ нельзя жить понявши его, невѣденіемъ теперь отзывать нельзя — страстное желаніе исторгнуть жизнь изъ старыхъ формъ совершенно послѣдовательно. Но между прошедшимъ, за которое никто не отвѣчаетъ, и будущимъ, за которое мы будемъ отвѣчать, съ одной стороны сознаніе необходимости перемѣны, съ другой выгода отстаиванія пріобрѣтеннаго.

Недостаточность прежнихъ гражданскихъ идеаловъ ясна не только для тѣхъ народовъ, которые прошли ими, но и вообще для всѣхъ народовъ *идуцихъ*. Для насъ это особенно важно. Намъ нѣтъ никакой необходимости переходить *всѣми* фазами политической эволюціи, для того чтобъ вступить въ фазу экономическаго развитія.

Чѣмъ прочнѣе и больше выработаны политическія формы, законодательство, администрація, чѣмъ дорожѣ онѣ остались, тѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ экономическій переворотъ. Во Франціи и Англіи, ему представляется больше пре-

пятствій, чѣмъ въ Россіи, чѣмъ въ Молдо-Валахія. Тутъ нѣтъ ни гордости ни униженія, это фактъ бросающійся въ глаза. Само собой разумѣется, что одна неразвитость гражданскихъ формъ, не обуславливаетъ еще социальнаго развитія, иначе Турція была-бы ближе всѣхъ странъ къ нему. Въ Россіи есть почва въ бытѣ народномъ, въ народномъ характерѣ—почва не воздѣланная, но готовая принять первое сѣмя, сѣмя это припесло къ намъ съ Занада. Признаніе за народомъ права на землю, величайшая побѣда сдѣланная народнымъ смысломъ и *соціальной идеей*. Консервативная партія въ экономическомъ смыслѣ у насъ только что слагается, ей росту надобно помѣшать. Императорская власть, чисто внѣшняя, у ней сила, а не смыслъ. Препятствія на пути нашего развитія искусственныя, это не рвы, а бревна, но бревно могутъ патаскать много, если мы будемъ сидѣть сложа руки. Вотъ все что мы проповѣдывали. И теперь еще убѣжденъ, что мы можемъ идти далѣе по пути социальнаго развитія, безъ общихъ потрясеній, безъ экспроприаціи, безъ колонизаціи, безъ всѣхъ тѣхъ страшныхъ вещей, которыми въ Европѣ останавливаютъ какъ Медузиной головой естественный ходъ дѣлъ.

Именно, на этой помѣхѣ естественному росту, основано все безуміе современнаго состоянія на пр. во Франціи. Сила имперіи и реакціи въ этомъ *avortement* революціи.

Революцію, такъ какъ она шла съ 1789 года, не могли своротить съ дороги ни обѣ имперіи, ни обѣ реставраціи, ее остановила громадность социальной задачи и парализовало необыкновенное отношеніе къ ней дѣятельной среды, развитаго меньшинства. Пока дѣло шло о политическихъ правахъ, все образованное стояло со стороны движенія; дошедши до социальнаго вопроса сдѣлалось новое расщепленіе. Нѣсколько человѣкъ остались вѣрными логикѣ и движенію, но масса образованныхъ отступила и очутилась при своихъ оппозиціонныхъ замашкахъ, съ консервативной стороны. Народъ, за котораго прежній революціонеръ становился ходатаемъ, снова палъ на руки попомъ или вовсе остался беспомощнымъ въ потемкахъ низменныхъ сферъ жизни; адвокаты его, скрывавшіе за собой его дѣтскую неразвитость, разступились, и мы увидали нѣсколько пророковъ на горѣ, да внизу спящую тяжелымъ сномъ народную массу. Идти впередъ боялись, идти назадъ было невозможно, вѣра въ прошедшее была утрачена; надо было выжидать, ладить, удерживать нужное и ненужное, отстаивать пріобрѣтенное, отталкивать новое. Такому положенію дѣлъ простой деспотизмъ имперіи, т. е. самодержавной полиціи естественнѣе конституціонной монархіи.

Колеблющаяся среда либерализма, основанная на освобождающемся разумѣ и держащаяся за обязательныя преданія, среда неискренняя, полная страховъ и угрызенія совѣсти, въ которой сосредоточивается вся дѣятельная сила Франціи, падаетъ изъ ошибки въ ложь, изъ лжи въ ошибку. Она не вѣритъ и поддерживаетъ католицизмъ, она боится социализма и хлопочетъ о народномъ образованіи, она не имѣетъ храбрости открыто звать на помощь невѣжество и великую узду голода. Изъ такого нравственнаго сумбура, жизнь не можетъ осытѣть серьезно, а непрерывно расплзается, чинится, мѣняется, непрерывно торопится не зная куда, за чѣмъ, въ какомъ то чаду противурѣчій.

“Имперія миръ!” Кричатъ передъ войной.

“Даровое ученіе, всеобщее ученіе, и да погибнетъ социализмъ!”—говорятъ республиканцы.

Работники мрачно смотрятъ на все, говоря: “Работы, работы, и не пужно мнѣ вашихъ свободъ”, забывая что не будетъ обеспеченной работы—безъ обеспеченной свободы.

И эти хаотическіе сумерки выдаютъ намъ за лучшій цвѣтъ цивилизаціи... Что за вздоръ!

... Неужели и вы находите что нибудь неяснаго въ этомъ сжатомъ изложеніи, гдѣ? въ чемъ? Пишите, я готовъ отвѣчать.

П—ръ.

БОЛТОВНЯ СЪ ДОРОГИ.

(Тессинская утѣвность—Зоологія русскихъ туристов—Министръ неокончившій курсъ—Бой Константина Николаевича съ Катковымъ—О дѣлѣ Серпо-Соловьевича).

— Есть мѣсто въ Андерматъ?

— Вѣроятно будетъ.

— Въ кабриолетѣ?

— Можетъ быть, вы заходите въ половинѣ одиннадцатаго...

Я смотрю на часы, три безъ четверти... и съ чувствомъ какого то бѣшенства сажусь на лавочку передъ кафе... Шумъ, крикъ, таскаютъ чемоданы, водятъ лошадей, лошади стучатъ безъ нужды по камнямъ, трактирные гарсоны завоевываютъ путешественниковъ, дамы роются между саками... шелкъ, шелкъ, одинъ дилижансъ поскакалъ, другой поскакалъ за нимъ... площадь пустѣетъ, пустѣетъ, все разошлось... жаръ смертельный, свѣтло до безобразія, камни поблѣднѣли, собака легла было середь площади, но вдругъ вскочила съ негодованіемъ и побѣжала въ тѣнь. Передъ кафе сидитъ толстый хозяинъ въ рубашкѣ, онъ постоянно дремлетъ. Идетъ баба съ рыбой. “Почемъ рыба?”—спрашиваетъ съ видомъ странной злобы хозяинъ. Женшина говоритъ цѣну. — “Carrogna”, кричитъ хозяинъ. “Ladro”, кричитъ женщина. — “Иди мимо старая чертовка. — “Берешь что-ли разбойникъ?” — “Пу отдавай за три венцы фунтъ”. — “Чтобъ тебѣ умереть безъ исповѣди!” Хозяинъ беретъ рыбу, женщина деньги, и дружески расстаются. Всѣ эти ругательства одна припаятая форма, въ родѣ вѣжливостей употребляемыхъ нами.

Собака продолжаетъ спать, хозяинъ отдалъ рыбу и опять дремлетъ, солнце печетъ, сидѣть дольше невозможно, иду въ кафе, беру бумагу и начинаю писать, не зная вовсе что напишу... Описаніе горъ и пропастей, цвѣтущихъ луговъ и голыхъ гранитовъ—все это есть въ гидѣ... Лучше посплетничать. Сплетни отдыхъ разговора, его десертъ, его соя, одни идеалисты и абстрактные люди не любятъ сплетней... Но о комъ сплетничать?.. Разумѣется о предметѣ самомъ близкомъ нашему патріотическому сердцу—о нашихъ милыхъ соотечественникахъ. Ихъ вездѣ много, особенно въ хорошихъ отеляхъ.

Узнавать русскихъ все еще также легко какъ и прежде. Давно отиѣченныя зоологическіе признаки не совсѣмъ стерлись при сильномъ увеличеніи путешественниковъ. Русские говорятъ громко тамъ, гдѣ другіе говорятъ тихо, и совсѣмъ не говорятъ тамъ, гдѣ другіе говорятъ громко. Они смѣются вслухъ и рассказываютъ шопотомъ смѣшныя вещи; они скоро знакомятся съ гарсонами и туго съ сосѣдями, они ѣдятъ съ ножа, военные похожи на пѣмцевъ, но отличаются

отъ нихъ особенно дерзкимъ затылкомъ, съ оригинальною щетинкой, дамы поражаютъ костюмомъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, такъ какъ англичанки за table d'hôte'омъ и пр.

Тунское озеро сдѣлалось цистерной, около которой наскладили наши туристы высшего полета. Fremden List словно выписанъ изъ “памятной книжки”, министры и тузы, генералы всѣхъ оружій и даже тайной полиціи отмѣчены въ немъ. Въ садахъ отелей наслаждаются сановники, mit Weib und Kind, природой и въ ихъ столовой—ея дарами. “Вы черезъ Гемми или Гримзель”? спрашиваетъ англичанка англичанку. “Вы въ Jungfraublick’ѣ или въ Викторіи остановились”? спрашиваетъ русская русскую. — Вотъ и Jungfrau! — говоритъ англичанка. — Вотъ и Рейтернъ, министръ финансовъ, говоритъ русская.

Мирное наслажденіе горными отелями и видами русскихъ министровъ было возмущено на дняхъ встрѣчей въ Интерлакенѣ двухъ старыхъ знакомыхъ. Головиннъ, министръ просвѣщенія, встрѣтился съ извѣстнымъ литераторомъ П. В. Долгоруковымъ — “Здравствуйте Александръ Васильевичъ”, говоритъ Долгоруковъ. — “Мы больше съ вами не знакомы”, отвѣчаетъ просвѣщеніе приподнявъ шляпу. Долгоруковъ ему въ отвѣтъ... мало-ли чѣмъ старые знакомые могутъ заключить свое знакомство, когда одинъ говоритъ “здравствуйте”, а другой по казепной надобности отвѣчаетъ “мы съ вами больше не знакомы”. Не все звучно въ печати, что звучно viva voce!

Окончивши знакомство, Головиннъ уѣхалъ изъ Интерлакена не окончивши курса. Это приобрететъ ему большую популярность между студентами находящимися въ томъ же положеніи.

Исторія эта сдѣлала сенсацию, многіе изъ русскихъ оставили Интерлакенъ, кто поѣхалъ въ Тунъ, кто въ Брэнцъ. Одинъ финансы въ такомъ разстроенномъ состояніи, что Рейтернъ остался долечивать ихъ горными вершинами.

Головининская встрѣча съ Долгоруковымъ была вторая неудача для бѣднаго министра просвѣщенія въ нынѣшнемъ году.

Мнѣ рассказывали, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ взялся ходатайствовать о Константинѣ Николаевичѣ, передъ Катковымъ. Головиннъ хотѣлъ выхлопотать для Каткова, если онъ положитъ глѣвъ на милость, какія-то льготы при пересылкѣ по почтѣ *Моск. Вѣдом.* Катковъ соглашался оставить въ покоѣ великаго князя, но требовалъ для себя, сверхъ почтовой льготы, не въ примѣръ прочимъ, безцензурности—на томъ вѣроятно основаніи, что онъ, какъ Сусанинъ, спасъ царскій домъ отъ поляковъ и слѣдовательно имѣетъ право на то, чтобы быть “вольнымъ газетопанцемъ”. Головиннъ похлопоталъ—не удалось. Сусанинъ нашъ подождать толку нѣтъ, онъ и пошелъ снова намѣкать и подводить дальніе апроши... не велики-ли молъ князь жжетъ Россію?... что Польша горитъ отъ его управленія, сомнѣваться мудрено, почему въ самомъ дѣлѣ ни онъ, ни маркизъ Вельопольскій не догадались сослать въ Сибирь всѣ зажигательныя спички и всѣхъ дѣлающихъ ихъ. Словомъ въ то самое время, какъ Головиннъ обнадеживалъ великаго князя и говорилъ ему что “смятилъ” *Моск. Вѣдом.*, другъ Муравьева продолжалъ свое слѣдствіе, о яко бы чинимыхъ злоупотребленіяхъ прежнимъ гавѣстникомъ Польши, отрѣшеннымъ *Московскими Вѣдомостями* отъ дѣла, и даже намекнулъ, что онъ поддерживалъ *Колоколь*, когда это было нужно.

Положеніе великаго князя становится вовсе не легкое. *Моск. Вѣдомости* косятся на Грузію и Михаилу Николаевичу не одобровать. Назови государь Леонтьева своимъ меньшимъ братомъ, Катковъ и его заподозритъ въ сепаратизмъ и желаніи имѣть особеннаго статъ-секретаря при редакціи. Одно положеніе хуже и есть велико-княжескаго—это положеніе Шедо-Ферротт. Чтѣ бы кто бы ни написалъ, въ Ригѣ или въ Кѣльнѣ, въ *Daily News* или въ *Крестовой Газетѣ*, а ужъ Шедо-Ферротт достанется отъ Сусанина.

А пророзъ къ доносамъ и доносчикамъ, чернильнымъ инквизиторамъ и литературнымъ полицмейстерамъ, одинъ военный господинъ, заслуживающій полнаго довѣрія, рассказывалъ мнѣ нѣкоторыя подробности, не важныя, но характеристическія, о финалѣ дѣла Серно-Соловьевича, о роли (извѣстнаго своими собственными исторіями) Корніолина Пинскаго во время слѣдствія и пр. Отъ него я узналъ что другой членъ государственнаго совѣта, говорившій въ пользу обвиненныхъ былъ князь Суворовъ, что несчастный Траверзе умеръ въ тюрьмѣ, что Тургеневъ съ большимъ успѣхомъ цитировалъ въ свою пользу отрывки изъ *Колокола*, засвидѣтельствоваанные въ парижскомъ посольствѣ. Процессъ составляетъ, говорятъ, *четыренадцать* томовъ.

Серно-Соловьевичъ, какъ мы и знали, вездѣ во всемъ велъ себя удивительно. Сенаторы были подавлены его благородствомъ, его доблестью.

Суворовъ хотѣлъ, чтобы осужденныхъ везли въ каретахъ на площадь, но благосердый Александръ Николаевичъ, съ не менѣе благосердымъ третьимъ отдѣленіемъ, велѣли ихъ везти на какой-то колѣсницѣ. Въ мелкихъ жестокостяхъ всего больше обрисовывается сердце челоуѣка. Сила, энергія иногда увлекаются до жестокости, но никогда не колютъ булавками.

Настоящій поэтъ палачей впрочемъ тотъ изъ нихъ, который придумалъ читать Серно-Соловьевичу и его товарищамъ сентенцію вмѣстѣ съ какимъ-то господиномъ дѣлавшимъ фальшивые документы. Суворовъ возставадь и противъ этого, но Его величество хотѣло показать, “что не боится злоумышленниковъ”.

... Пойду лучше опять сморгѣть на пустую площадь и на спящую собаку, наши сплетни, какъ всѣ наши разговоры, какъ всѣ мысли чѣмъ бы ни начались, все таки обаячиваются мрачной ненавистью и печальнымъ презрѣніемъ...

Въ заключеніе говорить, что Михайловъ и Чернышевскій очень больны...

П—ръ.

СЧАСТЛИВЫЕ ЕВРЕИ.

Постановленія о евреяхъ, въ дикомъ уставѣ о паспортахъ т. XIV Св. зак., наконецъ получили небольшое измѣненіе. Правительство, въ своемъ понятіи о постепенности, подвигаетъ дѣло такимъ дифференціальнымъ шагомъ, что передъ его реформами невольно останавливаешься съ вопросомъ: что—подвинулось тутъ что побудь впередъ, или ровно ничего не подвинулось. Чего бы, кажется, проще, чтобы люди, принадлежащіе къ одному государству, могли въ этомъ государствѣ проживать въ любой мѣстности, заниматься всякой не преступной работой, учиться во всѣхъ начальныхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣть съ собою свои семьи, жить на одной квартирѣ съ своими знакомыми и пр., словомъ имѣли

бы, безъ различія породы и вѣроисповѣданія, во всемъ государствѣ одинакія человѣческія права. Нѣтъ! правительство никакъ не можетъ рѣшиться на это простое дѣло и, не смотря на всѣ свои толки о безсословности, ставить страшно стѣсняющія сословныя различія; а отъ различія правъ по народностямъ, доведеннаго до невѣроятнаго безумія, никакъ не можетъ отказаться, по чувствуя это безуміе, вводить крохотныя, ничего неизмѣняющія перемѣны, которыя кажется, больше дѣлаются для того, чтобъ въ иностранныхъ и своихъ газетахъ сказали—что вотъ де въ Россіи какое либеральное правительство—чѣмъ для того, чтобъ на самомъ дѣлѣ вышло улучшение. Несчастные пол-тора милліона евреевъ, которыми, по уставу о паспортахъ, было дозволено жить только въ извѣстной части, конечно, не сдѣлали бы никакого вреда, еслибъ даже расселились по цѣлой Россіи и пользовались всѣми правами русскаго, начиная отъ права извозничать до права покупать недвижимую собственность.

Правительство теперь, въ видахъ улучшения ихъ участи, дозволяетъ тѣмъ изъ евреевъ, которые ремесленники, или купцы, платяшіе гильдію, переѣзжать даже съ семействами, въ російскія губерніи и даже принимать учениковъ изъ евреевъ. Но увы! еврей, который хотѣлъ бы заняться какимъ нибудь ремесломъ внѣ черты жительства, означенной въ уставѣ о паспортахъ, долженъ имѣть свидѣтельство отъ цѣла или отъ фабриканта о томъ, что онъ знаетъ это ремесло (какъ будто, увидавши въ новой мѣстности, что онъ не достаточно ловокъ въ этомъ ремеслѣ, онъ не можетъ пріискать себѣ другой работы); а еврей, который хотѣлъ бы учиться какому нибудь ремеслу, у еврея, проживающаго внѣ черты, означенной въ уставѣ о паспортахъ, не можетъ быть старше 18 лѣтъ!—Еврея, ремесленники и купцы, на основаніи новаго узаконенія, могутъ проживать внѣ вышерѣченной черты съ своими женами, дѣтьми, несовершеннолѣтними братьями и сестрами (прогрессъ!) но горе тому изъ нихъ, который дозволитъ жить у себя кому нибудь постороннему изъ своихъ единовѣрцевъ: назадъ его въ черту!—А извозники то, которыми назначена мѣстность по уставу о паспортахъ, и которыми, привезя товаръ въ мѣстность внѣ оной черты, дозволялось оставаться въ этой мѣстности не больше двухъ недѣль, (ст. 285, Т. XIV св. зак.) извозники то евреи остаются на прежнемъ дѣломъ безправія — вѣдь они и не купцы и не ремесленники. А еслибъ простой еврей—не купецъ и не ремесленникъ—захотѣлъ гдѣ нибудь въ Россіи заняться земледѣліемъ или огородничествомъ, или учить грамотѣ—тоже нельзя! Странное улучшение! Тѣмъ не менѣе *Московскія Вѣдомости* пришли отъ него въ восторгъ, находя, что эта мѣра “гуманная и либеральная можетъ быть названа и консервативною”. Однако онѣ сами замѣтили, что “на первыхъ порахъ никакъ нельзя ожидать замѣтнаго наплыва еврейскихъ ремесленниковъ во внутреннія губерніи Россіи”, приписывая это любви евреевъ къ родинѣ, заключенной въ чертѣ устава о паспортахъ. Мы же думаемъ, что этого наплыва нельзя ожидать, потому что цеховые и иные свидѣтельства и паспорта—будутъ сопряжены съ такимъ взяточничествомъ со стороны русскихъ чиновниковъ, что всѣ переѣзды и переселенія окажутся страшно затруднительными. Избѣгнуть этого можно только равноправіемъ по всей Россіи всѣхъ людей, принадлежащихъ къ русскому государству.

П. Огаревъ.

МОЩИ ДМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

подъ полицейскимъ стѣдствіемъ.

Памъ доставлена слѣдующая переписка князя Вяземскаго съ Мельгуновымъ о мощахъ Дмитрія Ростовскаго. Мы передаемъ ее нашимъ читателямъ, какъ очень интересный историческій документъ.

Секретнѣйшее.

Милостивый государь мой Алексѣй Петровичъ,

На сихъ дняхъ дошелъ ко мнѣ слухъ, что въ вашемъ краю есть новыя растенія, кои хотя по естественному составу человѣческому разумнымъ людямъ невѣроятны, но въ невѣждахъ произвести могутъ неосновательныя толки. Дѣло состоитъ въ томъ, что въ Ростовѣ нѣкоторыми людьми открывая мощи Чудотворца Дмитрія, показывали его и главу. А какъ прежде сего никому таковыхъ открытостей дѣлано не было, то любопытство побуждаетъ меня покорно просить вашего превосходительства о увѣдомленіи, не въ бытность-ли вашего управленія намѣстничествомъ сіе приращеніе случилось; а ежели прежде, и когда именно вамъ извѣстно, то прикажите, Милостивый государь мой, секретнѣйше, безъ малѣйшей огласки развѣдать, съ котораго точно времени, и при которомъ епископѣ, и того монастыря, гдѣ мощи сего угодника почиваютъ, настоятели стали дѣлать такія откровенія. По развѣданіи же объ ономъ дать мнѣ знать, чѣмъ удовлетворить изволите крайнему моему любопытству. Въ прочемъ пребываю съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ всегда

Вашего превосходительства, Милостив. госуд. моего

князь А. Вяземскій.

Февраля 9 дня 1784 года С. П. бургъ.

Секретнѣйшее.

Милостив. госуд. мой, князь Александръ Алексѣевичъ,

Получа секретное вашего сіятельства письмо, о дошедшемъ вамъ, милостивому государю моему, слухѣ, относительно до новыхъ растеній, поставивъ за удобный случай къ развѣданію объ оныхъ, отправиться въ тотъ край самому, подъ видомъ обозрѣнія Ростовской ярмонки, какъ оной никогда я не видалъ, гдѣ будучи на сихъ дняхъ, весьма секретнѣйше, безъ малѣйшей огласки, о всемъ томъ, что наше сіятельство писать изволили, развѣданіе дѣлалъ, употребилъ къ тому всѣ невозможные способы, чтобъ любопытство свое удовлетворить, а тѣмъ самымъ и вашему сіятельству соотвѣтствовать. Но таковыхъ откровеній и приращенія, о таковыхъ ваше сіятельство увѣдомлять меня изволили, не оказалось, и во все время управленія моего намѣстничествомъ и ни прежде оная, таковыхъ новыхъ растеній и откровенностей никогда не бывало и нынѣ нѣтъ, о чемъ изъ приложенной при семъ записки усмотрѣть изволите; но дабы по непосредственной власти въ монастырѣ и нынѣшняго настоятеля, гдѣ мощи святаго Дмитрія опочиваютъ, не могло выйти такого-жъ показыванія, таковое было при бывшемъ архимандритѣ Павлѣ,

то есть онаго угодника рукъ и прочаго, описаннаго въ запискѣ, то къ предохраненію отъ сего за нужное мнѣ быть ономъ монастырю въ полномъ вѣдомствѣ епархіальнаго архіерея, которому уже отъ святѣйшаго синода по происшедшимъ въ томъ монастырѣ неустройствамъ въ церковныхъ сборахъ, сія часть и возложена въ смотрѣніе, слѣдовательно когда и прочее все въ вѣдомство ему архіерею поручено будетъ, то по удобности на мѣстѣ всякое злоупотребленіе скорѣе пресѣчено быть можетъ.

Въ прочемъ съ истиннымъ и совершеннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію къ вашему сіят. пребыть честь имѣю всегда, Милостивый госуд. мой, ваш. сіят. покорнѣйшій слуга

А. Мельгуновъ.

Февраля 23 дня 1784.

По секретному развѣданію открылось :

Опочивающихъ въ Ростовѣ въ Яковлевскомъ монастырѣ мощей святителя Дмитрія, главы ни всей, ни части оной, а равно и прочихъ частей, имѣющихся въ ракъ, для богомольцевъ усердствующихъ къ тому святителю и для вкладчиковъ, наружнаго открытія съ начала намѣстничества не было, а прикладываются всѣ прѣзжающіе и приходящіе обыкновенно по установленію, сдѣланному сначала проявленія тѣхъ мощей ко лбу онаго святителя сквозь шелену, которою оной лобъ, также глава, а равно и лице закрыты и зашиты, а сверхъ оной и шапка архіерейская на главу снаружи наложена, чрезъ что и видѣть онаго въ существѣ, никакимъ образомъ и никому не можно.

До сихъ же частей и открытія дѣлать наружно пельзя, по причинѣ той, что одинъ только видъ оныхъ цѣлъ оказался еще и при свидѣтельствѣ тѣхъ мощей Синодальными членами, а губы исподняя и верхняя, и хрящъ у носа, и лице явились тогда землею взятыми, для чего какъ глава, такъ и лице онаго святителя отъ всѣхъ скрыто и шеленою зашито, но только то мѣсто на шеленѣ наложенной у лбу, гдѣ богомольцы прикладываются, отъ мокроты нынѣ почернѣло и нѣсколько вдавилось, отчего и видъ сего почернѣлаго мѣста оказывать можетъ для простыхъ людей, какъ бы знакъ части лба.

Кромѣ же сего по прежнему въ томъ монастырѣ установленію показываются наружно въ ковчежцѣ въ небольшомъ серебряномъ положенныя во оной, отдѣленныя онаго святителя одного перста, два сустава, къ которымъ всегда всѣ богомольцы явно прикладываются.

А прежде сего во время бытности въ томъ монастырѣ архимандрита Павла (который находился съ 765 по 769 годъ) оный архимандритъ по беспутству своему да и по непосредственной власти своей въ томъ монастырѣ, поелику онъ въ вѣдомствѣ епархіальнаго архіерея не состоялъ, употреблялъ при гробѣ святителя разныхъ гробовыхъ монашествующихъ, а особливо ввѣрялъ смотрѣніе бывшему тогда монаху Израилю не соотвѣтствующему ни мало сему названію, который по поводу того архимандрита къ своевольству и преимуществу вѣлъ въ томъ предъ прочими по самую того архимандрита

кончину во 769 г.; и въ ту его бытность нѣкоторыми богомольцамъ усердствующимъ къ святителю показываемы были иногда руки и части ногъ мощей онаго святителя, имѣющіяся въ большей ракъ, изъ подъ одѣянія прежняго, въ коемъ оный святитель погребенъ и нынѣ въ немъ лежитъ, а другимъ и одно то одѣяніе; но когда, и кому именно сіе происходило, узнать и дойти не можно, потому что никто сего въ точности не знаетъ, какъ оно происходило потаенно не токмо отъ прочихъ стороннихъ, но даже и отъ монаховъ того монастыря.

А какъ и нынѣшній архимандритъ Амфиотхій въ вѣдомствѣ архіерейскомъ не состоитъ, слѣдовательно и внутреннее онаго монастыря начальство зависитъ непосредственно отъ воли его архимандрита одного, то по введенному бывшимъ архимандритомъ Павломъ обычаю, можетъ и нынѣ не происходить ли потаенно того, что и прежде при томъ архимандритѣ Павлѣ было, но сего однакожъ узнать и дойти въ точности не можно.

СМѢСЬ.

— *До судебной реформы.*—Есть господа, которые зажмуривая глаза и загибая уши, не перестаютъ повторять на разные лады и тоны, что мудрое и попечительное правительство русское неутомимо стремится осуществить начатыя реформы, что, совершивъ великій подвигъ освобожденія крестьянъ, Россія можетъ смѣло сказать: "нынѣ отпускаемъ рабу твоему"—и затѣмъ въ невозмутимомъ спокойствіи ожидать, что дальнѣйшія блага придутъ, долго-ли скоро-ли, сами собою. Стоитъ-ли въ самомъ дѣлѣ думать и хлопотать, когда обо всемъ заботится сонмъ государственныхъ людей, да еще такихъ, какъ Валевы, Головинны, Рейтерны, Милютинны, Муравьевы, Кауфманы, Бѣзакі, Берги и другіе не менѣе знаменитые мужи, взираемые всѣхъ нѣ затмившими московскими публицистами? Благодушный Александръ П. спитъ и видитъ какъ бы стать въ уровень съ современной Пруссіей и хотя нѣсколько опередить Турцію. Напрасно стараются удержать его отъ такихъ революціонныхъ стремленій доблестные совѣтники и выученики его *незабвеннаго* родителя, онъ идетъ неуклонно къ предположенной цѣли. Доказательства на каждомъ шагѣ. Начатая такъ русская *судебная реформа* вводится нынѣ *сразу въ десяти губерніяхъ*. Остальные должны подождать: во 1^ю потому, что на судебную реформу во всей Россіи не хватаетъ матеріальныхъ средствъ, а во 2^ю потому, что, если она окажется неудобной для десяти губерній, то ее еще не поздно будетъ и отмѣнить. Государственный совѣтъ думаетъ въпрочемъ *подумать* съ осени и объ остальныхъ губерніяхъ. Тише ѣдешь, дальше будешь. А потому, мы увѣрены, что Катковъ своевременно и куда слѣдуетъ сдѣлалъ доносъ на города Череновецъ и Бѣлозерскъ, которые своими пожертвованіями для найма помѣщеній новыхъ окружныхъ судовъ, явно порицаютъ такимъ образомъ *мудрую постепенность* правительства въ дѣлѣ судебной реформы. Мало ли у насъ теперь городовъ какъ Череновецъ и Бѣлозерскъ, въ которыхъ еще и не думали

вводить новых судовъ, вѣдь эдакъ бы всякій изъ нихъ за какихъ нибудь 600 р. въ годъ сподобился судебной реформы. Развѣ мы забыли, что Александръ II, при всякомъ удобномъ случаѣ говорить, что онъ одинаково любитъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Онъ бы и радъ ввести вездѣ и сразу судебную реформу; но развѣ онъ виноватъ, что у Рейтерна нѣтъ денегъ, да и сама реформа-то можетъ быть еще окажется плохой.

— *Профессоръ Шефферъ.* Мы получили слѣдующее письмо:

“Въ 198 листѣ *Колокола* вы помѣстили статью “Семь убитыхъ крестьянъ и тридцать раненыхъ”, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: “это письмо останется въ исторіи *россійскаго дворянства и профессорства*”. Не желая, чтобы возмутительный фактъ, рассказанный въ этомъ письмѣ, легъ незаслуженнымъ пятномъ на русское профессорство, честь имѣю сообщить вамъ слѣдующее.

1) Профессоръ фармакологіи Александръ Александровичъ Шефферъ относится къ русскимъ только потому, что попалъ въ число профессоровъ русскаго университета и женился на русской помѣщицѣ. На дѣлѣ же онъ, какъ и почти всѣ прочіе кievскіе профессора-медики, (Вальгеръ, фонъ-Гюббенетъ, Шимановскій, Мѣрингъ, Мацонъ), изъ ост-зейскихъ нѣмцевъ и до сихъ поръ почти всѣ они даже не научились правильно говорить по русски. Гуманность же Нѣмцевъ, особенно ост-зейскихъ, къ русскимъ вообще, а къ русскимъ крестьянамъ въ особенности, извѣстна.

2) Чтобы дать еще лучшее понятіе о личности Шеффера, я сообщу, что онъ недавно вынудилъ своими поступками одного студента (Полтовича) дать ему *матеріальный откупъ*, о чемъ было печатано въ русскихъ газетахъ.

Прошу васъ напечатать это письмо.

— *Публисты—Фальшивые Монетки!* Моск. Вѣд. въ № 167 перепечатаваютъ изъ *Dziennika Warszawskiego* новость объ арестѣ во Франціи: “въ Парижѣ и Энѣ (Aisne) арестовано было значительное число людей, занимавшихся поддѣлкою русскихъ ассигнацій въ весьма обширныхъ размѣрахъ и конфискованы поддѣланные ими билеты на сумму отъ семи до восьми милліоновъ рублей, а выѣстъ съ тѣмъ и всѣ необходимыя для поддѣлки инструменты. Корреспондентъ такъ объясняетъ подробности этого постыднаго дѣла: “Незадолго до возстанія 1863 года устроенъ былъ въ Лондонѣ комитетъ подъ покровительствомъ революціонной пропаганды всѣхъ странъ: задачей его было разореніе правительства и землевладѣльцевъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ. Подрывомъ денежнаго курса намѣревались раззорить государство; поджогами—его жителей. Комитетъ этотъ слылъ между самими членами его то подъ именемъ комитета нигилистовъ, то подъ именемъ скопища красныхъ пѣтуховъ”.

Что это пошлый вздоръ и что никто ничего не слыхалъ—ни о скопищѣ красныхъ пѣтуховъ, ни о комитетѣ нигилистовъ—догадаться не мудрено. Но каковъ тотъ подлый органъ, который въ Москвѣ, перепечатываетъ эту клевету, зналъ очень

хорошо, что подъ именемъ нигилистовъ (долею благодаря той же редакціи) разумѣется у насъ литературная партія враждебная Каткову съ Ко.

— *Отцы родные и воспитатели.* — *Le Nord* рассказываетъ въ корреспонденціи изъ Нижняго о презабавномъ полянцкомъ предписаніи. Полиція рекомендуетъ жителямъ “вести себя прилично въ увеселительныхъ мѣстахъ, не позволять себѣ неприличныхъ и грубыхъ шутокъ, потому что иностранцы, будучи свидѣтелями неприличныхъ сценъ, могутъ сдѣлать ложныя заключенія о правахъ”. Очень хорошо. или очень “курьезно”, какъ говорятъ безпрестанно *Московскія Вѣдомости*.

— *Потоки крови въ Тифлисъ* Въ ожиданіи болѣе подробныхъ свѣденій объ отличившихся въ тифлискомъ дѣлѣ, мы считаемъ далеко не лишнимъ пополнить официальные извѣстія, помѣщенные нами въ 202 л. *Колокола*. Вотъ что говорятъ иностранныя газеты: по частнымъ извѣстіямъ *безпорядки* въ Тифлисъ и послѣдствія ихъ гораздо значительнѣе, чѣмъ это представляетъ официальная замѣтка *Русск. Инвалида*. А именно убито не четыре, а около сорока человѣкъ, и хотя жители и общали князю Орбеліани не нарушать болѣе спокойствія, но раздраженіе все еще весьма сильно и всѣ дѣла совершенно остановились. По другимъ извѣстіямъ: князю Орбеліани указаны были около сорока зачинщиковъ, но онъ не рѣшился схватить ихъ, ни по добротѣ, ни по слабости характера, а просто потому, что долженъ былъ признать жалобы взявшихъ за оружіе вполне основательными.

— *Неудачная прогулка, стоившая двухъ судовъ.* По извѣстіямъ изъ Стокгольма, русская эскадра и извѣстный мореходъ Константинъ Николаевичъ были встрѣчены шведскимъ населеніемъ такими привѣтствіями, отъ которыхъ не поздоровится.

За чѣмъ же это ему понадобилось въ Швецію: напомнить ли своей эскадрой Скандинавамъ, что вотъ молъ скомпрометировали вы себя симпатіей къ полякамъ, такъ посмотрите какая есть у насъ морская сила,—или такъ просто разгуляться, себя показать да людей посмотреть?

Не лучше-ли-же сидѣть дома, когда нечѣмъ хвастаться: не погубили бы по крайности двухъ судовъ; а то и приняли незваныхъ гостей не красиво, да и двухъ судовъ какъ не бывало.

Въ Женевѣ “Колоколь” продается у г. Георга, Corraterie; въ Лондонѣ у N. Trübner et Co., 60, Paternoster Row; въ Парижѣ A. L. Herold, Librairie, 67, Rue Richelieu; Брюсселѣ C. Muquardt, F. Claassen; Бельгійск. Richard Lesser, Librairie, 15, Rue du Lac; Лозаннѣ Martigner et Chavannes; Лейпцигѣ F. A. Brockhaus; Берлинѣ Ferd. Schneider, 11, Victoria Strasse, Schneider et Co., 19, Unter den Linden, B. Behr, 27, Unter den Linden; Гамбургѣ Perthes Besser et Mauke, Hoffmann et Campe; Любекѣ Fr. Asschenfeldt; Штетинѣ Von der Nahmer; Флоренціи Eugène Vieusseux; Апеннахъ K. Wilberg; Каирѣ W. Hammerschmidt; Константинополѣ F. Schimpff et Comp., Köhler et Weiss.

ВЪ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ПРОДАЕТСЯ :

КОЛОКОЛЬ, Лондонское изданіе, отъ 1го до 196го №, въ переплетѣ, цѣна 75 франковъ.

У ТРЮБНЕРА и Ко. въ ЛОНДОНѢ и у Г. ГЕОРГА въ ЖЕНЕВѢ

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, Кн. I, II, III, IV, V, VI, и VII.

КРЕЩЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, Искандера. Третье изданіе.

ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ, Искандера, съ портретомъ автора.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ и ПЛАНИ, Искандера (1847-1852), съ портретомъ автора

СЪ ТОГО БЕРЕГА, Искандера.

ТЮРЬМА и ССЫЛКА, Искандера, съ портретомъ автора.

СТАРЫЙ МІРЪ и РОССИЯ. Письма А. Герцена къ В. Лунтову, (переводъ съ французскаго).

РУССКІЙ НАРОДЪ и СОЦІАЛИЗМЪ. Письмо къ П. Мишле, Искандера, (переводъ съ французскаго).

ФРАНЦІЯ или АНГЛІЯ? Искандера, (переводъ съ французскаго).

КТО ВПНОВАТЬ? Романъ въ двухъ частяхъ, Искандера, (Лондонское изданіе съ дополненіями).

БЫЛОЕ и ДУМЫ, Искандера, Томъ I, II и III.

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ, (1855—1860) Соціальные и политическія статьи Искандера и П. Огарева, Часть I и II.

СТИХОТВОРЕНІЯ, П. Огарева, съ портретомъ автора.

РАЗБОРЪ Новаго Крѣпостнаго Права, П. Огарева.

14 ДЕКАБРЯ 1825 и Императоръ Николай. Издано Редакціей “Полярной Звѣзды”, по поводу книги барона Корфа.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, кн. II.

ДУМЫ К. РЫЛѢВА, съ предисловіемъ П. Огарева.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ, (переводъ съ англійскаго).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, (переводъ съ французскаго).

РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ.

ЗАПИСКИ Н. В. ЛОПУХИНА, составленныя имъ самимъ.

ГОЛОСА ИЗЪ РОССИИ, Кн. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII и IX.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ въ Лондонѣ.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ, Выпускъ I, Записки И. Д. Якушкина; вып. II, Записки князя Трубецкаго.

КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ и А. РАДИЩЕВЪ, съ предисловіемъ Искандера.

СБОРНИКЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СВѢДЕНІЙ О РАСКОЛЬНИКАХЪ, Выпускъ I, II, III и IV.

СОБРАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА. Томъ I, Выпускъ I и II.

НАРОДНОЕ ДѢЛО : РОМАПОВЪ, ПУГАЧЕВЪ или ПЕСТЕЛЬ? М. А. Бакунина.

НАРОДЪ и ГОСУДАРСТВО, П. Маргьянова.

ОБЩЕПОЯТНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНАТОМІИ и ЗООЛОГІИ, А. А. Герцена.

ЗАПИСКИ РУФИНА ПИОТРОВСКАГО, (1843—1846).

ЗАПИСКИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

КОНЦЫ и НАЧАЛА ИСКАНДЕРА, съ предисловіемъ автора.

СВОБОДНЫЯ РУССКІЯ ПѢСНИ.

Въ Швейцаріи КОЛОКОЛЬ продается у : Martignier et Chavannes à Lausanne; R. Lesser à Vevey; Schabelitz, Hanke à Zürich; Dalp à Berne; Huber à Rorschach; Urfer à Interlaken.

ПЕЧАТАЕТСЯ

Извѣстная книга Дж. ФЛЕТЧЕРА (1591 г.) О Государствѣ русскомъ или образъ правленія русскаго царя.

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ, обыкновенно называемыхъ Молоканами. Цѣна 2фр.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue Pleyssière, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 204.

15 СЕНТЯБРЯ 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré L'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15c.
— Австрію	15c.
— Англію	15c.
— Бельгію	5c.
— Францію	5c.
— Италію	3c.
— Неаполь и Сицилію	20c.
— Грецію (черезъ Марсель)	5c.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10c.
— Швецію	25c.
— Швейцарію	5c.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRUBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15c.
L'Autriche	15c.
Angleterre	15c.
Belgique	5c.
France	5c.
Italie	3c.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20c.
Grèce (voie de Marseille)	5c.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10c.
Suède	25c.
Suisse	5c.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Въ редакцію «Инвалида» — Агентство Герцена въ Тульцѣ и «Москов. Вѣдомости» — Изъ Тифлиса — Июньскіе дни въ Тифлисѣ.

Смѣсь: Первая ретрада — Изъ Сибіри и Казани — Изъ Покровска — Озвѣщенія.

ВЪ РЕДАКЦІЮ ИНВАЛИДА

Господинъ Редакція,

Вы не человѣкъ, вы мѣсто, вы чернильница, вы не несете никакой отвѣтственности за то что вы печатаете, вы ниже нравственной отвѣтственности, ваша нравственность въ начальствѣ. Объ немъ то мы и хотимъ съ вами поговорить, можетъ наши слова возбуждать въ васъ негодованіе, и вы взбунтуетесь. Оно употребило васъ на черное дѣло, оно вами гнуснымъ образомъ оклеветало меня. Мы васъ жадѣемъ и дивимся Милютину *военному*, что онъ допустилъ *безполезное* преступленіе и притомъ такое, которое не могло не вызвать отпора. Мы считали, что онъ умѣе, но въ наше перемѣнчивое время никого узнать нельзя и братья Милютинны — эти Гонорій и Аркадій русской имперіи — становятся какими-то сфинксами... бюрократы и либералы, организаторы и децентрализаторы, вчера западники, сегодня — славянофилы, завтра... кто ихъ знаетъ что?

Обвинить меня косвенно и съ недомолвками въ поджогахъ, не только ложно, но глупо. Мои воззрѣнія извѣстны, я не скрывалъ ихъ, а старался всѣми мѣрами обнародовать ихъ. Моя общественная дѣятельность вся на виду, на совѣсти у меня нѣтъ не только пожара или паводненія, но даже тѣхъ легкихъ облаковъ, которыя носятся въ воспоминаніяхъ *другихъ* типографовъ и журналистовъ, ловко устроившихъ свое обзаведеніе на чужой счетъ.

Ни съ лондонскаго банкира Т., друга Маццини, ни съ московскаго раскольника С., экс-пріятеля Каткова, я денегъ не бралъ и кричи объ этомъ все третье отдѣленіе и оба брата Милютинны, ни одинъ умный человѣкъ, ни одинъ честный человѣкъ этому не повѣритъ.

Къ чему-же вся эта клевета? Она только показываетъ, а показывать это конечно не хотѣли ваши шефы, что наши акціи поднимаются, что общественное мнѣніе снова въ нашу пользу и что насъ хотятъ донять не мытьемъ такъ катаньемъ.

Да мы не дадимся, а будемъ непрерывно требовать доказательствъ, суда... Я отъ васъ не отстану, пока вы не отвѣтите словами, что доказательства нѣтъ, что начальство солгало, или молчаніемъ дадите мнѣ право клеймить ваше заведеніе готовальней фальшивыхъ обвиненій.

Годъ IX.

Что-же вы выиграли? т. е. не вы, а набольшіе ваши! Не могъ-же думать ни Долгорукій, ни кто другой, что мы оставимъ дѣло безъ отвѣта.

Еслибъ все это было въ странѣ не только православной, но съ честнымъ правительствомъ во главѣ, я не сталъ бы къ вамъ приставать, а пошелъ бы дальше и выше. Я написалъ бы къ государю письмо, я попросилъ бы его *sauf conduit*, пропускъ въ Россію и изъ Россіи; тамъ сталъ бы я добровольно передъ гласнымъ судомъ и втопталъ бы въ грязь поставщиковъ живаго матеріала въ казематы и двора его величества фурнисеровъ и вербовщиковъ каторжной работы, а потомъ воротился бы за свой станокъ.

Возможно-ли это? — Спросите министерію и весь генералитетъ. Много-ли генераловъ и не генераловъ возьмутъ на свою отвѣтственность, *на свою честь, передъ всѣмъ свѣтомъ*, что такая прогулка будетъ имѣть оба конца? Слово государя я довѣрилъ бы, но что его слово, когда дуэтъ московскихъ кастратовъ можетъ его перекричать.

— «Однако вы придаете важность этому обвиненію» — скажете вы, можетъ быть. — А то какъ же?

Три передовыя статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, три сряду о моемъ участіи въ поджигательствахъ, три статьи писанныя чернилами IIIго отдѣленія

съ слюной бѣшеной собаки,

т. е. Каткова. Три статьи, въ которыхъ этотъ *публичный мушкетеръ* вся Россія ругается, какъ сыщикъ при допросахъ въ московскомъ острогѣ, имѣя такъ-же какъ и онъ передъ своими зубами не только щеку, но и руку императора и все пространство имперіи.

Статья вашего полицейскаго корреспондента послужила подножкой, чтобы дальше прыгнуть Каткову. Онъ былъ нездоровъ, голоденъ, скучалъ — Серно-Соловьевича съ товарищами сослали за то, что они читали *Колоколъ*, Бени за то, что не донесъ — крѣпость пуста, Карніолинъ Пинскій безъ дѣла, надобно подзадорить полицію, напугать публику, и вотъ Катковъ подхватилъ инвалидную трубу и трубитъ, по той методѣ, по которой трубилъ въ Дантовскомъ аду одинъ изъ тамошнихъ жандармовъ.

На меня собственно онъ лагаетъ, но кусаетъ другихъ, его цѣли ближе, они въ Петербургѣ, его цѣль выдать Головнина

за зажигателя, Константина Николасвича за зажигателя, его цѣль засадить въ застѣнокъ *Голосъ, Петерб. Вѣдомости* и другихъ личныхъ враговъ.

Что касается до меня, онъ не только не вѣрить, чтобъ я участвовалъ въ поджогахъ, но *положительно знаетъ*, что это клевета; у него и у его корреспондентовъ одна рука въ Долгорукомъ, другая въ Муравьевѣ, одна въ канцеляріи намѣстника польскаго, другая въ III отдѣленіи—какъ же онъ можетъ вѣрить наравнѣ съ какимъ нибудь княземъ *Васильемъ Баюшевымъ** въ такой вздоръ? онъ не только одурѣлъ отъ величія своего положенія, отъ побѣдъ надъ министрами и великимъ княземъ, съ его стороны это обдуманная клевета. Совѣсть невольно сказала въ томъ, что онъ минуетъ называть меня лично, и толкуетъ о *новыхъ герценистахъ, о герценовской агенціи*. Вѣрь онъ одну минуту, что мы изъ Лондона черезъ Тульчу подожгли Симбирскъ, мы первые отпустимъ ему не только брань его статей, но ихъ скуку, ихъ повтореніи, ихъ длинноту.

Откуда же взялся азартъ, патосъ, въ которомъ писаны статьи, откуда языкъ казнящаго попа и проповѣдывающаго палача, откуда ярый гнѣвъ, горячечной патріотизмъ у этой лимфатической натуры? Тутъ новаго мало, искусство ложныхъ раздраженій и натянутыхъ страстей всегда цвѣло у *покурнъ* Маріи Бредау, только онѣ никогда не употребляли его съ такими гнусными цѣлями, какъ *журналисты-доносчики*.

Если чему дивиться, такъ это отсутствію *страсти* у обвиненныхъ, у запутавшихъ въ дѣло, у поставленныхъ на порогъ третьяго отдѣленія, имъ грозитъ каторга, поселеніе, отставка, нѣмецкія горькія воды—счотря по тому кто просто литераторъ, кто не просто, кто министръ просвѣщенія и кто великій князь. Какъ же всѣ они не положить предѣлъ этой московской чумѣ, питающей Россію и губящей ихъ? Какъ же они въ свою очередь не обличать этотъ заговоръ реальности, неокрѣпостниковъ, всѣхъ этихъ Коцебу съ пушкинской рифмой?

А впрочемъ... а впрочемъ это ихъ дѣло... слабыхъ учить спѣшъ мудрено...

По ложь Каткова, ложь вашего корреспондента, нисколько не отнимаетъ важности самаго обвиненія, совсѣмъ напротивъ, оно особенно важно коли высшіе профессора доносовъ,

* Не можемъ не перепечатать изъ "Москов. вѣд." отрывокъ изъ наивнаго письма симбирскаго жителя, князя Васи ѣ Баюшева, пусть читатели судятъ: "Во время самыхъ пожаровъ взяты поляки по подозрѣнію въ поджогахъ и не простыли народомъ, раздраженнымъ и безсознательнымъ, а людьми, вполне владѣвшимъ собой и дѣйствовавшимъ разумно къ охраненію своихъ домовъ и имущества. Въ послѣдствіи нѣкоторые изъ арестованныхъ въ то время поляковъ найдены дѣйствительно подозрительными, такъ что и до сего времени содержатся въ острогѣ; къ нимъ присоединены и другія личности польскаго происхожденія, даже изъ чиновнаго круга. Потомъ богохульныя и ругательныя надписи на польскомъ языкѣ, усмотрѣнныя на цоколѣ собора, гдѣ только бывали истребленнаго, и на рѣшеткѣ перилъ, проведенныхъ по вѣду близъ того мѣста, гдѣ были зарыты зажигательные матеріалы, приготовленные, вѣроятно, для истребленія города, часть коихъ употреблена зажигателями въ дѣло, а остальная часть была взорвана отъ загорѣвшагося на этомъ мѣстѣ разнаго, вывешеннаго изъ домовъ, имущества, и наконецъ всенародное провозглашеніе польскаго фанатика о мести поляковъ, какъ о причинѣ истребленія города, могутъ служить достаточными основаніями установившагося мнѣнія о виновности нѣсколькихъ поляковъ въ догнѣбѣ города. Впрочемъ мнѣніе, что поляки были единственными дѣятелями поджоговъ, принадлежитъ болѣею частью простому народу и только въ Симбирскѣ, но и во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ только бывали пожары. Болѣе ширинство же образованныхъ симбирскихъ жителей полагаютъ, что бѣдствія эти происходятъ отъ дѣйствій общеввропейской революціонной партіи, въ которой участвуютъ не только поляки, но люди всѣхъ націй, въ томъ числѣ и наши домохозяйственные агитаторы школы Герцена, эта нечистая пакость нашего общества. Причины же, побудившія эго скопище негодяевъ направить свой ударъ преимущественно на Симбирскъ, заключаются въ особенномъ патріотическомъ настроеніи симбирскаго общества, въ ненависти къ своей преданности престолу и въ любви къ отечеству, въ восторженномъ пріемѣ сдѣланномъ почившему въ Бозѣ Цесаревичу, а также въ высказанномъ публично сочувствіи лицамъ, стоявшимъ неуклонно (Катковъ и Муравьевъ!) на стражѣ великихъ интересовъ земли Русской, что сильно противодействовало цѣлямъ заговорщиковъ".

виртуозы шпionства избрали именно это средство, и вотъ почему я хочу оправдаться.

Вы можете мнѣ способствовать въ этомъ, и навѣрное хотите. Я дѣлаю отчаянное предположеніе, что вы незная того послужили шпанской мухой, втянувшей такую обильную дрянъ изъ Каткова, и съ тѣмъ вмѣстѣ даю вамъ средство поправить дѣло. Упростите Милютину, если надобно двухъ. Долгорукова и все третье отдѣленіе, чтобъ они обидѣлись и напечатали бы мнѣ на зло документы, на основаніи которыхъ они меня обвиняютъ, не забывали бы кстати имя банкира Т., друга Мацини и пр.,—а всего лучше послали бы сюда не ритора, не спадасина, на эти штуки насъ не поддѣнешь, а военнаго или гражданскаго чиновника, пожалуй пона или протопопа, для уличенія меня передъ федеральнымъ или кантональнымъ судомъ. Посылаютъ же они офицеровъ и статскихъ за всякимъ вздоромъ, за изученіемъ почтовыхъ марокъ, прусскихъ мундировъ.... посылаютъ же они дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и кавалеровъ, какъ Хотинскій, подслушивать у лаверей, чегожъ имъ сіюить послать на казенный счетъ какого нибудь титулярнаго совѣтника вовсе безъ ордена въ Швейцарію, для того чтобъ доказать топрикосновенность нашу въ дѣлѣ поджоговъ. *Faites cela!*

Между нами, скажу вамъ, мнѣ совершенно все равно какъ обо мнѣ думаютъ—не только такой чирій на Россіи какъ Катковъ, но всѣ государственныя и *сепаратистическія*, коронныя и дворянскія полиціи; я не боюсь ни управы благочинія, ни англійскаго клуба, они могутъ меня *ad libitum* счигать зажигателемъ или отравителемъ, воромъ или фальшивымъ монетчикомъ. Есть вѣроятно въ управѣ добрые люди, найдутся они и въ англійскомъ клубѣ, можетъ и они повѣрятъ такому вздору—жаль, но за чѣмъ же они глупы?

Меня заботитъ другое, я боюсь что эти мерзавцы оклеветаютъ меня передъ народомъ русскимъ. Любовь моя къ нему оскорблена, мое служеніе ему очернено, и вотъ почему я не хочу молчать и не хочу оставлять на себѣ ни одной пылинки, ни одной брызги полицейской пѣны. У меня ничего нѣтъ, ни вашей религіи, ни вашего патріотизма, ни вашего общественнаго положенія; я изгнанникъ усыновленный другой страной, но у меня есть своя религія, своя любовь, свое положеніе, до нихъ я не позволю касаться всякой полицейской шваби, особенно когда она увѣряетъ, что я кому-то далъ уголь въ руки и сказалъ: "Иди и жги избу русскаго мужика!" мужика, котораго неволя, котораго нищета, котораго бѣдствія были страданіемъ всей моей жизни, объ освобожденіи котораго я мечталъ съ дѣтскихъ лѣтъ.... да ужъ не совѣтовалъ-ли я возстановить крѣпостное право развить пролетаріатъ, разбить общинное владѣніе, отдать крупную поземельную собственності въ кабалу мелкую? А главное не хлопоталъ-ли о возстановленіи *тѣлесныхъ наказаній*?.... За послѣднее не ручаюсь. Видите, жечь не только избы, но и Каткова благопріобрѣтенный домъ въ Москвѣ я не хотѣлъ бы; сосѣдній домъ загорится, пожитки кучера или горничной пожалуй сторгать... ну а высѣчь коновода клеветниковъ—было бы очень хорошо. Издатель *Моск. вѣд.* такъ убѣдилъ насъ, что есть несправимо падшія натуры, для которыхъ одно средство спасенія—тѣлесныя наказанія, что конечно не ему нѣнять, если мы желая его (т. е. коновода) исправленія—желаемъ чтобъ онъ былъ *последнимъ стеченымъ въ Россіи*.

П—ръ.

1 Сентября 1865.

АГЕНТСТВО ГЕРЦЕНА ВЪ ТУЛЬЧѢ И “МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ”.

“Что же это за агентство Герцена въ Тульчѣ?” ораторски спрашивают *Московск. Вѣдом.*, съ торжествующимъ видомъ прокурора, который обладаетъ страшными документами виновности, и вслѣдъ за тѣмъ помѣщаютъ статью о Кельсіевыхъ, изъ которой можно вывести разныя разности, кромѣ двухъ вещей—нашего участія въ агентствѣ и участія агентства въ поджогахъ. А только это и хотѣли доказать *Московск. Вѣд.* Неужели дикій хоръ, окружающій журналъ доносовъ, до того глупъ, что его можно обманывать такими жалкими средствами? Перепечатать всей статьи мы не можемъ, но беремъ главнѣйшія мѣста ея и съ тѣмъ вмѣстѣ просимъ всѣхъ имѣющихъ возможность прочесть статью in extenso въ 183 № *Мос. Вѣд.*

“Главными дѣателями и, какъ кажется, организаторами тульчинскаго агентства были братья Василій и Иванъ Кельсіевы. .. Въ 1857 г., въ то время, когда Вас. Кельсіевъ уже былъ на пути въ Русскую Америку, чтобы поступить на службу тамошней компаніи, онъ сошелъ съ компанейскаго корабля въ Плимутъ и бѣжалъ въ Лондонъ. Тамъ онъ присоединился къ г. Герцену, который былъ въ то время первокласснымъ свѣтиломъ для всей нашей учащейся молодежи, особенно для петербургской. Въ Лондонѣ Кельсіевъ принялся за переводъ Библии на русскій языкъ по еврейско-раввинскому тексту, въ духѣ еврейскаго талмудическаго ученія. За тѣмъ онъ обратился къ изданію раскольниковскихъ книгъ, и съ 15 го Іюля 1862 г. началъ издавать при *Колоколѣ* добавочные листки, подъ именемъ *Общая Вѣща*, при дѣятельномъ соучастіи г. Огарева. Онъ считалъ своею главнѣйшею задачей дѣйствовать на попріищѣ религіозно-политической пропаганды. Это направленіе его, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что дѣдъ его былъ священникомъ, хотя отецъ его уже и вышелъ изъ духовнаго званія и служилъ чиновникомъ при с.-петербургскомъ таможенномъ пакгаузѣ.

“Младшій братъ его, Иванъ Кельсіевъ, за участіе въ улчяныхъ студенческихъ проказахъ, въ Октябрѣ 1861 года, былъ высланъ на жительство въ Верхотурье. Между тѣмъ началось дѣло о перепечаткѣ сочиненій г. Герцена. Оказалось, что Кельсіевъ былъ участникомъ и въ этомъ дѣлѣ; его вытребовали для производства слѣдствія, но ему удалось бѣжать за-границу.

“Такъ какъ братья Кельсіевы избрали своею спеціальностью мѣръ раскольниковъ, и такъ какъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Турціи, не подалеку отъ русской границы, проживаетъ не малое число раскольниковъ бѣжавшихъ въ прежнее время изъ Россіи, то туда и были направлены братья Кельсіевы лѣтомъ 1863 года. Они явились въ городъ Тульчу не одни, а въ сопровожденіи Сеидъ-паши (поляка Чайковскаго), который былъ тутъ по соглашенію съ Чарторійскимъ. Кельсіевы, съ одной стороны, рассчитывали найти сочувствіе въ раскольниковѣмъ арміиискоу Аркадіѣ, проживавшемъ близъ Тульчи, въ Славѣ, которому и предлагали устроить въ Славѣ типографію для печатанія старообрядческихъ книгъ и другихъ сочиненій, разумѣется въ ихъ духѣ, и для отправленія ихъ въ Россію, а съ другой, вмѣстѣ съ Сеидъ-пашой, они старались уговорить Некрасовцевъ, чтобы они шли на помощь къ польскимъ повстанцамъ въ Подолію и Волинь, и вмѣстѣ съ тѣмъ, выслали отъ себя эмиссаровъ на Донъ, на Терекъ и на Уралъ для возмущенія, во имя старой вѣры, тамошнихъ казаковъ. Но первыя ихъ попытки не имѣли ни малѣйшаго

успѣха: Аркадіѣ рѣшительно не согласился на предложеніе Кельсіевыхъ, а Некрасовцы съ негодованіемъ выгнали изъ своихъ слободъ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ спутника. Несомнѣнно, что съ тѣхъ поръ какъ польско-русскіе революціонные агенты попытались употребить Некрасовцевъ для борьбы за польское дѣло противъ Россіи, эти простые, необразованные, вовлеченные въ заблужденіе люди, тѣмъ не менѣе, живо почувствовали себя русскими людьми, и стали просить о дозволеніи имъ возвратиться въ Россію*.

“Между тѣмъ Кельсіевы не унывали. Возвратясь въ Тульчу, гдѣ къ нимъ присоединились нѣкоторые русскіе выходцы и поляки, они завели тамъ русскую типографію, о дѣятельности которой намъ, впрочемъ, ничего неизвѣстно. Они снова пытались привлечь на свою сторону раскольниковскаго митрополита, Кирилла Бѣлокриницкаго; но точно также не имѣли успѣха: Кириллъ, въ своемъ посланіи напечатанномъ въ 1864 году въ Яссахъ, напротивъ, даже запретилъ старообрядцамъ своего согласія имѣть какія бы то ни было сношенія съ этими людьми. Всѣ они и особенно Василій Кельсіевъ, были въ презрѣніи у мѣстныхъ и окрестныхъ жителей русскаго происхожденія за исключеніемъ людей совершенно потерянныхъ, или принадлежащихъ къ самымъ противобщественнымъ сектамъ. Изъ этихъ-то людей имъ и удалось составить свою шайку, о которой говорится въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Впрочемъ, Иванъ Кельсіевъ умеръ въ Тульчѣ, а братъ его Василій нынѣшнимъ лѣтомъ отправился въ Женеву†, гдѣ теперь издается *Колоколъ*, и, сколько извѣстно, до сихъ поръ еще не возвратился въ Тульчу. Связь собранной ими шайки съ лондонскимъ обществомъ революціоннаго пламени, до сихъ поръ была не извѣстна, но она напоминаетъ о митингѣ лондонскихъ революціонеровъ, разсматривавшемъ вопросъ о поджогахъ какъ о революціонномъ средствѣ. На этомъ митингѣ, который былъ описанъ въ газетѣ *Наше Время* за 1862 годъ, одни высказывались противъ поджоговъ, другіе склонялись къ ихъ одобренію, и между этими послѣдними были нѣкоторые изъ русскихъ выходцевъ”.

Гдѣ же малѣйшее доказательство, что Кельсіевы участвовали въ поджогахъ? Иванъ, прекрасный и даровитый юноша, умершій отъ тифа въ Іюль мѣсяцъ 1864 (время кончины его въ статьѣ скрыто), вѣроятно не жегъ въ 1865, а Василій уѣхалъ изъ Тульчи (хотя и не въ Женеву), гдѣ доказательства, что банкиръ Т... пересылалъ имъ деньги и пр.?

Типъ шпіонской логики въ глубокомысленномъ замѣчаніи, что Вас. Кельсіевъ считалъ себя религіозно-политическимъ пропагандистомъ, “можетъ быть потому, что дѣдъ его былъ священникомъ, а отецъ служилъ на таможнѣ”... Да вѣдь такимъ путемъ и съ большей вѣрностью можно заключить, что полицейская мація Каткова объясняется его воспитаніемъ въ московскомъ острогѣ, гдѣ его родительница была приставлена къ арестанткамъ...

* За это слѣдуетъ Кельсіевъ андреевская лента. Каковъ! Вторымъ Ерчакъ... только то-то покорялъ казаками Сибирь, а Кельсіевъ Сибирью покорялъ казаковъ.

† Плохи шпіоны у Кауфмана, да не лучше и въ Женевѣ—Кельсіевъ въ Женеву не отправлялся.

ИЗЪ ТИФЛИСА.

Неужели наконецъ никто не скажетъ слова въ вашемъ журналѣ о настоящей причинѣ возмущенія тифлискихъ жителей? По вымощеніи тифлискихъ улицъ представилась надобность въ починкѣ и подметаніи этихъ улицъ и вывезеніи накапливающейся грязи. По составленной сметѣ нужно было на это ежегодно 7,000 руб.; но такъ какъ найдено было невозможнымъ, по мнѣнію губернатора и городского головы, сдѣлать какую либо экономію въ настоящихъ городскихъ расходахъ, то опредѣлено было обложить городскихъ жителей новыми податями. О размѣрѣ этихъ податей и о порядкѣ ихъ взысканія, разумѣется, не вздумали посоветоваться съ городскими жителями, какъ того требовало благоразуміе, и губернаторъ нашелъ достаточнымъ и болѣе удобнымъ для соблюденія пѣкоторыхъ формальностей, имѣть при этомъ подъ рукою только городского голову. Когда дѣло о податяхъ, хранимое въ большомъ секретѣ, представлено было на утвержденіе вел. князя, то народъ, провѣдавъ какъ-то объ этомъ, толпами отправился къ губернатору, прося сообщить имъ истину, но губернаторъ увѣрилъ ихъ, что нѣтъ никакого вопроса о новыхъ податяхъ, и что дѣло идетъ только о лучшемъ распредѣленіи городскихъ расходовъ, чтобы добыть нужныя для содержанія города въ опрятности 7,000 руб. Народъ успокоился. Но между тѣмъ новыя подати были утверждены и губернаторъ вмѣстѣ съ городскимъ головою и преданнымъ имъ сборщикомъ податей, составилъ въ тайнѣ списки и бланки разнаго рода и разныхъ разрядовъ, по которымъ подъ предлогомъ сбора упомянутыхъ 7,000 руб. предполагалось собирать съ народа до 60,000 руб.*. Я увѣренъ, какъ и всѣ почти мои соотечественники, что вел. князь, утверждая новыя подати, имѣлъ въ виду единственно покрытіе расходовъ, требующихся на починку и очистку мостовой, но чтобы вмѣсто пустячной суммы 7,000 руб. получить 60,000 руб., объ этомъ вел. князь не думалъ, не гадалъ, и что честь подобной фипансовой комбинаціи принадлежитъ единственно губернатору Орловскому, городскому головѣ Шермазапову и сборщику податей Бажбеукову.

При стачкѣ губернатора съ городскими и полицейскими чиновниками трудно-ли взыскать съ народа какія угодно деньги? Поставятъ къ несчастному городскому жителю экзекуцію, требуя немедленной уплаты денегъ, требуемыхъ по приказанію вел. князя..... Кому извѣстны порядки взысканія и размѣръ податей, и къ кому пойти жаловаться? Недворянина, торговца избьютъ, отнимутъ что попало; губерпское правленіе прогонитъ жалобниковъ съ ругательствомъ и съ упреками, что они, безсовѣстные, не хотятъ платить за содержаніе улицъ въ чистотѣ, что такъ необходимо для собственнаго ихъ благосостоянія; высшее начальство, предупрежденное объ упорствѣ народа, не захочетъ ихъ выслушать, чтобы показать свою твердость и заставить тѣмъ безпрекословно уважать свои распоряженія. Если же по какому либо возмутительному случаю захочетъ назначить слѣдствіе, то о командированіи для этого чиновника предпишетъ губер-

натору же, который въ свою очередь предпишетъ своему подчиненному произвести строжайшее слѣдствіе, давъ предварительно нужныя словесныя пѣставленія, относительно направленія этого дѣла; а между тѣмъ деньги все же будутъ взысканы и все же на послѣдокъ виноватыми останутся жалобщики.

Найти случай поживиться съ народа, безъ сомнѣнія, пріятно ласкало воображеніе Орловскаго, но сдѣлать это безъ всякихъ для себя хлопотъ и непріятностей, должно было показаться ему еще лучше; и потому онъ, еще до обнародованія утвержденныхъ уже податей, но уже сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для ихъ взысканія, отправился въ отпускъ въ Петербургъ. Нужно сказать, что до того еще уже выѣхали изъ Тифлиса въ столицу же вел. князь намѣстникъ, начальникъ гражданскаго управленія баронъ Пильманъ и въкоторыя другіе саповники, оставивъ приказаніе изъ Тифлиса о непремѣнномъ взысканіи податей. Обнародованіемъ этихъ податей однако не торопились, но между тѣмъ сборщикъ Бажбеуковъ уже началъ являться въ домахъ и заведеніяхъ, требуя настоятельно и дерзко немедленнаго внесенія ихъ, и отъ многихъ подати уже были взысканы, какъ вдругъ народъ, не могшій уже вынести дальнѣйшаго грабежа и обмана, возсталъ...

Считаю излишнимъ описывать тутъ подробности кровавой демонстраціи тифлискихъ жителей. Скажу только нѣсколько словъ о слѣдкѣ, предложенной начальствомъ народу, въ слѣдствіе которой прекратилось возмущеніе.

Князь Орбеліацѣ, исправляющій должность намѣстника по гражданской части, видя что ни прибытіе въ Тифлисъ со всѣхъ сторонъ войскъ и артилеріи, и вообще никакія угрозы не устрашаютъ возставшихъ жителей, рѣшился самъ выѣхать къ нимъ, чтобы лично объяснить имъ необходимость новыхъ податей и вообще, чтобы отечески убѣдить ихъ разойтись; обращаясь съ рѣчью къ народу, онъ называлъ ихъ "с..... дѣтми"; но народъ въ отвѣтъ на всѣ его убѣжденія, требовалъ одно: или отміны новыхъ податей, или ихъ отсрочки, чтобы они могли бы послать депутацію къ государю императору, для объясненія стѣсненнаго своего положенія. Князь Орбеліани не приказалъ стрѣлять въ народъ, надѣясь кроткими мѣрами, достигнуть лучшихъ результатовъ. И дѣйствительно когда, въ слѣдующее за тѣмъ утро, тифлискій вице-губернаторъ князь Чавчавадзе явился въ Ванскій соборъ, гдѣ въ то время находились народные старшины, и объявилъ имъ именемъ правительства, что они могутъ жить по прежнему и что новыя подати не будутъ съ нихъ требуемы впредь до возвращенія вел. князя, къ которому народъ можетъ обратиться съ своею просьбою, то въ ту же минуту, по даннымъ старшинами сигналамъ, народъ при звукѣ зурны и димлипито* весело началъ расходиться въ разныя стороны, лавки немедленно были отперты и Тифлисъ опять принялъ обычный характеръ, какъ будто ничего не бывало.

Но какъ было принято въ Петербургѣ извѣстіе о возмущеніи тифлискихъ жителей и объ усмиреніи этого возмущенія. Губернаторъ Орловскій на возвратномъ своемъ пути изъ Петербурга въ Тифлисъ, черезъ Вѣпу, рассказывалъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, что онъ въ Петербургѣ не вылезалъ изъ муштра, такъ что долженъ былъ безпрестанно являться, то къ государю, то къ вел. князю, для представленія разныхъ объясненій по этому дѣлу; что наконецъ государь будто приказалъ ему сказать тифлискимъ жителямъ: "я не останавлиюсь ни предъ какою жертвою, камня на камень не оставлю"

* Родъ барабана.

* Я не утверждаю, что губернаторъ и городской голова, хотѣли положить эти деньги въ карманъ; очень можетъ быть, что они думали образовать изъ новыхъ податей городской капиталъ, на случай какихъ либо другихъ городскихъ потребностей. Но если это справедливо, вѣдѣть было не объявлять объ этомъ, а обманывать народъ, увѣряя, что никакихъ новыхъ податей не имѣется въ виду. Нечего послѣ этого удивляться, что обманутый народъ приписываетъ имъ въ этомъ дѣлѣ скорыя и корыстныя намѣренія.

Ради бога, для чего подобныя угрозы? Неужели все изъ за пустячныхъ 7,000 р., нужныхъ для очищенія тифлискихъ улицъ отъ грязи. Гдѣ вы видите бунтовщиковъ? Народъ, вѣря въ ваши объявленія, что въ государствѣ существуютъ право и законы, проситъ васъ контролировать собираемыя съ нихъ деньги и городскіе доходы, предполагая, что ихъ достаточно и на содержание улицъ и на прочіе городскіе расходы, а вы грозите имъ за это избиеніемъ? Неужели полагаете, что такой благоразумный народъ какъ тифлискій, и вообще какой бы то ни былъ народъ, будетъ отказываться отъ уплаты податей, даже при крайне-бѣдномъ своемъ состояніи, если только будетъ увѣренъ, что эти подати предназначены дѣйствительно на общественную пользу и будутъ собираемы и израсходуемы правильно. Но зачѣмъ же дѣлать возстаніе? Да когда иначе не возможно заставить услышать себя владыкъ! Да не возмущенія опасны правительству, но опасны существующія причины этихъ возмущеній; ищите и уничтожьте эти причины и никто уже не будетъ возмущаться противъ васъ. Тифлиское возстаніе имѣло скорѣе характеръ англійскихъ митинговъ: народъ громко и ясно выражалъ свое мнѣніе о разныхъ злоупотребленіяхъ. Надо теперь правительству воспользоваться этимъ огорченіемъ и узнать тѣмъ настоящую причину возстанія. Губернаторъ увѣряетъ всѣхъ, что Тифлисъ возсталъ потому, что не хотѣлъ заплатить 7,000 руб.; безъ сомнѣнія онъ увѣрялъ въ этомъ и государя, если только дѣйствительно имѣлъ честь ему представляться. Наконецъ, господа, подати на лошадей и собакъ не введены еще въ Россіи, и что такъ поторопились ввести ихъ въ Тифлисъ? И зачѣмъ вы удивляетесь, что простой народъ не хотѣлъ ихъ платить, когда членъ совѣта намѣстника тайный совѣтникъ Фадѣевъ, директоръ департамента государственныхъ имуществъ Витте и нѣкоторые другіе сановники отказались первые заплатить эти подати, подъ предлогомъ, что русское дворянство свободно отъ всякихъ податей?

Въ заключеніе упомяну и о томъ, что не смотря на торжественное обѣщаніе, данное тифлискимъ жителямъ, отъ имени правительства, что они до возвращенія вел. князя могутъ жить по прежнему, въ Тифлисъ уже назначена слѣдственная коммиссія изъ тамошнихъ же чиновниковъ, по распоряженію которой производятся аресты въ обширномъ размѣрѣ; арестованы между прочими и нѣкоторые зажиточные почетные тифлискіе граждане, по видимому совершенно не причастные къ дѣлу. По этому поводу знакомые говорили мнѣ, что этихъ бѣдняжекъ вѣроятно, для страху, выселятъ въ Россію; я же увѣрялъ ихъ, что ничего подобнаго не будетъ и что они только откупятся. Положимъ что я несправедливъ, но отчего же для производства слѣдствія въ такомъ важномъ случаѣ не присылать надежныхъ чиновниковъ изъ Россіи? Сказано же, что рука руку моетъ, а объ голову: тифлискіе чиновники въ такомъ скандальномъ для нихъ возстаніи, будутъ оправдывать тифлискихъ чиновниковъ. Но повѣрьте мнѣ вы, господа чиновники и администраторы-ревнители очищенія тифлискихъ улицъ отъ грязи, что вы упали сами теперь въ такую грязь, по причинѣ этого возстанія, что никакими стараньями своихъ собратьевъ уже не отмоетесь.

Сегодня рассказывали мнѣ за достовѣрное, что уже получено въ Тифлисъ приказаніе изъ Петербурга отъ вел. князя, о непремѣнномъ взысканіи новыхъ податей, а также, что начинаютъ уже освобождать многихъ изъ арестованныхъ тифлискихъ гражданъ.

ІЮНЬСКІЕ ДНИ ВЪ ТИФЛИСѢ.

Гдѣ народъ, тамъ и стопъ... Эхъ, сердечный,
Что же значить твой стопъ безконечный?
Ты проснешься-ль исполненный силъ?..

Для того чтобы показать до чего можетъ довести тугоуміе правительства и его неумѣіе менажировать пасомое имъ стадо, намъ достаточно было бы сказать, что въ Тифлисъ городское рабочее населеніе подало руку *мокаламъ*, чтобы дать вмѣстѣ отпоръ русскому правительству. Мы все еще удивляемся тому, что во Франціи республиканцы заключаютъ союзы съ легитимистами, орлеанисты подаютъ руку клерикаламъ имѣя въ виду согнать общаго врага — императорское правительство; между тѣмъ у насъ, подъ рукою, люди не имѣющие никакого понятія о тактикѣ партій, раздѣленные между собою цѣлою бездною общественнаго и экономическаго положенія, идутъ рука объ руку противъ «общаго врага», забывъ, что вчера *мокалакъ* обсчиталъ сегоднешняго своего соратника — *мушу*, и что завтра повторится та же самая исторія. Такіе невообразимые, непонятные союзы, такія сближенія элементовъ искони враждебныхъ другъ къ другу могли быть вызваны только русскимъ правительствомъ; во Франціи рабочіе не заключили же союза съ капиталистами, ни крестьяне съ землевладѣльцами...

Что сказать о правительствѣ до такой степени безтолковомъ, и въ особенности что сказать *ему*?... Руки опускаются, перо валится изъ рукъ, при одной мысли — совѣтовать *ему* что нибудь, и не для *него* беремся мы отдать отчетъ о тифлискихъ *Іюньскихъ дняхъ*, начавшихся ложью и заключившихся кровью — этими альфой и омегой правительственной системы.

Говорить объ этой ни къ чему не нужной бойнѣ, не показавъ что такое городское населеніе Грузіи, не выяснивъ характера группъ принимавшихъ участіе въ борьбѣ противъ правительства, значило бы рассказать только виѣшнюю сторону «проясненія», уличные канканчики и салто-мортали; тогда сущность дѣла улетѣла бы у насъ изъ подъ носу, и съ прекращеніемъ «безпорядковъ» уничтожился бы и интересъ «дѣла». Но хотя «порядокъ» восгоржествовалъ и все приняло свой обычный характеръ, тѣмъ не менѣе осадное положеніе сохранилось во всей своей силѣ. Это осадное положеніе и есть самъ «обычный характеръ» отношеній городского населенія къ правительству, и отдѣльных частей его другъ къ другу.

Наше общество забываетъ, что зародыши всѣхъ возмутительныхъ мѣръ, принимаемыхъ русскимъ правительствомъ, коренятся именно въ общественномъ устройствѣ, выработавшемся подъ попечительною властью правительства, что возставать противъ цвѣтновъ и ягодъ этого устройства, не возставая противъ корня бѣды, не только логически не послѣдовательно, но и бесполезно, наконецъ что мирясь съ общественнымъ положеніемъ, принимая его *statu quo*, необходимо помириться и съ его послѣдствіями. Такимъ образомъ, въ приложеніи къ интересующему насъ вопросу, возставать противъ тифлиской бойни, оставляя въ покое положеніе городскихъ жителей до и послѣ происшествія, будетъ походить на леченіе болѣзней крови паллиативнымъ уничтоженіемъ накопившихся прыщей. Безпорядки, происходящіе на улицахъ и площадяхъ, выказываютъ неурядицу, глубоко вкоренившуюся въ семью и общество, за стѣнами и прилавками; побѣжденные вѣдь, они возвращаются внутрь и тамъ, въ тиши, снова продолжаютъ свою прежнюю жизнь, полную

всевозможнаго трагизма, между тѣмъ какъ “порядокъ царствуетъ” на улицахъ и видныхъ мѣстахъ... Не хотите слышать свиста картечи и криковъ рѣзни?—это весьма похвально, но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ за неурядицею въ ея домашній очагъ, изслѣдуйте ея характеръ и особенности, подумайте о томъ, какъ бы исцелить ее, а главное, подумавши хорошенько, *дѣйствуйте*...

Цѣль предлагаемой статейки — познакомить нашихъ читателей съ положеніемъ городского населенія Грузіи. Повторимъ еще разъ, мы имѣемъ въ виду, не наставлять правительство, или содѣйствовать ему, а показать его неспособность понимать свои обязанности, его особенность компрометировать интересы русскаго народа. Агентъ вредящій своему обществу отставляется отъ своей должности; мы хотимъ содѣйствовать хотя на капельку подобной же отставкѣ русскаго правительства...

Городское населеніе Грузіи не многочисленно. Оно сосредоточено въ Тифлисѣ и двухъ трехъ незначительныхъ городахъ, какъ-то въ Кутаисѣ, Гори и т. п. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ оно до сихъ поръ рѣзко разграничивалось на два класса: *мокалаковъ* (мѣщанъ) и *муша* (рабочихъ)*.

Муша въ Грузіи не имѣетъ никакихъ правъ гражданства, онъ даже не мѣшанинъ и не срочно отпускной, онъ просто на просто *бѣлый*. Имеретинскіе, гурійскіе, мингрельскіе и рачинскіе крестьяне, не покорившись помѣщичьей власти и “не выдержавъ барскаго кнута”, бѣгутъ въ Тифлисъ, и на оборотъ, карталинскіе и нахетинскіе крестьяне (Тифлисской губ.) спасаются въ Имеретію, Гурію и т. п. Неисправность полиціи и невозможность брать цѣлыя толпы бѣглыхъ покровительствуютъ несчастнымъ жертвамъ крѣпостнаго права. Но такъ какъ даже въ природѣ нѣтъ розы безъ шиповъ, то и въ свободѣ бѣглыхъ крестьянъ не все привлекательно, и даже все крестьянство бросилось бы въ “свободную жизнь вольнонаемныхъ городскихъ работниковъ”. Отреченіе отъ семьи и родины спасаетъ крестьянина отъ помѣщичьей власти, но за то ставитъ его въ зависимость отъ буржуазіи и чиновничества, въ рабство куска хлѣба. Работа громаднаго большинства состоитъ въ тасканіи камней, песку и извести для стросній, мѣшковъ и тяжестей для торговцевъ, воды и дровъ для жителей, и за подобный трудъ рѣдко получается два, три абазы (40, 60 к. с.)... У европейскаго пролетарія есть семья, правда, отягчающая его, но за то и улаждающая нерѣдко горечь его жизни; у грузинскаго муши тоже есть жена и дѣти, но “за горами, за полями”. Тяжесть и нѣго содержанія падаетъ на него—если его семья не будетъ отбывать установленныхъ повинностей барину, онъ заберетъ дѣтей къ себѣ въ дворы—но сносная сторона семейной жизни извѣстна ему только по воспоминаніямъ... Бѣжать и откупаться отъ барина, скрываться и откупаться отъ полиціи, трудиться почти безъ всякой надежды на выходъ изъ омерзительнаго положенія, даже безъ возможности утонуть въ винѣ, какъ то дѣлается въ другихъ странахъ—такова судьба грузинскаго пролетарія.

Въ Россіи нѣтъ этого сорта людей. Малороссійскіе батраки и великорусскіе городскіе работники, въ сравненіи съ грузинскими муша, просто блаженствуютъ; бѣгле же въ Россіи не столько работаютъ, сколько “путешествуютъ”. Это различіе

* Мы считаемъ совершенно излишнимъ говорить о дворянахъ проживающихъ въ городахъ—они имъ чужды. Что же касается чиновничьяго населенія грузинскихъ городовъ, оно таково же какъ и въ Россіи, съ тою только разницею, что чиновники въ Грузіи еще болѣе чужды народа, чѣмъ въ Россіи. Въ Грузіи ихъ раздѣляютъ не только интересы, но и языкъ.

зависитъ частію отъ “незаконнаго” проживанія, частію и отъ характера русскаго правительства за Кавказомъ. Въ Россіи нѣтъ столько военщины и фельдфебельства, какъ въ Грузіи; Закавказье, какъ и самый Кавказъ, еще не вышло изъ подъ лапъ военнаго деспотизма *pur sang*: тамъ каждый пранорщикъ равняется по крайней мѣрѣ городничему, и каждый поручикъ—исправнику. При такомъ ничѣмъ не гарантированомъ положеніи въ отношеніи къ властямъ предержащимъ, муша можетъ рассчитывать на спасеніе откупомъ отъ придирчиваго начальства; но для этого нужны деньги, а такъ какъ городская жизнь въ Грузіи, и въ особенности то, что называется торговлей и промышленностью, развиты въ ней весьма слабо, то заработанныя деньги едва хватаютъ на откупы отъ барскихъ и иныхъ “правъ”, да на далеко не прихотливую жизнь. Ко всему этому присоединяются постоянные недочеты на хозяевъ, происходящіе отъ невозможности тягаться съ ними безъ опасенія подвергнуться высылкѣ къ помѣщику.

Лучшая пора для грузинскихъ городскихъ рабочихъ, ихъ *медовый мѣсяцъ*—это осень: товары, привозимые съ нижегородской и ростовской ярмарокъ, шелкъ, хлопчатая бумага, шерсть, орѣховыя и пальмовыя деревья, заготовляемыя иностранцами для отсылки за границу, наконецъ наѣздъ въ города дворянъ, пожавшихъ жатвы барщинъ и оброковъ—все это даетъ движеніе городской жизни и требуетъ рабочихъ рукъ. Въ эти осенніе дни, въ грязи и слякоти, подъ дождемъ и вѣтромъ, рабочіе зарабатываютъ свое годовое пропитаніе, иногда даже и оброчныя деньги, и за тѣмъ, по окончаніи блаженныхъ дней, исчезаютъ въ подвалахъ, скрываясь отъ полиціи и барскихъ посланцевъ... Лѣтомъ постройки занимаютъ часть рабочихъ и плата выработываемая ими въ долгіе, знойные дни, не превышаетъ среднимъ числомъ 25 к. с.

У европейскаго пролетарія все таки есть надежда выйти изъ своего положенія; онъ рассчитываетъ заручиться довѣренностью патрона или своихъ сотоварищей, устроиться какъ нибудь самостоятельнѣе, зашибить копѣйку; онъ знаетъ, что законодательство если и не покровительствуетъ его усиліямъ, за то не слишкомъ противудѣйствуетъ, и что подъ его владычествомъ отдѣльные индивидуумы могутъ измѣнить свое положеніе безъ особыхъ столкновеній съ властями. Въ Грузіи нѣтъ ничего подобнаго: даже съ капиталомъ въ карманѣ трудно выйти въ люди; этому мѣшаетъ не только правительственный произволъ, но и законодательство, покровительствующее только незначительной части населенія и вяжущее по рукамъ и ногамъ остальную.

За тѣмъ на второмъ планѣ являются “мокалаки”. Ихъ жизнь, сравнительно съ жизнью рабочихъ, сноснѣе въ томъ отношеніи, что ихъ деньги выкупаютъ много горечи. Положеніе грузинскихъ мокалаковъ можно сравнить съ положеніемъ русскихъ мѣщанъ, съ тѣмъ однако различіемъ, что такъ называемыя мѣщанскія “права” мокалаковъ весьма не ясно очерчены въ Грузіи. Мокалаки вербуются или по наставству, или по припискѣ къ “городскому обществу” вольно-отпущенныхъ, или вѣрнѣе вольно-откупленныхъ крестьянъ, земли которыхъ либо остались у помѣщика, либо не въ состояніи прокормить крестьянина. Торговля, приправленная всѣми праведными и неправедными атрибутами ея, эксплуатація рабочихъ и полураззоренныхъ дворянъ поддерживаютъ мокалаковъ; эти ихъ экспедиентами они прожили бы свой вѣкъ мирно и дружелюбно съ правительствомъ, прося только одного

“охраненія порядка”—еслибы неперемонное правительство не запускало слишкомъ часто руки въ ихъ карманъ и не вытягивало отъ туда почти послѣдній грошъ...

Взаимное положеніе этихъ двухъ классовъ городского населенія Грузіи не могло конечно уладить ихъ отношенія другъ къ другу: разпорядность интересовъ, недовольство вызванное и поддерживаемое эксплуатаціею, доводили часто натянутое положеніе между мѣщанами и рабочими до ножей и кинжаловъ, и скорѣе возможно было ждать что, по классическому выраженію, “солнце измѣнитъ свое теченіе”, чѣмъ надѣяться на самыя кратковременный союзъ между рабочими и ихъ хозяевами.

При такомъ положеніи дѣлъ правительству легко было удержаться по крайней мѣрѣ въ границахъ приличія, мало маляски обезпечить участь рабочихъ измѣненіемъ паспортной системы и, нѣкоторыми экономическими улучшеніями, не затрогивать кошелька мокалаковъ...

Конечно, эти мѣры не могли совершенно уничтожить причинъ взрыва, но отсрочить его до менѣе тяжелаго времени они могли; а теперь, когда “Россія, даже по словамъ Моск. Вѣдом., переживаетъ кризисъ” и когда у правительства такъ много хлопотъ—очень хорошо было бы избавиться отъ лишнихъ и совершенно не расцегливо создавать новыхъ.

Тяжесть новоустановленныхъ налоговъ, прямо или косвенно, непременно рушилась бы на полуголодныхъ работниковъ и солдатъ; она по дорогѣ задѣвала и мокалаковъ—стало быть можно было предсказать почти навѣрное, что недовольствіе народа не будетъ имѣть границъ, и что оно способно будетъ разразиться въ грозу. Чтò же вынуждало русское правительство непременно настаивать на своемъ и тѣмъ увеличивать, если не опасность, то по крайней мѣрѣ тяготъ своего положенія?

Финансы Россіи разстроены—это знаютъ всѣ, но вѣдь всѣмъ не менѣе хорошо извѣстно, что ихъ налогами и паллятивными средствами не исправишь. Для этого нужна совокупность экономическихъ реформъ первой важности, а не наложеніе подати за право ношенія полса или содержанія коровы. Такія мелкія притѣсненія, вѣсто того чтобы улучшить финансы, возбуждаютъ народъ противъ правительства, то есть онѣ не только безполезны, но и вредны. Ихъ тяжесть главнымъ образомъ падаетъ на рабочихъ, на трудъ, и безъ того обложенный всевозможными налогами, стало быть возбуждаютъ ненависть народа къ правительственной системѣ и правительственнымъ лицамъ, тогда какъ этими поборами пельзя даже покрыть издержекъ на ихъ взиманіе, а не то, что сводитъ концы съ концами въ министерствѣ финансовъ.

Послѣдствіемъ этихъ поборовъ было соединеніе тифлискихъ рабочихъ съ ненавистными имъ хозяевами, доказывающее только то, что для грузинскаго пролетаріата и народа, мелкіе буржуазные эксплуататоры и мошенники все таки ближе къ сердцу, чѣмъ крупные правительственные.

Чтò всего поразительнѣе и смѣшнѣе въ этой катавассіи—правительство не подумало даже о томъ, что тяжесть новыхъ налоговъ падетъ не столько на мокалаковъ, сколько на народъ и—что всего важнѣе для правительства—на войско. На буржуазію налоги падаютъ слишкомъ слабо: она собираетъ ихъ съ своихъ потребителей и такимъ образомъ служить только сборщикомъ податей; правительство думало перехитрить мокалаковъ, думало что они не замѣтятъ, что возвышеніе

цѣны на продукты пропорционально вліяетъ на уменьшеніе ихъ сбыта. Такіе господа, какъ Орловскій, баронъ Николай, самъ Михайлъ Николаевичъ, пустились надувать тифлискихъ мокалаковъ, изъ которыхъ каждый по крайней мѣрѣ во сто разъ хитрѣе Орловскаго и въ тысячу разъ умнѣе Михайла Николаевича. Мокалаки, разумѣется переперехитрили своихъ августѣйшихъ и сіятельныхъ партнеровъ, они не долго думая поговорили съ солдатами въ такомъ родѣ:

— Зачѣмъ бунтую? Ва, для тебѣ: они хочетъ чтобы мы тебѣ дорога брали за водка и табакъ; теперь хочетъ три шауръ (15 к. с.) платилъ ты за рюмка водки...

А солдаты: чтожь, ей богу они правы, зачѣмъ несчастный народъ обижать?..

Не надувши городскихъ жителей, правительство захотѣло надуть русское общество, напечатать въ своихъ изданіяхъ, что амьары требовали только уничтоженія или отсрочки ново установленныхъ налоговъ, тогда какъ мокалаки, а стѣ ными и рабочіе, требовали чтобы, независимо отъ отмятвенія налога, всѣ дѣла касающіяся города подлежали обсужденію и рѣшенію выборныхъ городского общества, чтобы всѣ городскія работы производились по соглашенію и подъ надзоромъ тѣхъ же выборныхъ, налоги устанавливались и взимались ими же, словомъ требовали полной городской самостоятельности, или, какъ выражаются французскіе легисты и публицисты—franchises municipales. Когда народъ толпился передъ полиціею, Орбеліани, грузинскій ультра-сенгичентальный поэтъ и русскій умѣренно-мѣщанствующій вице-намѣстникъ, пробормоталъ, что городское общество, требующее желѣзныхъ дорогъ и порядочныхъ путей сообщенія, не должно отказывать въ подаяхъ, на что толпа отвѣчала, что городское общество не хочетъ терпѣть, чтобы его деньги тратились барономъ Николаи на саженіе и пересаживаніе ненужныхъ деревьевъ по дорогамъ, что оно само можетъ производить эти работы гораздо дешевле чѣмъ правительственные воры и что оно желаетъ солиности экономію, чтò ни мало не остановило бы производства полезныхъ работъ. Николозъ Чавчавадзе, тифлискій гражданскій губернаторъ *par interim*, принужденъ былъ выслушать формальное требованіе организаціи городского выборнаго управленія, требованіе повторенное потомъ и передъ вице-намѣстникомъ и барономъ Николаи.

Это требованіе, выказанное амкарами и поддержанное рабочими, вызвало косвенное обѣщаніе, что оно “будетъ принято во вниманіе и доложено его высочеству, князю намѣстнику” и въ лѣдствіе этого обѣщанія, сопровождавшася обязательствомъ отсрочить взиманіе налоговъ, прекратились уличные безнорядки.

Взрывъ былъ вызванъ хвостовствомъ Орловскаго, тифлисскаго гражданскаго губернатора; онъ доложилъ печальству, что грузинскій народъ совершенно счастливъ и благодарствуетъ, видно хотѣлъ этимъ выхлопотать себѣ какую нибудь новую аренду. Михайлъ Николаевичъ аренды не далъ, а сказалъ, что такъ какъ народъ благодарствуетъ, то его надобно подаять маленько, чтобы онъ не бѣспался или не умничалъ съ жиру. Орловскій струсилъ, поговорилъ съ городскимъ головою и сборщикомъ податей, гарантировалъ послѣднему 10% съ взысканной суммы налоговъ, обѣщая дать роту; *pour prêter main-forte*, въ случаѣ отказа со стороны плательщиковъ, а самъ, не много думая, взялъ отпускъ да поминай какъ звали. Михайлъ Николаевичъ, несмотря на то что два раза

“ходилъ войной на черкеса”, тоже принялъ мѣры предосторожности, и подписавши постановленіе о новыхъ налогахъ, отправился черезъ Стутгартъ въ С. Петербургъ. Остался Карповъ въ Коджорахъ, да баронъ Николай въ своемъ помѣстьи, съ придачею къ нимъ Орбеліани.

Когда началось *движеніе*, выслали чеповѣтъ 20 казаковъ съ неразлучною нагайкой; народъ неучтиво препроводилъ ихъ къ начальству. Въ эту минуту правительство вспомнило, что за немѣнимъ оружіемъ можно употребить косу, (виднo польское возстаніе прошло не совсѣмъ бесполезно для русскаго правительства), а за немѣнимъ солдатъ—полковыхъ сѣнокосовъ. Импровизированные *косицеры* безъ штановъ произвели на народъ такое прекрасное впечатлѣніе, что ничего не слышно было кромѣ свиста и смѣху; сконфуженные косицеры, должно быть потому что не учились у поляковъ, отретировались. Въ этомъ прошелъ первый *июньскій день*.

Вечеромъ прѣхалъ въ Коджоръ Карповъ, начальникъ главнаго штаба кавказской арміи, и, едва держась на ногахъ отъ затрапезныхъ возліаній, собралъ *военный совѣтъ*, крича—“бунтъ!.. заговоръ съ поляками!.. Бить этихъ подлецовъ!”

На военномъ совѣтѣ положено было стянуть къ Тифлису войска и бомбардировать городъ, въ случаѣ повторенія безпорядковъ. Орбеліани подалъ противное мнѣніе и потребовалъ чтобы оно было занесено въ протоколъ, какъ свидѣтельство его невинности “въ могущихъ произойти послѣдствіяхъ” этого рѣшенія. Ареопажъ струсилъ и переѣмилъ мнѣніе: положено было парламентировать съ “мятежниками”.

Ночью въ Тифлисъ вошли войска, и формальность Карповъ сейчасъ же устроилъ лагерь: на эриванской площади была *штабъ-квартира*, у михайловскаго моста — *укрѣпленный пунктъ*, въ александровскомъ саду — просто лагерь безъ штабъ-квартиры и безъ пункта. Между этими “укрѣпленіями” обмѣнивались отношенія, рапорты, предписанія, донесенія, на печатныхъ бланкахъ — изготовленныхъ по приказу Карцова нарочно для этой ночи — скакали казаки, курьеры, адъютанты. Николай *благодарилъ солдатъ*, должно быть за проворство ногъ, а Карповъ кричалъ имъ “старайтесь”; Орбеліани прятался за своими косицерами, и въ свою очередь пряталъ въ своей дѣвичьей городскаго голову Вартанова; Н. Чавчавадзе увѣщевалъ народъ, а Абессаломовъ, воспѣтый публицистомъ *Кавказа*, никого не увѣщевалъ, ни пряталъ, ни благодарилъ, но за то и самъ не прятался. Такъ наступилъ *второй день*.

Еще въ первый день, при убійствѣ сборщика податей, этотъ витязь собственности, “защищая свое достояніе”, зарѣзалъ двухъ нападавшихъ; двухъ другихъ застрѣлилъ изъ револьвера пьяный офицеръ конвоя великаго князя, Василій Заридзе. На второй день у Кулійскаго моста убито было около 10 человекъ, по приказу офицера озлобленнаго за то, что въ него попали камнемъ.

При такъ пазываемомъ “разграбленіи” домовъ, никто не воровалъ и не грабилъ, тѣмъ не менѣ имущество “измѣнниковъ” было истреблено по мѣстн. Въ домѣ головы остались однѣ стѣны, но народъ попросилъ домашнихъ удалиться съ миромъ. То же самое хотѣли сдѣлать и съ домомъ Меликова, но для этого оказалось необходимымъ перешагнуть черезъ его трущ, что и было сдѣлано.

Дѣло кончилось тѣмъ, что правительство обѣщалось исполнить требованія жителей. Сдержитъ ли оно свое обѣщаніе, мы увидимъ въ скоромъ времени...

9 Сентября 1865.

Ріо Нелл.

С М Ъ С Ь.

ПЕРВАЯ РЕТИПРАДА

Сей часъ прочли мы въ *Моск. Вѣд.* (№ 187) слѣдующее отступленіе союзныхъ войскъ *Инвалида*, Каткова, Ш отдѣл., Валуева и братіи:

“*Кельнская Газета* сообщаетъ, что она получила письмо изъ Женевы отъ издателя *Колокола*, г. Герцена, въ которомъ онъ протестуетъ противъ приведенныхъ *Русск. Инвалидомъ* *полуофициальныхъ извѣстій* объ участіи “*партіи Колокола*” въ поджогахъ. Г. Герценъ приглашаетъ своихъ обвинителей доказать свое обвиненіе, и съ своей стороны выражаетъ готовность отвѣчать на это въ печати, или предъ однимъ изъ судовъ Англіи или Швейцаріи. (Въ статьѣ *Р. Инвалида* не было рѣчи о самомъ г. Герценѣ, а только объ *агентствѣ Герцена* въ Тульчѣ. Если г. Герценъ имѣетъ основаніе думать, что агентство это во зло употребляетъ его именемъ, то пусть обратитъ онъ противъ него свое судебное преслѣдованіе)”.

— *Изъ Сибири и Казани.*—Мы получили довольно подробное изложеніе Казанскаго дѣла, начавшагося весной 1863 года, и окончившагося тимашевскими казнями. Въ слѣдующемъ листѣ мы помѣстимъ извлеченіе изъ него. Для французскаго правительства особенно будетъ интересенъ эпизодъ о казни француза, не уличеннаго ни въ какомъ преступленіи, письмо котораго къ французскому консулу Тимашевъ изодралъ.

При тетради (за которую благодаримъ безмѣрно), приложено письмо, въ которомъ между прочимъ написано: “*Изъ Сибири* важныя новости, въ Томскѣ и Иркутскѣ были аресты, говорятъ, открыли тайное общество, всѣхъ схваченныхъ повезли въ Омскъ, въ числѣ арестованныхъ называютъ Потапина”.

— *Изъ Петербурга.*—“Валуевъ послалъ секретный циркуляръ ко всѣмъ губернаторамъ, требуя *непремѣнно* открыть зажигателей. Донесеніе Кауфмана слѣдствіе этого циркуляра”. Все это превосходно и совершенно въ духѣ Валуева и петербургскаго управленія, но все же намъ было бы въ тысячу разъ дороже текстъ нашего *grand roué*.

— Мы получили записку по дѣлу Андрущенко, можемъ ли ее печатать или нѣтъ?

ПРОДАЕТСЯ:

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ, обыкновенно называемыхъ *Молоканами*. Цѣна 2 франка.

Въ Женевѣ *Колоколъ* продается у г. Георга, Corraterie; въ Лондонѣ у N. Trübner et Co., 60, Paternoster Row; въ Парижѣ A. L. Herold, Librairie, 67, Rue Richelieu; Брюсселѣ C. Muquardt, F. Claassen; Вѣвѣ Richard Lesser, Librairie, 15, Rue du Lac; Лозаннѣ Martigner et Chavannes; Лейпцигѣ F. A. Brockhaus; Берлинѣ Ferd. Schneider, 11, Victoria Strasse, Schneider et Co., 19, Unter den Linden, B. Behr, 27, Unter den Linden; Гамбургѣ Perthes Besser et Mauke, Hoffmann et Campe; Любекѣ Fr. Asschenfeldt; Штетинѣ Von der Nahmer; Флоренціи Eugène Vieusseux; Аѣинахъ K. Wilberg; Гауптѣ W. Hammerschmidt; Константинополѣ F. Schimpff et Comp., Köhler et Weiss.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 205.

1 Октября 1865.

1 OCTOBRE 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Подается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré L'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Гюрга, 10, Corratierie, Genève; у П. Грюбера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагается почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRUBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Кончина М. А. Михайлова — Казанскій заговоръ — Отрывокъ изъ V части "Былаго и Думы" — Современныя замѣтки. Смѣсь: Письмо къ издателю

"Отголосковъ" — Отвѣтъ на предложеніе "Моск. Вѣдом." — Цыцеронствующій Кауфманъ — Смертный приговоръ — Спиритизмъ въ Петербургѣ — Отъ издателей.

УБИЛИ.

МИХАИЛЪ ЛАРИОНОВИЧЪ МИХАЙЛОВЪ скончался 3/15 Августа на Кандійскомъ пріискѣ, въ восточной Сибири.

А 4/16 Сентября напечатано въ *Голосъ* № 244: "Исключенъ изъ службы бывший горный начальникъ нерчинскихъ заводовъ, а нынѣ состоящій по главному управленію этихъ заводовъ, полковникъ *Дейхманъ*, преданный суду за послабленія, оказанныя имъ въ содержаніи государственнаго преступника Михайлова".

КАЗАНСКІЙ ЗАГОВОРЪ

(1863—1865).

Аресты въ Казани, въ Вяткѣ, въ Перми, въ Москвѣ — Вятское слѣдственное отдѣленіе — Нарышкинъ — Ланшевская слѣдственная коммиссія, Казанская коммиссія, военный судъ — Тимашевъ и убійства.

Весной 1863 г. прошелъ въ Казани слухъ, что въ Спаскомъ Казанской губ., арестовали какого то капитана *Ивануцаго*. На другой день послѣ этого захватили студента *Жеманова* и одновременно съ нимъ исчезъ студентъ *Глассонъ*. Вслѣдъ за тѣмъ прошелъ слухъ, что Казань объявлена на военномъ положеніи. Бывшій губер. Козляниновъ, приказалъ въ силу этого убрать съ Воскресенской улицы скамѣчки, стоящія около домовъ и магазиновъ. Затѣмъ явились на сцену зеленые, заржавленные пушки, хранившіяся до тѣхъ поръ, гдѣ то подъ губернаторскимъ домомъ. Въ кузницахъ оттачивали офицерскія клинки. Изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ солдаты стянули въ Казань. Солдаты въ казармахъ спали въ полной амуниціи. Въ 9 часовъ вечера уже нельзя было выйти со двора, не бывъ захваченнымъ патрулями. Козляниновъ поставилъ около своего дворца полный офицерскій казачій караулъ. Догадкамъ не было конца: одни говорили, что поляки хотятъ заполонить городъ; другіе, что хотятъ пріѣхать изъ Питера до 30 искусныхъ партизановъ и взять Казань приступомъ; а иные, что студенты хотятъ поднять казанскихъ татаръ, и перерѣзать городскія власти, начиная съ губернатора и окончивъ квартальнымъ.

Въ это время полиція начала отыскивать еще студентовъ П. Орлова и Элпидина. Значить молва о татарахъ и студентахъ оправдывается, говорили праздные люди.

Годъ IX.

Въ ночь на 2 Мая квартира чиновника Пеньковского наполнилась полиціей, состоящей изъ частаго присава, квартальнаго и полицейскихъ солдатъ. — Сколько васъ здѣсь живетъ? — Былъ первый вопросъ. — Трое, отвѣчаютъ. — Вы всѣ братья? — Да. — А гдѣ Элпидинъ? — А кто его знаетъ. — Какъ! Вѣдь я вчера же его видѣлъ здѣсь? — съ досадою говоритъ квартальный. — Да, вчера былъ, а теперь нѣтъ. — Почему же вчера вы меня обманули, сказавъ другую фамилію? — Другая фамилія, была тоже у меня, и я могъ полагать, что се-то вамъ и нужно. Началось шаренье во всѣхъ углахъ и ящикахъ. Забравъ бумаги и семейныя письма, сказали, чтобъ старшій Пеньковский слѣдовалъ за ними. — За чѣмъ же вамъ меня? — спросилъ Пеньковский. — Вы скрываете Элпидина, отвѣтила полиція. Тутъ всего интереснѣе было то, что квартира была окружена 12-ю солдатами и каждый былъ съ большою связкою веревки. — Для чего эти веревки? — спросилъ кто-то. — На всякій случай, нельзя же безъ нихъ, отвѣтила полиція. Пеньковскому полицмейстеръ сказалъ, что его не выпустятъ до тѣхъ поръ, пока не отыщутъ Элпидина. На второй день послѣ этого, говорятъ Элпидину его знакомые, что нечестно сажать въ тюрьму Ев. Пеньковского, ни душой, ни тѣломъ не причастнаго ни къ какимъ политическимъ замысламъ, это во 1-хъ; а во 2-хъ, можетъ тебя отыскиваютъ изъ за какихъ-либо пустяковъ. Элпидинъ выслушавъ такія рѣчи, явился къ полицмейстеру.

Здѣсь слѣдуетъ маленькое поясненіе. Элпидинъ былъ сосланъ въ деревню (но не въ помѣстье, ибо онъ пролетарій) безсрочно и безъ права на выѣздъ куда-либо. Кромѣ того, секретными предписаніями губернатора, вмѣнилось властямъ въ обязанность не допускать его ни къ педагогическимъ обязанностямъ, ни къ занятіямъ при волостныхъ правленіяхъ.

При появленіи Элпидина, полицмейстеръ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что тотъ осмѣлился явиться въ Казань, безъ разрѣшенія начальства. Элпидинъ замѣтилъ было, что ему приходилось умирать съ голоду, не выѣзжая изъ деревни и не имѣя права заниматься чѣмъ-либо. Вы, перебилъ полицмейстеръ, не хотите голодной смертью умереть, а... а... но тутъ онъ ничего не произнесъ, а указалъ на свою шею. Элпидинъ растерялся и тутъ же былъ отведенъ въ клоповникъ, и на третій день какъ онъ, такъ и Е. Пеньковский были увезены въ Ланшевскій тюремный замокъ на слѣдствіе.

Недѣли чрезъ три послѣ ареста старшаго Пеньковского, арестовали младшаго, студента. Въ бумагахъ его оказалась рукопись, его почеркъ, что то въ родѣ воззванія къ народу.

Поводъ къ аресту Иваницкаго и Жеманова, бытъ Глассонъ. Глассонъ свелъ шапочное знакомство съ Иваницкимъ. Предъ Иваницкимъ онъ либеральничалъ, жалаясь, что ему никто ничего не довѣряетъ, хотя онъ на все былъ бы способенъ. Иваницкій, не желая оскорбить юному даль ему подозрительнаго свойства записку, для передачи студенту Жеманову. Въѣсто рукъ Жеманова, Глассонъ представилъ письмо по начальству, которое научило его подать объявленіе будто бы о потерѣ портмоне съ деньгами, гдѣ и письмо было. Въ дѣлѣ значится, что портмоне Глассона найденъ на улицѣ самой пошней — замѣтите съ 50 руб. Для вида Глассона арестовали. Тотчасъ же отправили изъ Казани жандарма полковника Ларионова въ Спасскъ арестовать Иваницкаго. Мѣстные власти зная, что Иваницкій изъ предосторожности клалъ съ собою въ постель пару револьверовъ, и опасаясь катастрофы, послали на квартиру къ нему уважаемаго имъ баталіоннаго командира, чтобы удобнѣе было вызвать его на дворъ, гдѣ стоятъ уже цѣлый взводъ солдатъ. Въ 3 часа ночи, услыжавъ не въ обычное время стукъ въ дверь, Иваницкій взялся было за револьверы, но сей часъ положилъ, услыжавъ голосъ своего хорошаго командира. Одѣвшись вышелъ на дворъ гдѣ его и взяли. Въ бумагахъ его нашли одинъ экземпляръ ложнаго манифеста и двѣ печатныя брошюры подъ заглавіемъ: “Свобода и независимость”. Его увезли въ Петербургъ и тамъ его и Жеманова спрашивали, не знаютъ ли они чего о существованіи заговора въ Казани. Тѣ отвѣчали что ничего подобнаго не слышали. Очныя сводовъ по тому письму не было, но спрашивали объ смыслѣ того письма. Иваницкій отвѣтилъ, что таинственное содержаніе письма, есть ничто иное какъ желаніе помистифицировать навязчиваго Глассона. Продержавъ 3 недѣли въ Петропавловской крѣпости, отправили ихъ въ Казань — у правительства нашлись точнѣе данныя.

Жилъ въ Вяткѣ, въ качествѣ ссыльнаго, московскій студентъ *Смоленскій*, который, какъ изъ дѣла видно, былъ знакомъ съ тамошнимъ библіотекаремъ *Красовскимъ*. Въ это время прошла глупая сплетня, которая навела вятскую полицію сдѣлать у Красовскаго обыскъ. При обыскѣ нашли конвертъ съ брошюрами, надпись конверта была схожа съ почеркомъ Смоленскаго. Кромѣ того было найдено въ бумагахъ письмо отъ казанскаго студента *И. Красноперова* на имя Красовскаго. Красноперовъ писалъ, что скоро въ Вятку пріѣдетъ *апостолъ* Иванъ Яковичъ, поэтому оказали бы ему свое содѣйствіе. Красноперова арестовавъ, отправили въ Вятку, также забрали Красовскаго и Смоленскаго. Вятскія власти о содержаніи Красноперовскаго письма объ апостолѣ Иванѣ Яковлевичѣ сообщили въ Казань, чтобы тамъ разузнали, не выѣхалъ ли какой нибудь Ив. Яковичъ, и кто онъ такой; и въ то же время начали слѣдить за подозрительными лицами отыскивая апостола. Въѣсто апостола, по деревнямъ встрѣчали кучки мужиковъ, читавшихъ воззванія. Начали заирать читавшихъ и допытываться откуда взялась у нихъ такая язва. Вездѣ былъ отвѣтъ, что проѣзжающій какой то даетъ имъ эту грамотку, и что мы какъ люди темные, захотѣли ее прочесть всѣмъ міромъ, и узнать что она такое. Поиски въ вятской и пермской губерніяхъ оказались

напрасными. Въ пермской губерніи, только въ одной деревни мужики описали паружность проѣзжаго, но не сказали, что именно отъ него получили воззванія, а просто нашли у себя на божницѣ. Въ пермской губерніи одинъ изъ исправниковъ оказалъ такую ревность къ отысканію распространителя, что на свой счетъ напичкалъ ищескъ, не требуя отъ губернатора денежнаго вознагражденія.

Въ Оханскѣ, пермской губ., жилъ въ ссылкѣ семинаристъ Пономаревъ, у котораго Н. Орловъ, названный “апостоломъ” бытъ и оставилъ нѣсколько воззваній. Пономаревъ по полученіи воззваній отправился къ городничему посоветоваться объ этомъ. Тотъ, взявъ воззваніе къ себѣ, обѣщался устроить такъ, чтобы самимъ остались цѣлыми, а воззваніе распространить по городу посредствомъ безграмотныхъ будочниковъ. Пономаревъ, сдавъ съ рукъ монашреннюю пошу, остался спокоенъ. Но городничій донесъ губернатору, что эти воззванія, своей за отливостью онъ собралъ по городу, по улицамъ котораго будто бы были они раскиданы. Городничій прежде допесенія, посоветовался съ исправникомъ, который прямо сталъ настаивать на арестъ Пономарева, такъ какъ одинъ онъ подъ надзоромъ полиціи, и что болѣе нѣкому раскидывать воззванія, кромѣ Пономарева.

Вскорѣ послѣ допесенія исправника, губернаторъ прислалъ жандармскаго офицера арестовать Пономарева и допросить. Пономарева арестовали. Въ полиціи, является къ нему городничій (бывшій пріятель) и начинаетъ высказывать свою ошибку и торопливость съ брошюрами, и тутъ же спросилъ его, не осталось ли какихъ важныхъ бумагъ у него на квартирѣ? Тотъ отвѣтилъ, что всѣ бумаги сожжены. Тутъ Пономаревъ прибавилъ, что если дѣло пойдетъ очень скверно, то онъ скажетъ на городничаго. Городничій старался эти слова замать, и вести разговоръ въ вопросительной формѣ. Пономаревъ этой штуки не повѣлъ, и продолжалъ говорить въ той увѣренности, что свидѣтелей никого нѣтъ, а отъ городничаго можно и отпереться, тутъ шла рѣчь и объ Иванѣ Яковлевичѣ Орловѣ “апостолѣ”. Чрезъ полчаса призываютъ Пономарева къ допросу и показываютъ ему протоколъ съ его словъ записанный, и подписанный уже исправникомъ, жандармскимъ офицеромъ и городскимъ членомъ. Онъ былъ озадаченъ этимъ чудеснымъ подслушиваніемъ. Пономареву указали на дверь, чрезъ которую они устроили еще заранѣе, чтобы все слушать. Теперь пермяки были убѣждены, что распространитель воззваній по пермской губ. былъ Ив. Орловъ. Телеграфировали объ этомъ арестъ въ Казань.

Отыскивалъ Н. Орлова по пермской губ., нечаянно наткнулись на путешественниковъ въ Осѣ, Крупскаго, студента Краковскаго университета, сосланаго въ каторжную работу, за манифестація въ Варшавѣ въ 1861 г. бѣжавшаго отътуда, и Балакишина, студента Казанскаго университета, сосланаго тоже въ 1861 г. по университетской исторіи. Ихъ отправили въ Казань на разслѣдованіе, не имѣютъ ли они какой связи съ казанцами. По слѣдствію оказалось, что не имѣютъ никакой связи, и обоихъ отправили Крупскаго обратно въ каторгу, а Балакишина неизвѣстно куда.

Такимъ же образомъ были въ Витской губерніи арестованы студентъ *Николай Орловъ* и семинаристъ *Дерновъ*. Они проѣздомъ въ Вятку, останавливались въ одной деревнѣ и отдали одинъ экземпляръ брошюры. Этотъ экземпляръ, вѣроятно за псевдонимомъ чтеца, попалъ къ писарю, но не простому

писарю, а исправническому. Въ тоже самое время отыскивали П. Орлова, и забрали Орлова—но не того. Какъ Пономарева, такъ и П. Орлова съ Дерновымъ, отправили въ Вятку.

Наконецъ долго отыскиваемого Ивана Орлова, арестовали въ деревнѣ въ 20 верстахъ отъ Казани. При Орловѣ нашли револьверъ заряженный. Орлова отправили въ Вятку.

Студентъ Бирюковъ проѣзжая на родину, захватилъ къ одному знакомому священнику переночевать. Ночь съ Бирюковымъ завелъ чисто богословскій споръ, но какъ Бирюковъ оказался въ теологій крѣпче пона, то іерей вздумалъ употребить кулаки свои вмѣсто научныхъ аргументовъ. Къ несчастію его, онъ и на этихъ православныхъ аргументахъ былъ побитъ. Осталось одно средство—донести что либо на Бирюкова, чтобъ попъ и сдѣлалъ—онъ донесъ, что Бирюковъ въ домѣ его богохульствовалъ и читалъ возмутительныя сочиненія, какъ ему, такъ и мужикамъ. Бирюкова арестовали. При немъ ничего запрещеннаго не оказалось. Пермскій губернаторъ, *вмѣсто суда* (ибо судить было не за что) *принимъ своей волей отдать Бирюкова въ солдаты*. В е было уже готово къ отправкѣ Бирюкова на царскую службу, какъ губернаторъ получилъ изъ Вятки требованіе на высылку туда Бирюкова. Вмѣсто военной службы, отправили его въ Вятскую тюрьму.

Въ той же губерніи, одинъ діаконъ, до такой степени былъ пропитанъ необходимостью пропаганды, что самъ писалъ брошюры, и эти собственноручныя рукописи, раздавалъ по народу. Онъ былъ арестованъ вслѣдъ за другими арестами, за распространеніе своей рукописи, въ которой онъ проповѣдывалъ народу, что правительство и церковные служители его обманываютъ и обираютъ. Діакона засадили въ тюрьму, долго держали въ темной; потомъ перевели въ вонючій подвалъ. *Не могъ діаконъ вынести дикаго обращенія — зачалъ не прожить и года*.

Поручикъ Мрочекъ, товарищъ Иваницкаго, весной 1863 г. проѣздомъ чрезъ Нижній зашелъ къ офицеру стрѣльцоваго баталіона Михайлову. Разговорившись о польскомъ возстаніи Мрочекъ замѣгнулъ Михайлову, что возстаніе возможно и здѣсь и спрашивалъ его стать ли бы онъ участвовать въ возстаніи? Михайловъ отвѣгнулъ, что онъ можетъ воевать только въ качествѣ офицера противъ Турокъ и всякихъ другихъ непріятелей, объявившихъ войну Россіи. Въ Москвѣ Мрочекъ что-то подобное говорилъ одному офицеру генеральнаго штаба. Этотъ офицеръ, попросивъ Мрочка подождать у него въ квартирѣ, сбѣгалъ за полиціей. Мрочка повезли въ Ш-е отдѣленіе. Продержавъ тамъ около трехъ недѣль, отправили въ Казань.

Въ Вяткѣ было создано такъ называемое отдѣленіе по политическимъ дѣламъ. Слѣдователями были: полицмейстеръ, частный приставъ, жандармскій офицеръ, присланный изъ Вильно и чиновникъ отъ губернатора. Арестованные въ половинѣ Мая были слѣдующіе: студентъ П. Красноперовъ, библиотечаръ Красовскій, Смоленскій, П. Орловъ съ Дерновымъ, Пономаревъ, Ив. Орловъ и Бирюковъ. Начались допросы. Изъ показаній П. Красноперова, слѣдственное отдѣленіе ничего не имѣло, кромѣ восторженныхъ словъ въ родѣ того, что онъ всегда станеть на сторону угнетеннаго народа, что народъ страдаетъ и мучится отъ необузданнаго самовласія; даже одно показаніе закончить словами: да здравствуетъ демократическая, социальная республика русская!

На другихъ ничего не показывалъ. Его по старому обычаю с одиномъ въ баню, накормили ветчиной и подавали пить. Изъ показаній Красовскаго и Смоленскаго, тоже многого не узнали, кромѣ показанія другъ на друга въ передачѣ брошюрь. П. Орловъ показалъ, что воззваніе получилъ отъ П. Орлова. Его начали таскать и употреблять надъ нимъ всевозможныя опыты. Стращали и виселицей и растрѣпаніемъ; Орловъ съ начала былъ твердъ. Ему начали давать курить, угощать въ комиссіи на допросахъ чаемъ и водкой. Полицмейстеръ возмалъ его даже въ торговую баню — гдѣ предложилъ ему публичную женщину. Подъ вліяніемъ ли нравственной или физиологической пытки, онъ не стерпѣлъ. Показалъ во 1-хъ на Е. Красноперова, что давалъ ему воззванія, во 2-хъ и всего важнѣе, указалъ на одного 16-лѣтняго мальчика Миттермана, что будто получилъ отъ него воззванія. Того арестовали и привезли на допросъ въ Вятку. Викторъ Миттерманъ сказалъ въ комиссіи, что ничего не понимаетъ и не знаетъ. Орловъ сказалъ, что онъ ошибся, указавъ на младшаго вмѣсто старшаго Миттермана. Онъ въ отдачѣ воззваній не сознается. Комиссія увѣщеваетъ, страшаетъ казнью за упорство, обѣщаетъ свободу за несовѣршеннолѣтіе. Послѣ такихъ увѣщаній и страханій Миттерманъ показываетъ, что Орлову воззваній не давалъ, но далъ пачку манифестовъ, и расписалъ воображаемый правительствомъ заговоръ слѣдующимъ образомъ: Въ квартирахъ Сергѣева и Поликовскаго были политическія засѣданія, на которыхъ проэктовалось возстаніе въ Казани. Военною частью брался завѣдывать штабсъ-капитанъ Иваницкій, а товарищъ его Мрочекъ бралъ на себя агенство на сношеніе съ лицами другихъ городовъ. Миттерманъ сказалъ также, что на послѣднемъ засѣданіи были: Жемановъ, Щербаковъ, Поликовскій, Сергѣевъ, Алѣевъ, Лаврскій, Бирюковъ и П. Орловъ. Всѣхъ ихъ арестовали. Начался допросъ новымъ лицамъ съ очными ставками. Миттерманъ уличилъ Орлова въ томъ, что не давалъ ему воззваній, тогъ согласился съ этимъ и объявилъ, что манифесты онъ жжетъ, а воззванія получилъ отъ Святковскаго, котораго онъ видалъ въ кафе. Сергѣевъ и Поликовскій показали, что у нихъ политическихъ собраній никакихъ не было, а что показываемыя Миттерманомъ собранія были ничего болѣе, какъ товарищескія посѣщенія. Болѣе этого слѣдственная комиссія ничего не могла узнать, вопросы верглись на однихъ тоlosонныхъ показаніяхъ. Объ этихъ показаніяхъ слѣдственное отдѣленіе телеграфировало въ Питеръ, который не замедлилъ въ Казани высочайше учредить главную слѣдственную комиссію по политическимъ дѣламъ. П. Орловъ за тѣмъ всѣ арестованные были перевезены въ резиденцію этой комиссіи.

Аресты еще не кончились. Фигель адъютантъ, полковникъ Нарышкинъ, былъ отправленъ по повѣркѣ изловить на мѣстѣ преступленія петербургскихъ студентовъ—Повицкаго, Маевскаго, Госцевича и Олехновеца. Одинъ изъ исправниковъ Самарской губерніи присталъ къ Повицкому съ кулаками къ горлу, требуя отъ него паспорта. Повицкій, объявивъ свою фамилію и дворянское происхожденіе, сказалъ, что у него паспорта нѣтъ, но что они могутъ справиться и судить его законнымъ порядкомъ, а не управляться кулаками. Исправникъ указавъ на стоявшаго вблизи Нарышкина, сказалъ что онъ не одинъ и въ ту-же минуту нанесъ ему нѣсколько ударовъ по шее. Нарышкинъ смотрѣлъ на эту сцену покручивая усы и не унялъ исправника.

Арестованных, продержавъ положительно двое сутокъ безъ всякой пищи, кромѣ воды, посадили на арестантскую діету. Повицкій, какъ имѣвшій около 200 руб. денегъ, убѣдигъ смотрителя замка кормить его по человѣчески. Начали давать ему мясной супъ и молоко. По прошествіи мѣста смотритель за такой обѣдъ вычелъ у него *сто* рублей. Повицкій заявлялъ о такой дороговизнѣ членамъ высочайшей коммисіи, но заявление его оставлено безъ отвѣта. Повицкій, Маевскій и Гощевичъ показали при пензенскихъ дознаніяхъ, что они получили манифесты отъ неизвѣстнаго имъ француза назвавшегося *Иеронимомъ*, котораго встрѣтили въ Москвѣ. По окончаніи предварительнаго дознанія, ихъ отправили въ Казань. А затѣмъ Парышкинъ произведенъ въ генералъ-майоры и посаженъ на казанское кормленіе вмѣстѣ Козлянинова.

На 3-й день послѣ ареста Элпидина, увезли какъ его, такъ Ев. Пеньковского въ Лаишеви. Тамъ тоже была назначена слѣдственная коммисія, состоящая изъ судебнаго слѣдователя Поступальскаго — онъ же и предсѣдатель, изъ уѣзднаго исправника Жигалова, который въ то время исправлялъ должность главнаго тюремщика и 3 го лица безличнаго и безгласнаго — гласнаго городской ратуши. Дѣло возникло изъ того, что одинъ изъ лаишевскихъ мѣщанъ В. Булгаковъ былъ взятъ съ воззваніемъ тамошнимъ городскимъ Головой — Гребенъниковымъ. Засадивши Булгакова въ полицію, Гребенъниковъ сен часъ отправился къ губернатору Козлянинову довести, что онъ пресѣкъ государственное зло. По приѣздѣ отъ губернатора, Гребенъниковъ вкуцѣ съ Жигаловымъ и Поступальскимъ, заковавши В. Булгакова по рукамъ и ногамъ, начали требовать признанія; но когда тотъ продолжалъ говорить, что онъ получилъ листокъ отъ какого-то проѣзжаго, *то надѣли ему на шею цѣпь и подтянули къ ногамъ*. Въ такомъ согнутомъ положеніи бросили его въ тюрьму. Эти безпристрастные слѣдователи, приходя безпрестанно къ закованному Булгакову, обѣщали еще приковать въ такомъ согнутомъ положеніи къ стѣнѣ, а потомъ удавить. В. Булгаковъ не вынесъ этого и указалъ на своего брата Степана. Со Степаномъ произошла такая же исторія, но драматичнѣе. Къ нему привели жену и дѣтей. Они стали плакать увидя отца закованнымъ. Съ одной стороны слезы жены и дѣтей, умоляющихъ его сознаться, а съ другой Жигалова и Поступальскаго, обѣщающихъ свободу, Булгаковъ объявилъ, что онъ дѣйствительно получалъ 5 экземпляровъ листовъ отъ Элпидина, изъ 5, одинъ изорвалъ, а остальные 4 передалъ знакомымъ мужикамъ ближайшихъ деревень. Тѣхъ крестьянъ арестовали, но чрезъ недѣлю выпустили, взявъ съ каждаго, чрезъ полицейскаго писаря, *по 5 рублей*. Показаніе брата онъ положительно отвергъ, говоря, что брату никакихъ листовъ не давалъ.

(Окончаніе впереди).

ИЗЪ V ЧАСТИ *БЫЛАГО И ДУМЫ*.

Въ началѣ будущаго года думаемъ мы издать IV и V томы *Былаго и Думы*. Найдутъ-ли они тотъ пріемъ, полный сочувствія какъ отрывки изъ нихъ, напечатанные въ *Полярной Звѣздѣ* и три первыхъ части? Покаместъ мы рѣшились, когда есть мѣсто, помѣщать въ *Колоколѣ* отрывки изъ ненапечатанныхъ главъ, и на первый случай беремъ рассказъ о *польскихъ выходцахъ въ Лондонѣ*.

Глава эта (IVая въ V томѣ) начала въ 1857 году и помнится дописана въ 1858. Она бѣдна и недостаточна. Я сдѣлала, перечитывая ее, нѣсколько виѣшнихъ поправокъ; передѣлывать существенное въ запискахъ не идетъ — помѣченныя воспоминанія также принадлежать былому, какъ и событія. Между ею и настоящимъ прошли 63^я и 64^я годы, совершились страшныя несчастія, раскрылись страшныя прайды.

Не дружескій букетъ на гробъ добраго старика въ Парижѣ, не плачь на Гайгетской могилѣ пуганы теперь — не чловѣкъ хоронится, а цѣлый народъ толкаютъ въ могилу. Его судьбѣ прилична одна горестъ — горестъ пониманія и можетъ съ нашей стороны одинъ даръ — даръ молчанія. Последнія событія въ Польшѣ вдохновили еще не одного поэта, не одного художника, они догдо будутъ какъ тѣнь Гамлетова огня звать на мечь, не шая самаго Гамлета... Мы еще слишкомъ близки къ событіямъ. Рукамъ, по которымъ текла кровь раненыхъ, не идетъ ни кисть, ни рѣзецъ, онѣ еще слишкомъ дрожать.

Я назвала тогда главъ эту *Польскіе выходцы*, справедливѣе было бы назвать ее *легендой о Ворцелѣ* — по съ другой стороны въ его чертахъ, въ его жизни, такъ поэтично воплощается польскій эмигрантъ, что его можно принять за высшій типъ. Это была натура цѣльная, чистая, фанатическая, святая, полная той *полной* преданности, той нескрутимой страсти, той великой мончаніи, для которой нѣтъ бытыя жертвы, счета службы, жизни внѣ своего дѣла. Ворцелъ принадлежалъ къ великой семьѣ мучениковъ и апостоловъ, пропагандистовъ и поборниковъ своего дѣла, всегда являвшихся около всякаго креста, около всякаго освобожденія...

Мнѣ пришлось совершенно случайно перечитать мой рассказъ о Ворцелѣ въ Лутано. Тамъ живетъ одинъ изъ крѣпкихъ старцевъ, той удивительной семьи, о которой идетъ рѣчь, и мы съ нимъ вспомнили покойнаго Ворцеля. Ему за семьдесятъ, онъ сильно состарѣлся съ тѣхъ поръ, какъ я его не видала, но это тотъ-же неутомимый работникъ итальянскаго дѣла, тотъ-же фанатическій другъ Мацини, котораго я знала десять лѣтъ тому назадъ. Вѣдета за альпійскими скалами, самъ посѣдѣвшая скала итальянскаго освобожденія, онъ дожилъ въ борьбѣ не только до исполненія половины своихъ надеждъ, но и до новыхъ черныхъ дней, готовый опять какъ прежде на бой, на гибель и не уступившій никогда никому ни въ чемъ ни одной юты своего credo. Какъ Ворцель, онъ бѣденъ, и какъ Ворцель не думаетъ объ этомъ. Большинство этихъ людей гибнетъ на подорожѣ, насильственной или своей смертию, но все что дѣлается, дѣлается ими. Мы расчисляемъ дорогу, мы ставимъ вопросы, мы подпиливаемъ старыя столбы, мы бросаемъ дрожжи въ душу; они ведутъ массы на приступъ, они падаютъ или побѣждаютъ... Таковъ на первомъ планѣ Гарибальди, и не мыслитель, и не политикъ — а любовь, вѣра и надежда.

Судьба Ворцеля самая трагическая изъ всѣхъ. Ея пятое дѣйствіе продолжалось и заключилось послѣ его смерти; объ немъ нельзя сказать того, что говорится о большей части падшихъ на дорогѣ къ обѣтованной землѣ. "За чѣмъ онъ не дожилъ?" Смерть его спосила во время, что было бы съ нимъ, еслибъ онъ дожилъ до 1865 года?

Я радъ, что память объ Ворцелѣ, такъ ярко воскресла въ Лутано, мнѣ дорогъ этотъ уголокъ, съ своимъ теплымъ озеромъ

обнесенномъ горами, съ своимъ вѣчно электрическимъ воздухомъ.... Тамъ я жилъ послѣ страшныхъ ударовъ 1852 года... Тамъ есть каменная женщина, опериная на обѣ руки, въ безвыходномъ горѣ глядящая передъ собой и вѣчно плачущая — это была *Италия*, когда рѣзецъ Велы* создалъ ее — не *Польша-ли* она теперь?

Тунъ, 17 Августа 1865.

ГЛАВА IV ПОЛЬСКІЕ ВЫХОДЦЫ

Алоизій Бернацкий — Станиславъ Ворцель — Агитация 1854—56 года —

Смерть Ворцеля.

Nuovi tormenti e nuovi tormentati!

INFERNO.

Другія несчастія, другіе страдальцы ждутъ насъ. Мы живемъ на поѣ въчерашней битвы — гругомъ лазареты, рапелные, пламенные, умирающие. Польская эмиграція, старшая всѣмъ, истончилась больше другихъ, но была упорно жива. «Перейдя границу, поляки, вопреки Дантону, взяли съ собой свою родину и не ссылая головы, гордо и угрюмо пронесли ее по свѣту. Европа разступилась съ уваженіемъ передъ торжественнымъ шествіемъ отважныхъ бойцовъ. Народы выходили къ нимъ на поклонъ; цари сторонились и отворачивались чтобъ дать имъ пройти не замѣчая ихъ. Европа проснулась на минуту отъ ихъ шаговъ: нашла слезы и участие, нашла деньги и силу ихъ дать†. Печальный образъ польскаго выходца — этого рыцаря народной независимости, остался въ памяти народной. Двадцать лѣтъ на чужбинѣ вѣра его не ослабла и на всякой роковой переключкѣ, въ дни опасности и борьбы за волю, поляки первые отвѣчали *здесь!* какъ сказалъ Ворцель, или старшій Дарашъ, временному правительству въ 1848 году.

Но правительство, въ которомъ сидѣлъ Ламаринъ, въ нихъ не нуждалось и вовсе объ нихъ не думало. Самые истые республиканцы вспомнили Польшу для того чтобъ ее употребить неотгоровеннымъ крикомъ возстанія и войны 15 Мая 1848. Дольше поняли, но на Польшу французская буржуазія (у которой Польша была капризомъ, какъ у англійской — Италия) стала съ тѣхъ поръ дуться. Въ Парижѣ не говорили больше съ прежней риторикой о *Varsovie eschevelée*, и только въ народѣ оставалась, рядомъ съ всякими бонапартовскими воспоминаніями, легенда о *Полтуски*, поддерживаемая лубочной картинкой, на которой Понятовскій тонетъ верхомъ въ своей *charpka*.

Съ 1849 начинается для польской эмиграціи самое удручительное время. Томно дѣлится оно до крымской войны и смерти Николая. Ни одной истинной надежды, ни одной капли живой

* Превосходная статуя Велы въ саду Чаян, пусть русские — особенно женщины — ходятъ взглянуть на нее.

† Д-ръ П. Дарашъ рассказываетъ мнѣ случай бывший съ нимъ самимъ. Онъ студентомъ медицины, участвовать въ возстаніи 1831. Послѣ взятія Вршавы, отрядъ, въ которомъ онъ былъ, перешелъ границу, и небольшими кучками сталъ пробираться во Францію. Въздъ по городамъ и деревнямъ, мѣщанамъ и женщинамъ, выходили на дорогу, звать изгнанниковъ къ себѣ, предлагая свои комнаты, часто свои кровати. Въ одномъ небольшомъ городкѣ, хозяйка замѣтила что у него изорванъ (поминется) кисетъ и взяла его починить. На другой день, на пути Дарашъ ощущавъ въ кисетѣ что-то постороннее, нашелъ въ немъ тщательно зашитыми два золотыхъ Дарашъ, у котораго не было ни гроша, бросился назадъ чтобъ отдать деньги. Хозяйка сначала отказывалась, говорила что она ничего не знаетъ, потомъ принялась плакать и умоляла Дараша деньги взять. Гутъ надобно вспомнить, что въ маленькомъ пѣвецкомъ городкѣ, для не богатой женщины значить два золотыхъ, они составляли вѣроятно плодъ откладыванія въ *Sparbійске* разныхъ крѣпцовъ, пѣвниговъ, хорошихъ и дурныхъ грошей въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Прощай всѣ мечты объ шелковомъ платкѣ, о цвѣтной мантіи, о яркой шапѣ. Передъ такими подвигами я на коѣбсахъ!

воды. Апокалиптическое время, провиденное Красинскимъ, казалось наступало. Отрѣзанная отъ страны, эмиграція осталась на другомъ берегу, и какъ дерево безъ новыхъ соковъ, вяла, сохла, дѣлалась чужой для родины, не переставая быть чужой для странъ въ которыхъ жила. Онѣ до нѣкоторой степени ей сочувствовали, но ихъ несчастіе продолжалось слишкомъ долго, а въ душѣ человека нѣтъ добраго чувства которое бы не изнашивалось. Къ тому же вопросъ польскій, прежде всего былъ вопросъ національный и только формально революціонный, т. е. по отношенію къ чужеземному игу.

Эмиграція смотрѣла столько же назадъ, сколько впередъ, она стремилась возстановить — какъ будто въ прошедшемъ что нибудь достойное возстановленія, кромѣ независимости — а одна независимость ничего не говоритъ, это понятіе отрицательное. Развѣ можно быть независимѣ Россіи? Въ сложную туго выработывающуюся формулу будущаго общественнаго устройства, Польша внесла не новую идею, а свое историческое право и свою готовность помогать другимъ в справедливой надеждѣ на взаимность. Борьба за независимость всегда вызываетъ горячее сочувствіе, но она не можетъ стать *своимъ* дѣломъ для чужихъ. Только тѣ интересы принадлежатъ всѣмъ, которые по сущности своей *не национальны*, какъ на пр. интересы католицизма и протестантизма, революціи и реакціи, экономизма и социализма.

... Въ 1847 году познакомился я съ польской демократической централизацией. Тогда она жила въ Версалѣ и сколько мнѣ казалось самый дѣятельный членъ ея быть Высоцкій. Особеннаго сближенія не могло быть. Эмигрантамъ хотѣлось слышать отъ меня подтвержденіе своимъ желаніямъ, своимъ предположеніямъ, а не то что я зналъ. Они желали имѣть свѣденія о какомъ-то заговорѣ подкапывающимъ все государственное зданіе въ Россіи и спрашивали участвуетъ-ли въ немъ Ермоловъ... а я имъ могъ рассказывать о радикальномъ направленіи тогдашней молодежи, о пропандѣ Грановскаго, объ огромномъ влияніи Бѣлинскаго, о социальномъ отбѣнкѣ въ обѣихъ партіяхъ, бывшихъ тогда въ литературѣ и въ обществѣ, у Западниковъ и Славянофиловъ. — Имъ казалось это не важнымъ.

У нихъ было богатое прошлое, у насъ большая надежда, у нихъ грудь была покрыта рубцами, у насъ только крѣпкіи для нихъ мышцы. Мы казались ополченцами передъ ними ветеранами. Поляки мистики, мы реалисты. Ихъ влечетъ таинственный полусвѣтъ, въ которомъ стираются очертанія, носятся образы, въ которомъ можно предположить страшную даль, страшную высь, потому что ничего не видно ясно. Они могутъ жить въ этомъ полусвѣтѣ, безъ анализа, безъ *холоднаго* изслѣдованія, безъ соущаго сомнѣнія. Въ глубинѣ ихъ души, какъ человекъ въ военномъ станѣ, есть чужды намъ отбѣсы среднѣхъ вѣровъ и распятіе, передъ которыми въ минуты тяжести и усталости они могутъ молиться. Въ поэзіи Красинскаго *Stabat Mater*, заглушающа народныя гимны и влечетъ васъ не къ торжеству жизни, а къ торжеству смерти, къ дню великаго суда... Мы или *лучше* вѣримъ, или *умнее* сомнѣваемся.

Мистическое направленіе развернулось во всей силѣ послѣ наполеоновской эпохи. Мицкевичъ, Тувяцскій, даже математикъ Вронскій, всѣ способствовали Мессіанизму. Прежде были католики и энциклопедисты, но не было мистиковъ. Старинны,

получившіе образованіе еще въ XVIII вѣкѣ, были свободны отъ теософическихъ фантазій. Классическій закалъ, который давалъ людямъ великій вѣкъ, какъ дамась не стирается. Мнѣ еще удалось видѣть два-три типа старыхъ пановъ энциклопедистовъ.

Въ Парижѣ и притомъ въ Rue de la Chanssée d'Antin жилъ съ 1831 года графъ Алоизій Бернадкій, нунцій польской діэты, министръ финансовъ во время революціи, маршалъ дворянства какой-то губерніи, представившій свое сословіе императору Александру I, когда онъ либерализовалъ въ 1814 г.

Совершенно разстроенный конфекціей, онъ поселился съ 1831 года въ Парижѣ и притомъ на той маленькой квартирѣ въ Шоссе d'Antin, которую я упомянулъ; отсюда-то онъ выходилъ всякое утро къ темно-коричневомъ сертукѣ на прогулку и чтеніе журналовъ и всякій вечеръ въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами къ кому нибудь провести вечеръ; тамъ въ 1847 году, я познакомился съ нимъ. Домъ состарѣлся, хозяйка хотѣла его перестроить. Бернадкій написалъ къ ней письмо, которое до того тронуло французенку (что очень не легкая вещь, когда замѣшаны финансы!) что она пустилась съ нимъ въ переговоры и просила его только на время переѣхать. Отдѣлавъ квартиру, она снова отдала ее Бернадкому за ту-же цѣну. Съ горестью увидѣлъ онъ новую красивую лѣтницу, новые обои, рамы, мебель, но покорился своей судьбѣ.

Во всемъ умѣренный, безусловно чистый и благородный старикъ, былъ поклонникъ Вашингтона и пріятель О'Конеля. Настоящій энциклопедистъ, онъ проповѣдывалъ эгоизмъ, bien entendu и провелъ всю жизнь въ самоотверженіи и пожертвованіи, отъ семьи и богатства до родины и общественнаго положенія, никогда не показывая особеннаго сожалѣнія и никогда не падая до ропота.

Французская полиція оставляла его въ покоѣ и даже уважала его, зная что онъ былъ министръ и нунцій; префектура пресерьезно думала, что нунцій польской діэты, былъ что-то изъ роду папскаго нунція. Въ эмиграціи это знали, и потому товарищи и соотечественники безпрестанно посылали его объ нихъ хлопотать. Бернадкій шелъ безпрекословно и до тѣхъ поръ говорилъ правильные комплименты и падошдалъ, что префектура часто дѣлала уступки чтобы отвязаться отъ него. Послѣ совершеннаго покоренія февральской революціи, тонъ перемѣнился, ни улыбкой, ни слезой, ни комплиментами, ни сѣдой головой ничего нельзя было взять, а тутъ какъ на зло пріѣхала въ Парижъ жена польскаго генерала участвовавшая въ венгерской войнѣ, въ большой крайности. Бернадкій просилъ помощи для нея у префектуры, префектура, не смотря на громкій адресъ A son Excellence monsieur le Nonce, отказала на отрѣзъ. Старикъ отправился самъ къ Карлье, Карлье чтобы отвязаться отъ него и съ тѣмъ выѣхалъ унижить, замѣтилъ ему, что пособія только даютъ выходцамъ 1831 года. "Вотъ, прибавилъ онъ, если вы принимаете такое участіе въ этой дамѣ, подайте просьбу, чтобы вамъ по бѣдности назначили пособіе, мы вамъ положимъ франковъ двадцать въ мѣсяць, а вы ихъ отдавайте кому хотите!"

Карлье былъ пойманъ. Бернадкій самымъ простодушнымъ образомъ принялъ предложеніе префекта и тотчасъ согласился, рассыпаясь въ благодарности. Съ тѣхъ поръ всякій мѣсяць старикъ являлся въ префектуру, ждалъ въ передней часъ другой, получалъ двадцать франковъ и относитъ ихъ къ вдовѣ.

Бернацкому было далеко за семьдесятъ лѣтъ, но онъ удивительно сохранился, любилъ обѣдать съ друзьями, посидѣть вечеромъ часовъ до двухъ, иногда выпить бокалъ, другой вина. Разъ какъ-то поздно, часа въ три, возвращались мы съ нимъ домой; дорога наша шла по улицѣ Лепелетъе, Опера горѣла въ огнѣ, пьеро и дебардеры едва прикрытыя шальями, драгуны и полиційскіе толпились въ сѣняхъ. Шутя и увѣренный, что онъ откажется, я сказалъ Бернадкому: "Quelle chance, не зайти-ли?"

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ, я лѣтъ пятнадцать не видалъ маскарада.

— Бернадкій, сказалъ я ему шутя и входя въ сѣни, когда-же вы начнете старѣть?

— Un homme comme il faut, отвѣчалъ онъ смѣясь, acquiert des années, mais ne vieillit jamais!

Онъ выдержалъ характеръ до конца и какъ благовоспитанный человѣкъ, растаялъ съ жизнью тихо и въ хорошихъ отношеніяхъ, утромъ ему нездоровилось, къ вечеру онъ умеръ.

(Продолженіе будетъ).

II—ръ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Пока Россія спала мертвымъ сномъ, мы могли *въпритъ* или *не въпритъ* въ ея социальную будущность. Настоящее ея заключало въ себѣ слишкомъ мало положительныхъ указаній на какое-бы то ни было будущее. Общая философія исторіи могла дать только нѣсколько болѣе или менѣе общихъ указаній, оправдывавшихъ вѣру, но еще недостаточныхъ для убѣжденія.

Новѣйшіе натуралисты показываютъ намъ, что все живое въ природѣ стремится осуществить по мѣрѣ силъ каждую разумную необходимость. Соціализмъ одна изъ такихъ необходимостей, въ этомъ убѣждены всѣ, обладающіе способностью убѣждаться; стало быть осуществить эту форму общественности суждено не только Россіи, но и всякому другому народу.

Суженаго обѣхать нельзя па юнѣ, но можно миновать на гробовыхъ дрогахъ. Какъ мелодраматическіе разбойники, природа обращается къ проходящимъ со своего рода: *la bourse ou la vie* — развивайся, или умирай, если ты уже неспособенъ измѣняться сообразно вѣчно измѣняющимся условіямъ разумной необходимости.

Въ мѣрѣ общественности роковая дилемма поставлена давно: прогрессъ или смерть? социализмъ или демократическая имперія? кошелекъ или жизнь?

Франціи первой пришлось выбирать. Она не даетъ кошелька—лучше поступиться жизнью, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ не о возможности пить и ѣсть, плодиться и обирать ближняго, раздражать свое воображеніе водевильными приностями съ политическимъ отгѣнкомъ или безъ политическаго отгѣнка. Дѣло идетъ о возможности или невозможности общественной жизни, о свободѣ мысли, о доступности ея не только для тѣхъ, кто сознательно предпочитаетъ ей сытое прозябаніе...

"Не надо, не надо! если для этого необходимо поступиться своимъ кошелькомъ!" кричитъ не одна только Франція, но и всякій другой народъ, въ которомъ крѣпка государственность, основанная на подавленіи сытымъ меньшинствомъ голоднаго большинства.

II въ самомъ дѣлѣ, Италія, едва до нея доходить очередь, сѣбѣ отрѣчься отъ своихъ идеаловъ муниципальной гражданственности въ пользу демократической государственности. А сущность послѣдней, какъ извѣстно заключается въ томъ, что государство отказывается отъ геральдическихъ предразсудковъ и юридическихъ системъ, занимается въ качествѣ Муравьева или ладскнехта минувшихъ лѣтъ, ограждать противъ притязаній немощей плебы всякого имущаго, какъ бы ни была ничтожна доля собственности достигаемая ему въ удѣлѣ.

Австрія съ Пруссіей не доросли еще и до этого. Испанія съ Португаліей, Швеція съ Норвегіей, Данія безъ Шлезвиг-Гольштейна—все это липа безъ рѣчей. Англія остается при прежнемъ комфортабельномъ способѣ эксплуатаціи ближняго, основанномъ на благодушій миссъ, на томъ что обрядная сторона жизни, установившаяся съ-поконы вѣку, соблюдается и до сихъ поръ всѣми святѣ всякихъ законовъ. Процентъ мыслящихъ людей здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было во всей Европѣ; но кто-же ближе къ социализму мыслящихъ англичанъ отъ Роберта Оуэна до Кобдена, отъ Бекля до Стюарта Милля включительно? Социализмъ ихъ менѣе фразистъ, чѣмъ французскій; за то онъ глубже, неотразимѣе. Сѣверная Америка и не выбирала: пролетаріатъ здѣсь до того ничтоженъ, что дѣйствительная государственность очень близка къ анархіи. Тамъ нѣтъ надобности въ сложныхъ средствахъ защиты, гдѣ агака слаба.

А чтоже Россія?

Пока она спала и горсть обдосужившихся баръ могла разсуждать болѣе или менѣе въ тихомолку о ея судьбахъ, то у насъ были и франкоманы и англomаны, славянофилы и республиканцы.

Но вотъ затронуть первый живой вопросъ: освобожденіе крестьянъ, за гѣмъ возгласіе въ Польшѣ... Молодежь зашевелилась, почуявъ разсвѣтъ. Приверженцы самоуправленія со всевозможными отгѣнками первые прячутся за правительство, англomаны требуютъ отвѣтственности общины за каждое изъ лицъ ее составляющихъ, рады учрежденію военныхъ округовъ... доходятъ однимъ словомъ до неописаннаго безобразія въ лицѣ Каткова... Средины нѣтъ—консерватизмъ въ Россіи невозможенъ, по той простой причинѣ, что нечего консервировать. Прогрессъ или отъявленное мракобѣсіе? Социализмъ или исправленная и дополненная николаевщина? Какъ видите, мы съ перваго же шагу дошли къ роковой дилеммѣ.

Какъ ни пытались срединныя партіи съ Головиннымъ и безъ Головина подать свой голосъ, заявить свою умѣренную прогрессивность—это имъ положительно не удавалось. Ихъ не слушали, и благо для нихъ.

Катковъ и нигилисты вотъ гога и магога современнаго русскаго движенія, два имени упорно всплывающіе на верхъ. При томъ должно замѣтить, что оба эти имени прибраны чрезвычайно неудачно. Съ какой стати называется *Катковымъ*, т. е. редакторомъ журнала, экс-англomаномъ, какой-то новый Биронъ - Аракчеевъ, принащикъ изъ нѣмцевъ отставныхъ унтеровъ, петодующій на барина за то, что тотъ либеральничаетъ, не хочетъ сѣчь своихъ крестьянъ, наущающій, наглый, проникнутый до мозга костей поэзіей лакейскаго раболѣпія?

Съ какой стати называются *нигилистами* молодые люди, выказавшіе готовность идти на каторгу, въ тюрьму, въ ссылку изъ за того, чтобы заявить протестъ здоровой, юной, честной, не подкупной личности человѣка противъ вѣшающаго, сѣкущаго, удушающаго правительства и противъ приговаривающей литературы?

Но—могутъ мнѣ сказать

что въ имени тебѣ моемъ...

Пусть Катковъ и пусть нигилисты. Посмотримъ, что за явленія нашей общественной жизни кроются подъ этими двумя неудачными названіями. Но прежде необходимо еще нѣсколько предварительныхъ словъ.

Всѣмъ извѣстно, что Катковымъ называется господинъ съ англійскимъ проборомъ (впрочемъ назади), изобрѣтатель литературныхъ доносовъ, питающій нѣжное пристрастіе къ казеннымъ объявленіямъ и непримиримую ненависть къ нигилистамъ еще къ Шедо-Ферротти и къ реальному образованію. Но къ кому собственно относится прозвище *нигилистовъ*? Это рѣшить не такъ легко.

Изобрѣвателемъ этого мудренаго названія въ Россіи, какъ извѣстно, были Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Въ его повѣсти *Отцы и Дети*, лицо называющее себя нигилистомъ—Базаровъ, бѣдный, но не глупый молодой человѣкъ, занимающійся естествознаніемъ, обладающій сильнымъ аппетитомъ и возбуждаемостью половыхъ органовъ. Дальнѣйшихъ признаков нигилизма нашъ русскій Шекспиръ не поименовывалъ ни въ этомъ, ни въ какомъ либо другомъ изъ своихъ сочиненій.

Уважаая свободу художественнаго творчества мы можемъ обратиться за необходимыми объясненіями и пополненіями ни къ кому иному, какъ самому Михайлу Пикифоровичу, который хоть слова этого и не изобрѣталъ, но за то первый придумалъ ссылатъ въ Сибирь людей, подозрѣваемыхъ въ нигилизмѣ, (какъ напр. Чернышевскаго). Стало быть онъ знаетъ, что такіе *нигилисты* и стало быть есть и другіе признаки нигилизма, кромѣ перечисленныхъ г. Тургеневымъ.

И такъ мы обращаемся за объясненіемъ къ г. Каткову. Но увы! Почтенный московскій публицистъ оказывается рѣшительнымъ Поздревымъ, да и какъ-то еще поздраватѣе настоящаго Поздрева.

Когда чиновники города N. обратились къ герою русскіхъ ярмарокъ съ вопросами: что такое Чичиковъ? не дѣлатель-ли онъ фальшивыхъ ассигнацій, г. Поздrevъ отвѣчалъ, что дѣлатель, разсказалъ по этому поводу анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова, да эгимъ и удовольствовался.

Герой московской публицистики идетъ дальше: онъ не только объявляетъ, что нигилисты дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій, но еще и поджигатели.

Остается догадываться, что подъ именемъ нигилистовъ г. Катковъ разумѣетъ то, что сказано выше, т. е. литературныхъ и недлитературныхъ дѣтелей того направленія, которое не поощряется ни казенными объявленіями, ни другими подачками. Въ этомъ смыслѣ мы намѣрены въ слѣдующихъ статьяхъ разбирать нигилизмъ, какъ крайне противоположное г. Каткову явленіе русской жизни...

Аседиинъ.

7 Сентября 1865.

С М Ъ С Ь.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ "ОТГОЛОСКОВЪ".

Мы послали 9 Сентября слѣдующее письмо г. Издателю *Отголосковъ*. Оно не было напечатано въ его журналѣ до 30 Сентября, а потому печатаемъ его въ *Колоколь*.

Милостивый Государь,

Вы перепечатали нѣсколько словъ изъ моей протестаціи позвольте мнѣ поблагодарить Васъ и просить, чтобъ Вы дали мѣсто въ вашемъ журналѣ моему письму.

Мнѣнія наши разны, но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о мнѣніяхъ, а объ обвиненіи лжеца. Кто нибудь да ляжетъ, мои обвинители, или я. Мнѣ кажется, что не вовсе лишено интереса вывести на чистую воду лгуна. Можетъ лгу я, ну и покончить со мной навсегда. Такого случая долго не придется опять.

Я торжественно утверждаю :

1. Что никогда, нигдѣ не сказалъ ни одного слова, не написалъ ни одной строки, изъ которыхъ можно бы было заключить, прямо или косвенно, что я одобряю поджоги бывшіе въ Россіи.

2. Что я никогда не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ съ обществомъ "революціоннаго пламени", въ существованіи котораго сильно сомнѣваюсь.

3. Что я ни отъ банкира Т., ни отъ кого другаго денегъ для пересылки въ Тульчу не получалъ и въ участіе Кельсевыхъ въ поджогахъ не вѣрю.

Впрочемъ послѣдній пунктъ можно считать рѣшеннымъ. *Моск. Вѣд.* въ 183 № помѣстили подробную статью объ агентствѣ (откуда взялось это безобразное названіе!) *Герцена въ Тульчѣ*, изъ которой можно вывести что угодно, кромѣ двухъ вещей, моего участія въ агентствѣ и участія агентовъ въ поджогахъ.

Истину моихъ словъ я готовъ утверждать въ безцензурной печати и въ свободномъ судѣ — въ Англіи или Швейцаріи.

Позвольте, М. Г., заключить мое письмо увѣренностію, что Вы не откажетесь помѣстить его въ *Отголоскахъ*.

Готовый къ услугамъ Вашимъ

А. Герценъ.

— *Le Nord...* во зачѣмъ же намъ угощать нашихъ читателей разогрѣтой дичью, приправленной пикантнымъ соусомъ, для скрытія ея несвѣжести, когда мы можемъ ее бить въ самыхъ дѣйствиительно-полицейскихъ лѣсахъ нашихъ. Оставія въ сторонѣ *Сѣверное Сіяніе Моск. Вѣдомостей*, мы обратимъ вниманіе на ихъ предложеніе начать, если мы хотимъ, судебное преслѣдованіе не противъ клеветниковъ, а противъ мнимаго агента Герцена въ Тульчѣ.

Кажется чего справедливѣе... Но вотъ въ чемъ бѣда. 1ое. агентства Герцена ни въ Тульчѣ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ земнаго шара не существовало и не существуетъ. 2ое. для того чтобъ начать судебное преслѣдованіе, надобно вѣрить обвинителямъ, а обвинители — русскіе шпіоны. 3е. естѣль мы и вѣрили имъ, то еще надобно бы во всей Европѣ ввести русскіе законы, по которымъ наряжаютъ комиссіи и ссылаютъ въ каторжную работу по полицейскимъ доносамъ безъ всякихъ документовъ.

Ясно, что предложеніе это было нелѣпо и сдѣлано только потому, что *Моск. Вѣд.* зарапортовались и слыняли.

— *Эс-букетъ Кауфмановскаго цитронства*. Въ бытность генераль-адъютанта фонъ Кауфмана въ Витебскѣ, 12 Іюля, этотъ достопочтенный преемникъ Муравьева держалъ рѣчь гг. офицерамъ 64-го Казанскаго пѣхотнаго полка. Самое замѣчательное мѣсто въ этой рѣчи, по нашему мнѣнію, слѣдующее: "Гг. офицеры полка, составляя общество сплоченное, дружное въ отношеніяхъ между собою, не должны, однакоже, упускать изъ виду того уваженія, которымъ они обязаны старшему въ чинѣ изъ уваженія къ самимъ себѣ, къ своему званію : это — предметъ *первостепенной важности* и столь существенъ, что я въ особенности прошу не допускать между старшими и младшими *фамиллярности*, весьма скоро переходящей въ невваженіе"

— *Смертный приговоръ за нарушение дисциплины*. Николай Орленъ, мѣщанинъ, отданный подъ военный судъ въ Каменцѣ Подольскомъ, за дерзость противъ караульнаго офицера, приговоренъ къ смертной казни председателемъ штаба офицеромъ *Волоскуинкинымъ* послѣ гласнаго суда и не смотря на защиту г. Макарова, доказывавшаго, что Орленъ былъ въ нетрѣзвомъ видѣ, когда бросился на офицера "съ намереніемъ его ударить", но былъ остановленъ солдатами.

— *Правда-ли*, что у насъ въ Петербургѣ спиритизмъ цвѣтетъ, что самъ государь бесѣдуетъ съ Юмомъ, который его разтрогалъ разъ до слезъ ?

И это еще! Зачѣмъ-же они сами натигиваютъ такіа сходства со временами предшествовавшими французской революціи 1789 года.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Мы просимъ покорѣйше всѣхъ, имѣвшихъ свѣденія о послѣднемъ времени жизни М. А. Михайлова на кандійскомъ принсѣ, сообщить ихъ намъ во всей подробности. Исключеніе изъ службы Дейхмана (имя котораго русская исторія не забудетъ) и дошедше до насъ слухи говорятъ ясно, что русское правительсво сдѣлало все что могло, чтобы избавиться отъ глубоко презиравшаго своихъ палачей мученика.

Мы желали бы тоже имѣть подробности послѣднихъ арестовъ въ Иркутскѣ и слѣдствій, производящихся въ Омскѣ.

ПРОДАЕТСЯ

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ,
обыкновенно называемыхъ *Молоканами*. Цѣна 2 франк.

ПЕЧАТАЕТСЯ

ПЗВѢСТНАЯ КНИГА ДЖ. ФЛЕТЧЕРА
(1591 г.)

О ГОСУДАРСТВѢ РУССКОМЪ ИЛИ ОБРАЗѢ ПРАВЛЕНІЯ РУССКАГО ЦАРЯ.
ИЗДАНІЕ В. КАСАТКИНА.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, R^e l'Eveque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 206.

15 Октября 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Лжецы—Казанскій заговоръ (Окончаніе)—Взрощеніе Молокановъ. Смѣсь: Дерущійся по дорогамъ губернаторъ и нѣжный мужъ—Режимъ Кауфмана—Quasi Павловская сентенція—Такса за доносы—Катковъ заводитъ кулачные бои—Советъ въ тузъ имѣющимъ въ своей фамилии слогъ Герцъ

Л Ж Е Ц Ы.

Сегодня мѣсяцъ, какъ мы требовали въ Колоколѣ доказательствъ, что мы прямо или косвенно, словомъ или дѣломъ, черезъ Тульчу или иное мѣсто участвовали въ пожарахъ. Доказательствъ клеветниками не представлено, мы имѣемъ полное право назвать лжецами казенныхъ доносчиковъ и ихъ литературныхъ писарей.

КАЗАНСКІЙ ЗАГОВОРЪ

(1863—1865).

(Окончаніе).

Содержаніе въ лайшевской тюрьмѣ было такое же, какъ въ вятской, пермской и пензенской. Сѣрые щи безъ мяса два раза въ день и только, хотя двое изъ арестованныхъ по рангамъ принадлежали къ чиновному люду. По этому поводу у Элпидина выпало столкновеніе съ исправникомъ. Разъ приходятъ въ подвалъ Элпидина (за неимѣніемъ помѣщенія ему уступили подвалъ служившій цейгаузомъ, сырой до такой степени, что ползали тамъ красные червяки) попечители тюремнаго комитета: окружной начальникъ Нагибинъ и уѣздный судья, и спрашиваютъ доволенъ-ли тотъ столомъ и постелей (постель состояла изъ одного мѣшка набитого пшеничнымъ колосомъ, безъ одѣяла). Элпидинъ конечно отвѣтилъ отрицательно. Попечители посоветовали ему потребовать на руки кормовыя деньги, которыхъ по чину ему полагалось 14½ к. въ сутки. Элпидинъ такъ и сдѣлалъ. Онъ на другой же день объявилъ смотрителю, что желаетъ получать или 14½ коп. на руки, или же ежедневно супъ съ ½ ф. мяса и 2-мя кружками молока (это стоитъ въ Лайшевѣ 8 к.). Смотритель обѣщался передать объ этомъ Жигалову. На другой день Элпидинъ ждетъ въ 12 часовъ супу и молока, но къ его удивленію помощникъ смотрителя приноситъ ему кружку воды и ¼ ф. ржаного хлѣба, объявляя, что Жигаловъ и Поступальскій посадили его на хлѣбъ и воду на три дня за капризы. Объ болѣе мелкихъ придирахъ и распространяться не стоитъ, какъ напр. конвойные солдаты говорятъ Элпидину, чтобы онъ шелъ среди улицы, а не стороной (въ то время была грязь и холодно, а у него сапоги безъ подошвъ) тотъ убѣждаетъ ихъ, что тамъ грязно и можно ногу наколотъ; солдаты настаиваютъ на своемъ, говоря, что такъ приказала коммиссія. Элпидинъ уперся и не пошелъ. Жигаловъ узнавъ объ этомъ, въ коммиссіи же совѣтовалъ солдатамъ попочивать Элпидина прикладами за нарушение дисциплины. Когда тотъ спросилъ по какимъ это законамъ? Жигаловъ преспокойно отвѣтилъ, что для него законъ не писанъ. Слѣдствіе производилось въ

такое духѣ, какъ и кулачныя дознанія. Такъ какъ Элпидинъ не признавался въ передачѣ Булгакову воззваній около мѣсяца, то слѣдователи подымали одного арестанта, приговореннаго къ каторжной работѣ, передавать записки отъ Элпидина къ Пеньковскому и обратно; за что арестанту обѣщали вмѣсто каторги вольное поселеніе (и надули). Такимъ образомъ Пеньковскій съ Элпидиномъ стали переписываться и рассказывали въ своихъ письмахъ о томъ, что утромъ ихъ спрашивали въ коммиссіи, съ прибавленіемъ конечно ругательствъ за медленность слѣдствія. Письма такого рода прежде чѣмъ доходили по адресу, въ коммиссіи съ нихъ списывались копии. Но тутъ коммиссія потерпѣла неудачу, ибо въ письмахъ ничего новаго она не открыла. Обвинить же Элпидина нужно имъ было во что бы-то ни стало, такъ какъ по показаніямъ Булгакова значится въ ходу только 4 экземп. воззваній, коммиссія же успѣла въ разныхъ мѣстахъ захватить всего 9 экземп., то разница отъ 4 до 9 показывала еще какихъ-то распространителей. Свидѣтелей же на Элпидина кромѣ Булгакова не было. Но счастье повезло слѣдователямъ. Одинъ крестьянинъ, которому Элпидинъ далъ 2 экземп., при сходѣ прочиталъ ихъ, и передалъ въ сосѣдную деревню. А такъ какъ это происходило уже въ самый разгаръ слѣдствій, то мужика скоро захватили. Способъ дознанія конечно тотъ же: запугали, помучили, мужикъ показалъ на Элпидина. Коммиссія торжествовала, что нашелся еще одинъ уличитель противъ Элпидина. Но въ этой уликѣ она стала втупикъ. Уличая Элпидина этимъ мужикомъ распространителемъ, она засаживаетъ самаго уличителя, а Элпидина какъ не сознающагося, упускаютъ изъ когтей правосудія. Имъ это невыгодно. Сдѣлавъ же этого мужика законнымъ свидѣтелемъ, они должны выпустить изъ рукъ мужика распространителя. Слѣдователи выбрали второй исходъ. Мужика научили сказать, что по полученіи листовъ онъ тотчасъ заявилъ объ этомъ мірскому сходу и представилъ ихъ по началству. Все это устроено было заднимъ числомъ. Такимъ образомъ сплутовавъ, коммиссія представила предъ Элпидина все семейство того крестьянина въ видѣ законныхъ свидѣтелей. Элпидинъ, увидавъ лихорадочное состояніе семейства крестьянина и рассчитывая на кой-какія шансы, казавшіяся благопріятными, утвердилъ всѣ эти вынужденныя показанія. Мужика выпустили, а Элпидина Поступальскій повезъ въ Казань къ Козля-

нинову, на тайное свидание. На этомъ свиданіи Козляниновъ сказалъ Элпидіну, что тотъ положительно у него въ рукахъ, что даже у него въ карманѣ и конфирмація, и что все зависитъ отъ сообщенія важныхъ фактовъ. Элпидинъ конечно не повѣрилъ этому, но желалъ выхлопотать кой-какія льготы, сообщивъ ему нѣсколько лицъ, якобы злонамѣренныхъ. Козляниновъ, на голословное указаніе безъ фактовъ замѣтилъ, что это ни къ чему не поведетъ. Видя не удовлетворенность губернатора, Элпидинъ сказалъ, что знаетъ господина имѣющаго у себя типографскій станокъ съ злонамѣренною цѣлью, и вербующаго у себя кружекъ. Козляниновъ просилъ при этомъ. “Что дадите за такое открытіе? спрашиваетъ Элпидинъ. Дозвольте по крайней мѣрѣ читать книги и имѣть обѣдъ мясной съ молокомъ?” Козляниновъ далъ слово исполнить эти скромныя желанія.—Этотъ человекъ, продолжаетъ Элпидинъ, выгнанный изъ службы за воровство и грубое обращеніе съ подчиненными—поручикъ *Пушкаревъ*. Козляниновъ отъ досады разсмѣялся.—“Экое важное открытіе! я вамъ скажу болѣе, Пушкаревъ подлецъ и пьяница. Онъ и нашимъ и вашимъ. Онъ отъ III отдѣленія получаетъ содержаніе, да и съ вашихъ подлецовъ беретъ деньги. Онъ получилъ станокъ въ III отдѣленіи, съ тѣмъ чтобы вашего брата ловить”. Козляниновъ оставшись недовольнымъ этимъ открытіемъ, приступилъ допытываться, откуда самъ Элпидинъ получилъ воззванія. Тотъ описалъ паспортныя примѣты воображаемаго человека. Поступальскій вынувъ изъ портфеля болѣе дюжины карточекъ, предложилъ разглядѣть и узнать въ этой комерціи своего незнакомца. Элпидинъ не узналъ, тѣмъ дѣло и кончилось. Его увезли обратно въ Лаишевъ доканчивать слѣдствіе, и по окончаніи слѣдственныхъ разнюливаній всѣ четверо, Пеньковский, Элпидинъ, и двое Булгаковыхъ были увезены въ Казань.

Казань сдѣлалась центральной тюрьмой по всему поволжью. Въ ней не было властей выше высочайшей комиссіи по политическимъ дѣламъ и *Тимашева*. Составъ комиссіи былъ слѣдующій: главный инспекторъ дѣйств. тайный совѣтъ *Ждановъ*, со звѣздой, но безъ зубовъ; *Аппенскій*, низкаго росту сѣдой, съ наглымъ выраженіемъ лица; казачій полковникъ *Слуцкій*, ярый славянофилъ, постоянно раздушенный и прикидывающійся сочувствующимъ къ арестантамъ; статскій совѣтникъ *Превлоцкій* безъ хитрости, но готовый всякаго обругать; *Афанасенко*, чинов. отъ минист. юстиціи, пузатенькой и дряблый—и жандармскій полковникъ *Ларионовъ*, похожій скорѣе на простяка фельдфебеля, чѣмъ на полковника. Члены комиссіи позаботились прежде всего наймомъ роскошной квартиры для допрашиванія. Всѣ тюрьмы въ Казани были арестантами переполнены; военный замокъ, называемый гауптвахтой, гражд. тюремный замокъ, полиція всѣ пять частей, и этого не хватило, для размѣщенія политическихъ арестантовъ, взяли цѣлое отдѣленіе за городомъ въ военномъ госпиталѣ. Тюрьмы окружили самымъ непроницаемымъ, не только нравственнымъ, но и физическимъ мракомъ. Печи, какъ самые удобные вентиляторы были задѣланы кирпичами. Рамы были заколочены, исключая небольшихъ фортоковъ величиной въ обыкновенное оконное стекло. Кромѣ того, были приколочены къ внѣшней сторонѣ рамы, камы-то крашенныя масляной краской полотна, не пропускавшія не только свѣту но и воздуху, эти дикіе занавѣсы, комиссія называла маркизами; арестантовъ не пускали въ ретирады,

а каждый имѣлъ въ своей камерѣ деревянную не закрытую посуду, отъ этого воздухъ былъ невыразимо убійственный; курить было не позволено. Комнаты мылись въ полгода разъ, ни бань, ни ваннъ не было. Гулять по двору не пускали до тѣхъ поръ, пока не заболѣло нѣсколько человекъ. Часовъ въ 11, явился одинъ изъ членовъ въ камору арестанта съ выспрашиваніемъ не нуждается-ли тотъ въ чемъ? Я желаю написать къ отцу или матери письмо, говорить арестантъ.—Коммиссія не можетъ разрѣшить вамъ этого.—Еще въ чемъ вы нуждаетесь?—Я третій мѣсяцъ не мылся въ банѣ.—Коммиссія не можетъ разрѣшить вамъ этого, у нея нѣтъ въ распоряженіи глухихъ каретъ, въ которыхъ бы можно было возить въ тюремную баню. Еще въ чемъ вы нуждаетесь?—Мнѣ душно и темно здѣсь, снимите пожалуйста свои намордники.—Коммиссія не можетъ сдѣлать этого. Еще не нуждаетесь-ли и т. д.—Хоть бы выпускали на 10 или 15 минутъ въ сутки на дворъ подышать чистымъ воздухомъ.—Коммиссія не можетъ и т. д.—Дайте мнѣ книгъ для чтенія?—Какихъ? спрашиваетъ членъ, будто бы желая дать.—Какихъ нибудь, вѣдь тоска беретъ.—Пеньзя... Еще и т. д. Дайте мнѣ хотя мои книги, тамъ ничего нѣтъ непозволительнаго? Отвѣтъ такой же. Последняя моя просьба, купите мнѣ аспидную доску.—Коммиссія не можетъ и т. д. На другой день является другой членъ и продолжаетъ спрашивать въ чемъ арестантъ нуждается. Тотъ проситъ въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера. На третій день, третій членъ приходитъ и такъ далѣе, пока не обойдетъ весь составъ комиссіи. Потомъ начинается снова. Подъ конецъ же такихъ участій, начинаетъ членъ совѣтовать не упорствовать, а сознаваться откровенно, для того чтобы попасть къ концу списка, а не къ началу.

Начались допросы съ Иванникова. Онъ отвѣчалъ сначала также, какъ и въ III отдѣленіи, неспасеніемъ никакихъ проектовъ возстанія. Мрочекъ же поступилъ совершенно на оборотъ. Онъ старался о большемъ числѣ арестовъ. Въ этихъ показаніяхъ попалъ фамиліи Стапкевича и Черняка. Стапкевичъ, узнавъ объ казанскихъ арестахъ уѣхалъ изъ Казани, чтобы перебраться за границу. Про Черняка прошелъ слухъ, что онъ убитъ. По его показанію арестовали поручика *Михайлова* и учителя Нижегородской гимназіи *Капиченку*. Михайловъ, по излишнему простодушію сказалъ комиссіи на уликѣ Мрочека, что тотъ дѣйствительно былъ у него, и говорилъ о возстаніи, но что Михайловъ, все это принялъ за шутку, съ чѣмъ и уѣхалъ отъ него Мрочекъ. Коммиссія внушительно кричала на Михайлова, что онъ какъ честный офицеръ, долженъ былъ по обязанно и донести объ этомъ. Тотъ въ свою очередь объяснялъ, что доносить онъ не былъ обязанъ служба ротнымъ командиромъ въ дѣйствующихъ войскахъ, что у правительства, есть на это специалисты, все III отд. съ многочисленными эчисарами; обязанность же моя добавить онъ—сабля. Капиченко на отрѣзъ отказался, отъ свиданія съ Мрочекомъ въ квартирѣ Михайлова. Это очень просто, Капиченко плохо видитъ. Въ комиссіи говорили Капиченкъ, что онъ какъ юристъ, знаетъ очень хорошо, чему подвергается себя заpirationствомъ. “По этому-то, отвѣчаетъ Капиченко, я и показываю такъ какъ нужно, потому что я очень хорошо знаю законы”. Иванникій не долго выдержалъ молчаніе. Коммиссія свела его на очную ставку съ Мрочекомъ, чтобы его уличить. Но какъ всѣ улики были отвергнуты и комиссія замѣтивъ въ немъ экзальтированное состояніе, стала ос-

коробить его двусмысленными намеками въ трусости. Иваницкій не вытерпѣлъ, съ запальчивостью сказалъ имъ: “да да! все что на меня сказано, справедливо; если хотите я подпишу; смерти же я не боюсь, давите меня, только пожалуйста поскорѣе, не мучьте”. Коммиссиі только этого и нужно было. Она подсунула тотчасъ бумаги, онъ всѣ показанія Мрочека и подписалъ. Послѣ же Иваницкій обдумалъ свою ошибку и хотѣлъ перечѣнить показанія, но какъ коммиссиі это было не выгодно, ей было нужно сочинить вооруженное возстаніе со взрывомъ пороховыхъ погребовъ и падаеніемъ на сонныхъ солдатъ: то она и не допустила никакой перемѣны въ своихъ показаніяхъ Иваницкому.

Этотъ коммиссиі дознаніе свои съ Иваницкимъ, Мрочекомъ и казанскими студентами гончила, рѣшивъ что все говоренное въ товарищескихъ встрѣчахъ и подтвержденное вынужденіями, и есть заговоръ съ цѣлью возстанія.

По бумагамъ у коммиссиі все законно—даже всѣ дали подписки, что не было пристрастныхъ допросовъ. И чтобы могло выйти, еси бы кто отказался дать такую подписку? (Иваницкій съ Кипевичемъ протестовали въ военномъ судѣ противъ дознанія коммиссиі).

Осенью 1863 года былъ привезенъ въ Казань французскій подданный *Кипевичъ*, служившій въ Россіи инженеромъ на желѣзной дорогѣ и какъ Кипевича звали *Жеромъ*, то коммиссиі приняла его за того самаго *Иеронима*, который петербургскимъ студентамъ, Новицкому и другимъ давалъ манифесты. На очныхъ ставкахъ Новицкій и другіе Кипевича не признали, показавъ, что дававшій манифесты французъ былъ съ густыми волосами, а этотъ плѣшивый. Равнымъ образомъ и Кипевичъ сказалъ, что никакого Новицкаго и другихъ онъ никогда не зналъ, поэтому и не могъ давать и порученій. Коммиссиі узнавъ, что Кипевичъ имѣлъ въ Москвѣ квартиру и жену, отправилъ Анненкова, чтобы онъ сдѣлалъ въ квартирѣ ея обыскъ. Объ обыскѣ Анненскій самъ рассказываетъ слѣдующимъ образомъ: “Стучусь въ дверь—тамъ спрашиваютъ на французскомъ языкѣ. какого чорта нужно такъ поздно? Я объяснилъ обязанность свою передъ закономъ и лишь только отворилась дверь, въ меня что-то полетѣло съ шумомъ. Оказалось что французенка швырнула въ меня своей юпкой, но такъ удачно, что когда я сталъ вылезать изъ подъ нея, весь очутился въ юпкѣ”. У жены Кипевича злонамѣреннаго ничего не отыскалось, у коммиссиі юридическихъ уликъ никакихъ не было.

Допрашивать коммиссиі гончила, потому что преступленія каждаго обрисовались очень отчетливо.

Иваницкій говорилъ въ кружкѣ знакомыхъ, что желалъ бы возстанія.

Мрочекъ желалъ возстанія и говорилъ объ этомъ Михайлову Французъ Кипевичъ преступенъ въ томъ, что имя ему Иеронимъ.

Станкевичъ говоритъ о возстаніи и бѣжалъ изъ Казани.

Поликовский, въ квартирѣ его Иваницкимъ и другими говорилось о возстаніи.

Миттерманъ слышалъ разговоръ о возстаніи и впоследствии разъяснилъ объ этомъ коммиссиі.

Лаврскій и Щербаковъ разговаривали объ возможности возстанія.

Алѣевъ былъ въ то время какъ говорилось о возстаніи (его квартира была тутъ же).

Бирюковъ разговаривалъ съ лицами говорившими о возстаніи и разсуждалъ съ попомъ о религіи.

Сергѣевъ, въ квартирѣ его говорилось о возстаніи, и какъ хозяинъ дома, самъ не могъ молчать, по праву гостеприимства.

П. Орловъ жжегъ манифесты, развозилъ воззванія и говорилъ о возстаніи.

П. Орловъ и Дерповъ, одинъ экземпляръ воззванія отдали въ деревнѣ.

П. Красноперовъ разговаривалъ съ Иваницкимъ о возстаніи и писать письмо объ “апостолѣ”.

Е. Красноперовъ получалъ отъ П. О. экзем. воззванія и читалъ своимъ товарищамъ какъ курьезъ.

Новицкій распространялъ манифесты, чтобы получить смерть. Онъ имѣлъ безпadeжную любовь.

Маевскій и Госцевичъ раздавали манифесты.

Олехновецъ не распространялъ, но имѣлъ манифесты зашитые въ нагрудникѣ, о которыхъ онъ не зналъ.

Михайловъ, выслушавъ предложеніе Мрочека на возстаніе, отвѣтилъ ему, что тотъ говорить смѣшныя вещи.

Капиченко виноватъ въ томъ, что не видалъ Мрочека у Михайлова и не говорилъ о возстаніи.

Элпидинъ былъ въ Безднѣ послѣ безпорядковъ въ 1861 г. и раздавалъ воззванія въ 1863 году.

Ев. Пеньковский преступенъ въ томъ, что квартировалъ вмѣстѣ съ Элпидинымъ.

П. Пеньковский имѣлъ брошюру рукописную революціоннаго содержания—брошюра его почерка.

С. Булгаковъ раздавалъ воззванія.

В. Булгаковъ показывалъ своему пріятелю въ гостинницѣ одинъ экземпляръ воззванія.

Красовскій получилъ письмо отъ П. Красноперова.

Смоленскій имѣлъ у себя брошюру.

Здѣсь изъ арестованныхъ не всѣ перечислены, такъ какъ много арестовано было на короткіе сроки по письмамъ, въ которыхъ были фразы не правившіяся отеческому надзору. Такъ напр.: *Калиновскій*, сосланный въ Астрахань, писалъ своимъ знакомымъ въ Питеръ, что онъ, хотя и сосланъ, но все таки дѣлаетъ свое дѣло. За это былъ арестованъ, судимъ безъ суда въ Казани и отправленъ въ Тобольскую губернію. Другой писалъ еще въ 1862 году письмо, гдѣ выражалъ сочувствіе къ “Молодой Россіи” и былъ арестованъ въ 1863 году Іюля мѣсяца.

Всѣ эти свѣдѣнія коммиссиі еще приобрѣла до Октября 1863 года, а прожила въ Казани до Января 1864. Что же она дѣлала? спросить не имѣющие понятія объ инъвизиціонныхъ слѣдствіяхъ. По вечерамъ ходила поиграть въ карты и въ то же время утѣшать публику, что коммиссиі существуетъ въ ихъ городѣ, не съ цѣлью вѣшать гражданъ, а избавить ихъ отъ революціонной извы. По днямъ же ходили по тюрьмамъ и своимъ участіемъ каждому арестанту отравляли существованіе. Вотъ нѣсколько образцовъ изъ гуманнаго обращенія съ арестованными. Слудскій является въ камору съ распротертыми объятіями. — Здравствуйте, какъ поживаете? — Видите, еще не сгнилъ, отвѣчаетъ арестантъ. — Ахъ вы право какой, начинаетъ юлить Слудскій. Развѣ мы не понимаемъ, что вамъ не легко, вы думаете что мы противъ васъ, совсѣмъ нѣтъ! Повѣрите-ли, со слезами продолжаетъ онъ, я горячо сочувствую вашимъ убѣжденіямъ. А съ кѣмъ вы, ослѣбась и понизивъ голосъ, переписывались? — Тольковалъ вамъ, что ни

съ кѣмъ, отвѣчаетъ арестантъ.—Вотъ вы все намъ не довѣряете, пошумѣвшимъ тономъ оканчиваетъ Слуцкій. Или: Что вы все лежите! привѣтствуетъ Ждановъ.—Да что же дѣлать, коли не даете книгъ, говоритъ арестантъ.—А чего бы вы желали читать, я пожалуй похлопочу.—Дайте пожалуйста за нынѣшній годъ № *Современника*.—Что тамъ хорошаго теперь, шамшитъ Ждановъ, Михайловъ въ каторгѣ, Чернышевскаго мы упрятали.—Вы проситъ бумажки? спрашиваетъ Анненскій.—Да, мнѣ нужно написать письмо къ брату, говоритъ арестантъ.—Ахъ да, скажите пожалуйста, продолжаетъ Анненскій, будто вспомнивъ, я забылъ, вы познакомились съ Иванецкимъ до Пасхи или на Пасхѣ?—Сто разъ говорилъ вамъ, что я съ нимъ не знакомъ.—Ахъ я и забыть, это не вы, бормоча уходилъ Анненскій Или Афанасенко “я къ вамъ пришелъ съ покорнѣйшей просьбой г. Н.”—Не думаю, чтобы у члена комиссiи была просьба къ арестанту.—Серьезно есть просьба, дребезжитъ Афанасенко. Я васъ прошу не пѣть и не свистать, мнѣ васъ жалъ, я былъ самъ тоже казанскій студентъ, и уважаю студентовъ, поэтому я не желаю чтобы вы довели себя до вынужденныхъ мѣръ.—Не колотиться же прикажете головой объ стѣну, если тоска беретъ безъ дѣла. А что будетъ, говоритъ арестантъ, если буду пѣть и свистать? Вѣдь не пѣть тогда можно запретить, когда горло сдавите.—Что же дѣлать! разводя руками, вздыхаетъ Афанасенко, у насъ есть всѣ средства заставить молчать Превлоцкiй не любитъ любезничать. “Долго-ли вы будете упорствовать? говорилъ онъ,” переступая порогъ тюрьмы.—Я уже все сказалъ, что зналъ, отвѣчаютъ ему.—Помилуйте! распространять воззванiя и не знать отъ кого получали!—Я говорилъ, что въ лицо узналъ бы, еслибы увидѣлъ его, отвѣчаетъ арестантъ.—Чортъ знаетъ что такое! бѣсится Превлоцкiй. Вѣдь наконецъ вы не мальчишка, а взрослый и развитой человѣкъ, получаете пакети отъ лица, не спросивъ кто онъ?—Я поэтому и не спросилъ, что я взрослый человѣкъ. Бормоча со злобью убѣгаетъ Превлоцкiй.

Коммиссiя вообще обращалась одинаково съ арестантами; но въ мелочахъ была разниа. Съ однимъ обходились мягко съ другимъ погрѣбѣ, вѣроятно сообразуясь съ физиономiей и платьемъ. Такъ напр. одному изъ арестантовъ достали ваксы для чистки сапогъ; другому предлагали при допросѣ стаканъ кофе.

Смотрители и ихъ помощники при тюрьмахъ были плохо выбраны комиссiей*. Деньгами распоряжались они, а арестованные только росписывались по книгѣ въ полученiи предметовъ. Вещь стоящая 15 коп. оцѣнивалась смотрителемъ въ 45 и т. д. Терпяще такой грабежъ пробовали было жаловаться членамъ комиссiи, но тѣ преспокойно отвѣчали: “Что же дѣлать? мы очень хорошо знаемъ, что всѣ подлецы и мерзавцы, но что же мы можемъ съ ними дѣлать?”† Это значить въ подстрочномъ переводѣ: Смотрители подлецы и мерзавцы, это правда, но вѣдь намъ-то такихъ и нужно. Мы ими держимся. Если ихъ не будетъ, то мы пропадемъ. Для того, чтобъ смотрители и ихъ окружающiе стерегли арестантовъ по собачьи, комиссiя общала имъ награды, кому кресты, кому деньги, словомъ кто чего пожелаетъ—и всѣхъ обманула.

* Смотрителемъ былъ частный приставъ Триплицы. Онъ бывши въ Вяткѣ тоже частнымъ приставомъ, имѣлъ организованную шайку мошенниковъ, такъ что каждый обкраденный жгелъ получалъ изъ рукъ самаго Триплицына уряд. вещи за хорошие проценты. Сомнѣвающiеся пусть спросятъ вятичей.

† Это было въ Декабрѣ, тогда разрешено уже было выходить на дворъ на 1 ч.

Еще въ Сентябрѣ 1863 г. было по секрету сказано однимъ официальнымъ лицомъ, что наслѣдникъ скоро женится и будетъ амнистiя. Оптимисты начали рисовать розовыя картины—свободу и чистый воздухъ, квартиру безъ стражи, и честную работу. Не успѣли дорисовать розовыхъ картинъ, какъ чрезъ шели тюремныя пробился новый слухъ, что въ комиссiи есть списокъ арестантовъ раздѣленныхъ на 4 категории: 1-я судится полемымъ судомъ; 2-я военно уголовнымъ; 3-я уголовно-гражданскимъ и 4-я административнымъ или полицейскимъ порядкомъ. Этому слуху большинство арестованныхъ не вѣрило, потому что въ то самое время комиссiя не всѣмъ дала очные своды. Но какъ послѣдствие показало, это было справедливо. Коммиссiя назначивъ кого и куда спрятать, еще до конца слѣдствiя, старалась успокоивать заключенныхъ, говоря по секрету, что “вамъ больше ссылки ничего не будетъ”, или “васъ выпустятъ на свѣжiй воздухъ”. Все это конечно дѣлалось съ тою цѣлью, чтобъ осужденные не старались измѣнить показанiя по своему.

Наконецъ комиссiя нѣкоторыхъ выпустила изъ тюремъ, какъ то: братьевъ Пеньковскихъ и Красовскаго на поруки родственникамъ. Когда одинъ изъ Пеньковскихъ спрашивалъ скоро-ли выпустятъ на поруки, Ждановъ отвѣтилъ: О! это нельзя вдругъ, мы васъ сперва переведемъ въ полицiю, потомъ изъ части, такъ чтобы исподволь добраться до свободы. Такъ и поступили.

Въ концѣ Декабря 1863 года комиссiя позаботилась снять съ своихъ плѣнниковъ фотографическiя карточки “на память”, говорилъ Слуцкiй. По поводу этихъ карточекъ Ждановъ хвалился, что “мы слава богу обзавелись вѣрными людьми, теперь наша полицiя не уступитъ наполеоновской, у насъ и въ вагонахъ по желѣзной дорогѣ, и за границей есть свои люди. Вотъ Чернышевскiй, хотя умный каналья и язвительно смѣется, а запрятали. Мы вотъ тоже окружили глазами и ушами Антоновича съ Елисѣевымъ, не уверятся”. Это подлинныя слова Жданова. Слуцкiй при отъѣздѣ изъ Казани заходилъ къ нѣкоторымъ арестантамъ цѣловаться, приговаривая вкрадчивымъ голосомъ: “Я васъ жалѣю, вы намъ не довѣряете, желаю скорой свободы” и т. д. Коммиссiя передала дѣло Тимашеву и уѣхала. По отъѣздѣ комиссiи легче стало дышать арестантамъ. Они избавились отъ сердечнаго участiя, перестали слышать шептанiя за дверьми, подсматриванiя въ дверныя скважины. Чрезъ недѣлю послѣ отъѣзда комиссiи, полк. Ларионовъ объявилъ Михайлову, что его недѣлю чрезъ три отправятъ обратно въ свой полкъ и тѣмъ дѣло кончится. Михайловъ вѣрилъ этому. Копиченку отправили въ ссылку въ Орловъ Вятской губ. на два года, а В. Булгакова выпустили на поруки.

Вскорѣ послѣ этого привезли въ Казань Спанкевича. Онъ случайно былъ взятъ на границѣ Польши въ Пинскѣ, какъ подозрительный человѣкъ. Онъ назвался тамошнимъ мѣшаниномъ, но какъ такого не оказало, то его посадили въ тюрьму. Просидѣвъ болѣе полугода и не имѣя никакихъ свѣдѣнiй объ казанскомъ дѣлѣ, онъ объявилъ свою фамилию. Его тотчасъ привезли въ Казань.

Тимашевъ комплектовалъ военный судъ, начались снова допросы, но допросы болѣе для формы. Узнавать было нечего, потому что высочайшая комиссiя все подготовила, даже раздѣлила арестованныхъ на категории, опредѣливъ кого убить, кого въ каторгу. Изъ военного суда только одинъ случай

обращаетъ на себя вниманіе. Масевскій показалъ въ судѣ, что французъ отдавши ему манифесты съ револьверомъ, совѣтовалъ обращаться съ оружіемъ осторожниче, такъ какъ самъ на себѣ испыталъ ошибку и показалъ Маевскому, *большой шрамъ на руку*, отъ печальнаго выстрѣла. Военный судъ тотчасъ назначилъ медиковъ экспертовъ освидѣтельствовать французъ Киневича. Освидѣтельствовавшее говорило въ пользу его, *ибо тотъ не оказался раненымъ*. Тутъ военный аудиторъ сказалъ Киневичу, что его чрезъ мѣсяць освободятъ и прикажутъ выѣхать за границу. *На основаніи этого Киневичъ написалъ своему консулу письмо, чтобы тотъ протестовалъ за не правильный арестъ. Тимашевъ изорвалъ эту петицію.*

Какъ-то Тимашевъ распорядится съ нами? Задавати себѣ вопросы подзапочные жители. Они думали, что приговоренныхъ къ смерти сошлютъ на 20 лѣтъ въ каторгу; другіе, что по женибѣ царскаго пленна сочинять члостивый манифестъ, или просто дадутъ амнистію на символическое 19 Февраля. Да и какимъ образомъ убивать, послѣ всѣхъ тѣхъ насилій и оскорбленій, которые вынесли арестованные въ побочныхъ и главной коммисіяхъ! Тринадцать съ половиной мѣсяцевъ одиночнаго заключенія, безъ сообщенія съ родными и знакомыми, непременно все это приметъ какъ смягчающія обстоятельства. 14 Декабря 1825 никакъ нельзя сравнивать съ нашимъ дѣломъ. Тогда выходили на площадь и дрались, — и то Николай только пятерыхъ убилъ, а у насъ... у насъ ничего подобнаго не было. Цѣтъ, Александръ II посовѣстится душить за одни разговоры. Такъ разсуждали отуманенные тюремной жизнью жители секретныхъ замковъ.

Ивана Пеньковского опять арестовали, сказываютъ заключеннымъ. Причина вторичнаго ареста была слѣдующая: сенатъ разсматривая дѣло Пеньковского, погребовалъ изъ Казани дѣло Элпидина. Разсмотрѣвъ оба дѣла, онъ нашелъ несправедливымъ отдачу Элпидина и Пеньковского подъ граж. уголовный судъ; по его мнѣнію слѣдовало бы судить военнымъ судомъ. Сенатъ наконецъ въ этомъ выбралъ середину, Элпидина, не отдавая военному суду, приговорилъ Пеньковского на 2 года и 8 мѣсяцевъ къ заключенію въ крѣпости, по этому сенатъ и приказалъ арестовать Пеньковского вторично. Это обстоятельство отразило арестованныхъ. Начали ждать худшаго. Долго никто изъ властей не посѣщалъ тюремъ. Но вдругъ требуютъ французъ къ жандармскому полковнику Ларионову въ канцелярію тюрьмы. Это бы еще не удивило никого, но удивило то, что 10 шаговъ разстоянія и то дворомъ гдѣ все часовые, Киневича конвоировали 5 человекъ съ ружьями. Это думали серьезныя признаки. Ларионовъ привезъ отъ Тимашева Киневичу разрѣшеніе на написание письма къ роднымъ во Францію, *чтобы тѣ скорее выслали денегъ*. Съ тѣхъ поръ никто уже не явился изъ властей въ тюрьму. Нужно здѣсь замѣтить, что Киневичъ цѣлы мѣсяць просилъ разрѣшенія написать письмо, но ему подъ разными предлогами не разрѣшали.

Въ троицкую пятницу въ 7 часовъ утра, тѣсный тюремный переулочекъ весь наполнился солдатами. Комендантъ Чмерзинъ командовалъ шопотомъ "къ погѣ", приказалъ тихонько осмотрѣть курки и кансули. Приведя солдатъ въ порядокъ и поставивъ ихъ въ потукругъ, онъ пошелъ съ смотрителемъ по каморамъ. Олехновецъ, Маевскій, Госцевичъ, Новицкій и П. Орловъ очутились въ потукругѣ. Крутъ сомкнулся и пошелъ мѣрными шагами въ военную комиссію, которая тутъ же въ крѣпости.

Тамъ имъ прочли, что военный судъ ихъ приговорилъ къ смерти чрезъ разстрѣливаніе... прошла пауза... но Тимашевъ замѣняетъ смерть *15 лѣтней каторгой вслѣдъ*, кромѣ Олехновеца, который ссылается на 10 лѣтъ, 5 троекъ съ жандармами уже ждали ихъ. Одѣвъ приговоренныхъ въ сѣрые кафтаны, съ тузами на синихъ а Маевского заковавъ въ кандалы, отправили ихъ въ дорогу, окруживъ 5^ю казаками каждую тройку, пока не выѣхали изъ города.

Въ тотъ же день въ 4 часа появились въ тюрьмѣ 8 жандармовъ. Передъ вечеромъ Иваницкаго, Мрочка, Станкевича и Киневича перевели въ другое отдѣленіе, ближайшее къ выходу, отобравъ у нихъ всѣ вещи, кромѣ матрацевъ. На ночь посадили къ каждому изъ нихъ по два жандарма. Ночь была тихая и ясная Тимашевъ, наслаждался музыкой. У него до разсвѣта играть оркестръ. Въ эту ночь въ гражданскомъ тюремномъ замкѣ происходили иного рода хлопоты. Тамъ смотритель замка, обходя всѣ каморы, спрашивалъ арестанговъ, не желаетъ ли кто въ палачи на 2 часа, награда тому 3 руб. и красная рубаха. *Всѣ отворачивались отъ предложенія*, догадавшись въ чемъ дѣло. Смотрителю послѣ долгихъ поисковъ удалось найти двоихъ между бродягами. Утромъ въ Субботу явился ксендзъ*. Тюрьма была окружена всевозможнымъ истребительнымъ людомъ. Тутъ были и конные казаки, и жандармы, и солдаты, и серебряные и золотые эполеты. Всѣ были въ парадной формѣ, но праздничному. Народъ не велѣно было пускать въ крѣпость, но кажется онъ сверху свалился. Всѣ ждали торжественнаго появленія неизвѣстныхъ публикѣ лицъ. Была гробовая тишина. Постышало по лѣстницамъ тюрьмы стукъ и бряцаніе жандармскихъ сабель... Иваницкій, Мрочекъ, Станкевичъ и французъ Киневичъ явились на плацъ-форму. Брякнули ружья... Это послѣдняя честь отданая офицерству. Нѣсколько бѣлыхъ платковъ замало по воздуху. Иваницкій, Мрочекъ, Станкевичъ и французъ поцаловались другъ съ другомъ и сѣли въ предложенные комендантомъ экипажи, каждый съ двумя жандармами. Трое изъ этихъ сильныхъ натуръ, стоя въ тарантасѣ разговаривали и перекидывались остротами съ провожавшими знакомыми. Киневичъ не могъ насладиться свѣтомъ божіимъ и въ послѣдніе минуты жизни. *Онъ наглухо былъ закуоренъ въ желѣзной темной каретѣ*. Да и какъ показать француза идущаго къ столбу, не уличеннаго ни въ какихъ поступкахъ противъ русскаго правительства?! Вся эта процессія двигалась медленно, достигла наконецъ подлужной слободы, гдѣ на огромной площади высились 4 столба и 4 ямы. Пострѣвъ каре, вели безстрашныхъ чтобы прочесть имъ по приказу царя, волю Тимашева. Выслушавъ приговоръ французъ спросилъ: *За что вы меня убиваете?* потомъ прибавилъ "подлецы". — "Молчать!" раздался тотъ полковника Граля, который тотчасъ же командовалъ горнистамъ играть похоронный маршъ. Иваницкій съ Станкевичемъ смѣясь стали чурать столбы. Палачи стали пригнѣивать руки. Иваницкій во время привизыванія раскланивался съ друзьями. "Крѣпче затягивать!" командовалъ распорядитель царскаго пира, указавъ на француза. Выводъ солдатъ былъ уже готовъ. Граль махнулъ бѣлымъ платкомъ, потомъ фельдфебель краснымъ, послѣдовалъ залпъ... и головы убитыхъ опрокинулись впередъ. Въ толпѣ раздалось рыданіе. Въ это время Тимашевъ у себя во дворѣ дѣлалъ свое дѣло.

* Ксендза выписали изъ Самары, казанскому же боялись доверить предсмертную исповѣдь, потому что онъ былъ знакомъ съ Иваницкимъ.

Опъ мучить пятого челоѣка. За $\frac{1}{4}$ часа до процессіи, Тимашевъ захватилъ въ квартирѣ силой невѣсту Иванцкаго и заперъ ее у себя въ пустой комнатѣ. Являсь къ ней послѣ убійства, опъ сказалъ ей: "Очень радъ, что вы избавились отъ этого подлеца Иванцкаго, дайте мнѣ вашу ручку".—У васъ руки въ крови, едва слышно произнесла дѣвица.

Тимашевъ, истинный художникъ, послѣ кроваго пира, задалъ бачъ, и казанская аристократія плясала и насаждалась музыкой.

На третій день послѣ убійства, поручику Михайлову, на томъ же военномъ дворѣ прочли приговоръ, что онъ ссылается въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, за то что не донесъ на Мрочка.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, ровно чрезъ два года и два мѣсяца Элпидію и Булгакову прочли рѣшеніе сената, что они ссылаются въ каторжную работу, первый за распространение возмутительныхъ воззваній и *другимъ обстоятельствамъ*, второй за одно распространение.

А дѣю остальныхъ въ какомъ положеніи? Оно идетъ своимъ порядкомъ. Прокуроръ, общалъ, что *къ осени будетъ отослано въ сенатъ*.

ВѢРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ,

ОБЫКНОВЕННО НАЗЫВАЕМЫХЪ МОЛОКАНАМИ.

Женева, Вольная Русская Типографія,

40, Rue l'Evêque. 1865.

Недавно у насъ отпечатана и поступила въ продажу эта небольшая книжка. Мы не знаемъ кто намъ прислалъ рукопись — но знаемъ одно, что она писана языкомъ челоѣка искренио вѣрующаго въ свою вѣру. Для насъ эта вѣра дѣло чуждое; мы напечатали рукопись, потому что для насъ дорога *свобода совѣсти* — и дать средство людямъ высказать свое убѣжденіе, которое имъ высказывать правительственно-полицейски запрещено, мы сочли святой обязанностью.

Сверхъ того секта, о которой у насъ наименѣе писано, это секта Молокановъ, и потому это изданіе, какъ самое ясное изложеніе ея убѣжденій, должно имѣть глубокий литературный и общественный интересъ.

Со времени книжки *Новицкаго о Духоборцахъ** у насъ ничего не появлялось опредѣленнаго, близко касающагося Молокановъ. Но и книжка Новицкаго, не смотря на всѣ уступки сдѣланныя имъ правительству и казенной религіи, не удержалась, потому что правительство вскорѣ постаралось ее припрятать, хотя она и была издана "съ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ". Я еще живо помню появленіе книжки Новицкаго и ея вліяніе. Надеждинъ принималъ въ ней живое участіе. Тогда на него смотрѣли, какъ на представителя свободной мысли и его слово сильно дѣйствовало на молодые умы. Послѣ, сосланный въ Вологду за Чаадаевскую статью, напечатанную въ *Телескопѣ*, челоѣкъ съ характеромъ довольно слабымъ, онъ какъ то стерся и сибѣ. Жаль! Не могу, мимоходомъ, не помянуть его добрымъ словомъ, какъ челоѣка замѣчательнаго ума и который первый далъ ходъ Бѣлинскому.

Но вопросъ вотъ въ чемъ: почему же книжка Новицкаго произвела такое большое впечатлѣніе? Самъ Надеждинъ не могъ бы придать ей инаго интереса, кромѣ книжнаго,

* О Духоборцахъ, соч. студента кiev. дух. Академіи Ореста Новицкаго 1832. Киевъ. Въ типографіи Академической при Киевопечерской Лаврѣ.

библіографическаго, еслибъ ея содержаніе не имѣло въ себѣ чего нибудь особеннаго въ умственномъ значеніи. А ея вліяніе произошло очень просто отъ того, что убѣжденія сектъ, о которыхъ писалъ Новицкій, т. е. духоборческой и молоканской, представляютъ, изъ всѣхъ религіозныхъ сектъ, наиболѣе разумное понятіе — конечно, идеалистическое и мистическое — но не столько грубо суевѣрное и не столько казенное, какъ ученіе римско и греко-православное, и даже западные протестантизмы, которые, кромѣ суевѣрія, имѣютъ за себя правительственныя поддержки, гдѣ вѣра является полицескимъ установленіемъ.

Ученіе Молокановъ, хотя и занесено въ Россію иностранцемъ, во время Іоанна грознаго*, тѣмъ не менѣе являясь не между учеными нѣмцами, а между простыми русскими мужиками, съ отрицаніемъ не только поповъ, но даже всего, что составляетъ собственно не вѣру, а суевѣріе — обрядовъ, иконопоклонства и т. п. — это ученіе не могло не удивить и не увлечь русскихъ читателей. Не то чтобы люди захотѣли тотчасъ броситься въ такую секту, но они внезапно услышали, что у насъ въ простомъ народѣ есть вѣра, отрицающая все вышнее въ вѣрѣ, все суевѣрное. Иныхъ, а тогда въ особенности преданныхъ ученію Шеллинга, близко граничившему къ мистицизму, это сектаторство увлекло какъ родъ правды; другихъ оно поразило новостью и дерзостью своего появленія въ печати. Во всякомъ случаѣ вліяніе книжки Новицкаго въ то время было замѣчательно.

Изданная нами теперь книжка представляетъ не меньше интереса и все по тѣмъ же причинамъ. Вѣроисповѣданіе Молокановъ и теперь не меньше ново, чѣмъ было въ 1832 г. Прежнія свѣденія, появлявшіяся о нихъ въ печати, больше или меньше забыты и ни одна изъ прежнихъ статей или брошюръ не даетъ такого яснаго и опредѣленнаго изложенія ихъ ученія, какъ книжка теперь изданная. Уже по этому она не можетъ не обратить на себя вниманія людей, занимающихся исторіей и общественнымъ положеніемъ русскаго народа. Сверхъ того содержаніе самаго ученія все также есть протестъ противъ всего вышняго и казеннаго въ религіи и противъ насилія въ дѣлѣ совѣсти и убѣжденія; а потому не можетъ не возбудить участія въ читателяхъ всѣхъ сословій.

Мы не станемъ входить ни въ какіе теоретическіе и религіозные споры съ авторомъ этой книжки. Мы слишкомъ далеки отъ всякаго мистицизма, чтобы сойтись даже и съ однимъ изъ трезвыхъ религіозныхъ ученій; но мы не можемъ не обратить вниманія читателей на нѣкоторыя мѣста нынѣ изданной книжки, и не можемъ не обратить вниманія и читателей и правительства на тотъ простой и очевидный фактъ, что развитіе сектаторства, т. е. полное признаніе права каждаго вѣрить какъ хочетъ, отнюдь не мѣшаетъ ни общественному порядку, ни развитію народнаго богатства, ни развитію народнаго образованія; что если напротивъ что нибудь вызываетъ на нарушеніе общественного порядка, мѣшаетъ развитію народнаго богатства и образованія — такъ это преслѣдованіе сектаторства, отрицаніе права каждаго вѣрить какъ хочетъ, то есть правительственный гнетъ въ пользу какой нибудь особой религіи, всякое казенное насиліе надъ челоѣческой совѣстью.

* Въ предисловіи къ "Вѣроисповѣданію духовныхъ христіанъ" начало ихъ ученія приписывается лекарю, вызванному изъ Англіи ко двору Іоанна грознаго. (Страница IV—V).

Фактъ этотъ, конечно, извѣстенъ и мысль о немъ не нова. Въ томъ то и горе, что все приходится повторять людямъ старыя истины, которыхъ они не хотятъ видѣть, или которыхъ они преслѣдуютъ то по безумію, то по своекорыстію.

Нигдѣ нѣтъ такъ широко признанной свободы совѣсти и такого развитія сектаторства, какъ въ соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки; за то тамъ нѣтъ и никакой казенной религіи. Но за то нигдѣ такъ быстро не развилось народное богатство и нигдѣ такъ быстро не развилось право личной свободы каждаго и такого правосудія. Не можетъ же быть, чтобъ религіозная свобода не имѣла вліянія на это развитіе: и дѣйствительно, общественное развитіе основано на человѣческой самостоятельности, которая одна не только возбуждаетъ, но и поддерживаетъ стремленіе къ усовершенствованію во всѣхъ общественныхъ потребностяхъ; а ничто не даетъ такой прочной основы человѣческой самостоятельности, какъ религіозная свобода. Конечно, въ соединенныхъ штатахъ къ религіозной самостоятельности каждаго, присоединилась еще областная самостоятельность, которая даетъ сознаніе народонаселенію извѣстнаго округа, (или области) что онъ не подчиненъ рабски какому нибудь центральному правительству, а соединенъ съ остальными округами или областями въ одно цѣлое—по своему свободному согласію и имѣетъ свои областныя права, которыхъ общее управленіе надъ всѣми областями—не можетъ да и не хочетъ отнять, потому что конфедеративное управленіе, т. е. управленіе союзныхъ областей, совсѣмъ не имѣетъ въ виду рабскаго подчиненія всѣхъ—одному правительству, а напротивъ того имѣетъ въ виду самостоятельность каждой области, и выражаетъ взаимное соглашеніе всѣхъ областей на всякое дѣло, для всѣхъ областей выстѣ, полезное. Конечно, устройство областного союза, служить великимъ основаніемъ развитія самостоятельности, но тѣмъ не менѣе, оно безъ религіозной свободы было бы невозможно. Религіозное насиліе, подчиненіе народонаселенія какой либо особой вѣрѣ, противъ его воли и совѣсти, необходимо ведетъ къ насилію политическому, не къ свободному соглашенію областей составитъ одно цѣлое, а къ полицейскому единовластію, которое обычно и называется правительствомъ, но также обычно представляетъ не какое либо разумное управленіе общественными дѣлами, а насиліе надъ народомъ въ пользу управляющихъ.

Кажется изъ этого достаточно ясно—какую огромную долю имѣла религіозная свобода въ основаніи самостоятельности населенія американскихъ соединенныхъ штатовъ, а эта самостоятельность населенія была причиною необыкновенной быстроты развитія его богатства и образованія.

Послѣдняя междоусобная война въ соединенныхъ штатахъ—показываетъ намъ только, что было одно нечеловѣческое дѣло, въ которомъ сѣверные штаты не могли согласиться съ южными и дошли до рукопашной. Это дѣло было рабство чернокожихъ людей въ южныхъ штатахъ, рабство, гдѣ учинялось злодѣйство бѣлокожихъ помѣщиковъ надъ черными рабами чуть-ли не больше чѣмъ у нашихъ помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми. Сѣверныя области давно не могли выносить этого положенія въ южныхъ областяхъ, и наконецъ дошло до войны, которая окончилась побѣдой сѣверныхъ областей надъ южными и освобожденіемъ чернокожихъ людей. Теперь опять возобновится общій союзъ сѣверныхъ и южныхъ областей, но только съ совершеннымъ отсутствіемъ какого

бы то ни было рабства. Спорить дальше будетъ не о чемъ—и союзъ областей будетъ прочнѣе чѣмъ когда либо. Это не то что, напр., побѣда русскаго правительства надъ Польшей, послѣ которой Польша все же не станетъ самостоятельной областью, и въ ней не исчезнетъ всяческое религіозное и правительственное насиліе, такъ что нѣтъ никакого повода думать, чтобъ послѣ этой побѣды образовался прочный союзъ Польши съ русскимъ правительствомъ; выйдетъ подчиненіе по безсилію—и только. Вдобавокъ польское возстаніе и русская война противъ него показали, что польскій народъ, подъ правительственнымъ насиліемъ, былъ изнуренъ и не могъ вести возстанія даже противъ такой нестройной силы, кокою оказалось русское войско; а русское войско, противъ такой маленькой силы, кокою располагало польское возстаніе, воевало такъ, что едва сладило. Между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ американскихъ штатахъ мы видимъ, что народное богатство и сила такъ развиты, что въ странѣ, гдѣ войска почти не было, вдругъ, какъ занедалось, составилось войско—почти вдвое сильнѣе нашего, русскаго, и даже болѣе знающее воинское дѣло, не смотря на то что никогда не дѣлало нашихъ шутовскихъ парадовъ и маневровъ.

Изъ всего этого нельзя не заключить, что человѣческая самостоятельность создана въ сѣверныхъ американскихъ штатахъ—силу народную, какой мы нигдѣ не видали; и что—хотя и не одна, но все же одна изъ главныхъ причинъ этой человѣческой самостоятельности—была религіозная свобода, свобода совѣсти, развитіе сектаторства.

Мы надѣемся, что всякій пойметъ, что мы “развитіе сектаторства” противопоставляемъ не положительному, научному пониманію, которое поставило бы общество выше всякаго религіознаго сектаторства, а только государственному казенному вѣроисповѣданію, которое всегда является угнетеніемъ свободы совѣсти и уничтоженіемъ человѣческой самостоятельности.

Русское правительство полагаетъ, что ему, для поддержанія самаго себя, выгодно поддерживать особую религію, казенную и преслѣдовать полицейскимъ образомъ, запрещеніемъ церкви, молель, словомъ гласнаго вѣроисповѣданія, а подъ часъ ссылкой и наказаніемъ—всякое другое христіанское вѣроисповѣданіе (когда оно не французское и не нѣмецкое). Русское правительство не замѣчаетъ, что оно этимъ маневромъ изъ своихъ, изъ такъ называемаго православнаго народа—особыхъ друзей себѣ не создаетъ; а изъ такъ называемыхъ раскольниковъ создаетъ людей, которые не могутъ простить ненужныхъ, глупыхъ и злодѣйскихъ преслѣдованій всего, что въ ихъ жизни для нихъ всего святѣе и дороже. И надо еще замѣтить, что не смотря на правительственныя преслѣдованія, религіозная самостоятельность, такъ сильно развиваетъ человѣческую самостоятельность вообще, что наши такъ называемые раскольники—составляютъ у насъ самыя богатыя общины, самыя богатыхъ, самыхъ въ промышленности дѣятельныхъ людей, и самыхъ грамотныхъ людей въ крестьянствѣ; т. е. это опять таки доказываетъ, что религіозная самостоятельность служитъ однимъ изъ самыхъ прочныхъ основаній всякаго развитія общественнаго трудолюбія и богатства.

Въ чемъ же выгода правительства преслѣдовать самое состоятельное населеніе въ Россіи, т. е. такъ называемыхъ раскольниковъ?

Кромѣ безумной любви къ насилию, которая, въ настоящее время, не смотря на всѣ колебанія нововведеній, проявляется въ усиленныхъ смертныхъ казняхъ,—никакой выгоды не представляетъ правительству въ преслѣдованіи раскольниковъ, и въ не признаніи всякой вѣры за законную, т. е. имѣющую право свободно существовать, свободно заявлять себя въ печати и стоять по всѣмъ гражданскимъ правамъ на равнѣ съ православными и съ нѣмцами.

Религіозныя преслѣдованія не мѣшаютъ раззоренію самаго православнаго народа, который не богатъ, и могутъ привести къ раззоренію раскольниковъ, которые больше богаты; правительство не замѣчаетъ, что эти преслѣдованія въ сущности только поддержка грабющаго чиновничества духовнаго, гражданского и даже военнаго, и собственно правительству приносятъ вредъ, а не пользу, ставя его главою грабющаго чиновничества, а не народа.

Направленіе религіозныхъ преслѣдованій, правительство иногда смягчаетъ, т. е. желаетъ скрыть; рѣшиться же признать каждую вѣру законною—оно не смѣетъ, а потому въ дѣйствительности не можетъ остановить и преслѣдованій надъ расколами. Сегодня по мягче, завтра по жестче, но все же въ эгон неопредѣленности людямъ жизнь нестерпима и правительство религіозными преслѣдованіями, вмѣсто собственной выгоды, только мѣшаетъ благосостоянію почти половины русскаго населенія и возбуждаетъ вражду тамъ, гдѣ все дѣло не должно бы идти дальше печатнаго спора между разными сектами о ихъ убѣжденіяхъ.

Что сектаторы, т. е. раскольники, вовсе не стремятся къ нарушенію общественнаго спокойствія, а ищутъ только свободы совѣсти, это мы докажемъ нынѣ изданною нами книжкою.

Н. Огаревъ.

(Продолженіе впрѣдъ).

С М Ъ С Ъ.

— *Дерущійся по дорогамъ губернаторъ и пѣхотный мужъ.*
— Вотъ что рассказываетъ *День* въ 30 №: “На дняхъ мы получили подробное, документальное описаніе одного случая бывшаго съ мѣсяцъ или меньше тому назадъ въ одной изъ нашихъ губерній. Мы невольно подумали, читая это описаніе — такіе случаи не могутъ, не должны, по крайней мѣрѣ, имѣть мѣсто при дѣйствіи земскихъ учреждений. Дѣло въ томъ, что въ этой губерніи одно официальное лицо катается часто въ имѣніе свое, въ сосѣдней губерніи, и не только само это лицо, но и супруга лица. Для этой надобности выставляются, не смотря на лѣтнюю рабочую пору, обывательскія лошади, и крестьянамъ приходится иногда, при исправленіи сей новой повинности, терять въ ожиданіи по нѣскольку (даже по 12) дней. Особенныя ропотъ возбуждали въ крестьянахъ поѣздки не столько самого официального лица, которому они считаютъ себя обязанными дѣлать какъ намъ пишутъ, “всякое уваженіе”, но его домашнихъ. Волостной старшина одной пограничной волости, побуждаемый настояніями общества и вида, что эти поѣздки совершаются за границу губерніи, слѣдовательно не по дѣламъ службы, какъ-то запоздалъ выставкою лошадей, которые хотя и выставилъ, но не за нѣсколько сутокъ, а чрезъ полчаса по пріѣздѣ официального лица. За это былъ онъ официальнымъ лицомъ собственноручно прибитъ, и когда битый осмѣлился доложить, что по Положенію 19 Февраля волостные старшины избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній, то былъ прибитъ еще больше. Нѣтъ сомнѣнія, что земская управа не допустила бы существованія такой новой земской повинности да и во всякомъ случаѣ подобное обстоятельство было бы тотчасъ оглашено на земскомъ собраніи — что, конечно, послужило бы немалой уздой энергическому самоуправству”.

Неужели и при безцензуріи наша гласность будетъ играть все также въ темную и безимянную? *Пришлите хоть намъ имя супруга губернатора.*

— *Режимъ Кауфмана* — “Кельвская Газета” (№ 273) передаетъ слѣдующій фактъ: Какому-то жителю Варшавы понадобилось пріѣхать по дѣламъ въ Вильно. Едва успѣвъ онъ сказать нѣсколько словъ на улицѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, какі стоявшій вблизи полицейскій пригласилъ его слѣдовать за собою. Чиновникъ съѣзжей потребовалъ съ него 10 руб. сер. Изумленный арестантъ спрашиваетъ “За со?” и получаетъ въ отвѣтъ, что онъ теперь долженъ заплатить 15 руб. “За со?” повторяетъ онъ еще разъ, и платитъ за недогадливость уже 20 рублей. Эта новая система обогащающая казну по 5 руб. за 4 буквы, безъ сомнѣнія обезсмертитъ имя Кауфмана.

— *Quasi Павловская сентенція.* — По извѣстіямъ изъ Москвы, смотры и парады, назначаемые государемъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ. На одномъ изъ такихъ парадовъ, Александръ II замѣчаетъ одного офицера, осмѣливагося явиться не въ указной формѣ. Поручивъ вел. кн. Михаилу освѣдомиться о причинѣ такого преступленія, онъ узнаетъ, что офицеръ по крайнѣй бѣдности имѣлъ только два мундира, изъ которыхъ одинъ совершенно промокъ на парадѣ же, а другой не соответствовалъ новой формѣ. А такъ какъ офицеръ не хотѣлъ не быть на парадѣ, то и явился въ послѣднемъ мундирѣ. На это государь приказалъ посадить офицера (за то что онъ бѣденъ) на 14 дней подъ арестъ и въ тоже время выдать ему (ради его бѣдности) 150 руб. сер. для параднаго мундира, соответствующаго формѣ.

— *Такса за доносы.* — Въ *Dziennik* было опубликовано, что всякій указавшій на кого либо подлежащаго рекрутству и желающаго отъ него отдѣлаться, получаетъ за то 10 руб. сер. къ какому бы сословію ни принадлежалъ, т. е. къ военнымъ или къ штатскимъ. Выплачиваніе этихъ 10 руб. не сопряжено ни съ какими формальностями и дѣлается тотчасъ же въ округѣ, гдѣ случился доносъ. Военные начальники каждаго мѣста должны озаботиться, чтобы гражданскіе чиновники при уплатѣ за доносы не дѣлали затрудненій. Эта публикація сдѣлана по распоряженію главнаго директора внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, либерала *Черкаскаго*. Особенно характеристичны въ моральныя основанія, по которымъ платится за доносы: если теперь число подлежащихъ военной службѣ окажется довольно велико (говорится въ началѣ приказа), то въ слѣдующемъ году понадобится уже гораздо менѣе рекрутовъ.

— *Катковъ заводитъ кулачные бои.* — Издатель *Петербургскихъ Видомостей* получаетъ довольно часто отъ катковщиковъ подслѣстные письма, съ ругательствами и наконецъ съ угрозами. Онъ выписываетъ въ 217 №. окончаніе вновь полученнаго имъ письма: “Не совѣтовалъ бы я вамъ поздно вечеромъ одному ходить, потому что есть люди, которые ничего не побоятся, (за исключеніемъ древнаго свѣта) чтобы васъ вразумить кулаками”. А что въ Россіи дозволено носить life-preserver или нѣтъ? Мы совѣтуемъ издателю *Сиб. Вид.* записать, life-preserver чуть-ли не лучше всякаго револьвера противъ кулачниковъ.

— *Советъ г. Герцу, собственнику концертной залы, г. Герцу эстетикѣ, г. Герцу доктору медицины и всѣмъ нѣмецкимъ Герц-омъ.* Намъ пишутъ, что одинъ харьковскій помѣщикъ *г. Герценвичъ* явился въ Австрію, его схватили по подозрѣнію, что онъ издатель *Колокола*, таскали по всѣмъ мытарствамъ и грозили выдать въ Россію. А потому мы и совѣтуемъ всѣмъ имѣющимъ несчастье въ своей фамилии имѣть слогъ *Герц*, отправляясь въ Германію, прибавлять: nicht zu verwechseln mit dem berüchtigten Flüchtling und Herausgeber des *Golokol's*.

— Кн. Петръ Влад. *Доморукъ* проситъ насъ уведомить его друзей и знакомыхъ, что онъ живетъ въ Женевѣ, à Saint-Jean, campagne Raisin.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 267.

1 НОЯБРЯ 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Трювнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію ...	15с.
— Австрію ...	15с.
— Англію ...	15с.
— Бельгію ...	5с.
— Францію ...	5с.
— Италію ...	3с.
— Неаполь и Сицилію ...	20с.
— Грецію (черезъ Марсель) ...	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель) ...	10с.
— Швецію ...	25с.
— Швейцарію ...	5с.

Paraît à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne ...	15с.
L'Autriche ...	15с.
Angleterre ...	15с.
Belgique ...	5с.
France ...	5с.
Italie ...	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille) ...	20с.
Grèce (voie de Marseille) ...	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille) ...	10с.
Suède ...	25с.
Suisse ...	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: АГЕНТСТВО ВЪ ТУЛЬЧѢ—Отрывокъ изъ V части “Былаго и Думы” (Продолженіе)—Взрощеніе Молокановъ. Смѣсь: Письмо изъ Москвы—Premier Avertissement—Къ характеристикѣ вонючихъ судовъ—Всякій разстрѣливаетъ—Герцогъ Евгений Лейхтенбергскій—Купецъ Сомовъ и пр.

АГЕНТСТВО ВЪ ТУЛЬЧѢ.

То, въ чемъ мы не сомнѣвались ни одной минуты, то подтвердилось письмомъ *В. И. Кельсиева*. Само собою разумѣется, что В. Кельсievъ столько же былъ удивленъ, какъ и мы сами, прочитавъ клевету русскихъ шпионовъ, о не знающаго участіи его въ поджигательствахъ. Когда подлая клевета эта дошла до него, несчастный Кельсievъ давно оставившій Тульчу, хоронилъ двухъ дѣтей своихъ.

Какіе мерзавцы всѣ эти царскіе лазутчики, агенты Ш-го отдѣленія и арендаторы полицейскихъ листовъ*.

ИЗЪ V ЧАСТИ БЫЛАГО И ДУМЫ.

(Продолженіе)

ГЛАВА IV.

ПОЛЬСКІЕ ВЫХОДЫ

Алоизій Бернацкій—Станиславъ Ворцель—Августа 1854—56—Смерть Ворцеля.

Nuovi tormenti e nuovi tormentati!

INFERNO.

Во время смерти Бернацкаго я былъ уже въ Лондонѣ. Тамъ вскорѣ послѣ моего приѣзда сблизился я съ человѣкомъ,

* Что “Моск. вѣд.” подхватило съ полицейскимъ восторгомъ клевету, насъ это не удивило. Но что сказать о слѣдующихъ строкахъ Аксаковскаго “Дня”? Передаемъ ихъ безъ малѣйшихъ комментариев: “Послѣ статьи, напечатанной въ “Русскомъ Инвалидѣ” отъ 6 Августа и составленной изъ официальныхъ источниковъ, было бы совершенно бесполезно звать въ изслѣдованіе главной причины если не всѣхъ пожаровъ, то того излишка пожаровъ, которыми подарилъ насъ этотъ годъ. Намъ очень страшными кажутся цѣны на некоторыхъ Петербургскихъ органовъ высвободить Поляковъ отъ всякой ответственности за поджоги въ Россіи! Нужно имѣть много упрямой неослѣдовательности въ головѣ, чтобы отрицать возможность поджигательства со стороны Поляковъ—какъ логическій выводъ изъ ихъ революціоннаго ученія. Назови поджогъ “политическимъ” и совѣсть спокойна!! Развѣ не пыталась революціонная догматика, даже подъ перомъ русскаго эмигранта, оправдать поступокъ Оренина, сгложившій жизни сотни (отца не тысячи?) людей, оправдать на томъ основаніи, что это—десять убійство политическое! Мы же прямо объявляемъ, что человѣкъ измыслившій фальшивые манифесты, или прокламацію, въ которой предлагается произвести всеобщую рѣзню на улицахъ, или оправдывающаго принципъ терроризма, считаемъ вполне способнымъ и на поджогъ. Если же онъ оказывается не способъ, такъ значитъ—онъ непослѣдователенъ, онъ или лгалъ въ своихъ прокламаціяхъ, или онъ дрянной характеромъ и не хватилъ у него духу быть вѣрнымъ своему мерзкому принципу” (День N. 28).

— И это говоритъ человѣкъ, такъ коротко знавшій насъ и говоритъ послѣ того какъ въ напечатанномъ отвѣтѣ Касьянову, было сказано о томъ, что мы не участвовали ни въ какихъ прокламаціяхъ и ни въ какихъ манифестахъ. Нѣтъ г. Аксаковъ, вы тоже Катковъ.

Годъ IX.

котораго память мнѣ дорога и котораго гробъ я помогъ снести на Гайгетское кладбище—я говорю о Ворцелѣ. Изъ всѣхъ поляковъ, съ которыми я сблизился тогда, онъ былъ наиболѣе симпатичный и можетъ наименѣе исключительный въ своей нелюбви къ намъ. Онъ не то чтобы любилъ русскихъ, но онъ понималъ вещи гуманно, и потому далеко былъ отъ гудовыхъ проклятій и ограниченной ненависти. Съ нимъ, съ первымъ говорилъ я объ устройствѣ русской типографіи. “Выслушавъ меня, больной встрѣпнулся, схватилъ бумагу и карандашъ, началъ дѣлать расчеты, вычислить сколько нужно буквъ и пр. Онъ сдѣлалъ главные заказы, онъ познакомилъ меня съ Чернецкимъ, съ которымъ мы столько работали потомъ.—Боже мой, боже мой, говорилъ онъ, держа въ рукѣ первый корректурный листъ, Вольная Русская Типографія въ Лондонѣ... сколько дурныхъ воспоминаній стираетъ съ моей души этотъ клочекъ бумаги замаранный голландской сажой!”*

— Намъ надобно идти вмѣстѣ, повторялъ онъ часто потомъ, намъ одна дорога и одно дѣло... и онъ клалъ исхудалую руку свою на мое плечо.

На польской годовщинѣ 29 Ноября 1853 года я сказалъ рѣчь въ Ганверъ-Румѣ, Ворцель председательствовалъ, когда я кончилъ. Ворцель при громѣ рукоплесканій, обнялъ меня и со слезами на глазахъ поцаловалъ. “Ворцель и вы, замѣтилъ мнѣ выходя одинъ итальянецъ (графъ Нани), вы меня поразили давеча на платформѣ, мнѣ казало, что этотъ увядающій, благородный, покрытый сѣдинами старецъ, обнимающій вашу здоровую плотную фигуру—представляли типически Польшу и Россію”.

— Добавьте только, прибавилъ я ему, Ворцель подавая мнѣ руку и заключая въ свои объятія, именемъ Польши прощай Россію.

Дѣйствительно мы могли идти вмѣстѣ—это не удалось. Ворцель былъ не одинъ... Но прежде объ немъ одномъ.

Когда родился Ворцель, его отецъ, одинъ изъ богатыхъ польскихъ аристократовъ въ Литвѣ, родственникъ Эстергази, Потоцкимъ и не знаю кому, выписалъ изъ пяти помѣстій старость и съ ними молодыхъ женщинъ, чтобы они присутствовали при крещеніи графа Станислава, и помнили бы до конца жизни, объ панскомъ угощеніи по поводу такой

* “Десятилетіе Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ”—Сборникъ Л. Чернецкаго, стр. VII.

радости. Это было въ 1800 году. Графъ далъ своему сыну самое блестящее, самое многостороннее воспитаніе, Ворцель былъ математикъ, лингвистъ, знакомый съ пятью, шестью литературами, съ раннихъ лѣтъ приобрѣлъ опъ огромную ерудицію и притомъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ и принадлежалъ къ высшему польскому обществу, въ одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ его заката, между 1815—1830 годами, Ворцель рано женился и только что началъ “практическую” жизнь, какъ вспыхнуло возстаніе 1831 года. Ворцель бросилъ все и присталъ—душей и тѣломъ къ движенію. Возстаніе было подавлено, Варшава взята. Графъ Станиславъ перешелъ какъ и другіе гранды, оставляя за собой семью и состояніе.

Жена его не только не поѣхала за нимъ, но прервала съ нимъ всѣ сношенія и за то получила обратно какую то часть имѣнія. У нихъ были двое дѣтей, сынъ и дочь, какъ она ихъ воспитала, мы увидимъ, на первый случай она ихъ выучила забыть отца.

Ворцель между тѣмъ проорался черезъ Австрію въ Парижъ, и тутъ съ разу очутился въ вѣчной ссылкѣ и безъ малѣйшихъ средствъ. Ни то, ни другое его нисколько не поколебало. Онъ, какъ Бернацкій, свелъ свою жизнь на какой то монашескій постъ и ревностно началъ свое апостольство, которое прекратилось черезъ двадцать пять лѣтъ съ его послѣднимъ дыханіемъ, въ сыромъ углу пизняго этажа, въбогой квартиры, въ темной Hunter Street.

Реорганизовать польскую партію движенія, усилить пропаганду, сосредоточить эмиграционные силы, приготовить новое возстаніе и для этого проповѣдывать съутра до ночи, для этого жить—такова была тема всей жизни Ворцеля, отъ которой онъ не отступалъ ни на шагъ, и которой подчинилъ все. Съ этой цѣлью опъ сблизился со всѣми людьми движенія во Франціи, отъ Годефруа Кавеньяка до Ледрю-Роллена, съ этой цѣлью былъ масономъ, былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ сторонниками Маццини и съ самимъ Маццини впоследствии. Ворцель, твердо и открыто поставилъ революціонное знамя Польши противъ партіи Чарторижскихъ. Онъ былъ увѣренъ, что аристократія погубила возстаніе, онъ въ старыхъ папкахъ видѣлъ враговъ своему дѣлу и собиралъ новую Польшу, чисто демократическую.

Ворцель былъ правъ.

Аристократическая Польша искренно преданная своему дѣлу, шла во многомъ въ разрѣзъ съ стремленіями нашего времени; передъ ея глазами постоянно носился образъ прежней Польши, не новой, а возстановленной, ея идеалъ былъ столько же въ воспоминаніи, сколько въ упованіяхъ. Польшѣ достаточно было и одного католическаго ядра на ногахъ чтобъ отставать — рыцарскіе доспѣхи совсѣмъ остановили бы ее. Соединяясь съ Маццини, Ворцель хотѣлъ привѣчать польское дѣло къ обще-европейскому, республиканскому и демократическому движенію. Ясно, что онъ долженъ былъ искать почвы въ незнатной шляхтѣ, въ городскихъ жителяхъ и въ рабочихъ. Начать возстаніе могло только въ этой средѣ. Аристократія пристала бы къ движенію, крестьянъ можно было бы увлечь, инициативы они никогда бы сами не взяли.

Можно обвинять Ворцеля за то, что онъ вступилъ въ туже колею, въ которой уже вязла и грузла западная революція, что онъ въ этомъ пути видѣлъ единственный путь спасенія; но однажды принявъ его, онъ былъ послѣдователенъ. Обсто-

ятельства его вполне оправдали. Гдѣ же въ Польшѣ была дѣйствительно революціонная среда, какъ не въ томъ слѣ, къ которому постоянно обращался Ворцель, и который сложился, выросъ и окрѣпъ между 1831 годомъ и шестидесятыми годами.

Какъ бы мы розно не смотрѣли на революцію и ея средства, но нельзя отвергнуть, что все приобретенное революціею—приобрѣтено среднимъ слоемъ общества и городскими рабочими. Что сдѣлалъ бы Маццини, что Гарибальди безъ городского патриотизма, а вѣдь польскій вопросъ былъ вопросомъ чисто патриотическимъ, у самого Ворцеля интересъ национальной независимости все-же былъ ближе къ сердцу, чѣмъ социальныя перевороты.

Года за полтора до Февральской революціи по дремавшей Европѣ пробѣжала какая-то дрожь пробужденія. Краковское дѣло, процессъ Мирославскаго, потомъ война Зондербунда и Итальянское *risorgimento*. Австрія отвѣчала возстанію имперской пугачевщиной, Николай подарилъ ей непринадлежавшій ему Краковъ—но тишина не возвратилась. Людвигъ Филиппъ палъ въ Февралѣ 1848 году, полякъ возилъ его тронъ на сожженіе. Ворцель во главѣ польской демократіи явился напомнить временному правительству о Польшѣ. Ламартинъ принялъ его холодною риторикой. Республика была боьше миръ чѣмъ имперія.

Былъ мигъ, въ который можно было надѣяться, этотъ мигъ пропустила Польша, пропустила вся западная Европа и Паскевичъ допелъ Николаю, что *Венгрія у его ногъ*.

Съ паденіемъ Венгріи ждать было нечего и Ворцель вынужденный оставить Парижъ, переселился въ Лондонъ.

Въ Лондонѣ я его засталъ въ концѣ 1852 членомъ Европейскаго комитета*. Онъ стучался во всѣ двери, писалъ письма, статьи въ журналахъ, онъ работалъ и падалъ, убѣждалъ и просилъ—а такъ какъ при всемъ остальномъ надо было ѣсть, то Ворцель принялся давать уроки математики, черченія и даже французскаго языка; кашляя и задыхаясь отъ астмы, ходилъ онъ съ конца Лондона на другой, чтобъ заработать два шиллинга, много полкроны. И тутъ онъ еще долгу выработаннаго отдавалъ своимъ товарищамъ.

Духъ его не унывалъ, но тѣло отстало. Лондонскій воздухъ сырой, копченой, не согрѣтый солнцемъ, былъ не по слабой груди. Ворцель таялъ, но держался. Такъ онъ дожилъ до крымской войны, ее онъ не могъ, я готовъ сказать не долженъ былъ пережить. “Если Польша *теперь* ничего не сдѣлаетъ, все пропало, на долго, очень на долго, если не на всегда и мнѣ лучше закрыть глаза”, говорилъ Ворцель мнѣ, отправляясь по Англіи съ Кошутомъ. Во всѣхъ главныхъ городахъ собирали они митинги. Кошута и Ворцеля встрѣчали громомъ рукоплесканій, дѣлали небольшие денежные сборы и *только*. Парламентъ и правительство очень хорошо знаютъ когда народная волна просто шумитъ и когда она въ самомъ дѣлѣ папираетъ. Твердо стоявшее министерство, предложившее *conspiracy bill*, пало *въ ожиданіи* народнаго схода въ Гайдъ-паркѣ. Въ митингахъ собираемыхъ Кошутомъ и Ворцелемъ для того чтобъ вызвать со стороны парламента и правительства признаніе польскихъ правъ, заявленіе симпатіи къ польскому дѣлу, ничего не было опредѣленнаго, не было силы. Страшный отвѣтъ консерваторовъ былъ неотразимъ: “въ Польшѣ все покойно”. Правительству приходилось не признавать совершившихся

* Маццини, Кошутъ, Ледрю-Ролленъ, Арнольдъ Руге, Братіано и Ворцель.

фактъ, а вызвать его, взять революціонную инициативу, разбудить Польшу. Такъ далеко въ Англіи общественное мнѣніе не идетъ. Къ тому же *in petto* всѣ желали окончанія войны только-что начавшейся, дорогой и въ сущности бесполезной.

Между большими митингами Ворцель возвращался въ Лондонъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не понять неудачу, онъ старился наглазно, былъ угрюмъ и раздражителенъ и съ той лихорадочной дѣятельностью, съ которой умирающіе принимаются тревожно за всякое леченіе, съ злобѣющей боязнью въ груди и съ упорной надеждой, ѣздилъ онъ опять, въ Бирмингемъ или Ливерпуль, съ трибуны поднимать свой плачъ о Польшѣ. Я смотрѣлъ на него съ глубокой горестью. Но какъ же онъ могъ думать, что Англія подниметъ Польшу, что Франція Наполеона вызоветъ революцію? Какъ онъ могъ надѣяться на ту Европу, которая допустила Россію въ Венгрію, французовъ въ Римъ, развѣ самое присутствие Мадзини и Кошута въ Лондонѣ не громко ему напоминало о ея паденіи?

... Около того-же времени давно накипавшее неудовольствие противъ централизации въ молодой части эмиграціи, подняло голосъ. Ворцель обомлѣлъ—этого удара онъ не ждалъ, а онъ пришелъ совершенно естественно.

Небольшая кучка людей близко окружавшихъ Ворцеля, далеко не имѣла одного уровня съ нимъ. Ворцель понималъ это, но привыкнувъ къ своему хору, былъ подъ его вліяніемъ. Онъ воображалъ, что онъ ведетъ, въ то время какъ хоръ, стоя сзади, направляя его куда хотѣлъ. Только Ворцель подымался на ту высь, въ которой ему было свободно дышать, въ которой ему было естественно—хоръ, исполняя должность мѣщанской родни, стягивалъ его въ низменную сферу эмиграционныхъ дразгъ и мелочныхъ расчетовъ. Преждевременный старикъ задыхался въ этой средѣ отъ духовнаго астмы, столько же какъ и отъ физическаго.

Люди эти не поняли серьезнаго смысла того союза, который я предлагалъ.

— Вы вѣрно слышали, спросилъ меня Ворцель, что противъ насъ готовится обвинительный актъ?

— Слышалъ.

— Вотъ что я заслужилъ подъ старость... вотъ до чего дожилъ... и онъ грустно качалъ сѣдой головой своей.

— Врядъ правы-ли вы, Ворцель? Васъ такъ привыкли любить и уважать, что если этому дѣлу не давали хода, то это только изъ боязни васъ огорчить. Вы знаете, зубъ не на васъ, пусть ваши товарищи идутъ своей дорогой.

— Никогда, никогда, мы все дѣлали вмѣстѣ, на насъ лежитъ общая отвѣтственность.

— Вы ихъ не спасете...

— А что вы говорили полчаса тому назадъ по поводу того, что Россель предалъ своихъ товарищей?

Это было вечеромъ. Я стоялъ поодаль отъ камина, Ворцель сидѣлъ у самаго огня обернувшись лицомъ къ камину, его болѣзненное лицо, на которомъ дрожалъ красный отсвѣтъ, показалось мнѣ еще больше истощеннымъ и страдальческимъ—слеза, старая слеза, скатывалась по исхудалой щекѣ его... Прошли нѣсколько минутъ невыносимо тяжелаго молчанія... Онъ всталъ, я проводилъ его въ его спальню, большія деревья шумѣли въ саду, Ворцель отворилъ окно и сказалъ: “Я здѣсь съ моею несчастной грудью прожилъ бы вдвое”.

Я схватилъ его за обѣ руки.—“Ворцель, говорилъ я ему, останьтесь у меня, я вамъ дамъ еще комнату, вамъ никто мѣшать не будетъ, дѣлайте что хотите, завтракайте одни, обѣдайте одни, если хотите, вы отдохнете мѣсяца два... васъ не будутъ непрерывно тормошить, вы освѣжитесь, я васъ прошу какъ друга, какъ вашъ меньшой братъ!”

— Благодарю, благодарю васъ отъ всего сердца, я сей часъ бы принялъ ваше предложеніе, но при теперичныхъ обстоятельствахъ это просто невозможно... Съ одной стороны война, съ другой наши это примутъ за то, что я ихъ оставилъ. Нѣтъ, каждый долженъ нести крестъ свой до конца.

— Ну такъ усните по крайней мѣрѣ спокойно, сказалъ я ему, стараясь улыбнуться. Его нельзя было спасти!

... Война оканчивалась, умеръ Николай, началась новая Россія, дожили мы до Парижскаго мира и до того, что *Полярная Звѣзда* и все напечатанное нами въ Лондонѣ покупалось на корню. Мы стали издавать *Колоколъ*, и онъ пошелъ... Мы съ Ворцелемъ видались рѣдко, онъ радовался нашимъ успѣхамъ, съ той внутренней, подавляемой, но жгучей болью, съ которой мать, потерявшая сына, слѣдитъ за развитіемъ чужаго отрока... Время роковой альтернативы поставленной Ворцелемъ въ его *oggi o mai*, наступало и онъ гаснулъ...

За три дня до его кончины Чернецкій прислалъ за мною. Ворцель меня спрашивалъ—онъ былъ очень плохъ, ждали его кончины. Когда я пріѣхалъ къ нему, онъ былъ въ забытій близкомъ къ обморку, блѣдный, восковой, лежалъ онъ на диванѣ... щеки его совершенно ввалились, такіе припадки съ нимъ повторялись въ послѣдніе дни, онъ привыкалъ быть мертвымъ. Черезъ четверть часа Ворцель сталъ приходить въ себя, слабо говорить, потомъ узналъ меня, привсталъ и легъ полусидя на диванѣ.—Читали вы газеты? спросилъ онъ меня.—Читалъ.—Разскажите какъ идетъ Цевшателъскій вопросъ, я не могу ничего читать. Я ему разсказалъ, онъ все слышалъ и все понималъ.

— Ахъ какъ спать хочется, оставьте меня теперь, я не усну при васъ, а мнѣ отъ сна будетъ легче.

На другой день ему было лучше. Ему хотѣлось мнѣ что-то сказать... онъ раза два начиналъ и останавливался... и только оставшись со мною наединѣ, умирающій подозвалъ меня къ себѣ и слабо взявъ меня за руку, сказалъ: “какъ вы были правы... вы не знаете какъ вы были правы... у меня лежало это на душѣ вамъ сказать.”

— Не будемъ больше говорить объ нихъ.

— Идите вашей дорогой... онъ поднялъ на меня свой умирающій, но свѣтлый, лучезарный взглядъ. Больше онъ говорить не могъ. Я поцѣловалъ его въ губы—и хорошо сдѣлалъ, мы простились на долго. Вечеромъ онъ всталъ, вышелъ въ другую комнату, хлебнулъ теплой воды съ жиномъ у хозяйки дома, простой, превосходной женщины, релігіозно уважавшей въ Ворцелѣ какое-то высшее явленіе, взошелъ опять къ себѣ и уснулъ. На другой день, утромъ, Жюбиянъ и хозяйка спросили не надобно-ли ему чего больше.—Онъ просилъ сдѣлать огонь, и дать ему еще уснуть. Огонь сдѣлали. Ворцель не просыпался.

Я уже не засталъ его. Худое, худое лице его и тѣло было покрыто бѣлой простыней, я посмотрѣлъ на него, простился и пошелъ за работникомъ скульптора, чтобъ снять маску.

Его послѣднее свиданіе, его величественную агонію я рассказалъ въ другомъ мѣстѣ*. Прибавлю къ ней одну страшную черту.

Ворпель никогда не говорилъ о своей семьѣ. Разъ какъ то онъ искалъ для меня какое то письмо, порывшись на столѣ, онъ открылъ ящикъ. Тамъ лежала фотографія какого то сытаго, молодого человѣка съ офицерскими усами. “Наверное помякъ и патріотъ?” сказалъ я больше шутя чѣмъ спрашивая.

— Это—сказалъ Ворпель глядя въ сторону и поспѣшно взявъ у меня изъ рукъ портретъ—это... мой сынъ.

Я узналъ впоследствии, что онъ былъ русскимъ чиновникомъ въ Варшавѣ.

Дочь его вышла за мужъ за какого то графа и жила богато; отца она не знала.

Дни за два до своей кончины онъ диктовалъ Мацини свое завѣщаніе—совѣтъ польшѣ, поклонъ ей, привѣтъ друзьямъ... “Теперь все”, сказалъ умирающій, Мацини не покидалъ пера. “Подумайте, говорилъ онъ, не хотите ли вы въ эту минуту”. Ворпель молчалъ. “Нѣтъ ли еще лицъ, которыми бы вы имѣли что нибудь сказать?”. Ворпель цокая, лице его подернулось тучей и онъ отвѣтилъ :

— *Мнѣ и мѣ ничего сказать.*

Я не знаю проклятій, которое ужаснѣе звучало бы и тяжелѣй бы ложилось этихъ простыхъ словъ.

И—рѣ.

ВѢРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ,

ОБЫКНОВЕННО НАЗЫВАЕМЫХЪ МОЛОКАНАМИ.

Женева, Вольная Русская Типографія,

40, Pré l'Evêque. 1865.

(Окончаніе).

Предисловіе указываетъ на отношеніе “духовныхъ христіанъ” къ государственной церкви и къ правительству и сверхъ того содержитъ одно, приблизительно болѣе ясное понятіе, чѣмъ въ обычныхъ религіозныхъ сочиненіяхъ.

Это понятіе находится въ оправданіи вѣры “духовныхъ христіанъ” отъ обвиненія въ *новшество*. Писавшій книжку не только не видитъ ничего новаго въ ихъ вѣрѣ, основанной исключительно на священномъ писаніи, которое не есть что либо новое; но онъ еще говоритъ, что еслибы въ ихъ вѣрѣ и было что новое, то это не значить, что вѣра не хороша, потому что не то хорошо что только старо, а то что истинно. Духовные христіане даже ожидаютъ, что тѣ изъ потомковъ, которые станутъ болѣе изучать откровеніе, внесутъ болѣе истинное пониманіе вѣры.

Тутъ уже является сознание объ усовершенствованіи человѣческаго пониманія при дальнѣйшихъ изученіяхъ, и слѣдственно устраняется тотъ умственный застой, въ которомъ пребываютъ—иные, потому что младенчески придерживаются буквы, а не смысла,—другіе же преднамѣренно, чтобы не дать людямъ понимать лишне и чрезъ то сохранить надъ ними свою неправедную власть.

Кажется, понятіе о развитіи человѣческаго пониманія не должно бы перечить правительству, которое само занимается нововведеніями, и потому можно бы откровенно снять всякій инстинктъ съ человѣческой совѣсти, съ человѣческаго мышленія и отъ ихъ свободнаго развитія ожидать не зла, а добра. Но въ томъ-то и дѣло, что когда стремленіе къ усовершенствованію пониманія и самой жизни, вообще къ улучшенію—

которое и есть *новшество*, потому что замѣняетъ старое—когда такое стремленіе *искренно*, тогда изъ него можетъ выйти толкъ и хорошее новшество немедленно прилагается къ дѣлу, новое болѣе истинное пониманіе даетъ новую лучшую жизнь, безъ лукавыхъ стараній. подъ видомъ новшества, сохранить старую неправду; а когда стремленіе къ улучшенію не искренно, тогда человѣкъ ли, или правительство—разомъ хочетъ и войти въ новшество и сохранить застой, а это нелѣпо, потому что также невозможно, какъ еслибы кто хотѣлъ въ одно и тоже время идти на право и на лѣво.

Изъ предисловія къ “вѣроисповѣданію духовныхъ христіанъ”, мы видимъ, что правительство именно и находится въ томъ положеніи человѣка, который разомъ хочетъ идти на право и на лѣво. Такимъ образомъ оно дало имъ нѣкоторыя важныя льготы и сохранило надъ ними не менѣе важныя угнетенія, которыя льготамъ противурѣчатъ.

Со вступленія на престолъ Александра II—“1) освобождены отъ рекрутства семейства духовныхъ христіанъ, состоявшія въ купечествѣ на временныхъ правилахъ*; 2) жены и дѣти духовныхъ христіанъ, называвшіяся прежде незаконными, признаны законными; 3) правилами 1858 года, они избавлены отъ вѣдательства греко-россійскихъ поповъ въ ихъ богослуженіе; 4) въ 1861 году объявлено повелѣніе не препятствовать имъ отдавать дѣтей для обученія во всѣ учебныя заведенія”.

Это льготы. А вотъ сохраненныя угнетенія :

Ст. 82. (т. XIV, уст. о пред. и престѣ. преступленій). Молоканамъ, духовнымъ, раскольникамъ безпоповицкой секты, кои не молятся за царя, и не пріемлютъ браковъ, и потому признаются особенно вредными, запрещается принимать къ себѣ въ семейство подъ какимъ бы то видомъ ни было, дѣтей православнаго исповѣданія†

Ст. 83. Молоканамъ ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ имѣть въ домахъ своихъ, на фабрикахъ и заведеніяхъ, людей православнаго исповѣданія, ни въ услуженіи, ни въ работникахъ, и сами молоканы на томъ же основаніи не могутъ вступать въ услуженіе въ домъ или къ хозяевамъ православнаго исповѣданія. Полиція обязана наблюдать за точнымъ исполненіемъ сего правила, а въ случаѣ нарушенія оного, дѣйствовать по законамъ, палагая взысканія опредѣленные въ ст. 307 улож. о наказаніяхъ, (т. е. арестъ отъ трехъ до семи дней).

Примѣчаніе къ ст. 83 сие правило не распространяется на коренныхъ

* Не могу я здѣсь не замѣтить писавшему книжку, что снятіе рекрутской повинности съ пѣсколинныхъ богатыхъ и оставленіе тѣхъ на менѣе богатыхъ и на бѣдныхъ еще не есть поводъ къ чрезвычайной радости. Тѣхъ же оставлена до такой степени, что не отмѣнено постановленіе о томъ, что Молоканы не имѣютъ права нанимать за себя охотниковъ (а кому бы и справить военщину какъ не тому, кто ее справляетъ по собственн. охотѣ?) На какомъ христіанской, или человѣческой любви можетъ быть основана радость о томъ, что баринъ и купецъ не несутъ военной тяги, а вся она падаетъ на крестьянина и мѣщанина? Пусть-ка духовный христіанинъ объ этомъ подумаетъ! Конечно, тутъ можно сказать что хорошо и то когда хоть кому нибудь да лучше.. Да! но только не тогда, когда при этомъ другимъ людямъ хуже: вѣдь прощенное купечество число рекрутъ пополнило съ крестьянъ и мѣщанъ. И о какой это льготѣ по рекрутству говоритъ писавшій книжку? Ужъ не о циркулярѣ-ли министерства внутреннихъ дѣлъ 15 Октября 1855 года? Вотъ онъ. “Государь императоръ, въ присутствіи своемъ въ г. Николаѣ въ 15 день Октября 1855 года повелѣлъ соизволилъ впредь до особаго распоряженія вріостановиться привлекать къ рекрутской повинности семейства тѣхъ купцовъ, которые по не предъизвѣстію удословленій о принадлежности ихъ къ православію или единовѣрію, въ 1854 году, получивъ, или въ 1855 году получать торговые свидѣтельства на временномъ правѣ”. (Циркуляръ М. В. Д. 22 Окт. 1855 г.).—Ну! это одна изъ льготъ, которыя нисколько не составляютъ твердаго узаконенія; по своему смыслу она подлежитъ уничтоженію и за тѣмъ пойдетъ спросъ удостовѣренія о принадлежности къ православію или единовѣрію. Другого распоряженія мы не знаемъ, а если писавшій книжку ссылается на это, то дѣло болѣе шатко!

† Мы выписываемъ эту статью, подчеркивая слова—кои не молятся за царя—ибо впоследствии покажемъ, что даже и это клевета.

* Сборникъ Типогр стр 163, 164.

обитателей Закавказскаго края, исповѣдывающихъ православную вѣру. Въ томъ краѣ не дозволяется лишь молоканамъ проживать въ домахъ русскихъ жителей и самимъ принимать послѣднихъ въ дома свои.*

Въ чемъ же выгода льготы признанія женъ и дѣтей законными, когда законами въ сущности воспрещаются браки между православными и молоканами и устраняется всякое равноправное отношеніе между молоканами и людьми другого исповѣданія? Въ правахъ наслѣдства что-ли полезна эта льгота? Но права наслѣдства обошлись бы и безъ нея. Въ чемъ же выгода? Это опять разомъ льгота и угнетеніе, совершенно поворотъ въ одно время на право и на лѣво. Льгота даетъ выгоду только названія, а статья свода съ ея примѣчаніемъ даетъ мѣстнымъ, крупнымъ и мелкимъ властямъ средство къ безконечному притѣсненію молокановъ, какими бы законными они ни родились.

Остальныя постановленія гнѣта чуть-ли не еще больше убиваютъ выгоду названія молокановъ законнорожденными. Такъ статья 84 свод. закон. Т. XIV, запрещающая выдачу паспортовъ жидовствующимъ и скопцамъ, для оглушки въ другія мѣста, ради прекращенія сообщенія между ними и православными, распространена на Молокановъ император. Николаемъ, который нашелъ много сходнаго между молканской и жидовствующей сектами (17 Января 1836 года, а циркуляръ М. В. Д. 25 Янв.). Это постановленіе сохранено и въ настоящее время. Въ соединеніи съ этимъ постановленіемъ, того-же 17 Янв. 1836 года, постановлено, что Духоборцы и Молоканы не должны имѣть въ своемъ владѣніи земель далѣе 30 верстъ отъ мѣстъ ихъ водворенія и притомъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ† (иначе потребовался бы паспортъ!). Это постановленіе тоже сохранено и въ настоящее время. Гдѣ же послѣ этого выгода отъ мнимаго признанія законности ихъ семенствъ? И какъ сообразить съ этимъ разрѣшеніе Молоканамъ отдавать дѣтей для обученія во всѣ учебныя заведенія. Пугка—попробуйте, проживая въ уѣздѣ, далѣе 30 верстъ отъ губернскаго города, послать сына въ гимназію? А въ университетъ—еще того далѣе!

Одна льгота существенная—это, правилами 1858 года, избавленіе Молоканъ отъ вмѣшательства греко-россійскихъ поповъ въ ихъ богослуженіе. И то подсѣчено правилами того же 1858 года, которые право вмѣшательства въ раскольническія дѣла и богослуженія даютъ полицейскимъ властямъ и не устраняютъ доносовъ приходскаго духовенства черезъ посредство епархіальнаго архіерея, свѣскимъ властямъ. Выписываемъ кое-что изъ этихъ правилъ‡ для доказательства:

§ 1. Въ дѣлѣ раскола гражданское начальство дѣйствуетъ единодушно съ духовнымъ и взаимно стремясь къ одной главной цѣли—къ искорененію въ народѣ раскольническихъ заблужденій¶...

§ 2. Всѣ полицейскія распоряженія, въ отношеніи противозаконныхъ дѣйствій раскольниковъ, принадлежать гражданской власти, духовенство же въ подобныя распоряженія не вмѣшивается, ограничиваясь кругомъ дѣйствій чисто духовнымъ.

§ 3. Приходское духовенство ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола не обращается съ требованіями или доносами къ свѣскимъ властямъ, а

* Въ чемъ же содержится измѣненіе, которое примѣчаніе къ ст. 83 должно представлять для молокановъ Закавказскаго края? Принимать въ услуженіе въ домъ—значитъ принимать въ домъ, или это только въ гости запрещено принимать? Рѣшительно непонятно! Примѣчаніе совершенно повторяетъ смыслъ самой ст. 83-и.

† Но земли приобрѣтеныя ими до того времени оставлены въ ихъ владѣніи, предписаніемъ 17 Февр. 1839 года.

‡ Циркуляръ М. В. Д. 15 Октября 1858 года, №. 184.

¶ На этомъ неопредѣленномъ правилѣ, мѣстныя духовныя и гражданскія власти могутъ основать не одно преслѣдованіе.

входить по таковымъ дѣламъ съ донесеніями и(¹) къ своему епархіальному архіерею, и онъ съ свѣскимъ начальствомъ входитъ въ сношеніе только въ обстоятельствахъ дѣйствительной важности* и въ опредѣленныхъ случаяхъ совращенія изъ православія въ расколъ или въ случаяхъ соблазнительнаго для православныхъ оказательства раскола†.

§ 5. Вмѣстѣ съ исполненіемъ существующаго закона о непреслѣдованіи давнишнихъ раскольниковъ за мнѣнія о ихъ вѣрѣ, не допуская отнюдь православныхъ къ совращенію въ расколъ, гражданское начальство заботится, чтобы при исправленіи раскольниковъ требъ по своимъ обрядамъ, не было съ ихъ стороны публичнаго оказательства раскола, соблазнительнаго для православныхъ, а потому гражданское начальство отнюдь не дозволяетъ совершенія раскольническихъ обрядовъ явно или съ признаками публичнаго оказательства.

§ 8 Гражданское начальство наблюдаетъ, чтобы раскольники не заводили скитовъ или иныхъ сего рода обиталищъ, а также чтобы не строили новыхъ своихъ молитвенныхъ зданій и не обращали для сей цѣли жилыхъ помѣщеній; при сборищахъ же для молитвы въ существующихъ уже молельныхъ соблюдаютъ во всей точности постановленныя выше (въ § 5) правила о неоказаніи публично раскола предъ православными.

Какъ же сладятъ Молоканы съ противурѣчіемъ льготы и угнетенія? О ихъ богослуженіи писавшій книжку говоритъ, что для богослуженія они не имѣютъ особыхъ помѣщеній, но собираются въ обыкновенныхъ своихъ жилищахъ.

Ну! теперь положимте, что въ какомъ нибудь селеніи, Молоканы молились въ одномъ домѣ, и домъ этотъ становился вѣтхъ; они перешли молиться въ другой домъ. Очевидно—дѣло подходитъ подъ § 8 Правилъ 1858 года, по которому гражданское начальство (т. е. полиція) наблюдаетъ *чтобы не обращали для молитвы жилыхъ помѣщеній*. А если и мимо стараго дома, гдѣ совершалась молитва, шелъ православный попъ и слышалъ какъ молятся—это § 3, т. е. *случай соблазнительнаго для православныхъ оказательства раскола*. Попъ доноситъ архіерею, архіерей полиціи и пошло писать. Какъ же сообразить это вмѣшательство съ льготой невмѣшательства?

Изъ за чего правительство сохраняетъ гнѣтъ, убивающій ихъ самымъ даруемымъ льготой? Чѣмъ эти люди ему мѣшаютъ, чѣмъ они его беспокоятъ? Будь то молоканы, будь то настоящіе старовѣры—что они противъ правительства сдѣлали? какіе бунты? какіе заговоры? Даже молятся или не молятся они за царя—была ли изъ за этого правительству какая нибудь тревога? Нездоровъ что-ли сдѣлался государь отъ того, что они за царя не молятся? Дурно служилъ кто нибудь отъ того что не принималъ обычной присяги? Вѣдь ничего этого не было и быть не могло; изъ за чего же преслѣдовать и тревожить людей, которые зла никакого не дѣлаютъ, а добро дѣлаютъ, но только домагаются чтобы ихъ оставили въ покоѣ такъ, чтобы имъ не нужно было прятать подъ спудъ ми убѣжденій, ни совѣсти?

Этого станетъ домагаться каждый честный человекъ. Изъ за чего же мѣшать ему? Конечно насильное оскотеніе, также какъ убійство, грабежъ и т. п., составляетъ уголовное преступленіе: но не лучше ли, на примѣръ, дать полную свободу слова добровольно оскотившемуся (повѣрьте, что такая неестественная секта не далеко распространится) чѣмъ пускать генерала Тимашева разстрѣливать невинныхъ людей?‡

А между тѣмъ, преслѣдованіе не только тупоумно, но оно основано на клеветѣ, потому что мы изъ книжки “вѣроисповѣданія духовныхъ христіанъ” видимъ, что они даже за царя молятся¶. Чего жъ еще правительство хочетъ?

* А чтоже составляетъ обстоятельства дѣйствительной важности? Вѣдь это оставлено на личный произволъ архіерея и мѣстной полиціи.

† На эти-ли правила 1858 года ссылаются писавшіе “вѣроисповѣданіе духовныхъ христіанъ”? Конечно мы не можемъ сказать утвердительно, но другихъ правилъ въ министерскихъ распоряженіяхъ 1858 у насъ не отыскалось.

‡ См. “Казанскій заговоръ”—“Колоколь” №. 206.

¶ Стр. IX и X.

Правительство считаетъ ученіе молокановъ однимъ изъ самыхъ вредныхъ. “Полагаемъ”, говоритъ писавшій книжку, “что это произошло отъ недоброжелательства къ намъ греко-россійскаго духовенства, которое не жалѣетъ клеветы, чтобы очернить насъ въ мнѣніи правительства и общества. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы будто не чтимъ царя и властей, что мы занимаемся укрывательствомъ бѣлыхъ, дѣланіемъ фальшивыхъ паспортовъ и денегъ. Странно предполагать, чтобъ дѣланіе фальшивой монеты и паспортовъ составляло часть нашего вѣроисповѣданія, основаннаго на ученіи Христовомъ, которымъ осуждается всякая ложь и всякій обманъ. Относительно укрывательства бѣлыхъ, мы должны сознаться, что когда наши братья, духовные Христіане подвергались тюремнѣ за твердость въ истинномъ вѣроисповѣданіи, намъ нерѣдко случилось укрывать таковыхъ мучениковъ и препровождать ихъ въ безопасныя мѣста. Преступниковъ и мошенниковъ мы никогда не укрывали и не укрываемъ”.

Сколько изданіе *Колокола* ни далеко отъ вѣроисповѣданія Молокановъ, но мы охотно выписали эти благородныя строки изъ предисловія, о которомъ говоримъ.

“Въ отношеніи къ верховной власти” далѣе объясняетъ писавшій книжку, “мы руководствуемся слѣдующими словами апостола: будьте покорны всякому человѣческому постановленію для Господа—и царю, какъ верховной власти, и правителямъ какъ отъ него посылаемыхъ для наказанія преступниковъ и для награжденія дѣлающихъ добро (Петр. II, 13, 14). Но въ дѣлахъ вѣры повинujemyся одному Господу Богу”.

Это мнѣніе не однихъ Молокановъ; оно найдется у большей части старообрядчества. Раздѣленіе между дѣломъ совѣсти и дѣломъ общественнымъ, раздѣленіе, пущенное въ ходъ въ началѣ христіанства, чтобъ укрыть христіанское ученіе отъ имперскихъ преслѣдованій и дать ему окрѣпнуть, —это раздѣленіе сохранилось до нашего времени, и не только у старообрядчества, но и въ восточномъ и западномъ православіи. Какъ будто можно, съ какой бы христіанской точки зрѣнія ни было, вести дѣло любви къ богу (т. е. истинѣ) отдѣльно отъ дѣла любви къ ближнему? И будто можно исполнять дѣло любви къ ближнему, оставляя управленіе людьми на произволъ управляющихъ, т. е. не принимая участія въ общественномъ устройствѣ? Христосъ умеръ на крестѣ, ради того, чтобы то что онъ считалъ истинною, стало достояніемъ наибольшей общественности, т. е. человѣчества, и водвореніе общественной правды не можетъ не быть обязанностью человѣка во имя любви къ ближнему, въ какомъ бы христіанскомъ смыслѣ мы ее ни рассматривали. Въ мысли о покорности произволу управляющихъ и о равнодушіи къ общественному дѣлу — лежитъ недоразумѣніе, которое относится къ тому, что и самое христіанство ложно понято его послѣдователями.

Но мы уже сказали, что мы ни въ какія богословскія пренія входить не станемъ; мы только хотѣли показать, что обвиненіе въ какомъ то бунтовскомъ направленіи, которое греко-россійская церковь и правительство хотятъ взвалить на Молокановъ, есть чистая клевета.

Что колебаніе между шаткими льготами и дѣйствительными угнетеніями не даетъ Молоканамъ спокойной жизни, это очень естественно, и вотъ жалоба, которую мы читаемъ

въ предисловіи къ “вѣроисповѣданію духовныхъ христіанъ” (стр. XIV):

“Всѣ эти несправедливыя и стѣснительныя мѣры, принятыя противъ насъ правительствомъ, значительно ограничиваютъ нашу промышленность и торговлю, и тѣмъ самымъ отнимаютъ у насъ средства къ жизни и къ честному труду, безъ всякой пользы для кого бы то ни было, и даже съ огромнымъ вредомъ для самаго правительства, ибо лишаютъ его поддержки, которую каждое правительство должно искать въ правдѣ и справедливости, и въ равноправности всѣхъ и каждого; лишенное этой опоры, все его могущество есть только кажущаяся сила, а на самомъ дѣлѣ полное нравственное безсиліе”.

По какое же заключеніе изъ этой жалобы, дѣлаетъ писавшій предисловіе? Вотъ оно:

“Мы увѣрены, что Александръ II не только знаетъ всѣ вышеприведенныя стѣснительныя для насъ законы... Мы надѣемся и даже увѣрены, что когда онъ обратитъ вниманіе на эти постановленія, онъ отмѣнитъ ихъ (стр. XV)... Мы признаемъ его вдохновеннымъ свыше государемъ (стр. X)” ..

И одно изъ доказательствъ этому мнѣнію то, что “по вступленіи на престолъ Александра II освобождены крестьяне отъ грѣховной крѣпостной зависимости, противной волѣ бога, создавшаго всѣхъ людей по своему образу и подобию, то есть равными и братьями”... “За все за это возсылаемъ благодарственныя молитвы Царю царствующихъ, и молимъ Его, чтобы вдохнулъ въ сердце царя благую мысль къ еще большому облагодѣтельствуванію своихъ подданныхъ”. (Стр. X и XI).

Спрашивается: что же правительство нашло въ сектѣ Молокановъ особенно вреднаго и страшнаго для себя? за что сохраняетъ надъ ними старыя преслѣдованія? Кажется, изъ всего вышеприведеннаго, ихъ миролюбіе очевидно, а что касается до свободы совѣсти — то на нее имѣетъ право каждый человѣкъ и не то что признаніе ея, а преслѣдованіе ея, мѣшаетъ правильному развитію общественной жизни.

Кажется, мы достаточно доказали неповинность Молокановъ передъ правительствомъ. Если же они объясняютъ нѣкоторые догматы христіанства иначе чѣмъ греко-россійская церковь, то пусть имъ (а равно и другимъ сектамъ) будетъ дозволено между собою и съ церковью, свободно, во всеуслышаніе, вести изустный и печатный споръ о религіозныхъ убѣжденіяхъ. Церковь, будучи права, легко вышла бы изъ такого спора побѣдительно, просто посредствомъ человѣческаго слова, а не посредствомъ грязныхъ продѣлокъ полиціи; до правительства же это не касается.

Въ дальнѣйшій разборъ “вѣроисповѣданія духовныхъ христіанъ” мы не вступаемъ, и потому что задача чисто богословская, и потому что, въ настоящемъ положеніи вещей только люди государственной церкви могли бы отвѣчать намъ, а людямъ инаго убѣжденія было бы не дозволено. Но я не могу закончить этой статьи, не сказавши нѣсколько словъ о двухъ вопросахъ изъ общественной жизни, о которыхъ было упомянуто—это объ освобожденіи крестьянъ и отношеніи къ землѣ равно Молоканъ и не-Молоканъ.

Какъ ни запутанно было произведено освобожденіе крестьянъ, но уже одно то, что они были освобождены *съ землею*, не могло не привести къ такому перевороту, отъ котораго назадъ не вернешься. Опытъ намъ показываетъ,

что переворотъ дѣйствительно начался; это мы наглядно видимъ и изъ раздраженнаго расположенія духа помѣщиковъ, у которыхъ выпало изъ рукъ главное основаніе ихъ богатства — т. е. крѣпостное право надъ рабочими людьми; это мы видимъ и изъ огромнаго пониженія помѣщичьихъ доходовъ, видимъ и изъ повышенія заработной платы. Возвращеніе къ прежнему помѣщичьему грабежу человѣческихъ силъ — отнынѣ невозможно. Но между тѣмъ и крестьяне еще бѣдствуютъ. Тяжесть налоговъ, падающихъ всѣмъ грузомъ на сельское и вообще рабочее сословіе; тяжесть выкупныхъ платежей, дурно и длинно распределенныхъ, безъ посредствующаго финансоваго учрежденія; отсюда новое столкновение помѣщиковъ съ крестьянами, ухудшенное новыми судебными стѣснительными мѣрами, которыя даютъ помѣщикамъ право преслѣдовать крестьянъ; все это доказываетъ, что освобожденіе недоковчено, что переворотъ недовершенъ, что народное достоинство не дошло еще до дѣйствительнаго обезпеченія и что народный трудъ не достигъ той самостоятельности, которая даетъ дѣйствительную возможность развитія народнаго благосостоянія.

Мы удивляемся какимъ образомъ ни въ одномъ изъ земскихъ собраній, крестьянство не нашло себѣ достаточно представителей, чтобъ поставить на поги вопросъ о распределеніи налога, о пересмотрѣ и устройствѣ выкупныхъ платежей, объ устрашеніи полицейски-судебныхъ притѣсненій, наконецъ о полной самостоятельности народной сельской общины, о составленіи банка для вспоможенія общинѣ въ покупкѣ продающихся помѣщичьихъ земель; такъ чтобы община больше и больше становилась *единицею поземельнаго владѣнія*. Мы удивляемся какимъ образомъ расколъ разныхъ сектъ, разбросанныхъ по всей Россіи, расколъ, столько толкующій о любви къ ближнему (что мы видимъ и изъ самой книжки, о которой говорили) мы удивляемся какимъ образомъ расколъ не посылаетъ въ земскія учрежденія своихъ лучшихъ людей, наиболѣе способныхъ отстаивать убѣжденія, на помощь народу, для того чтобъ поставить хотя бы запросъ кореннаго хозяйственнаго преобразованія, основаннаго на общинномъ, народномъ поземельномъ владѣніи.

Въ отдѣльномъ случаѣ мы удивляемся какимъ образомъ, пока законъ преслѣдованія не отмѣненъ, Молоканы не стараются, елико-возможно скупать около себя, общинною покупкой, земли; тогда ихъ тридцати верстныхъ границы по неволѣ раздались бы.

Но объ экономическомъ переобразованіи мы въ другой разъ еще поговоримъ особо.

Н. Огаревъ.

С М Ъ С Ъ.

письмо изъ Москвы.

Дантистъ Извольскій — Государь въ Москвѣ — Дѣло Бугона.

М. Г. Въ только что полученномъ листѣ *Колокола*, прочелъ я вашу просьбу о сообщеніи имени губернатора, на котораго намекаетъ *День* и который избилъ волостнаго старшину. Этотъ почтенный начальникъ *Курской* губ. называется *ИЗВОЛЬСКИМЪ*. Онъ до того разсвирѣпѣлъ, что видя неодобреніе собравшихся крестьянъ, закричалъ “розогъ!” а такъ какъ никто не трогался, то онъ бросился разгонять крестьянъ чубукомъ.

Мастерски Валуевъ выбираетъ губернаторовъ, надобно отдать справедливость.

Я былъ здѣсь во время пребыванія государя. Онъ сталъ суровъ въ обращеніи и притомъ угрюмъ и невеселъ. 16/28 Августа на смотрѣ на ходынскомъ полѣ, вышелъ изъ строя солдатъ, для подачи государю прошенія, не смотря на то, что генералы тучею заслоняли ему дорогу. Но царь, завидѣвъ его издали, махнулъ ему рукою, давая этимъ знать, чтобы онъ воротился назадъ, что онъ не хочетъ знать о его жалобѣ.

Вамъ вѣроятно извѣстна изъ газетъ исторія убійства бывшаго на тверскомъ бульварѣ. Дѣло было такъ: студентъ Бугонъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ дѣвицей Кичеевой, которой онъ обѣщалъ жениться. Когда же она сдѣлалась беременна и стала напоминать о его обѣщаніи, то онъ рѣшился отдѣлаться отъ нея во чтобы то ни стало. Сперва онъ подсымалъ ей яду, который она однакожь не приняла, во время объ этомъ предпріятіи. Потомъ онъ уговорилъ трехъ молодыхъ людей изъ студентовъ, отправиться поочередно къ оберъ-полицмейстеру для заявленія о томъ, что они были въ близкихъ отношеніяхъ съ дѣвицею Кичеевою и занемогли отъ нея. Кичеева была освидѣтельствована врачомъ и найдена совершенно здоровою. Бугонъ послѣ этого уѣхалъ изъ Москвы. Братья Кичеевой, едва успѣвшие узнать обо всемъ этомъ, рѣшились убить Бугона. Старшій изъ братьевъ, нѣсколько помѣшанный, взялъ пистолетъ и отправился на Тверскій бульваръ искать Бугона, не зная его даже въ лице и въ то время, когда его не было въ Москвѣ. Онъ выстрѣлилъ и убилъ, какъ извѣстно, другаго, совершенно невиннаго, студента поляка Коссаковского. За этотъ выстрѣлъ старшаго Кичеева приговорили къ 8-ми лѣтней каторжной работѣ, а его роднаго брата, какъ соумышленника на 4 года. Съ Кичеевыми поступили страшно несправедливо, не принимая во вниманіе нѣсколько разстроеннаго состоянія умственныхъ способностей старшаго Кичеева, въ чемъ судъ имѣлъ фактическія доказательства, и того обстоятельства, что онъ мстилъ за сестру. Его засадили до приговора, въ одинъ изъ казематовъ, слывущихъ у народа подъ названіемъ “каменныхъ мѣшковъ”, въ 3 аршина длины 2 ширины, съ освѣщеніемъ сверху, на равнѣ съ закоренѣлыми убійцами. *Кичееву же записали въ разрядъ публичныхъ женщинъ, а Бугона отдали на покаяніе*. Не знаю въ чемъ оно состоитъ, но знаю, что Бугонъ, до моего отъѣзда по крайней мѣрѣ, пользовался совершенною свободою, бывалъ въ университетѣ и не встрѣчалъ со стороны студентовъ никакихъ знаковъ презрѣнія.

Отъ Ред. Мы очень благодарны Москвичу, сообщившему намъ имя дантиста Извольскаго. Дѣло Кичеева мы дѣйствительно читали. Печатавъ ужасныя подробности о немъ, мы должны отвѣтственность за ихъ достовѣрность оставить на совѣсть корреспондента.

— *Avertissement Valouieff* — *Между Avertissement и Акатуевскимъ заводомъ*. Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы огмѣна предварительной цензуры не была торжествомъ для всего народа, великимъ праздникомъ, великой побѣдой. Даже тамъ, гдѣ правительство обманываетъ свободой книгопечатанія, оно старается пышно обстановить свой обманъ. Несчастное начальство наше, напротивъ, умѣетъ каждый шагъ свой впередъ обстановить такими нелѣпостями, такими страхами, такими кривляньями, что самая уступка его становится противна и каждая льгота отравлена.

О самомъ законѣ, мы говорили подробно. Онъ рѣшительно глупъ и невозможенъ, довольно вспомнить, что онъ желающимъ остаться подъ ценсурой, предлагаетъ остаться. Злѣе критики быть не можетъ.

Теперь взглянемъ на приложение.

Premier Avertissement—все рабски скопированъ съ нелѣпой французской формы (Валуевъ переводить очень хорошо) Avertissement данъ Коршу. Читая его, намъ пришелъ въ голову старыи московскій анекдотъ, объ одномъ буйнѣ, сильно шулерничавшемъ въ картахъ. Разъ онъ игралъ съ какимъ то господиномъ, мало знавшимъ московскіе обычаи. Господинъ этотъ, остановилъ буйна мѣтавшего банкъ. — “Позвольте, позвольте, вы сейчасъ передернули карту” — Что? закричалъ предшественникъ Валуева “Да то, что съ вами играть нельзя, вы передергиваете”. — “Я самъ знаю, закричалъ онъ — ударивъ кулакомъ по головѣ неосторожнаго господина—что передергиваю, да не люблю, чтобъ мнѣ говорили это”.

Валуевъ поступилъ точно также съ Коршемъ, посылая ему моральный туманъ, въ видѣ французскаго avertissement, за то, что *Петербургъ Видомъ*, безнравственно утверждали, что затюженное имѣнье, ни продавать ни перезакладывать нельзя, не выкупивши. Конечно нельзя намъ смертнымъ, но для русскаго правительства другое дѣло. Или В. Коршъ вмѣстѣ съ Аксаковымъ думаетъ, что власть Романовыхъ *отъ мира сею*, что они царятъ по народному избранію. Какъ вѣдь за такой дебашъ Аксаковъ чуть не попалъ въ товарищи Чернышевскому, со всѣмъ своимъ православіемъ, единодержавіемъ, царлюбіемъ и москволюбіемъ. *Independence* (14 Oct.) очень интересно рассказываетъ какъ наша *прѣсная администрація* была глубоко сконфужена статьей *Дня*, она думала, что Романовыхъ никто не хотѣлъ, и никто не избралъ, что они вдругъ явились на тронѣ, какъ грибы. При этомъ чиповничья натура и прорвалась сквозь французскія avertissement, она нашла, что *каторги много, а avertissement мало*. Ищутъ средней пропорциональной линіи. Ну гдѣ же свободному слову ужиться съ этими допотопниками!

— Къ характеристикѣ военныхъ судовъ. Выписываемъ изъ *Спб. Вид.* слѣдующую страшную драму: “31-Іюля, преданные военному суду въ городѣ Тулѣ крестьяне деревни Песочной, Бѣлевскаго уѣзда, Феодосей и Степанъ Ивановы, за сопротивление мѣстнымъ властямъ съ оружіемъ въ рукахъ, при требованіи съ нихъ *оброка*, слѣдовавшаго помѣщику, были вызваны въ присутствіе комиссіи военнаго суда, для объявленія имъ сентенціи, по которой они приговорены были въ каторжную работу въ рудникахъ, первый на 20, а второй на 17 лѣтъ. Когда одному изъ нихъ, Феодосею, была прочитана сентенція и президентъ приказалъ ему выйти изъ присутствія, то онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, но подходя ближе къ столу, на которомъ стояло зеркало и за которымъ сидѣли всѣ члены, сказалъ, задыхаясь и блѣднѣя: “позвольте, посмотрите мою рану на спинѣ”, и посмѣшво сталъ снимать кафтанъ, какъ бы желая показать свою спину. Когда же конвойному приказано было взять его и вывести, то Феодосей, скинувъ съ себя кафтанъ, бросился къ столу и схватилъ военносудное о немъ дѣло, съ намѣреніемъ изорвать, но находясь въ иступленіи, успѣлъ лишь нѣсколько замарать и порвать послѣдніе листы приговора, послѣ чего дѣло у него было отнято. Не успѣвъ въ этомъ, онъ обѣими руками махнулъ по столу, пролилъ чернила, просыпалъ песокъ и

ударилъ такъ сильно въ зеркало, что сбросилъ его со стола; но одинъ изъ ассесоровъ успѣлъ схватиться за него, прежде чѣмъ оно упало на полъ. Въ то же время конвойные и члены комиссіи оттащили его отъ стола, тогда онъ закричалъ: “вамъ нужна тысяча, да у меня ее нѣтъ: ишъ судъ какой!” Затѣмъ онъ былъ связанъ и отправленъ въ тюремный замокъ”.

— Вѣроятно рачительное начальство узнало о *какой ранѣ* на спинѣ говорилъ Феодосей и непременно сообщитъ объ этомъ публикѣ.

— *Всякій разстрѣливаетъ* — Исправляющій должность нижегородскаго генералъ-губернатора, утвердилъ смертный приговоръ военнаго суда надъ двумя крестьянами *Юнисовыми*, и 10 Сентября *Юнисовы* были разстрѣляны.

— *Герцогъ Евгенийъ Лейхтенбергскій*. Читатели наши не забыли романа кн. Романовскаго, разлученнаго на желѣзной дорогѣ свирѣпой матерью и берлинскимъ дѣдомъ съ парижскимъ предметомъ страсти (л. 198 и 199). Мы тогда писали: “Для васъ, герцогъ, въ этомъ случаѣ лежитъ великій урокъ. Вы, поставленные такъ близко къ трону, и вы не избѣли скрещенныхъ лапъ союзаго деспотизма! Подумайте о томъ, что случилось съ вами, и вамъ не захочется снова проситься ни въ стрѣлки, ни въ преображенцы, ни въ егеря. Вамъ, наслѣднику громкаго имени, не захочется называться какимъ то княземъ Романовскимъ, и вы закаетесь ѣздить *назадъ* по прусскимъ желѣзнымъ дорогамъ, пока наступятъ другія времена для Россіи”. Мы съ большимъ удовольствіемъ узнаемъ теперь изъ иностранныхъ газетъ, что совѣтъ нашъ исполняется Герцогъ хочетъ ѣхать во Францію и тамъ остаться, жертвуя своимъ прозваніемъ “романовскаго” и оставаясь герцогомъ Лейхтенбергскимъ tout de bon.

Если это справедливо, мы не совѣтовали бы герцогу слишкомъ долго оставаться на живописныхъ берегахъ Шпре. Конечно, Берлинъ, хороший городъ, и Пруссія хорошее королевство — но въ Петербургъ оттуда скорѣе попадешь, чѣмъ въ Парижъ.

— Не можетъ ли Тульскій губернаторъ Шидловскій обязать насъ свѣденіемъ чѣмъ окончилось дѣло о взломѣ воротъ и похищеніи экипажа у купца Сомова, двумя частными приставами, однимъ на службѣ находящимся и другимъ уволеннымъ. Дѣло было въ Тулѣ и Сомовъ (ограбленный и избитый) сидѣлъ въ острогѣ?

— Статья о Грузіи, полученная нами, будетъ помѣщена въ слѣдующемъ листѣ.

печатается

ИЗВѢСТНАЯ КНИГА ДЖ. ФЛЕТЧЕРА
(1591 г.)

О ГОСУДАРСТВѢ РУССКОМЪ ИЛИ ОБРАЗѢ ПРАВЛЕНІЯ РУССКАГО ЦАРЯ.
ИЗДАНІЕ В. КАСАТКИНА.

ПРОДАЮТСЯ:

НА СМЕРТЬ М. Л. МИХАЙЛОВА.

издано въ пользу

Кассы взаимнаго вспоможенія русскихъ эмигрантовъ.
(Цѣна 50 сантимовъ).

ДЛЯ ИСТИННЫХЪ ХРИСТІАНЪ
Сочиненіе Игнатія. Цѣна 50 сантимовъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pre l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 208.

15 Ноября 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, a Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Snède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: В. Т. Кельсѣва и Емилія Ривъ—Дѣло Н. Андрущенко—Изъ Грузіи. Смѣсь: Убийства своимъ чередомъ—

Мельниковъ и духовные пути сообщенія—Поцалуи Каземана.

ДВѢ КОНЧИНЫ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ скончалась на границахъ Турціи *Варвара Тимофеевна Кельсѣва*, супруга известнаго В. П. Кельсѣва. Безропотно, самоотверженно, кротко, безъ фразъ выпестя эта гвердая, превосходная женщина, добровольную ссылку, страшную бѣдность и всевозможныя лишенія. На ея рукахъ умеръ меньшей братъ Кельсѣва, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она лишилась сперва одного изъ дѣтей, потомъ дочери пяти лѣтъ. Вслѣдъ за ними сошла и мать въ могилу. Ей едва ли было двадцать пять лѣтъ.

И онъ, этотъ человѣкъ—всѣмъ пожертвовавшій для своихъ убѣжденій..., ходя съ похоронъ на похороны и опуская одинъ дорогой гробъ за другимъ въ чужую землю—долженъ былъ встрѣчать подлые клеветы Каткова и шайки!

А седьмого Ноября, на другомъ концѣ Европы, въ Неаполѣ, смерть скосила холерой другое замѣчательное существованіе, другую женщину въ полномъ разгарѣ силъ и энергіи—и какихъ силъ и какою энергіи!

Мы не можемъ не помѣстить въ *Колоколъ* рядомъ съ кончиной В. Т. Кельсѣвой—и эту кончину.

Можетъ читатели наши вспомнить, что въ “Пятомъ письмѣ къ Путешественнику” (Кол. 17 Авг. 1865, л. 202) шла рѣчь объ одной Англичанкѣ, которую мы тогда не назвали. “Перебирая, сказали мы, всю мою жизнь за границей, я долженъ сознаться, не обижая многихъ и многихъ моихъ близкихъ и дорогихъ людей, полное пониманіе нашего вопроса я встрѣтилъ одинъ разъ—и это не въ мужщинѣ, а въ женщинѣ и притомъ въ англичанкѣ”.*

Англичанка эта *Емилія Ривъ*. Въ 1862 году она устроила съ другими соотечественницами своими школу для бѣдныхъ дѣвочекъ въ Неаполѣ и сама стала въ ея главѣ, занимаясь всѣмъ, съ безграничной преданностью. Она окончила свою жизнь на дружескихъ рукахъ—нашъ М. Бакунинъ и его жена были безотлучно при ней.

И—рѣ.

* Повторяемъ отрывокъ изъ письма къ ней, напечатаннаго тамъ же. “Позвольте мнѣ напомнить начало нашего знакомства. Вы протянули мнѣ

Годъ IX.

ДѢЛО Н. АНДРУЩЕНКО.

Окончившій въ 1859 г. курсъ наукъ въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, дворянинъ Иванъ Андрущенко въ 1861 г. былъ командированъ на службу въ Черниговскую Межевую палату, гдѣ и состоялъ до Іюня 1862 г. Находясь при палатѣ въ Черниговѣ и при межевыхъ работахъ въ козелецкомъ и городницкомъ уѣздахъ, Андрущенко познакомился съ операторомъ черниговской врачебной управы, Степаномъ Посомъ, съ которымъ жилъ въ Черниговѣ на одной квартирѣ. Съ Іюня 1862 г. Андрущенко служилъ въ чертежной межевой канцеляріи въ Москвѣ, а въ Іюлѣ 1863 г. назначенъ васьковскимъ уѣзднымъ землемеромъ. Проездомъ черезъ Черниговъ, Андрущенко 6 Іюля 1863 г., остановился на квартирѣ Поса и 8 числа вмѣстѣ съ Посомъ и пріѣхавшимъ изъ городницкаго уѣзда дворяниномъ Александромъ Тымзинскимъ, который также остановился у Поса, былъ въ гостяхъ у подпоручика тамошняго баталліона внутренней стражи Александра Бѣлозерскаго. 11 Іюля, баталліонный адъютантъ поручикъ Герасимовъ объявлялъ командиру баталліона майору Вирзеру, что наканунѣ того дня вечеромъ онъ былъ у Бѣлозерскаго, который читалъ ему два возмутительныхъ листка и говорилъ, что листки эти изъ Питера привезъ какой-то студентъ и что у него много есть хорошаго. По такому объявленію, вслѣдствіе указанія Бѣлозерскаго, были сдѣланы въ квартирѣ Поса обыскъ. При этомъ оказалось на столѣ лежали два листка, одинъ съ печатью общества *Земля и Воля*, начинающійся словами: “Льется польская кровь, льется русская кровь” и другой написанный стихами, начинающійся словами: “Долго насъ помѣщики душили”. Въ чемоданѣ же съ вещами Андрущенко найдено: а) брошюра: *Что нужно народу?* 110 экзempl.; б) возмутительное воззваніе подъ заглавіемъ *Свобода* № 1, съ печатью общества *Земля и Воля*, 5 экзempl.; в) воззваніе къ крестьянамъ, начинающееся словами: *Долго давили васъ братья*, 30 экзempl. и г) газета *Колоколъ* съ 1858—61 гг. 214 экзempl. и д) *Подъ* руку, не зная меня лично, и протянули ее во имя дѣла, которое я дѣлаю. и во имя міра, о которомъ я свидѣтельствовалъ. Не знаю, какимъ вдохновеніемъ, какимъ наитіемъ вы почувствовали живые всходы подъ нашими сѣбми и отгадали, что мрачный и немой міръ нашъ не отходилъ, а нарождался. Вы привѣтствовали его во мнѣ, когда я случайно попался на вашъ дорожъ, и я безконечно вамъ благодаренъ за это”.

Судъ, 31 экзempl.; e) книга издавшая въ Лондонѣ подъ заглавиемъ: *Съ Того Берега*; ж) такая же книга 14 Декабря 1825 г.; з) литографированная тетрадь подъ заглавиемъ *Западъ*; и) рукописныя возмутительныя воззванія: *Къ молодому поколѣнію* и i) номера *Великорусса*. Независимо отъ сего у Андрущенко и Носа оказалась переписка съ разными лицами, возбуждающая подозрѣнія въ ихъ дѣйствіяхъ и при обыскѣ Андрущенко, вырвавъ одну бумагу изъ рукъ пристава, проглотилъ ее; Носъ же, когда былъ найденъ въ одномъ изъ чемодановъ свертокъ печатныхъ бумагъ, бросился на полицмейстера и нанесъ ему побои, такъ что присутствовавшіе должны были связать ему руки. (О проглоченной Андрущенко бумагѣ изложено ниже). Черниговскій гражданскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Голицынъ, предписалъ произвести формальное слѣдствіе о нанесеніи операторомъ Носомъ оскорбленія полицмейстеру. Въ найденныхъ же у Носа и Андрущенко бумагахъ преступнаго содержанія, поручилъ совѣтнику губернскаго правленія, Бѣлцкому сдѣлать негласное дознаніе и довести объ этомъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, объяснивъ, что подобное направленіе въ производствѣ дѣла, т. е. отдѣленіе уголовного преступления, совершеннаго Носомъ, отъ указаній по участию его въ распространении бумагъ противу-правительственнаго содержанія онъ считалъ болѣе удобнымъ, потому что принятымъ имъ путемъ подлежащее разсмотрѣнію каждаго изъ выше упомянутыхъ обстоятельствъ нисколько не будетъ препятствовать разсмотрѣнію другого, ибо съ такимъ же точно удобствомъ могутъ состояться одновременно и два различныя рѣшенія по каждому изъ сказанныхъ двухъ обстоятельствъ, т. е. опредѣленіе судебнымъ мѣстомъ наказанія Носу за совершенное имъ уголовное преступленіе и подчиненіе его Андрущенко болѣе или менѣе строгому административному взысканію, за противу-правительственныя тенденціи. По сообщеніи о выше изложенномъ статсъ-секретаремъ Валуевымъ, начальникъ III отдѣленія, собственноръчю его величества канцеляріи, представилъ о семъ на благоусмотрѣніе государя императора, и такъ какъ значительное количество воззваній, оказавшихся при обыскѣ Носа и Андрущенко, явно доказывали, что они распространяли оныя, слѣдовательно должны, подобно другимъ обвиняемымъ въ семъ преступленіи, подлежать суду правительствующаго сената, то его императорское величество повелѣлъ соизволилъ производить въ Черниговѣ дознаніе, по окончаніи оного, предоставить на разсмотрѣніе и для дальнѣйшаго направленія сего дѣла въ учрежденцію въ С.-Петербургѣ слѣдственную комиссію, доставивъ сюда, для содержанія въ крѣпости, Носа и Андрущенко. Комиссія, разсмотрѣвъ произведенное въ Черниговѣ дознаніе, признала нужнымъ вытребовать дѣло изъ черниговскаго уѣзднаго суда о поступкѣ Носа съ полицмейстеромъ для совмѣстнаго разсмотрѣнія съ дѣломъ объ оказавшихся у Андрущенко воззваніяхъ, каковое дѣло, съ высочайшаго разрѣшенія и по сношеніи съ управленіемъ министерства юстиціи, доставлено въ комиссію. Андрущенко, при первоначальномъ допросѣ въ Черниговѣ, объяснилъ, что бумага, которую онъ проглотилъ, заключала въ себѣ семейную тайну, которую онъ не хочетъ обнаруживать, газету *Колоколъ* и рукописныя тетради онъ нашелъ въ шкафѣ той квартиры, на которой жилъ послѣднее время въ Москвѣ. Печатныя воззванія въ 2-хъ связкахъ принесены къ нему неизвѣстнымъ лицомъ на квартиру при анонимной запискѣ, въ

которой было сказано чтобы передать ихъ въ Кіевъ тому, кто явится и спроситъ изъ Москвы двѣ связки. Увидѣвъ въ Черниговѣ, что одна связка сильно потерялась, онъ распечаталъ ее и, узнавъ содержаніе заключающихся въ нихъ бумагъ, хотѣлъ все уничтожить, но успѣлъ сжечь только половину тѣхъ, на которыхъ есть печать *Земля и Воля*. О томъ, какимъ образомъ доставлены къ нему связки, Андрущенко говорилъ лицамъ, находившимся при отъѣздѣ его изъ Москвы, именно: хозяйкѣ квартиры мѣщанъ Третьяковой, бывшимъ ученикамъ черниговской гимназіи: Рѣчицкому, Коваленкѣ, купцу Полосатому Моану, Хотодовскому Цибульскому и дѣлцу Александрѣ Васильевой. Таки же отрицательные отвѣты, Андрущенко далъ и при первомъ допросѣ его въ комиссіи. Между тѣмъ, въ Августѣ 1863 г. черниговскій гражданскій губернаторъ доставилъ комиссіи письма, писанныя Андрущенко во время содержанія его въ черниговскомъ тюремномъ замкѣ и переданныя имъ находившемуся въ тайной тюрьмѣ, исключенному изъ духовнаго званія Альфонскому. Отъ Альфонскаго письма эти были отобраны по доставленію, его изъ Чернигова въ г. Борзну. По одному изъ писемъ, адресованныхъ на имя Хотодовскаго-Цибульскаго, Андрущенко просилъ его, чтобы онъ самъ показывалъ и научилъ другихъ, бывшихъ при отъѣздѣ его, Андрущенко, показывать, если бы ихъ спросили, что связки были доставлены къ нему на квартиру при анонимной запискѣ. При вторичномъ допросѣ, еще до предъявленія письма къ Хотодовскому-Цибульскому, изъ Андрущенко были замѣчены признаки раскаянія и готовность къ чистосердечному раскаянію; по предъявленію же ему означеннаго письма, Андрущенко объявилъ, что онъ проситъ у комиссіи прощенія въ томъ, что сразу не открылъ всего, при прежнихъ допросахъ онъ готовъ былъ сознаться во всемъ, но ложный стыдъ удерживалъ его и ему было больно убѣдиться, что онъ такъ долго заблуждался. Комиссія видѣла трудное положеніе, въ которомъ онъ измучился. Все, о чемъ только будутъ спрашивать, онъ обязывается искренно открыть, дабы тѣмъ загладить прежнюю неразумительность и помочь истинѣ выйти наружу. Послѣ сего Андрущенко какъ на предлагавшіеся ему вопросы, такъ и въ особыхъ объясненіяхъ, по добровольному вызову, изложилъ съ полною откровенностію и въ возможной подробности о всѣхъ своихъ поступкахъ, наименовалъ участниковъ и, согласно обѣщанію своему помочь истинѣ выйти наружу, заявилъ о такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ лично не участвовалъ, но которыя были почему либо ему извѣстны, такъ что почти единственнымъ поводомъ къ привлеченію всѣхъ ниже сего наименованныхъ лицъ—были объявленія о нихъ Андрущенко. Обвиняемыхъ, не сознавшихъ въ чемъ публудъ, Андрущенко уличалъ на очныхъ ставкахъ. Во вниманіе искренности показаній Андрущенко, трудности его положенія на очныхъ ставкахъ, а также и того, что отъ содержанія въ крѣпости, здоровье его стало приходить въ упадокъ, комиссія испросила высочайшее государя императора соизволеніе, чтобы Андрущенко впредь до рѣшенія дѣла, содержать не въ крѣпости, а при третьемъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи. Изъ показаній Андрущенко видно слѣдующее: Въ 1859 г. Андрущенко познакомился съ бывшимъ студентомъ, сначала Казанскаго, а потомъ Московскаго университета, Маковѣевымъ и былъ введенъ имъ въ существовавшій тогда въ Москвѣ кружокъ молодыхъ людей подъ

названіемъ “Библиотека казенныхъ студентовъ”, въ которомъ первый разъ встрѣтилъ Юрія Мосолова. Въ началѣ 1861 г. выдѣлился новый кружокъ, которымъ заправлялъ Аргиропуло и отчасти Заичневскій; послѣдній кружокъ занимался между прочимъ, литографированіемъ университетскихъ лекцій и не дозволенныхъ цензурою сочиненій. Отправляясь въ Май 1861 г., въ Черниговскую губернію, Андрущенко не знаетъ какъ прекратился этотъ кружокъ, но изъ писемъ брата своего Евгенія знаетъ, что Аргиропуло и Заичневскій были арестованы, а впоследствии узналъ о преслѣдованіи правительствомъ другихъ лицъ. Но “казенная библиотека” существовала и Андрущенко былъ вновь введенъ въ этотъ кружокъ Петромъ Лебединскимъ. Собранія кружка происходили по воскресеньямъ у Мосолова, на которыхъ кромѣ Лебединскаго были: Николай Шатиловъ, Иванъ Заіончковскій, Александръ Новиковъ, Александръ Левашевъ, Николай и Андрей Ильинскіе, Пикандръ Сорокинъ и другія лица. Цѣлью этого кружка было сближать и знакомить между собою студентовъ и другихъ молодыхъ людей; опредѣленнаго устава кружокъ не имѣлъ, но было еще правило для всѣхъ, посѣщавшихъ библиотеку, что каждый, желающій пользоваться сочиненіями и журналами, выписываемыми библиотекою, обязанъ былъ вносить 6 руб. сер. Отъ перваго посѣщенія Мосолова, Андрущенко, въ разговорѣ съ нимъ, вспомнилъ, что они встрѣчались прежде и что нѣкоторые изъ общихъ ихъ знакомыхъ находились тогда въ ссылкѣ. Вообще на собраніяхъ у Мосолова разсуждали о такихъ предметахъ, которыхъ нельзя назвать противозаконными и одинъ только разъ говорили о воззваніи *Молодая Россія*. Но Мосоловъ предупреждалъ Андрущенко, что въ случаѣ если пужно спросить его о чемъ либо или сообщить что либо, то не при всѣхъ это дѣлать, а отзывать Мосолова въ сторону. Судя по этому, Андрущенко полагаетъ, что не всѣ лица, посѣщавшія Мосолова, были посвящены въ его тайны, и онъ вѣроятно выбиралъ для того людей ему извѣстныхъ, которые должны были подъ его руководствомъ вести пропаганду. Библиотека была какъ бы наружнымъ покровомъ. Съ Андрущенко Мосоловъ былъ откровененъ отчасти: такъ въ первое посѣщеніе Мосоловъ сообщалъ ему, что въ С.-Петербургѣ образовалось общество *Земля и Воля*, съ цѣлю способствовать мало по малу измѣненію существующаго государственнаго строя и что Мосоловъ и Шатиловъ знаютъ кое кого изъ принадлежащихъ къ обществу. На вопросъ Андрущенко объ обществѣ, Мосоловъ всегда говорилъ ему уклончиво, именпо, что общество можетъ быть велико, потому что всякій современный человѣкъ, понимающій необходимость улучшенія отношеній разныхъ сословій долженъ принадлежать обществу. Что пока образовался комитетъ, который выбираетъ надежныхъ людей и чрезъ ихъ производитъ пропаганду, что въ концѣ 1862 года членовъ въ обществѣ было до 300 человѣкъ, которые были обязаны въ извѣстное время вносить деньги въ общую кассу и что распространявшіяся въ Москвѣ воззванія были привезены изъ С.-Петербурга, по кѣмъ Мосоловъ не объяснилъ. Съ 23 Мая 1863 г. на квартирѣ у Андрущенко поселился Яковъ Сулинъ и въ первое воскресенье отправился вмѣстѣ съ нимъ къ Мосолову. Сулинъ устроилъ въ квартирѣ Андрущенко сходку, на которой былъ Мосоловъ, Шатиловъ, Левашевъ, Заіончковскій, Лебединскій и Новиковъ. На сходкѣ Сулинъ предлагалъ вопросы, которые тутъ же разрѣшались. Вопросы и

отвѣты были слѣдующіе: Вопросы: а) такъ какъ нѣкоторые изъ посѣщающихъ казенную библиотеку, въ томъ числѣ и Сулинъ, должны уѣхать изъ Москвы, то какой родъ дѣятельности для нихъ долженъ быть внѣ Москвы? б) Въ какихъ отношеніяхъ они остаются къ библиотекѣ; в) Составляетъ ли библиотека одно цѣлое съ петербургскимъ комитетомъ; г) Будетъ ли она выпускать свои воззванія? д) Будетъ ли имѣть свою печать, программу и т. д. и е) Къ кому обращаться въ случаѣ надобности? Отвѣты: уѣзжающіе изъ Москвы должны взять съ собою какъ можно болѣе такихъ сочиненій, въ которыхъ излагаются различныя системы государственнаго устройства и политическаго быта, какъ напр. сочиненія: Стюарта Милля, Прудона, Шоссера и друг. и знакомить съ ними публику, но въ тоже время вести свою пропаганду. Казенная библиотека не составляетъ одного цѣлаго съ петербургскимъ комитетомъ, а должна существовать отдѣльно, не прерывая сношеній съ комитетомъ, своихъ воззваній выпускать не будетъ, а будетъ разсылать ихъ, если получить изъ комитета, также не будетъ имѣть своей печати т. е. штемпеля; въ случаѣ надобности обращаться къ Мосолову или Шатилову и имъ при отъѣздѣ оставлять свои адреса. Въ заключеніе, по вопросу о программѣ, Мосоловъ прочелъ рукопись говоря: вотъ по его мнѣнію, чего слѣдуетъ держаться, или иначе какова должна быть будущность Россіи: управленіе областное съ главнымъ сеймомъ въ С.-Петербургѣ или Москвѣ; земля вся должна быть государственная и отдаваться на срокъ въ пользованіе, уничтоженіе частной собственности, жѣнщина должна пользоваться одинаковыми правами съ мужчиной и еще нѣкоторые другія положенія, которыхъ Андрущенко не помнитъ. Эту рукопись Мосоловъ передалъ Сулину для того, чтобы съ нея списали копіи, всѣ бывшіе на сходкѣ; Сулинъ же черезъ три дня передалъ ее Андрущенко, а онъ имѣя ее въ Черниговѣ, проглотилъ во время обыска. Кромѣ того Мосоловъ на сходкѣ объявилъ, что тѣ лица, которыя будутъ распространять пропаганду внѣ Москвы, должны выбирать себѣ надежнаго товарища, который долженъ знать о вихлѣ, т. е. о Мосоловѣ и Шатиловѣ, долженъ знать ихъ адреса для сношенія, а равно и имъ долженъ быть извѣстенъ адресъ избраннаго лица, такъ что въ случаѣ если арестуютъ одного, другой останется. Наконецъ на сходкѣ было условлено, чтобы переписку вести особымъ способомъ посредствомъ шифра, замѣняя цифрами буквы, которыя брать изъ книги “Физиологическія письма Фогта”. По способу, который Андрущенко изъяснилъ въ своемъ показаніи, присовокупивъ, что шифра для переписки онъ не употреблялъ.

Прежде означенной сходки Андрущенко содѣйствовалъ по дѣлу, содержащагося въ пречистенскомъ частномъ домѣ, коллежскаго регистратора Ивана Кельсиева. Въ связи съ этими дѣйствіями находится поѣздка его въ Петербургъ за деньгами для Кельсиева. По неимѣнію средствъ, на которыя бы Кельсievъ могъ бѣжать за границу, Андрущенко, по совѣту Лебединскаго, обратился къ Мосолову, чтобы достать денегъ отъ общества *Земля и Воля*. Вслѣдствіе сего Мосоловъ далъ Андрущенко адреса въ Петербургѣ, Петра Пушторскаго и Михаила Гулевича, снабдивъ при этомъ его сертификатомъ, т. е. запискою, на которой находилась печать общества *Земля и Воля* и сдѣлана была Мосоловымъ надпись, чтобы удовлетворять если возможно просьбу Андрущенко. Кромѣ того поручилъ спросить о программѣ комитета, скоро ли она

будетъ отпечатана и прислана и вообще обо всемъ, относительно намѣреній комитета. Андрущенко, въ бытность въ Петербургѣ, отыскалъ квартиру Пушторскаго, по Екатерининскому каналу, между Какушкинымъ и Вознесенскимъ мостами, въ домѣ Штенбокъ Фермера, къ Гулевичу же не ходилъ потому, что квартира его “на пескахъ” была далека отъ того мѣста, гдѣ онъ остановился въ Петербургѣ, “номера въ пассажѣ”. Предъявивъ Пушторскому сертификатъ, Андрущенко получилъ отъ него деньги 50 руб. сер. для Кельсиева и 50 руб. сер. для, содержавшагося въ Пречистенскомъ частномъ домѣ вмѣстѣ съ нимъ, студента Квятковскаго. Эти послѣднія деньги, какъ говорили Андрущенко Мосоловъ и Пушторскій, получены послѣднимъ изъ находящейся въ Петербургѣ “польской комиссіи”, которая по словамъ Пушторскаго, хотя не знала Квятковскаго, но отпустила ему деньги съ тѣмъ, что если Квятковскій не успѣетъ бѣжать, то чтобы деньги были возвращены въ комиссію. У Пушторскаго въ квартирѣ Андрущенко былъ два раза, первый разъ, когда предъявилъ ему сертификатъ и передалъ въ чемъ заключался цѣль его прихода, и второй разъ за получениемъ денегъ. Въ послѣднее время посѣщенія Андрущенко пробылъ не долго въ квартирѣ Пушторскаго, ибо Пушторскому нужно было куда-то идти и онъ вышелъ изъ квартиры вмѣстѣ съ Андрущенко, въ первый же разъ онъ спрашивалъ Пушторскаго о намѣреніяхъ комитета и о программѣ, но Пушторскій сказалъ, что программы не будетъ печататься, а рукописная съ печатью комитета будетъ доставлена; относительно же намѣренія комитета, Пушторскій не могъ ничего положительнаго сообщить, потому что сколько извѣстно Пушторскому, въ комитетѣ вышло по такому то предмету разногласіе. Вообще, какъ замѣтилъ Андрущенко, Пушторскій не былъ съ нимъ откровененъ. Кромѣ того Пушторскій вмѣстѣ съ деньгами передалъ Андрущенко, для доставленія Мосолову, небольшой конвертъ съ письмомъ къ нему, но Мосоловъ на вопросъ о томъ, что сообщалъ въ письмѣ Пушторскій, отвѣчалъ уклончиво; вообще ни Мосоловъ, ни Шатиловъ, съ которыми онъ былъ особенно друженъ, не давали Андрущенко желательныхъ объясненій, т. е. кто именно составляетъ комитетъ и какими путями думаютъ они достигнуть цѣли, а потому Андрущенко предполагалъ, что они или не во всемъ ему довѣряютъ, или же и самимъ имъ въ точности неизвѣстно о составѣ комитета и они обманываютъ его.

Относительно побѣга Кельсиева изъ Пречистенскаго частнаго дома, укрывательства его въ Москвѣ и побѣгазаграницу, Андрущенко объяснилъ, что при посредствѣ Леониды Лещенки, Андрущенко познакомился съ Кельсиевымъ, который въ Маѣ 1863 г. объявилъ ему о своемъ намѣреніи бѣжать изъ Россіи, просилъ дать ему средства и сообщить объ этомъ лицамъ, знавшимъ его. Андрущенко передалъ просьбу Кельсиева Левашеву, Мосолову и Сулину. Первый подпилонъ былъ доставленъ Кельсиеву Петромъ Шиповымъ, а за деньгами Андрущенко обратился чрезъ Мосолова къ Пушторскому, съ тѣмъ чтобы у него взять денегъ и для Квятковскаго и, если можно то и заграничный паспортъ для Кельсиева. Пушторскій, передавая деньги для Кельсиева и Квятковскаго по 50 руб. сер. на каждого, объявилъ, что паспорта заграничнаго нельзя имѣть и сообщилъ трактъ черезъ Бессарабію и Молдавскую границу, при чемъ объяснилъ, что этого тракта и они теперь будутъ держаться, ибо прежній черезъ Персію далекъ и опа-

сень, впрочемъ они одного выпроводили такимъ путемъ, по кого Пушторскій не сказалъ. Нѣсколько времени спустя по возвращеніи въ Москву, Андрущенко получилъ отъ Кельсиева записку, въ которой онъ извѣдомлялъ его, что Квятковскій внезапно переведенъ изъ Пречистенскаго въ Тверскій частный домъ и что Кельсievъ принужденъ былъ передать ему свой подпилонъ и потому просилъ доставить ему другой. Андрущенко купилъ подпилонъ, передалъ его Кельсиеву черезъ Левашева, а самъ приготовилъ фальшивый паспортъ на имя землемѣра Василія Иванова, который остался у Мосолова безъ употребленія, ибо заграничный паспортъ для Кельсиева досталъ одинъ изъ Пльинскихъ у Павловича. Когда Кельсievъ приготовился бѣжать изъ части, то извѣдомилъ Левашева, чтобы ждали его ночью на сѣнномъ бульварѣ, близъ Смоленскаго рынка; куда и отправился Лебединскій, а Сулинъ и Андрущенко проводили его до бульвара. Во время укрывательства въ Москвѣ, Кельсievъ проживалъ у Пльинскихъ, Мосолова, Пльи Савилова и въ Сокольникахъ у знакомой Сулина, Варвары Зайцевой, которую Сулинъ уговорилъ принять къ себѣ Кельсиева. Всего Кельсievъ прожилъ въ Москвѣ около двухъ недѣль, такъ какъ сейчасъ по освобожденіи изъ части опасно было ему ѣхать, чтобы не преслѣдовали по дорогѣ. Пльинскій, Лебединскій и, кажется, Левашевъ провожали изъ Москвы Кельсиева, который отправился въ дилижансѣ по Рязанскому тракту, своротилъ на Шинніи Новгородъ и черезъ Казань пріѣхалъ въ Новочеркасскъ. Изъ послѣднюю города или изъ Керчи, Кельсievъ писалъ Пльинскому о своемъ пріѣздѣ и о томъ, что въ Казани получилъ деньги болѣе 100 руб. сер. Такъ какъ побѣга Квятковскаго не состоялся, то всѣ деньги, полученные отъ Пушторскаго, переданы Кельсиеву, но деньги эти, до передачи ихъ Андрущенко Кельсиеву, переходили изъ рукъ въ руки, принимавшихъ участіе въ побѣгѣ Кельсиева лицъ, которые по возможности увеличили эту сумму и такимъ образомъ было собрано до 130 руб. сер.

Объ оказавшихся при обыскѣ въ Черниговѣ воззваніяхъ и другихъ запрещенныхъ сочиненіяхъ, Андрущенко объяснилъ, что а) Экземп. воззванія : *Свобода* № 1, получены имъ отъ Шатилова б) Отъ него же получены эвъ воззванія, начинающагося словами : *Долой душили насъ братья*. в) Брошюру подъ заглавіемъ : *Что нужно народу?* передалъ ему Симіонъ Басовъ. г) Стихи, начинающіеся словами : *Долой насъ по тѣшики душили*, онъ получилъ отъ Холодовскаго Цибульскаго. д) Газету *Колоколъ*, съ прибавленіемъ : *Подъ Судъ*, а также другія Лондонскія изданія, приобретены имъ, частью отъ умершаго студента Моковьева, частью въ моск. книжн. магазинѣ купца Эдмунда Кунта и наконецъ е) Рукописныя воззванія оказались у него по слѣдующему случаю въ Февралѣ 1862 г. Андрущенко ѣздилъ съ студентомъ Павломъ Косачемъ изъ Чернигова въ Кіевъ и у Косача познакомился съ приходившимъ къ нему докторомъ Кистяковскимъ, который просилъ Андрущенко передать въ Черниговъ Ильѣ Дорошенкѣ письмо и запечатанный пакетъ, а такъ какъ Кистяковскій говорилъ, чтобы особенно берегъ пакетъ и передалъ его собственноручно Дорошенкѣ, то это подстрекнуло любопытство Андрущенко, такъ что онъ распечаталъ пакетъ и увидѣвъ, какія въ немъ хранились бумаги, оставилъ ихъ у себя, рѣшившись сказать Дорошенкѣ, что письмо и посылку отъ Кистяковскаго забылъ въ Кіевѣ. Всѣ оказавшіяся при обыскѣ въ Черни-

говѣ воззванія и другія запрещенныя сочиненія находились у Андрущенко въ Москвѣ, на квартирѣ по жившій съ нимъ Суинъ, которому онъ далъ нѣсколько экземпляровъ *Свобода* № 1, проситъ Андрущенко не имѣть у себя ничего подобнаго, ибо онъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы ожидалъ у себя обыска. Согласно этой просьбѣ, Андрущенко отдалъ запрещенныя сочиненія и воззванія на сохраненіе Регицкому, у коего онъ находился около двухъ недѣль; возвращая же Андрущенко, Регицкій оставилъ у себя, съ согласія Андрущенко нѣсколько экземпляровъ; затѣмъ онъ далъ нѣсколько экземпляровъ воззванія : *Доло давили васъ!* Владимиру Карачарову и еще далъ ему письмо отъ Шатилова къ знакомому его въ Нижній Новгородъ, по которому Карачаровъ, согласно желанію его, могъ получить большее количество воззваній; въ бытность въ Черниговѣ, Андрущенко передалъ упомянутыя вначалѣ записки и воззванія Блюзерскому, а также Тошинскому, который вѣтъ экземпляровъ по 10 всѣхъ бывшихъ у него воззваній. Кромѣ того по просьбѣ Лебединскаго, Андрущенко сообщилъ ему адреса своихъ знакомыхъ для разсылки по нимъ воззванія *Свобода* № 1 и въ томъ числѣ Пвана Масловова, который, по полученіи имъ одного экземпляра, уведомилъ Андрущенко письмомъ, полагая, что воззвание было послано имъ. Въ тотъ разъ, когда Лебединскій приходитъ за адресами, онъ передалъ, находящемуся у Андрущенко Левашеву пачку воззванія *Свобода* № 1, а Левашевъ передалъ экземпляровъ 15 Константину Козловскому, о чемъ говорилъ Андрущенко самъ Козловскій; другіе же экземпляры, какъ говоритъ Левашевъ, онъ передалъ кому-то изъ знакомыхъ въ домъ Усина, близъ Собачьей площади, а остальные другимъ своимъ знакомымъ. Независимо отъ выше изложеннаго, Андрущенко объяснилъ, что отъ Левашева ему сдѣлалось извѣстнымъ, что въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня 1863 г. у Левашева скрывался нѣкто Гижитскій, а Лебединскій говорилъ Андрущенко, что Гижитскій, сосланный въ Оренбургскую губернію, былъ привезенъ оттуда въ Москву однимъ раскольниковомъ, у котораго пробылъ нѣсколько времени и потомъ скрывался у Левашева и его знакомыхъ. Лебединскій, при помощи своего знакомаго Затѣберовича, досталъ Гижитскому заграничный паспортъ, съ которымъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ; но что потомъ съ нимъ стало, уѣхалъ ли за границу или нѣтъ, никому не было извѣстно. Прежде изложенія обстоятельствъ, обнаруженныхъ комиссіею о каждомъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, представляется необходимымъ объяснить содержаніе оказавшихся у Андрущенко воззваній и нѣкоторыя свѣденія, имѣющіяся въ дѣлахъ комиссіи, относительно лицъ, печатавшихъ эти воззванія, равно другія обстоятельства находящіеся въ связи съ ними. Воззвание, начинающееся словами : *Льется польская кровь!*... приглашаетъ русскихъ къ сочувствію польскому возстанію, говоря, что съ освобожденіемъ Польши тѣсно связана свобода нашей страдальческой родины, обращается къ офицерамъ и солдатамъ русской арміи, между прочимъ съ слѣдующими словами : Въмѣсто того, чтобы позорить себя преступнымъ избѣженіемъ поляковъ, обратите свой мечъ на общаго нашего врага, выйдите изъ Польши, возвративши ей похищенную свободу и идите къ намъ въ свое отечество, освободить его отъ виновника всѣхъ народныхъ бѣдъ императорскаго правительства, и въ концѣ приводятъ прокламацію польскаго народнаго комитета

къ русскому народу, въ которой сначала говорится что поляки прощаютъ русскимъ прежнее и въ заключеніе помѣщенъ слѣдующій призывъ къ русскому народу : "Если ты въ эту рѣшительную минуту не почувствуешь въ души своей угрызений за прошедшее, если въ борьбѣ съ нами станешь содѣйствовать тирану, который убиваетъ насъ, а васъ запрягаетъ въ ярмо, то горе тебѣ, потому что ты явишься тогда виновникомъ замедленія побѣды въ послѣдней борьбѣ Европейской цивилизаціи съ дикимъ варварствомъ Азіи". Къ возванію сверху приложена голубая печать со словами по серединѣ : *Земля и Воля* и крутомъ русской центральной комиссіи. Послѣ текста воззванія объясняется, что оно напечатано въ типографіи общества *Земля и Воля*. Въ возваніи *Свобода* № 1, съ такою же печатью и съ обозначеніемъ, что оно напечатано въ типографіи общества *Земля и Воля*, объясняется, что дѣль этого общества, борьба съ правительствомъ, что оно успѣло соединить въ себѣ число членовъ тѣхъ отдѣльныхъ кружковъ, которые не разъ уже заявляли себя и вмѣсто которыхъ правительство преслѣдовало не причастныхъ къ дѣлу лицъ, что никто изъ честныхъ людей и здравомыслящихъ не можетъ оставаться правымъ передъ своею совѣстью, уклоняться отъ служенія дѣлу общества, что доступъ къ членамъ общества такіа лица найдутъ всегда и вездѣ, при посредствѣ столичныхъ, провинціальныхъ и заграничныхъ агентовъ, снабженныхъ отъ комитета уполномочіемъ и довѣренностями. Агенты эти сообщать вновь вступающему въ организацию и уже достаточно испытаннымъ лицамъ особую за печатью комитета инструкцію, знакомящую подробно съ задачами общества и съ тѣмъ какъ вести дѣло организации, что наконецъ, люди, жизнь которыхъ тѣсно связана семейными узами или которые, по своему положенію или другимъ причинамъ, не способны къ дѣятельному участію въ общенародномъ дѣлѣ, могутъ оказывать постоянную пользу доставленіемъ разныхъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для дѣятельности организаціи денежныхъ пожертвованій. Для этихъ пожертвованій открытая касса находится въ Лондонѣ, при редакціи *Колокола*. Въ Россіи же денежные взносы доходятъ до комитета чрезъ столичныхъ и провинціальныхъ агентовъ, выдающихъ померованныя, съ приложеніемъ особой печати общества квитанціи. Въ возваніи *Свобода* № 2, съ такою же печатью какъ и первые два и съ объясненіемъ о типографіяхъ, говорится по поводу адресовъ, присланныхъ отъ разныхъ сословій на высочайшее имя, что будто адреса написаны по принужденію, подписавшихъ адреса называютъ измѣнниками родины и въ высшей степени дерзко отзываются о государѣ императорѣ и правительствѣ, называя ихъ презрѣнными рабами, тиранами народа измѣнниками родины, высасывающими послѣднюю каплю крови. Далѣе въ возваніи говорится, что члены бывшаго комитета Вѣликорусса соединились съ обществомъ *Земля и Воля*, что комитетъ *Земля и Воля* доводитъ до общаго свѣденія, что лица, уполномоченныя имъ, снабжены новыми документами и потому проситъ ни въ какомъ случаѣ не исполнять требованій лицъ, не имѣющихъ оныхъ и что номера выдаваемыхъ квитанцій напечатаны въ особомъ прибавленіи, въ которомъ дѣйствительно объяснено, что въ общество получено обратно 34 квитанціи во взносѣ денегъ.

Номера, объявленныхъ въ приложеніи квитанцій, начинаются съ 1001; а номера квитанцій въ прибавленіи до 1000 выдаются за границею*.

* Хотя въ приведенныхъ воззваніяхъ "Свобода" NN 1 и 2 не сказано ни какой именно предметъ предназначается пожертвованія, но въ газетѣ "Колоколъ" и въ прибавленіи къ ней "Общее Вѣче" за 1863 г., въ которыхъ также напечатано приглашеніе къ пожертвованію, объяснены предметы, на которые предназначаются пожертвованія. Такъ въ № 16 "Общ. Вѣче" говоря, что деньги будутъ употребляемы на расходы на помощь ссылаемымъ въ Сибирь и въ разныя губерскіе и уѣздные города, на помощь ушедшимъ отъ преслѣдованія за границу и наконецъ на расходы прямо относящіеся къ дѣлу общества : посылка людей и печатныхъ листовъ, типографскіе расходы и пр.

Кромѣ озпаченныхъ трехъ воззваній, которыя, какъ изъ дѣлъ коммисіи видно, были распространены разсылкою по почтѣ и другими способами. Въ Февралѣ 1863 г. въ Островскомъ уѣздѣ, Псковской губернии, задержаны, вольнослушатель здѣшняго университета, Дмитрий Степановъ и отставной штабсъ-капитанъ Жуковъ, съ принадлежностями для печатанія и съ началомъ отпечатанной статьи возмутительнаго содержания подъ заглавіемъ: “Земля и Воля” — журналъ, издаваемый обществомъ “Земля и Воля” отъ русскаго народнаго комитета. Въ этомъ листкѣ сказано, что въ программу дѣйствій комитета входитъ, между прочимъ, издание особаго журнала, что коммиссія старается заводить дѣятельныхъ агентовъ для того, чтобы соединить съ обществомъ отдѣльные кружки, кромѣ тѣхъ которыхъ уже удалось соединить, что изъ свѣдѣній, полученныхъ обществомъ отъ своего военнаго комитета въ Варшавѣ, извѣстно, что изъ среды войскъ, стоявшихъ въ Польшѣ, выдѣлились благородныя и энергическія личности, ясно сознавшія, что лучше погибнуть самимъ, чѣмъ быть палачами мученическаго народа, и что русская военная организация въ Польшѣ, соединилась съ обществомъ, чтобы дѣйствовать единодушно со взаимною помощію насколько то возможно при разныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ. При производствѣ коммисіею дѣла о Жуковѣ и Степановѣ, первый положительно отказался сообщить какія либо свѣдѣнія объ извѣстныхъ ему обстоятельствахъ, относительно означеннаго воззванія, Степановъ же послѣ долгаго упорства показалъ, что писанный экземпляръ воззванія онъ получилъ отъ бывшаго студента здѣшняго университета, Николая Утина, который далъ ему принадлежности для печатанія и въ товарищи рекомендовалъ студента Михаила Вейде, съ нимъ онъ отправился въ имѣніе Маргенгаузенъ Любюнскаго уѣзда, Витебской губерніи, и тамъ въ проселкѣ Семеновѣ, отпечаталъ 300 экземпляровъ которые привезъ въ С. Петербургъ къ Утину выстѣ съ оригиналомъ и отдалъ ихъ ему; но Утинъ призвалъ ихъ дурно отпечатанными и уничтожилъ ихъ. Вейде, при допросахъ его въ коммисіи не называлъ Утина, объясняя, что фамилію лица, по порученію коего участвовалъ въ печатаніи не знаетъ. Утинъ скрылся за границу и при обыскѣ его квартиры ничего подозрительнаго не оказалось*. Такъ какъ изъ участвовавшихъ въ печатаніи воззваній, Михаилъ Вейде принималъ участие въ приготовленіи въ имѣніи Маргенгаузенъ къ возстанію и самое печатаніе производилось въ Витебской губерніи, то дѣло о Степановѣ, Вейде и Жуковѣ, по высочайшему повелѣнію, препровождено къ витебскому, гродненскому, ковенскому и минскому военному генералъ-губернатору. Въслѣдствіи Степановъ, Вейде и Жуковъ съ другими лицами преданы въ крѣпости Динабургъ военному суду, по повелѣнію уложенію. Въ судѣ Степановъ и Вейде показали, что занимались печатаніемъ по предложенію Утина; на вопросы же коммисіи относительно организціи общества “Земля и Воля” оба они не дали удовлетворительныхъ отвѣтовъ и только Степановъ объяснилъ, что Утинъ распоряжался печатаніемъ воззваній и былъ хранителемъ печати общества.

Бронюра “Что пужно народу” была издана въ Лондонѣ въ 1861 году, въ видѣ прибавки къ *Колоколу*.

* Въ обыскѣ произведенномъ о побѣгѣ Николая Утина, находится письмо его изъ Брюсселя къ отцу, въ коемъ Утинъ говоритъ, что рѣшился бѣжать потому, что предупрежденъ былъ о возникшемъ на него подозрѣніи лицомъ принадлежащимъ тайному обществу и что средства къ побѣгу онъ получилъ отъ лицъ, принадлежащихъ къ этому обществу.

Что касается воззванія безъ заглавія, начинающагося словами: “Долго давили васъ братцы”, то цѣль этой прокламаціи поколебать въ народѣ вѣру въ Царя, возбудить надежду на собственные силы и подстрекнуть народъ требовать отъ царя земли и воли, выборнаго начала и самоуправленія. Съ этою цѣлью въ прокламаціи говорится: “царь собиралъ совѣтъ изъ помѣщиковъ, судилъ да рядилъ съ ними и наконецъ далъ вамъ волю. Ничего тутъ не поймешь, что это за воля такая? вольные вы люди стали, только земли не дали вамъ, а выкупайте за свои кровныя денежки. Не повѣрили вы, чтобы царь общалъ вамъ дать и не сдержалъ своего обѣщанія царскаго и подумали, что обманываютъ васъ помѣщики да чиновники, что не царскій указъ они вамъ читаютъ. И послалъ царь вразумлять васъ своихъ генераловъ и стали они вразумлять васъ розгами, да солдатскими штыками, да пулями. Итъ братцы, плоха надежда на царя батюшку”; далѣе прибавлено, что царю некому рассказать про вашу нужду и что ему мѣшаютъ помѣщики. Въ прокламаціи приведенъ текстъ изъ книги царствъ (кн. 1 гл. 8), гдѣ Самуилъ не совѣтуетъ избирать царя Саула. Далѣе сказано: надѣйтесь братцы на самихъ себя да и добывайте себѣ волю сами. Предостерегаетъ не торопиться, чтобы не испортить дѣла, пообдумать, собраться съ силами, не затѣвать дѣла по кучкамъ. А когда всѣ будутъ готовы, о чемъ прокламація обѣщаетъ извѣстить народъ, тогда можно будетъ потребовать отъ царя все, что нужно и чего теперь не даетъ, т. е. землю безъ выкупа, назначеніе и расходование податей чрезъ выборныхъ, судъ и расправу тоже чрезъ выборныхъ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ учрежденію въ г. Казани слѣдственной коммисіею по случаю распространенія въ приволжскихъ губерніяхъ возмутительныхъ воззваній и замысливавшихся въ означенномъ городѣ возстаній, видно что экземпляры послѣдней прокламаціи были отобраны при арестованіи лицъ обвиняемыхъ въ распространеніи возмутительныхъ воззваній и что кромѣ того отъ нихъ отобраны: а) ложный манифестъ, б) Земля и воля, свобода вѣроисповѣданія и в) Земля и воля, временное народное правленіе. Изъ откровенныхъ показаній студентовъ Лаврскаго и Орлова, данныхъ въ казанской слѣдственной коммисіи, видно, что лица привлеченныя къ дѣламъ той коммисіи имѣли сношенія съ обществомъ *Земля и Воля*, главнымъ агентомъ коего былъ поручикъ Чернякъ, и что открыть всю сѣть казанскихъ пропагандистовъ положительно невозможно, ибо тамъ существовала особая организція. Каждый участвовавшій обязанъ имѣть у себя только одно лице и ни подъ какимъ предлогомъ не группировать около себя центра.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ).

ИЗЪ ГРУЗИИ.

Московскія Вѣдомости (въ №. 194) представляютъ положеніе Закавказскаго Края въ самомъ печальномъ видѣ — разумѣется съ точки зрѣнія русско-катковской національной политики, и съ сочувствіемъ взглядываютъ на Михаила Николаевича, призваннаго бороться съ печальными происходящими тамъ событіями. Причину всякаго зла, въ Закавказскомъ Краѣ, равно какъ и въ Россіи, они приписываютъ недостаточности русской національной политики и ошибкамъ отцовъ, которые не только допустили, но по видимому даже способствовали движенію духа различныхъ мѣстныхъ національностей; изъ каковой статьи слѣдуетъ одно только заключеніе, что настоящему правительству необходимо озаботиться о прекращеніи этого движенія. Въ слѣдствіе подобной роли, предлагаемой *Моск. Вѣдомостями* правительству, я вспомнилъ одинъ забавный способъ торможения экипажей, существующій еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи: оселъ

исполняетъ тамъ дѣло тормазы, т. е. при спускѣ съ горы экипажа, къзади его привязываютъ осла, который упираясь, по своему обыкновению, всѣми четырьмя ногами, чтобъ не двигаться впередъ, хотя не задерживаютъ тѣмъ экипажъ, но достаточно препятствуютъ скорому его ходу.

Въ особенностяхъ *Моск. Вѣдомостей* нападаютъ на бывшаго намѣстника кавказскаго князя *Воронцова*, который, будтобы, вездѣ гдѣ ему случалось управлять, всеялъ въ туземцахъ духъ преимущества ихъ надъ русскими; и въ доказательство такого обвиненія, означенная газета указываетъ на построенную симъ княземъ, близъ своего дворца въ Алушкѣ, великолѣпную татарскую мечеть — въ слѣдствие чего крымскіе татары начали съ гордостью говорить, что они татары, и на издание будтобы въ Тифлисѣ армянскаго журнала на русскія деньги — что разумѣется также подаетъ поводъ армянамъ и грузинамъ полагать, что они составляютъ какую то отдѣльную, нерусскую національность.

Относительно послѣдняго обстоятельства, т. е. изданія армянскаго журнала на русскія деньги, я положительно могу сказать, что увѣреніе *Моск. Вѣдомостей* есть совершенная ложь; и если эти Вѣдомости не согласятся въ этомъ, то пусть укажутъ когда, по чьему предписанію и изъ какого казначейства были выданы упомянутыя деньги. И наконецъ, о чемъ же должно заботиться правительство, о просвѣщеніи, или же о помирненіи присоединенныхъ къ Россіи народовъ? И жаловаться на то, что имя *русское* сдѣлалось между туземцами понятіемъ всего униженнаго, обиженнаго и дурнаго, и требовать въ слѣдствие этого уничтоженія туземныхъ нарѣчій, — не значитъ ли унижать ужаснымъ образомъ Россію въ глазахъ Европы?

Гдѣ рѣшатся въ настоящемъ вѣкѣ, кромѣ какъ въ Россіи, провозглашать подобныя принципы? Австрія, которую въ самой Россіи называютъ пожирателемъ національностей, не развивала ли у туземцевъ вкусъ къ литературѣ и къ разработыванію мѣстныхъ нарѣчій? Вы выселили черкесовъ изъ родимыхъ горъ, а теперь требуете уничтоженія прочихъ національностей... Какъ во всемъ этомъ выказывается монгольская наклонность, полагающая основывать свое величіе на истребленіи и развалинахъ.

Что ни одинъ русскій правитель не говорилъ грузинамъ и армянамъ, что они лучше русскихъ — въ этомъ кажется не надо и божиться. А если Закавказскій Край обязанъ настоящею своею цивилизаціею Россіи, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что русскіе должны быть тамъ господами, а туземцы ихъ слугами. Честь Россіи, для насъ туземцевъ, также дорога какъ и для русскихъ, а что касается до увѣренія *Моск. Вѣд.*, что во время польскаго возстанія, армянская и грузинская молодежь высказывали свое сочувствіе къ полякамъ, то это сочувствіе могло произойти единственно изъ чувства справедливости. Воляно же *Моск. Вѣд.* имѣть претензію, что иноплеменики присоединенные къ Россіи, должны смотрѣть на всѣ предпріятія русскаго правительства какъ на дѣянія великія! Хоръ эвменидъ искони были неумолимы, и эготъ хоръ въ отношеніи русскаго правительства составляютъ туземныя племена: они, по волѣ судьбы, раздѣляя общую участь съ Россіею, уже по своей иноплемениности не могутъ быть увлечены тѣмъ ложнымъ патриотизмомъ, выродившимся въ жестокосердіе и эгоизмъ, органомъ котораго служатъ *Моск. Вѣдом.* По этому они, какъ безпристрастные

свидѣтели, вестерпимы для этой газеты, и она требуетъ ихъ уничтоженія или иначе, ихъ уничтоженія. Подобное требованіе еще согласуется съ криминальною логикой; но находятъ въ томъ фактъ, что нѣкоторые туземцы, изъ армянъ, называли своихъ дѣтей Наполеонами — что либо непризнанное къ Россіи, это уже такъ мелко, такъ мизантропно и выказываетъ такую нетерпимость ко всякаго рода свободѣ, и въ особенности къ свободѣ семейственной, что послѣ этого пѣть уже сомнѣнія, что и издатель *Моск. Вѣдомостей* своимъ усердіемъ окажетъ такую же услугу русской народности, (еслибъ дѣйствительно этой народности грозила бы какая либо опасность), какую уже оказала Мара французской свободѣ. Они часто провозглашаютъ, что достаточно одного Марата для спасенія свободы Франціи. (Это нужно понять въ томъ смыслѣ, что предложенія его были такъ ужасны, что двухъ Маратовъ, пожалуй, не могли-бы и слушать) Издатель *Моск. Вѣдомостей* въ свою очередь можетъ также воскликнуть, что его одного достаточно для спасенія русской народности.

Но важное слово о томъ, что имя *русское* сдѣлалось, будто бы, между туземцами синонимомъ всего дурнаго, униженнаго и обиженнаго — уже произнесено *Моск. Вѣд.* Разсмотримъ теперь какая заключается въ немъ доля правды и откуда могло произойти подобное обидное мнѣніе. Правительство, вступивъ въ обладаніе новымъ народомъ, даетъ о себѣ понятіе этому народу, какъ полагаю, во 1-хъ устройствомъ военной своей силы и во 2-хъ порядкомъ судопроизводства, или иначе, справедливымъ и скорымъ отправленіемъ суда и расправы. Какъ же выказало себя русское правительство на Кавказѣ? Вступивъ въ управленіе народомъ жаждущимъ спокойствія и справедливости, народомъ иноплеменинымъ, непонимающимъ ихъ языка, и можно сказать, патриархальнымъ, оно навязало имъ безконечную процедуру своего дѣлопроизводства; туземцы, являясь въ судахъ за справками и получая одинъ и тотъ же отвѣтъ: приходи завтра, справься завтра, что продолжалось иногда десяти лѣтъ, и видя, что взятки служатъ при новомъ управленіи такимъ же дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія справедливости какъ и при старомъ, разочаровались наконецъ въ своихъ мечтаніяхъ о моральномъ превосходствѣ русскихъ надъ туземцами, и слово *завтра* обратили въ слово грузинское, популярное, выражая имъ насмѣшливо обѣщаніе, которое не думаютъ исполнить. Такимъ образомъ правительство сдѣлавъ очень мало по части улучшенія судопроизводства, по крайнѣй мѣрѣ въ примѣненіи его на практикѣ, мѣжду тѣмъ сдѣлало чрезвычайно, изъ видовъ разумѣется административныхъ, узъ отношенія помещика къ крестьянамъ т. е. увеличило тѣмъ несправедливости. Военная же сила Россіи, т. е. многочисленность армій, богатство ея средствъ и стойкость русскихъ въ сраженіяхъ, всегда служили предметомъ справедливаго удивленія для туземцевъ, которые постоянно сознавали, и будутъ сознавать, что настоящимъ своимъ спокойствіемъ они обязаны единственно военному вѣнательству Россіи въ дѣлахъ Закавказья; но быть русскаго солдата не могъ не казаться имъ несчастливѣйшимъ, и считать существомъ обиженнымъ, униженнымъ. Ни одинъ несчастный туземецъ не пожелалъ бы быть солдатомъ — по крайнѣй мѣрѣ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, т. е. до ограниченія случаевъ наказанія солдатъ розгами; и теперь достаточно будетъ объявить рекрутскій наборъ на Кавказѣ, чтобъ произвестъ тамъ

возмущение. Слѣдовательно русское правительство не очаровало туземцевъ ни справедливостію въ дѣлахъ, ни заманчивостію военной своей славы. Туземцы не говорятъ, что монголы и персіане лучше русскихъ, но они не скрываютъ, что русские не лучше туземцевъ, и что по этому не должно быть оказываемо русскимъ на Кавказѣ какое либо преимущество *въ ущербъ туземцамъ*. По *Моск. Вѣдомостямъ* этимъ обижаятся, находятъ въ подобной претензии недостатокъ почтения — проявленіе какой то ненависти къ русскимъ, а на дѣлѣ оказывается наоборотъ, а именно, что многіе русские, вѣроятно постоянные читатели *Моск. Вѣдомостей*, высказываютъ, даже самымъ дѣтскимъ образомъ, затаенную свою ненависть къ туземцамъ. Вотъ новѣйшій примѣръ этому: предсѣдатель кавказскаго комитета дѣйств. статск. совѣтн. Максимовичъ, послѣ усмиренія въ Тифлисѣ возстанія, гуляя по головинскому проспекту, *бьетъ палкой* встрѣчающихся ему грузинъ, (разумеется изъ просіаго званія) ругая ихъ при этомъ по грузински: ахъ ты *мамадзагла*, что по русски значить с... сынъ. Собратъ его — чиновникъ же искренно дивится такому пылкому проявленію патристическихъ его чувствъ; но однакожъ нашелся одинъ между ними, который замѣтилъ ему съ негодованіемъ, что подобная единичная его храбрость совершенно неумѣстна, и можетъ имѣть болѣе вредныя, чѣмъ хорошія послѣдствія. Но г. Максимовичъ вѣроятно не обратилъ вниманія на такое замѣчаніе и добьется палкой — до паграды.

По брава политику правительства за Кавказомъ *Моск. Вѣд.*, какъ видно, мѣгали главнымъ образомъ, совѣтъ въ пную сторону, въ другой народъ, незакавказскій, т. е. въ поляковъ. Эти поляки рѣшительно не даютъ имъ покою, или что еще вѣрнѣе, *Моск. Вѣд.* вѣроятно пожелали не дать нигдѣ покою полякамъ. И дѣйствительно, какъ только рѣчь касается до нихъ, вышеупомянутая статья *Моск. Вѣдомостей* обращается рѣшительно уже въ доносъ; даже польскія святцы, помѣщаемыя ежегодно въ кавказскомъ календарѣ, принимаютъ въ глазахъ этихъ Вѣдомостей опасное предназначение. Но ясно, что подконы этой газеты направлены къ тому, чтобъ сорвать съ своихъ служебныхъ мѣстъ чиновниковъ изъ поляковъ, находящихся за Кавказомъ, и предоставить ихъ мѣста русскимъ; этимъ вѣроятно думаютъ достигнуть двойной цѣли: усиленія русскаго элемента на Кавказѣ и изгнанія отсюда поляковъ. Да куда дѣваться этимъ несчастнымъ? На родину, въ Польшу? Да ихъ какъ слышно, гонятъ и отсюда.

Наконецъ эта же газета говоритъ, что тифлисское возстаніе можно считать огненнымъ дѣломъ совершенно окупленнымъ. Но въ подобномъ увѣреніи ея мы можемъ еще сомнѣваться, потому что какъ видно и изъ самаго рескрипта Великаго Князя, на имя князя Орбеліани, помѣщеннаго въ № 192 *Московскихъ Вѣдомостей*, народъ уступилъ только силѣ; притомъ же, такъ какъ и новыя подати еще не взысканы, то изъ этого слѣдуетъ, что ни правительство, ни народъ не остаются еще удовлетворенными. Кстати, нѣсколько словъ объ этомъ рескриптѣ Михаилъ Николаевичъ, обращаясь въ немъ къ князю Орбеліани, говоритъ между прочимъ: “Вамъ извѣстно съ какою тщательностію обсуживался вопросъ объ увеличеніи городскихъ доходовъ”. Такая рѣчь Намѣстника въ своему помощнику тогчася припомнила мнѣ одну грузинскую пословицу, которую можно перевести такимъ образомъ: *Лисица ссылается на свидѣтельство своего хвоста*. Кто же

васъ заставляетъ оправдываться Великій Князь?... Воспользуйтесь только урокомъ бывшаго возстанія и изощряйте свой умъ не къ тому, чтобъ подавлять народъ, но чтобъ способствовать всячески его благосостоянію, и, при такомъ услови, будьте увѣрены, что вы можете еще приобрести сочувствіе къ вамъ общественнаго мнѣнія, даже безъ всякихъ оправдательныхъ софизмовъ вашего рескрипта. Поменьше политики и побольше сердца — вотъ девизъ, которому хорошо бы было намъ слѣдовать въ управленіи народомъ, въ особенности закавказскимъ. Теперь повсюду, даже между самыми обыкновенными смертными, считается какъ то неприличнымъ ссориться изъ за денегъ: можно ли послѣ этого — изъ за подобныхъ пустяковъ биться съ народомъ, и какъ еще биться — на смерть! Вникайте лично въ дѣла и слѣдите за тѣмъ, чтобъ расходы производились правильно, въ интересахъ народа, и, приобретя такимъ образомъ кредитъ, вы увидите, что вамъ будутъ давать денегъ, на слово, столько сколько будетъ угодно; а то теперь, какая обѣда для васъ! Не вѣрятъ ни въ увѣренія вашего рескрипта, ни въ иныя формальныя требованія, и ничего не даютъ добровольно.

Забавно еще то, что въ томъ рескриптѣ упоминается о сборщикѣ податей Бажбеуковѣ какъ о *безчеловѣчно* убитомъ. Что значить безчеловѣчно убитый? Какия же это убійства бываютъ человѣчны: не вѣшаніе ли или разстрѣливаніе поляковъ?

Но слѣдующее мѣсто рескрипта заставляетъ уже краснѣть за великаго князя: “Если жители Тифлиса не хотятъ лишиться монаршаго вниманія, говорить великій князь, то они должны открыть виновныхъ въ бывшихъ безпорядкахъ и оказать дѣятельное пособіе властямъ въ ихъ преслѣдованіи и изобличеніи...”. Благородно ли это? и наконецъ, практично ли предлагать жителямъ, которыхъ считается въ Тифлисѣ сто тысячъ, чтобы они сами выдали своихъ братьевъ, виновныхъ въ такомъ народномъ возстаніи, какое было въ этомъ городѣ? Чѣмъ же эти жители заслужили подобное къ нимъ презрѣніе!

СМѢСЬ.

— *Убійства своими чередомъ*. Благодушный монархъ и опричинны доказываютъ черезъ годъ чего не успѣли казнить въ прошломъ. Поручикъ Чернякъ (читатели наши помнятъ его участіе въ Казанскомъ дѣлѣ, изложенномъ въ 205 и 206 листахъ *Колокола*), разстрѣлянъ въ Казани 11 Октября.

— *Мельниковъ и духовные пути сообщенія*. Къ водянымъ и сухонутнымъ путямъ сообщенія у насъ стараніями генерала Мельникова присовокупляется вѣдомство *духовныхъ путей*. Ученый генералъ недавно ѣздилъ лично устроить въ Вѣнѣ — сношенія съ разными *медіумами*, собиравшимися въ этомъ прилчпомъ для колдовства и шарлатанства центрѣ европейскаго обскурантизма. Не слѣдуетъ ли завѣдываніе земными путями отобрать у человѣка, занимающагося небесными? Грубое, матеріальное занятіе можетъ только отвѣчать постукивающаго генерала отъ дѣла духовнаго и испортить его *медіумную* способность.

— *Поцалуй Кауфмана*. Прибавился еще историческій поцалуй къ знаменитымъ поцалуямъ Франчески да Римини, Іуды Искаріота, Пиктоля — Полежаеву: Негг Кауфманъ поцаловалъ руку русскаго попа. *Усердіе* все преодолагаетъ! “Виленискій Вѣстникъ”, говоря о православно-нѣмецкомъ поцалуѣ Кауфмана, прибавляетъ: “Примѣръ этотъ великъ, а равно великъ и тотъ, кто подаетъ народу такой примѣръ!” Дѣйствительно *великъ*! Будь это дикой православный, самъ Аксаковъ, удивительнаго было бы мало. А нѣмецъ, вѣроятно протестантъ, цалующій *по службѣ* руку попа — почтенно. Цѣль не порадоваться, что Кауфманъ живетъ въ нашъ образованный вѣкъ, а живя онъ во время святительства бога Аписа, ему пришлось бы прикладываться къ обоимъ концамъ божественнаго хвоста его.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 209.

1 ДЕКЯБРЯ 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Предлагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRUBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Запросъ къ издателямъ русскихъ партикулярныхъ журналовъ—Къ концу года—Дѣло Н. Андрущенко (Продолженіе) Смѣсь:

Chamber of Horrors—Поджигатели и подицы—Наши будущіе перы и наши прошедшіе англомамы—Николай какъ ораторъ—“Колоколъ” на 1866.

ЗАПРОСЪ

ГГ. ИЗДАТЕЛЯМЪ РУССКИХЪ, ПАРТИКУЛЯРНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Почтеннѣйшіе Сотоварищи,

Уничтоженіе предварительной цензуры ставитъ русскую независимую журналистику на болѣе совершеннѣйшую ногу. О запретѣ статей по одному имени писавшаго ее, или приславшаго, не можетъ быть и рѣчи.

Ясно, что помѣщеніе статей зависитъ отъ ихъ достоинства, отъ ихъ сообразности съ духомъ журнала, и наконецъ отъ степени личной храбрости издателя—въ ней, почтеннѣйшіе сотоварищи, мы не сомнѣваемся...

Совсѣмъ напротивъ, мы такъ увѣрены въ ней, что предлагаемъ вамъ посильные труды наши и съ нетерпѣніемъ ждемъ вашего отвѣта.

Радуюсь съ вами вмѣстѣ началу освобожденія русскаго слова, мы нашимъ предложеніемъ, даемъ вамъ средство измѣрить его глубину и искренность.

Напечатаніе этого письма въ почтенныхъ журналахъ, издаваемыхъ вами, мы примемъ за особенное одолженіе, и впередъ благодаримъ за него.

Желая вамъ всякаго успѣха и всякой дани отъ субсидій, арендъ, казенныхъ афишъ и иныхъ правительственныхъ поощреній, остаемся готовыми къ услугамъ вашимъ

1 Декабря 1865
Chateau Boissiere.

Александръ Герценъ.
Николай Огаревъ.

P. S. Если вы желаете, мы пришлемъ перечень статей, которыя мы готовы прислать въ ваши распоряженія.

КЪ КОНЦУ ГОДА.

1.

Переживаемъ мы и 1865 годъ, какъ пережили 1863 и 1864.

Послѣ двухлѣтней бѣлой горячки наступаетъ утомительное выздоровленіе, медленное, неоткровенное, съ продолженіемъ горячешныхъ явленій, съ возвращеніемъ бреда. Яркого перелома, въ который вѣрны старые доктора, не было, но припадки бѣшенства видимо ослабли и взявъ все въ соображеніе дѣла идутъ не хуже.

Годъ IX.

Для насъ даже положительно лучше.

Съ вынѣшней весны звонъ нашъ опять сталъ проникать въ Россію, опять сталъ будить однихъ, беспокоить другихъ, насъ больше бранить, къ намъ больше пишутъ, у насъ больше корреспонденцій и читателей... А мы идемъ все *тѣмъ же*, своимъ путемъ и вовсе не намѣрены его мѣнять, т. е. самага пути, за тонъ и освѣщеніе мы не отвѣчаемъ, они зависятъ отъ событій, а не отъ насъ; это мы говорили много разъ*.

Идти своимъ путемъ, при обстоятельствахъ, при которыхъ мы шли послѣдніе три года, было трудно и мы никогда не скажемъ, чтобъ при царившей путаницѣ идей, страстей, при противоположно несущихся потокахъ, *насъ не уносило иной разъ въ сторону*—но съ главной линіи мы не сбились, ни подъ неистовымъ ругательствомъ своекоштныхъ и казенно-коштныхъ враговъ, ни подъ совѣтами строитивыхъ друзей.

Колоколъ остался тѣмъ чѣмъ былъ, остался *самимъ собой*, онъ представлялъ ту же мысль и не представлялъ ни какой котеріи. Брошенный почти всѣми, онъ не бросился ни въ патріотическую реакцію, ни въ демагогическій алармизмъ.

Стоять на одномъ мѣстѣ и говорить одно и тоже—еще не находка. Можетъ мы потому-то и неправы, что твердимъ какъ Платонъ Михайловичъ Горичъ—седьмой годъ тотъ же дуэтъ а тол'ный. Упираясь на одномъ мѣстѣ, мы дали опередить себя, упорствуя идти по одной дорогѣ, мы не замѣтили что Россія пошла по другой. Все это для журналиста, для публициста — смертныи грѣхъ и стойкая добродѣтель Свмеона Столнника всего меньше идетъ ему.

Что враги наши пошли по другой дорогѣ и захватили съ собой девять десятыхъ друзей, это мы знаемъ и видимъ. Но долго-ли за ними пойдетъ читающій русскій людъ—этого мы не знаемъ и не видимъ, а вѣдь мы пишемъ только для него. Не говоря о томъ, что мы не могли слѣдовать на путяхъ кроваваго и дикаго патріотизма за нашими врагами, намъ кажется, что по мѣрѣ того какъ онъ будетъ стынуть, по мѣрѣ того какъ опротивятъ *Моск. Вѣдомости* и муравьевскія мѣры, по той мѣрѣ будутъ возвращаться наши читатели.

Что лично сильные люди, бойные таланты, полные юности свѣжести могли опередить насъ, должны были опередить, мы это не только знаемъ, но радуемся этому какъ всякій человѣкъ

* “Мать-изъ, великъ-изъ ручей, путь его зависитъ не отъ него, а отъ общихъ словцовъ и скатовъ чатерика”. (“Кололъ”. 1864).

расчистивший путь радуется, что по немъ идутъ даѣе, по опередило-ли нашу пропаганду общественное мнѣніе въ Россіи, этого мы не знаемъ и сильно сомнѣваемся.

Теоретическое преподаваніе съ cathedra идетъ по другимъ законамъ чѣмъ журнальная рѣчь. Кругъ чистой науки шире, выше и отвѣщеніе; лекція уже потому независимѣе отъ аудиторіи—чѣмъ журналъ отъ общественнаго настроенія, что она говоритъ съ юношами. Тутъ по неволѣ надобно вспомнить раздѣленіе труда и различіе средствъ сообразныхъ разнымъ цѣлямъ. Первое условіе успѣха практической пропаганды—быть по плечу своему хору, всегда шагать впередъ и никогда двумя. Мы должны хору уяснить его собственныя стремленія, его смутныя мысли, ставить слогизмы его посылкамъ, ставить точки на его і. Если мы уйдемъ отъ него далеко, онъ не пойдетъ за нами, если уклонимся—онъ оставитъ, если отстанемъ—онъ задавитъ или обойдетъ насъ. Интересовъ его нельзя выдумывать или “конструировать”, какъ дѣлали цѣмцы, ихъ надобно брать у него и развивать. Мало-ли въ мірѣ интереснаго и хорошаго, но если оно не на череду, оно также мало пойдетъ въ ходъ какъ квекерская агитація Peace Society во время крымской войны. Апостолъ Павелъ говоритъ своимъ пропагандистамъ: “будьте все со всѣми, съ подзаконными будьте подзаконными и съ свободными—свободны”.

Ни отвѣченное мышленіе, ни дальніе идеалы, ни логическая строгость, ни рѣзкая послѣдовательность, сами по себѣ не помогутъ дѣлу житейской пропаганды, если въ ней не будутъ уловлены ближніе идеалы, сегодншнія стремленія, сомнѣнія массъ. Площадь и клубъ, зала и всякій сходъ людей тѣмъ и отличается отъ замкнутаго круга школьныхъ друзей, что одни слушаютъ, другіе учатся или должны бы были учиться.

Слѣдить изъ дали за мѣняющимся потокомъ мнѣнія, особенно такого молодаго, необузданнаго и только на поювину раскованнаго какъ наше—было не легко и мы только довѣряясь своему чутью проавировали, кой какъ, темной и бурной ночью, между противоположными маяками, да и то потеряли весь баласти.

Въ этомъ впрочемъ мы себя не винимъ. Соответствіе съ направленіемъ общества имѣетъ предѣлъ, даѣе котораго оно становится *измѣнной*. Звукъ Колокола терялся, возбуждалъ гнѣвъ и негодованіе по той мѣрѣ, по которой росла популярность Муравьева и Моск. Вѣдомостей. Муравьева откинули, Моск. Вѣдомости перешли свою апогею и *навѣрное будутъ блѣднѣть*, худшее время мы пережили и скоро на наши зовы снова явятся блудные дѣти наши съ сбывшимъ волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада, въ которомъ не они пасли, а въ которомъ ихъ пасли.

По счастью время, которое они провели Навуходоносорами, не прошло даромъ, въ немъ выработались силы, которыхъ никто не зналъ и которыя могутъ быть иначе употреблены, чѣмъ на поддержку и защиту “скотнаго двора” и его пастуховъ—по объ этомъ потомъ.

Теперь возвращаемся къ нашей Via Mala съ ея двумя противоположными пропастями. Ни одинъ схирикъ въ пустынь не былъ такъ преслѣдуемъ, такъ искушаемъ—съ правой и съ лѣвой стороны.

Это началось не со вчерашняго дня. Когда въ 1858 году напалъ на насъ Червь съ своимъ доктринерски-административнымъ

актомъ. мы уже имѣли нѣсколько пурпурно-красныхъ писемъ упрекавшихъ насъ въ модерантизмъ и пукъ орани за социализмъ, якобинизмъ, разныя неуваженія, прордерзости и пр.

Съ тѣхъ поръ одни постоянно считали насъ анархистами, другіе—гуверnementалистами, одни—гебернистами, другіе—маркизами Поза, одни—кровожадными террористами, другіе—постепеновскими прогрессистами, одни—говорили съ ужасомъ: “они зовутъ къ топорамъ и пишутъ воззванія!”

другіе—съ сметомъ зубовъ: “они не зовутъ къ топорамъ и пишутъ не только къ государю, но и къ государынь”.

На дняхъ мы получили два письма. Одно отъ стародавняго друга, другое отъ стародавняго противника: “Вы выбиваетесь изъ силъ, пишете другъ, вы гибнете, вы садитесь на мель оттого, что не имѣете храбрости плыть на всѣхъ парусахъ, вы воображаете что развитіе пойдетъ мирнымъ путемъ, а оно мирнымъ путемъ не пойдетъ; пожалуй вы еще надѣетесь въ этотъ несчастный одиннадцатый часъ на правительство, а оно можетъ только дѣлать вредъ; вы загнулись за русскую избу, которая сама загнулась да и стоитъ вѣка въ китайской неподвижности, съ своимъ правомъ на землю; зовите людей, собирайте ихъ, кличите кличь, великое пастаетъ время, оно близко”...

“Вы топете, пишете противникъ, въ какой-то тинѣ и мнѣ васъ жаль. Но временамъ у васъ вырываются Прометеевскіе вопли, но все таки вы погружаетесь глубже и глубже въ свою бездну. Вы должны перемѣнить атмосферу, забыть прошедшее, обновиться, освѣжиться, пріобрѣсти другой языкъ. Теперь вашу рѣчь намъ русскими читать тяжело, ни *одного добраго слова мы отъ васъ не слышимъ*. Вы не встрѣчаете въ отечествѣ ни *малѣйшей хорошей черты*, точно какъ будто русскіе составляютъ какой нибудь отверженный народъ... Двадцать пять милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ и двадцать пять милліоновъ казенныхъ получаютъ свободу и землю. Дворянское сословіе переноситъ свою пужду съ терпѣніемъ и покоемъ, раздаются свободные голоса, въ думахъ, земскихъ собраніяхъ, въ печати. Войска узнать нельзя. Духовенство обновляется... неужели все это *не находитъ отзыва въ душѣ, любящей истинно отечество?* Пѣтъ, вашъ Колоколъ треснулъ, благовѣстить вы не можете, а зловѣстить есть преступленіе... Прозвоните же de Profundis, напишите эпитагію”...

Такъ и хочется читая посылать голову цѣпломъ и идти въ Соловецкій монастырь, а потомъ привести себя въ распоряженіе свѣтскаго начальства.

Новое обвиненіе, прибавившееся къ прежнимъ *одно* то “что мы добраго слова не говоримъ о Россіи”, то “что мы равнодушны къ великимъ событіямъ совершившимся тамъ”, словомъ, что *мы ненавидимъ Россію и народъ русскій*. Этого, помнится, ни Червь и вообще ни одинъ человѣкъ изъ нападшихъ на насъ до патріотической проказы 1863 и 1864 никогда не говорилъ.

Трещина, о которой упоминаетъ нашъ уважаемый противникъ, оптической обманъ, это черная полоса пролагаемая съ берега висѣлицами, позорными столбами и столбами къ которымъ привязываютъ растрѣливаемыхъ.

Но при постоянствѣ этихъ обвиненій, напоминающихъ

споръ о каѳавѣ Недоросля, не надобно выпускать изъ виду и третьяго постоянства—именно насъ, занимающихъ роль Трпшки, мы не гибнемъ, не топемъ, не вязнемъ, не грузнемъ, слушаемъ гласы сиреньи съ права и съ лѣва и идемъ своей дорогой. За туманомъ и черными волнами насъ не было видно, теперь становится посвѣтлѣе—челнокъ опять на горизонтѣ, съ тѣмъ же знаменемъ...

Какое же это знамя у насъ? Мы, не нарушая законовъ скромности, думаемъ, что его пора бы знать. Знаютъ же цвѣтъ “Дня”, цвѣтъ “Вѣсти”...

“Мы глубоко убѣждены, что нынѣшнія государственныя формы Россіи никуда негодны и отъ души предпочитаемъ путь мирнаго человѣческаго развитія—путь развитія кроваваго, но съ тѣмъ вмѣстѣ также пскренпо предпочитаемъ самое бурное и необузданное развитіе—застою Николаевского statu quo”.

Въ этихъ словахъ, сказанныхъ нами во второмъ листѣ *Колокола* (1 Августа 1857) не символъ нашей вѣры, его знали всѣ прежде, а такъ сказать практическій артикулъ нашъ, *notre convergence*, объясненіе нашихъ путен. Мы съ нихъ не сбились и также послѣдовательно говорили: “Ты побѣдишь Галилеяпинъ!” когда государь сталъ открыто со стороны освобожденія крестьянъ, какъ послѣдовательно спрашивали его: “Куда вы?” и прибавляли “прощайте, намъ съ вами не подорогѣ”, когда онъ шаткій и колеблющійся склонялся больше и больше въ реакцію и подогрѣвалъ въ 1860 г., нелѣпый священный союзъ.

Союзъ не удался—опять Александръ могъ двинуться впередъ во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ и опять, освобождая крестьянъ, онъ пнялся и упирался во все.

Насъ мучило сознаніе, что *великое пересозданіе* “такъ близко, такъ возможно” и такъ безпричинно упускается изъ рукъ, долгое время гнали мы за императоромъ, хватали его за шинель, становились съ *Колоколомъ* за пуговидей на его дорогѣ (онъ тогда еще читалъ насъ)—и указывали ему кротко и дерзко, прося и раздражая—что онъ сворачиваетъ съ дороги. Но куды, державный кучеръ заломилъ себя мопомехову шапку—и неся по волѣ лошаковъ запряженныхъ въ придворный рыдванъ.

Намъ было жалъ его. У насъ не было ни систематической оппозиціи, ни демагогической, натянутой несправедливости; мы первые привѣтствовали его свободнымъ русскимъ словомъ при его восшествіи на престолъ, мы хотѣли съ изгнанниками стараго міра, съ главами европейской революціи, пить за освободителя крестьянъ и непремѣнно сдѣлали бы это, еслибъ страшная вѣсть изъ Варшавы 10 Апрѣля 1861 г. не залила наши бокалы и плошки польской кровью.

Надъ этою кровью мы призадумались, и печально спрашивали себя: “Наконецъ кто-же онъ такой, и куда идти?” Конечно Польскій вопросъ наболѣлъ у нихъ, Польшу онъ боится, тѣмъ не меньше дразнить надеждами и стрѣлять въ безоружныхъ... это слишкомъ!

Вдругъ выстрѣлъ съ другой стороны—Антонъ Петровъ палъ растрѣленный, на груди убитыхъ крестьянъ...

Неужели ошибка, страхъ могутъ идти до того?... Онъ обмануть—это клевета крѣпостниковъ, ихъ месть.

Еще блескъ молніи—Аригольдъ, Сливцкій, Ростковский... Это ужъ не ошибка, это преступленіе...

А тутъ и пошло—одно дѣло за другимъ... дѣло Михайлова,

Обручева, студентское дѣло, гоненіе на журналы, аресты, ссылки, выдумка политическихъ пожаровъ, поощреніе растленной литературы... Нѣтъ, все это не ошибка, а какой-то нелѣпый и безнравственный заговоръ.

— “Да, по 1862 годъ!”

— Ну что-же было въ этомъ пресловутомъ 1793 году на Невѣ? Вѣдь четвертый годъ пошелъ съ тѣхъ поръ, пора людямъ закрывшимъ глаза отъ страха—ихъ раскрыть и покраспѣть до ушей. Надобно было всю гадкую злобу педанта, надъ которымъ смѣялись юноши, всю мстительность вздутой ничтожности, поднятой несчастными событіями на высоту полицейскаго, безконтрольнаго обвинителя, чтобъ увѣрить, что правительство и общество ходятъ по подлопамъ, сдѣланнымъ “Молодой Россіей” и что два дня позже—и кучка студентовъ съ двумя-тремя офицерами провозгласитъ на адмиралтейской площади Республику, окруженную Инглизмомъ и Пугачевщиной.

Правительство представило испуганный видъ, хотѣло испугаться. Его начали беспокоить свободныя рѣчи, оно шутило въ либерализмъ, шутка эта начала ему падоѣдать, и оно, придравшись къ пожару, не имѣвшему ничего общаго съ тайно напечатанными листами, подняло общее преслѣдованіе.

... Если такъ, то безъ сомнѣнія было бы лучше, чтобъ кровь лилась за дѣло и люди гибли бы сдѣлавъ больше тайно напечатанныхъ прокламацій и шиллеровскихъ professions de foi...

Безъ сомнѣнія—но имѣла-ли она силу литься за дѣло—мученичество не во время, всегда остается великимъ приключеніемъ, *но не есть дѣло*.

Въ этомъ-то состоялъ главный вопросъ. Не знаемъ какъ его рѣшали тѣ и другіе, мы сомнѣвались въ положительномъ рѣшеніи его. Сколько мы ни смотрѣли и ни разглядывали, мы не видѣли въ Россіи 1862 года ни однаго элемента достаточно крѣпкаго и зрѣлаго, ни однаго вопроса достаточно разработаннаго и общаго, чтобъ во имя его могла собраться мощь, и мощь достаточная, чтобъ бросить перчатку правительству—съ увѣренностью, что ее поддержать въ борьбѣ.

Развѣ могъ удался какой пибудь лейбъ-гвардейскій переворотъ. Такіе перевороты дѣлають и холера и тифъ и восналеніе съ Мандтомъ.

Ни одна задача изъ возбужденныхъ задачъ не была ни такъ разработапа, ни такъ обща, ни такъ ясна, чтобъ сдѣлаться хоругвью. Чисто политическій вопросъ не занималъ. Вопросъ крестьянскій съ поземельнымъ падѣломъ и общиной не совпадалъ съ экзотическимъ социализмомъ литературы, дворянскій либерализмъ—шелъ въ разрѣзъ тому и другому. Правительство неумовно шаткое, отъ отсутствия всякой опредѣленности, было сильно этой шаткостью и всякими отрицательными силами—сильно ожидаемъ народа, не скончаемостью крестьянскаго вопроса, боязнию дворянства, упованиями литературы... Тутъ не могло быть ни прочности, ни взрыва. Элементы роста и казенное платіе пороюсь по швамъ. Съ пожара въ Петербургѣ начиная, правительство было готово разить—и глядя кругомъ, оно какъ библейская Гофолія, находило одного врага—отрока, отроковъ не боящихся говорить слова истины. Оно набросилось на молодое поколѣніе и непремѣнно срѣзало бы, еслибъ ему на помощь не явился его злѣйшій, его закоренѣйшій и стародавній врагъ—*Польское возстаніе*.

Польское возстаніе, опирающееся на Европу, разомъ остановило броженіе и ростъ стихій, разъядавшихъ обшій организмъ русскаго императорскаго государства—и дало правительству точку опоры и оправданіе.

Мнѣніе *Колокола* о Польшѣ и польскомъ дѣлѣ было высказано въ рядѣ писемъ (1859—60), мы его никогда не мѣнили ни на іоту; что Польша имѣетъ полное право на независимое государственное положеніе, въ этомъ не можетъ сомнѣваться ни одинъ добросовѣстный человекъ. Польшу можно подавить, убить, вывести въ Сибирь, вытолкать въ Европу—все это зависитъ отъ силы, это можетъ сдѣлать Россія, такъ какъ могъ прежде сдѣлать Чингисъ-Ханъ, Темерланъ и не знаю кто—это будетъ фактъ, какъ кораблекрушеніе и будетъ имѣть свое физическое объясненіе—но не больше. На зарѣзаніи челоуѣкъ ставится крестъ—нѣмымъ протестомъ противъ злодѣйства, надъ убитымъ народомъ посится его исторія—и кто знаетъ, что она, переселяясь, изъ поколѣнія въ поколѣніе, не воскреснетъ снова въ одномъ изъ нихъ.

Греція воскресла меньше похвѣлка тому назадъ.

Ирландія не сдѣлалась Англіей.

Венеція молчитъ, какъ молчалъ Миланъ. Мы знаемъ, что значить это безмолвіе.

Но признавая право Польши, остается вопросъ—во время-ли она его предъявила. Мы думаемъ и думали, что несчастіе минуты нельзя было избрать. Все, даже длинный трагическій прологъ, все было противъ возстанія. Войска послѣ Крымской кампаніи—отдохнули, Европа и не думала поднимать крестовой походъ изъ за *чужаго права*.

Мы знали какого звѣря будили и дразнили поляки своими демонстраціями и выстрѣлами—и трепетали за нихъ и за Россію и до конца умоляли ихъ остановиться; мы говорили имъ, что въ Россіи все готовится и *ничего не готово*, что движеніе, которое они видятъ истинно и глубоко, но далеко отъ той “организациі”, о которой они мечтали, мы повторяли сто разъ, что Европа пальцемъ не тронетъ чтобъ ихъ спасти, что всѣ ея симпатіи и разглагольствованія “упражненія въ стилѣ”. Мы говорили имъ, что самое участіе русскихъ офицеровъ, было больше *отрицательное*, что они не хотѣли быть палачами... Мы это знали и *вмѣстѣ съ ними* умоляли и правительство и Константина Николаевича—пощадить русскую кровь, русскую честь и не искушать офицеровъ противурѣчіемъ долга и совѣсти. Такова была наша рѣчь на кануны Велепольскаго набора—и на другой день послѣ того какъ кровь ужъ лилась въ царствѣ.

И послѣ этого насъ обвинили, что мы подстрекали поляковъ ложными увѣреніями о томъ, что Россія готова возстать на Волгѣ и Донѣ, въ Украинѣ и Сибири.

Слабыя слова наши, которыми мы старались удержать трендавиныхъ отъ пегодованія бойцевъ, ничего не могли сдѣлать и исчезли какимъ-то дальнимъ, непризнаннымъ, сторожевымъ крикомъ.

Бѣда распахнулась во всей силѣ..... горѣли деревни и мѣстечки, солдаты грабили и убивали, начальники грабили и вѣшали, поляки начинали мстить, русскій народъ подымали слухами о новомъ 1812 годѣ; ненавидимый всей Россіей Муравьевъ вѣхалъ въ Вильну—общество рукоплескало его назначенію.

Положеніе наше было невыносимо тяжело. Броситься на

сторону побѣдителя, свирѣпаго и сильнаго, встрѣтиться съ Муравьевымъ и Катковымъ, подтянуть хоры палачей и придворныхъ Евменидъ... этого отъ насъ никто не ждалъ, ни даже враги наши. Съ Западомъ, обманувшимъ Польшу, не оставалось ни одной теплой искренней связи. Въ польскомъ дѣлѣ мы все же были посторонними. Общественное настроеніе въ Россіи наводило ужасъ и отвращеніе... Наша журналистика превзошла все видѣнное въ самыя печальныя эпохи политическихъ распрей и клеветъ. Давая себѣ видъ демократически-вѣроподданный, она довела свой самодержавный якобинизмъ и православное санкюлотство—до барковскаго скверпословія *Московскихъ Вѣдомостей*, до безстыдства образовъ и просвиры Муравьеву.

*Мы протестовали**, т. е. сдѣлали все что можетъ сдѣлать лично человекъ передъ дикой силой, мы заявили нашъ голосъ, для того, чтобъ онъ въ будущемъ свидѣтельствовалъ, что такой развратъ общественнаго мнѣнія и публичной рѣчи не могъ пройти безъ отпора, безъ слабаго, отдѣльнаго, затеряннаго, но неизгладимаго Veto.

Были минуты, въ которыя намъ хотѣлось замолчать, но насъ уже не оставляли въ покоѣ ни клевета, ни беспрерывно повторявшіяся преступленія. Шагъ росла, уступать ей мѣсто было сверхъ силъ.

— Въ эту темную ночь были написаны слѣдующія строки :

“Ни въблизи, ни вдаль нѣтъ ни успокоенія, ни отрады (*Колоколъ*, Октяб. 1863, *письмо изъ Неаполя*), такое положеніе рѣдко встрѣчалось въ исторіи. Развѣ въ первые вѣка Христіанства испытывали подобную скорбь, *чуждости въ обѣ стороны*—монахи германскаго происхожденія, развившіеся въ римскихъ монастыряхъ. Спасать языческій міръ, не имѣло дѣло, его паденіе они предвидѣли, но не могли же они сочувствовать дикимъ ордамъ единоплеменниковъ, безмысленно шедшимъ на кровавую работу совершающихся судебъ. Имъ оставалось одно, идти съ крестомъ въ рукахъ и съ словомъ братскаго увѣщанія къ разсвирѣпевшимъ толпамъ, стараясь добраться до чего нибудь человѣческаго въ ихъ загрубѣлыхъ сердцахъ. Креста у насъ нѣтъ... слово осталось, но до человѣческаго чувства мы еще не договорились.”

И при всемъ этомъ замолчать было рѣшительно не возможно. Другой мощный голосъ, рядомъ съ отчаяніемъ, громко говорилъ, что наше будущее выбьется изъ этой гризи и крови...

И—рѣ.

ДѢЛО П. АНДРУЩЕНКО.

(Продолженіе).

Сочиненіе прокламаціи “Долго давили васъ братцы” приписывается бывшему студенту казанскаго университета Умнову уже умершему†. По показаніямъ Ивана Андрущенко и по обстоятельствамъ дѣла, ниже поименованныя лица подверглись слѣдующимъ обвиненіямъ :

1) Студентъ Санктъ-Петербургскаго университета, Петръ Пушторскій (содержится въ крѣпости съ 29 Августа 1863 г.). Андрущенко показалъ, что, встрѣчая падобность въ деньгахъ для Кельсіева, онъ обратился къ Мосолову и сей послѣдній передъ отъѣздомъ Андрущенко въ Петербургъ далъ ему два адреса, Гулевича и Пушторскаго съ тѣмъ, чтобы онъ черезъ

* “Колоколъ”, 1 Августа 1863

† О листѣ, написанномъ стихами, изложено ниже.

кого нибудь изъ нихъ получилъ деньги изъ общества *Земля и Воля*, вмѣстѣ съ тѣмъ Мосоловъ снабдилъ Андрущенко сертификатомъ или запискою съ печатью общества *Земля и Воля* и поручилъ ему спросить Пушторскаго или Гулевича о программѣ общества и вообще о намѣреніяхъ комитета общества. Андрущенко былъ у Пушторскаго, говорилъ съ нимъ объ обществѣ *Земля и Воля*, получилъ отъ него 100 р. и письмо для передачи Мосолову.

Но Пушторскій, при допросахъ его въ комиссіи, отвергъ показанія Андрущенко, объясняя сначала, что не помнитъ, чтобы когда либо встрѣчался съ нимъ, а въ послѣдствіи показавъ, что никогда и нигдѣ не видѣлъ его. Мосоловъ не отвергая того, что Андрущенко съ данными ему адресами и сертификатомъ ѣздилъ въ Петербургъ и привезъ деньги и письмо, объяснилъ, что получилъ адреса отъ неизвѣстнаго лица, присланнаго обществомъ *Земля и Воля*, который просилъ не читать ихъ, что онъ исполнилъ даже тогда, когда отдавалъ Андрущенкѣ и что письмо заключало въ себѣ маршрутъ, по которому Кельсеву слѣдовало бѣжать за границу и нигдѣ подписано не было.

Хотя Андрущенко утверждалъ, что Мосоловъ при передачѣ ему адресовъ читалъ ихъ и что на вопросъ о содержаніи письма, Мосоловъ отвѣчалъ уклончиво, но не говорилъ о маршрутѣ, который сообщалъ ему Пушторскій на словахъ; однакожъ Мосоловъ остался при своихъ показаніяхъ и на очной ставкѣ съ Андрущенкою.

Въ отношеніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему объ обществѣ *Земля и Воля*, Андрущенко показалъ, что Пушторскій на вопросъ его о программѣ сказалъ, что печатать ее не будутъ, а рукописная съ печатью комитета будетъ доставлена въ Москву и что о намѣреніяхъ комитета ничего сказать не можетъ, потому что, сколько ему извѣстно, въ комитетѣ по какому то вопросу вышло недоразумѣніе. Хотя Пушторскій не былъ съ нимъ откровененъ, однакожъ Андрущенко предложилъ ему вопросъ, много ли и гдѣ именно комитетъ имѣетъ агентовъ, на что Пушторскій сказалъ, что въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ есть члены, но сношенія съ ними затруднительны. На вопросъ же Андрущенко есть ли агенты на югѣ, Пушторскій сказалъ что постоянныхъ нѣтъ, на пр. въ Полтавской губ. есть, а въ Черниговской нѣтъ. и что хотѣли приобрѣсти агентовъ въ Кіевѣ, но не удалось, ибо многіе изъ молодыхъ людей живущихъ въ Кіевѣ, которыхъ комитетъ хотѣлъ привлечь къ себѣ, положительно отказались отъ пропаганды. Когда же Андрущенко спросилъ, кого именно хотѣли завербовать, Пушторскій отвѣчалъ, что Антоновича, какъ всѣми уважаемаго и могущаго привлечь своимъ вліяніемъ другихъ, а когда Андрущенко замѣтилъ, что онъ знакомъ съ Антоновичемъ и знаетъ, что онъ не пойдетъ этимъ путемъ, то Пушторскій сказалъ, что на обязанности Андрущенко лежитъ убѣдить Антоновича. Разговоръ объ Антоновичѣ, прибавляетъ Андрущенко, знаменателенъ въ томъ отношеніи, что и Мосоловъ въ Москвѣ говорилъ объ Антоновичѣ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Далѣе Пушторскій говорилъ Андрущенкѣ, что извѣстные Пушторскому лица, принадлежавшіе къ обществу, занимались переводомъ иностранныхъ сочиненій, которыхъ печатаніе не можетъ быть дозволено цензурою, съ тѣмъ чтобы ихъ напечатать за границею, а потомъ продавать въ Россіи.

Относительно печатанія воззваній, Пушторскій передавалъ,

что у нихъ есть 4 стаппа, но они не умѣютъ печатать и это воззваніе *Свобода* No 1 печатали 2 мѣсяца и потратили много денегъ; когда же Андрущенко спросилъ, гдѣ печатались воззванія? Пушторскій не назвалъ опредѣленнаго мѣста, т. е. въ Петербургѣ или внѣ города, не назвалъ и фамилій печатавшихъ и вообще выражался въ третьемъ лицѣ объ этихъ, какъ онъ называлъ ихъ, дѣятеляхъ. Наконецъ Пушторскій говоритъ, что комитетъ думаетъ остановить на время печатаніе своихъ воззваній по случаю военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, но когда все утихнетъ и общее вниманіе не будетъ отвлечено, комитетъ опять будетъ продолжать пропаганду, намѣреваясь, печатаніемъ за границей нѣкоторыхъ запрещенныхъ сочиненій, приготовить публику къ переменамъ. Комитетъ, продолжалъ Пушторскій, самъ не думаетъ начинать, а будетъ ожидать, когда можно будетъ воспользоваться какимъ нибудь ку-дѣга, удастся — хорошо, а не удастся — продолжать по прежнему свое дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ общая цѣль комитета. Андрущенко спросилъ Пушторскаго: значить волненія, происходящія теперь по Волгѣ, не есть дѣло комитета? А онъ отвѣчалъ: да здѣсь ничего о нихъ неизвѣстно, а вы откуда знаете? Андрущенко сказалъ, что отъ Мосолова и Шатилова, у нихъ постоянныя сношенія. Въ заключеніе Пушторскій прибавилъ, не забудьте, что комитетъ существуетъ, можно сказать, только со вчерашняго дня и что нужно время для того чтобы правильно установиться.

Кромѣ того Андрущенко показалъ, что передъ отправленіемъ его въ Петербургъ, Мосоловъ передалъ ему, вмѣстѣ съ адресами и сертификатомъ, свидѣтельство, выданное изъ канцеляріи военного министерства, или изъ инспекторскаго департамента о томъ, что штабсъ-капитанъ, фамиліи котораго Андрущенко не помнитъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ и при этомъ Мосоловъ сказалъ, передайте мнѣ эту бумагу, скажите только, что она не нужна; Андрущенко отдалъ свидѣтельство Пушторскому, который спросилъ: что оно было употреблено? а когда Андрущенко отвѣчалъ, что не знаетъ и что Мосоловъ просилъ только сказать, что оно не нужно, то Пушторскій, какъ будто вспоминая что-то, сказалъ: “да вѣдь времени не много”, т. е. что между возвращеніемъ свидѣтельства и отдачею его Мосоловымъ срокъ слишкомъ малъ.

Пушторскій, отвергая совершенно показанія Андрущенко, объяснилъ, что свидѣтельства ему не передавали, а Мосоловъ сказалъ, что онъ далъ Андрущенкѣ, передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, свидѣтельство, которое самъ получилъ при сертификатѣ отъ неизвѣстнаго лица, для пересылки въ Петербургъ, съ увѣдомленіемъ, что оно болѣе не нужно, но откуда этотъ видъ выданъ и кому принадлежитъ не помнитъ, знаетъ только, что какому то военному.

Андрущенко, объясняя о свиданіяхъ своихъ съ Пушторскимъ, съ подробностію означилъ время, въ которое онъ былъ у Пушторскаго, первую съ нимъ встрѣчу и наконецъ расположеніе дома и квартиры гдѣ жилъ Пушторскій и даже мебель, которая стояла на квартирѣ Пушторскаго.

Относительно встрѣчи съ Пушторскимъ, Андрущенко объяснилъ, что когда онъ назвалъ ему себя по фамиліи, то Пушторскій сказалъ, что фамилія ему эта знакома и съ своей стороны спросилъ Андрущенко нѣтъ ли у него брата въ городѣ Бѣлозерскѣ (родина Пушторскаго), на что Андрущенко объяснилъ, что братъ его занимается тамъ межевыми работами. При допросахъ Пушторскій и братъ Андрущенко, Евгеній,

показали, что они были знакомы между собою и что послѣдній обмежевывалъ земли, принадлежащія матери Пушторскаго, въ то время, когда въ имѣніи находился Пушторскій. Онъ же присовокупилъ, что Иванъ Андрущенко могъ знать о знакомствѣ его съ Евгеніемъ Андрущенко или по письмамъ брата или при свиданіи съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ Евгеній Андрущенко былъ зимою 1862 и 1863 г., или наконецъ при свиданіи съ....., занимавшимся съ Евгеніемъ Андрущенко межевыми работами, который тоже хотѣлъ быть въ Москвѣ. Сдѣланное Иваномъ Андрущенко описаніе дома и квартиры Пушторскаго, по осмотру членовъ комиссіи оказалось вѣрнымъ, согласно съ показаніемъ самаго Пушторскаго, который отказывался, что это описаніе не совѣмъ вѣрно въ подробностяхъ, такъ напр. Андрущенко показалъ, что занавѣска на дверяхъ была изъ темной матеріи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была бѣлая, камодикъ стоялъ по лѣвую сторону двери, а не по правую, какъ показалъ Андрущенко. Окно противъ входной двери два, а не одно. Въмѣстѣ съ тѣмъ Пушторскій объяснилъ, что занавѣска на дверяхъ была повѣшена со времени переѣзда въ квартиру, т. е. съ Ноября 1862 г. и съ тѣхъ же поръ не перемѣнялась. Кромѣ того Андрущенко показалъ, что въ первый приходъ его къ Пушторскому, онъ угощалъ его чаемъ, во время котораго къ Пушторскому приходилъ какой то молодой человекъ, судя по наружности и выговору грузинъ и пробывъ не долго ушелъ, и что самоваръ подавалъ человекъ, котораго Пушторскій посылалъ въ булочную.

Находившійся въ услуженіи у съемщика квартиры, майора Герштенцвейга, отъ котораго Пушторскій нанималъ комнату, крестьянинъ Никита Семеновъ, подъ присягою показалъ, что не помнитъ, чтобы Андрущенко бывалъ у Пушторскаго.

На очной ставкѣ съ Семеновымъ, Андрущенко объяснилъ, что Пушторскій приказывалъ ему приготовить чай, говорилъ, Никита Семеновичъ, приготовьте намъ самоваръ, что самоваръ былъ небольшой, а поставленъ на желѣзномъ подносѣ довольно потертомъ, что сухари были поданы на тарелкѣ и что Семеновъ былъ одѣтъ въ темновато-сѣромъ сюртукѣ, застегнутомъ до верху. Противу этихъ словъ Семеновъ отозвался, что лица Андрущенко не помнитъ и говорить совершенно справедливо, что Пушторскій всегда называлъ его вѣжливо по имени и отчеству, самоваръ былъ той формы, какъ говорилъ Андрущенко, подносъ былъ желѣзный, сухари Семеновъ постоянно подавалъ на тарелкѣ, наконецъ сюртукъ сѣроватаго цвѣта былъ у Семенова и онъ носилъ его въ Маѣ 1863 года.

Пушторскій, по предъявленному о происшедшемъ на очной ставкѣ съ Семеновымъ, отозвался, что объясненное Андрущенко справедливо, кромѣ того, что у Семенова сѣроватаго сюртука не было, по крайнѣй мѣрѣ тогда, когда Пушторскій жилъ у Герштенцвейга, а равно Семеновъ не застегивалъ свой черный браковъ сюртукъ какъ по привычкѣ, такъ и по отсутствію пуговицъ; но почему Семеновъ показалъ, что сюртукъ былъ темновато-сѣраго цвѣта, Пушторскій не знаетъ. Сколько Пушторскому извѣстно у молодыхъ людей нынѣшняго времени, въ особенности студентовъ, по крайнѣй мѣрѣ знакомыхъ его, вошло въ обычай, въ неизмѣнное правило, называть служащихъ людей у нихъ, не иначе какъ по имени и отчеству; а равно маленькій самоваръ и тарелка, вмѣсто подноса, общее правило въ квартирѣ холостаго человека, да еще вдававокъ студента.

Никита Семеновъ при допросѣ его, между прочимъ, показалъ, что вмѣстѣ съ Пушторскимъ, у майора Герштенцвейга, жилъ кандидатъ здѣшняго университета, Пантелѣевъ, занимавшій отдѣльную комнату, что Пантелѣевъ и Пушторскій были знакомы съ братьями Евгеніемъ и Николаемъ Утиными, которые бывали у нихъ, а Пантелѣевъ и Пушторскій посылали его къ Утинымъ раза четыре съ записками и что весною 1862 г. приходилъ къ Пушторскому военный офицеръ въ саблѣ. Кромѣ того майоръ Герштенцвейгъ объяснилъ, что Пушторскій и Пантелѣевъ, проживая у него на квартирѣ, были дружны между собою и что Семеновъ говорилъ ему, что къ нимъ ходили Утины. При спросѣ же Пушторскаго о его знакомыхъ и объ отношеніяхъ къ нимъ, онъ называлъ Пантелѣева, присовокупивъ, что послѣдній его товарищъ по гимназій и университету и если они бывали другъ у друга, то просто какъ товарищи, въ послѣднее время чаще всего за лекціями, ибо готовились къ экзамену по однимъ запискамъ.

Но показанію Пантелѣева, онъ ничего особеннаго не замѣчалъ и интимныхъ разговоровъ съ нимъ не велъ.

Относительно знакомства съ Утиными, Пушторскій показалъ, что у Евгенія Утина онъ бывалъ въ послѣднее время, потому что готовились съ нимъ къ экзамену по однимъ лекціямъ и у него встрѣчалъ Николая Утина, равно и у него бывали за лекціями Евгеній и Николай Утины. Офицеръ, который по словамъ Семенова, бывалъ у Пушторскаго, есть Прѣснухинъ, прикомандированный къ Михайловской артиллерійской академіи; съ нимъ Пушторскій познакомился въ университетѣ. Прѣснухинъ приходилъ къ Пушторскому раза два за книгами, равно и Пушторскій былъ у Прѣснухина одинъ разъ, гдѣ встрѣтилъ незнакомыхъ офицеровъ, товарищей Прѣснухина.

Николай Утинъ, по случаю побѣга, не спрошенъ; а Евгеній Утинъ объяснилъ, что былъ знакомъ съ Пушторскимъ какъ товарищъ по университету и потому еще, что готовился по однимъ лекціямъ, по этому лекции эти пересылались отъ одного къ другому при запискахъ; брата Николая онъ встрѣчалъ у Пушторскаго въ теченіи зимы 1862—1863, а познакомились они потому, что были въ одно время въ университетѣ и, какъ кажется ему, участвовали въ изданіи студентскаго сборника въ 1858 и 59 годахъ.

Прѣснухинъ также комиссіею не спрошенъ за выѣздомъ его изъ Петербурга къ мѣсту служенія въ первый стрѣлковый баталіонъ. По въ дѣлахъ комиссіи, относительно этого офицера имѣются слѣдующія свѣденія: въ Маѣ 1863 г., во время производства обысковъ у лицъ, которыхъ подозрѣвали въ соучастіи съ Николаемъ Утинымъ, былъ произведенъ обыскъ у учителя Введенской гимназій, Дмитрія Войнаровскаго, согласно свѣденіямъ, имѣвшимся въ полиціи о противозаконной его дѣятельности. Найденная въ бумагахъ Войнаровскаго предосудительнаго содержанія переписка дала поводъ къ допросу его. Войнаровскій объяснилъ, что онъ бывалъ на вечерахъ, устроенныхъ Прѣснухинымъ, на которыхъ встрѣчалъ незнакомыхъ ему лицъ, толковавшихъ въ непріязненномъ духѣ о правительствѣ; и въ слѣдствіе того, что никто изъ нихъ не довѣрялъ новымъ лицамъ, Войнаровскій пересталъ посѣщать вечера Прѣснухина. Впослѣдствіи, бывшій студентъ Пикитскій говорилъ Войнаровскому, что посѣщавшіе Прѣснухина лица должны были принадлежали Утинской партіи, къ которой, кажется, принадлежалъ и самъ Прѣснухинъ, а

учитель Петрозаводской гимназии Хрущовъ сообщалъ ему, что все социальное направленіе литературы ничего не стоитъ въ сравненіи съ Утинистами, т. е. послѣдователями Утина. Это крайне безобразная партія: для нея нѣтъ ничего святаго, кромѣ своей идеи. Это послѣдователи Оуена, но послѣдователи превзошли своего отца, потому что топчутъ все: нравы, обычай народа и кажется, что всѣ прокламаціи суть произведенія Утинской партіи.

По поводу показаній Войнаровскаго, у Прѣснухина, 21 Мая 1863 г., былъ произведенъ обыскъ, по ничего подозрительнаго не оказалось. А Воиновскій, при передопросѣ его комиссіею, объяснилъ, что Хрущовъ сообщалъ ему означенныя свѣдѣнія потому, что объ Утинѣ носилась такая молва по Петербургу; участникомъ же Утина Хрущовъ не называлъ, потому что, по всей вѣроятности, и самъ не зналъ ихъ.

Одновременно съ обыскомъ у Войнаровскаго и по той же причинѣ произведенъ обыскъ у бывшаго студента Харьковскаго университета, Михаила Гулевича, адресъ котораго, какъ показалъ Андрущенко, далъ ему Мосоловъ вмѣстѣ съ адресомъ Пушторскаго. По обыску у Гулевича никакой предосудительной переписки не оказалось, но у него была найдена, принадлежащая государственному преступнику Обручеву и Евгенію Утину, книга. Объ этомъ обстоятельствѣ Гулевичъ объяснилъ, что книгу Обручева передалъ ему, уѣзжавшій изъ Петербурга товарищъ его Жуль, для представленія доктору Гоку и что остальные книги онъ получилъ отъ своего хорошаго знакомаго Евгенія Утина, чтобы готовиться по нимъ къ экзамену. Евгеній Утинъ объяснилъ, что онъ познакомился съ Гулевичемъ у брата своего Николая, и былъ въ отношеніи къ Гулевичу, какъ обыкновенному знакомому; но какия отношенія Гулевичъ имѣлъ къ Николаю Утину и Пушторскому, ему неизвѣстно. По показанію Пушторскаго и онъ былъ знакомъ съ Гулевичемъ, знакомясь съ нимъ во время содержанія въ Кронштадтской крѣпости, Гулевичъ былъ у него одинъ разъ за лекціоннымъ занятіемъ и еще за чѣмъ то. Самъ Гулевичъ, по случаю его выѣзда въ Крымъ для леченія, не спрошенъ, но по сношенію съ начальствомъ его за поведеніемъ его учрежденъ надзоръ. Гулевичъ состоялъ на службѣ канцелярскимъ служителемъ въ Красносельской удѣльной конторѣ и 31 Іюля 1863 года согласно прошенію по болѣзни уволенъ въ Крымъ, но къ законному сроку не воротился, почему департаментомъ удѣловъ уволенъ въ отставку. О настоящемъ мѣстѣ его нахождения неизвѣстно.

2) Служившій въ управленіи Московско-Нижегородской дороги, дворянинъ Юрій Мосоловъ (содержится въ крѣпости съ 6-го Сентября 1863 года). Не смотря на положительныя указанія Ивана Андрущенко, Мосоловъ при допросѣ его въ комиссіи первоначально отвергалъ все, возникшія на него обвиненія. Послѣ дачи отрицательныхъ отвѣтовъ на предложенныя ему вопросы, онъ, по просьбѣ его, былъ введенъ въ присутствіе комиссіи для словесныхъ объясненій. При чемъ было объявлено ему, что чистосердечное сознание и раскаяніе въ поступкахъ, даетъ ему возможность надѣяться на милосердіе государя императора и на уменьшеніе наказанія, опредѣленнаго по закону. Въ Мосоловѣ замѣтно было раскаяніе, такъ что онъ заплакалъ и сказалъ, что, относительно себя, готовъ объяснить все чистосердечно, но не рѣшается показаніями

своими вводить въ отвѣтственность другихъ лицъ, соучастниковъ своихъ и наконецъ обѣщалъ написать объясненіе свое въ казematѣ, обдумавши всѣ обстоятельства дѣла, но, въ представленіи за тѣмъ отзывѣ, признанія не сдѣлать, а изложилъ что, призвавъ Бога на помощь, онъ долго и зрѣло обдумывалъ предложенія комиссіи, и положи руку на сердце, руководствуясь совѣстью, долженъ объявить, что никакимъ измѣненіемъ или дополненіемъ дѣлать не можетъ, тѣмъ болѣе, что жить ему на этомъ свѣтѣ остается не долго, ибо разлука съ близкими сердцу, грызущая тоска, заключеніе и муки раскаянія сдѣлаютъ свое дѣло, судя по тѣмъ успѣхамъ, которые онъ сдѣлалъ въ 4 недѣли его заключенія. На повторенные Мосолову вопросы, въ которыхъ представлялось ему, что кромѣ Андрущенко, объ участіи его показываетъ и Шапиловъ, Мосоловъ по прежнему отвергалъ эти показанія и называлъ ихъ ложными.

Наконецъ на вопросъ комиссіи, какой имѣетъ поводъ сомнѣваться въ неискренности показаній Шапилова, Мосоловъ отозвался, что онъ никакимъ образомъ не можетъ заподозрить въ неискренности Шапилова, кромѣ дать ему возможность сдѣлать показаніе независимо данныхъ имъ отвѣтовъ, добавляя при этомъ, что новое показаніе будетъ служить чистосердечнымъ изложеніемъ дѣла.

Въ началѣ этого показанія Мосоловъ объяснилъ, что онъ боялся, чтобы Шапиловъ не сталъ упорствовать вопреки всѣмъ показаніямъ Мосолова, тогда бы погибъ Шапиловъ, а у него большая мать, которой онъ составляетъ единственную опору и надежду; нужно было выбирать между семействомъ Шапилова и своимъ собственнымъ. Комиссія видѣла какихъ тяжкихъ мукъ стоила Мосолову эта борьба, когда же означенная причина не существуетъ, когда Шапиловъ самъ сознался во всемъ, Мосоловъ можетъ чистосердечно и откровенно высказать всѣ свои преступленія и заблужденія, въ которыхъ искренно раскаивается. Засимъ Мосоловъ показалъ слѣдующее: Въ концѣ лѣта или въ началѣ осени 1862 года пришелъ въ управленіе дороги, гдѣ онъ служилъ, хороший его знакомый Бундасъ (умершій лѣтомъ 1863 г.) и сообщилъ Мосолову, что хорошо извѣстный ему человекъ желаетъ познакомиться съ нимъ и что Бундасъ пришлетъ его къ нему. При этомъ Бундасъ разорвалъ кусокъ газеты по поламъ; одну половину далъ Мосолову, а другую взялъ съ собою, чтобы передать тому лицу, которое придетъ къ Мосолову и что если обѣ половинки газеты сойдутся, то Мосоловъ сомнѣваться не долженъ. Вечеромъ того же дня явился къ Мосолову, означенный человекъ, принесяши письмо отъ Бундаса, въ которомъ говорить, что подано письмо можно довѣриться вполне. Этотъ неизвѣстный, въ разговорѣ съ Мосоловымъ объявилъ, что въ Петербургѣ составилось таинное, революціонное общество подъ названіемъ "*Земля и Воля*", что общество весьма значительно, что къ нему принадлежатъ много лицъ весьма влиятельныхъ въ государствѣ, что вообще оно очень разнообразно и владѣетъ огромными денежными средствами, что оно раскинуто съѣздомъ по всей Россіи, что уже вездѣ есть агенты, даже и при дворѣ; что неизвѣстныи находится въ Москвѣ для того, чтобы предложить нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ и Мосолову, вступить въ это общество. Мосолову польстило такое приглашеніе и онъ согласился, по на всѣ его распросы неизвѣстный, необъявляя своей фамилии сказалъ только, что программа общества будетъ прислана и что

къ Мосолову всякій разъ будетъ являться лице, съ сертификатомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ не спрашивалъ его фамиліи и чтобы самъ Мосоловъ опасался посылать куда бы ни было, а особливо въ Петербургъ одно и тоже лице болѣе разу. Разставаясь съ Мосоловымъ, неизвѣстный далъ ему нѣсколько сертификатовъ и адресъ двухъ лицъ, запечатанныхъ въ маленькомъ лоскуткѣ бумаги, которые онъ впоследствии отдалъ Андрущенкѣ, нечитая, согласно требованію неизвѣстнаго, сказавши что адреса годятся только на одинъ разъ и что для другаго раза Мосоловъ съ обратнымъ получить другіе адреса. Въ серединѣ или въ концѣ зимы, когда уже Мосоловъ былъ женатъ, явилось къ нему неизвѣстное лице и предъявило сертификатъ, передало пачку прокламацій, касавшихся польскаго вопроса и письмо съ 50 р. на расходы при разсылкѣ. О полученіи прокламацій Мосоловъ сообщилъ Шатилову и вмѣстѣ съ нимъ, купивъ адресъ-календари, рассылали по нимъ къ разнымъ лицамъ воззванія, по послали ихъ немного, а остальные Шатиловъ уничтожилъ. Впоследствии Мосоловъ получилъ прокламацію *Свобода* No. 1, а въ Іюлѣ 1863 года, *Свобода* No. 2, въ количествѣ около 200—400 экземпляровъ и маленькую прокламацію къ народу. *Свобода* No. 1 была распространена такимъ же способомъ, какъ и предыдущая, а *Свобода* No. 2 и маленькая прокламація, сколько извѣстно Мосолову, вовсе распространены не были и уничтожены Шатиловымъ, по соглашенію съ нимъ—Мосоловымъ. Иногда къ Мосолову являлись личности безъ прокламацій съ одними сертификатами, лица эти большей частью проѣзжали черезъ Москву по своимъ дѣламъ, какъ сами они говорили, а цѣлью посѣщеній ихъ было узнать о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ прокламаціями и о новостяхъ Москвы. Въ послѣднемъ отношеніи Мосоловъ, по своему положенію въ обществѣ, никакихъ свѣдѣній сообщать не могъ о прокламаціяхъ, но говорилъ, что они не могутъ произвести никакого впечатлѣнія и совершенно бесполезны.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ).

С М Ъ С Ъ.

CHAMBER OF HORRORS.

Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* 30 Сентября напечатано: “Рядовой 64-го пѣхотнаго казанскаго еіо п. в. в. к. Михаила Николаевича полка, Василій *Шмаковъ*, по конфирмаціи начальника 16-ой пѣхотной дивизіи, подлежалъ наказанію розгами, но, при исполненіи конфирмаціи, оказалъ сопротивление и, запершись въ комнатѣ, гдѣ содержался на гауптвахтѣ, бросалъ камнями; причемъ ранилъ двухъ караульныхъ нижнихъ чиновъ и едва не попалъ въ голову майору Коллепу. Какъ на *Шмакова* не подѣйствовали и увѣщанія командира полка, то полковникъ Цытовичъ нашелъ нужнымъ употребить оружіе, причемъ *Шмаковъ* былъ раненъ пулею въ животъ и скоро умеръ”.

— Въ *Вятскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано: “Крестьянинъ деревни Канаевой, Елабужскаго уѣзда, *Сулеймановъ*, 35-ти лѣтъ, былъ взятъ 14-го Сентября вмѣстѣ съ двумя другими крестьянами, въ бонджское волостное правленіе, за кражу разнаго имущества уоднаго елабужскаго мѣщанина. На другой день прибылъ въ правленіе волостной писарь *Доброправовъ* и, призвавъ въ присутственную комнату арестованнаго *Сулейманова*, началъ его ругать за воровство и бить съ такой силой, что *Сулеймановъ* упалъ безъ чувствъ на полъ и, унесенный обратно въ арестантскую, немедленно умеръ”.

Волосы становятся дыбомъ... ну, господа, когда вѣбудъ вы заплатите за эти злодѣянія!

— *Поджигатели и подлецы.*—Иностранныя газеты уже сообщили Европѣ факты, обнародованные органомъ министра внут. дѣлъ въ Петербургѣ по поводу пресловутыхъ поджигательствъ. Клевета негодяевъ осталась клеветой и обличена самимъ правительствомъ... Куда дѣлась эта мрачная ассоціація “мстителей огнемъ”, имѣвшая своимъ центромъ Лондонъ, гдѣ банкиръ Т., другъ Маццини, снабжавшій деньгами зажигателей, гдѣ сѣрное, фосфорное агентство въ Тульчѣ—отпечит in fumo, какъ и слѣдовало ожидать въ дѣлѣ пожаровъ. Намъ становится стыдно, что мы оскорбились клеветами подлецовъ, которыхъ выдаетъ само правительство.

— *Наши будущіе перы и наши прошедшіе англомамы.*—*Nord* рассказываетъ, что депутація англійскаго клуба (ждемъ съ нетерпѣніемъ не пошлютъ-ли депутаціи Троицкій трактиръ и Красный кабачекъ), просила Московскаго генералъ-губернатора, *запретить* пьесу Потѣхина “Отрѣзанный ломоть”, потому де что въ ней достается крѣпостникамъ. Ген.-губ. отказалъ, и прекрасно сдѣлалъ, за то и досталось “императорскому театру и императорскимъ актерамъ”, отъ эксъ-англомановъ, нынѣ арендующихъ *Моск. Вѣд.*

Хорошо, что фонъ Визинъ заблаговременно успѣлъ поставить на сцену свой скотный дворъ дикихъ помѣшниковъ, а Гоголь издать свое кладбище “Мертвыхъ душъ”... Хорошо и то, что И. Тургеневъ, не переходя изъ *отцы*, рассказалъ какъ онъ еще *сыномъ* хаживалъ на охоту и какихъ Пѣпочкиныхъ съ К-ніей онъ подстрѣливалъ—въ то время какъ души и бекасы спокойно порхали съ вѣтки на вѣтку.

— *Николай какъ ораторъ.*—Въ августовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, помѣщена статья “О происшествіяхъ въ Новгородской губерніи во время первой холеры”. Вслѣдъ за описаніемъ невѣроятно глупыхъ и стѣснительныхъ мѣръ, взятыхъ начальствомъ въ Новгородской губ., во время холеры 1830 года и нѣсколькихъ эпизодовъ изъ печальной исторіи старо-русской *мести* военныхъ поселенцевъ въ 1831 году, авторъ, бывший очевидцемъ этихъ событій, приводитъ *краткую, но краснорѣчивую* рѣчь, произнесенную Николаемъ, собраннымъ поселянамъ. Рѣчь эта, такой *chef d'œuvre*, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи передать ее цѣликомъ. Тутъ высказался весь Николай, неподдѣльно, наивно, натурально, какъ мать родила и манежи воспитали: “Что вы это дѣлаете, дураки? Съ чего вы взяли, что васъ отравляютъ? Это кара Божія. На колѣни глупцы! Молитесь Богу!—*Я васъ!*—”. Что за неподражаемое, Корнелевское: “*Я васъ!*”

Простодушный очевидецъ прибавляетъ: “военные поселенцы судились военнымъ судомъ и всѣ получили по дѣламъ своимъ достойное возмѣздіе”, но онъ забылъ, что прежде возмѣздія они получили царское прощеніе, а послѣ амнистии виновныхъ прогнали сквозь строй.

Не думали мы, что именно *Русскій Вѣстникъ* броситъ этотъ тяжелый камень въ могилу Николая... On n'est trahi que par les siens!

КОЛОКОЛЬ НА 1866

будетъ издаваться въ Женевѣ на тѣхъ-же основаніяхъ и въ томъ-же духѣ. Подписка принимается въ Русской Типографіи—Mr S. Tchitzewski, 40, Pré l'Evêque, à Genève.

Цѣна 24 листовъ за годъ, безъ пересылки..	10fr.	0
За полгода	5	50
Отдѣльно листъ	0	50

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 210.

15 ДЕКАБРЯ 1865.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Prê l'Évêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у И. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Къ концу года (Окончаніе)—Дѣло П. Андрущенко (Продолженіе). Смѣсь: Первое запрещеніе, первое предостереженіе,

первый судъ—Лукашевъ и Масловскій—Отецъ Мартыновъ и отецъ Самойловъ—“Колоколъ” на 1866 годъ.

КЪ КОНЦУ ГОДА.

II.

...“Но замолчать было невозможно. Другой мощный голосъ громко говорилъ, что наше будущее выбьется изъ этой грязи и крови”... Этими словами заключили мы прошлую статью и ими начинаемъ ея вторую отдѣлу.

Совершившееся зло было велико, обличившееся правительственное растлѣніе безмѣрно. Петербургское правительство, вышедшее изъ школы Бирона и Аракчеева отстало, общественное мнѣніе толкало его дальше и дальше въ кровавую пропасть. “Мы вѣселили Петербургу Муравьева”, говорилъ мнѣ одинъ изъ “свирѣпыхъ” въ 1864 году въ Лондонѣ. Общество поощряло доносы *Моск. Вѣдомостей*. Помраченіе совѣсти дошло до того, что честный и независимый отъ *свѣтскихъ* властей органъ—*День*, помѣщая статьи ничѣмъ не лучше Катковскихъ. Люди, которыхъ мы знали лѣтъ двадцать къ ряду врагами всякаго насилия, не краснѣя толковали о государственной необходимости всѣхъ пчеловѣческихъ мѣръ и полицейскихъ несправедливостей въ Литвѣ и Польшѣ.

Что же значилъ голосъ поддерживавшихъ насъ въ самыя тяжелыя минуты?

... Голосъ вѣчной надежды и утѣшенія, который выѣстъ съ предсмертнымъ бредомъ раздастся въ ушахъ умирающаго, суля ему выздоровленіе или общія раи!... Голосъ, который изъ вѣка въ вѣкъ пророчить Іудеямъ славу Иерусалима и возстановленіе храма Соломонова?

Нѣтъ—это былъ голосъ здоровой, сильной груди, голосъ, повидимому непослѣдовательно отрекавшійся среди преступленій и злодѣйствъ—отъ отвѣственности за нихъ, во имя какихъ-то иныхъ началъ и какой-то грядущей жизни... Какъ будто намъ вмѣсто казни и каторги слѣдовали вѣнны и плоды!

Нашей людской правдивости и справедливости не надо искать ни въ природѣ, ни въ исторіи: евангельское “имущему дастся”, одно исполняется въ мірѣ стихій и ихъ развитій. История бытъ, а не басня, она имѣетъ часто въ концѣ періода урокъ, но никогда не имѣетъ правоученія. Право сильнаго крѣпкаго, право перваго захватившаго мѣсто, право дерзкаго, сунувшагося впередъ—одно признано безусловно. Тотъ кто раньше вышелъ на работу и трудился пока другіе спали... тому наименьшая жатва и самый тяжелый трудъ.

Тотъ кто первый отправился въ путь—плетется себѣ какимъ нибудь проселкомъ въ телегѣ, а тотъ кто опоздалъ, обгоняетъ его въ вагонѣ, да еще поспѣвается изъ окошка какъ другой вязнетъ въ грязи. Но обыкновенно по трубу пѣбѣду не приходится ни тому, ни другому... по большей части оба остаются въ дуракахъ и кто нибудь *третій*, который вовсе не ѣздилъ и не работалъ, воспользуется и трудомъ и вагономъ—и это потому только, что онъ не зная опасности, не боится ѣхать за протянутую цѣпь или за торную дорожку, не боится искать на свой страхъ бродъ—или еще проще потому, что стоитъ по ту сторону оврага.

Одинъ народъ за другимъ, выбываясь изъ силъ, идетъ къ *свѣту* и *свободѣ*, ноги скользятъ, теряется грунтъ, течетъ кровь. Они подаются назадъ... начинаютъ снова свой путь, кто тихо, кто быстро и далеко не доходя ни до свободы, ни до свѣта, падаютъ на грань, на опущенный шлагбаумъ и на громовое Halte! У нихъ подкашиваются ноги, опускаются руки, они пытаются и строятся передъ какою-то неизвѣстной бѣдой, упираясь на одномъ мѣстѣ. Смѣльчаки, стыдя ихъ, идутъ за кордономъ, ихъ побиваютъ камнями какъ *дезертировъ въ будущее*.

Halte! и французская республика отступаетъ въ имперію, строится въ имперію, потеряны дальніе горизонты, брошены трубы, которыми “великій народъ” трубилъ всему міру побѣдную великую *повѣстку* въ 1848 году, забыты смѣлыя идеи, всѣ благочинныя порядки, словно ждутъ неприятеля и *самъ народъ чувствуетъ, что остановиться было пора*, что еще шагъ и онъ упалъ бы въ зияющую пропасть...

Можетъ это самое худшее, самое печальное въ современной драмѣ.

... Бывало наши солдаты на постой у крестьянъ проводили черту мѣломъ по полу и все что попадалось за нее отбирали. Жаловаться, тому кому не хотѣлось имѣть вмѣсто одной черты на полу—сотню на спинѣ, было невозможно. Такимъ образомъ вся изба вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло, занималась карауломъ и обращеніемъ вспять неутомимыхъ куръ и цыплятъ переходившихъ липно. Но самый замѣчательный фактъ во всемъ этомъ состоялъ въ томъ, что ни солдатъ, проводившій мѣломъ черту, ни крестьянина не смѣвший ее стереть *не въпрямь въ нее*. Одинъ не вѣря въ свое

право пасивствовало, благо власть въ рукахъ; другой, не вѣря въ его право, повиновался—это очень дурно, очень скверно, очень безнравственно, но легче проходить чѣмъ то, когда тѣснить съ вѣрой и повинуются съ религией.

Слѣды нашего рабства позорны и бросаются въ глаза какъ слѣды розогъ и какъ слѣды розогъ остаются на поверхности.

Ни правительство, ни барство, ни крѣпостные, ни духовенство, ни сенатъ, ни синодъ, никто въ сущности не вѣритъ въ истину своей власти или своего безвластія. Оттого-то всѣ и боятся всего, а иные всего надѣются, оттого-то всѣ и порятъ безпрестанно горячку. Съ одной стороны они видятъ какъ распускается, таетъ этотъ государственный бытъ, съ другой они чувствуютъ, что не на чѣмъ стоять, а поддерживать надо выгодный для нихъ механизмъ, они и поддерживаютъ его—чѣмъ попало, вздувая наше парное православіе въ какой-то иконописный іезуитизмъ, раздѣляя Россію на военные удѣлы и предоставляя удѣльнымъ генераламъ право на жизнь и смерть ихъ подданныхъ и пр. И при всемъ этомъ печатный листокъ въ тайной типографіи, странно вспыхнувшій лабазъ приводитъ ихъ въ ужасъ, всякій юноша выходящій впередъ свободнымъ человѣкомъ заставляетъ трепетать. Они боятся Михайлова, боятся Чернышевскаго. Орловъ-Давыдовъ проситъ конституцію, чтобы отражать Бэля и Бушцепа, Незобразовъ благодаритъ публично Каткова за спасеніе отечества и похвалу *Колокола*.

Правительство, словно обрадовавшись польскому возстанію и пожарамъ, пошло съ конца 1862 года прямо осаживать на всѣхъ путяхъ, на всѣхъ точкахъ... Съ тѣхъ поръ оно безпрерывно шумитъ, давитъ, кричитъ, ставитъ барьеры, дерется, убиваетъ, претъ народъ назадъ своей грудью и лошадинымъ задомъ т. е. тайной полиціей и *Московскими Вѣдомостями*. Никто явно не препятствуетъ ему и ничего не идетъ назадъ, все только жметъ и подается то вправо, то въ лѣво.

Не будь каждый шагъ этого сумбура политъ кровью, сопровождаемъ казнями, казematами, каторжной работой, то зрѣлище, представляемое теперь Россіей, было бы исполнено всемірно историческаго комизма и пропіи, до которой не доходила ни одна ни божественная, ни дьявольская комедія. Это какое-то столпотвореніе вавилонское, шабашъ, геологическій переворотъ приложенный къ пластамъ гражданской жизни. Все страшно, громадно и спутано. Правительство насильственно ломаетъ, либеральное дворянство дѣлается болѣзненной *обструкціей* на дорогѣ къ выходу, консервативенъ собственно одинъ аграрный коммунизмъ, и весь этотъ растворъ подъ надзоромъ полиціи, которая ни во что не мѣшается, а спрашиваетъ “кого бить?” и бьетъ.

Страшная путаница.

Да, господа, и да здравствуетъ она! Благославите жмурци, въ которые мы играемъ. Въ этомъ хаосѣ, въ этомъ броженіи, въ этомъ творимѣ устоятся новыя нормы, кристаллизуются нныя основанія, тѣ, которыя близки душѣ нашей и которымъ было бы труднѣе пробиться при готовыхъ попятіяхъ, принятыхъ порядкахъ, при вѣрѣ что солдатъ по праву протягиваетъ мѣломъ черту.

На Западѣ реакція имѣетъ единство и смыслъ. Ея ломанья линіи представляютъ уклоненія и изгибы, приспособленія и уступки *одного пути*, въ ея выступающихъ и входящихъ частяхъ, въ ея острыхъ и тупыхъ углахъ есть планъ. Западная реакція вовсе не есть дѣло одного правительства, одного плана, а дѣло

всѣхъ существующихъ властей и силъ—академіи и церкви, литературы и биржи, исполнительной власти и парламента. Есть *одни и тѣ же* слова, предметы, точки, которыя немигуче когда вы ихъ коснетесь—вызовутъ во всей Европѣ грозно *постукивающихъ* духовъ. Но ихъ появленію можно вѣрно начертить пограничную *линію*, за которую европейская жизнь не идетъ, за которой она оказывается на долгія зимнія квартиры...

Говорите о всеобщей подачѣ голоса, объ уничтоженіи смертной казни, о свободѣ книгопечатанія, вѣроисповѣданій, митинговъ, у васъ будутъ сторонники, будутъ противники, пожалуй явятся постукивающие жандармы, но *постукивающихъ духовъ* вы не вызовете. По рядомъ есть вопросы отъ которыхъ равно встрепянутся и отпрянутъ Папа и Мадонна, архіерей Дюнану и Едгаръ Киде, вчерашній Бернский конспіиумъ соціальныхъ врачей и завтрашній Туринскій, *Sacré College* въ Римѣ, и Европейскій комитетъ въ Лондонѣ.

Въ Россіи пограничная линія эта, мѣстами такъ какъ и *сильная* теряется. *Мы за ней, мы по ту сторону.*

Отсюда ясно, что правильной реакціи у насъ быть не можетъ, въ ней нѣтъ дѣйствительной *необходимости*... А какъ скоро реакція бессмысленна, то она и должна носить тотъ бессмысленный характеръ, въ которомъ она является у насъ. Случайные поводы, случайныя мѣры, капризы, непониманія, власть необузданная разумомъ и не боящаяся отвѣтственности, азіатскія привычки и казарменное воспитаніе, никакого плана и никакой системы. Главный отпоръ всегда былъ устремленъ на наружное, на слово, а не на дѣло. Къ половинѣ голеней примѣшана трусость неспокойной совѣсти и правительственная обидчивость. Типъ петербургскихъ мѣръ остается бритье бородъ, стрижка волосъ, возвращеніе дѣльной бумаги изъ канцеляріи потому что она *не по формѣ написана*. Самъ Николай, тридцать лѣтъ оборонявшій Россію отъ всякаго прогресса, отъ всякаго переворота, ограничивался только *фасадой* строгости, не порядкомъ, а *видомъ порядка*. Ссылая Полежаева, Соколовскаго за смѣлые стихи, вымарывая слова “вольность”, “гражданственность” въ печати—онъ пропустилъ сквозь пальцы Бѣлинскаго, Грановскаго, Гоголя и сажая на гауптвахту цензора за пустые намеки, не замѣтилъ, что литература съ двухъ сторонъ быстро неслась въ *соціализмъ*.

Снова вступая въ пути отпора и реакціи, правительство “освобожденій и реформъ” показало, что и оно не поумнѣло.

Лицъ оно сгубило бездну съ бездушіемъ и жестокостью, которыя ужаснули бы всякаго Бенкендорфа и Дуббельта, вотъ и все. Движенія оно не остановило, даже не вогнало его внутрь какъ это было при Николаѣ.

А между тѣмъ правительство никогда не было сильнѣе. Хорошее и дурное, Севастополь и Парижскій миръ, освобожденіе крестьянъ и возстаніе Польши, пустыя угрозы Европы и реформы *in spe*, все было ему на руку. Литература измѣнила, журналы сдѣлались коланчами III отдѣленія, университетскія кафедры полицейскими будками, дворянство парализовало себя тоской по крѣпостному праву, крестьяне продолжали ждть воли отъ царя.

Правительство такъ поставленное могло сдѣлать *чудеса по плюсу и по минусу*. Что же оно сдѣлало?

Постоянно испуганное и на сторожѣ, оно казнило и казнить на право и на лѣво, чего никогда не дѣлаютъ правительства чувствующія твердую почву подъ собой. Оно казнило поля-

ковъ побѣдѣ ихъ оружіемъ. Оно казало поджигателей, объявляя потомъ, что тѣхъ поджоговъ, о которыхъ кричали его литературные индюки, вовсе нѣтъ; оно ссылало за звания, за перехваченныя письма, за чтение *Колокола* и бито сплеча и безъ разбора каждаго человѣка выдававшаяся впередъ не по начальству, не по *формѣ*. Идетъ съ чужбины домой крестьянинъ Мартыановъ, съ поэтической вѣрой въ земскаго царя, съ довѣріемъ которое тронуло бы любого не только помзаннаго, но и разрисованнаго африканскаго самодержца, хватъ и Мартыанова дубиной по головѣ да на каторгу.

И въ то же время растутъ другія силы возлѣ, вдали, вблизи и переростають *официальную* силу живущую въ зимнемъ дворцѣ. Даже тѣ силы, которыя самъ зимній дворецъ вызывать, купилъ, воспиталъ и награждалъ — оказываются змѣями отогрѣтыми на груди его.

Правительство разнуздало дикія заявленія патриотизма, поддразнило народную ненависть и религиозную нетерпимость, клеветой своихъ журналовъ, оно призвало народъ въ суды. Какъ въ 1812 году передъ занятіемъ Москвы французами, графъ Растопчинъ вывелъ на площадь Верещагина и отдалъ его разсвирѣпѣвшей толпѣ, такъ наше *гласное* правительство отдавало своихъ противниковъ стаѣ грязныхъ борзописцевъ, останавливая прикладомъ цензуры всякое оправданіе и всякую защиту. Народныя сходки, открытое обсуживаніе земскаго дѣла, заявленіе своихъ сочувствій къ правительственнымъ лицамъ и мѣрамъ, политическія бавкеты, демагогическія тосты, террористическія иконы — все было разрѣшено. Государственные мудрецы потирали себѣ руки и не могли нарадоваться какъ “славно подождли” общественное мнѣніе и какъ злы, кровоохочи спущенные ими агенты литературно-полицейской своры. Глубокие психологи съ портфелемъ воображали, что привыкнувши къ людскому стону и людской крови, зѣбри ихъ, какъ крыловскіе дворяшки полагаютъ и перестаютъ какъ только хозяева свиснуть — не тутъ-то было.

Двухъ съ половиною лѣтъ не прошло, какъ перейденное въ своемъ собственномъ смыслѣ, правительство захотѣло заарканить свою свору, и не могло. У одного министра искувана рука, у другихъ исподнее въ ключахъ. Да и что министры, особенно изъ *штатскихъ*? Самъ Константинъ Николаевичъ не нашелъ спуска. *Моск. Вѣдом.* загеребили его, онъ и на бислая воды отъ нихъ и въ нѣкое предсѣдательство — нѣтъ отбоя, и теперь только покажетъ изъ Совѣта, въ которомъ притаился, такъ онъ и залыются опять, такъ и пароваты изорвать адмиралтейскую шпатель...

Правительство съ какимъ-то тупымъ остобененіемъ видитъ передъ собой, до сихъ поръ неизвѣстную ему власть, которую хочеть но минованія надобности прогнать — и которая унирается... Зачѣмъ было замѣшивать въ семейный концертъ постороннихъ музыкантовъ?

Комическое единоборство министра просвѣщенія съ казеннымъ листомъ, издающимся прогивъ него подъ фирмой одного изъ подвѣдомственныхъ ему мѣстъ, пройдетъ, пройдетъ и то гнусное настроеніе общественнаго мнѣнія, на которое опирается гнусная газета, но *сознаніе того что можетъ сдѣлать журналъ, когда общественное мнѣніе за него — останется.*

Тоже самое мы видимъ въ другой сферѣ, больше близкой къ сачому дѣлу.

Патриотическія бавкеты замолкли, никто не пишетъ больше Муравьеву, ни просто, ни по телеграфу. никто не шлетъ больше любовныхъ адресовъ государю, и время, въ которое будутъ красавѣть вспоминая эту роскошь рабства — не за горами. А привычка сходки, коллективнаго обсуживанія и челобиты останется. Адресъ московскаго дворянства, въ которомъ они хотятъ не только *любить* государя, но и говорить съ нимъ безъ свидѣтелей, безъ опричниковъ и говорить именно о чиновничьемъ безобразіи — ставеть началомъ конституціонной агитаціи, которая обойдетъ всю Россію и въ свою очередь разбудитъ чиную агитацію чѣмъ ту, о которой мечтають Безобразовы и Давыдовы - Орловы. Еслибъ Александръ II, руководствуясь примѣромъ родигея, молча душилъ поляковъ и молча посылалъ бы на каторгу своихъ, вопросъ о взятии подъ опеку самодержавія не поднялся бы такъ скоро...

Ne reveillez pas le chat qui dort! ... Только на бѣду будить кошку ни нѣтъ не такъ зависить отъ личной воли какъ кажется. И въ этомъ нѣтъ никакого фатализма, а одна эмбриогенія, одиѣ фазы органическаго развитія. Вчера плодъ не былъ зрѣлъ и кошку спала мертвымъ сномъ, сегодня онъ зрѣе... и кошка спитъ сномъ дѣвичьимъ и какъ парочно ее всѣ будять.

Дѣло въ томъ, что *наша груша зрѣетъ* не по днямъ, а по часамъ и потому все будить насъ — императоръ Александръ и Молодая Россія, московскіе дворяне и петербургскіе индустры, льготы и каторги, ведра и печаль. Пора намъ твердо убѣдиться въ этомъ и дѣйствовать сообразно убѣжденію.

Дондемъ мы конечно куда идемъ безъ компаса и секстанта, если сила — новая и неожиданныя — не остановитъ: но сознаніе освѣтитъ путь и предупредитъ пустое шатаніе изъ стороны въ сторону, смутные шаги назадъ и грѣбныя ошибки. Намъ надобно впередъ знать *въ какой зодіакальной знакъ* мы вступаемъ.

Мы какъ будто робѣемъ ставить нѣкоторые вопросы. Робость эта почтенна, это тотъ страхъ выскѣ съ вѣрой, съ которымъ христіане звали къ приобщенію тѣломъ и кровью, къ участию въ “тайнѣ” — но и его необходимо побѣдить. Не все же иностранцамъ указывать намъ что у насъ подъ ногами, какъ это сдѣлалъ Гакстгаузенъ. Досадно видѣть, что они ненавистью больше понимаютъ чѣмъ мы любовь — а дѣйствительно понимаютъ.

Оставляя въ сторонѣ враждебные голоса, завывающіе въ ежедневной прессѣ, мы сошлемся на стараго мыслителя, у котораго кровь обращается покойно, который много жилъ въ прошедшемъ, много видѣлъ въ настоящемъ и много думалъ объ обоихъ. Рѣчь идетъ объ Эдгарѣ Кипе. Онъ до сихъ поръ мало говорилъ объ Россіи, онъ ею не занимался. Но пораженный теперь “аграрнымъ характеромъ” освобожденія крестьянъ и взглянувши въ него, онъ нѣскольکو испуганный, принялся упрочивать мнѣніе, что Конвентъ, что революція, что 1793 годъ, что Робеспьеръ и его товарищи, разрушая все общественное зданіе, касаясь до всего, до головы живаго человѣка, до церковныхъ колоколенъ, до верховной власти, никогда не касались до “собственности” и всего больше до “поземельной собственности”, до этой животворящей, единоспасающей основы общества, образованія, семьи, личности, свободы. Гражданскій кодексъ — величайшій памятникъ Конвента — освятилъ и упрочилъ ее. Для Кипе *бабунизмъ*

(соціализмъ) *чуждый* элементъ не совмѣстный съ геліемъ народовъ франко гальскихъ, который сбиваетъ революцію съ величавыхъ путей ея, переходить предѣлы ей назначенные и теряетъ изъ за своихъ аграрныхъ граблей и чечевичной похлебки то, изъ за чего она сама лила столько крови и пота — *Свободу*.

И вотъ онъ указываетъ вдали на какія-то необозримыя степени рабства и коммунизма, въ которыхъ едва замѣтно и почти молча рухнула колоссальная поземельная собственность двухъ дворянствъ, прибавляя какъ будто съ ироніей, что “терроръ Конвента никогда такъ далеко не ходилъ—онъ только убивалъ!”

... Оно и немудрено, что такъ мало отъ него осталось...

Передъ такого рода сужденіями пора и намъ громко и поднявъ голову сказать нашимъ судіямъ: — “Да, вы правы, мы народъ иначе понимающій поземельную собственность, для васъ соціализмъ былъ заходящимъ солнцемъ, для насъ восходящимъ... Мы шли за вами, пути наши пересѣклись и мы снова пойдемъ не по одной дорогѣ—вы пролетаріатомъ къ соціализму, мы соціализмомъ къ свободѣ”.

II—ръ.

ДѢЛО Н. АНДРУЩЕНКО.

(Продолженіе).

На вопросы Мосолова объ обществѣ, пріѣзжавшіе къ нему лица не давали удовлетворительнаго отвѣта; недовольный этимъ, Мосоловъ самъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ и переговорить подробно, но съ начала занятія по службѣ не позволяли, а впоследствии не было охоты къ этому, потому что ни самъ Мосоловъ, ни знакомые его не одобряли способа дѣятельности общества, начинали разочаровываться въ немъ и подумывали отстать отъ него. На вечерахъ по воскресеньямъ, на которые собирались къ нему знакомые, ни одна изъ прокламцій не была читана. Желая предохранить своихъ знакомыхъ отъ опасности и траты силъ, если бы они сдѣлались членами общества *Земля и Воля*, дѣйствія котораго ни онъ, ни они не одобряли, Мосоловъ предложилъ имъ составить общество на первыхъ началахъ. По этому Мосоловъ написалъ программу, въ которой подробности не помнитъ, но она была выражена въ формѣ идеала, къ которому должно стремиться. Программа была принята и передъ отъѣздомъ Сулина и другихъ, они согласились еще разъ поговорить о ней, для чего и рѣшено было сойтись у Андрущенко. Программу эту Мосоловъ читалъ на сходѣ, а средствами къ достиженію поставленнаго въ ней идеала выбраны были книги, какъ орудія распространения свѣдѣній юридическихъ, финансовыхъ и экономическихъ. Поэтому каждому, поселившемуся въ новомъ мѣстности, вѣнялось въ обязанность развивать любовь къ чтенію книгъ, означеннаго содержания, въ его знакомыхъ и для этого имѣть подъ рукою небольшую библіотеку, составленную съличиною. Если бы что нужно было сообщить по секрету, для этого Мосоловъ предлагалъ особый способъ шифра, но ни одного письма, писаннаго шифромъ, Мосоловъ отъ уѣзжавшихъ не получилъ. Оригиналъ программы Мосоловъ у себя не сохранилъ, а тотъ листокъ по которому читалъ клячу взял и не возвратилъ. На этомъ же сходѣ рѣшено было, что ихъ дружокъ встанетъ въ независимое положеніе отъ общества *Земля и Воля*. Кельсіева Мосоловъ прежде не

зналъ, но когда Андрущенко обратился къ нему съ просьбою помочь Кельсіеву въ денежныхъ средствахъ, то Мосоловъ снабдилъ Андрущенко сертификатомъ и далъ ему адреса двухъ лицъ, по чьи они были не знаетъ, потому что не прочелъ ихъ. Андрущенко по возвращеніи изъ Петербурга передалъ ему 100 р.—50 для Кельсіева и 50 для Квятковскаго, содержавшагося съ Кельсіевымъ въ частномъ домѣ. Одавая Андрущенко деньги для употребленія по назначенію, Мосоловъ съ своей стороны пожертвовалъ для Кельсіева 9 р. Затѣмъ, утромъ не помнитъ какого числа, Кельсіевъ явился къ Мосолову на квартиру и онъ представилъ его своей женѣ. Изъ разсказа Кельсіева объ ощущеніяхъ, которыя онъ испытывалъ во время приготовленія къ побѣгу и самого побѣга, видно было что кто-то досталъ подплатокъ и бичевку, но кто именно Кельсіевъ не говорилъ, а Мосоловъ не любопытствовалъ спросить. На другой день, такъ какъ это было Воскресенье и къ Мосолову могли придти знакомые, которымъ Кельсіевъ видѣть не сдѣлало, то Мосоловъ отправилъ его къ товарищу своему Савинову, которому онъ не говорилъ, что такое Кельсіевъ, и который имѣя надобность ѣхать въ Куково, оставилъ Кельсіева у себя на квартирѣ одного. Впоследствии, когда Мосоловъ разсказалъ о Кельсіевѣ Савинову послѣдній былъ недоволенъ, что его впутали въ эту исторію и упрекалъ Мосолова за это. Въ часа 3 или 4 пришелъ къ Мосолову Андрущенко, которому онъ сообщилъ гдѣ найти Кельсіева, и отъ Савинова Андрущенко увелъ за городъ Кельсіева по дѣлу. Затѣмъ о Кельсіевѣ Мосоловъ ничего не зналъ и какимъ образомъ онъ досталъ себѣ видъ на выѣздъ, ему неизвѣстно; Андрущенко же говорилъ, что Кельсіевъ долженъ ѣхать по Волгѣ. Маршрутъ дѣйствительно Мосоловъ получалъ отъ Андрущенко, привезенный имъ изъ Петербурга, по которому Кельсіевъ долженъ былъ ѣхать черезъ Одессу и бесарабскую границу въ Молдавію; чрезъ Персію же, сколько Мосолову извѣстно, никто не ѣзжалъ, а было это предложеніе, ибо они думали, что на судахъ, плавающихъ по Каспійскому морю, легко проѣхать за границу безъ паспорта. На требованіе комиссіи разъяснить свое показаніе съ указаніемъ лицъ, Мосоловъ не исполнилъ этого, добавивъ, что свидѣтелей которые видѣли бы какъ посѣщали его неизвѣстные лица, онъ указать не можетъ, что изъ разговоровъ посѣщавшихъ его, онъ узналъ, что въ Петербургѣ въ которое число лицъ отдѣлилось отъ общества, вследствие несогласія во взглядахъ, равно какъ и въ Москвѣ, а потому посѣтителіи просили Мосолова наблюдать за ихъ отставшими членами, еслибы случай привелъ познакомиться съ ними или, еслибы они вздумали пригласить Мосолова пристать къ нимъ, и чтобы Мосоловъ сообщалъ тогда о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ ихъ въ Петербургъ, что всѣхъ лицъ пріѣзжавшихъ къ Мосолову по дѣламъ общества было 8 или 10 и нѣкоторые изъ нихъ были не проѣзжіе, а вѣроятно московскіе жители, что первый изъ неизвѣстныхъ, пригласивши участвовать его въ обществѣ, объяснилъ ему, что въ именнелѣ общества нарочно сдѣлана ошибка въ словѣ *центральный*, гдѣ у буквы *а* отломанъ снизу хвостикъ и это сдѣлано изъ предосторожности, чтобы печать не могла быть поддѣлана; что другое явившееся къ нему лице разсказывало ему о томъ, что Угиль ѣзжалъ за границу, потому что его предполагалось взять подъ арестъ, по показанію, кажется Степанова, но какъ ѣзжалъ Угиль, этого передававшій самъ не зналъ и что разговора объ Антоновичѣ

съ Андрущенко онъ не имѣлъ, а вѣроятно Андрущенко смѣшалъ Мосолова съ кѣмъ либо другимъ изъ своихъ знакомыхъ, потому что онъ никакого Антоновича не зналъ и ни отъ кого объ немъ не слышалъ, что о Квятковскомъ Мосоловъ узналъ отъ Андрущенко, по возвращеніи его изъ Петербурга, что Андрущенко ничего новаго объ обществѣ ему не сообщалъ; на распросы же о лицахъ, къ которымъ были адресованы, Андрущенко называлъ ихъ фамилии, но Мосоловъ забылъ ихъ и это произошло отъ того: во 1) что означенныя лица были простые члены, мало извѣстные въ обществѣ, какъ онъ заключалъ изъ разсказовъ Андрущенко, во 2) что адреса ихъ были даны на одинъ разъ, въ 3) что у Мосолова въ послѣднее время было много занятій по службѣ, и въ 4) что онъ переставалъ уже особенно интересоваться дѣлами общества; притомъ Мосоловъ добавилъ, что лица бывшія на сходкѣ у Андрущенко, всѣ болѣе или менѣе знали о сношеніяхъ Мосолова съ обществомъ, хотя лично объ этомъ онъ передавалъ только Шаплову и Андрущенко.

На вновь предложенные Мосолову вопросы, въ коихъ была указана неосновательность его объясненій и между прочимъ объяснено, что въ отвѣтахъ своихъ, которые онъ называетъ чистосердечными, онъ указалъ только на тѣ обстоятельства и поименовалъ тѣ лица, о которыхъ ему уже было извѣстно изъ вопросовъ комиссіи; другихъ же лицъ и обстоятельствъ, которые вытекаютъ изъ положенія дѣла, онъ не объяснилъ. Мосоловъ объяснилъ, что если показаніе его возбуждаетъ сомнѣніе или недоразумѣніе, если его нельзя назвать вполне откровеннымъ и чистосердечнымъ, то въ этомъ не его вина; обстоятельства, переданныя имъ съ точностью и истинною, такъ сложились, что навлекаютъ на него подозрѣніе. Въ этомъ не кого болѣе винить, кромѣ судьбы и Мосоловъ долженъ сносить безропотно подозрѣнія и сомнѣнія.

Андрущенко на очной ставкѣ съ Мосоловымъ отзывался: что онъ подтверждаетъ всѣ свои показанія, а въ особенности то, что Мосоловъ передавалъ ему адреса Пушторскаго и Гулевича, называлъ ихъ фамилии, и адреса не были запечатаны и что передъ отъѣздомъ въ Петербургъ Андрущенко говорилъ Мосолову о Квятковскомъ и Мосоловъ указалъ какъ достать денегъ. Мосоловъ же, утверждая свои объясненія, отзывался, что раздоръ между нимъ и Андрущенкою онъ объясняетъ забывчивостію со стороны Андрущенко и не точнымъ, вслѣдствіе того воспроизведеніемъ подробностей фактовъ. При обыскѣ, въ бумагахъ Мосолова, найдена записка написанная шифрами съ подписью А. Столпаковъ.

Объ этой запискѣ излагается ниже.

3) Штабъ-ротмистръ бѣлорусскаго гусарскаго ея императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича полка, *Алекси Столпаковъ*, (содержится въ крѣпости съ 10-го Декабря 1863 г.). Оказавшаяся въ бумагахъ Мосолова записка подписанная А. Столпаковъ слѣдующаго содержанія: сиѣшу прислать должныя мною деньги за книги, 10 руб. Я продолжаю бѣгать и до сихъ поръ никуда не выходилъ. Отъ печетъ двѣагъ, вотъ вамъ загадка—ребусъ. Затѣмъ слѣдуютъ цифры. Записка писана 21 Августа 1863 г. въ Карачѣ, Курской губерніи. Мосоловъ отзывался, что никакого знакомаго по фамилии Столпаковъ не знаетъ, письмо писано вѣроятно тѣмъ способомъ, которымъ было условлено на сходкѣ у Андрущенко вести переписку, но письма онъ не разбиралъ, потому что получилъ его передъ крестинами своей дочери и

теперь разбирать не можетъ. Всего легче можетъ прочитать его Столпаковъ, онъ же вѣроятно объяснилъ для чего и по какому способу писалъ его и на какой предметъ прислалъ деньги и затѣмъ всѣ свѣденія по объясненіямъ Столпакова онъ Мосолову, далъ съ полною откровенностью.

По собраннымъ свѣденіямъ окажется, что Столпаковъ состоялъ на службѣ въ бѣлорусскомъ гусарскомъ, е. и. в. в. кн. Михаила Николаевича, полку, расположенномъ въ г. Карачѣ. Объ отобраніи отъ него объясненій сообщено было Курскому жандармскому шт-офицеру. При допросѣ въ Карачѣ въ присутствіи депутата съ военной стороны, Столпаковъ объяснилъ, что познакомился съ Мосоловымъ въ Москвѣ, пріѣхавъ къ нему самъ, что отношенія къ Мосолову были тѣже что и къ другимъ хорошо знакомымъ и что въ бытность въ Москвѣ просилъ Мосолова купить и выслать книги, обѣщаясь прислать деньги тотчасъ по пріѣздѣ въ г. Карачу и хотя не получилъ книгъ, но деньги выслалъ при письмѣ 21 Августа. Ключъ къ шифру составленъ имъ, Столпаковымъ, а система ключа состояла изъ сложнаго сочетанія и переложенія и была изложена на листѣ бумаги, которою воспользовавшись нѣсколько разъ, уничтожилъ его, такъ что написаннаго прочитать не въ состояніи. Писалъ же шифромъ конечно для того чтобы письмо попавъ не по адресу не могло быть прочитано и что содержаніе шифровки, сколько припомнится Столпакову, заключалось въ присланіи средствъ для вспоможенія ссылаемымъ за политическое преступленіе. Кромѣ того Курскій жандармскій штабъ-офицеръ, полковникъ Герасимовъ, представляя объясненіе Столпакова, донесъ, что сообразивъ неправдоподобные отвѣты Столпакова, онъ призналъ необходимымъ пригласить его къ себѣ, послѣ сильныхъ убѣжденій, Столпаковъ сознался, что шифръ составленъ не имъ, а Мосоловымъ, отъ котораго получилъ въ бытность въ Москвѣ и что Столпаковъ не помѣнилъ этого въ отвѣтъ, а принялъ на себя, потому что далъ Мосолову честное слово держать въ тайнѣ и не желаетъ подвергать Мосолова отвѣтственности. На предложеніе же помѣстить солпаніе въ отвѣтахъ, Столпаковъ отказался отъ этого, отзывавшись, что довольно и того, что объяснить истину на словахъ.

На предложенный послѣ сего Мосолову вопросъ, въ которомъ было объяснено, что Столпаковъ сознался въ знакомствѣ съ нимъ, Мосоловъ по прежнему утверждалъ, что не знаетъ его.

Послѣ сего Столпаковъ былъ доставленъ для содержанія въ С.-Петербургской крѣпости и при допросѣ въ комиссіи показалъ, что для знакомства съ Мосоловымъ онъ приходилъ къ нему на квартиру, что Мосоловъ былъ у него въ гостиницѣ Дрезденъ, что уѣзжая изъ Москвы, Столпаковъ оставилъ свой адресъ, а Мосоловъ далъ свой, что Столпаковъ писалъ нѣсколько разъ Мосолову и что шифръ которымъ писано послѣднее письмо, извѣстенъ Мосолову.

Но и за сѣмъ Мосоловъ утверждалъ, что письмо, писанное шифромъ есть единственное, полученное имъ отъ Столпакова, другихъ же обстоятельствъ, выставленныхъ Столпаковымъ, Мосоловъ не помнитъ.

На очной ставкѣ Столпаковъ призналъ Мосолова и подтвердилъ свои показанія, Мосоловъ же отзывался, что дѣйствительно, сколько помнитъ, Столпаковъ былъ у него и передалъ для списанія шифръ, составленный Столпаковымъ, который Мосоловъ уничтожилъ, узнавъ объ арестѣ Андрущенко. Поэтому письмо Столпакова Мосоловъ прочесть не можетъ,

фамилию Столпакова онъ совершенно позабылъ и вспомнилъ о происходившей встрѣчѣ и знакомствѣ только въ слѣдствіе личныхъ напоминаній Столпакова и припоминая его лицо и голосъ. О посѣщеніи Столпакова въ гостиницѣ Мосоловъ не помнитъ, шифръ составленный Столпаковымъ былъ сообщенъ Мосолову для прописокъ въ письмахъ, относительно вспомошествованія ссылаемымъ за политическія преступленія. Въ журналѣ членовъ комиссіи, постановленнымъ 14 Декаб. 1863 г. о происходившемъ на очной ставкѣ, между прочимъ, сказано: что Столпаковъ, всмотрѣвшись въ Мосолова сразу призналъ его, Мосоловъ же сначала отвергъ показаніе Столпакова и отозвался, что его не знаетъ. Тогда Столпаковъ, по предложенію членовъ комиссіи, припомнилъ Мосолову обстоятельства, при которыхъ они познакомились и разговоры, происходившіе между ними; Столпаковъ между прочимъ сказалъ, что они говорили о сборѣ денегъ для вспомошествованія ссылаемымъ въ каторжную работу, о печатаніи и распространеніи дешевыхъ книгъ. Въ это время Мосоловъ объявилъ, что припоминаетъ Столпакова и обратился къ нему съ вопросомъ: гдѣ я вамъ передалъ шифръ? Но Столпаковъ сказалъ, что шифръ составилъ онъ самъ, при посредствѣ какого то листа и чрезъ сочетание цифръ, для того, чтобы вести переписку по предмету сбора денегъ, послѣ чего и Мосоловъ утверждалъ отзывъ Столпакова о полученіи отъ него шифра.

На вопросы, кто рекомендовалъ Мосолова, съ какою цѣлью познакомился съ нимъ и почему родилась мысль о пожертвованіяхъ въ пользу ссылаемыхъ, Столпаковъ объяснилъ, что въ Петербургѣ слышалъ много хорошаго о Мосоловѣ, но отъ кого не помнитъ, а потому интересовался знакомствомъ съ нимъ, чтобы имѣть въ Москвѣ корреспондента для полученія отъ него свѣдѣній о новостяхъ и выписки книгъ, что мысль о сборѣ вспомошествованій родилась у него по поводу Михайлова и кромѣ того онъ думалъ воспользоваться для сбора настроеніемъ городовъ Курской губерніи къ частной благотворительности. Къ этому Столпаковъ присовокупилъ, что курскому жандармскому штабъ офицеру показать, будто шифръ составленъ Мосоловымъ, съ цѣлью выйти изъ непріятнаго положенія, въ которое былъ поставленъ отказомъ върить письменному показанію и сопровождавшихъ этого отказъ убѣжденій, а по вопросу о томъ, что Мосоловъ принадлежалъ къ тайному обществу *Земля и Воля*, отъ котораго было дѣлаемо приглашеніе къ пожертвованію въ пользу ссылаемыхъ, Столпаковъ показалъ, что онъ объ этомъ не знаетъ и если, изыскивая средства къ вспомошествованію, дѣйствовалъ согласно мыслямъ общества *Земля и Воля*, то это было со стороны Столпакова совершенно непроизвольно, такъ какъ самъ онъ къ обществу не принадлежалъ. Кромѣ этого невольнаго участія Столпаковъ никакого другаго, въ дѣятельности общества, не принималъ и если кто нибудь изъ знакомыхъ его оказался членомъ общества, то это было совершенно неизвѣстно Столпакову.

Равнымъ образомъ и Мосоловъ показалъ, что доставлявшія ему воззванія лица, ничего о способѣ собиранія пожертвованій не говорили, и сколько помнитъ, въ воззваніи *Свобода* № 1 говорилось, что сборъ поручается особымъ агентамъ общества, Мосолову подобнаго порученія даваемо не было, а потому онъ никакихъ пожертвованій не собиралъ. Кромѣ того Столпаковъ показалъ, что онъ зналъ и посѣщалъ Пантелѣева, жившаго

вмѣстѣ съ Пушторскимъ; но Пантелѣевъ и самъ Столпаковъ показали, что послѣдній не былъ знакомъ съ Пушторскимъ.

Вслѣдствіе отказа Столпакова и Мосолова разобрать, написанную шифромъ записку, она по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему на докладъ г. предсѣдателя комиссіи отъ 23 Декабря 1863 г. была препровождена для разбора въ министерство иностранныхъ дѣлъ; но вице канцлеръ, князь Горчаковъ, уведомилъ, что не смотря на всѣ старанія и особенныя способности шифровальщиковъ по этой части, никакого смысла въ шифръ, въ недостаточности матеріаловъ, добиться невозможно.

4) Служившій въ управленіи Московско-Нижегородской желѣзной дороги, дворянинъ, Николай Шатиловъ (содержится въ крѣпости съ 7-го Сентября 1863 г.). При первыхъ допросахъ въ комиссіи по поводу показанія Андрущенко, Шатиловъ сознался, что онъ будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ Мосоловымъ, посѣщалъ собранія бывшія у него по воскресеніямъ; что онъ находился на сходкѣ, которая устроена была въ квартирѣ Сулина и Андрущенко, что получалъ отъ Мосолова, присланныя ему изъ Петербурга, воззванія и распространялъ ихъ и что оказавшіяся у Андрущенко воззванія переданы ему имъ, Шатиловымъ.

Относительно собраній, происходившихъ у Мосолова, Шатиловъ показалъ, что Мосоловъ не имѣлъ никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобы соединить въ одинъ вечеръ въ своемъ домѣ родныхъ и знакомыхъ и быть свободнымъ въ остальные вечера. Чтобы не назначать другаго вечера, Мосоловъ въ воскресенье просилъ бывать у него и участвовавшихъ въ библиотекѣ для перемѣны и полученія книгъ. Если въ квартирѣ Мосолова и случалось переговаривать съ кѣмъ нибудь по предмету о распространеніи прокламаций, то, конечно, украдкою и случайно. Лица участвовавшія въ библиотекѣ даже менѣе регулярно посѣщали Мосолова, нежели простые знакомые его.

На сходкѣ въ квартирѣ Андрущенко, Шатиловъ находился безъ приглашенія и случайно: онъ зашелъ къ Лебединскому и, узнавъ, что Лебединскій отправляется къ Андрущенко, пошелъ къ нему, не зная даже что съ нимъ жилъ тогда Сулинъ. Затѣмъ Шатиловъ объяснилъ, что на сходкѣ Сулинъ предлагалъ вопросъ, Мосоловъ читалъ программу и предложилъ для употребленія въ перепискѣ особую азбуку; но по изобрѣтенному способу самъ Шатиловъ ни кому не писалъ и ни отъ кого писемъ не получалъ; пропаганда же, по условію, должна была вестись распространеніемъ въ обществѣ, посредствомъ бесѣдъ съ встрѣчающимися лицами, мнѣніи извлеченныхъ изъ изученія Милля, Прудона, Шоссера и др. Но велась ли кѣмъ нибудь такая пропаганда, Шатилову неизвѣстно. Прокламации получены были изъ Петербурга Мосоловымъ: а) начинающаяся словами *Летитъ польская кровь*, въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ; б) *Свобода* № 1, въ количествѣ примѣрно 500 экзempl.; в) *Свобода* № 2, въ количествѣ 300 или 350 экзempl.

Первая прокламация была распространяема въ Москвѣ, а изъ числа экземпляровъ *Свобода* № 1, Шатиловъ передалъ для распространенія въ Москвѣ, экзemplы 200 или 150 Запозднечскому; экзemplы 100 или 50 взял Андрущенко и увезъ съ собою. Остальные же распространялъ Шатиловъ самъ, отдавая ночью встрѣчающимся лицамъ, преимущественно гимназистамъ, кадетамъ и вообще молодымъ людямъ;

по городской почтѣ посылались воззванія, фамиліи коихъ брали изъ адресъ-календаря Москвы и не много экземп. было послано по иногородной почтѣ; по адресъ-календарю выбирались лица, служащая въ гимназіяхъ, корпусахъ, также судебные стѣдователи, мировые посредники; лицамъ имѣющимъ чины выше коллежскаго ассессора прокламаціи не посылались. Экземпляръ прокламаціи *Свобода* No. 2, вовсе не распространялся, но были уничтожены Шатиловымъ по соглашенію съ Мосоловымъ. Что касается воззванія, начинающагося словами: *Долго давили васъ*, то оно было доставлено не Мосолову, а Шатилову изъ Казани, везакомъ ему лицомъ, привезшимъ письмо отъ проживавшаго въ Казани И. П. Умнова съ просьбою распространить между крестьянами, и всѣ экземп. отданы Андрущенко, который по своимъ земельнымъ завязямъ долженъ былъ находиться въ сношеніи съ крестьянами, а такъ какъ Андрущенко просилъ снабдить его большимъ количествомъ экземп. послѣдняго воззванія, то Шатиловъ далъ ему письмо къ учителю Нижегородской гимназіи Кониченко, о которомъ, привезшіе изъ Казани воззванія, говорили, что въ случаѣ надобности ихъ, можно обратиться къ Кониченко, но какимъ образомъ Андрущенко распорядился письмомъ, Шатилову неизвѣстно; равнымъ образомъ, хотя Шатиловъ говорилъ Андрущенко передать вмѣстѣ съ письмомъ словесную просьбу о присылкѣ прокламацій, однакожъ прокламацій прислано не было.

Загѣмъ относительно побѣда Кельсеева, Шатиловъ объяснилъ, что въ доставленіи ему средствъ къ побѣдѣ никакого участія не принималъ и о побѣдѣ Андрущенко въ Петербургъ за деньгами, равно къ кому онъ былъ адресованъ, не знаетъ. Что касается сношенія Мосолова съ обществомъ *Земля и Воля*, Шатиловъ объяснилъ, что по его мнѣнію, всѣ сношенія Мосолова ограничивались получениемъ воззваній и что слышалъ какъ Мосоловъ говорилъ Андрущенко: “мы снабдимъ васъ сертификатомъ”; а однажды показывая Шатилову бумажку, описанной Андрущенкою формы, Мосоловъ сказалъ: “вотъ, можетъ быть и къ тебѣ когда нибудь обратятся съ подобною бумажкою”.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ).

С М Ъ С Ъ.

ПЕРВОЕ ЗАПРЕЩЕНІЕ, ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ, ПЕРВЫЙ СУДЪ!

I.

ЗАПРЕЩЕНІЕ ПЬЕСЫ ПОГЪХИНА.

“Отрѣзанный ломоть” все таки запрещенъ! Да здравствуетъ *англійскій клубъ*! Что за беспутѣйшее правительство, ни въ чемъ ни выдержки, ни единства. Оно какъ хмельный солдатъ, котораго Суворовъ заставлялъ пройти “по одной доскѣ”—изъ усердія *идетъ по двумъ*.

II.

ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ 10 Ноября 1865.

“Принимая въ соображеніе:

“что въ статьѣ ‘Новыя времена’, помѣщенной въ августовской книжкѣ журнала *Современникъ*, въ особенности на страницахъ 376, 383—384, оскорбляются *начала брачнаго союза*;

“что въ статьѣ ‘Записки Современника’, помѣщенной въ той же книжкѣ, въ особенности на стр. 308—321, заключа-

ется косвенное порицаніе началъ собственности въ примѣненіи къ капиталистамъ, несправедливо будто бы, присвоившимъ себѣ сбереженія рабочихъ классовъ;

“что въ статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ сентябрьской книжкѣ того же журнала, въ оглѣдѣ, посвященъ названіе: ‘Какъ измѣрить примѣрно долѣ народу цивилизованныхъ классовъ?’, въ особенности на стр. 93—95, начала собственности подвергаются прямому оспариванію и отрицанію, и

“что въ этой же статьѣ, особенно на стр. 97, 98, 103—112, возбуждается вражда къ высшимъ и вообще имущественнымъ классамъ, выставляемымъ по самому принципу ихъ существованія безнравственными и зловредными для народнаго благосостоянія—

“Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 29, 31 и 33 высочайше-утвержденнаго, 6-го апрѣля сего года, мнѣнія государственнаго совѣта, и согласно заключенію совѣта главнаго управления по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить *первое* предостереженіе журналу *Современникъ*, въ лицѣ издателя-редактора дворянина Николая Некрасова и редактора, состоящаго въ чинѣ VII класса, Александра Пыпина”

Наконецъ-то мы очью видимъ игру “Предостереженій”, эту *французскую болѣзнь* несвободной *Свободы* книгопечатанія... Предостереженіе *Слѣд. Вѣдомостямъ* было такъ глупо и такъ смѣшно упало на голову Валуеву, да еще замаравшись въ Катковѣ, что его считать нельзя, оно было, по выраженію графа Толстаго, “въ булку”. Новое предостереженіе имѣетъ совсѣмъ иное portée.

Современникъ давно обреченъ богамъ. Еще два Валуевскіе “презерватива” и дѣлопись окончена сего. Ни повредить, ни помочь мы ему не можемъ, край его одежды не вынче попалъ въ колесо петербургской плющильной машины, а это не жена Потифара, отъ нея не отдѣлаешься клочкомъ манги. Въ тотъ день, когда Чернышевскій былъ взятъ безъ всякаго юридическаго основанія, освобожденъ сенатомъ отъ обвиненій, принятыхъ совѣтомъ, когда онъ, невинный кругомъ, былъ выставленъ къ позорному столбу и сосланъ на каторгу—безъ того чтобы правительство сочло нужнымъ для возможнымъ сказать вѣрноподданымъ въ чемъ дѣло, въ тотъ день судьба *Современника* была рѣшена. Валуеву хотѣлось побаловаться “Предостереженіями”, это новая игрушка, притомъ парижская, что то либеральное, легальное, буквальное—по копецъ будетъ тотъ же, *они* порѣшатъ *Современникъ безъ суда*.

Новоизъ, по которому дано предостереженіе, тоже чрезвычайно замѣчательный.

Русскій министръ внутреннихъ дѣлъ дѣлается министромъ отживающей цивилизаціи—такъ это и поняла либеральная *Кельнская Газета*.

Ганри Мартинъ въ *Сіэклъ*, Валуевъ въ министерствѣ и *Кельнская Газета* въ Кельнѣ, указываютъ своимъ трехперстемъ *однаго врага*. Только Ганри Мартинъ учившійся не въ Нажескомъ корпусѣ, относитъ превратное поимманье законовъ собственности въ Россіи къ духу народному, къ тому враждебному цивилизаціи туранскому, татарскому, кочевому элементу на которомъ выросла Россія; а Валуевъ къ редакціи *Современника*.

Considérants, валуевского предостереженія можно приложить не къ одному *Современнику*, а чуть ли не ко всей

современной Россіи. Многіе избѣгли отъ министерской нахлобучки, только тѣмъ, что печатали свои статьи до снѣгѣ цензуры.

Будь у насъ свобода книгопечатанія въ 1861 году, мы непременно прочли бы, что Министръ Внутреннихъ дѣлъ принимая въ Соображеніе:

что въ статьѣ “Положенія”, напечатанной отдѣльно и въ періодическомъ изданіи Редакціонной Комиссіи, оскорбляются начала *крѣпостнаго союза*, заключается косвенное порицаніе собственности въ примѣненіи къ помѣщикамъ, несправедливо будіо-бы присвоившимъ себѣ трудъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ,

что въ тѣхъ же “Положеніяхъ” начала поземельной собственности подвергаются прямому оспариванію и ставится недобросовѣстное различіе между *собственностью и ея пользованіемъ*, различіе неминуемо ведущее къ враждѣ между собственниками и пользователями.

Министръ внутреннихъ дѣлъ на основаніи § 29 и проч. опредѣлилъ объявить *первое* предостереженіе редакціонной комиссіи и издателю “Положенія” въ августѣшнемъ лицѣ нынѣ благополучно царствующаго государя императора Александра Николаевича ...

Но если законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія даже для лицъ виѣзавонныхъ, то что же за привилегіи даны комиссарамъ Комитета Общественнаго Спасенія, рассылаемымъ нашимъ Карно-Митопинымъ по провинціямъ? Эти революціонные генералы не только подкапываютъ “брачный” союзъ, но церковь, не только “собственность”, но и *собственниковъ*. Демагогическія рѣчи (изъ пѣлицевъ) Кауфмана, въ цѣломъ краѣ возбуждаютъ ненависть къ классу имущему и презрѣніе къ духовенству. “Хочу, говорить, руку поцу цалую, не хочу ссориться съ духовенствомъ буду”*. Какое же послѣ можетъ быть уваженіе у народа къ своимъ пастырямъ. Дворянству сказала Кауфманъ въ Вилькомірѣ, *успѣвъ въ часъ времени коснуться до всего*, (вѣроятно тоже и до поповской руки губами), “угиѣтало народъ, развращало его” (на счетъ женскаго пола вѣроятно!). Это просто призывъ къ топорамъ. “Вы должны исполнять желаніе русскаго народа” (г. е. отдать всю землю крестьянамъ?) И въ какое время... когда возлѣ другой агитаторъ (не изъ пѣлицевъ, даже богъ знаетъ изъ кого) — Безакъ *переводитъ* католичество на русскій языкъ...

Гдѣ же тутъ равенство передъ закономъ!...

Мы даемъ Валуеву *первое* предостереженіе!

III.

ПЕРВЫЙ СУДЪ.

19 Ноября (1 Декабря) въ С. Петербургской уголовной палатѣ судились *публично* нѣсколько дѣлъ “о преступленіяхъ противъ законовъ о печати. Сначала производился при *закрытыхъ дверяхъ* докладъ о преданномъ суду кандидатѣ Блюммерѣ, за изданіе за границею *Свободное Слово* и *Европеецъ*. Блюммеръ явился качествѣ арестанта и изъ палаты отправленъ опять въ тюрьму’.

Послѣ этого мрачнаго и таинственнаго инцидента при *закрытыхъ дверяхъ* — *двери отворились*, но въ нихъ именно не вошелъ бенефициантъ Бибииковъ, “привлеченный къ отвѣтственности за изданіе книги *Критическія этюды*”.

* “Если вы останетесь въ напрасномъ напряженіи, (это то то медицинское, мы не починимъ) — я буду съ вами ссориться”. (“Голосъ” 2 Декаб.)

Не смотря на то, что Бибииковъ не явился, палата занялась разборомъ Стюарта Мия, Дарвина, Фурье и проч “Двѣ сальютныя черты” (Спб. Вѣд. №. 306) въ книгѣ Бибиикова были найдены: во-первыхъ та, что онъ сочувствуетъ Фурье въ его желаніи сравнять женщину въ правахъ съ мужчиной во-вторыхъ, что онъ не сочувствуетъ мѣщанину Краснову, который убиваетъ (по счастью въ комедіи Островскаго, а не на самомъ дѣлѣ) свою жену — въ то время какъ “докладъ” желалъ бы видѣть въ немъ особенную симпатію къ убивающему мѣщанину. “Докладъ” виднѣтъ въ этомъ со стороны Бибиикова желаніе подорвать крѣпость брачнаго союза, не замѣчая, что и убійство жены до нѣкоторой степени фантически подорываетъ крѣпость союза. Семейныя дѣла мѣщанъ Красновыхъ заставили составителей “доклада” усомниться на счетъ поведенія Бибиикова, и тутъ мы видимъ очень удачное и *чисто русское* прибавленіе къ европейскимъ законамъ о книгопечатаніи — вмѣсто того чтобы судить книгу, докладчики пошли сълетничать и выпрашивать друзей Бибиикова, да еще подъ присягой, каково его поведеніе! Оказалось, что Бибииковъ себя ведетъ какъ “хорошій гражданинъ”. Къ тому же и: “*при обыскѣ въ квартирѣ Бибиикова ничего подозрительнаго не найдено*”. Прекрасно!

Хороша тоже и ссылака на 1356 ст. Улож. о показ., которая начинается со словъ: “Если кто *нибудь* будетъ *тайно* отъ цензуры или инымъ образомъ издавать” .. а цензура отмѣнена! “Состоялось-ли судебное рѣшеніе по этому дѣлу или оно отложено до другаго засѣданія — *неизвѣстно*”.

— Лукашевъ и Масловскій. Въ Русскомъ Ивалидѣ пишутъ, что изъ партіи *политическихъ преступниковъ*, въ числѣ 76 человекъ слѣдовавшихъ въ г. Иркутскъ, 2 Сентября, во время почлега въ Тельшинской фабрикѣ, *бѣжали* два политическихъ преступника — Никифоръ Лукашевъ и Александръ Масловскій. Кто они, за что были судимы, гдѣ, когда? Не явное ли это доказательство, что правительство *втихомолку* губить множество людей подъ предлогомъ политическихъ преступленій? Не убѣги Лукашевъ и Масловскій, кто бы зналъ о ихъ ссылкѣ?

— Отецъ Мартыновъ и отецъ Самаринъ. Иезуитъ отецъ Мартыновъ напечаталъ короткое писъмо къ издателю Дня и тотчасъ нашелъ богослова отца Самарина, который ему длинно отвѣчалъ. Иезуитамъ всегда везетъ. Вотъ мы писали *четыре письма* къ противнику, но противникъ не отвѣчалъ!

— Собранные 7 Декаб. 50 франковъ, получены отъ М. С. Д. и передачи по назначенію.

КОЛОКОЛЬ НА 1866

будетъ издаваться въ Женевѣ на тѣхъ-же основаніяхъ и въ томъ-же духѣ.

Подписки принимаются въ Русской Типографіи — M. S. Ichóizowski, 40, Pré l'Évêque, à Genève.

Цѣна 24 листовъ за годъ, безъ пересылки..	10fr.	0
За полгода	5	50
Отдѣльно листъ	0	50

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Évêque, Genève.

ОГЛАВЛЕНИЕ КОЛОКОЛА

ЗА

1865

№. 193.—1 Января.

1865 годъ. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. Письма къ противнику (Письмо второе). Смѣсь: Голеніе въ пользу иностранной церкви.

№. 194.—1 Февраля.

Освобождение крестьянъ въ Россіи и Польское возстаніе (Изъ Москвы). Письма къ противнику (Письмо третье). Смѣсь: Реформы и проекты реформъ. Казни и ссылки. П. к. Михаилъ Николаевичъ. Катковъ и Шедо-Феротти. П. Ж. Прудонъ.

№. 195.—1 Марга.

Адресъ московскаго дворянства. Прививка конституціонной оспы. Освобождение крестьянъ въ Россіи и Польское возстаніе (Окончаніе). Смѣсь: Царское погоспитіе и оскверненіе труповъ. Измѣненіе цензуры и пр.

№. 196.—1 Апрѣля.

Къ одному изъ многихъ (Письмо третье). Смѣсь: Поправки и дополненія. Запросы сапожникамъ. Изъ Полтавы. Либеральничаніе “Моск. Вѣдомостей”. Крестьяне и духовенство на выборахъ. Л. Самаринъ и П. Бекетевъ. Изъ Москвы. Изъ Грузіи. Предложеніе П. М. Смирнова и пр.

№. 197.—25 Мая.

Письмо къ императору Александру II. Кончина князя Ф. Оболенскаго и Гобричева-Пушкина. Кровь и Кровь! Письма къ путешественнику (Письмо первое). Письмо къ Издателю. Смѣсь: Михаилъ и Михаилъ Николаевичи. Народная Лѣтопись. Нашимъ читателямъ

№. 198.—15 Іюня.

Русскія реформы (I. Предисловіе). Освобождение крестьянъ въ Грузіи. Семь убитыхъ крестьянъ и тридцать раненыхъ въ Харьковской губерніи. Смѣсь: Письмо изъ Москвы. Иконоборецъ и идолопоклонникъ. Свой наказанный принцъ. Розги въ Остзейскихъ провинціяхъ.

№. 199.—1 Іюля.

Письма къ путешественнику (Письмо второе). Освобождение крестьянъ въ Грузіи (Окончаніе). Смѣсь: Н. Серно-Соловьевичъ и пр. Что городъ то поровъ. Гр. Строгонова, Строгій прусскій генералъ-адъютантъ, услужливый король и влюбленный принцъ. Народная Лѣтопись. Государственная тайна

№. 200.—15 Іюля.

Дѣло Серно-Соловьевича. Протестъ В. Касаткила. Два письма Я. Домбровскаго. По поводу письма Некандера къ государю. Письма къ путешественнику (Письмо третье). Смѣсь: Все еще горитъ Россія. Прибавленіе: Посланіе къ Поповцамъ.

№. 201.—1 Августа.

Русскія реформы (II. Цензурный уставъ). Письма къ путешественнику (Письмо четвертое). Наши будущіе адвокаты передъ “Моск. Вѣдомостями”. Еще о Я. Домбровскомъ. Смѣсь: Старовѣры и Евреи. “Московскія Вѣдомости”. La bouche ou la vie! Офицеръ Бейдеманъ.

№. 202.—17 Августа.

Русскія реформы (II. Цензурный уставъ, Окончаніе). Письма къ путешественнику (Письмо пятое). Смѣсь: Нарушеніе общественнаго спокойствія въ Тифлисѣ. Русскій прогрессъ. Официальное опроверженіе. “Кіевлянинъ”.

№. 203.—1 Сентября.

Отъ издателей. Письма къ путешественнику (Письмо шестое). Вояжъ съ дороги. Счастливые сврещ. Моши Дмитрія Ростовскаго. Смѣсь: До судебной реформы. Профессоръ Шефферъ. Пигиисты фанатичные монетчики. Изъ Нижняго. Изъ Тифлиса. Неудачная прогулка. Объявленія.

№. 204.—15 Сентября.

Въ редакцію “Пиваида”. Агентство Герцена въ Тульчѣ и “Московскія Вѣдомости”. Изъ Тифлиса. Юнскіе дни въ Тифлисѣ. Смѣсь: Первая ретирада. Изъ Сибири и Казани. Изъ Петербурга. Объявленія.

№. 205.—1 Октября.

Кепчина М. Л. Михайлова. Казанскій заговоръ. Отрывокъ изъ V части “Былаго и Думы”. Современныя замѣтки. Смѣсь: Письмо къ издателю “Отголосковъ”. Отвѣтъ на предложеніе “Московскихъ Вѣдомостей”. Цинц-ропствующій Кауфманъ. Смертный приговоръ. Спиритизмъ въ Петербургѣ. Отъ издателей.

№. 206.—15 Октября.

Лжецы. Казанскій заговоръ (Окончаніе). Вѣроисповѣданіе Молокановъ. Смѣсь: Дерущійся по дорогамъ губернаторъ и нѣжный мужъ. Режимъ Кауфмана. Кузкі Павловская сенатція. Такса за доносы. Катковъ заводитъ кулачные бои. Совѣтъ всѣмъ имѣющимъ въ своей фамилии слогъ “Герцъ”.

№. 207.—1 Ноября.

Агентство въ Тульчѣ. Отрывокъ изъ V части “Былаго и Думы” (Продолженіе). Вѣроисповѣданіе Молокановъ. Смѣсь: Письмо изъ Москвы. Premier Avertissement къ характеристикѣ военныхъ судовъ. Всякій разстрѣливаетъ. Герцогъ Гвгеній Лейхтенбергскій. Кузнецъ Сомовъ и пр.

№. 208.—15 Ноября.

Кельсева и Емилія Ривъ. Дѣло Н. Андрущенко. Изъ Грузіи. Смѣсь: Убийства своимъ чередомъ. Местьниковъ и духовные пути сообщенія. Поцалуй Кауфмана.

№. 209.—1 Декабря.

Запросъ гг. издателямъ русскихъ партикулярныхъ журналовъ. Къ концу года. Дѣло Н. Андрущенко (Продолженіе). Смѣсь: Chamber of Honor. Поджигатели и поддѣлы. Наши будущіе перы и наши прошлые англомамы. Николай какъ ораторъ. “Колоколъ” на 1866

№. 210.—15 Декабря

Къ концу года (Окончаніе). Дѣло Н. Андрущенко (Продолженіе). Смѣсь: Первое зипрещеніе, первое предостереженіе, первый судъ Лукашевъ и Масловскій. Отецъ Мартыновъ и отецъ Самаринъ “Колоколъ” на 1866 годъ.